

**САМАРҚАНД ШАҲРИ
ҲОКИМИЯТИ**

**КОНРАД АДЕНАУЭР
ФОНДИ**

**АМИР ТЕМУР: ШАХСИНИНГ
ЗАМОНДОШЛАРИ ТОМОНИДАН
БАҲОЛАНИШИ ВА ФАОЛИЯТИНИНГ
МУСТАҚИЛ ЎЗБЕКИСТОН УЧУН АҲАМИЯТИ**

**Конференция ҳақида ҳисобот
Амир Темурнинг 660 йиллигига
бағишланган халқаро симпозиум материаллари
(Самарқанд, 1996 йил, 27-29 сентябрь)**

*Тошкент
1997*

1996 йилда Марказий Осиёда Амир Темурнинг 660 йиллиги кенг нишонланди. 1336 йилда туғилиб, ўзининг сўнгги ҳарбий юриши пайтида Хитойга кетаётиб, йўлда вафот этган бу буюк сиёсий арбоб ўзи ҳукмронлик қилган даврда жуда кўп ерларни забт этди ва уларнинг барини бир бутун империяга бириштирди.

Темурнинг ўз даврига кўрсатган таъсири аҳамиятини илмий нуқтаи назардан баҳолаш учун халқаро симпозиум ташкил қилинди ва у Темурийлар империяси пойтахти бўлган Самарқанд шаҳрида ўтказилди.

Ренессанс даврида Темурланг номи билан танилган Амир Темур ҳақида ҳанузгача турли фикрлар мавжуд.

Тарих сабоқлари шуни кўрсатадики, Амир Темурдек буюк шахсларга нисбатан муносабат турли даврларда турлича бўлган.

Бир томондан у 1402 йилда Усмонийлар султони Боязидни мағлуб қилиб, халқни унинг истилосидан озод қилган халоскор сифатида, вайрон бўлган Мовароуннаҳр ўрнида йирик давлат барпо этган ҳукмдор сифатида кўнрагга кўтариб мақталган. Иккинчи томондан, Кристофер Марло қаламига мансуб "Темурланг" драмасида у энг шафқатсиз ҳукмдор деб тасвирланган. Совет тузуми йилларида унга берилган тавсифларни умуман гапирмаса ҳам бўлади.

Худди Шекспир каби, биз ҳам ўзимизга: "Инсон - қандай усталлик билан яратилган мавжудот бу!" - деган саволни беришимиз мумкин.

Темур ва Темурийлар давридан Самарқанд, Шаҳрисабз, Хирот каби қатор гуллаб-яшнаган шаҳарларда санъат, маданият ва меъморчилик асарлари ёдгорлик бўлиб қолган.

Илмнинг кучини исботлаш ва инсон ва ҳукмдор Амир Темур, Соҳибқирон аслида ким бўлганини аниқлаш ва муаммонинг энг туб мантқиғига етмоқлик учун ўзбек олимлари ва уларнинг бутун Марказий Осиёлик ҳамкасблари биргаликда меҳнат қилмоқдалар.

Симпозиум ташкилотчилари Германия, Франция, Россия ва Ўзбекистон референтларига уларнинг симпозиум ўтказилишига қўйган ҳиссалари, мазкур нашрнинг таркибий қисми бўлмиш маърузалари учун ўз миннатдорчиликларини билдирадилар.

Ўзбекистон Республикаси ҳукуматига, шунингдек, мақсадимизни амалга оширишда ҳам сўзда, ҳам ишда ёрдам кўрсатган шахсан Буюк Британия, Франция Республикаси ва Германия Федератив Республикасининг Элчиларига алоҳида миннатдорчилик билдирали.

Азиз Носирович Носиров
Самарқанд шаҳри ҳокими

Вольфганг Шрайбер
Конрад Аденауэр Фондиниинг
минтақавий мухтор вакили

СИМПОЗИУМ ИШТИРОКЧИЛАРИ ВА МЕҲМОНЛАРИ

Мазкур симпозиумда Ўзбекистон Республикаси раҳбариятининг вакиллари ва Ўзбекистон Республикаси Олий Мажлисининг ноиблари; Германия Федератив Республикаси, Буюк Британия ва Шимолий Ирландия Бирлашган Қироллиги, Франция Республикаси элчилари; вилоят, шаҳар ва туманларнинг ҳокимлари (Самарқанд вилояти ҳокими, Самарқанд шаҳри ҳокими, туманларнинг ҳокимлари, ҳокимларнинг муовинлари ва бўлинмалар раҳбарлари); олимлар (Ўзбекистон Республикаси Фанлар Академияси СО раиси, университет /Самарқанд Давлат Университети/ ва институтлар /Самарқанд чет тиллар институти, Самарқанд қишлоқ хўжалиги институти, Самарқанд кооператив институти, Самарқанд Давлат архитектура ва қурилиш институти, Тошкент Давлат юридик институти/ ректорлари, илмий-тадқиқот институтлари /Марказий Осиёни тадқиқ этиш Халқаро институти, Археология институти/, кутубхоналар /Вилоят илмий кутубхонаси/ва музейлар /Самарқанд Давлат музей-қўриқхонаси, "Регистон" музейи, "Афросиёб" музейи/ директорлари, Ўзбекистон, Озарбайжон, Қозоғистон, Қирғизстон, Россия, Тожикистон академиклари ва профессорлари, немис ва француз тадқиқотчилари); бизнес олами вакиллари (фирмалар, акциядорлик жамиятлари, қўшма корхоналар, заводлар ва бирлашмалар, хусусий фирмалар); жамоат ташкилотлари ва касаба уюшмалари фаоллари ("Тадбиркорлар Ассоциацияси", "Тадбиркор Аёл", "Қизил хоч ва ярим ой", "Ахборот ва менеджмент маркази" ва ҳ.к.); ёзувчилар, санъатшунослар, театрлар ва музейлар ходимлари (Вилоят ёзувчилар уюшмасининг раиси, Ҳамза номидаги санъатшунослик институти директори, Навоий номидаги Давлат Академик Катта театри директори); мактаб ўқитувчилари; "Ўзбектуризм" ходимлари иштирок этдилар.

Симпозиум иши оммавий ахборот воситалари: телевидение (Ўзтелерадио Раисининг биринчи муовини, ЎзТВ "Ахборот" дастурининг муаллифлари, ЎзТВ IV канали, Самарқанд телевидениеси, Россия Жамоат Телевидениеси), радио (Ўзбекистон радиоси, "Тошкент" радиоси, Москва халқаро радиоси), ахборот агентликлари (Ўзбекистон Ахборот агентлиги, Россия Интерфакси), республика ва вилоят рўзномалари ("Правда Востока", "Маърифат", "Овози Самарқанд", "Самарқандский вестник", "Зарафшон" ва ҳ.к.) томонидан кенг ёритилди.

МУНДАРИЖА

Симпозиум иштирокчилари ва меҳмонлари.....3

Симпозиумнинг очилиши

*Ўзбекистон Республикаси Бош Вазирининг ўринбосари
проф. Алишер Азизхўжаев*.....9

*Конрад Аденауэр Фондининг минтақавий мухтор вакили
Вольфганг Шрайбер*.....11

*Германия Федератив Республикасининг Ўзбекистон
Республикасидаги Элчиси д-р Райнхарт Биндзайль*.....12

*Буюк Британия ва Шимолий Ирландия Бирлашган
Қироллигининг Ўзбекистон Республикасидаги Элчиси
Барбара Хей*.....13

*Франция Республикасининг Ўзбекистон Республикасидаги
Элчиси Жан Клод Ришар*.....15

XIV АСРДА МАРКАЗИЙ ОСИЁДАГИ СИЁСИЙ ВАЗИЯТ

*Ўзбекистон Республикаси Фанлар Академияси академиги,
Халқаро Амир Темур Фонди бошқаруви раиси,
Ўзбекистон Республикаси Фанлар Академияси
Президентининг маслаҳатчиси д-р проф. Бўрибой Аҳмедов*.....16

*Марказий Осиёни тадқиқ этиш Халқаро институти
директори д-р проф. Ашраф Аҳмедов*.....19

РЕНЕССАНС ДАВРИ БОШЛАНИШИДА АМИР ТЕМУР ВА МАРКАЗИЙ ОСИЁНИНГ ЕВРОПА ТОМОНИДАН ТАНИЛИШИ

*Геттинген шаҳри Георг Август номли университетнинг
араб филологияси факультети декани
д-р проф. Тильман Нагель*.....33

УСМОНИЙ ТУРКЛАР ТАРИХИДА ТЕМУР СИЙМОСИ ҚИЁФАСИНИНГ ЎЗГАРИШИ

*Франция илмий тадқиқотлар Миллий маркази директори,
проф. Жан-Луи Баке-Граммон*.....42

АНЪАНА - СИЁСИЙ АҲАМИЯТГА ЭГА БЎЛГАН ҲОДИСА: ТЕМУР ОҒЗАКИ АФСОНАЛАР ҚАҲРАМОНИ	
<i>Людвиг Максимилиан номли Мюнхен университетининг этнография ва африканистика Институтининг д-р Андреа Шмитц.....</i>	44
ДИСКУССИЯ.....	52
ТЕМУР - МАРКАЗЛАШГАН ДАВЛАТ АСОСЧИСИ	
<i>Ўзбекистон Республикаси Фанлар Академияси Шарқшунослик институти, тарих фанлари номзоди Азамат Зиёев.....</i>	56
"ОЛИЙЖАНОБЛИК ВА ҚАТТИҚҚЎЛЛИК" - АМИР ТЕМУР ДАВРИДА ҲУҚУҚИЙ ОНГ: БУ ЗАМОНАВИЙ ДАВЛАТНИНГ ИСТИҚБОЛЛИ АСОСИ БЎЛА ОЛАДИМИ	
<i>Самарқанд вилояти ҳокими Алишер Мардиев.....</i>	69
ҚАДИМГИ ЮНОНИСТОНДА ҲУҚУҚ ВА ҲУҚУҚИЙ АНЪАНАЛАР	
<i>Франциядаги Марказий Осиёни ўрганиш институти директори д-р проф. Пьер Шувен.....</i>	78
ҒАРБИЙ ЕВРОПАДА ҲУҚУҚИЙ ДАВЛАТНИНГ РИВОЖЛАНИШИ	
<i>Франция Республикасининг Ўзбекистон Республикасидаги элчихонаси вақтинчалик ишончли вакили д-р проф. Алэн Пелукс.....</i>	83
ЎТМИШДА ВА ҲОЗИРГИ ЗАМОНДА ДАВЛАТ ЛЕГИТИМЛИГИ АСОСЛАРИ: ДИН ВА СИЁСАТ ЎРТАСИДАГИ ЎЗARO МУНОСАБАТ МАСАЛАСИГА ОИД	
Ўзбекистон нуқтан назаридан:	
<i>Тошкент Давлат юридик институти ректори, Ўзбекистон Республикаси Олий Мажлиси ноиб д-р проф. Ҳалим Бобоев.....</i>	92
Европа нуқтан назаридан:	
<i>Цюрих университети фалсафа факультети д-р проф. Герман Люббе.....</i>	101

**ДИН ВА СИЁСАТ ЎРТАСИДАГИ ЎЗARO МУНОСАБАТ
МАСАЛАСИГА ОИД: ЭТИКА СОҲАСИДАГИ ЎЗARO
БОҒЛИҚЛИК**

*Виттенберг-Галле шахри Мартин Лютер номли
университетининг шарқшунослик институти,
д-р проф. Юрген Пауль.....* 108

ДИСКУССИЯ..... 111

ТЕМУР ВА ТЕМУРИЙЛАР ДАВРИДАГИ САМАРҚАНД

*Германия Федерал китоб савдоси Тинчлик мукофоти соҳиби,
д-р проф. Аннемари Шиммель.....* 117

*Ўзбекистон Республикаси Фанлар Академияси
Самарқанд шахридаги археология институти директори,
д-р проф. Темир Ширинов.....* 124

**АМИР ТЕМУР ДАВРИДА ТОШ ВА ЁҒОЧГА ИШЛОВ
БЕРИШ САНЪАТИ**

*Берлиндаги Ислон санъати музейи
д-р Йоахим Гирлихс.....* 131

**БОЙСУНҒУР МИРЗО — САНЪАТ ҲОМИЙСИ,
СИЁСАТЧИ ВА ЖАНҒЧИ**

*Россия Фанлар Академиясининг академиги,
Санкт-Петербургдаги ЛОУВАН РАН форс бўлими мудири
проф. Олег Акимовкин.....* 143

**АМИР ТЕМУР СИЙМОСИ ТАЛҚИНЛАРИ:
ҲАҚИҚАТ ВА БАДИИЯТ**

*Тошкент шахридаги Ҳамза номли санъатушунослик
институти директори д-р проф. Тўхтасин Гафурбеков.....* 146

**"ҲУҚМДОР АМИР ТЕМУР - ҲОЗИРГИ ЗАМОН
МАРКАЗИЙ ОСИЁСИ УЧУН САБОҚ ВА АҲАМИЯТ"
МАВЗУСИДА ДАВРА СУҲБАТИ.....** 156

ХУЛОСА..... 162

РЕЗОЛЮЦИЯ..... 164

СИМПОЗИУМНИНГ ОЧИЛИШИ

*Ўзбекистон Республикаси Бош Вазирининг ўринбосари
д-р проф. Алишер Азизхўжаев*

Биз бутун қадимий давлатнинг пойтахти ва буюк тарихий воқеаларнинг гувоҳи бўлган Самарқанд шаҳрида, Амир Темур яратган ва юксалтирган шаҳарда йиғилдик. Меъморий ёдгорликларга бой бу шаҳарнинг ҳар бир гишги ўз даврининг даҳоси бўлган буюк амир ҳақида эслатиб туради. Айни шу шаҳарга Соҳиб-ул-қирон¹ ўз қалбини ва донолигини бахшида этган. Марказий Осиё давлатларининг биринчи марказларидан бўлган Мароқанд (Самарқанд) шаҳрида минг йиллар давомида жуда кўп тарихий воқеалар юз бердики, улар умуман цивилизациянинг шаклланиши ва ривожланишига таъсир кўрсатдилар. Бу ерда машҳур сулолалар инқирозга юз тутиб, уларнинг ўрнида янги давлатлар барпо бўлди, бу ердан шундай қарвонлар ўтдики, улар фақат мол ташиш билангина шугулланмай, балки бошқа мамлакатлар ҳаёти ҳақидаги бебаҳо билимларни тарқатдилар. Лекин Самарқанднинг ҳақиқий буюклиги ва унинг дунёвий аҳамияти аввало Амир Темур номи билан боғлиқдир ва биз уни фахр ва ҳурмат туйғуси билан тилга оламиз. Айнан Темур ва темурийлар даври деб ном олган даврда Самарқанд улкан империянинг пойтахти бўлди.

Кўҳна Турон ва Буюк Ипак Йўли шухратини тиклаш, Мовароуннаҳр халқларини энг бадавлат ва гуллаб-яшнаган халқларга айлантириш, Самарқанднинг донгини оламга ёйиш Соҳиб-ул-қироннинг юксак орзуси эди. Амир Темур: "Биз ким амири Туркистон, мулки Туронмиз, энг кўҳна ва буюк миллат - туркларнинг бош бўғинимиз", деган машҳур сўзларни айтганда у бутунлай ҳақ бўлган.

Ён-атрофда жойлашган аҳоли манзилларига дунёдаги буюк давлатлар пойтахтларининг номлари берилганлиги ҳам бежиз эмасдир. Маълумки, Соҳиб-ул-қирон тарихга мамлакат мустақиллиги учун курашни яратувчилик ишлари билан муваффақиятли уйғунлаштира олган улуғ арбоб, Шарқ ва Ғарб мамлакатларида юксак обрўга эга бўлган буюк сиёсатчи ва дипломат сифатида қирган. Амир Темур ўз салтанатида жиноятчилик ва дайдиликни бутунлай қуритди. У давлат тепасида турган даврда

¹ Бу ерда ва кейинчалик тарихий исмлар, жўғрафий ва топографик номлар мағрузаларнинг муаллифлари томонидан тақлиф этилган шакли сақланган. Кенг қўлланилган исмлар ва номлар, масалан, Чингизхон, Мовароуннаҳр ва бошқаларнинг ёзилишида "Амир Темур в мировой истории" (Тошкент, Шарқ, 1996) китобидан намуна сифатида фойдаланилган.

халқ ижодий ва яратувчилик ишларига тўлиқ жалб қилинган эди. Соҳиб-ул-қирон ўз халқи учун доимо оталарча қайғулар ва уни лашкарлар жуда эъозлар эдилар, бу ҳақда унинг замондошлари бир неча бор ёзиб қолдирганлар. У фақат савдо, тadbиркорликка ғамхўр бўлиб қолмай, балки маориф, адабиёт ва санъат соҳасида ҳам ҳомийлик қилиб, халқнинг маънавияти ва маданиятини ривожлантиришга ҳам катта аҳамият берган. Бу анъаналар Президентимиз Ислоҳ Каримовнинг давлат, сиёсат ва илмий фаолиятида ҳам давом этиб келмоқда. Амир Темурнинг ҳаёти ва фаолияти Европа олимларининг тадқиқотларида доимо тарихий ҳақиқат сифатида ёритилганлиги таҳсинга сазовордир. Шу туфайли, ҳатто совет империяси шароитида ҳам, Амир Темур ҳақидаги ҳақиқат бизга Америкадан, Буюк Британиядан, Франциядан, Германиядан ва бошқа мамлакатлардан етиб келар эди. Бугунги кунда, мустақил Ўзбекистон шароитида, тарихий ҳақиқатни айтиш имконияти вужудга келганда қуйидаги фактни алоҳида айтиб ўтиш жоиздир. ХУ-ХУІІІ асрларда Соҳиб-ул-қирон тўғрисидаги ҳақиқатни Испанияда Рюи Гонзалес де Клавихо, Францияда архиепископ Жоан, Англияда Кристофер Марло, Эдуард Гиббон, Германияда Иоганнес Шильтбергер ёзган эди. Бу йилномачи-тадқиқотчиларнинг асарларида Петр 1, Буюк Фридрих, Наполеон Бонапарт каби улуғ тахт эгалари ва лашкарбошилар Амир Темурнинг давлат бошқаруви тажрибасидан кенг фойдаланган эдилар, деб таъкидланади. Бугунги кунда биз Амир Темурнинг ҳаёти ва фаолияти ҳақида жиддий тадқиқотлар олиб борган олима Хильда Хукхэм исмини чуқур миннатдорлик ҳисси билан тилга оламиз. У Соҳиб-ул-қироннинг меросини ўрганиш мақсадида бир неча бор Марказий Осиё давлатлари пойтахтларига ташриф буюрди. Унинг "Етти бурж ҳокими" деб номланган китоби Марказий Осиё халқлари ва Темурнинг шахсига бўлган чуқур ҳурмат билан суғорилган. Ҳозирги кунда бу нашр халқимизнинг сеvimли китобларидан бирига айланди. Биз Европанинг халоскори Темурнинг ҳайкали олтиндан қуйилган гўзал Францияга ўз ҳурматимизни изҳор этамиз. Ва, албатта, биз ҳозирги кунда хорижда Темур даврини тадқиқ этаётган олимларга ўз миннатдорчилигимизни билдирамыз. Биз Сизларни улуғ бобомизнинг тупроғида кўриб турганимыздан ва кутлашдан хурсандмыз.

Бугун Самарқандда кўп мамлакатлардан ташриф буюрган машҳур олимларнинг йиғилганлиги бежиз эмас. Бу Соҳиб-ул-қироннинг хизматлари бугун дунёда тан олиншининг белгисидир. Амир Темур бугун ҳам мустақил Ўзбекистон манфаатларига,

унинг гуллаб-яшнашга хизмат қилмоқда, у давлатимизнинг ифтихори ва улуғворлиги рамзидир. Ўзбекистон Республикаси Президенти Ислон Каримов айтганларидек, Амир Темур шахси халқимизни улуғ ишларга руҳлантиради, миллатни жипслаштиради, кўнгилларимизда эртанги кунга бўлган ишонч ҳиссини уйғотади. Давлатимиз раҳбари яна шундай деган эдилар: Амир Темурнинг тарихий аҳамияти шундаки, унинг фаолияти туфайли Осиё ва Европа давлатлари тарихда биринчи марта ягона жўрофий-сиёсий маконнинг аҳамиятини тушуниб етдилар.

Амир Темурнинг ватанида мустақилликка эришилгандан сўнг у ҳақда, ўз юртининг озодлиги ва бахт-саодати учун куйиб-ёниб яшаган инсон ҳақида ҳақиқат юзага чиқди. Соҳиб-ул-қироннинг хизматлари фақат бизнинг мамлакатимизда эмас, балки дунёнинг бошқа қисмларида ҳам тегишлича эътироф қилинди. Амир Темурнинг 660 йиллигига бағишланган бугунги халқаро симпозиум бунинг ёрқин далилидир. Шубҳасиз, мазкур симпозиум ўз тараққиёт йўлини танлаган мустақил Ўзбекистон халқи, шунингдек, Марказий Осиё халқларининг дунё ҳамжамияти билан яқинлашувига хизмат қилади.

*Конрад Аденауэр Фондининг мимтақасий
мухтор вақили Вольфганг Шрайбер*

Икки йил аввал Самарқанд шаҳри ҳокими Азиз Носиров кичик бир қабул маросимида биринчи бор шундай симпозиумни ўтказиш юзасини ўртага ташлаганда, гап худди узоқ келажак ҳақида бораётгандек туюлган эди. Уша пайтда Тошкентдаги Амир Темур музейи ҳам, Амир Темур Фонди ҳам йўқ эди. Амир Темур Фонди Раиси академик Б.А.Аҳмедовга алоҳида саломини етказмоқчиман, афсуски у киши оғир дард туфайли бу учрашувимизга кела олмадилар. Бу симпозиумни режалаштириляётган вақтда "Темурланг" операсининг партитураси Германияда, Галле-Заале шаҳрининг Гендель архивида, ишлов берилмаган ҳолда ётган эди. Лекин, маълумки, вақт жуда тез ўтади, ва биз - Самарқанд шаҳри ҳокимияти, Амир Темур Фонди ва Конрад Аденауэр Фонди - Сизларни Амир Темурнинг собиқ қароргоҳи ўрнида жойлашган шу гўзал меҳмонхонада кўриб турганимиздан хурсандмиз. Мен Ўзбекистон ҳукуматида, шунингдек, ўзбек давлати Президенти Каримов жанобларига шахсий ёрдамлари учун ўз миннатдорчилигимни билдирмоқчиман. Мен профессор Тильман Нагель жанобларига дастлабки маслаҳатлари учун, Франциядаги Марказий Осиёни ўрганиш институти директори профессор Пьер Шувен жанобларига эса сермахсул ҳамкорлиги учун

миннатдорчилик билдираман, бу ҳамкорлик симпозиум ишига нафақат Германиядан, балки Франция ва Италиядан олимларни жалб қилиш имконини берди. Самарқанд шаҳридаги Археология институти директори профессор Темур Ширинов жанобларига мен Ўзбекистон ва Россиядан маърузачиларни танлаб олишдаги маслаҳатлари ва ёрдамлари учун миннатдорчилик билдираман.

◆ Амир Темур ким эди, унинг ўз давридаги ўрни қандай бўлган ва унинг ҳозирги Ўзбекистон учун, Марказий Осиё учун аҳамияти қандай?

Бу ва бошқа саволларга симпозиум иши давомида жавобларни олиш мумкин бўлади. Биз Амир Темур замондошларининг фикрига ҳам мурожаат қиламиз. Тильман Нагель уларни ўзининг "Жаҳонгир Темур ва ўрта асрлар охиридаги ислом дунёси" китобида даҳшатли даврнинг гувоҳлари деб атади. Бу китобда гап фақат урушлар ҳақида бормайди, унда биз Амир Темурнинг ҳозирги замонгача етиб келган ва бугунги кунда ҳам бизни, айниқса, ҳозир Самарқандда бўлиб турганларни мафтун қилаётган улуг ишлари, фикрлари ҳақида ўқиймиз. Эндиликда бутун дунёдан келган саёҳатчилар Мовароуннаҳр тарихидан бемалол, "темир парда"ни кўтариш заруриятисиз хабардор бўла олишлари айниқса кишини мамнун этади. Мен барчамизга Амир Темур даврига, шахсига ва давлатчилик ғояларига *sine ira et studio*, яъни, ортиқча уринишсиз ёндошишимизни тилайман. Умид қиламанки, биз симпозиум ёрдамида бунга эриша оламиз.

Германия Федератив Республикасининг Ўзбекистон Республикасидаги Элчиси д-р Райнхарт Биндзайль

Мен Ўзбекистонда сиёсий фонд сифатида фаолият кўрсатаётган Конрад Аденауэр Фонди давримизнинг энг долзарб тарихий мавзусини, яъни Амир Темур ва унинг даврини баҳолаш мавзусини муҳокама қилишга таклиф этганидан бағоят хурсандман. Бу мавзуга мурожаат қилиш Амир Темурнинг тарих ва ижтимоий ҳаёт тараққиёти нуқтаи назаридан тарихий аҳамиятини янада яққолроқ ёритиб беришга ёрдам беради. Бундай тадбирни ўтказиш учун Самарқанддан яхшироқ жойни ўйлаб топиш ҳам мушкул.

Амир Темур ҳозирги Ўзбекистон ҳудудида туғилган ва шу тупроққа дафн этилган. Ҳозирги ўзбек давлатининг ҳудуди Амир Темур ҳокимияти остида эди. Темурнинг этник келиб чиқиши масаласи ҳам шу ҳолатларни ҳисобга олган ҳолда кўриб чиқиши керак. Менинг фикримча, Амир Темур дунё миқёсида бугунги Ўзбекистон билан табиий боғлаб муҳокама қилинадиган шахс-

дир. Шубҳасиз, у ўз вақтида дунё тарихи тақдирини ҳал қилган энг машҳур тахт эгаларидандир. Буюк кишилар феълларида доимо ёруғ ва қоронғу томонлари мавжудлиги билан ажралиб турганлар. Амир Темур бу борада бизга жуда бой манба саналади. Мен симпозиум натижаларини олдиндан мақтовларга кўмиб юбормоқчи эмасман. Лекин, 1970 йилда чоп этилган Катта Совет Энциклопедиясида Амир Темурга бир неча қаторгина бағишланган бўлса, Майернинг 1908 йилги Катта Энциклопедияси (Meyers Grosses Konversationslexicon) Амир Темурга учдан бир бет жой ажратди. Аср бошида чоп этилган бу китобда Амир Темур мамлакат ичкарасида тинчлик ўрнатишга, сиёсий бошқарув ва ҳарбий ташкилотни такомиллаштиришга, давлат чегараларини кенгайтиришга интиланлиги ҳақида маълумотлар бор. Амир Темур ҳарбий юришларда қаттиққўл бўлиш билан бирга, тинч шароитда виждонли, доно ва адолатли бўлиб, фан ва санъатта ҳомийлик қилар эди. Кўз ўнгимизда буюк шахс тимсоли намоён бўлиб турибди. Симпозиум иши давомида биз учун бу ажойиб инсон шахсининг барча қирраларини ёритиш имконияти туғилди, шу вақтнинг ўзида биз Амир Темур давлатининг кўҳна пойтахтида бўлиб турганлигимиз ҳам катта бахтдир.

Мен симпозиум ишига чин қалбдан катта муваффақиятлар тиламоқчиман.

*Буюк Британия ва Шимолий Ирландия Бирлашган
Қиролигининг Ўзбекистон Республикасидаги
Элчиси Барбара Хей*

Самарқандни зиёрат қилиш ва шу симпозиумнинг очилиши маросимида ишгирик этиш, гарчи мен ўзимни шундай жиддий илмий даврада бирмунча ўнғайсиз хис қилаётган бўлсам-да, бу мен учун жуда ёқимлидир. Лекин мен ҳар вақт Самарқандни зиёрат қилиб ўтаётган саёҳатчилар асрий буюклик, донолик ва маърифат олдида лол қолганликларини эслайман ва бу мента бир оз таскин беради. Мен симпозиум дастури ва маърузачилар рўйхатини кўрганимда бизда Темурланг номи билан маълум бўлган Амир Темур ҳақидаги билимларимни кенгайтиришга қарор қилдим. Ҳар ҳолда Британияда Темурланг ҳақидаги мавжуд маълумотларнинг бирортаси ҳам аниқ ижобий баҳони аңлатмайди. Маълумотларнинг асосий қисми Кристофер Марлонинг биринчи марта 1590 йилда чиққан "Буюк Темурланг" пьесасида ўз ибтидосини топган. Амир Темур бу пьесада XIV асрнинг охирида қонли ҳарбий юришлар натижасида ҳозирги Россия, Ҳиндистон, Яқин Шарқ ва Туркия ҳудудидаги шаҳарлар ва

давлатларни босиб олган мўғуллар доҳийси сифатида тасвирланади. Темурланг Хитойга юришга тайёрланиш жараёнида, мағлуб бўлмасдан вафот этади. Унинг улкан империяси кейинчалик бўлиниб кетади.

Темурланг ички қувват, ўз-ўзига муҳаббат ва ижодий қобилиятларга эга бўлиб, бу хислатлари уни ҳаётда илгари бошлар, доимо янги-янги ерларни қўлга киритишга даъват этар эди. Марло пьесада Темурлангнинг қуйидаги сўзларини келтиради: "Мен шаҳарларингизни ва тилло қасрларингизни босиб олавераман, бузавераман ва ютиб юборавераман; булуглар билан жанг қилиб, осмонни тешиб ўтган алангада юлдузларни эритиб юбораман".

Афсуски, Лондондаги Ташқи ишлар вазирлиги томонидан юборилган бир неча йирик жилдлар ва айниқса, қатъий мақсад бор бўлишига қарамасдан, мен бу масалани жиддий ўрганишга вақтим ва имкониятим бўлмади, Темурлангни оммавий тарих ва драматург Марло ҳаққоний баҳолаганликлари ҳақида бир қарорга ҳам кела олмадим.

Симпозиумнинг олдида қўйилган асосий муаммо - Темур номи атрофида вужудга келган тарихий афсоналарнинг замонавий сиёсий дастурларга ва ўтмишни тушунишга кўрсатадиган таъсирини қандай баҳолашдадир. Тарихий воқеалар ва шахсларни баҳолашда адолат ғалаба қиладими, йўқми - бу савол ҳозиргача очиқ қолмоқда.

Менимча, шу туфайли миллий ўзликни англаш, эътиқод тинчликларни, кишиларнинг ўзлари билан давлат ўртасидаги муносабатларини тушуниб етиши масаласи алоҳида долзарб бўлиб қолмоқда. Табиийки, халқ ўзидан, мамлакатидан фахрланишни, ўтмишдан энг яхши намуналарни олишни истайди. Бунга ҳар хил йўллар билан эришиш мумкин. Ўтмишни, ва ҳатто, ҳозирги замонни ҳам тўғридан-тўғри, тантанали ўқиб қўя қолиш мумкин. Лекин бу муносабат турфа ва ўзаро боғлиқ бўлган замонавий дунёга мос келмаса керак. Танлаш мумкин бўлган муқобил йўллардан бири - стереотипларни қайта кўриб чиқиш, ўз мамлакатига янгича назар солиш, ҳар бир фуқаро ҳақиқатга яқин, замонавий очиқ ва тўғри ахборотни олиши мумкин бўлган йўлдан боришдир. Албатта, бу оддий вазифа эмас. Уни амалга ошириш учун довюрак бўлиш, бир вақтнинг ўзида инсон ҳаётининг мақсадини белгилайдиган ҳам чуқур иқтисодий, ҳам сиёсий, ҳам ижтимоий ислохотларни олиб бориш муҳимдир. Бу орзуга эришиш учун кўпгина мамлакатлар, шу жумладан, менинг мамлакатим ҳам тинмай меҳнат қилиб келмоқда. Тўғри, биринчи йўл иккинчисига нисбатан осонроқ.

Миллий ўзликни англаш масаласини ҳал қилишда бошқа мамлакатларнинг тажрибасини қўллаш мақсадга мувофиқдир. Бу тажриба ўз мамлакатини тушуниш, соғлом ақл ва кенг юракли фуқароларни тарбиялаш учун қанчалик катта аҳамиятга эга эканлигини бугунги даврада айтиб ўтириш шарт эмас. Бироқ, ўзгаларнинг тажрибасини ўрганиш - саёҳатлар, кишиларнинг учрашувлари, фикр алмашиш, ўзаро ҳурмат ва эътиборнинг ўрнини бир-бирини ўрганиш ва тушуниш услуги сифатида боса олмайди. Шу залда йиғилганлар бир-бирларини тушунишлари, қўйилган масалаларни муҳокама қилишлари ва умумий хулосалар чиқаришлари учун олдинда икки кун вақт бор. Афсуски, мен шу вақт ичида узлуксиз сизлар билан бирга бўла олмайман. Умид қиламанки, муҳокама қизгин ва ҳаққоний бўлади, унинг натижалари билан мен албатта танишиб чиқаман, чунки мен сизлар Амир Темурни ва унинг ҳозирги Ўзбекистон учун аҳамиятини қандай баҳолаганларингизни, бу масалани тушунишда сиз нима янгиликлар таклиф қилганларингизни билишни истайман.

*Франция Республикасининг Ўзбекистон Республикасидаги
Элчиси Жан Клод Ришар*

Тошкент-Самарқанд-Амир Темур. Францияликлар бу шаҳарларни кўришни ва улуғ тарихий арбоб ҳақида кўпроқ нарсаларни билишни орзу қиладилар. Амир Темурнинг номи Францияда у ҳаётлик вақтидан бери яхши таниш. Бу шахснинг Франция маданияти билан маънавий алоқалари бўлганлиги ҳам аниқ, чунки Амир Темур Франция қироллари каби маданият ва санъатга ҳомийлик қилган.

Амир Темур кўп мамлакатларни қўлга киритган. У буюк жангчи эди, лекин халқларнинг хотирасида у ўзининг қурган иморатлари ва яратувчилик ишлари билан сақланиб қолган. Францияда Регистон ва Самарқанднинг бошқа дурдоналари яхши маълум, кўп французлар бу осори атиқаларни ўз кўзлари билан кўришни истайдилар.

Амир Темур ва Франция ўртасида сиёсий муносабатлар мавжуд бўлган. Францияда Амир Темурнинг Карл IV га йўллаган мактуби сақланади. Франция Президенти Ширак Ўзбекистон Президенти Каримов Парижда бўлган вақтида унга мактубнинг нусхасини топширди. Бугун шу нусха илк бор Самарқанд аҳолисига топширилади.

Мамлакатларимизнинг кўп асрлик алоқаларини фақат Ўзбекистон ва Франция, Марказий Осиё ва Европа ўртасидаги ҳам-

корлик деб эмас, балки бутун дунё мамлакатларининг ўзаро қардошлиги тимсоли деб баҳолаш тўғри бўлади.

XIV АСРДА МАРКАЗИЙ ОСИЁДАГИ СИЁСИЙ ВАЗИЯТ

*Ўзбекистон Республикаси Фанлар Академияси
академиги, Халқаро Амир Темури Фонди бошқаруви
раиси, Ўзбекистон Республикаси Фанлар Академияси
Президентининг маслаҳатчиси д-р проф. Бўрибой Аҳмедов*

Етти дарё, Или водийси, Қашқар (Шарқий Туркистон), Мовароуннаҳр, Хоразмнинг жанубий-ғарбий қисми, шунингдек, Амударёнинг чап қирғоғи ҳудудининг бир қисмини ўз ичига олган Чигатой улуси XIV асрнинг 40-йилларида икки мустақил бўлакка бўлиниб кетди. Улуснинг Етти дарё, Или водийси, Тянь-Шань этаклари ва Қашқарни ўз ичига олган шимолий-шарқий қисми "Жети" (мўғулча "қароқчи", "талончи") номини олди. Тарихий адабиётларда улуснинг бу қисми Мўғулистон деб юритилади. Бу мамлакатнинг асосий аҳолиси кўчманчилардан иборат эди. Улуснинг Мовароуннаҳр, Хоразмнинг жанубий-шарқий қисми ва Амударё ортини ўз ичига олган қисмида асосан ўтроқ ҳаёт кечирувчи аҳоли кўп эди. Чингизхон давридаёқ бу ерга кўчиб ўтган турк-мўғул қабилалари маҳаллий аҳоли билан аралашиб кетдилар ва ўтроқ бўлиб қолдилар.

Чигатой улусининг бўлиниб кетиши искала мамлакатнинг фақат хўжалик ҳаётига катта зарар келтирибгина қолмай, балки уларнинг ижтимоий ва сиёсий барқарорлигига ҳам путур етказди. Улуснинг ғарбий қисми айниқса оғир аҳволда қолди. Қозонхон (1338-1346) феодалларнинг ўзаро урушларини бартараф этишга ҳаракат қилди, лекин бу ишда муваффақиятга эриша олмади. Қарши яқинидаги жангда уни амир Қозағон мағлубиятга учратди. Ҳокимият Қозағон ва улус амирлари қўлига ўтди, расмий равишда тахтда ўтирган Чингиз авлодининг вакили эса кўғирчоқ ҳоким бўлиб қолди.

Амир Қозағон улус амирларини ўз раъйига бўйсундира олмади ва мамлакатда ўзаро душман бўлган ундан ортиқ бекликлар вужудга келди. Масалан, Кешда ва вилоятда мустақиллик андозасини Ҳожи барлос тутиб турар эди, Хўжанд ва Ўратепада Боязид жалойир ўз мустақиллигини эълон қилди, Таткент ва Сарипулда (Самарқанд вилояти) Хизр Ясаурий ўзини "Оллоҳнинг ердаги сояси", деб танитди. Амир Кайхусрав (Хутталан) ва Ўлжай-Бўка сулдус ҳам худди шундай қилдилар.

Мўғулистон хони Туғлуқ Темур (1348-1363) бўлгачи, дуғлат ва бошқа қабилаларнинг ёрдами билан мамлакатда ижтимоий-сиёсий аҳволни барқарорлаштиришга эришди. Вужудга келган вазиятдан фойдаланиб, Туғлуқ Темур кўп сонли лашкарлари билан Мовароуннаҳрга ҳужум қилди. Мамлакатни ҳимоя қиладиган ҳеч ким йўқ эди, чунки улус беклари мўғуллар билан жанг қилиш учун бирлаша олмаган эдилар: уларнинг бир қисми беркиниб олдилар, қолганлари эса Мўғулистон хонига хизмат қилишга ўтиб кетди. Амир Темур ҳам Мўғулистон хонининг ҳокимлигини тан олишга мажбур бўлди. Лекин, шунга яраша, у бир томондан баъзи имтиёزلарни қўлга киритган бўлса (Туғлуқ Темурхон унга Кеш ва вилоят ҳокими мансабини тақдим қилди ва Қарши ортига мўғул босқинчиларини юбормасликка ваъда берди), иккинчи томондан у усталик билан ўз тарафдорларини йиға бошлади ва лашкарни кучайтириб олди. Бу Амир Темурга Туғлуқ Темурхоннинг вафотидан сўнг мўғуллар ва уларнинг янги хони Илёсхўжа билан курашни бошлаб юборишга имкон берди. Кескин жанглардан сўнг, 1370 йилнинг баҳорида Амир Темур мўғулларни Мовароуннаҳр чегараларидан ҳайдаб чиқарди ва ўз ҳокимиятини ўрнатди. Ҳокимиятни ўз қўлида тутиб туриш учун у бекларнинг сепаратизмини тугатиши, Хоразмнинг Чигатой улусига тегишли бўлган жанубий-шарқий қисмини Олтин Ўрда қўлидан озод қилиши ва давлатнинг шимолий ҳамда шимолий-шарқий чегараларини мустаҳкамлаши зарур эди.

Эндигина тузилган Амир Темур давлати учун икки асосий хавф мавжуд эди: шимолда Оқ Ўрдада Ўрисхон (1361-1375) ва Мўғулистонда Камариддин, Анқа тўра, Мир Ҳақберди, Мир Каримберди ва б. Ўрисхон рақибларини енгиб, Оқ Ўрда тахтини қўлга киритди. 1376 йилда у ўз ўрдаси билан Сирдарёнинг ўрта оқимида пайдо бўлди, қатор йирик шаҳарларни (Сауран, Сигнак ва б.) босиб олди ва бу билан жиддий хавф ўчоғини вужудга келтирди.

Бу вақтда Мўғулистонда Камариддин ва Анқа Тўра фаоллашиб кетди. Камариддин 1369 йили Илёсхўжа ва унинг бутун эркак жинсига мансуб авлодини қириб ташлади. Сиёсий ҳокимиятни қўлга киритгач, у ўз лашкарларини Фарғона ва Сайрам чегараларига яқин олиб келди. Камариддин бир неча бор бу вилоятларга бостириб кириб, тинч аҳолини талади. Анқа Тўра ўз ерида туриб (Кўкча-тенгиз, яъни Балхаш кўли худуди) Темур-Кутлуғ ва Олтин Ўрда тахтига кўз тиккан бошқа хонлар билан иттифоқ тузишга ҳаракат қилар эди. Вужудга келган аҳвол Амир Темур-

нинг Мўғулистонга XIV асрнинг 70-йилларида қилган етти маротаба катта ҳарбий юришларига сабаб бўлди. Амир Темурнинг сўнгги кучли зарбаси Мўғулистоннинг асосий кучларини яқсон қилди. Мовароуннаҳрнинг жанубий, жанубий-ғарбий чегаралари ҳам нотинч эди. 1336 йилда бир вақтлар кучли бўлган ва Эрон, Озарбайжон ва Ироқни қўл остида тутиб турган Элхонийлар давлати халқ кўзғолонлари ва Сарбадорлар ҳаракати (1336-1381) зарбалари остида емирилди. Мамлакат маҳаллий сулолалар томонидан бошқариладиган кичик ҳудудларга ажралиб кетди. Масалан, Хуросон учта гуруҳ: Сарбадорлар, Қарллар (қурдиар), Жони Курбонийлар қабиалари дохийлари ўртасида бўлиниб қолди. Жанубий Эрон Музаффарийлар маҳаллий сулоласи қўлига ўтди. Журжон вилоятида Саййидлар ўз ҳокимлигини ўрнатдилар, Ироқ ва Курдистонга Жалоиряйлар ҳукмронлик қила бошладилар; Луристон Ҳазораспийлар ва Инжулар сулоласига бўйсунар, Озарбайжон эса туркман Қорақуюнлилар томонидан босиб олинган эди. Тарқоқлик ва ўзаро урушлар мамлакатта катта зарар етказибгина қолмай, балки Узоқ Шарқнинг Ўрта Ер денгизи ва Европа мамлакатлари билан савдо-сотик ва иқтисодий алоқаларини бузиб юборди, карвонлар Буюк Ипак Йулидан юрмай қўйдилар.

Олтин Ўрданинг янги хони Тўхтамишхон (1376-1395) Эрон ва Озарбайжонда вужудга келган вазиятдан фойдаланиб қолишга қарор қилди. Ўз вақтида Амир Темур унга тахтни қўлга киритишда ёрдам берган эди, лекин Тўхтамишхон бунга очикдан-очик душманлик билан жавоб қайтарди. Биринчидан, Тўхтамишхон лашкарлари Амир Темур ўз ерида йўқлиги вақтида Мовароуннаҳрга шимол тарафдан бир неча бор бостириб кирдилар ва Икки дарё оралиги ички ҳудудлари аҳолисини таладилар. Иккинчидан, Тўхтамишхон Амир Темурга қарши сиёсий иттифоқлар тузди, масалан, ўзининг қароқчилик ҳаракатларига Хоразм амirlари Ҳусайн сўфи ва Юсуф сўфини жалб қилди. Хоразмлик босқинчилар Бухоро ва Қорақўл атрофларигача етиб бориб, бой ўлжалар ва асирларни олиб кетар эдилар. Учунчидан, Тўхтамиш катта лашкар тўплади ва уни Жанубий Озарбайжон чегараларига ташлади. Тўхтамиш Дербент дарёсини ўзининг доимий ҳарбий қароргоҳига айлантириб олди.

XIV асрнинг 80-йиллари бошларида Тўхтамишхон Миср Мамлуклари билан ҳарбий-сиёсий иттифоқни тиклаш учун фаол ҳаракат қилди. Бу иттифоқ Олтин Ўрда ва Миср ўртасида XIII асрнинг ўрталарида тузилган эди. Бу шартномага мамлук Султон

Бейбарс ва Олтин Ўрда хони Берке Хон имзо қўйган эдилар. Бу шартноманинг шартларига кўра, иккала давлатнинг лашкарлари Эронлик Элхонийларга қарши чиқишлари, ғалабага эришилган тақдирда мамлуклар Сурияни ва Олтин Ўрда Эронни қўлга киритишлари керак эди. XIV асрнинг 80-йилларида бу шартномани аввалги шартлари билан тиклаган Тўхтамишхон уни Амир Темурга қарши йўналтирди. Бу иттифоққа тез орада Ироқ ҳукмдори Султон Аҳмад Жалоирий ва Усмонийлар Туркияси ҳам қўшилдилар.

Тарихий фактларнинг қисқача шарҳи Амир Темур қандай шароитда ўз давлатини қурганлиги ва ташқи иқтисодий фаолият олиб борганлигини тасаввур қилишга имкон беради.

*Марказий Осиёни тадқиқ этиш Халқаро институти
директори д-р проф. Ашраф Аҳмедов*

XIV асрнинг бошига келиб, Чингизхон ва унинг авлодлари XIII асрда барпо этган империя ҳарбий-сиёсий ва ижтимоий-иқтисодий жиҳатдан кучсизланиб қолди. Туртта мўғул улусларида, шу жумладан Амир Темурнинг ватани - Амударё ва Сирдарё оралигини ўз таркибига олган Чигатой улусида ҳам аҳвол шундай эди. XIV асрнинг ўрталарида учта гарбий улусларда мўғуллар турклашиб кетдилар ва ислом динини қабул қилдилар, бироқ Чигатой улусида бу жараён бир оз чўзилиб кетди. Гарчи учта гарбий улусларда бўлиб ўтаётган ижтимоий-сиёсий жараёнлар ўз хусусиятларига эга бўлса-да, уларга феодал тарқоқлик хос эди. Бундан ташқари, улуслар ўртасида доимий рақобат ва ҳудуд таллашиш ҳоллари мавжуд эди.

Хулагу улусининг Чингизийлари - Эрон, Шимолий Анатолия ва Ироққа ҳукмронлик қилган элхонлар Ғазанхон давридаёқ (1295-1304) исломни қабул қилган эдилар. Бироқ, ўз ҳукмронликлари даврида элхонлар ўзларининг мусулмон қўшнилари билан ҳам, қолган икки улусдаги қариндошлари билан ҳам душманлик қилар эдилар. Масалан, Жўжи авлодлари билан Кавказдаги чеғарадош ҳудудлар туфайли доимо жанглар бўлиб турар эди. Чигатой авлодлари билан эса Хуросондаги ерлар устида кучли қаршилик бор эди. Хулагу улусининг сўнгги кучли хони Султон Абу Саидхон (1317-1335) Миср Мамлуклари билан 1323 йилда иттифоқ тузиб, Сурия учун анчадан бери давом этиб келаётган урушларга чек қўйди.

1335 йилда Абу Саиднинг вафотидан сўнг тахтга Арпа ўтирди (1335-1336), бир йилдан сўнг унинг ўрнига тахтни Муса эгаллади,

лекин у ҳам шу йилнинг ўзидаёқ тахтдан тушириб юборилди. 1336 йилдан 1353 йилгача Эронда элхонлар тахти қўғирчоқ хонлар, Амир Ҳасан Бузург Жалоирий ва Амир Ҳасан Кучек Чопоний қўйган одамлари ўртасида қўлдан-қўлга ўтди. 1353 йилдан кейин Хулагу улуси бутунлай бўлиниб кетди. Жануб ва ғарбда, яъни Форс ва Эронда Музаффарийлар ва Жалоирийлар ҳукмдор эдилар; Маркази Сабзавор бўлган Хуросонда 1381 йилгача сарбадорлар ҳукм сурдилар; Ҳирот ва унинг атрофини 1389 йилгача Қартлар сулоласи бошқарди; Кандаҳор, Буст ва Заранж ҳудудида тоғли Ғор вилоятидан чиққан ва турк-мўғул амирлари галма-галдан алмашилиб турдилар.

Бундан ташқари, Жанубий Эрон, Озарбайжон, Шарқий Анатолия ҳамда Сурия ва Ироқ воҳалари ўртасидаги ҳудудда Қоракуюнли авлодидан бўлган туркман амири Қора Юсуф Туркман қутуриб кетди. У қароқчилик қилиб, атрофдаги вилоятларни даҳшатга солар эди. Унинг доимий кўп йиллар давом этган ҳужумлари натижасида савдо йўналишлари ва зиёратчиларнинг карвон йўллари ҳувиллаб қолди, бу ерларда танг аҳвол вужудга келди. Ироқ ва Озарбайжон ҳукмдори Султон Аҳмад Жалоир кўпинча Қора Юсуфга унинг қароқчилик ҳаракатларида ёрдам бериб турди.

Эроннинг майда бўлақларга бўлиниши Темур давригача давом этиб келди, Темур эса Эронни бир бутун давлат қилиб бирлаштирди.

Чингизнинг катта ўғли Жўжининг улуси таркибига Ғарбий Сибир, Дашти Қипчоқ, шимолий-ғарбий Хоразм ва Сирдарёнинг пастки оқимидаги ерлар кирар эди. Жўжининг авлодлари Хулагу ва Чигатой авлодлари билан Кавказдаги ва Марказий Осиёнинг шимолий-ғарбидаги ерлар туфайли ҳеч қачон муросага келмас эдилар.

Жўжи улуси, яъни рус йилномалари бўйича Олтин Ўрда этник жиҳатдан ҳар турфа бўлиб, турли давлатлар ва халқларнинг қурол кучи билан сунъий бирлаштирилган иттифоқи эди. А.Ю.Якубовский айтганидек: "Олтин Ўрда сунъий давлат бирлашмаси эди. У Крим, Волга бўйи, Хоразм аҳолисига кўпол зўравонлик йўли билан ҳукмронлик қилган. Ҳокимият турк-мўғул кўчманчи зодагонлари, аниқроғи, Жўжилар авлодидан бўлмиш мўғулий сулола қўлида бўлган, улар эса лашкарларининг кучига таяниб, Волга бўйи, Булғор, Крим ва Шимолий Кавказнинг серҳосил ерлари ва маданий шаҳарларини эксплуатация қилган. Бу вилоятларнинг

аҳолиси мўғуллар ҳокимиятининг ағдарилиши ва ўзларининг тўла озод бўлишларини орзу қилганлар”².

Шу улуснинг таркибига кирган Русь XIV асрда ягона давлат эмас эди, у ўндан ортиқ йирик ва йигирмадан ортиқ майда князликлар ва вилоятлардан иборат эди. Бироқ, Олтин Ўрда билан тузилган шартномага мувофиқ барча князликлар ва вилоятлар хонга бутун Русдан йиллик бож-хирож тўлар эдилар. XIV асрнинг бошидан бошлаб рус князликлари бирлашишга интила бошлаганлар. Мўғуллар истилосидан қутулиш мақсадида князликлар ўз вилоятларини мустаҳкамлаб, кучли армия тузишга ҳаракат қила бошладилар. Бу ҳаракатни ўша вақтда Москва, Владимир ва Тверь князлари бошқардилар. Лекин ўрда хонлари князликларни диққат билан кузатиб турар ва майда вилоятларнинг йириклашишига йўл қўймас, уларни бир-бирига гиж-гижлаб, катта бож-хирожларни юклаб қўяр, князликлар, шаҳарлар ва вилоятларни кучсизлантириш мақсадида мамлакат ичкарасида рейдлар ўтказиб турар эдилар.

1327 йилда Ўрда хони Ўзбек (1312-1341) Тверь князлигига жазоловчи лашкарларни юборди ва уни йўқ қилиб ташлади. Шундан кейин Москва князлигининг аҳамияти кўтарилгани яққол кўзга ташланди. Москва князлигининг кучайиши Жўжи улусининг кучсизланиши вақтига тўғри келди. Бу кучсизланиш Ўзбекхон ҳукмронлигининг охириги йилларида бошланган эди. Ўзбекхон Олтин Ўрда хонларидан биринчи бўлиб ислом динини қабул қилди. Бу дин Ўрданинг турклашиб кетган кўчманчи аҳолиси орасида жуда тез тарқалиб кетди. XIV асрнинг ўрталаридан бошлаб Олтин Ўрданинг кучсизланиши янада зўрайиб кетди. 1349 йилдан 1379 йилгача, 30 йил ичида Ўрда тахтида 25 та хон алмашганлиги бунинг исботидир.

Сезиларли даражада кучсизланганига қарамай, Олтин Ўрда рус князликларига нисбатан анча кучлироқ эди. Русларнинг XX асрдаги юзаки ватанпарварлик адабиётида Волганинг фақат чап қирғоғига эгаллик қилмоқчи бўлган Мамайнинг рус-литва бирлашган кучларидан мағлубиятга учрашини “Русь ва русларнинг қуроли галабаси” деб аталади, Дмитрий Донскойни эса Олтин Ўрдани енган ғолиб деб ҳисобланади. Бу орада, ўша “ғалабадан” икки йил ўтиб, 1382 йилда Олтин Ўрданинг янги хони Тўхтамишхон Дмитрий Донскойни жазолаш мақсадида Москвага келганда, бу “ғолиб” хотини билан бирга Костромадаги хотинлар монастирида шармандаларча, хотинлар кийимини кийиб, берки-

² Якубовский А.Ю. Тамерлан. Эпоха. Личность. Деяния. М., 1992, С.32; Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Завоная Орда и ее падение. М.-Л., 1950, С.31.

ниб олди³. Бу воқеа Русь Куликово даласида тил учида галаба қозонганлигини исботлайди, чунки Русь бу жангдан кейин ҳам кўп йиллар давомида Олтин Ҳўрдага бож-хирож тўлаб келди.

Чингизхоннинг иккинчи ўғли Чигатой улусига Амударё ва Сирдарё оралиғидан тортиб то Жўжи улусига тегишли шимолий-ғарбий Хоразм ва Сирдарёнинг пастки қисмида жойлашган Сигнак шаҳригача бўлган ерлар, шунингдек, Етти дарё, Шарқий Туркистоннинг шимоли, Афғонистоннинг шимолий қисми ва Қобул қирар эди, Қобулда доимо Чигатойнинг вакили бўлар эди. Чигатойнинг авлодлари чегарада Жўжи ва Хулагу авлодлари билан доимо жанжаллашиб турар эдилар. Улар жанубий-шарқий ерлар ҳисобига ўз худудларини кенгаштиришга ҳаракат қилардилар. 1327 йилда шундай жанглардан бири вақтида, ислом динини қабул қилган Чигатой хони Оловиддин Тармаширинхон (1326-1334) Ҳиндистонга бостириб кирди ва мамлакатнинг шимолий-ғарбидаги улкан худудни эгаллаб олди. Шундан кейин барча Чигатой ҳукмдорлари Ҳиндистондаги бу ерларга эгалик қилмоқчи бўлганлар.

Чингизхоннинг учинчи ўғли Оқдойхон (Угедей) улуси ўз ичига Хитой, Тибет ва Тибетдан ғарброқдаги ерларни ўз ичига олган ва Чигатой улусининг жанубий-шарқдаги ерлари билан чегарадош бўлиши керак эди. Мўғуллар ташкил қилган курултой қарорига мувофиқ, Оқдой улуг хон бўлиши керак эди. Лекин бу улуснинг умри қисқа бўлди. Оқдойнинг набираси Қайдунинг вафотидан сўнг 1301 йилда улуг хон мартабаси Толуй авлодларига ўтиб кетди. Оқдой улуси ерларининг катта қисми ҳам Толуйнинг қўл остига ўтди. Улуснинг ғарбдаги кичикроқ қисмигина Чигатой авлодларига ўтди.

Чингизхоннинг кичик ўғли Толуй улуси асосан Монғолия ва унинг пойтахти Какакорумдан иборат эди. Оқдойнинг ўғли Куюкнинг вафотидан сўнг 1249 йилда Хитой билан бирга улуг хон мартабаси Толуйнинг авлодларига ўтди, Хонбалиқ (Пекин) давлат пойтахти бўлди. Толуйнинг кичик ўғли Хулагу 1256 йилда Эрон, Ироқ, Сурияни босиб олди ва Элхонлар сулоласига асос солди. Бу улус Хулагу улуси деб аталди. Хулагу ўзи билан бирга Жалоирийлар авлодининг бир қисмини ҳам олиб кетди ва улар Ироққа бориб ўрнашдилар. Жалоирийларнинг қолган қисми эса Хўжандда қолди.

XIV асрнинг ўрталарига келиб улуг хонларнинг Хитойдаги қуввати анча суस्ताшди, 1368 йилда эса улар Хитойдан бутунлай

³ Кирпичников А.Н. Куликовская битва. Л., 1980, С.113.

қувиб чиқарилдилар. 1368 йилда Хонбалиқда хитойлик Мин сулоласи мустаҳкам ўрин эгаллади. Бироқ Хитой манбаларида Хонбалиқда ҳукмронлик қилган мўғулларнинг буюк улуси Юан деб юритилади ва у Хитойники деб ҳисобланади. Тез орада бутун Монғолия Мин сулоласига мансуб Хитой императорларининг вассали бўлиб қолди. Шу вақтдан бошлаб хитой императорлари бутун Чингизхон империясига кўз олайтира бошладилар, бу эса, аввало, Чигатой улусининг хавфсизлигига таҳдид солар эди. Хитой императорлари дипломатик ёзишмаларда Чигатой улуси ҳукмдорларини "ўғлим" деб атаб, бу билан ўзларининг юқорироқ эканликларига шама қилардилар.

XIV асрнинг бошларидан бошлаб Чигатой улусида ва бошқа улусларда ҳам хонларнинг ҳукмдорлиги ўз кучини йўқота борди, улар тахтда кўп ўтирмай, тез-тез алмашиниб турардилар. Шунга қарамай, хонлар барибир ўз ҳокимиятларини мустаҳкамлашга уринар эдилар. Мўғул хонларидан Копекхон ва Тармаширинхон бошқарув ишини яхшилаш мақсадида биринчи бўлиб мамлакатнинг маъмурий бўлиниши сифатида округлар ва вилоятларни ташкил қилдилар. Бу кичик худудларнинг ҳокимлари - беклар хон билан бирга келган уруғлардан сайланарди⁴. Уларнинг ичида тўртта йирик уруғ - арлат, жалоир, қовчин ва барлос саналар эди. Қовчинлар хон хизматида бўлиб, қолганлардан арлатлар ҳозирги Афғонистоннинг шимолида Амударёнинг чап қирғоғини эгаллаган, жалоирлар Хўжанд атрофларида яшар, барлослар эса Қашқадарё бўйларида эдилар. Ҳар бир уруғнинг бошлиғи ўз округининг беги эди. XIV асрда буларнинг барчаси туркий уруғлар эди.

Чигатой хонлари Или дарёсининг водийларида қарор топган эдилар. Бироқ XIV асрда Копек ва унинг кичик укаси Тармаширин каби баъзи хонлар Қаршини ўз пойтахтлари қилиб олдилар. Тармаширин ўлдирилгандан кейин 1334 йилда қароргоҳ яна Или водийсига қайтди. Навбатдаги хон - Қозон (1343-1346) ўз қароргоҳини яна Қашқадарё водийсига кўчирди. Қаршидан ғарброкда у ўзига атаб Занжир Саройни қурдирди. Қозонхон Мовароуннаҳрда кучли ҳокимият ўрнатмоқчи бўлди. Унинг бу интилишлари уруғларнинг қаттиқ қаршилигига дуч келди. Уруғлардан бирининг амири Қозағон Қозонхонга қарши кўзғолди ва мўғул шаҳзодаси Донишмандчани хон деб эълон қилди. Тез орада Қозонхон енгилди ва қатл этилди, ҳокимият эса Қозағоннинг қўлига ўтди. Лекин бу амирнинг ҳокимлиги Мовароуннаҳр ва

⁴ Бартольд В. В. Улугбек и его время // Бартольд В. В. Сочинения, т. 2, ч. 2. М.: Наука, 1964. С. 26-30.

Афғонистоннинг шимолидаги чап қирғоқ билан чегараланган эди. Мовароуннахрдан шимолроқдаги собиқ Чигатой улусининг ерлари дуғлат бекларидан бирининг қўлига ўтди. Бу Чигатой улусининг шарқий ва ғарбий қисмларга бўлинганлигини билдирар эди. Мовароуннахр ва дуғлат амирлари ўз ҳокимиятларининг қонуний бўлиши учун Чигатой авлодларидан бўлмиш ўзларининг ораларида яшаб турган бирор кишини хон қилиб қўяр эдилар. Аҳвол шунгача бориб етдики, Мовароуннахр хонлари қўғирчоқ хонлар бўлиб қолдилар ва амалда ҳеч қандай сиёсий ҳокимиятга эга эмас эдилар. Амалда эса ҳокимият дуғлат хонларининг қўлида эди. Уларнинг баъзилари катта қудратга эга бўлиб, ҳукуматлари ҳам кучли эди ва тахтни мерос қилиб қолдиришлари мумкин эди.

Шуни айтиб ўтиш керакки, иккала давлатнинг ҳарбий-сиёсий тизими бир хил, уларда яшаётган қабилаларнинг тили ва маданиятидаги фарқ эса жуда аҳамиятсиз бўлган. Барлослар, арлатлар, жалоирлар ва қовчинларнинг яқинлиги ва уларнинг туркий халқ сифатидаги умумий хусусиятларига қарамай, иккала давлатнинг аҳолиси узаро фарқларни таъкидлар эдилар. Мовароуннахр аҳолиси ўзини чигатойлар деб атаса, шарқий қабилалар ўзларини мўғуллар деб, яшаб турган мамлакатларини эса Мўғулистон деб атар эдилар. Ўз навбатида Мўғулистон аҳолиси чигатойларни қораунаслар деб атардилар.

XIV асрнинг ўрталарида барча мўғул улусларида ички қарама-қаршилиқлар ва сепаратчилик кайфиятлари кучайиши билан бирга ҳокимият учун кураш ҳам авж олиб кетди. Бу курашда энг кучлилар енгиб чиқиб, тарихга ёзилар эдилар. Жўжи улусидан Тўхтамиш, Хулагу улусидан Аҳмад Жалоир ва Қора Юсуф, Чигатой улусидан эса Амир Темур шундай шахс бўлган. Тарих уларга қатор ижтимоий-сиёсий ва иқтисодий муаммоларни мерос қилиб қолдирганлиги сабабли, уларни ҳал этиш жараёнида бу ҳукмдорларнинг сиёсий манфаатлари тўқнаш келиши муқаррар эди.

Амир Темур тарихий ва сиёсий даврада биринчи бор 1360 йилда, шу йилнинг январ ойида Мовароуннахрда Мўғулистоннинг сўнгги Чигатой хони бўлган Туғлуқ Темур кириб келганда пайдо бўлди.

Бундан бир оз вақт олдин Марказий Осиёнинг Мовароуннахр қисмида Темурбекнинг тарихга ёзилишига сабаб бўлган сиёсий воқеалар содир бўлди.

Темурбекнинг отаси Тарағайбек Мовароуннахрнинг улус бекларидан бири эди. У ўз қариндоши Ҳожи Барлос билан бирга Қашқадарё водийсига эгалик қилар эди. У динга жуда берилган киши бўлганлиги сабабли ҳокимлик ишларини асосан Ҳожи

Барлос бажарар эди. Шунга қарамай Тарағайбекнинг улусда ҳурмати баланд эди. Ҳатто Мўғулистоннинг баъзи амирлари ҳам унинг сўзларига қулоқ солар, хоннинг шахсан ўзи уни Етти дарёда, Или дарёси водийсида ҳар йили бўладиган қурулгойларга таклиф қилар эди⁵. Бу Темурнинг кейинчалик маратабаси улуг бўлишида ўз аҳамиятига эга бўлган бўлса, ажаб эмас. Темурнинг келиб чиқиши унинг 1355 йилда Мовароуннаҳр амири Қозағоннинг набираси Ўлжой Туркон оғага уйланишига сабаб бўлган бўлса керак. Бу никоҳ замондошлари олдида Темурнинг ҳурматини анча юқорига кўтарди.

Амир Қозағон мамлакатни 10 йил бошқарди. Бу вақт ичида Мовароуннаҳрдаги вазият анча барқарорлашди. Бироқ амир Қозағон ўзининг куёви Қутлуғ Темур томонидан ўлдирилди. Мовароуннаҳр тахтини унинг кичик ўғли Абдуллоҳ Мирзо эгаллади, у ҳукмдорликни эплай олмади ва икки йилдан кейин ўлдирилди. Шундан кейин Мовароуннаҳрда ҳокимият тепасига бир эмас, икки амир - Боён Сулдузбек ва Ҳожи Барлосбек келдилар. Бу амирлар ҳукмдорлиги вақтида тўлиқ тартибсизлик ҳукм сурди. Мовароуннаҳрнинг барча қисмларида сепаратчилик ҳаракатлари кучайди: ўн иккидан ортиқ беклар мамлакат ҳокимиятига эга бўлишни мўлжаллаб турдилар. Шу вазиятда ёш бек Амир Темур ўз қариндоши Ҳожи Барлосбекни қўллаб-қувватлаб турди.

1359 йилда Мўғулистонда, яъни Чигатой улусининг шарқий қисмида ҳокимият тепасига янги хон Туғлуқ Темур келди⁶. Мовароуннаҳрдаги тартибсизликлардан фойдаланиб, Туғлуқ Темурхон Чигатой улусини қайтадан бирлаштиришга қарор қилди. 1360 йилнинг январида у Мовароуннаҳрга бостириб кирди ва Хўжанд яқинида тўхтади. Хоннинг қаттиққўллигидан қўрқиб кетган Мовароуннаҳр амирлари турли тарафларга қочдилар: амир Ҳожи Барлос ўз қавми билан Хуросонга, Амударё ортига кетди. Шу вақтда 24-ёшли Темур биринчи бор ўзининг сиёсий жиҳатдан етуқлигини намоён қилди: у халқни ва улусни ҳимоя қилишга қарор қилиб, хон билан музокара қилишга отланди. Унинг бу ҳаракати Туғлуқ Темурга ёқиб тушди. У Амир Темурни Қашқадарё водийсининг дарғаси этиб тайинлади ва тез орада Мовароуннаҳрни тарк этди.

⁵ Бартольд В.В. Улугбек и его время // Бартольд В.В. Сочинения, т.2, ч.2. М.: Наука, 1964, С.26-30.

⁶ Мирза Мухаммад Хайдар. Та'рихи Рашидий // Введение, перевод с персидского А.Урунбаева, Р.П.Джалиловой, Л.М.Елифановой / Примеч. и указат. Р.П.Джалиловой и Л.М.Елифановой. Ташкент, "Фан", 1996, С.29-32.

Чигатой улусида кейинчалик содир бўлган воқеалар Амир Темурнинг фойдасига бўлмади ва у келгинди босқинчилар билан курашишга аҳд қилди. Бу курашда унга хотинининг акаси амир Хусайн ва болаликдан бирга ўсган бошқа дўстлар сафдош бўлдилар. 1336 йилнинг бошларида у ўз биродарлари билан биргаликда мўғулларни Мовароуннаҳрдан қувиб чиқаришга эришди. Бироқ, бу вақтга келиб Темур ва Хусайн ўртасида ҳокимият учун рақобат пайдо бўлди, бу рақобат тезда мурасасиз душманликка айланди. Темур ва Хусайн ўртасидаги бу кураш тўрт йил давом этди ва 1370 йилнинг апрелида Амир Темурнинг ғалабаси билан тугади. Шу йилнинг 9 апрелида Хусайн Балхда қатл этилди. Ўша ерда қақирилган қурултой Амир Темурни Мовароуннаҳрнинг ягона ҳукмдори этиб сайлади.

Шу йилнинг ёзида Темур Самарқандни ўзига пойтахт қилиб қўйди ва уни ободонлаштиришга киришди. Бу вақтга келиб Мовароуннаҳр ва Амударёдан жануброқдаги вазият тўла барқарорлашди: мўғуллар бу ерлардан қувиб чиқарилди. Бироқ мўғуллар масаласи бутунлай ҳал этилмаган эди, чунки Мўғулистон (ёки ўша вақтларда аталганидек Жете) Тошкентдан 100-150 чақирим жойда жойлашган бўлиб, унинг аҳолиси ўзини мўғуллар, яъни монголлар деб атар ва Чингизхон қонулари билан яшар эди. Мўғулистоннинг иқтисодий ва ҳарбий имкониятлари ҳали катта эди. Жете хони ҳоҳлаган вақтида Мовароуннаҳрга ҳужум қилиб қолиши хавфи бор эди. Шунинг учун Темур бу хавфни бартараф қилиш учун катта куч ажратди.

Шу ерга келганда Темур Марказий Осиёда юритган сиёсатнинг бир томонини тилга олиш жоиздир. Гарчи Темур мўғулларни Мовароуннаҳрдан қувиб чиқарган ва Балхдаги қурултой уни Мовароуннаҳр подшоҳи этиб сайлаган бўлсада, барибир у мўғул қўғирчоқ хонининг устунлигини юзаки бўлса ҳам тан оларди. Бу сиёсатчи сифатидаги Темурга қулай эди, чунки у сиёсий ҳокимиятдан маҳрум хоннинг амири бўла туриб, бутун улуси билан хон номидан ҳукмрон бўлишга ёки шунга ҳаракат қилишга ҳақли эди. Лекин Амир Темур янада илгарилаб кетди: 1370 йилнинг ёзида у Оқдойхон авлоди, яъни Буюк улус хони Суюрғотмишни хон қилиб кўтарди⁷. Темур бу ишни бекорга қилмаган бўлса керак, чунки Мовароуннаҳрда Чигатой авлодлари кўп эди, истаса уларнинг ҳар қайсисини хон тахтига кўтариши мумкин эди. Лекин Темур тўрттала улуснинг барчасида амирлик қилиш имкониятини қўлга киритиш мақсадида Буюк улус хони авлодини

⁷ Камалиддин Абдураззоқ Ас-Самарқандий. *Матла'и са'дайн ва мажмуи баҳрайн*. Т.1. Төхрон, 1372/1994, 434-б. (Форс тилида)

танлади. Хонни сайлагандан сўнг, Темур ҳарбий-сиёсий масалаларни ҳал қилишга киришди.

Мўғуллар ҳукмронлиги давом этган бутун давр ичида Марказий Осиёда ҳарбий-сиёсий вазиятни мураккаблаштириб турган бир муаммо бор эди - у ҳам бўлса Хоразмнинг сунъий бўлиниши эди: ҳали Чингизхон ҳаётлик даврида 1227 йилда шимолий-ғарбий Хоразм Жўжи улусига, жанубий-шарқий Хоразм эса Чигатой улусига тегишли бўлган. Келгусида Ўрда хонлари бутун Хоразмга ҳукмронлик қилиш учун бир неча марта уринганлар. XIV асрнинг 60-йиллари ўрталарида шимолий Хоразмнинг Кўнғиротлик ҳукмдори, Жўжилар уруғидан бўлмиш Хусайн Сўфий Мовароуннаҳрдаги тартибсиз вазиятдан фойдаланиб жанубий-шарқий Хоразмни ишқол қилди ва Бухорога бир неча бор бостириб кирди, чигатойларнинг ички ерларига таҳдид солди. Шунинг учун Амир Темур ўзининг Мовароуннаҳрдаги ҳокимиятини мустаҳкамлаб, Жете муаммоси билан бир қаторга Хоразм муаммосини ҳам кун тартибига қўйди ва уни ҳал қилишга киришди.

1371 йилда Темур Жетеге иккита жазо экспедициясини жўнатди. Шунингдек, у Хоразмга, Хусайн Сўфига мактуб юборди. Мактубда биринчидан, унинг сўнгги беш йиллик бож-хирожни Хоразмнинг чигатой қисмидан, шу жумладан, Қиёт ва Хива шаҳарларидан тўплаб бериши, иккинчидан, у жанубий-шарқий Хоразм чегарасини тарк этиши талаб қилинган эди. Шу шартлар бажарилган тақдирдагина Хусайн Сўфи билан ўзаро тинчлик ўрнатилиши мумкин эди. Бироқ Хусайн Сўфи қўпол шаклда жавоб қайтарди ва бунинг устига, Темурнинг элчисини зиндонга ташлади. Унинг бу қилиғи Темурнинг 1372 йилнинг баҳорида Хоразмга биринчи қилган юришига тўртки бўлди. Кейинчалик то 1388 йилгача Темур Хоразмга қатор юришлар қилди, ҳар сафар Сўфийлар бунга сабабчи бўлар эдилар. Ҳатто ўзаро қариндошликнинг ўрнатилиши - Темурнинг катта ўғли Жаҳонгир Мирзонинг Сўфийлардан бирининг қизи Хонзодага уйланиши ҳам ёрдам бермади. Сўфийлар доимо Темурнинг жигига тегар, Бухоро ва Мовароуннаҳрнинг бошқа қисмларида босқинчилик қилар эдилар. Шундай йирик ҳужумлардан бири 1387 ва 1388 йилларнинг ўртасида юз берди. Ўшанда Сўфийлар Темурнинг ашаддий душманига айланган Ўрда хони Тўхтамишга қўшилдилар ва Темурнинг Эроннинг жанубида, Форсда эканлигидан фойдаланиб, Мовароуннаҳрга анча ичкари бостириб кирдилар ва Термизнинг атрофларигача бориб етдилар. Йўл-йўлакай улар Бухоро ва унинг атрофларини вайрон қилдилар, Темурга Қашқадарёда қишлоқ

жойи бўлиб хизмат қилган Занжир Саройни қўрииб, кул қилдилар.

Воқеадан хабар топган Амир Темур зудлик билан Форсдан қайтиб келди ва 1388 йилнинг баҳорида Хоразмга ўзининг охириги - бешинчи юришини бошлади. Занжир Саройнинг вайрон бўлганлиги ва куйдирилганлигига жавобан Темур Урганчни ер билан яқсон қилиб, ўрнига арпа экиб ташлашни буюрди, аҳолини эса Самарқандга кўчириб юборди. Бироқ уч йилдан сўнг, Тўхтамишхонга қарши зафарли юришдан қайтиб келаётиб, Темур Урганчни қайта қуришни буюрди ва аҳолини шаҳарга қайтарди⁴. Шу юриш билан Хоразмнинг забт этилиши охирига етказилди.

Хоразм муаммосини ҳал этиш билан бир вақтда Темур Мўғулистон - Жете муаммосини ҳам ҳал қилади. Дуғлат амирлари Қамариддин ва Анқа Тўра ҳали Сайрам томондан, ҳали Ўзган томондан Мовароуннахрга хужум қилиб, Темурга тинчлик бермас эдилар. 1371 йилдан 1390 йилгача Темур Мўғулистонга етти марта юриш қилди. Бу юришларнинг натижасида Темур шимолда Олтой тоғларигача, шарқда эса унинг лашкари Буюк Хитой деворининг энг яқин чеккаларигача етиб борди. Мўғулистон тўла бўйсундирилди. Лекин бу вақтга келиб Темур олдида Дашти Қипчоқ (ёки Олтин Ўрда) ва Тўхтамишхон муаммоси пайдо бўлди.

Ҳали 1376 йилнинг бошларида, Темур Мўғулистонга ўзининг бешинчи юришини бошлаётганда, Ўтрорда унинг олдида ўзбекларнинг Манғишлоқ ҳукмдори Тойхўжа Ўғлоннинг ўғли Тўхтамиш ҳимоя сўраб келди. Бундан бир оз аввал Оқ Ўрданинг ўзбек ҳукмдори Ўрисхон бекларни йиғиб, Олтин Ўрда тахтига ким талабгорлиги ҳақидаги масалани муҳокама қилаётганда, Тойхўжа қабул қилинган қарорга қарши чиққан эди. Шундан сўнг Ўрисхон уни қатл қилди. Бунга жавобан Тўхтамиш отаси учун қасос олиш учун Ўрисхоннинг ўғилларидан бирини ўлдирди ва Темурнинг олдида қочди. Бу воқеалардан олдинроқ Тўхтамишга тенгқур бўлган катта ўғли Жаҳонгирдан жудо бўлган Темур уни ўз ўғлидай қабул қилди.

Темур Тўхтамишга бошпана берди, унга лашкар ажратди, Саброн ва Сигнак вилоятларига ҳоким қилиб қўйди. Бироқ Ўрисхоннинг ўғли Қутлуғ Буга Тўхтамишни бу ерлардан қувиб юборди. Тўхтамиш яна Амир Темурнинг олдида келишга мажбур бўлди. 1376 йилда Темур Тўхтамишга ҳарбий ёрдам ажратди ва уни Сабронга юборди. Лекин Тўхтамиш яна мағлубиятта учради ва Сирдарёда ҳалок бўлишига сал қолди: уни Темурнинг одамла-

⁴ Шарофиддин Али Яздий. Зафарнома. А. Ўринбоев навири. Тошкент, "Фан", 1972. 408-б. (Форс тилида)

ри кутқариб қолдилар. Уша йили Амир Темур Тўхтамишни ҳимоя қиламан деб Ўрисхон билан жанг қилди. Бу жангда олинган жароҳатлардан Ўрисхон ва унинг ўғли Тўқтақия ҳалок бўлдилар. Ғанимларни енгач, Темур Тўхтамишни Оқ Ўрда хони этиб таъинлади ва 1377 йилнинг илк баҳорида ўз ватанига қайтди.

Темур Самарқандга келмасидан олдин Ўрисхоннинг яна бир ўғли Темур Малик Тўхтамишга ҳужум қилди ва уни енгиб, қувиб юборди. Маълум бўлган Тўхтамиш учинчи марта Темурга мурожаат қилди. 1378 йилнинг бошида Темур катта лашкар тузди, унга ўзининг лашкарбошиларида бирини қўшиб, Тўхтамиш билан бирга Темур Маликка қарши жанг қилишга жўнатиб юборди. Бу сафар Тўхтамиш қутилмагандя ҳужум қилиб, Темур Маликни енгди. У кишни Сигнакда ўтказди ва баҳорда Олтин Ўрда тахтига эгаллади. Шу вақтдан бошлаб Олтин Ўрда ва унга бўйсунувчи рус князликлари Темурнинг қўл остига ўтдилар.

Кейинчалик Темурнинг ҳарбий-сиёсий қизиқишлари Эрон ва Олд Осиёга қаратилди. Ҳали амир Қозағон даврида Ҳирот қарглари ҳарбий ёрдамга муҳтож бўлиб, чигатой амирининг вассали бўлиб қолган эдилар. Ҳирот ҳукмдори чигатой амирларининг ҳар йилги қурулғоиларида иштирок этиши, керак бўлганда Мовароуннаҳр ҳукмдориға ўз лашкарларини бериши лозим эди. Ҳиротта ҳам ўзига яраша бож-хирож юклатилган эди. 1380 йилнинг охирида Темур Ҳиротга йирик амирлардан бўлмиш Ҳожи Сайфуддинбек бошчилигида бир гуруҳ элчиларни юборди. У Ҳиротта ўзи билан келгуси йилнинг баҳорида бўладиган қурулғоига таклифнома олиб келди. Ҳиротта келиб, Ҳожи Сайфуддин Ҳирот ҳокими Малик Ғиёсиддин шаҳарнинг деворлари ва қалъаларини мустаҳкамлаш билан овора эканлигини кўрди. Ҳиротда шаҳар ташқарисидаги боғларни ўраб турувчи иккинчи девор ҳам қурилган экан. Маликнинг урушга ҳозирланаётганлиги маълум бўлиб қолди. Бунинг устига у Ҳожи Сайфуддинни ҳам қўйиб юборишга шошилмаётган эди. Ҳожи Сайфуддин Темурга кўрганларини айтиб бериш учун шаҳардан яширинча чиқиб кетишга мажбур бўлди. 1381 йилнинг бошида Амир Темур Ҳирот томонга 14 ёшли ўғли Мироншоҳни 50 та қўшин билан юборди. Унинг кетидан ўзи ҳам лашкар тўплаб Хуросонга йўл олди. Бу Темурнинг Эрон томонга қилган биринчи ҳарбий юриши эди.

Юқорида айтилганидек, XIV асрнинг иккинчи ярмида Эрон бир неча ўзаро душман майда давлатларга бўлинган эди. Бу вақтга келиб Эрон сиёсий эмас, балки жўғрофий тушунчага айланиб қолган эди. Эрон худудидаги майда давлатлар ўртасидаги тўқнашувлар уларни анча кучдан кетказиб қўйди. Агар Эроннинг

жўғрофий чегаралари яқинида Темур эмас, бошқа ҳукмдор қудратли давлат тузганда эди, эртами-кечми, барибир Эроннинг майда давлатлари шу давлатга қўшиб олинган бўларди. 1385, 1387, 1397 йилларда Тўхтамиш шимолий-ғарбий Эронга қақшатқич хужумлар қилганлиги бунни тасдиқлайди. Темурнинг шу яқин атрофда эканлиги Тўхтамишга бутун Эронни эгаллаб олиш имконини бермади.

XIV асрнинг 80-йилларигача Темур Эронни босиб олишга қатъий аҳд қилмади. Бироқ, Тўхтамишнинг икки марта Эронга қилган юришлари Темурни шу қарорни қабул қилишга ундади.

Бу вақтга келиб Темур сиёсати халқаро даражага кўтарилди, чунки Олтин Ўрда ва Миср Мамлуқлари ўртасида иттифоқ пайдо бўлиши мумкинлиги маълум бўлди. Шунини айтиб ўтиш керакки, бу икки давлат ўртасида илгаридан иқтисодий алоқалар мавжуд эди. Лекин XIV асрнинг сўнгги чорагида юз берган воқеалар икки давлат ўртасидаги алоқаларга ҳарбий-сиёсий тус берди. XIV асрнинг 90-йиллари бошларида бу иттифоққа Усманийлар Туркияси ҳам қўшилди.

Амир Темур бу уч тарафлама иттифоқнинг сиёсий йўналишини жуда яхши тушунар эди: жосуслар унга тарафларнинг мақсадлари ҳақида бирмунча аниқ маълумотларни етказиб турар эдилар. Училиқ аъзолари Темурнинг Олд Осиё ва Кавказ томонга қараб ҳаракат қилишидан чўчирдилар. Темур эса ўз навбатида Буюк Ипак Йўли карвон йўналишларини хавфсизлантириш учун Эрон, Ироқ ва Шарқий Анатолияни бир давлат қилиб бирлаштиришни мақсад қилиб қўйган эди. Бу бутун Марказий Осиё ҳудудида хавфсизлик ва фаровонлик ўрнатилишига ёрдам бериши керак эди. Темур ўз рақиблари ҳақида аниқ ахборотларга эга бўлган ҳолда, уларни алоҳида-алоҳида мағлуб қилишга қарор қилди ва ишни рақибларнинг энг хавфлиси - Тўхтамишдан бошлади. Унинг Тўхтамишга қарши 1391, 1395 йиллардаги юришлари ғалаба билан якунланди. Бу ғалаба натижасида Олтин Ўрда тўла яксон қилинди.

Темурнинг Тўхтамиш устидан қозонган ғалабаси бутун инсоният учун катта аҳамиятга эгадир. Тўхтамишни енгиб, Темур, биринчидан, ислом маданиятини чилпарчин бўлишдан сақлаб қолди, Марказий Осиё, Эрон ва уларга чегарадош ҳудудларни янги татармўғул истилосидан қутқарди. Иккинчидан, у Шимолий Европа учун мустақиллик ва эркинлик сари йўл очиб берди. Олтин Ўрда ҳалокати натижасида Польша-Литва армияси мутаҳкамланди ва унинг Грюнвальд жангида ғалаба қозониши учун асос бўлди.

Бундан ташқари, Темур ўзининг "уч йиллик" ва "беш йиллик" юришлари натижасида Эронни бир бутун давлат қилиб бирлаштирди ва бўлажак қудратли Сафавийлар давлатига асос солди.

Тўхтамиш яқсон қилингандан кейин Темур ўзининг ортки қисмидан хавотир олмасдан, бутун эътиборни ушлар иттифоқининг қолган икки аъзосига қаратиши мумкин эди. У Миср Мамлуқлари ва Усманийлар империяси билан дўстона муносабатлар ўрнатиш учун қатор дипломатик ҳаракатларни амалга оширди. Лекин унинг уринишларига тегишлича жавоб бўлмади. Аксинча, бу икки давлат султонлари Темурнинг дўстона мактубларига қўпол жавоблар бердилар. Бундан Миср ва Туркия султонлари билан уруш бўлиши муқаррар эканлиги маълум бўлди. XIV асрнинг сўнгги ўн йилиги бошларида Темур биринчи марта Шарқий Анатолияда пайдо бўлганда, бу ерлар ҳали усмонийларга бўйсунмас эди. Бу ерларда бир неча мустақил бейликлар ҳукмрон эдилар. Кичик Осиёнинг жануби ва жанубий-ғарбидаги баъзи ерлар яқиндагина усмонийлар империясига қўшиб олинган эди. Усманийлар ва Миср Мамлуқлари Суриянинг шимолидаги ва Кичик Осиёнинг жанубий-шарқидаги ерларга эғалик қилиш учун рақобат қилар эдилар. Ғарбий Эрон, Озарбайжон ва Ироқни ўз ерларига қўшиб олгандан сўнг Темур бу ерда учинчи куч сифатида пайдо бўлди. Темурнинг ташқи сиёсатида бу вақтда янги йўналиш пайдо бўлди: Хулагу улусининг асосий қисмини ўз ерларига қўшиб олганлиги сабабли, у ўзини бутун Хулагу улусининг меросхўри деб эълон қилди. Шу ерда Темур 1370 йилда Буюк улус хонининг авлодини хонликка кўтарганини эслаш лозим. Албатта, Темур чигатоё улусининг беги ёки ҳатто султони сифатида ҳам Олд Осиё ерларига нисбатан ҳеч қандай маънавий ва юридик ҳуқуқлари йўқ бўлсада, лекин ўз қўл остидаги Окдойнинг авлоди номидан Темур тўртта улуснинг ерларига ҳам талабгор бўлиши мумкин эди, Олд Осиёда ҳам худди шу нарса бўлди. Темур Сурия ва Шарқий Анатолия учун курашни бошлаб юборди. "Сурия масаласи" 1401 йилда ҳал бўлди: ғарбий Ўрта Ер денгизи бўйларидаги барча ерлар Темур ерларига қўшиб олинди. Шу йилнинг охирида қишнинг бир қисмини лашкарлар ҳозирги Сурия, Ливан ва Исроил ҳудудида ўтказдилар.

1402 йилнинг 20 июлида Анқара яқинида турк султони Боязид I Йилдирым билан жанг бўлди. Бу жанг ярим кун давом этди ва султоннинг асир олинishi билан яқунланди. Лекин бу ғалабадан кейин ҳам Темур ярим йил давомида Кичик Осиёда қолиб, қаршилик кўрсатаётган нуқталарни ишғол қилиш билан банд бўлди. 1403 йилнинг кузига келиб, Византиянинг Константиноплдаги

императори, Болқон ярим оролининг шимолидан тортиб то Дунайгача бўлган ерларнинг ҳукмдорлари, Морей ва Эгей денгизининг рицарлик орденлари ўзларини Темурнинг вассаллари деб тан олдилар ва бож-хирож тўлаш мажбуриятини олдилар. Темурнинг Кичик Осиёдаги сиёсатини Англия, Франция ва Испания қироллари ҳам тушуниб, қўллаб-қувватлаганликлари ҳозирги вақтда исботланган. Бунинг сабабини тушуниш қийин эмас, чунки Темур Кичик Осиёга келишидан бир оз олдин, 1396 йилда, Болгариянинг Никополь шаҳри яқинида Европа давлатларининг Усмонийлар Туркиясига қарши қилган навбатдаги хоч юриши мағлубият билан билан тутаган эди. Хоч юриши лашкарбошиларидан бир нечтаси Боязид I га асир тушган эдилар. Никополь яқинидаги жанг Усмонийлар Туркиясини бир Европа давлати эмас, балки уларнинг бир нечтаси иттифоқ бўлиб ҳужум қилганда ҳам енгиб бўлмаслигини кўрсатган эди. Шунинг учун Темурнинг Боязид I га қарши қаратилган ҳаракатлари Европа қироллари томонидан юксак баҳоланди. Темурнинг Анқара яқинидаги ғалабаси турклар Европага қарши мўлжаллаган юришининг олдини олди, ҳозирги замон цивилизациясига сезиларли таъсир кўрсатган XV-XVI асрлардаги Европа Ренессанси пайдо бўлиши имконини яратди. Темур томонидан Олтин Ўрданинг яқсон қилиниши эса мусулмон дунёсини даштларга чиқиб кетишдан сақлаб қолди ва мустақил, буюк рус давлати барпо бўлишига сабаб бўлди.

1403/1404 йилларда қишда Темур Қорабоғда бўлди, баҳорда Дашти Қипчоқдан (Олтин Ўрдадан) элчилар келиб, тўла бўйсунганликларини билдирдилар, чунки у, Шарофиддин Али Яздий асари бўйича, Ўрдага яна бир марта юриш қилмоқчи эди. 1404 йилнинг июлида Темур ватанига, Самарқандга қайтиб келди. Шу йилнинг ноябрь ойида, "етти йиллик юриш" тутаганидан кейин беш ой ўтгач, у Хитойга, Минь империясига қарши ҳарбий юришга отланди. Бундан анча олдин Хитой императори Темурни "ўғлим" деб атаган эди, бу билан уни вассал деб ҳисоблаб, ғурурига тил текизган эди. Хитой императорининг бундай қилиқларига Темур ўтган асрнинг охиридаёқ чек қўймоқчи бўлган эди. Лекин ғарбда бўлиб ўтган воқеалар уни ғарб томонга "етти йиллик юриш"ни бошлашга мажбур қилди. Темурнинг Хитойга қилган юришига 1404-1405 йилларнинг мисли кўрилмаган қишқи совуқлари тўсқинлик қилди. Темур Ўтрорда тўхташга мажбур бўлди. Икки ойлик мажбурий ҳаракатсизликдан кейин 1405 йилнинг 11 феврал куни у шамоллаб қолди ва бир ҳафтадан кейин вафот этди.

1405 йилнинг 18 феврал куни буюк лашкарбоши, давлат арбоби ва ислоҳотчи Амир Темур вафот этди.

РЕНЕССАНС ДАВРИ БОШЛАНИШИДА АМИР ТЕМУР ВА МАРКАЗИЙ ОСИЁНИНГ ЕВРОПА ТОМОНИДАН ТАНИЛИШИ*

*Геттинген шаҳри Георг Август номли университетнинг
араб филологияси факультети декани
д-р проф. Тильман Нагель*

I

Богемиялик ислохотчи Ян Густа берилган ваъдаларнинг бузилиши билан Ўрта Европа аҳолисига яхши таниш бўлган Констанца соборида фақатгина дахрийлик муаммолари эмас, балки вужудга келган сиёсий вазият ҳам муҳокама қилинар эди. Венгрия қироли Зигмунд томонидан бошқарилган 1396 йилги муваффақиятсиз хоч юришидан сўнг одамлар муқаддас Византия империяси усмонийлар султони Боязид томонидан яксон қилиб юборилишидан хавотирда эдилар.

Шу вақтда кутилмаганда Шарқда сирли Темурланг пайдо бўлди, уни ҳамма татар деб ўйлар эди. Темур 1402 йилда Анкара яқинида Боязид қўшинларини тор-мор қилиб, унинг ўзини асир олгани тилларда дoston бўлди. Бу воқеа Европанинг мўғуллар билан иттифоқда ислом таҳдидини тутиб туриш ҳақидаги умидларини қайта жонлантирди.

Констанца соборида Темурланг ҳақида, аниқроғи унинг лашкарлари 1400-1401 йилларда Сурияни босиб олиши ҳақида маълум ахборотга эга бўлган бир киши бор эди. 1370 йилда Сиенада туғилган италиялик Бетрандо де Мигнанелли XIV асрнинг охирида Дамашққа бориб қолди ва у ерда бироз бойлик тўплаб, ҳурматли кишилардан бирита айланди. Султонлар лотинларни кадрлар ва уларни мусулмонларнинг газабидан асрар эдилар. Темурланг Дамашқни кулга айлантириб юборган кезлари, 1401 йилнинг қишида де Мигнанелли Куддусда бўлди, кейин Суриядан Қоҳирага пароканда бўлиб қочган мамлуклар лашкари кетидан Мисрга ўтиб олди ва ниҳоят Дамашққа қайтиб келди.

Де Мигнанеллининг ҳисоботи 1400 йилнинг октябридан бошланади. Темурланг шимолий-шарқдан, "татарлар" юрти томондан ҳужум қилди ва жанубга, мамлуклар империясига қарши юришни бошлади. Темурлангнинг ҳаракатлари узоқни кўра билишлик ва маккорлик билан ажралиб турар эди. Алеппони қўлга киритгач, у асирларга нисбатан юмшоқ муомала қилди ва бу султоннинг ўз

* Чоп этилган: *Oriente Moderno, nuova serie XV (LXXVI), 2 (1 volume), 1996.*

одамларидан сотқинликда шубҳаланишига сабаб бўлди. Гуё тинч музокаралар олиб бориш учун у Қоҳирага элчиларни жўнатди, улар эса шаҳардаги сиёсий вазиятни аниқлаб, мамлуклар орасига келишмовчилик уруғини сочдилар. Элчилар қайтиб келгандан сўнг Темурланг Дамашққа қарши юриш бошлашга қарор қилди. Темурланг Алеппо яҳудийларига хавфсизлик учун ўз бойликларини синагогага тўплаб қўйишни тавсия қилди, кейин эса хануки байрамида унинг бошқача кийимлар кийган аскарлари синагогага ҳужум қилиб, бойликларни олиб кетдилар. 1401 йил январининг бошларида Дамашқ яқинида жанг бўлди. Темурланг лашкарлари ўзларининг анъанавий усулларини қўладилар: ёлғондан орта чекиниб, рақибларни қуршовга олдилар ва қириб ташладилар. Мамлуклар Дамашқни ташлаб чиқиб кетдилар. Шаҳар эдагонлари юлибнинг қошига келиб, ундан бир қошиқ қонларидан кечишни сўрадилар. Темурланг уларни насронийлар ва Қоҳира султонининг истилосидан қутқариш учун келганига ишонтирди. Шаҳар аҳолиси қочоқ мамлукларнинг бутун мол-мулки ва бойликларини топширдилар, лекин талаб кундан-кунга кучайиб борди ва ниҳоят, шаҳар талон-тарож қилинди. Де Мигнанелли Темурлангдан кейин қолган Дамашқни бир уюм вайронага ўхшатади. Шаҳар ёндириб юборилди, бу воқеалардан 9 ой ўтгандан кейин ҳам баъзи жойларда ёнгин қолдиқари тутаб ётди. 1401 йилнинг ёзида шаҳар атрофларида чигиртка ёғди, талафотлар ҳажми янада ошиб кетди. Шаҳар чиркин ҳид таратиб турган вайроналар орасида дайдиб юрган оч-яланғоч одамлар тўдасига айланди.

Де Мигнанеллининг фикрича, Дамашқ аҳолиси шундай жазога лойиқ эди, чунки улар жуда кўп гуноҳлар қилган одамлар экан. Мусулмонлар Темурланг уларга шу гуноҳлари учун жазолашга келганлиги тўғрисидаги фикрга кўникмишлари керак бўлган.

Де Мигнанеллининг кундаликлари Марло драмасида Темурланг образининг талқин этилишига ўз таъсирини кўрсатди. Де Мигнанелли ва ислом тарихшунослиги шуни қайд этадики, Темурланг одатда рақибини кўрқитиш учун ўзини Худонинг ғазаби қилиб таништирган. "Шундай буюк ишларни қилаётган Мен кимман ўзи?" - деб сўрайди Темурланг бир дамашқлик асирдан. У тилёгламалик билан: "Сиз тенги йўқ ҳукмдорсиз, кучли, олиёжаноб, қалби кенгсиз, бутун шон-шухрат Сизники", - дейди. "Сен ёлғон гапиряпсан! Чунки мен Худонинг ғазабиман, мен сизларни жазолайман, фақат мен сизларнинг гуноҳларингизни ювадиган воситаларни биламан. Мен сендан кўра жоҳилроқман. Шунинг учун

овозингни ўчир!" Де Мигнанелли шундай ёзади: "Темурланг жуда келишган эркак бўлиб, муомаласи ёқимли эди, у қандай қилиб юмшоқ ва дўстона кўринишни биларди. Бу Афлотуннинг ҳамшиша чиройли нарсалар яхши бўлади деган фикрини бутунлай рад этади, чунки Темурланг чиройли ва жоҳил эди".

Шундай қилиб Темурланг шахси бутунлай топишмоқлигича қолаверди. Насроний бўлган ва мусулмонлардан кўп ёмонлик кўрган де Мигнанелли учун Темурланг адолатли тангрининг куроли бўлиб кўринган бўлса, ажаб эмас, чунки Дамашқда ёнғиндан фақат насронийларнинг уйлари омон қолган. Темурлангнинг пайдо бўлиши де Мигнанелли учун Худонинг ғазаби эди. "Барча одамлар Худонинг ғазабидан кўрқиши керак, ҳеч ким ўзи қилган ёмонликлари билан, бу ёмонликлар қанчалик катта бўлмасин, мақтанмаслиги керак".

II

Де Мигнанелли ҳисоботида Темурлангнинг усмоний Боязидга қарши уруши тилга олинмайди. У фақат Темурланг Боязиднинг Сурияга ҳужум қилиши ва унинг орқага қайтиш йўлини тўсиб қўйиши мумкинлигини билгач, ўзининг Қоҳирани ҳужум қилиш режасидан воз кечганлиги ҳақида ёзган. Бунинг олдини олиш учун Темурланг лашкарларини Дамашқдан шимол томонга бошлади.

Европаликлар учун Темурланг образи аввало унинг Боязидга қарши жанги билан боғлиқдир. Анқара яқинидаги жангнинг насроний Европа учун сиёсий аҳамияти шу далил билан кучаядики, ўша вақтларда Ренессанс маънавий ҳаётида "тақдир" ва "имконият" ўртасидаги нисбат масаласи ҳал бўлаётган эди. Европаликлар Темурлангнинг ҳаёти ва фаолияти маълум даражада унинг Боязид билан бўладиган учрашувига боғлиқ деган фикрда эдилар. Бу фожиаларнинг қабул қилиниши форсийзабон йилномалар ва араб тарихчиларининг кундаликларида ҳаққоний ва ишончли ёритилган ҳаётий воқеалардан катта фарқ қилади. Бу уруш ҳақида мавжуд тасаввурлар жўғрофий, сиёсий ва билимларнинг саёзлигини ва ўша ҳарбий ҳаракатлар пайтидаги ижтимоий вазиятни билмасликни кўрсатади, лекин Европада, қисман 1403 йилда Самарқандда бўлган кастильялик элчининг кундаликларида бу воқеалар ҳақида маълум ахборот бор эди.

Темурланг ҳаёти ҳақида ахборот мавжуд бўлган Ренессанс вақтидаги Европада асосий манба - бу генуялик баптист роҳиб Фульгюзус (1479-1488) кундаликларидир. Бу кундаликлар бўйича, буюк ҳукмдорнинг ҳаёти Форс қиролига тегишли қайсидир ерда

бошланади. Йигитча чўпон бўлиб, ўша вақтда ҳам тенгқурлари орасида ажралиб турар экан. Ўйинлар вақтида ўртоқлари Темурлангга қирол каби тож кийдиришар экан. Кейинчалик ўзидан олдин атрофда ўрнатилган тартибни бутунлай бузиб ташлаган инсоннинг кўқларга кўгарилиши ёлғондан тож кийишдан бошланган. Лекин у оддийгина томоша қирол эмас эди, ўйиннинг охирида тартиб ўрнатиш учун уни гўёки тахтдан тушириб юбордилар ва ҳатто ўлдирадилар. Ўйин жиддий ишга айланади, у қондаларга риюя қилиниши лозим бўлган ҳаракатга айланади. Лекин бу ўйин ақлли ва довжурак кишига қутилмаган имкониятларни беради.

Бир оз вақт ўтгач, Темурланг ўртоқларидан унга худди ҳақиқий қиролга бўйсунгандек бўйсунамиз деб қасам ичишни талаб қилди. Улар молларини сотиб, ўзларининг бечораҳол ҳаётларини жангарилар тақдирига алмаштирдилар. Тез орада 500 киши Темурланг изидан кетди. Улар қарвонларни талар, қўлга киритилган бойликларни эса Темурланг шериклари ўртасида адолат билан тақсимлаб берар эди.

Араб манбаларида, аввало Ибн Арабшоҳ (1450 йилда вафот этган) асарларида Темурланг энг олдин қароқчилар йўлбошчиси бўлган, дейилади. Лекин шунга эса тутмоқ керакки, Ибн Арабшоҳ Темурланг ҳақида фақат кераксиз маълумотлар беради. Унинг айтишича, Темурланг зодагонлар оиласидан келиб чиққан. Европа манбаларида эса бундай маълумот йўқ, уларда Темурлангнинг паст табақадан чиққанлиги у дунё миқёсидаги буюкликка фақат ўз шахсий фазилатлари ва қобилиятлари туфайли эришгани таъкидланади.

Темурлангнинг шахсий фазилатлари ичида фақат ҳарбий қобилиятлар эмас, балки одамларга уларни ишонтира билиш йўли билан таъсир кўрсатиш фазилати ҳам алоҳида тилга олинади. Айтишларича, Форс қироли Темурлангнинг қонунга ҳилоф ишларидан хабар топиб, унга қарши аскарлар тўдасини юборади. Темурланг эса уларни ўз томонига оғдириб олади. У шунчалик кучли бўлиб кетдики, қирол ва унинг акаси ўртасидаги тахт учун курашга ҳам аралашиб, аканинг ёнини олди ва унга ҳокимиятни қўлга киритишда бебаҳо ёрдам берди. Мукофот тариқасида у империя лашкарининг катта қисмига қўмондонлик қилиш ҳуқуқини қўлга киритди ва империя учун янги-янги ерларни босиб олаверди.

Шундай вақт ҳам етиб келдики, Темурланг бутун ҳокимиятни ўз қўлига олди. У мамлакатни юзаки ҳукмдорга қарши қўйди ва

Форс қироли деб эълон қилинди. Европа йилномаларида ёзилишича, Темурланг шунчалик довжорак бўлмаганда у ҳукмдорлик чўққиларини забт эта олмаган бўлар эди. Шарқ тарихчилари унинг ҳокимият тепасига келишини Куръондан олинган сура билан изоҳлайдилар: "Эй мулку давлат эгаси бўлган Оллоҳим, Сен истаган кишинга мулк ато қилурсан ва истаган кишингдан бу мулкни тортиб олурсан, истаган кишингни азиз қилурсан ва истаган кишингни хор қилурсан. Бор яхшилик ёлғиз сенинг қўлингдadir. Албатта Сен барча нарсага қодирсан" (Ол-и Имрон сураси, 26-оят). Лекин Шарқ йилномалари ҳам Темурлангнинг юксалишини фақат Яратувчининг иродасига боғлаб қўймай, балки бунинг чуқур мағзини чақиб, тушунтириш беради.

Европа манбаларида камбағал чўпоннинг ҳокимият чўққиларига кўтарилишининг энг юқори нуқтаси - у ўз ватанини форс қироллари истилосидан қутқарганидadir дейилади. Бундай талқин фақат XIV аср охирида Трансоксаниядагина эмас, балки генуялик баптист Фульгозус ва унинг замондошларининг қарашларида ҳам мавжуд, Италиядаги шаҳар-давлатнинг мустақиллик учун кураши уларнинг кўз ўнгида бўлиб ўтган.

Темурланг ҳокимият тепасига келгандан унинг ҳаёти ва ҳарбий юришлари тўғрисида Европа манбаларида аниқ маълумотлар йўқ. Фақат шуниси маълумки, у ажабтовур жасоратлар кўрсатган ва уруш олиб боришнинг янги усулларини яратган.

Темурлангнинг ҳукмронлиги адолат ва сахийлик билан ажралиб турар эди, унга қарши қўзғолон кўтаришга ҳеч қандай асос йўқ эди. Унинг армиясида қаттиқ интизом ва тартиб ўрнатилган эди: ҳар бир аскар ўз ўрнини ва қачон нима қилишини аниқ биларди. Темурланг доимо ўз армияси ҳақида қайғуларди, унга юзлаб хунармандлар ва косиблар хизмат қилар, аскарлар мунтазам ҳақ олиб турар эдилар. Тартиб ва интизом бугун давлатда ҳукм суради.

Сони жиҳатидан Доро ва Ксеркс армиясидан ҳам катта бўлган, уддабуррон ва интизомли армияси билан Темурланг Кичик Осиёга кириб борди. Константинополни ишғол қилмоқчи бўлган Боязид ўз режасидан воз кечди ва ҳужумга қаршилиқ кўрсатишга уринди. Боязид армияси Темурланг армиясига сон жиҳатидан ҳам, қуролланиш жиҳатидан ҳам тенг эди. Асосий жангда анча вақтгача ҳеч ким ғолиб бўлмай, ахири Темурланг лашкарлари устун кела бошладилар, султоннинг шахсан рақибига қарши майдонга тушиши ҳам вазиятни ўзгартира олмади. Боязид қуршовда қолди, уни отдан тушириб, асир олдилар. Темурланг

уни темир қутига солдириб қўйди ва ўзидан ортган қолдиқлар билан боқди.

Сўнги эпизод Темурлангнинг европаликлар томонидан тасвирланишига яқун ясайди. Уни тақлид қилиш учун ёзилган йилномаларнинг қўпчилигида учратиш мумкин. "Биз бу дунёнинг жилвакор бойликлари билан мақтанмаймиз, чунки кечагина дунёга ҳукмронлик қилиб турган кишини бугун собиқ чўпон шундай аҳволга солдики, у итлар билан бирга хонтахта остида тановул қилишга мажбур. У бир вақтлар зодагон бўлишига қарамай, бир куни бошқага мағлуб бўлди".

III

Анкара яқинидаги жанг тарихдаги икки ҳақиқатни тасдиқлайди. Билимдон лашкарбоши ўзининг маршаллик байроғини оддий аскар кийимида кўтариб боради. Бу оламда бахт-саодат бугун бор, эртага йўқ, улуг зотдан келиб чиққан бўлсанг-да, бундан қутула олмайсан. Луис Леройнинг Парижда 1577 йилда чоп этилган тадқиқотлари асосида айни шу фикрлар ётади. Бу нашрда муаллиф замонавий ва кўҳна ҳарбий санъатни, яъни Юнон ва Рум ҳарбий доктринасини солиштирар экан, Темурлангни тилга олади ва Бақтрия қиролини енгиб, деярли бугун Осийни босиб олган афсонавий ҳукмдор Нинус билан уни таққослайди. Гарчи Темурланг паст табақадан келиб чиққан, Нинус эса қироллар оиласининг аъзоси бўлсада, айнан Темурланг бугун Осий қитъасини босиб олди ва Боязидни яқсон қилди.

Лерой Темурланг ва бошқа буюк лашкарбошиларнинг ҳаётида қатор ўхшашликларни топган. Масалан, Сеострис ўз аравасини тўртта енгилган қиролга торттирган экан. Темурланг эса отда Боязиднинг елкасига чиққан. Хулди Кир каби, Темурланг чўпонлар орасида ўсган ва бирга ўйнаб юрган ўртоқлари уни йўлбошчи қилиб сайлаганлар. Темурланг ҳар бир жангда Искандардек ғалаба қозонган: Кир, Доро, Искандар ва румликлар бўйсундира олмаган ёввойи скифларни ҳам бўйсундирган. Агтила, Темурланг, Сеострис, Буюк Карл, Константин каби буюк лашкарбошилар динга нисбатан ҳурматда бўлганлар.

Лерой фикрича, Сеострисдан бошлаб барча буюк лашкарбошилар океандан океангача буюк империя тузишни истаганлар. Лекин уларнинг ҳеч бири бошлаган ишини охирига етказа олмади. Тақдирнинг уларга қулиб боқиши узоққа чўзилмади. Уларнинг бирини заҳарладилар, бошқасини ваҳшийларча ўлдирдилар, учинчиси лашкарлари билан ёппасига тарқалган қа-

салликдан қочиб кетди. Лашкарбошиларнинг ўйлаган режалари амалга ошмай қолаверди. Уларнинг давомчилари эса бу ишни давом эттира олмас эдилар, енгилган рақиблар эса яна куч тўлаб, ҳокимиятни қайтариб олар эдилар. Лерой замонида шон-шухратнинг чуққисиди бўлган усмонийлар бунга ёрқин мисол бўла олади.

Маъруза доирасида XV-XVI асрларнинг барча манбаларини санаб ўтиш имконияти йўқ. Улардаги Амир Темур образи европалликларнинг ақлини шоширган. Бу манбаларнинг барчаси 1590 йилда Марло томонидан ёзилган театр асарида ўз аксини топди. Пьеса муаллифга шон-шухрат келтирди ва жамоатчиликда катта шов-шувга сабаб бўлди. Марло Европа манбаларида мавжуд бўлган барча материалларни қайта ишлаб, асарнинг иккинчи қисмига ўзи ўйлаб топган воқеаларни ҳам қўшди.

Муаллифнинг мақсади - пьеса қахрамонининг ўзига хос хусусиятларини янада ўткирроқ тасвирлаш эди. Муаллиф зўравонликнинг оқибати муваффақиятсизлик билан тугашини Темурланг образи билан боғламасдан кўрсатмоқчи бўлди, чунки прототип тақдири ҳақида аниқ маълумотлар йўқ эди. Пьесада Темурланг ўз ўғилларининг ҳам Худонинг ғазаби сифатида бўлишларини истайди, лекин улардан бири бу йўлни рад этади ва бу билан Темурни даҳшатга солади. Қайғуга ботган ва тез орада сеvimли жуфти ҳалолидан жудо бўлган Темурланг ўзини идора қила олмай қолади. У кетма-кет ерларни босиб олаверади, борган сари қаттиққўл ва қонхўр бўлиб боради. Охири эс-хушидан айрилади, Худонинг ғазаби ниҳоясига етади.

Ўлим қаршисида кўплаб ғалабаларга орқа қилиш бефойда. Темурлангнинг ўз-ўзини улуғлаши шу даражага бориб етадики, у ҳатто Куръони Каримга ўт қўйиб, Муҳаммаднинг устидан кулади. Бу саҳнада де Мигнанеллининг таъсири сезилади, у Темурлангнинг юзаки диндорлиги ҳақида гапирган эди.

Марлонинг пьесасини бош қахрамон образида ички ўзгаришлар юз бермаганлиги учун танқид қилганлар. Қахрамон ўз қилмишлари учун ҳеч қачон афсусланмайди. Унинг кейинчалик нима қилиши, нималарга эришиши пьесанинг бошидаёқ маълум бўлиб қолади. Ўртоқларига йўлбошчи бўлиб олиб, курашларда ва музокараларда ўз тақдирининг буюклигини исботлаган Темурланг ўз тақдирини ўзи чизади. Кейин булар яна ва яна кенгроқ, иккинчи қисмда эса шафқатсизроқ шаклда давом этади.

Темурланг образининг бундай талқин этилишига сабаб - Марло Полибий каби антик тарихчиларни ўрганар экан, субстанционализм деб аталмиш оғу таъсирига тушиб қолган. Бу концепция

шуни назарда тутадик, шахснинг асосида индивиднинг ҳар бир ҳаракатида намоён бўлган ўзгармас мантиқ ётади. Ҳар бир воқеа ёки ҳаракат шу мантиқ намунасидир.

Шубҳасиз, гуноҳкор бўлса ҳам, гуноҳларини ювишга интиладиган одамдан кўзи очилишини ва ичдан ўзгаришни талаб қилувчи насроний анъана Марло пьесасида йўқ. Лекин биз Ренессанс даври одами янгича дунёқарашининг концентрацияланган тасвирини деб баҳолаш мумкин бўлган, Пикко делла Мирандолос (1463- 1494) томонидан айтилган машҳур "Oratio de hominis dignitate" жумласини эсласак, Марло қарашларига изохни фақат антик маданиятда эмас, балки унинг замондошларидан ҳам топиш мумкин.

"Мен сени оламнинг марказига жойлаштириб қўйдим, - Мирандолос шу сўзларни Худо айтган деб кўрсатади, - ва буни сен атрофинга енгил боқishing ва ичкарида нима беркиниб турганини кўра олиishing учун қилдим. Мен сени на осмон ва на ерда яшовчи, на ҳамма қатори куни битадиган ва на ўлмас жонзот қилиб яратдим, шунинг учунки, сен ўзинг учун яратувчи ва ғолиб бўлиishing, ўзинг истаган шаклга кириishing мумкин. Сен ҳайвонга айланиishing ва илоҳий кўринишда қайта туғилиishing мумкин".

Ўсимликлар ва ҳайвонлардан фарқли равишда инсон ўз ақли билан фаришталиккача кўтарилиши ёки ҳиссиёт ва ақлсизлик таъсирига тушиши мумкин. Инсон бу имкониятларни ўз ичида сақлайди, шунинг учун у икки тарафламадир ва қарама-қаршиликлардан иборат. Мирандолоснинг нутқи ижод жараёнининг муҳим элементини ихтиро қилган Николай фон Куэснинг (1401-1464) фикрини айнан келтиради. У шундай деб ёзган эди: "Инсон инсоний илоҳ ва инсон ҳуқуқларига эга илоҳ бўлиши, инсоний фаришта ва инсоний ҳайвон, шер ёки айиқ, ёки инсон кўринишидаги бошқа бирор махлуқ бўлиши мумкин. Чунки инсон борлигининг имкониятларида шундай мантиқ бор".

Марло яратган Темурланг айнан шундай, Пикко делла Мирандолос айтганидек, ўз тақдирини ўз қўлига олган инсондир. Темурлангта Худонинг иродаси йўл кўрсатмаган, бу йўлни унинг ўзи камолотга етказган қобилиятлари билан танлади. "Тақдирни темир занжирга солдим, ўз қўлим билан тақдир гилдирагини айтантираман", - дейди Темурланг (I. II 369-370). Драманинг иккинчи қисмида, кўз олдини қоронғулик босганда Темурланг: "Марс ва бошқа ҳукмдорлар менга тўсиқ бўла олмайдилар" дейди.

Темурланг образида берилган Ренессанс даври кишиси ўзида дахшатли кучни ҳис қилади, унинг тасарруфида ақл ва зўравонлик бор, насронийларча шубҳа фақат бир сониягина олдинги ўринга чиқади.

Пьесанинг биринчи қисмида Темурланг инсон ютуқларининг намунаси, келиб чиқиши ва мартабасидан қатъий назар олға босишга қодир бўлган инсон намунасидир. Темурланг насроний Европанинг энг жоҳил душмани бўлган усмонийларни бўйсундиргани учун ҳам муаллиф учун ҳақиқий намуна бўлиб хизмат қилган.

Лекин ақл ўзининг қарама-қаршилигига айланиши мумкин. Зўравонлик эндиликда океандан океангача бўлган ерларни тинчлантириш учун хизмат қилмайди, балки шайтоний бағритошликка айланади. Инсон имкониятларининг қарама-қарши томони пайдо бўлади, инсон борлигининг бир кун келиб тугаши ҳам шу билан боғлиқ, инсон ва илоҳнинг ўртасидаги фарқ ҳам шунда. Темурлангнинг барча интилишлари унинг Яратган қўлидаги қурол эканлигидандир дейиладиган бўлса, инсон суратидаги илоҳ ҳақидаги гаплар ўз мазмунини йўқотади, бош қаҳрамоннинг ички ривожланиши ва афсус чекиши умуман керак бўлмай қолади.

Шундай қилиб, Темурланг образининг Марло пьесаси сўнгида баҳоланиши унчалик бир хил эмас. Ўша замоннинг асосий ғоялари яққол кўриниб турган бўлса-да, муаллифнинг иккиланишлари ҳам мавжуд.

Бу баҳо Амир Темурни тавсифлашда иккиланувчи ислом тарихшунослиги позициясини қисман эслатади. Бахт ёр бўлган ҳукмдор сифатида у ўз табиатида олов ва ер белгиларини мужассамлаштирган, у жуда катта ҳаракатчанлик қувватига эга. Унинг оддий хислатлари кўп, шу билан бирга унинг қарама-қарши хусусиятлари ҳам бор: ғазаб ва яхшилик эътиқодли одамлар учун илоҳий хислатлардир. Қарама-қарши хислатлар Темурлангда жуда аниқ мувозанатда туради.

Шу билан бирга Амир Темурнинг бир мусулмон замондоши шундай ёзадики, ҳукмдорнинг бундай характери ўз тоифасида ягона бўлган инсон, индивидуум кўзғолонидан бошқа нарса эмас.

Бир томондан ислом тарихшунослари, иккинчи томондан Марло Темурланг образини бир хил талқин қилишларининг сабаблари турлича. Темурланг феномени жиддий қиёсий тақиқотлар учун ашё бўлиши мумкин.

УСМОНИЙ ТУРКЛАР ТАРИХИДА ТЕМУР ОБРАЗИ КИЁФАСИНИНГ ЎЗГАРИШИ

*Франция илмий тадқиқотлар Миллий маркази
директори, проф. Жан-Луи Баке-Граммон*

Амир Темурнинг 1402 йилда Кичик Осиёга қилган ҳарбий юриши Анқара яқинидаги жангда султон Боязид I устидан қозонилган ғалаба билан яқунланиши натижасида усмоний туркларнинг Анатолиядаги ҳудудлари емирилиб кетди, фуқаролар уруши эса асрлар давомида шаклланган қудратли давлатни бутунлай ҳалокат ёқасига олиб келди. Шунини ҳисобга олсак, нега усмоний йилномачилар (уларнинг ҳар бир авлоди бу борада ўзидан олдингисидан ўтиб кетишга интиларди) Самарқанддан келган истилочига нисбатан яхши муносабатда бўлишлари учун ҳеч қандай асос йўқлигини бемалол тушуниб олишимиз мумкин. Шунинг учун ҳам усмонийлардан келиб чиққан кўпгина манбаларни ўрганиш пайтида Темурга нисбатан номақбул сифатларни учратишимиз ажабланарли ҳол эмас. Буюк Салуддин (1599 йилда вафот этган) қаламига мансуб сифатлар бундан ҳам номақбулроқ, Авлиё Чалобий (1684 йилда вафот этган) ўз сафарларидан ёзиб юборган маълумотлар эса ҳатто ундан ҳам кескинроқ оҳангда битилган. Шундай бўлсада, Темур образининг ривожланиб боришини аниқроқ тасаввур қилиш мақсадида манбалар синчиклаб ўқилганда, биз берган баҳо юқоридагиларга нисбатан ўзига яраша нозик фарқи билан ажралиб туради.

Кучли олимлардин бири бўлган Котиб Чалобий (1657 йилда вафот этган) ёзиб қолдирган "Жаҳоннома" жўғрофий рисоласида Амир Темур образи билан танишар эканмиз, анъанавий нафратни енгишга бўлган интилишни сезамиз. "Трансоксиана иқлими тўғрисида" деб номланган 36-бобнинг "Қиролларнинг аҳволи" қисмида биз ўрганаётган шахснинг мартабасига оид деярли ҳужжатли фактлар ва тафсилотлар шунчалик кўп билан санаб ўтилганки, ҳайрон қолади киши. Лекин биз бу ерда шахснинг буюклиги ҳақида бирор гап учратмаймиз. Бу асарда Ғарбий Европа қобусчиларига хос бўлган алоҳида усулларни ҳам кўрамызки, улар ёрдамида муаллиф ўқувчини турли нуқтаи назарлар билан ҳолис таништиришга, уни жалб қилишга мойиллигини билдиради.

Мана шу жойда усмоний тарихчилар ичида ажралиб турувчи Котиб Чалобий Амир Темурга берган баҳоси билан унинг замондоши Ҳусайн Ҳазор-фон (1691 йилда вафот этган) ёзган машҳур йилномани қиёслаш қизиқарли бўлади. Ҳусайн Ҳазор-фон на Боязидни мағлуб қилган ҳукмдорни, ва на унинг авлодларини

ҳақорат қилиш учун эҳтиёж қолмаган деб ҳисоблайди. Бироқ, баъзи тадқиқотларнинг натижасига кўра шундай хулоса келиб чиқадики, бу асарда Ҳазор-фон ўзидан аввал яшаб, 1590 йилда вафот этган, Темурлангни қораловчи Садуddин замондоши бўлмиш Мустафо Жанобий деган кишининг асарларидан кўчир-мачилик қилиб фойдаланган экан.

Бу масаланинг тарихини чуқурроқ ўрганиб чиқишга уриниб кўриш мумкин. Унга юзаки назар ташланса, биринчи навбатда юзадаги нарса кўзга ташланади. Лекин биз бу ерда тадқиқот йўналиши борасида вужудга келадиган баъзи мулоҳазалар билан кифояланамиз.

Шубҳасиз, юқорида номлари тилга олинган уч муаллиф - Жанобий, Котиб Чалобий ва Ҳазор-фон - усмонийлар тарихшунослигида кейинчалик устун бўлиб қолган бир оқим вакиллари-дир: улар икки аср олдин бўлиб ўтган воқеаларни, яъни Темур ва Анқара яқинидаги жангни вақт нисбатида хафвсиз масофадан, унинг устига Истамбулдан туриб баҳолаш имконига эга бўлганлар. Истамбул мусулмон дунёсининг марказий империяси пойтахти бўлиб, мавқеи жиҳатидан у Самарқанд ҳукмдорига ҳавас қилмаса ҳам арзигулик эди. Фақатгина Садуddин авлоддан-авлодга ўтиб келган анъана бўйича Шарқдан келаётган хавфни жуда ўткир ҳис этар эди. Даҳшатли Темурланг номи олдида зир титрайдиган бошқа усмоний тарихчилар ҳам шу қаторга киради. Ўша пайтдан бошлаб Истамбул султонлари, гарчи ўзларининг Мисрга қилган ҳарбий юришларида чингизхонийлар каби мағлубиятга учраган бўлсалар ҳам, шон-шавкат қозондилар. Эتيқоди жиҳатидан исломдан жуда узоқ бўлган ҳукмдорлар ҳам буюк империя ҳомийлигига таянишни ўзлари учун обрў деб билдилар. Ниҳоят, Анқаранинг мағлуб бўлиши Усмонийлар империясининг ривожланишини камида ярим асрга тўхтатиб қўйди. Шунинг учун ҳам йилномачилар Боязиднинг мағлубиятини шафқатсиз танқид қилиб, уни бўйсундирган саркардага эса ортиқча мақтовларсиз тан берганлар.

Ҳозирги замон нуқтаи назаридан қараганда, усмонийларга мансуб манбаларда Темурланг ва унинг авлодлари юритган сиёсатта яхлит баҳо берилмаганлиги кўзга ташланиб туради. Ҳа, Трансоксианада бўлиб ўтган алоҳида воқеалар усмонийларнинг йилномаларидан яхши маълум, улардан Темурийлар ҳақидаги фан ҳам кенг фойдаланиб келади. Бироқ, улардан бу йилномаларнинг бирортасида ҳам шу воқеаларни адабий талқин этишга уриниб ҳам кўрилмаган. Шундай бўлсада, Бурсага ташриф ёки Боязид II (1481-1512) кўрган туш ҳақида шеърлар ёзилган. Усмо-

нийларга мансуб манбаларда Темур ва Темурийларнинг ҳақиқий хизматлари яшириб келинган, лекин қўшни мамлакатларда бу ҳақда кўпроқ ва кенгроқ ёзиб қолдирилган. Бунга санъатга ҳомийлик қилишнинг алоҳида турлари, ёки мисли кўрилмаган улугворликни бошдан кечирган вақтда ҳам машаққат билан ҳақиқат излаш ҳолларини мисол тариқасида келтириш мумкин.

АНЪАНА - СИЁСИЙ АҲАМИЯТГА ЭГА БЎЛГАН ҲОДИСА: ТЕМУР ОҒЗАКИ АФСОНАЛАР ҚАҲРАМОНИ

Людвиг Максимилиан номи Мюнхен университетининг этнография ва африканистика Институтининг, д-р Андреа Шмитц

Маърузада Амир Темур ҳукмронлигининг тарихий-сиёсий ривожланиши аспектидан бири - унинг фаолияти бошланишидаги адабий анъаналар ёритилади.

Маълумки, Темур ҳаётлик даврида унинг кўрсатмаси билан яратилган тарихий асарларда ҳам, унинг давомчилари ёзган асарларда (асосан форс тилида) ҳам унинг 1361 йилгача бўлган фаолияти ҳақида аниқ маълумотлар йўқ.

◆ Лекин Темур ҳаётининг бу даври ҳақидаги гувоҳликларда қатор манбалар борки, улар сарой ташқарисида вужудга келган ва, балки, оғзаки анъаналарга асосланган. Бу маълумотларнинг манба сифатидаги аҳамиятини қандай баҳолаш керак? Улар қандай ижтимоий муҳитни ифодалайдилар ва уларнинг сиёсий аҳамияти қандай?

Қуйида биз шу саволларнинг жавобини топишга уришиб кўрамиз.

Афсоналар

Туркий филологиянинг отаси Вильгельм Радлоф 1867 йида Тобольск ва Тюмень орасидаги татар қишлоқларидан бирида, ўша замонларда мусулмон маънавиятининг маркази бўлган жойда (Радлоф, 1872 б, XIV Муқаддима) ёзиб олган ҳикоялардан бирида Темур ҳақида қуйидагича маълумот берилади:

Хитой хони Цюдей бир куни туш кўрибди. Тушида бир қўчқор шохи билан унинг тахтини ағдариб юборган эмиш. Муаббир тушнинг таъбирини айтибди: бир ўғил бола туғилади ва у хонни ўлдириб, тахтни эгаллайди. Шундан кейин хон ҳар бир ҳомиладор аёлга биттадан соқчи қўйибди ва ўғил бола туғилса, дарҳол ўлдириб ташлашни буюрибди. Темурнинг онасига қўйилган соқ-

чи уларнинг қариндоши экан: у ҳомиладор аёлнинг қорнини қаттиқ босибди ва боланинг туғилишини кутмай кетиб қолибди. Темур туғилибди, лекин онага зўрлик қилинганда унинг оёғи лат еган экан, шунинг учун у "оқсоқ" деган лақаб олибди.

10 ёшида Темур 50-60 та ўртоқлари билан ўйнаб юрган экан, улар вазирлар ва сарой хизматчиларининг болалари экан. Темур болаларга шундай дебди: "Цюдейхон шаҳарга ҳукмронлик қилади..., келинлар, ҳозир ичимиздан бир ҳукмдорни сайлайлик".

Қувлашмачоқ мусобақасида ким ютса, ўша ҳукмдор бўлиши керак экан. Темур ютибди, лекин жисмоний устунлиги туфайли эмас, қалпоғини чизикдан нарига иргитгани учун ютибди. Ўртада низо чиқибди. Йўлда ўтиб кетаётган бир чолни низони ҳал этишга чақиришибди. У Темурнинг ғолиб бўлганлигини айтибди, чунки унинг ўй-хаёллари оёғидан олдин маррага келган экан.

Йиллар ўтган сайин Темурнинг сафдошлари сони ўсиб бориб, у ахири хонни ўлдирибди ва ўзи унинг тахтига ўтирибди (Радлоф, 1872 б, 370 ф, с.а. 1872 а, 247 ф).

Бу ҳикоянинг берилган кўриниши бир неча марта рус тилига ўтирилган XVII аср чигатой қўлёзмаларидан бирида берилган. Ундан маълум бўлишча, Темур онаси тарафдан бир хоннинг авлодидан бўлган экан. Ота-онаси ўлиб кетишгандан кейин у чўпонлик қила бошлабди. Атрофига 6-7 та ўзига ўхшаш етимча болаларни тўплаб, ўшалар билан мол боқиб юрар экан.

У ўз ақли билан ўртоқларидан анча юқори турар экан: қувлашмачоқда қозонган ғалабаси бунга мисол бўла олади, бу воқеада у ўзини тенгдошларига нисбатан довяуракроқ ва топқирроқ эканлигини намоён қилган. Низо унинг фойдасига ҳал бўлгандан сўнг у ўзига боқиш учун ишониб топширилган бир буқачани сўйибди ва ўртоқларини гўшт билан "меҳмон қилибди", улар эса "бир овоздан" Темурни ўзларига "хон" этиб сайлабдилар.

Шундан кейин улар қуролиниб, "машхур қароқчилар"га айланишибди, улар "ҳар бир қочоққа бошпана берар эканлар" (Панов, 1934, 219-224). Темурнинг ёшлиги ҳақидаги бундай ҳикояларни турли вариантларда унинг замондошлари қолдирган маълумотлардан ҳам топиш мумкин. 1401 ва 1408/09 йилларнинг ўртасида Трансоксанияда бўлган суриялик ҳуқуқшунос Аҳмад Ибн Арабшоҳ Темур биографиясида унинг ёшлигини турли талқинларда келтиради, улар унга Темурга яқин кишилар томонидан айтиб берилган бўлса керак (Манц, 1988, 108).

Бу афсоналардан бирига кўра, Темурнинг отаси Тарағай оддий чўпон ёки - бошқа талқин бўйича - темирчи бўлган экан. Ту-

ғилишидан олдин ажойиб белгилар берган Темур қўллари қонга ботган ҳолда туғилибди. Ёшлигиданоқ у ўткир ақли ва кучи билан ажралиб турар экан.

Камбағалликдан у мол ўғриси бўлибди. У ўз атрофига тўплаган 40 киши уни масхара қилсалар ҳам, у табаррук шайхлар дуолари ва айёрлик ёрдамида ўзининг келиб чиқиши ҳақидаги тафсилотлардан озод бўлибди (Ибн Арабшоҳ, 1-3).

Бошқа бир афсонага кўра, Темурнинг отаси зодагон, онаси эса Чингизхон авлодларидан бўлган экан.

"Қўли очик, довюрак, ҳаракатчан ва ўқимишли йигит" бўлган Темур ўз атрофига бошқа уруғлардан чиққан, лекин ёши ва мартабаси ўзига тенг бўлган сафдошларини тўплабди, улар эса унга содиқ бўлиш ҳақида қасамёд қилибдилар. Шундай қилиб улар ўзларининг ноҳўя ишларини бошлабдилар (Ибн Арабшоҳ, 4-7).

Испания элчиси Гонзалес де Клавихога Темурнинг туғилган ери яқинидаги Кеш шаҳрида 1404 йилда ҳяқоя қилинишича, Темурнинг отаси зодагонлар авлодидан бўлсада, унинг мулки ҳам, хизматкорлари ҳам оз эди.

Унинг ўғли Темур мол ўғриси сифатида ўсиб катта бўлди, у ўлжани ўзининг тўдасига мансуб 4-5 кишилар ўртасида бўлиб олар эди. Вақт ўтиши билан унинг тарафдорлари кўпайди, чунки у, Клавихо сўзлари бўйича, "довюрак ва қўли очик киши эди" (Клавихо, 1254). Темур тахминан 300 чавандоздан иборат бўлган тўда билан бутун мамлакат бўйлаб савдогарларни талаб юрди.

1403 йилда Темур ва унинг ўғли Мироншоҳ элчиси сифатида Европага борган доминиканлик Султония епископи Иоханнес ҳам ўз ҳисоботларида Темурнинг ёшлиги ҳақида шунга ўхшаш ҳикояларни келтиради (Моранвилль, 1894, 441ф, 447).

Худди шу маълумотлар Европа олимларининг тарихий асарларидан ҳам жой олди (қаранг: Нагель, 1993, 9ф).

Юқорида номи қайд этилган муаллифларнинг асарларида Темур ёшлигининг баҳоланиши кескин фарқ қилади: Ибн Арабшоҳ ёзган Темур биографияси нафрат ва кинояга тўла, европаликлар эса буюк Амирнинг юқори мартабаларга кўтарилиб борилишини ҳайрат билан тасвирлайдилар. Бир вақтнинг ўзида барча европаликлар Темурийлар тарихшунослиги Темурнинг ёшлик йиллари ҳақида келтирган холис маълумотларга нисбатан бир хил нуқтанга назарга эгадирлар.

Биз норасмий тарихшунослик Темурнинг ривожланган дунёга тақдим этмоқчи бўлган картинаси билан чиқиша олмаслигини

тахмин қилишимиз мумкин, чунки у бундай маълумотларни сарой хроникаларидан чиқариб ташлашни талаб қилар эди (Вудс, 1987, 82; Бартольд, 1935, 20).

Лекин сарой аъёнлари орасида, умуман Трансоксания кўчманчи чорвадорлари орасида бундай маълумотлар кенг тарқалган эди.

Темур ва унинг шу муҳитдан чиққан энг яқинлари (Манц, 1993, 148ф; Андо, 1992, 51фф) шундай маълумотларнинг пайдо бўлишига ўз ҳиссаларини қўшдилар.

Ижтимоий муҳит ва афсоналарнинг сиёсий вазифаси

Темурнинг ёшлиги ҳақидаги қаҳрамонона ҳикоялар аниқ бир оммага мўлжалланганлиги тўғрисидаги тахминга эътибор қилсак (Манц, 988, 109), унда бу ҳикоялар шу омма учун қандай аҳамиятга эга бўлган ва уларнинг яшовчанлигига сабаб нима, деган савол пайдо бўлади.

Шаҳар аҳолиси кўп вақтлар давомида саводли бўлса, чўлда аҳвол бошқача эди: бу ерларда фақат оғзаки тарихий афсоналар юрар эди.

Оғзаки тарихий афсоналарнинг муҳим хусусияти шундаки, улар доимо ўзгартириб, тўлдириб борилаверади, ёзма манбаларда эса бу унчалик сезилмайди.

Бу ерда гап доимий тарихий рефлексиялар ҳақида бораётти, унинг мақсади ҳақиқатан бўлган воқеани маълум қилиш эмас, балки ўша вақт воқелиги учун нима аҳамиятга эга бўлса, тарихий материал ёрдамида ўшани нарсани шакллантиришдир (Ванзина, 1985, 195ф).

Маълумки, оғзаки анъана қайси жамият ичида оғиздан-оғизга ўтган бўлса, ўша ерда аниқ бир вазифани бажарди. У, гарчи ўзгарган тарихий контекстда бўлса ҳам, доимо репродукция қилиниб боради.

Яна Темурнинг ёшлик йиллари ҳақидаги афсоналарга қайтамиз.

Бу афсоналарда ҳукмдор бўлиш учун туғилган, лекин оддий шароитда, чўпонлар орасида ўсаётган йигитнинг образи тасвирланади. У ўзининг қуввати, фаоллиги, ақли билан тенгдошларидан устун туради ва ўйин жараёнида "хон" бўлиб сайланади.

Вақт ўтиши билан унинг бир неча кишилиқ тўдаси (Клавиго 4-5, Иоханнес Султония 7, Арабшоҳ эса 40 сонини келтиради) икки юз чавандоздан иборат гуруҳга айланади. Қонундан ташқари бўлган, қароқчилик билан кун кечираётган, турли тоифадаги

(“қочоқлар”, “турли қабилалардан келган сафдошлар”) кишилардан таркиб тошган тўданинг йўлбошчиси сифатида Темур, ниҳоят, ёшликдаги дўстлари ёрдами билан ҳокимият тепасига келади.

Темурнинг ҳокимият тепасига кўтарилишига ёрдам қилган тўда ҳақида гап кетганда, буларнинг Темурга нисбатан бўлган муносабати ҳеч қандай қонун ёки шартномага эмас, балки ҳиссиётларга асосланганлигини қайд этиш жоиздир. Манбаларда улар “йигитлар”, яъни “йўлбошчининг ёш довжорак ишончли кишилари” деб юритилади (Андо, 1992, 274).

Темур тарафдорлари турли қабилалардан тўпланган бўлиб, худди Темур каби, ўз қабиласининг юқори қатламларидан келиб чиққан кишилар эдилар.

Улардан кўпчилиги “ички” эди, яъни хизматта боғлиқ бўлмасдан, уларнинг ўрни ҳукмдорга нисбатан шахсий муносабатлари орқали белгиланар эди.

“Ички” гуруҳ Темурнинг энг яқинлари саналар ва асосан маҳрамлардан иборат бўлар эди.

Улар кўрсатган хизматларига қараб “айир” ёки “бек” унвонигача кўтарилишлари мумкин эди ва шундан кейин Темурийлар тузуми бошқарувида ёки лашқарда жиддий мансабларни эгаллар эдилар (Андо, 1992, 250фф, 269фф).

Оғзаки анъаналар биринчи навбатда, марказга интилувчанлик тенденцияларига мойил бўлган Марказий Осиё давлатларида катта ғоявий аҳамиятга эга бўлган сиёсий ташкилот тамойилни, яъни йўлбошчи ва унинг тарафдорлари ўртасида марказий сиёсий бошқарув асоси сифатида вужудга келган мустаҳкам иттифоқ тамойилни қайд этадилар.

Темур фаолиятининг бошланиши ҳақидаги оғзаки ҳикоялар бу тамойилни сиёсий императив сифатида тасдиқлайдиган ва бир вақтнинг ўзида Темурнинг ҳукмронликка интилишига асос бўлиб хизмат қиладиган муҳитни ҳосил қилар эди.

Юқорида келтирилган, Темурнинг ёшлиги ҳақидаги афсоналарни яна бир бор кўриб чиқамиз.

Мотивларнинг ўхшаш комбинациясини (у биринчи бор Геродот томонидан (1,107фф) форсийлар қироли Кир ёшлиги ҳақида берилган) тарихга янги сулолаларнинг асосчилари сифатида кирган бошқа эроний, туркий, мўғулий ҳукмдорларнинг оғзаки биографияларидан ҳам топиш мумкин.

“Мўғулларнинг яширин тарихи” (Хёниш, 1941) Чингизхоннинг чўпон сифатида ўз фаолиятини бошлаганлиги ҳақида, қароқчилик ҳужумлари ва қасос юришлари ҳақида, шу даврда унга келиб

қўшилган ва бутун умри давомида унга содиқ қолган яқинлари ҳақида маълумот беради.

Худди шунга ўхшаш ҳикоялар Олтин Ўрда амири Идику ҳақида ҳам берилган. Улар XIX–XX асрларда турли туркий халқлардан ёзиб олинган (Шмитц, 1996).

Идику манғитлар деб аталмиш мўғул қабиласига мансуб бўлиб, Олтин Ўрда хони Тўхтамишнинг контрагенти, Темурнинг эски иттифоқчиси эди.

Идику (Едигей) XV–XVI асрларда собиқ Олтин Ўрда ҳудудида энг нуфузли давлат бўлган ва манғитлар вакиллари томонидан бошқариладиган нўғойлар қабилаларининг иттифоқини тузди. Оғзаки аънаналарда Идику (Едигей) мусулмон ҳукмдорлари ва тақводор кишилар авлодидан, шу жумладан Ўзбекхонни (1313–1341) ислом динига киргизган (Де Веез, 1993) дарвиш Бобо Тўқлас авлодидан чиққан дейилади. Идику ўзининг насли-насабини билмай, чўпонлар ичида ўси ва ўртоқлари уни ўйин вақтида "хон" қилиб кўтарди.

Кейинроқ Идику бир неча садоқатли дўстлари билан Тўхтамишхондан қочиб кетди, чунки у ярамас башоратлар туфайли Идикуни саройдан четлатиб қўйган эди. Идику ҳокимиятни қўлга киритгунча кўп вақт давомида дайдилик қилиб юрди.

Бу оғзаки биографияларда кўз олдимизда бўлажак ҳукмдор намоён бўлади. Бу юксак мартабага у ўзининг шахсий фазилатлари, яъни ҳарбий уддабуронлиги ва қўрқмаслиги, одил ва қўли очиклиги туфайли эришди.

У бундай фазилатларни насли-насабидан эмас, табиатдан олганлиги учун унинг парвози айниқса ёрқин кўринади.

Бир вақтнинг ўзида қахрамоннинг ўз жойида қўлланилган шахсий фазилатларида унинг тангри томонидан белгиланган ишлари рўёбга чиқади. Уни тангрининг ўзи атайлаб юборгани хонга тушида маълум бўлади (Радлоф ёзиб олган Темур ҳақидаги афсона, шунингдек, қаранг: Панов, 1934, 219), Едигей ҳақидаги ҳикояда Тўхтамишхонга таъбирчининг ёмон башорати ҳам шунга ишорадир.

Темурни тангри атайлаб юборгани уни, Ибн Арабшоҳ айтганидек, табаррук шайхлар қўллаб-қувватлашида, шунингдек, Едигейнинг Бобо Тўқласга бўлган муносабатларида намоён бўлади.

Ўнг қўлида тўпиқ суягидек келадиган лахта қон (Темурга ўхшашлик) билан туғилган Чингизхон (Хёниш, 1941, 10) "Мўғулларнинг яширин тарихи"да фалак иноятини сабаб қилиб кўрсатади (Хёниш, 1941, 37); Темурга келсак, у ҳам ўзининг бутун

муваффақиятларига фақат Яратганнинг иродаси билан эришган-лигини таъкидлайди (Моранвилль, 1894, 447; Ибн Арабшоҳ, 5).

Фалак ҳомийлиги тўғрисидаги тасаввурларда дашт анъаналари ерга илоҳий элчи юборилиши ҳақидаги кўҳна эроний ва исломий тасаввурлар билан кўндаланг тушади.

Худди Чингизхон ва Едигей каби, Темур ҳам бу анъанадан унга янги сулолага асос солиш учун зарур бўлган нуфузни қўлга киритиш йўлида фойдаланади (Манц, 1988, 116ф).

Айнан даштда амал қиладиган ва буюк шахсий хислатлари билан ажралиб турувчи, фалакнинг ҳомийлигига сазовор бўлган бу идеал қаҳрамон образи Темур учун легитимациянинг ягона манбаи эмас эди. Ўзининг Чигатой улусига даъво қилишнинг асослаш учун Темур унга ўзини Чигатой уруғининг қонуний меросхўри деб танитиш учун имкон берган Чингизийлар сулоласига мурожаат қилди.

Темур ўзининг сиёсий ва ҳарбий уринишларини қонулаштириш учун империя мафкурасига, тартиб учун курашчи ва дин ҳимоячиси образига мурожаат қилди (Манц, 1988, 110фф; Негель, 1993).

Сарой тарихчилари Темур образини яратар эканлар, унинг ҳукмронлигига анъанавийлик ва қонунийлик қиёфасини беришга уринардилар. Макс Вебер бўйича, бунда "узоқ ўтмишдан қолган тартиб-қоидаларнинг муқаддаслиги"га таянган қонуний ҳукмронлик шаклини тушуниш лозим (Вебер, 1980, 130фф).

Шундай қилиб, Темурнинг муваффақияти аввало шундаки, у ўз замонасининг турли ижтимоий ва маданий муҳитларини жамият ҳаётидаги турли йўналишлар билан уйғунлаштиришга эришди.

Чамаси, замонавий ўзбек давлати олдида ҳам ўзининг анъаналарга бўлган муносабатини белгилаш вазифаси турган бўлса керак.

Мен бир неча сингуляр анъаналар мавжудлигини кўрсатиб бермоқчи бўлдим, улар ёрдамида фақат миллатларни эмас, балки кўп сонли анъаналарни ҳам таққослаш, қиёслаш мумкин, бу хилма-хиллик маданий меросни белгилайди. Бу тенденция Темур замонида ҳам бор эди, у ҳозирги замонда ҳам долзарблигича қолмоқда.

Сиёсий амалиёт ҳозир кўп даражали интеграция масалаларини ҳал этиш олдида турибди. Бунга фақат турли элатлар ва жамиятдаги турли муҳитлар интеграцияси эмас, балки давлатда ихтиёрий бўйсунини ташкил қилиш ҳам тегишлидир. Бу эса анъаналарга нисбатан бирмунча эркинроқ, плюрализм асосида ёндошишга имкон беради.

Ўзбек жамоатчилиги мустақиллик қўлга киритилгандан буён ҳозир Фарбда русум бўлган "анъаналарнинг йўқлиги анъанаси" билан ўзаро адоватда бўлганлиги туфайли, бунга нисбатан қандай позиция эгалланиши алоҳида баҳс учун мавзу бўлади.

Фойдаланилган манбалар:

Ando, Shiro 1992: *Timuridische Emire nach dem Mu'izz al-ansab. Untersuchungen zur Stammesaristokratie Zentralasiens im 14 und 15 Jahrhundert.* Berlin (Islamkundliche Untersuchungen Bd. 153)

Barthold, Wilhelm 1935: *Ulug Beg und seine Zeit. Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes, Bd. XXI, Nr.1.* Leipzig

Clavijo: *Narrative of the Embassy of Ruy Gonzales Clavijo to the Court of Timour at Samarcand A.D. 1403-06.* Transl. by Clements R. Markham. London 1859 (Hakluyt Soc., No.26)

DeWeese, Devin 1994: *Islamization and Native Religion in the Golden Horde. Baba Tukles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition.* University Park/Pennsylvania

Haenisch, Erich 1941: *Die Geheime Geschichte der Mongolen.* Leipzig

Herodot: *Historien.* Übersetzt von J. Feix. Wiesbaden 1963

Ibn 'Arabsah, Ahmed: *Tamerlane or Timur the Great Amir.* Transl. by J.H.Sanders. London 1936

Manz, Beatrice F. 1988: *Tamerlane and the Symbolism of Sovereignty.* Iranian Studies, Vol. XXI, Nos.1-2, 105-122

Manz, Beatrice F. 1993 (1989): *The Rise and Rule of Tamerlane.* Cambridge

Moranville, H. (Ed.) 1894: *Memoire sur Tamerlane et sa cour par un Dominicain en 1403.* Bibliotheque de l'Ecole-des chartes, LV, 433-464

Nagel, Tilman 1993: *Timur der Eroberer und die Islamische Welt des späten Mittelalters.* München

Панов В.А., 1934: *Автобиография Темура. Богатырские сказания о Чингизхане и Аксак-Темуре.*

Радлоф Вильгельм, 1872а: *Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи. Часть IV. Наречия барабинцев, тарских, тобольских и тюменских татар.* С.-Петербург

Radloff, Wilhelm 1872b: *Proben der Volkslitteratur der Turkischen Stamme Sjd-Sibriens. IV. Theil: Die Mundarten der Barabiner, Taraer, Toboler und Tumenischen Tataren.* St.-Petersburg (Übersetzung)

Schmitz, Andrea 1996: Die Erzdhlung von Edige. Gehalt, Genese und Wirkung einer Heroischen Tradition. Wiesbaden (Turcologica Bd.27)

Vansina, Jan 1985: Oral Tradition as History. Madison/Wisconsin
Weber, Max 1980 (1921-22): Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriss der Verstehenden Soziologie. 5., rev. Aufl., Studienausg. Tubingen

Woods, John E. 1987: The Rise of Timuride Historiography. Journal of Near Eastern Studies, Vol. 46, No.2, 81-108

ДИСКУССИЯ

Тарих фанлари номзоди А.Зиёев қуйидаги саволларни берди:

◆ профессор Тильман Нагелга - "сири Темуранг" деган жумлангизни қандай тушуниш керак? Бу ерда маълумотлар етишмаслиги назарда тутилганими ёки Амир Темур шахсини тушуниб етиш мумкин эмаслигини?

◆ барча маърузачиларга - Амир Темурнинг ёшлиги тўғрисида кўп афсоналар келтирилди. Оғзаки манбалардан бу қадар кенг фойдаланиш ўринлимикин? Амир Темур ҳаётининг шу даври ҳақида хроникаларда қандай маълумотлар бор?

◆ ГФР элчиси Райнхарт Биндзайлга - нега, Сизнинг фикрингизча, Амир Темурнинг этник келиб чиқиши унчалик муҳим эмас?

◆ Буюк Британия элчиси Барбара Хейга - Сиз, Англия музейлари ва кутубхоналарида жиддий материаллар кўп бўлишига қарамай, Амир Темур ҳақида кўп нарса маълум эмас, дедингиз. Бу вазиятни қандай ўзгартириш мумкин?

Бу саволларга қуйидаги жавоблар олинди:

Д-р проф. Тильман Нагель: - Амир Темур шахсининг XV-XVI асрлар Европаси учун жумбоқлиги, биринчи навбатда аниқ жўғрофий маълумотларнинг йўқлигидандир. Де Мигнанелли учун Темурланг жумбоғи унинг гўзаллик ва шафқатсизликни ўзида мужассамлаштирганидандир.

Ёзма манбалар анча ишончли ахборотларни беради, лекин оғзаки манбаларни ўрганилганда бирор тарихий шахс ёки воқеа унинг замондошлари ва кейинги авлодлар томонидан қандай қабул қилинганлигини кўриш мумкин. Манбаларнинг бу икки тури бир-бирини тўлдириши лозим.

Д-р проф. А.Аҳмедов афсоналарда келтирилган фактларнинг нақадар ишончли деб ҳисоблаш мумкинлиги тўғрисида ўз фикрини билдирди.

Афсоналарда бирор воқеа ёки шахсга нисбатан мавжуд бўлиши мумкин бўлган нуқтаи назарлардан фақат биттаси келтирила-

ди. Европада кишилар Амир Темур тўғрисида биринчи марта Ибн Арабшоҳ асарларининг таржималаридан билиб олишган. Ибн Арабшоҳ Амир Темурнинг кўпгина душманлари томонидан тазйиқни бошдан кечирган, шунинг учун ҳам буюк ҳукмдорнинг шахсини салбий тасвирлаган. У Темурнинг болалиги ва ёшлиги тўғрисида келтирган учта афсонасидаги фактлар бошқа манбаларда тасдиқланмаган ва улар умуман шубҳалидир. Масалан, Амир Темур қароқчилик қилишга ҳеч қандай эҳтиёж бўлмаган, чунки унинг отаси йирик амир эди, ўзи эса ёш вақтидаёқ амирнинг қизига уйланган. Амир Темур бутун умри давомида ўз ерларида қароқчилар билан курашган. У ўз халқини мўғулларнинг қароқчилик ҳужумларидан асраб эди. Шундай қилиб, Ибн Арабшоҳнинг Амир Темурга нисбатан салбий муносабати форсларнинг таъсири остида шаклланган. Шуниси қизиқки, Ибн Арабшоҳ эшитганини гапирмай, балки ўзи Амир Темурга баҳо берган пайтларда, унинг фикрлари доимо беғараз ва ҳайрихоҳ бўлган.

Тарихий воқеаларни баҳолашда туркий ёзма манбаларга, масалан, "Зафарнома"га таянган маъқул, чунки улар ёзилаётганда туркий ва форсий кўл ёзмалар шохидларнинг гувоҳликлари билан таққосланар эди. Лекин Амир Темур ҳаётининг 1312 йилдан 1322 йилгача бўлган ҳаёти ҳақида ҳеч қандай маълумот йўқлиги ҳақиқатан ҳам тарих жумбоғидир.

К. Каттаев Европада Амир Темур даврининг расмий ёзма манбалари кам ўрганилади ва, аксинча, оғзаки асарларга қизиқиш катта, деган фикрни билдирди.

Тарих фанлари номзоди **А. Зҳеев** д-р проф. **А. Аҳмедов**нинг Ибн Арабшоҳ араб дунёсида яшаб туриб ва шохларнинг саройларида хизмат қилиб, Амир Темурга қарши кайфиятда эди ва уни ўз асарларида салбий баҳолаган, деган фикрига қўшилди. Ёш қароқчидан ҳукмдор чиқиши шубҳали, яна унинг давлатида қароқчилик энг даҳшатли жиноятлардин бири деб ҳисобланган бўлса. Ибн Арабшоҳнинг Амир Темур ёшлигида қароқчи бўлган ёки "Темур тузуклари"ни ёзган кишини саводсиз бўлган деган гапларига ҳам ишониш қийин.

Амир Темур тарихи - бу халқимиз тарихидир, уни ўрганишни афсоналардан бошлаш мумкин эмас. Амир Темурни идеал деб бўлмайди, лекин уни қоралаш ҳам нотўғри бўлар эди. Фақат ёзма манбаларгина ҳолис таърифни бериши мумкин.

Д-р **Авдфеа Шмитц** Ибн Арабшоҳнинг Амир Темурга бўлган салбий муносабати афсоналар заминида ётган маълумотларнинг ёлгонлигини исботламайди, деган фикрни билдирди. Афсоналар-

да Амир Темурга нисбатан салбий муносабат мавжуд эмас. Европа анъаналари бўйича қароқчи образига романтик ва ёрқин образ сифатида қаралади. Муҳими, унинг ўғри бўлган ёки бўлмаганлигида эмас, халқ сайлаган идеал ҳукмдор образидадир. Амир Темурни сафдошлари шундай қабул қилган бўлишлари мумкин. Расмий манбаларда бундай талқин йўқ. Фактларни бир-бирига аралаштириш ҳам оғзаки, ҳам ёзма манбаларда бор, муҳими - тарихий шахсни тўғри баҳолашдир.

Конрад Аденауэр Фондининг минтақавий мухтор вакили Вольфганг Шрайбер Андреа Шмитцнинг фикрларига қўшилди. Европада Айвенго, Робин Гуд ва бошқа романтик қароқчилар образлари кенг тарқалган. Тахтни мерос сифатида олмай, балки уни ўз фазилатлари ва хизматлари эвазига қўлга киритган арбоблар алоҳида ҳурматга сазовордирлар. Халқ орасидан чиқиб, сиёсий чўққиларни эгаллаган киши халқ онгида доимо идеал ҳисобланган.

Д-р проф. Б.Ўршибоев ғарб тадқиқотчилари Амир Темур ҳаётини ўрганишда унинг қайси европалик замондоши асарларидан фойдаланишларини сўради. Фақат адабий асарларга таяниш мумкин эмас. Турли тадқиқотчилар, гувоҳлар ва замондошларнинг нуқтаи назари таққосланган ҳолдагина ҳолисликка эришиш мумкин.

◆ Европада Амир Темур империясининг тили қандай аниқланади?

ГФР элчиси д-р Райнхарт Биндзайль - Амир Темур шу тупроқда туғилган ва шу ерга дафн этилган, у шу тупроқни оламга танитди. Унинг этник насаби иккинчи даражали омилдир, у Амир Темурнинг юксалишга асосий сабаб эмас.

Академик Ю.Буряков қуйидаги саволларни берди:

◆ д-р проф. А.Аҳмедовга - тўртала улусда ҳам иқтисодий шароит бир хил эдими?

◆ д-р проф. Тильман Нагелга - Сиз ўзингиз Амир Темур шахсини қандай баҳолайсиз?

◆ д-р Андреа Шмитцга - баъзи оғзаки манбаларда тарихий шахсларни баҳолашда анъанавий афсоналар мавжудлиги шубҳасиз, бошқаларида эса ҳодисанинг индивидуал талқинини топиш мумкин. Уларнинг қайсилари қизиқарлироқ?

Бу саволларга қуйидаги жавоблар олинди:

Д-р проф. А.Аҳмедов улусларнинг иқтисодий ривожланишини батафсил таърифлаб берди. Иқтисодий жиҳатдан Буюк улус ва Хулагу улуси ажралиб турарди. Ундан кейин Чигатой улуси турар, улусларнинг энг оғир ҳаёт кечирадигани Жўжи улуси эди.

Д-р проф. Тельман Нагель шуни таъкидладики, у симпозиум иштирокчиларини Ренессанс даврида Европа манбаларида Амир Темур шахсининг баҳоланиши билан таништиришни ўз вазифаси деб билди. Ҳақиқатан, Амир Темур Ибн Арабшоҳ асарлари араб тилидан лотин тилига ўгирилгандан сўнг Европада танилди.

Амир Темур образини қандай тасаввур қилишимни мен ўзимнинг 400-бетли китобимда таърифладим. Амир Темурдек тарихий шахсга ҳеч ким бир хил маъноли баҳо бера олмаса керак.

Д-р Андреа Шмитц - афсоналарда доимо анъана бор, чунки улар битта муаллиф қаламига мансуб эмас. Турли типдаги манбалар қимматли ҳисобланади. Олимнинг асосий вазифаси - анъанани тўғри ажрата билиш ва унинг тўғрилигини кузатиб боришдир.

Дагмар Шатц бир неча саволлар берди:

◆ Амир Темур Европани қандай баҳолаган ва у ҳақда қандай фикрда бўлган? У фақат прагматик ва сиёсий мақсадларга эга бўлганми? Амир Темур Европа қироллари билан иттифоқ тузиши мумкинми?

◆ Амир Темур қайси динга эътиқод қилган, у Баҳовуддин Нақшбанд билан учрашганми? Германияда бу икки буюк инсоннинг учрашуви ҳақида афсона юради.

◆ Амир Темурнинг жуфти ҳалоли Бибихонимнинг ролини қандай баҳолаш мумкин?

Биринчи саволга д-р проф. А.Аҳмедов жавоб берди. Амир Темурнинг Европага муносабати бир маъноли эмас эди. Агар мусулмонларга тазйиқ ўтказилмаса, у насроний динига нисбатан ҳолис муносабатда бўлган. Мусулмонларга қарши зўравонлик Амир Темурнинг Гуржистонга нисбатан қатъий чораларига сабаб бўлди. Амир Темур Европанинг католик қиролларига ҳам тўғри муносабатда бўлган. У ўз давлатига Англия ва Франциядан савдогарларни таклиф қилган, Боязиднинг европалик асирларини озод қилиб юборган.

Жавобни д-р проф. Тельман Нагель тўлдирди. Амир Темурнинг Европага нисбатан сиёсати Литвагача ёйилган эди. Самарқанд позицияси Европа учун катта аҳамиятга эга бўлган. Англия ва Франция Амир Темурнинг эътиборини унчалик жалб қилмасди, Испания элчилари эса Самарқандда қабул қилинган. Амир Темур икки испан қизини турклар асирлигидан қутқарган.

Амир Темур сўфийлар билан яқиндан алоқа қилган, унинг атрофида доимо бу диний оқим вакиллари бўлган.

Д-р проф. А.Аҳмедов иккинчи саволга ҳам жавоб берди. Амир Темур мусулмон бўлган. У шиа мазҳабига мансуб эмас эди ва сўфизмга яқин бўлиб, Баҳовуддин Нақшбандга яқин кишилар

билан яхши таниш эди, лекин у Баҳовуддин Нақшбанд билан ҳеч қачон учрашган эмас.

Д-р проф. Аппемари Шпиммель аёллар Самарқанд ҳаётида муҳим роль ўйнаганлигини айтиб ўтди. Бибихоним бу маънода яққол намуна бўла олади.

Д-р проф. Г.Аҳмаджонов ўзининг қисқа маърузасида шундай деди: Амир Темур ўзбек халқининг буюк бобокалонидир. Тарихимизнинг энг муҳим саналари унинг номи билан боғлиқ, унинг тарихий мероси бизга давлатчиликни қайта тузишда ёрдам бермоқда. Россиянинг 150-йиллик ҳукмронлиги даврида бу улуг тарихий арбобнинг роли ва аҳамияти атайлаб пасайтириб кўрсатилар эди. Уни бузғунчи ва босқинчи деб атар эдилар, ҳозирги замон Эрон тарихчилари эса кўчманчи қабилалардан ҳимоя қилгани ва уларнинг давлати бутунлигини сақлаб қолгани учун Амир Темурдан миннатдорлар. Амир Темур образида умуминсоний қадриятларни кўра билмоқ, буюк манбалардан замонавий муаммоларни ҳал этишда фойдалана билмоқ керак.

ТЕМУР - МАРКАЗЛАШГАН ДАВЛАТ АСОСЧИСИ

*Ўзбекистон Республикаси Фанлар Академияси
Шарқшунослик институти, тарих фанлари
номзоди Азамат Зиёев*

Чингизийларнинг бир юз эллик йиллик ҳукмронлиги кўҳна Туркистон халқларининг кўп асрлик тарихий-маданий анъаналарига катта зарар келтирди. Бу, айниқса, ижтимоий-сиёсий муносабатларнинг муҳим аспекти бўлмиш давлатчиликни ривожлантиришда акс этди. Ҳаммага маълумки, Чингизхон бостириб келишидан олдин сўнгги мустақил сулола - Хоразмшоҳлар Туркистон, Хуросон, Сеистон, Забулистон, Мекрон, Эрон ва Озарбайжон худудида маркази Урганчда бўлган қудратли империя тузишга эришди. Бу Сомонийлар давридан бошлаб бир неча асрлар давомида шаклланиб келган мумтоз шарқона бошқарув усулига эга бўлган, марказлашган давлат эди.

Бу тизим Чингизийлар ҳокимияти ўрнатилгандан кейин бутунлай бузилиб кетди, уларнинг ўзларининг тарихий-маданий жиҳатдан қолоқликлари туфайли нафақат босиб олинган давлатларнинг давлат бошқаруви тажрибаси билан қизиқиб кўрмадилар, балки уни очиқчасига менсимай, бутунлай унутиб юборишга ҳаракат қилдилар. Чингизийларни асосан ўлпонлар ва мажбурий тўловларни йиғиш қизиқтирарди. Бу ишларни бажариш учун

улар маҳаллий намояндалардан, Чингизийларга сидқидилдан хизмат қилувчи ва шу билан бирга ўз манфаатларини ҳам эсдан чиқармайдиган кишилардан фойдаланар эдилар. Ўша вақтларда минтақанинг "янги" ҳукмдорларидан бирининг номи билан Чигатой улуси деб аталган Туркистонга машҳур Маҳмуд Ялавоч, унинг кетидан ўғли Масъудбеклар ҳоким этиб тайинланди. Шундай вазият вужудга келдики, мамлакат сиёсий жиҳатдан ташқаридан ва иқтисодий жиҳатдан ичкаридан бошқарилар эди. Шу билан бирга асосий мақсад - қароргоҳи ё Или дарёси водийсида, ё Амударё соҳилида бўлган чигатойликларнинг ҳамда "Буюк юрт" турли вакилларининг иқтисодий манфаатларини қондириш эди. Натижада мамлакат маркази Мўғулистонда бўлган улкан империянинг иккинчи даражали вилоятига айланиб қолди.

Вақт ўтиши билан ҳукмрон тузум минтақанинг сиёсий-худудий барқарорлигига путур етказадиган яна бир ижтимоий-сиёсий воқеликни вужудга келтирди. Бу ерда кейинчалик мамлакат ижтимоий ҳаётида муҳим роль ўйнаган қатор туркийзабон қабилаларнинг секин-аста кўчириб келиниши назарда тутилмоқда. XIV асрнинг ўрталарида Чигатой улуси икки қисмга: маркази Соли Сарой бўлган ғарбий қисм ва маркази Олмалиқ (Мўғулистон) бўлган шарқий қисмга бўлиниб кетганда бу омил биринчи даражага кўтарилиди.

759/1357-58 йилларда амир Қозағон вафот этди, сиёсий ҳокимиятнинг "хонликдан (яъни чингизийлар - А.З.) амирликка" ўтиши унинг номи билан боғлиқ бўлган. Шунинг эслатиб ўтиш жоизки, Чингизийлардан бўлган Қозонхонни очиқ жангда (747/1346-47) енгиб, амир Қозағон ҳокимиятни ўз қўлига олади. Бироқ, анъанага риоя қилган ҳолда, у Чингизийлардан бирини - Ўқтой уругидан бўлган Донишмандчани расмий ҳоким этиб тайинлади. Шундай қилиб, улусда сохта хонлар амалиётини амир Қозағон биринчи бўлиб киритди. Расмий ҳоким бор бўла туриб, ҳокимиятнинг йирик амирлар қўлига ўтиши минтақада чингизийлар устунлиги ниҳоятда сусайганлигини билдиради. Худди шу нарса Чигатой улусининг шарқий қисми - тарихий Мўғулистоннинг пайдо бўлишига сабаб бўлган.

Амир Қозағоннинг ўлими мамлакатда йирик амирларнинг, алоҳида вилоятлар ҳокимларининг ҳукмронлиги нақадар кучайганлигини кўрсатди. Уларнинг кучи асосан уларнинг уруғлари ёки қабилаларининг ҳарбий-иқтисодий қувватида эди. Бу кучлар расмий ҳукмрон Чингизийлар авлоди билан эмас, балки ўзаро устунлик учун курашганлари ҳайратланарли ҳол эмас. Лекин уларнинг бирортаси ҳам ўз ҳокимиятини ўрната олмади, натижа-

да ҳар бир вилоят мустақил сиёсий куч бўлиб қолаверди. Амир Темур ҳақидаги биринчи тарихий асар бўлмиш "Зафарнома" муаллифи Низомиддин Шомийнинг гувоҳликлари диққатга сазовордир. Унинг маълумот беришича, Хўжандда Боязид жалоийр, Балхда амир Ҳусайн, Шибирғонда Муҳаммадхожа апарди, Хатлонда ва Архонсаройда Кайхусрав ва Ўлжойту апарди, Самарқанд атрофларида Хизр Ясаурий, Кешда Ҳожи барлос, Бадахшонда эса маҳаллий шохлар ҳукмронлик қилишган.

Мамлакат ҳар қандай босқинчи учун енгил ўлжага айланиб қолди. 1348 йилда йирик мўғул амирлари томонидан тахтга ўтказилган Мўғулистон ҳукмдори Туғлуқ Темур юзага келган вазиятдан зудлик билан фойдаланиб қолмоқчи бўлди. У Чингизийларнинг Чигатой улусидаги ҳукмронлигини ҳеч бўлмаганда назарий жиҳатдан қўлдан чиқармасликка интилди. Аввал 1360-61 йилларда Туғлуқ Темурнинг ўзи, кейинчалик 1365 йилда унинг ўғли Илёсхўжа Мовароуннаҳрда Чингизийлар ҳукмронлигини тиклашга бир неча бор уриниб кўрдилар. Лекин на улар, на юқорида тилга олинган амир Қозағон авлоди амир Ҳусайн мамлакатни ўз ҳокимияти остига бирлаштира олмадилар. Туғлуқ Темур ва унинг ўғли тимсолидаги Чингизийларга қарши амир Ҳусайн ва Амир Темур бошлиқ маҳаллий амирлардан иборат кучлар курашни олиб бордилар. Жете кучлари қувиб чиқарилгандан кейин ҳақиқий ҳокимият амир Ҳусайннинг қўлига ўтди. Лекин тез орада унинг сиёсий обрўси чилпарчин бўлди: бунга сабаб, биринчидан, у бошқа амирлар билан чиқиша олмаслиги бўлса, иккинчидан, алоҳида вилоятларда бошбошдоқлик кайфиятлари сақланиб қолганлигидир, энг муҳими, сиёсий саҳнада Амир Темур пайдо бўлган эди.

Мовароуннаҳрда мўғулларнинг юз эллик йиллик ҳукмронлигига чек қўйилиши, давлатнинг сиёсий мустақилликка эришиши, унинг марказлаштирилиши, мамлакат бошқарувининг мумтоз шакллари тикланиши, иқтисод, фан ва маданиятнинг гуллаб-яшнаши, маркази Самарқандда бўлган дунё миқёсидаги салтанатнинг ташкил этилиши, халқаро сиёсий, иқтисодий ва маданий алоқаларнинг жадал ривожланиши - буларнинг бари Амир Темурнинг номи билан боғлиқдир.

Амир Темурнинг буюк шахси барча ижтимоий қатламларни ўзига тортиш маркази бўлиб қолди. У мамлакатни бирлаштириш, сиёсий ҳаётдаги кўп йиллик тартибсизликка чек қўйиш, минтақадан ташқарида йирик ҳарбий-сиёсий тadbирларни ўтказишга қодир бўлган арбоб эди. Шунинг учун Амир Ҳусайн тахтдан туширилгандан сўнг ҳарбий-сиёсий намоёндалар ва йирик дин

арбоблари бир овоздан Амир Темурнинг устунлигини тан олдилар. Ўттиз беш йил давомида Амир Темур мамлакат яхлитлигини сақлаб қолишга ва унинг халқаро обрўсини оширишга кўп кучини сарфлади.

Шубҳасиз, Амир Темур сиёсатчи сифатида унинг ҳокимият тепасига келишига ва энг асосий мақсади - қудратли ва марказлашган давлат тузишга эришишига қўмаклашган ижтимоий табақаларнинг манфаатларини ҳисобга олмаслиги мумкин эмас эди. Шунинг учун у ўз фаолиятини ўзига содиқ бўлган кишиларни юқори давлат ва ҳарбий мансабларга тайинлашдан бошлади. Амир Темур маҳаллий бошқарув маъмуриятларини мустаҳкамлашга ҳам алоҳида эътибор берди. У мансабдор кишиларни йўлларнинг хавфсизлигини таъминлаш, шаҳар ва қишлоқларни ободонлаштириш учун масъул қилиш ҳақида қатор фармонлар чиқарди, уларга работлар, хонақолар, мадраса ва шиφοхоналар қуришни буюрди. Амир Темур саййидлар ва шайхларга алоҳида эътибор берди. Ҳофиз Абрўнинг айтишича, Амир Темур вақф ва мадрасалар тизими орқали толибларга стипендиялар, камбағалларга (фуқароларга) нафақа (пенсия), улардан ҳар бирининг аҳволи ва қадр-қимматини ҳисобга олган ҳолда, тайинлаб қўйган экан. Бу чоралар билан Амир Темур жамоатчиликка ўз сиёсатининг асосий мақсадларини намойиш қилди.

Унинг ички сиёсати мазмуни барча ижтимоий гуруҳлар ва табақаларнинг манфаатларини ҳисобга олишдан иборат эди. Бу жуда муҳимдир. Чунки Амир Темургача жамиятнинг фаровонлиги деганда фақат олий мансабдорлар, ҳарбийлар ва, табиийки, давлат бошлигининг ўзи ва унинг яқинлари фаровонлиги тушуниларди. Масалан, Низомулмулкнинг машҳур "Сиёсатнома" асарида (XII аср) на олимларга, на зироатчиларга, на савдогарларга, на хунармандларга ва на бошқаларга алоҳида эътибор берилмаган. Ҳақиқатдан ҳам, Амир Темургача, унинг "Тузуклари" пайдо бўлишидан олдин, жамият фаровонлиги ҳукмдор ва мансабдорларнинг фаолиятига боғлиқ деган тушунча ҳукм сурган. Халқ эса, Низомулмулкнинг айтишича, фақат бўйсунган ҳолда ўзининг кундалик ишлари билан машғул бўлиши керак.

Биз Амир Темурга ҳозирги замон халқпарварлик ғояларини тиркаб қўймоқчи эмасмиз. Лекин унинг "Тузуклари" ва манбалардан йиғилган тарихий фактларни таҳлил қилиб, шуни таъкидлаш мумкинки, Амир Темур ижтимоий-сиёсий тафаккурининг буюклиги у давлатнинг ривожланиши жамиятнинг аҳволи ва тараққиёти ва ҳар бир ижтимоий гуруҳ манфаатлари билан чамбарчас боғлиқ эканлигини биринчи бўлиб англаб етганида-

дир. У жамиятни 12 табақага бўлиб қўйди. Олий дин арбоблари, ҳарбийлар, мансабдорлар, маҳаллий ҳокимият вакиллари, хизматчилар, уламолар, ҳунармандлар, савдогарлар, зироатчилар - барчаси алоҳида-алоҳида табақа эди. Барча ижтимоий табақаларнинг манфаатлари ҳисобга олинар эди. Амир Темур улардан ҳар бирининг имкониятларидан фойдаланишга ҳаракат қилар эди. Қонун кучига эга бўлган "Тузуқлар"да ҳар бир ижтимоий гуруҳнинг ҳуқуқ ва мажбуриятларини белгилаб қўйилган эди. Шуни алоҳида кўрсатиб ўтиш керакки, барча ижтимоий табақаларнинг манфаатларини ҳисобга олиш ва уларга риоя қилиш давлатни мустаҳкамлаш ва марказ ролини кўтаришнинг асосий омили бўлиб қолди. Айнан шундай сиёсат халқни марказга жалб қилар эди. Одамлар давлатни ўз ҳимоячиси ва манфаатларининг кафили деб билар эдилар. Шундай қилиб, халқ ҳаётининг ижтимоий-иқтисодий ва маънавий омилларини ҳисобга олиш Амир Темурга марказ обрўсини мустаҳкамлаш имконини берди.

Шу билан бирга, шундай воқеалар ҳам бўлдики, маҳаллий ҳарбий-сиёсий доиралар ўз манфаатлари йўлида марказий ҳукуматга нисбатан бошбоқдоқлик кайфиятларини намоён қилдилар. Шундай вазиятда ҳам Амир Темур муаммоларни тинч йўл билан ҳал қилишга интилар эди. Масалан, у ўзи ҳокимият тепасига келганда илк бор Самарқандда чақирган биринчи қурултойда (1370 й.) иштирак этишни ҳоҳламаган йирик амир Зинда Чашмага нисбатан шундай қилди. Амир Темур ҳарбий-сиёсий жиҳатдан устун бўлсада, уни бир неча бор марказга бўйсундиришга тўғриликча уриниб кўрди. Фақатгина сиёсий йўл билан ҳал қилишнинг ҳеч қандай имконияти қолмагач, Амир Темур муаммони уруш йўли билан ҳал қилишга қарор қилди. Осонгина ғалаба қозониб, Амир Темур бўйсунмас амирни жазолашга шошилмайди. Яна бошқа мисолни келтирамиз. Хоразм барча жиҳатлардан ягона давлатнинг бир қисми ҳисобланар эди. Лекин Чингизийлар даврида бу вилоятнинг шимолий қисми Жўжи улуси таркибига ўтди, жанубий қисми эса Чигатой улусида қолди. Самарқанднинг Хоразмга нисбатан бўлган даъволари қонуний эди. Бу муаммони ҳам Амир Темур тинч йўл билан ҳал қилишга киришди: у Хоразмга элчилар юборди, Хоразм ҳокимини яхшиликча кўндирмоқчи бўлди, ўғлини Хоразм ҳукмдорининг жиянига уйлантириб, бу билан Хоразм ва Самарқанд ўртасидаги алоқани мустаҳкамламоқчи бўлди. Бу ҳаракатларнинг бари зое кетди. Муаммонинг фақат уруш йўли билан ҳал этилиши (1371, 1373, 1375, 1379 ва 1388 йиллардаги ҳарбий юришлар) Амир Темурга бу вилоятни бутунлай бўйсундириш имконини берди.

Амир Темур Туркистоннинг шарқий қисми, яъни Мўғулистонни бирлаштириш учун ҳам кўп кучини сарфлади. Амир Темурнинг унга нисбатан сиёсати икки омил билан белгиланади. Биринчидан, Сирдарё, Сарисув, Балхаш, Иртиш ва Марказий Тангри тоғ билан чегараланган ҳудуд азалдан, ҳатто Чигатоёлар ҳукмронлик қилган даврларда ҳам Туркистоннинг таркибий қисми эди. Иккинчидан, XIV аср ўрталаридан бошлаб Мўғулистон Мовароуннаҳр учун жиддий ва доимий хавф касб этарди, шу билан бирга у мўғулларнинг сўнгги сиёсий таянчи эди. Биз юқорида Туғлуқ Темур ва унинг ўғли Илёсхожанинг Мовароуннаҳрга қилган ҳарбий юришларини тилга олдик. 1370 йилдан кейин Мўғулистоннинг ҳарбий кучлари уч марта шу йўналишда ҳарбий юриш қилдилар (1370-71, 1376 йй.). Сўнгги мартасида Мўғулистон ҳукмдори амир Қамариддин Фарғонанинг катта қисмини босиб олди. Амир Темур Мўғулистонга қарши етти марта ҳарбий юриш қилишга мажбур бўлди (1371, 1375, 1376, 1377, 1383, 1389, 1390 йй.). Охириги юришда у Мовароуннаҳрга шарқдан келаётган таҳдидни бартараф қилди ва Мўғулистонни ўз назорати остига олди. Шундай қилиб, минтақани узил-кесил бирлаштириш Амир Темур ҳукмронлик қила бошлаганидан йигирма йил ўтгандан сўнггина мумкин бўлди. Бундан кейинги йилларда у ташқи сиёсат масалалари билан машғул бўлди.

Умрининг қолган ўн беш йили ичида Амир Темур давлатни дунё миқёсидаги империяга айлантирди, унинг ҳудуди Ўрта ер денгизидан то Хитой чегараларигача ёйилган эди.

Ғарбий Европа ҳам Самарқанд олдида қарздор эди. Амир Темурнинг турк султони Боязид устидан қозонган ғалабаси (1402 й.) Шарқ ва Ғарб ўртасидаги ўзаро муносабатлар мазмунини тубдан ўзгартира олмади. Боязид фақат ҳарбий кучига ишониб, Европа устидан ҳукмронлик қилмоқчи бўлган эди. Амир Темур эса Европа мамлакатлари билан дипломатик алоқалар ўрнатди, Усманийлар империяси хавфини бартараф қилди ва шу билан европаликлар назарида уларнинг халоскори бўлди, натижада минтақа ўз-ўзидан унинг таъсири ва манфаатлари доирасига кирди. Амир Темур Кастилья ва Лион қироли Генрих Шининг (1390-1407) элчиларини қабул қилиш вақтида айтган сўзлари жуда қизиқарли. Элчилардан бири Рюи Гонзалес де Клавихонинг гувоҳлик беришича, Амир Темур шундай деган: "Менинг ўғлим, Испания қироли, дунёнинг нариги чеккасида яшайдиган фарангларнинг қиролларидан улуғи юборган мана бу элчиларга бир қаранг. Улар ҳақиқатан ҳам буюк халқ, мен ўғлимга, Испания қиролига оқ фотиҳамни бераман". Ўша замон дипломатияси

тилида "Ўғлим" дегани - "менга тобе" дегани бўлган. Амир Темур султон Боязид билан ёзишмаларида (1389-1402) унга нисбатан шундай мурожаат қилинганда қаттиқ эътироз билдиради эди. Бу ерда эса Амир Темурнинг сўзлари ўша вақтдаги тарихий воқеликни акс эттирган холос. Ҳақиқатан, Атлантикадан Буюк Ҳитой деворигача бўлган ҳудуд у ёки бу даражада Самарқанд таъсири доирасида эди.

Агар Амир Темур Ҳитойга бошлаган юриштини ҳам муваффақият билан ниҳоясига етказганда, у ҳолда бутун дунё, ёки, ўрта асрлар муаллифлари айтганидек, дунёнинг бутун обод қисми Самарқанд таъсир доирасига тушиб қолган бўлар эди.

◆ **Амир Темур даврида давлат қандай бошқаришлар эди?**

Салтанат шартли равишда бир неча қисмга бўлинган эди. Хуросон, Забулистон, Кандаҳор, Сеистон, Эрон, Озарбайжон каби вилоят ва мамлакатлар бевосита Амир Темур хонадони вакиллари - унинг ўғиллари ва набиралари томонидан бошқаришлар эди. Бу мамлакатлар биргаликда тўртта улус ҳудудини ташкил қилар, бу улусларни Амир Темурнинг тўрт ўғли ва уларнинг авлодлари бошқариб турган. Қолган ҳудудлар (Олтин Ўрда, Мўғулистон, Шимолий Ҳиндистон, Кичик Осиё, Миср, Сурия ва б.), Самарқанднинг устунлигини тан олган ҳолда, Амир Темурнинг рухсати билан маҳаллий сиёсий кучлар томонидан бошқаришлар. 1404 йилда Амир Темур Ҳалоку улусини бошқаришни Мироншоҳнинг ўғли шахзода Умарга (1383-1407) топширади экан, бу улус чегараларини шундай белгилаб қўйди: "Озарбайжон ва унга тегишли барча ерлар, шунингдек, Румдан Истамбулгача ва Шомдан Мисргача". Кўриниб турибдики, Амир Темур ҳукмронлик йиллари сўнгида Сурия ва Туркияни ҳам бевосита ҳукмрон сулола вакиллари томонидан бошқариладиган ҳудудлар доирасига қўшиб олган.

Империя юраги бўлган Мовароуннаҳр ҳар вақт давлат ҳукмронининг назорати остида эди.

Марказий ҳокимият идораларининг фаолият услубларида тўхталиш ўринлидир. Амир Темурнинг тарихий жиҳатдан эътиборга лойиқ ишларидан бири шундаки, у давлатнинг марказий ашарати ишларини Чингизийларгача бўлган даврга хос мумтоз шаклда ташкил қилган. Маълумки, Сомонийлар давридан бошлаб (892-1005) ҳокимият икки қисмга: қонун чиқарувчи "даргоҳлар" ва ижро этувчи "девошлар" (вазирликлар)га бўлиниши яққоллашиб қолганди. Бу тизим кейинги сулолалар даврида ҳам сақланиб қолди. Чингизийлар нафақат бу тизимни бузиб юбордилар, балки ўзлари ҳукмронлик қилган бир ярим асрлик давр

ичида бошқарувнинг архаик усулларини ўрнатдилар. Давлатни улусларга бўлиб бошқариш жамиятнинг ижтимоий-сиёсий онгига сингиб кетди. Айни шу омил таъсири остида ўша давр адабиётида Амир Темур Чигатой улусининг тахтига даъвогар бўлган, деган фикрлар пайдо бўлди. Шундай мулоҳазаларни биз Амир Темурнинг ёзишмаларида ҳам учратамиз. Бир сўз билан айтганда, ўзини ҳам, давр воқелигини ҳам енгитиш жуда қийин иш эди. Бироқ, охир-оқибат Амир Темур даргоҳлар ва девонлар тизими-ни тиклашга эришди.

Бу тизимнинг асосий иш услуби қонунийликдан иборат эди. Бу ҳақда Амир Темур "Тузуқлар"да шундай ёзган: "Ўз ҳокимиятим биносини дин ва қонун асосида мустаҳкамладим. 'Салтанат бошқарувидаги ҳар бир ҳаракатимни қонунга асосан бажардим". Шунинг учун даргоҳ бошлиғи ҳамда давлат ички ва ташқи сиёсатининг барча асосий масалалари бўйича фармонлар муаллифи бўлган ҳолда, Амир Темур давлат сиёсатини қонунга таянган ҳолда кўришга интилар эди.

Қонун чиқарувчи ҳокимиятнинг олий бўғини қурултой, яъни амирлар, шаҳзодалар, вазирлар, тобе мамлакатлар ва вилоятлар ҳукмдорларининг ўзига хос йиғини саналарди. Бирламчи манбаларда 20 дан ортиқ қурултойлар бўлиб ўтгани ҳақида маълумотлар бор. Амир Темур расмий тарихи бўлган "Зафарнома" муаллифлари Али Яздий ва Шомий қурултойни икки хилга - катта қурултой (қурултойи бузург) ва қурултойга ажратадилар. Асарлар таҳлили шуни кўрсатадики, катта қурултойда олий ҳокимият масалалари ҳал қилинар, давлатнинг расмий ҳукмдори эълон қилинар, лашкарни мустаҳкамлаш ва йирик ҳарбий юришларни ташкил қилиш муаммолари муҳокама қилинар эди. Оддий қурултой эса улуслар, мамлакатлар, вилоятлар ҳокимларини тайинлаш, алоҳида ҳарбий чора тадбирларни ташкил қилиш каби масалалар билан шуғулланар эди. Даргоҳда мансабдор шахслар ва амалдорлар иштирокида алоҳида кенгашлар (мажлиси хос) ўтказилиб турарди. Уларда империяни бошқариш, муҳим давлат мансабларига тайинлаш, мамлакатдаги ва хориждаги муҳим воқеалар таҳлили каби асосан давлат аҳамиятига эга бўлган масалалар кўриларди. Махсус котиб кенгашнинг боришини алоҳида дафтарга ёзиб борар, ўзига хос протокол юритар эди.

Маълумки, Амир Темур "рост-и руст", яъни "куч адолатдадир" деган тамойилга амал қилар эди. Шунинг учун ҳам даргоҳда арзбеги, яъни мурожаатлар, аризалар ва арзномаларни кўриб чиқувчи хизматга алоҳида ўрин берилган эди. Шу билан бирга адолат амири (амири адл) мансаби ҳам мавжуд эди. Уларнинг

биринчиси марказда кишилар билан ишласа, иккинчиси бевосита жойларда, халқ орасида вужудга келадиган низоларни ҳал қилар эди. Даргоҳ икки тарафлама назорат йўли билан жамият ҳаёти ҳақида мумкин қадар ҳолис маълумотга эга бўлишга интиларди. Хабар келиши билан махсус амалдорлар - аминлар (ишончли кишилар) дарҳол воқеа содир бўлган жойга бориб, уни синчковлик билан ўрганар эдилар. Агар қонун маҳаллий маъмурият томонидан бузилган бўлса, жарима маҳаллий хазинадан ундириб олинарди. Қилинган ишлар тўғрисида аминлар даргоҳга ҳисобот берар эдилар.

Даргоҳдаги асосий лавозимлардан бири тавочи бўлиб, у асосан лашкарни йиғиш ва уни жойлаштириш билан шуғулланар эди. Шарофиддин Али Яздийнинг ёзишича, тавочига энг олий ҳукмдордан кейинги мансаб деб қараларди. Тавочи ва унинг одамлари узоқ ҳарбий юришлар ва қисқа муддатли ҳарбий чоралар учун етарлича лашкар тўплаш, у ёки бу ҳарбий қисмининг белгиланган жойга кўрсатилган вақтда етказиб келиш, ҳарбий буйруқларни бажариш, тинч шароитда эса йирик қурилишларда иш тақсимлаш учун жавоб берар эди. Али Яздийнинг "Зафарнома" асарида бу хизматнинг фаолият механизми таърифи берилган. Масалан, у бош тавочилар (тавоҷиёни бузург) ҳақида ҳикоя қилади. Бу унвонга йирик амирлардан Ҳожи Сайфиддин, Жаҳоншоҳ Жоку, Шамсиддин Аббос мушарраф бўлган эдилар. Айнан улар тумонот (ўнмингбоши), ҳазоражот (мингбоши), садожот (юзбоши) кабилардан уларнинг лашкарни ўз вақтида етказиб келишлари тўғрисида тилхат олишга ҳақли бўлиб, бу лашкарнинг сони ва сифати аввалдан қурулғойда, Амир Темур ва шу мансабдорлар ўртасида келишиб олинган бўлар эди.

Даргоҳда шунингдек бош ҳожиб ва ҳожиблар, хазинадор, хонсолар, жибочилар, қушчи, қушбеги, баковулбошилар, котиблар, битикчилар, табиблар, мусиқачилар, сўз усталари, фаррошлар ва бошқалар хизматда бўлганлар.

Энди ижроия ҳокимият, яъни девонлар фаолияти ҳақида тўхталамиз.

1. Мамлакат ва аҳоли ишлари бўйича девон (вазирлик). Бу идора олинган ҳосилнинг вилоятлар бўйича тақсимланишини назорат қилиш, солиқларни йиғиш, даромад ва харажатларни ҳисоблаш, шаҳарлар ва аҳоли яшайдиган пунктни ободонлаштириш, хазинанинг аҳволини таҳлил қилиш каби кундалик муаммоларни ҳал этиш билан шуғулланган. Вазирлик бошлиғи давлат бошлиғига мунтазам ҳисобот бериб турган. Бу идорани Чингизхонгача бўлган даврдаги худди шундай вазирлик фаолияти билан

таққосласак, бу ерда гап бош вазир ва унинг идораси ҳақида кетаётгани яққол кўринади.

2. Ҳарбий ишлар вазирлиги. Бу идоранинг мажбуриятларига ҳарбийларнинг маошини тўлаш, ҳарбийлар алоҳида хизматлари учун қўлга киритган мулкни назорат қилиш ва рўйхатга олиш, қурол билан таъминлаш, ҳарбий ҳаракатлар натижасида хизматга яроқсиз бўлиб қолганларни нафақа билан таъминлаш, истеъфога чиққанлар ҳақида қайғуриш кабилар кирган.

3. Солиқлар ва мулк вазирлиги. Бу орган эгаси аниқланмаган мулкни ҳисобга олиш ва уни назорат қилиш, олиб кирилаётган ва олиб чиқиб кетилаётган товарлардан бож ва закот олиш, яйловлар ва молларнинг аҳволи ва улардан тушаётган даромадни назорат қилиш, мулкни мерос қилиб олишда қонунга риоя қилинишини назорат қилиш кабиларни амалга оширган.

4. Молия вазирлиги.

5. Адлия вазирлиги (девони мазолим). Бу идора қонун талаблари ва оддий ҳуқуқ талабларига таянган ҳолда бевосита фуқаролик ишлари билан шугулланган. Шариат доирасида мустақил равишда исломий ҳакам - қози ишлаб турган. Ҳарбийларнинг ҳуқуқий муаммоларини ҳарбий трибунал (қозийи аскар) ҳал қилган. Шундай қилиб, суд ҳокимияти фуқаролик, диний ва ҳарбий судга бўлинган эди.

Учта вазирлик тобе ҳудудлар ишлари билан шугулланар эди. Асосий эътибор молия, даромад ва мулк масалаларига қаратилар эди.

X-XII асрларда ижроия ҳокимият тизимида вақф ишлари бўйича вазирлик ишлаб турарди. Амир Темур бундай ишларни садр ас-судур, яъни бош садрга топширди. Маълумки, оммавий, диний ва амалий фойдаланишга мўлжалланган кўпгина муассасалар ва иншоотлар Амир Темур кўрсатмасига биноан вақфга топширилган эди.

Масалан, даштда аҳоли пунктларининг орасида лангарлар, яъни истаган пайтда емак ва бошпана топиш мумкин бўлган жойлар қуриларди. Лангарлар вақф сифатида яқин атрофдаги қишлоқларнинг "балансида" турар эди. Бутун империя ҳудудида ҳам ана шундай бўлган. Тахмин қилинишича, бу тизимни бошқариш ва назорат қилиш учун алоҳида хизмат бўлган ва у собиқ вақф ишлари вазирлигининг ўрнини олган. Афсуски, ўзимизга маълум бўлган адабиётларни таҳлил этиш натижалари бўйича бу идоранинг номини аниқлаш имкони ҳали бўлгани йўқ. Балки, бу хизмат маҳаллий маъмурият бошқарувига топширилган бўлиши ҳам мумкин. Турли хилдаги мулкни диний ва хайрия муассаса-

ларга топшириш бўйича анъанавий ишлар билан эса садр ас-судур шуғуланар эди. Замондошларининг гувоҳлик беришича, Амир Темур вақф даромадларидан бир тийини ҳам хазинага тушмаслигини ўз вазирларидан (вузаро) талаб қилган экан.

Бу даврда марказнинг ҳаракатлари билан кўп тармоқли почта-савдо йўллари ташкил қилинган эди. Ҳофиз Абрўнинг ёзишича, Самарқанддан истаган тарафга икки ой юрганда ҳам киши тунда кўчада ёки чўлда қолмас экан, чунки Амир Темур кўрсатмаси билан ҳамма ерда работлар қурилган бўлган. Улар бир вақтнинг ўзида мингтагача одамни қабул қилиб, уларни еб-ичишини таъминлашга қодир эканлар. Рюи Гонзалес де Клавихо хотираларида ҳам шу тизим ҳақида ёзиб қолдирган. Бу тизимни бошқариш учун ҳам, мазмуни ва вазифалари бўйича X-XII асрларда мавжуд бўлган ахборот ва почта вазирлигига ўхшаган тегишли ҳукумат идораси бўлган бўлса ажаб эмас.

X-XIII асрларда ижрочи ҳокимият тизимида ёзишмалар ва ташқи ишлар бўйича идора мавжуд бўлган. Рюи Гонзалес де Клавихо шоҳидлик беришича, элчиларни қабул қилиш ва олиб юриш билан "кавалерлар ва шоҳнинг бош эшик оғаси", яъни бош ҳожиб шуғуланар экан. Даргоҳ ҳожиблари ҳақида Ҳофиз Абрў ва Али Яздий ҳам ёзган. Афтидан, Амир Темур замонида ташқи ишлар билан шуғуланувчи бўлинма даргоҳ таркибига кирган бўлса керак.

Амир Темур давридаги давлат марказий бошқарув органлари билан танишув империя ичкарисида сиёсий, иқтисодий, ижтимоий ва ҳуқуқий муносабатларни бошқариб турган тизимни янада яққолроқ тасаввур қилиш имконини беради. Бу тизим шариат қонунлари, мусулмон ҳуқуқшунослиги қоидалари асосига қурилган эди. Темур "Тузуқлари" - давлат ва жамиятни бошқариш бўйича ўзига хос қонунлар мажмуаси алоҳида ўрин тутди. "Тузуқлар"да, масалан, вазирларга (вазирликлар бошлиқларига) қўйиладиган талаблар, солиқ сиёсатини ташкил қилиш тўғрисида, марказда ва жойларда ҳукумат бошқарув органларининг шаҳарлар ва аҳоли пунктларини ободонлаштириш учун жавобгарлиги тўғрисида, мулкчилик ҳуқуқи тўғрисида, ҳарбий қурилишлар тўғрисида, назорат қилувчи органларнинг фаолияти тўғрисида, ҳукмрон сулоланинг ҳуқуқ ва мажбуриятлари тўғрисида, дин пешволари, олимлар, хунармандлар, зироатчиларнинг мавқеи тўғрисида, бошқарув органларининг фуқаролар олдидаги масъулиятлари тўғрисида ва бошқалар ҳақида қоидаларни топиш мумкин. Ҳокимият органлари белгиланган ҳуқуқий меъёрларга қатъий риоя қилишга интилардилар. Амир Темурнинг қулоғига

қонун бузилганлиги тўғрисида хабар етиб боргудек бўлса, у айбдорни шафқатсиз жазолар эди.

Бу борада Рюи Гонзалес де Клавихонинг берган гувоҳлиги эътиборга лойиқ. Навбатдаги ҳарбий юришдан қайтган Амир Темур (бу юришни Али Яздий етти йиллик юриш /1399-1404/ деб атаган) "бутун Самарқанд империяси" бўйича бош вазирнинг ўз мансабини суиистеъмол қилганини билиб қолиб, уни дарҳол остига буюрди ва уни авф қилишни сўраганларни ҳам шафқатсиз жазолади. Шу йиллар давомида ўз молини юқори нархларда сотган ҳунармандлар ва дўкондорлар ҳам жазоландилар. Маълум бўлишича, озиқ-овқат маҳсулотлари ва энг зарур буюмлар: нон, гўшт, кийим-бош ва бошқаларнинг нархини чегаралайдиган тартиб-қоида илгаридан мавжуд экан. Шундай қилиб, Рюи Гонзалес де Клавихо таъкидлашича, "Самарқандда қонунга қаттиқ риоя қилинар эди, шунинг учун ҳам ҳеч ким сенъорнинг (Амир Темурнинг - А.З.) буйругисиз бировга тазйиқ ўтказолмайди ва қандай бўлмасин куч ишлата олмайди". Қонунларга фақат марказда эмас, балки бўйсундирилган мамлакатларнинг ҳудудларида ҳам имкон қадар риоя қилинар эди. Бу муаммо борасида Амир Темурнинг алоҳида қоидаси бор эди, унда ёзилишича: "Тобе мамлакатларнинг аҳолиси кутилмаган ҳодисалардан, қатлдан, зўравонлик ва асирликдан ҳимоя қилинсин. Уларнинг мулки талончиликдан сақлансин".

Бироқ, юқорида таърифланган давлат бошқаруви тизими Амир Темур ўзи бор пайтдагина аниқ ишлар эди. Давлатдаги қонунийлик ва ҳуқуқий тартиб, марказга интилувчан кучлар турғунлигининг кафили энг аввало Амир Темурнинг ўзи бўлган. У тириклигида бу тизим аниқ ишлаб турди. Амир Темурнинг вафотидан сўнг унинг авлодлари ўртасида келишмовчиликлар пайдо бўлди, бу эса ўз навбатида ижтимоий-иқтисодий ва ҳуқуқий муносабатларнинг, сиёсий ҳокимиятнинг барқарорлигига путур етказди, яъни олдин Амир Темур яратган тизим, кейин эса империя ҳам емирила бошлади. Темурийлар фаолияти яна юз йил давом этган бўлсада, улар буюк аждодлари қўйган пойдеворга таяниб иш тутдилар. Сиёсий саҳнада икки янги, ёш, кучга тўлган сулолаларнинг асосчилари - шимолда Муҳаммад Шохбахт (Шайбонийхон) ва ғарбда Исмоил Сафовий пайдо бўлгандан кейин Туронда ҳам, Эронда ҳам темурийлар сулоласига якун ясалди. Шуниси қизиқарлики, темурийларнинг Шимолий Ҳиндистонга ўтиб кетган вакили Заҳириддин Муҳаммад Бобур (1483-1530) ва унинг авлодлари, энг аввал Акбар (1556-1605) тақдир-

нинг тақозоси билан бу минтақада давлатни бирлаштириш билан машғул бўлдилар.

Юқорида айтилган фикрлар қуйидаги хулосаларни қилиш имконини беради:

1. 1370 йилда мамлакатнинг сиёсий мустақиллигини таъминлаб, Амир Темур бўлажак марказлашган давлат асосини яратди.

2. Амир Темур теварагида мамлакатнинг асосий сиёсий кучлари тўпланиши, унинг барча ижтимоий табақалар манфаатини ҳисобга ола билиш қобилияти жойларда давлат ва марказнинг обрўсини ортиқча уринишларсиз кўтаришга имкон берди.

3. Амир Темур ўнлаб йиллар давомида йигилиб қолган ижтимоий муаммоларни моҳирона ҳал этиб, шахсий ва ижтимоий хавфсизликни таъминлаб, иқтисод, савдо, фан ва маданиятни қўллаб-қувватлаб, ободонлаштириш ишлари ва маҳаллий анъаналарни ривожлантириб бутун мамлакат аҳолисининг меҳри ва ҳурматини қозонди.

4. Амир Темур ҳар қандай вазиятда ҳам давлатнинг яхлитлигига шикаст етказишга уринувчи кучларга қарши шафқатсиз курашар эди.

5. Дунё миқёсидаги салтанатни тузар экан, Амир Темур дипломатия, сиёсий таъсир кўрсатиш чоралари, сулолалар ўртасидаги алоқаларни қариндошлик иплари билан мустаҳкамлаш каби тadbирлардан фаол фойдаланди. Амир Темур унинг ҳукмронлигини ихтиёрий равишда тан оладиган ҳокимларни ўз мансабларида қолдириб, манфаатлар ўртасида муросасизлик ҳоллари вужудга келган пайтлардагина ҳарбий воситаларни қўлади.

6. Шариат қонунлари ва мусулмон ҳуқуқшунослиги қондаларига таяниб, "Тузуқлар" ва шахсий обрў-этиборидан фойдаланган ҳолда амир Темур бутун салтанат ҳудудида қонунийлик ва ҳуқуқий тартиб ўрнатишга интилди.

7. Амир Темур даврини минтақа маданий ривожланишининг "Олтин асри" деб аташ мумкин. Амир Темур давлат ва жамиятни мустаҳкамлашда фан, маданият ва маънавий ҳаётнинг аҳамияти ва ўрнини жуда яхши тушунар эди. Шахсан Амир Темур ва унинг авлодлари кучи билан кўпгина диний иншоотлар (мадрасалар, масжидлар, хонақолар, мақбаралар) тикланди ва янгидан қурилди. Теурийлар кутубхоналари бутун дунёга машҳур эди. Амир Темур ва унинг авлодлари ҳомийлигида илми нужум, риёзиёт, ҳандаса, тиббиёт, кимё, меъморчилик, тарихшунослик, адабиёт, ҳуснихат ва рангтасвир соҳасида алоҳида ютуқларга эришилди. Фан ва маданият арбоблари ҳукумат ҳимоясида бўлиб, катта обрў-этиборга эга эдилар.

8. Амир Темур савдо-иқтисодий муносабатларга алоҳида аҳамият берди, бу муносабатларни сиёсий-ҳуқуқий ҳимоялаш, хавфсизлигини таъминлаш, савдо йўларини обод қилиш (работлар, лангарлар), савдо алоқаларини ҳам Шарқ, ҳам Ғарб томонга кенгайтириш, Буюк Ишак Йўлининг самарали ишлаб туриши учун кўп ишларни амалга оширди.

9. Амир Темур салтанат таркибидаги барча мамлакатларнинг халқлари эътиқод қилган ислом динининг ҳимоячиси бўлган. У муқаддас жойларни зиёрат қилувчиларнинг доимий хавфсизлигини таъминлаб қўйган эди.

10. Қудратли лашкар Амир Темур юргизаётган ташқи ва ички сиёсатни таъминлар эди. Лашкарнинг жанговар қобилияти доимо юқори даражада бўлган.

11. Амир Темур дипломатиянинг нозик жойларини яхши тушунар, ўзини қизиқтирган мамлакатларнинг ҳозирги аҳволи, уларнинг тарихи ва маданияти ҳақида доимо аниқ маълумотларга эга бўлар эди.

12. Улкан давлатнинг сиёсий, ижтимоий, иқтисодий ва маданий ҳаётини назорат остида тутиб туриш учун Амир Темур ўша даврлар учун янгича бўлган давлат бошқаруви тизимини қўлади. Бу тизим ҳокимиятнинг икки тармоғи - қонун чиқарувчи (даргоҳ) ва ижроия (девор) тармоқларни ўз ичига олган эди. Амир Темур X-XII асрлардаги давлат бошқаруви усули намуналарини самарали қўлаб, замонага мослаштирди ва ундан давлатни марказлаштириш ва мустаҳкамлаш воситаси сифатида фойдаланди.

13. Буюк сиёсатчи, дипломат, лашкарбоши, стратег ва психолог қобилиятларини ўзида мужассамлаштирган Амир Темур дунё цивилизацияси тарихида энг улуғ шахслардан биридир.

"ОЛИЙЖАНОБЛИК ВА ҚАТТИҚҚЎЛЛИК" — АМИР ТЕМУР ДАВРИДА ҲУҚУҚИЙ ОНГ: БУ ЗАМОНАВИЙ ДАВЛАТНИНГ ИСТИҚБОЛЛИ АСОСИ БЎЛА ОЛАДИМИ?

Самарқанд вилояти ҳокими Алишер Мардиев

Энг аввало менга Самарқанд вилояти ҳокимияти номидан Халқаро симпозиум иштирокчиларини кутлашга ва барча меҳмонларга иш натижалари самарали бўлишини тилашга ижозат беришингизни сўрайман.

Бугунги кунда, ўзбек халқи буюк саркарда ва машҳур давлат арбоби бўлмиш Амир Темур таваллудининг 660 йиллигини тантанали нишонлашга тайёргарлик қўраётган бир пайтда бутун

дунё жамоатчилиги унинг шахсига ва давлатчиликини мустақкамлашдаги хизматларига катта қизиқиш билан қарамоқда.

Сизларга маълумки, Ўзбекистон Республикаси Президентининг Фармони билан 1996 йил Амир Темур йили деб эълон қилинди. Ўзбекистон ҳукумати мамлакатимизнинг барча вилоятларида юбилей тантаналарини ўтказиш бўйича комплекс дастурни тасдиқлади. Бугунги халқаро анжуман ана шу юбилейга бағишланган тадбирларнинг биридир.

Биз яқинда республикаимиз ҳаётида шонли сана - давлат мустақиллигининг беш йиллигини нишонладик.

Маълумки, Ўзбек халқи асрлардан буён озод ва мустақил бўлиш учун курашиб келган. Аждодларимизнинг асрий анъаналарини давом эттириб, биз янгича тарихий шароитда ўз миллий давлатчилигимизни тинчлик, қардошлик ва миллатлар тотувлиги асосида қурмоқдамиз.

Ижтимоий-сиёсий ва иқтисодий соҳалардаги қатор ютуқлар билан бирга, айнан мутақиллик миллий маънавиятнинг қайта тикланишига йўл очиб берди. Эришилган озодлик туфайли гўзал миллий анъаналарни тиклаш, дунё цивилизациясига салмоқли ҳисса қўшган буюк аждодларимизнинг улкан маънавий ва тарихий меросини ўрганиш имконияти туғилди. Халқимизнинг буюк ўғлонлари ҳақидаги хотиралари қайта уйғонди, улардан бири Соҳибқирон Амир Темурдир.

Амир Темур даврини биздан олти асрдан ортиқроқ вақт ажратиб турибди. Лекин у бизга жуда яқин, чунки ўша тарихий давр маданияти, фалсафаси ва ҳуқуқий тафаккури бой маънавий тарихнинг халқимиз турмуш тарзини белгилаб берган муҳим босқичидир.

Шонли юбилей арафасида биз Амир Темурнинг бой меросига қайта-қайта мурожаат қилмоқдамиз, унинг давлат қурилиши бўйича тажрибасини, улкан мамлакатни бошқаришнинг маънавий ва ҳуқуқий асосларини ўрганишимиз. Тарихий тажрибани ўрганиш натижасида "Амир Темур давридаги ҳуқуқий онг формуласи - "Олийжаноблик ва қаттиққўллик" - замонавий давлатнинг истиқболли асоси бўла оладими?" деган саволга жавоб беришга уриниб кўриш мумкин.

Шу саволнинг қўйилиши ва муҳокама қилиниши жамиятимизнинг сиёсий ҳаётида бўлаётган ўзгаришлардан - фуқароларимизнинг фикр юритиши ва дунёқараши ўзгарганлиги, уларнинг сиёсий ва ижтимоий онги ривожланганлигидан далолат беради. Биз бундан беш йил илгариги кишилар эмасмиз. Бугунги кунда асрлар

қарига назар ташласак, биз турли даврлар ўртасидаги боғлиқликни, қонуний тарихий жараёнлар натижаси сифатида ҳуқуқий онгнинг ривожланишини кўришимиз мумкин. Ҳеч нарса йўқдан бор бўлмайди. Шундай экан, Амир Темурнинг давлат қурилиши ва унинг ҳуқуқий пойдевори ривожланишига қўшган улкан ҳиссаси ҳозирги замон ва келажак давлат қурилишининг муҳим таркибий қисми бўлиши мумкин ва шундай бўлиши керак ҳам.

Миллий маданиятимизнинг ҳақиқий бойликларини қайта тиклар эканмиз, биз уларни дунё цивилизацияси, умуминсоний демократик онг ютуқлари билан уйғунлаштирамиз. Бу ерда битта аниқ мезон бор - асрлар давомида тўпланган тажриба ичидан энг қимматли ва ижобийсини, ҳозирги кунда ҳамма томонидан тан олинган дунё ҳуқуқий андозаларига - Инсон ҳуқуқлари умумий декларацияси, Хавфсизлик ва ҳамкорлик бўйича Хельсинки Якуний акти ва бошқа, Ўзбекистон ўз мустақиллиги йилларида қўшилган муҳим актларга жавоб бера оладиган тажрибани танлаб олиш давом этмоқда. Бу бизга дунё ҳамжамиятига кириш, бошқа давлатлар билан ўз муносабатларимизни тенг ҳуқуқлилик асосида қуриш имконини берди. Бу ҳақда ҳурматли Президентимиз Ислоҳ Абдуғаниевич Каримов бир неча бор гапирган эдилар.

Бизнинг ёш мустақил мамлакатимиз мустаҳкам тарихий илдишларга эгадир. Бу нарса бизга замонавий миллий давлатчиликни шакллантиришда тайёр схема ва стандартлардан воз кечиб, ўзига хос йўлни танлаш учун имкон берди. Бу йўл бошқа халқларнинг давлат қурилиши борасидаги илғор тажрибасига ва аждоқларимизнинг қадимий анъаналарига таянган.

"Биз қураётган давлат, - деган эди республикаимиз Президенти И.А.Каримов Олий Мажлиснинг 1-сессиясида сўзлаган нутқида, - халқимизнинг мустақиллигига асосланган бўлиши керак. Юксак маънавият, маърифатпарварлик, адолат бизнинг халқимизга хос хусусиятлардир. Бу хусусиятлар кўп жиҳатдан Шарқ фалсафаси, маърифатли ислом фалсафаси таъсири остида шаклланган, ўзбек халқи уларнинг ривожига бебаҳо ҳисса қўшган". Имом ал-Бухорий, Имом ат-Термизий, Аҳмад Яссавий, Баҳовуддин Нақшбанд, Улуғбек, Алишер Навоий, Бобурларнинг номи тилга олинса kiffoя.

Мустақил миллий давлатчиликни яратишда биз таянишимиз керак бўлган тарихий бойликлар ичида буюк Амир Темурнинг давлат қурилиши ва бошқаруви соҳасидаги тажрибаси албатта алоҳида ўрин тутади. У ишлаб чиққан ва фойдаланган давлат бошқаруви қоидалари ҳозирги кунгача ҳам кўп жиҳатдан ўз аҳамиятини йўқотмади.

Ўз ичига 27 мамлакатни олган, Волгадан Гангагача ёйилган улкан империяни Амир Темур қандай қилиб шунақанги уddaбу-ронлик билан бошқара олган экан? Қандай қоидалар ва тамо-йилларга риоя қилган экан? - деган саволлар вужудга келиши табиий.

Амир Темур ҳокимият учун кураш, урушлар, ижтимоий тақ-симланиш хос бўлган ўша давр кишиси эди. Замон даъватига жавоб берар экан, Амир Темур ўзининг давлатни бошқариш бўйича фаолиятида ўн икки тамойилга риоя қилган. Мана улар:

1. Ҳар вақт ва ҳар жойда исломни қўллаб-қувватлаш.
2. Ўзига садоқатли кишиларнинг маслаҳатларидан фойдала-ниш.
3. Донишмандлар билан маслаҳатлашиш, эҳтиёткор ва хушёр бўлиш.
4. Тартиб-интизом ва қонунларга риоя қилишни таъминлаш.
5. Ўзига қарам кишиларнинг руҳини кўтариш.
6. Ҳамма нарсада адолат қилиш.
7. Пайғамбар авлодлари, олимлар, илми илоҳ кишилари, фай-ласуфлар ва тарихчиларни ҳурматлаш.
8. Ҳамма ишда қатъиятни намойиш қилиш.
9. Халқнинг аҳволидан хабардор бўлиш.
10. Яхшиларга яхшилик қилиб, ёмонларни ўз тақдирига ҳавола қилиш.
11. Муруватли ва шафқатли бўлиш.
12. Аскарларни ҳурмат қилиш.

Бу тамойилларга қатъий риоя қилиш натижасида Амир Темур буюк саркарда ва қудратли Соҳибқирон бўлди.

Юқорида санаб ўтилган қоидаларнинг кўпчилиги Темур "Ту-зуклари" таркибига кирган. "Тузуқлар" фақатгина муҳим тарихий ҳужжат эмас, балки қимматбаҳо ҳуқуқий манба ҳамдир. Бу тари-хий асарнинг аҳамиятини йирик олим Лянглэ шундай таъриф-лайди: "Темур ўз меросхўрига империя билан бирга кўшиб янада қимматлироқ мерос - империяни сақлай билдиш санъатини ҳам топширди".

Амир Темур "Тузуқлари" бошдан охиригача қонунийлик ва адолат, олийжаноблик, қаттиққўллик ва интизом ғоялари билан суғорилган. Буларнинг бари ўша давр ҳуқуқий онгининг асосий таркибий қисмлари ва империянинг ғоявий асосларини ташкил қилар эди.

Амир Темур салтанати қудратининг асосини энг аввало қо-нунийлик ташкил қилган. Қонунларга риоя қилиш ва уларни ҳурматлаш улў ҳукмдорнинг асосий шиори, фаолиятининг пой-

девори эди. Амир Темур шундай дер эди: "Тажриба менга шунини исботлайдики, дин ва қонунларга таянмаган ҳокимият ўз эътибори ва қудратини узоқ сақлаб туролмайди. Бундай ҳокимият одамларни нафрат билан кўзларини олиб қочишга мажбур қиладиган яланғоч одамга ўхшайди.

Яна уни на томи, на эшиги, на бирор тўсиғи бўлмаган ва истаган одам кириб кетавериши мумкин бўлган уй билан қиёслаш мумкин.

Шунинг учун мен ўз буюқлигим иморатини ислом устига қурдим, унга қонун-қондаларни қўшдим ва бутун ҳукмронлигим даврида уларга риоя қилдим".

Қонунийлик ва адолатни Амир Темур тенг кўрар эди. Темуршунослар, қисман, венгер олими Г.Вамберининг гувоҳлик беришича, Амир Темур ўз амалдорларидан ҳамма ишда адолатли бўлишни, одамларга мурувват қилишни талаб қилган экан. Тарихчи Ибн Арабшоҳ ёзганидек, Амир Темур ёлғонни ёмон кўрар, нақадар аччиқ бўлмасин, ҳақиқатни билишни истар эди. Соҳибқирон ўзи босиб олган давлатларнинг ҳукмдорларидан ҳам адолатли бўлишни талаб қилар эди. Темур "Тузуқлари"да шундай дейилган: "Менга бўйсунган давлатда мен шунга арзигулик кишиларга ҳурмат кўрсатдим. Мен Пайғамбаримиз авлодлари, қонун устозлари, олимлар ва шайхларни ҳурматлаб, уларга маош, нафақалар тайинладим, бу давлат тўралари менга оға-инидек, етимлар ва қашшоқлар эса - ўз болаларимдек эди... Қандай миллатга мансуб бўлмасин, яхшиларга нисбатан яхши муомала қилдим, ёмонларини давлатимдан қувиб чиқардим. Менга тобе давлатларнинг барчасида адолат эшиклари очиқ эди, шу вақтнинг ўзида мен талон-тарож ва қароқчиликка йўл қўйилмаслигини доимо таъминлаб турдим".

Амир Темурнинг бу сўзлари ва "Ўзбекистон Республикаси Давлат мустақиллиги тўғрисидаги Қонун"нинг ўн бешинчи моддаси мазмуни ўртасида чамбарчас боғлиқлик ва давлат бошқарувининг тарихий тамойиллари изчиллиги бор. Бу моддада "...Ўзбекистон Республикасининг барча фуқаролари, уларнинг миллати, элати, ижтимоий келиб чиқиши, дини ва эътиқоди қандай бўлишидан қатъий назар, тенг фуқаролик ҳуқуқларига эгадирлар ва Республика Конституцияси ҳамда қонунлари ҳимоясидадирлар" дейилган.

Амир Темур ўз фаолиятида олийжаноблик, мурувват каби фазилатларга риоя қилар эди, лекин бир вақтнинг ўзида қароқчилар ва талончиларни шафқатсиз жазолар, кўзғолончи ва хоинларни қувғин қилиб, қолганларни иш билан таъминлашга буюрар эди.

Ўзбекистон Республикасининг жиноий кодекси ҳам шу ҳаракатларни жамият ва давлат учун хавфли деб таърифлайди ва уларни содир этганлик учун жуда жиддий жазо чораларини назарда тутди, чунки жиноятчиликнинг олди олинмаган жамиятда ҳуқуқий, адолатли, демократик давлат куриб бўлмайд.

Амир Темур даврида ўрнатилган тартибга биноан, қозиларнинг фуқароларга шубҳали ва ёмон ниятли кишиларнинг айблови ва тухмати бўйича жазо бериши ман қилинган эди. Бу талаб ҳозирги кунда ҳам амал қилиб турибди. Ўзбекистон Республикасининг "Судлар тўғрисидаги Қонун"ида судьялар одил судловни қонунга қатъий риоя қилган ҳолда амалга оширишлари лозимлиги кўрсатилган.

Амир Темур ўз пиридан мактуб олгандан сўнг, у ўз давлати фуқароларини бошқариш учун давлатнинг қудратини мустаҳкамловчи қонунлар ва фармонлар чиқарганлиги эътиборга лойиқдир. Бу фармонлардан бирида шундай ёзилган: "Очиқ юз, олийжаноблик ва ҳимматлилик мени халқнинг меҳрига етказди.

Қайсидир ҳукмдорнинг лашкарга ёки халққа нисбатан шафқатсизлиги ёки зулмкорлиги ҳақида хабар топсам, айбдорни албатта қонуннинг қатъийлигини ўзи устида синаб кўришга мажбур қилардим".

Амир Темур "Қаердаки қонун устун бўлса, ўша ерда озодлик ҳам бўлади" деган ҳикматли сўзларни олтин харфлар билан ёздириб қўйган эди. Бизнинг давлат қурилишимизда қонунийлик ва адолат, олийжаноблик ва инсонпарварлик ғоялари бутун қонунчилик тизимида мавжуддир. Республика Конституцияси асосида, унинг биринчи моддасидан тортиб то охиригисигача, адолат ва қатъийлик ғоялари ётади.

Бутунги кунда, шубҳасиз, шуни айтиш мумкинки, Амир Темурнинг давлат бошқаруви тамойилларини ҳам ўзида мужассамлаштирган Конституциямиз амалда умуминсоний ғоялар ва қадриятлар - тинчлик ва озодликни, халқлар ўртасидаги қардошлик ва дўстликни мустаҳкамлашнинг устунлигини таъминлаяпти.

Биз Амир Темурнинг ўз фарзандларига айтган васиятини доимо эсда сақлаймиз: "...адолат ва муруват ҳаётингизнинг йўлбошчиси бўлсин", - деган эди у. Соҳибқироннинг худди шу ўғитлари республикамизнинг асосий қонунида ўз аксини топди. Ўзбекистон Конституциясида Амир Темур давридаёқ шаклланган ва халқимизга хос бўлган хусусиятлар - адолат, тўғрилиқ, ишонч, муруват, саҳийлик, мардлик акс эттирилган.

Бу борада республикамиз Президенти И.А.Каримовнинг қуйидаги сўзларини мисол тариқасида келтириш ўринлидир: "Биз

оддийгина демократик жамият эмас, балки адолатли демократик жамият қуришга интилоқдамиз. Адолатта ингилиш - халқимиз мустақиллигининг яна бир ўзига хос хусусиятидир. Олий адолат гоёси шариат қонунларида, ўтмишда давлат тизими ва амалдорларга қўйиладиган талаб низомларида алоҳида ажратиб кўрсатилади. Буларни ҳисобга олмай туриб, биз демократик, кучли давлатни ҳозир ҳам қура олмаймиз”.

Давлатни бошқаришда Амир Темур қаттиқ интизомга алоҳида эътибор берар, кўрсатмалар ва буйруқларнинг сўзсиз бажарилишини талаб қилар эди. У давлат бошқарувининг йўналишларини, барча вазирлар ва амалдорларнинг ҳуқуқ ва мажбуриятларини аниқ белгилаб қўйди ва улардан шунга қатъий риоя қилишни талаб қилди. Ҳукмдор вазирдан, биринчидан, тўғри фикрлаш ва қалби кенгликни; иккинчидан, ўтқир ақлни; учинчидан, аскар ва фуқаро каби яшаш тажрибаси ва одатини; ва ниҳоят, чидамлилик ва мурасасозликни талаб қилар эди. Шуларга риоя қилган кишигагина Амир Темур лашкарни ва халқни бошқаришни ишониб топшириши мумкин эди.

Ҳокимиятнинг турларга бўлиниши республика Конституциясида ўз аксини топди. Унинг 11-моддаси бўйича, “Ўзбекистон Республикасининг давлат ҳокимияти тизими ҳокимиятни қонун чиқарувчи, ижро қилувчи ва суд ҳокимиятига бўлиш тамойилига асосланади”.

Бизда қонун чиқарувчи ҳокимият Олий Мажлис - республика парламенти томонидан юритилади, ижро қилувчи ҳокимият Ўзбекистон Республикаси Президенти ва Вазирлар Маҳкамасининг қўлидадир.

Суд ҳокимияти Ўзбекистон Республикасининг ягона суд тизимини ташкил қилувчи Конституцион суд, Олий суд ва Олий ҳўжалик суди томонидан амалга оширилади.

Амир Темур даврида вилоятларнинг ҳокимлари белгиланган доирада ҳокимиятга эга эдилар. Ўзбекистон Республикаси Конституциясида маҳаллий давлат ҳокимияти органларига алоҳида эътибор берилади, бу органлар тегишли ҳуқуқ ва ваколатларга эга бўлган ҳокимлар - ҳудудий маъмурият бошлиқлари томонидан бошқарилади.

Самарқанд вилоятининг йигирма учта ҳудудий бирликларида (шаҳарлар ва туманларда) 23 та ҳоким ишлайди. Уларнинг ваколатлари Ўзбекистон Республикасининг Конституцияси, Ўзбекистон Республикасининг “Жойларда давлат ҳокимияти тўғрисидаги Қонун”и билан белгилаб қўйилган.

Поселкалар, қишлоқлар ва овуларда маҳаллий ҳокимият ўз-ўзини бошқариш органлари, фуқаролар йиғини раислари томонидан бошқарилади. Вилоятимизда улар бир юз ўттиз еттита, уларнинг фаолияти "Фуқароларнинг ўз-ўзини бошқарув органлари тўғрисидаги Қонун"да белгилаб қўйилган.

Маҳаллий давлат ҳокимияти органлари ҳудудни ижтимоий-иқтисодий ривожлантириш, фуқароларнинг конституцион ҳуқуқ ва эркинликларини ҳимоялаш бўйича катта ишларни амалга оширомоқдалар.

Ҳозирги пайтда ҳам, келажакда ҳам ҳар бир давлат органи ва мансабдор шахснинг ваколатларини аниқ белгилаб қўйиш жуда муҳимдир. Бу борада Президентимизнинг барча даражадаги давлат органлари фаолиятининг ҳуқуқий асосларини ташкил қилувчи қонунлар тизимини ишлаб чиқиш тўғрисида берган кўрсатмалари жуда ўринли. Бу тизим давлат ҳокимиятининг марказий ва маҳаллий органлари фаолиятини ва ваколатларини, уларнинг ўзаро мувофиқ ишлашини таъминлаши керак.

Амир Темур давлатни бошқаришда риоя қиладиган асосий тамойиллардан бири - жамоатчиликнинг фикрини эътиборга олиш эди. Жиддий сиёсий масалаларни ҳал этишдан аввал у қурултой чақириб, унга нуфузли кишиларни таклиф қилар ва уларнинг таклифларини тинглар эди. "Тузуқлар"да Амир Темур шундай деб ёзади: "Ҳукмдор ҳеч кимнинг маслаҳатига эътиборсизлик билан қарамасин, уларнинг қай бирини тўғри деб топса, ўшанисини қалбига жойлаб олсин, кейинчалик керак бўлганда асқотади".

Бу маслаҳатлар Амир Темурнинг бирор қарорни қабул қилишида жуда муҳим эди, уларнинг бажарилишида Амир Темур ҳеч иккиланмас, кўрсатмалар ва тақиқлашларнинг бажарилиши қатъийликни талаб қиладди деб ҳисоблар эди.

Ҳозирги кунда бу ғоялар қонунларда, жумладан, "Референдум ҳақидаги Қонун"да ўз аксини топган. Ушбу қонун фуқароларга давлат ва жамиятни бошқариш тўғрисидаги ўз фикрларини билдиришга кенг йўл очиб берган. Яқиндагина матбуотда Ўзбекистон Республикасининг "Сиёсий партиялар тўғрисида"ги Қонун лойиҳаси эълон қилинди. У бутун халқ томонидан кенг муҳокама қилинмоқда.

Шуниси эътиборга лойиқки, сўнгги пайтларда тарихий анъаналар ва халқ мустақиллиги билан бир қаторда маҳалланинг фуқароларни ўз-ўзини бошқариши бўйича муҳим ижтимоий органи сифатидаги аҳамияти тикланди. Маҳалла қўмиталари одам-

лар ўртасида ҳурмат ва инсонпарварликни тарбиялаш, кам даромадли оилаларни ижтимоий муҳофазалаш ва уларга ёрдам кўрсатиш ишларида жонбозлик кўрсатмоқдалар.

Биз шуни яхши тушуниб олишимиз керакки, ҳеч бир давлат иккинчи давлатнинг демократиясини қандай бўлса, шундайлиги-ча кўчириб ололмайди. Ҳар бир инсон, ҳар қандай жамият ўз қонун-қоидалари, ўзининг ҳаёти билан яшайди. Албатта, демократиянинг умумий талаблари ва қадриятлари бор, лекин ҳар бир халқ ўзининг миллий хусусиятларидан, анъаналаридан келиб чиқмоғи лозим. Европа ва Америка мамлакатларида ўзбек маҳалласи каби фуқароларнинг ҳуқуқларини таъминловчи ноёб жамоа механизми мавжуд эмас, бўлса ҳам жуда кучсиз. Маҳалла керак вақтда ўз аъзоларига ёрдам ҳам кўрсатади, халқ анъаналарини сақлаб туришга ҳам ҳаракат қилади, оилалар ва инсон ҳуқуқлари, ғурури топталмаслигини назорат ҳам қилиб туради. Шунинг учун давлатимиз маҳаллани қўллаб-қувватлайди.

Миллий давлатчилигимизнинг Амир Темур даврига оид манбалари ҳақида гапирганда, динимизни тилга олиб ўтиш ўринлидир. Амир Темурнинг ўн иккита асосий қоидаларидан биринчиси Муҳаммад пайғамбарнинг ғояларини жорий қилиш тўғрисида қайғуриш бўлган. "Агар биз адолатли давлат, озод жамият қурмоқчи бўлсак, шуни эсда тутишимиз керакки, бундай ёрқин мақсадни амалга ошириш йўллари ҳамда адолатли давлат ва дин илдизлари умумий эканлиги тўғрисидаги минг йиллик ҳақиқат бир-бирига мос келади", - Президент И.А.Каримовнинг бу сўзлари, албатта, буюк Амир Темурнинг фикрларига ҳамоҳангдир.

Жамиятда юксак маънавий қадриятларни тиклаш, ёшларни аждодларимизнинг бой маданий меросига ҳурмат ва Ватанга муҳаббат руҳида тарбиялаш мақсадида шу йилнинг 9 сентябрида Президентимизнинг "Маънавият ва маърифат" ижтимоий марказининг фаолиятини такомиллаштириш ва самарасини ошириш ҳақидаги Фармони эълон қилинди. Хужжатнинг биринчи бандида: "Маънавий-маърифий ислохотлар давлат сиёсатининг асосий, устивор йўналишлари деб ҳисоблансин", дейилган.

Мен ўз маърузамни Амир Темур "Тузуқлари"дан олинган ибратли сўзлар билан якунламоқчиман: "Агар ҳақиқатта интиланг, унга албатта эришасан. Куч - адолатдадир. Менинг олиёбжаноблигим кишиларнинг қалбидан жой олишимга имкон берди, қарорларим адолатдан бўлди".

"Авлодларга насиҳатлар"да улуғ ҳукмдор шундай деган: "Мен сизларга халқнинг осойишталиги ҳақида берган маслаҳатларимни

эса тутинг, фуқароларингизнинг аҳволидан хабар олинг, доимо қатъий ва довюрак бўлинг. Мен мамлакатни душманлардан ва халқ тинчлигини бузувчилардан тозаладим, мен давлатни адолат ва мурувват билан яшнатиб қўйдим, агар сиз менинг васиятимни бажарсангиз, адолат ва яхшиликни ўз ишларингизга асос қилиб олсангиз, тож-тахт кўп йиллар давомида қўлингизда бўлади”.

Шундай экан, даврлар ўзаро чамбарчас боғлиқ, буюк Амир Темурнинг олгин мероси, унинг ўтитлари, мурувват ва қатъият тўғрисидаги насиҳатлари давлат қурилиши ва сиёсатнинг муҳим, истиқболли асосларидир. Биз бу бебаҳо мерос умуминсоний заковат хазинасидан жой олишига интиломқдамиз.

ҚАДИМГИ ЮНОНИСТОНДА ҲУҚУҚ ВА ҲУҚУҚИЙ АНЪАНАЛАР

*Франциядаги Марказий Осиёни ўрганиш институти
директори д-р проф. Пьер Шувен*

◆ Вольфганг Шрайбер жаноблари Амир Темурдек тарихий шахсга бағишланган симпозиумда маъруза қилиш таклифи билан менга, юноншунос олимга мурожаат қилгани таваккалчиликнинг ўзгинаси бўлди. Мен уни бу ҳақда огоҳлантирган эдим. Ўз ерларида ягона қудратли давлат ёки, ҳеч бўлмаса, иттифоқ тузиш учун кучларини бирлаштиришни эплотмаган, ҳар бири ўзига хон, ўзига бек шаҳарлар тўплами бўлган Юнонистон билан, Мовароуннахрни бирлаштирган золим ҳукмдор ўртасида қандай алоқа бўлиши мумкин?

Шундай бўлсада, бу икки тарихий фактни 1-бирита яқинлаштирувчи бир, йўқ, балки икки нарса бор экан. Бир томондан, бу ҳоҳ у Болқон тоғларида бўлсин, ҳоҳ Марказий Осиё чўлларида бўлсин, асосан уч хил фаолият: қишлоқ хўжалиги, ҳарбий иш ва савдо билан шуғулланган ўтроқ аҳоли ва уларнинг атрофидаги кўчманчилар ўртасида вужудга келган ўзаро муносабатларнинг ўхшашлигидир. Иккинчи томондан эса, бу Юнонистон, шу жумладан, файласуф Арастунинг таржима қилинган асарлари араб-форс дунёсига кўрсатган таъсиридир. Бу файласуфнинг асарлари юнон давлатлари конституцияларининг асосидир. Бу масала жуда мураккаб ва уни муҳокама қилиш учун вақт кўп сарф қилиш керак, шу туфайли мен бутун бу масалага тўхталмайман.

Мен антик Юнонистоннинг сиёсий ҳаёти муамоларига тўхталмоқчиман, худди шундай муаммолар XIV асрда ва ундан кейинроқ Мовароуннахрда ҳам мавжуд бўлган. Юнон давлат тизими,

худди уларнинг ишлаш воситалари каби, эмпирик тарзда пайдо бўлган. Улар сиёсий назария илмининг Афлотун каби устозларини дунёга келтирган халқ томонидан яратилган, бу ҳеч қандай назария билан олдини олиб бўлмайдиган ўзгарувчан ҳолатга оқилна мослаша олиш натижасидир.

Бир-бирига қарама-қарши дунёлар бўлган Амир Темур ва антик Юнонистон, бизнингча, суғ алоқа воситалари туфайли ўхшаш аҳволни бошларидан кечирганлар. Ахборот, фармонлар жойларга кечикиб борган. Бу яккахоқимликни чеклаб қўйган, микроавтономияни (маҳаллийчиликни) кучайтирган, кўп ҳолларда марказнинг зўравонлигини чеклашга имкон берган (масалан, Пелопонес урушининг бошланишида Митилен билан бўлган воқеа каби). Амир Темурдек қудратли ҳукмдор биринчи навбатда мукамал алоқа тизимини яратиш ҳақида қайгурган. Бутунги кунда алоқа узатиш ва қонунлар бажарилишининг тезлиги биздан хато қилиш ҳуқуқини олиб қўйди. Лекин хатолар ва беихтиёр ҳаракатлар ҳаётимиздан бутунлай йўқолиб кетгани йўқ. Ахборотнинг вақтида етиб келмаслиги, алоқа имкониятларининг чекланганлиги кишиларнинг келажакда рўй берадиган ўзгаришларни олдиндан кўра билиш қобилиятини шакллантира борди. Шундай бўлсада, лаҳзалик коммуникациялар даври бўлмиш ҳозирги кунда ҳукуматга қарши туриш ўша даврдагига нисбатан ҳақиқатга яқинроқ нарса.

Энди юнон демократиясининг ўзига хос хусусиятларига мурожаат қилайлик.

1. Фуқаролик ва турли эътиқодлар

Кўпчилик антик тизимлардаги каби, Юнонистонда ҳар бир киши ўзининг эътиқоди даражасига қараб жамиятда ўз ўрнига эга бўлган. Ҳамма нарса азалдан уруғларнинг умумий эътиқоди асосига қурилган. Кўҳна дунёда оила давлатдан ҳам кучлироқ нарса саналган. Масалан, Афинада одил судлов деган нарсанинг ўзи бўлмаган. У оилада, ички жазо бериш шакли сифатида амалга оширилган. Агар қотиллик юз берса, қотил ўзининг қурбонга қариндош бўлганлиги туйфайли, шунга ҳақли эканлигини исботлаши мумкин эди. Бу ерда гап, албатта, "катта оила" ҳақида, уруғ ҳақида кетмоқда. Оилада бола туғилса, уни уйнинг ўчоғи олдига олиб келишар, бу ўз навбатида уруғнинг ҳаётий қуввати янгилиниши ва давом этиши тимсолини англатар эди. Ўсиб катта бўлган сари, инсон ўз атрофидаги турли жамоалар ва гуруҳларга ("дема"ларга) қўшилиб борар ва ниҳоят, уруғ жамоасининг ўзига ҳам кириб олар эди.

Ҳар сафар янги гуруҳга қўшилиш жараёни қийинлашиб боради. Боланинг, кейинчалик ўсмирнинг ҳақиқатан қонуний туғилганини исботлаш учун уни оқсоқолларга таништирар ва эътиқод маросимларида иштирақ этишига руҳсат берар эдилар. Бу маросимлардан асосийси - бирор ҳайвонни қурбонлик қилиш ва кейин эса ундан тайёрланган таомларни бирга ейиш маросими эди. Жамоа аъзоси унинг маросимларида қатнашиши зарур эди. Бу бутун бир ахлоқ кодекси қоидаларига риоя қилишни аңглатади. Дастурхон олдида яхши ахлоқ намунасини кўрсатиш учун хизматкорлар жуда ёш бўлиши керак эди, қўшиқчилар, мусиқачилар ва раққослар таклиф қилинар, маҳорат билан сўхбат қуриларди.

Бундай ижтимоий муносабатлар доирасида бошқарув кўпчиликнинг келишувига биноан (консенсус), мунозара йўли билан амалга оширилган. Оқсоқоллар нуфузига алоҳида эътибор берилган.

2. Фуқаролик ва ер ҳуқуқи

Мажусий юнонлар учун Ер энг асосий илоҳ эди. Ер фарзанди бўлиш ҳар бир фуқаро учун катта шараф ҳисобланган. Энг аввало Ер - инсонга яшаш ва меҳнат қилиш имконини берадиган воситадир. Бу мулоҳазалар ерга эгалик қилишнинг бутун жамият учун юксак аҳамиятини белгилар, ерга бўлган муносабатни фуқаролик ҳуқуқининг асоси деб ҳисоблашга асос яратар эди. Юнонистонда ернинг қадр-қиммати тенгсиз эди. Инсон ернинг эгаси эмас, балки ер ўзининг илоҳий мазмуни билан инсоннинг эгаси эди. Бу Марказий Осиёда машҳур бўлган уч турдаги ер-мулк кўринишига: аввал ислом ҳуқуқи, кейин руслар истилоси давомида қишлоқ жамоаси тизими ва ниҳоят, шўроларнинг коллективлаштириш тизимига нисбатан бўлган асосий фарқдир. Юнонлар тизими коллективлаштириш тизимига бутунлай қарама-қарши тизим бўлган. Майда мулкдорларга ҳомийлик қилувчи жамиятда ҳар бир инсон ўзининг иши учун жавоб беради. Солоннинг Афинадаги VI асрга оид ислоҳотлари бу тизимни тамомила мустаҳкамлаб қўйди. Майда мулкдорларни йирик ер эгаларига қарам қилиб қўйган солиқлардан озод қилиш тахминан икки аср давомида ўз ҳўжалигини мустақил юритиш учун етарлича маблағларга эга бўлган ўрта даражадаги ер эгалари синфининг шаклланишига имкон берди.

3. Маслаҳат органлари ва демократия

Биз юнон демократияси деб атаётган нарса кўпгина юнон қишлоқларида умуман номатълум эди. Буни фақат Афина ва бошқа йирик шаҳарлардагина тушунар эдилар. Ундан ташқари, оқсуяклар ўз ҳокимликларини ҳарбийлар ва савдогарлар сиқувидан бадавлат ерларга эга бўлганликлари туфайлигина сақлаб келар эдилар. Демократия бор жойда у танланган ва бевосита бўлиб, аҳолининг фақат кичик қисмигагина тааллуқли эди ва ваколатларни топширмасдан амалга ошириларди. Четдан келган кўчманчилар ("метек"лар) сайлов органларининг ишига йўлатилмас эди. Ўз меҳнати билан фуқароларга жамиятга хизмат қилишдек юксак иш билан шуғулланиш имконини берадиган қўллар ҳам худди шундай эди. Қадимги Юнонистонда меҳнат фаолияти деган тушунча бир неча даражани ўз ичига олган. Тоза машғулот турлари, яъни бўш вақтларда қилинадиган ақлий ва жисмоний меҳнат ажратиларди; ҳарбий хизмат, мусиқа; юқори маънавий хислатлар бўлган қатъийлик, бардош, кузатувчанлик ва жисмоний кучни талаб қиладиган қишлоқ хўжалик ишлари ўрта даражани эгаллаган эди. Ундан кейин камроқ ҳурматга сазовор касблар - баъзи ҳунарлар, балиқчилик турарди. Оқсуякларнинг ҳокимлиги юнон демократиясида қатор бекорчи машғулотлар ҳам ҳурматга сазовор эди.

Агар демократия халқ танлаган йўлдан келиб чиқмаса, у маслаҳат органлари билан алмаштириб қўйилади. Уларнинг икки тури айниқса кенг тарқалган. Биринчиси, кенгроғи - халқ Ассамблеяси, бирмунча тор маънодагиси эса - турли функцияларга эга бўлган Кенгаш. Улар чексиз ваколатларга эга бўлишлари ёки фақат рўйхатта олувчи палаталар фаолиятини бажаришлари ҳам мумкин - бундай кескин фарқ хавфлидир. Ҳар холда, бошқарувнинг бу шакллари алоҳида ёки ширкатларга бирлашган магистратлар билан музокарани назарда тутар эди. Бу магистратлар ҳозирги замонда техник мутахассислар бажарадиган ишларни (молиявий назорат, армия бошқаруви) амалга оширар эди.

Бошқарувнинг учинчи шакли - монархия - юнон тарихида энг кўп учрайди. Кейинчалик Рум императорлари юноний подшоҳликлардан намуна олиб, улардан руҳланганлар. Назарий жиҳатдан қирол яққа ҳоким ҳисобланар эди. У сиёсий мавқега эга бўлган кишилар, "дўстлар" гуруҳи билан ўралган эди ва улар қиролга ахборотлар етказиб, маслаҳатлар бериб турардилар. Бу гуруҳ монарх ҳокимиятини чекловчи ягона куч бўлган.

4. Оқсуяклар ҳуқуқининг оммавийлиги, қонун олдидаги тенглик (изономия) ва гегемонлик

Эрамининг VI асридан бошлаб Афинада давлат ҳуқуқи вужудга келди. Уни нафақат оқсоқоллар оғзаки қонунлар ёки илоҳий руҳ орқали амалга оширар, балки у маълум тизимга жамланган ва анча аниқ шаклда антик дунёда тарғиб қилинар эди. Жамиятда ҳуқуқий меъерларнинг бажарилгиши мажбурий эди. Бу ҳулоса биз антик шаҳарларнинг ички ҳаётини ўрганишимизда қимматбаҳо манба бўлмиш тош ёзувларда тўла тасдиқланади. Ижтимоий ҳуқуқнинг асосий тамойили - изономия барча фуқароларнинг қонун олдида баробарлигини назарда тутати. Бу ҳали демократия эмас: ҳамма ҳам бошқарув ишларида, қарорларни муҳокама қилиш ва уларни қабул қилишда иштирок этавермайди. Шундай бўлсада, айнан шу ерда, Афинада эраминдан аввалги V асрда демократиянинг илк ниҳоллари пайдо бўлган, лекин ваъзхонлар ва магистрлар собиқ оқсуяклардан чиқар эди. Улар демократия ўрнатишга ботина олмас эдилар, чунки демократия бу кўп сонли синфнинг одатдаги яшаш тарзига зид эди.

5. Уруғлар бирлашмалари ва ҳудудий манфаатларнинг бирлиги

Оқсуяклар учун "мижозлар" деган нарса табиий эди. Мижозлар ёрдамида ўз нуфузини сақлаб турадиган кишилар уларнинг алоҳида талабларини қондиришга мажбур эдилар. Оқсуяклар сиёсий мақсадлари йўлида никоҳ алоқаларини ўрнатардилар, яқин уруғлардан воз кечиб, ўз болаларини бошқа шаҳарларда истиқомат қиладиган кишилар билан никоҳлаб қўяр эдилар. Бундай воситалар давлат ҳокимиятига путур етказсада, Афина оқсуяклари буни яхши қилиб кўрсатишга уринардилар. Бир томондан, турли ҳудудлар ўртасидаги никоҳ алоқалари фуқаролик ҳуқуқларини кескин чегаралаб қўйса, иккинчи томондан, ҳудудий манфаатларга зарба берувчи маъмурий тарқоқлик вужудга келар эди. Мана шунинг учун эраминдан аввалги VI аср охирида уруғ жамоалари яна тузила бошланди. Улар учта бир-бирига тенг, жўғрофий жиҳатдан бир-бирига қарам бўлмаган аъзолардан иборат бўлар эди. Ўша даврда Афина ҳудудида аҳоли уч табақага: қирғоқ аҳолиси, шаҳар аҳолиси ва мамлакат ичкарисида яшайдиганларга бўлинган эди. Ҳар бир уруғ жамоасида барча табақа вакиллари бўлар ва шу туфайли ҳудудий бирлашиш қийин эди.

Бу эса ўз навбатида қишлоқ аҳолисининг зарарига қарор чиқариш имкони борларнинг бойиб кетишига олиб келарди.

6. "Қулдорлик тузуми" ва "феодал тузум" тушунчаларининг бир хил эмаслиги

Қулдорлик V ва VI асрларда Афина аҳолисига ҳўжалик юриштиши енгиллатган бўлса ҳам, бу антик жамиятнинг оёққа туришида муҳим роль ўйнади дегани эмас. Бу жамиятда тобеликнинг бошқа шакллари ҳам мавжуд бўлган, лекин улар озод меҳнат қилиш имкониятига халал бермаган. Иккинчи томондан, антик даврдан кейин ҳам қулдорлик анча вақтгача мавжуд бўлиб келганлигига эътибор бериш лозим. Янги эранинг бошланиши ҳам, насронийлик ҳам, турли иқтисодий тизимларнинг ўзгариб туриши ҳам қулдорликка тезда барҳам бера олмади. Моҳияти жиҳатидан қулдорлик жамияти бўлган антик жамият "феодализм" деб аталмиш хусусияти билан ажралиб турган. Балки, бу атамаларни уларнинг илгариги маъносида қўллаш керакдир. Лекин на исломий ва на антик жамият феодал бўла олмаган, бу атама фақат насроний Европа тарихига нисбатан қўлланиши мумкин. Уруж жамоалари тизими ва давлат қурилиши ўртасидаги боғлиқликни аниқлашда ҳам буни эсда тутмоқ лозим, чунки бу тизимлар давлатни бир вақтнинг ўзида ҳам ривожлантириб, ҳам назорат қилиб турган. Шу нуқтаи назардан антик Юнонистон ва VI асрдаги Мовароуннахрни қиёслаш, балки, бирор маънога эга бўлиши мумкин.

ЎАРБИЙ ЕВРОПАДА ҲУҚУҚИЙ ДАВЛАТНИНГ РИВОЖЛАНИШИ

*Франция Республикасининг Ўзбекистон Республикасидаги элчихонаси вақтинчалик ишончли вакили
д-р проф. Алэн Пелукс*

"Ўрта асрларда ғарбий насроний цивилизацияда ҳуқуқий давлатнинг пайдо бўлиши" деб номланган маъруза мавзуси мангикқа тўғри келмайдиган бўлиб кўриниши мумкин, чунки бундай давлат ҳақидаги тушунча фақатгина XVIII аср охирида, Инсон ҳуқуқлари тўғрисидаги Америка ва Франция декларациясидан кейин пайдо бўлган.

Лекин бундай тасаввур ҳақиқатга мос келмайди, биринчидан, ўтган асрдаёқ Инсон ҳуқуқлари тўғрисидаги 1689 йилги Англия

декларацияси (гарчи у Франциянинг инсон ва фуқаро ҳуқуқлари декларацияси каби универсал аҳамиятта эга бўлмасада) ҳокимиятни икки турга - қонун чиқарувчи ва ижро этувчи ҳокимиятта ажратиш тамойилтини мустаҳкамлаб қўйди, иккинчидан, Фарбий Европада ўрта асрлардаек қирол ва ҳукумат ҳокимлигини чегаралаб қўйган қудратли қарши куч пайдо бўлган, шунингдек, фуқароларнинг қирол ҳукумати томонидан ҳисобга олиниши лозим бўлган шахсий ва мулкий ҳуқуқлари тизими ўрнатила бошлаган.

Айнан шуни исботлаш учун черков, фуқаролар жамияти ва ҳуқуқий меъерлар ўрта асрларда қирол ҳукуматини қандай чегаралаб қўйганлигини изчил равишда кўриб чиқамиз.

1. Қирол ҳокимиятининг черков томонидан чегараланиши.

Насронийлик инсоннинг табиий ҳуқуқлари, илоҳий ва оддий ҳокимлик тушунчаларини ажратиб, бу маънода ҳал қилувчи ролни ўйнади.

А) Насроний инсонпарварлик

1. Насроний анъаналар инсонда шахсий ғурур ҳиссини қарор топтиради. Инсон умуман дунёга келгани учун ҳам, бир куни ҳаёти яна тугаши кераклиги учун ҳам шу ҳисга эга бўлади. Ахир худо инсонни ўзига ўхшатиб яратган, унинг руҳи барча тўсиқлардан озод, абадий яшайди.

Инсонлар бир хил туғилиб, ҳаётлари ҳам бир хилда ниҳоясига етади, шунинг учун улар ҳаммалари тенг равишда ўз қадр-қимматига эгадирлар.

Ўзининг Галатларга мурожаатида Авлиё Павел шундай деган: "Энди на юнонлар, на яҳудийлар, на куллар ва на озод кишилар бўлмайди".

Албатта, кишиларнинг тенг ҳуқуқлилиги буюк тамойилни ҳаётий воқелик кўпинча рад этади, лекин шунга қарамай, у ўзини вужудга келтирган насроний динига эътиқод қилувчи кенг омманинг онгига сингиб кетган.

2. Инсон шахси қадр-қиммати унда маънавий пойдевор ва масъулият ҳисси, шунингдек, даҳлсиз ҳуқуқлари бўлишини талаб этади.

Инсоннинг даҳлсиз ҳуқуқлари тушунчаси насронийликдан аввал пайдо бўлган. Гераклит, ҳатто Софокл ва унинг гўзал Антигонаси ҳеч қаерда ёзилмаган, лекин мустаҳкам қонунларни фуқаролик қонунидан ҳам юқори қўйганлар. Бу фикр черков асосчилари, қисман, Авлиё Августин томонидан, кейинчалик

эса, XIII асрда Авлиё Фома Аквинский томонидан янада ёрқин-рок ривожлантирилди.

Авлиё Фома Аквинский инсоннинг табиий ҳуқуқлари ҳақида ўз назариясини шакллантириш жараёнида Рум ҳуқуқи ва насроний таълимдан олинган таркибий қисмларни бир-бирига боғлаб таҳлил қилди. Унинг таъкидлашича, фуқаролар жамияти ҳосил бўлишидан олдин, давлат пайдо бўлишидан олдин мавжуд бўлган шундай ҳуқуқ бор - бу абадий, мустаҳкам ва универсал қоидалар мажмуасидир. Уларни тушуниб етиш учун инсон табиатини худо қандай яратган бўлса, шундайлигича ўрганиш лозим.

Табиий ҳуқуқ инсоннинг сиёсий ҳокимият таъсирига тобе бўлмаган, мустақил қоидалардан фойдаланувчи шахс эркинлигини тан олади.

Давлат ҳокимиятининг амалдаги ҳуқуқни шакллантирувчи қоидалари фақат дахлсиз ҳуқуқларга мувофиқ бўлгандагина кучта эга бўлади: улардан оғиб кетса, ўз кучини йўқотади.

Испан ҳуқуқшунослари Суарес ва Виторий асарларида, кейинчалик, улардан юз йил сўнг черков таъсиридан бирмунча эркинроқ бўлган Гротийснинг "De jure belli ac pacis" ва Пуфендорфнинг "Droit de la nature et des gens" асарларида кенг таҳлил қилинган бу назария XVIII асрнинг иккинчи ярмида пайдо бўлган ва насронийлар таълими томонидан тарғиб қилинадиган қадриятлар мажмуасини акс эттирган Америка ва Франция ҳуқуқлар декларациясининг асоси бўлиб хизмат қилди.

Б) Зодагонлар ҳокимияти ва руҳонийлар ҳокимияти ўртасидаги фарқ

1. Рум империясининг сўнгги даврларида император ҳокимияти Рум папасининг ҳокимияти билан таққосланганда шунчалик кучли эдики, черков уни назорат қила олмасди, зодагонлар ҳокимияти ва руҳонийлар ҳокимияти ўртасидаги ажратувчи чизиқни тортиш имконияти йўқ эди. Черков Рум империясининг давлат бўлинмаси деб ҳисобланар ва унинг ҳимояси остида эди. Император черков йиғинларини ўтказишга ва ҳатто эътиқод масалаларига аралашушга ҳам ҳақли бўлган.

Черковнинг давлатга бўйсунуши анъанаси келажақда Византия империяси деб ном олган Шарқий Рум империясида ҳам, кейинчалик эса Москва атрофида шаклланган Учинчи Рум империясида ҳам сақланиб қолди.

2. Фарбий Европада шундай ахвол вужудга келдики, черков Муқаддас китобдан келиб чиқадиган ҳокимиятни икки ёқлама талқин этишга муваффақ бўлди.

Ғарбда Рум империясининг емирилиши ва немис давлатларининг шаклланиши билан черковнинг фаолияти кучайиб борди. Ұз қўлидаги руҳонийлар ҳокимиятидан ташқари, черков катта ер-мулкка эга бўлган туфайли, жамиятга катта таъсир кўрсатар, айнан руҳонийлар орасида илмли кишилар сони кўп бўлганлиги сабабли интеллектуал устунликка ҳам эга эди.

800 йилда, Рум папаси Лев III Буюк Карлни император деб эълон қилгандан сўнг, ғарбда насронийлар дунёси бирлашди, яна икки ёқлама ҳокимият: энг юқори даражада Рум папаси бошчилигидаги руҳонийлар ҳокимияти ва император бошчилигидаги зодагонлар ҳокимияти вужудга келди; худудлар даражасида - бир томондан епископ, иккинчи томондан граф, ёки битта черков вакили ва битта зодагондан иборат *missi dominici* ҳокимлик қилар эди.

Ҳокимиятнинг икки томон қўлида бўлиши унинг мувозанат сақлашига олиб келмади. Буюк Карл даврида тарози палласи император томонига анча оғди, айнан император черков фармонларини чиқарар, руҳоний мансабдорларни тайинлашда иштирок этар, черков соборларини чақирар, илми илоҳ баҳсларига аралашар, епископ сайловларини тасдиқлар, баъзан ўзи уларни тайинлар эди.

3. Аксинча, XI асрнинг ўрталаридан бошлаб Григорий усулида йил ҳисоби киритилиб, 910 йилда Клуни аббатлиги томонидан янгича тақвим тузилгандан сўнг ва ундан кейинроқ, XII асрда 1122 йилда инвеститура учун кураш папанинг император устидан қозонган ғалабаси билан тутагандан сўнг, тарози палласи черков томонга оғди, у зодагонлар ҳокимиятига тобеликдан халос бўлди.

Лекин XI асрнинг ўзидаёқ папа идораси бутун насроний дунёсига ҳукмронлик қилишга интила бошлади.

1055 йилда Бағдоднинг турк-салжуклар томонидан босиб олиниши Муқаддас тупроқни зиёрат қилишга имкон бермай қўйди, уларнинг Манзикерт яқинида 1071 йилда византияликлар устидан қозонган ғалабаси насроний дунёсида нотинчликни келтириб чиқарди. 1095 йилда шахсан папа Урбен II, Каролинглардан қолган анъана бўйича черковни ғайридинлардан ҳимоя қилиш императорнинг вазифаси эканлигига қарамай, биринчи хоч юриши ташаббуси ва уни бошқаришни ўз зиммасига олди.

Турли даврларда руҳонийлар ва зодагонлар ҳокимияти ўртасидаги мувозанат ҳали черков фойдасига, ҳали қирол фойдасига бузилар, лекин ҳар сафар ҳокимиятнинг автократияга интилиши рақобатчи ҳокимият билан тўқнаш келар эди.

Шундай қилиб, черков давлат ҳокимиятини икки усул билан: давлат фаолиятига халал берувчи қарама-қарши куч сифатида ва инсонга фуқаролик жамияти вужудга келмасдан аввал хос бўлган дахлсиз ҳуқуқлар мавжудлигини таъкидлаш йўли билан чегараб қўйди. Бундан келиб чиқадикки, зодагонлар ҳокимияти черков фаолиятига аралаша бошласа ёки фуқароларнинг ҳуқуқларини поймол қилса, улар унга бўйсунмасликка ҳақлидирлар.

2. Қирол ҳокимиятининг фуқаролар жамияти томонидан чекланishi.

А) Феодаллар ва уларнинг вассаллари ўртасидаги ўзаро мажбурият шартномаси нуқтаи назаридан муносабатлари

1. Буюк Карл империясининг кўп қиролликларга бўлиниб кетиши, энг аввало 843 йилда Верденда бўлиб ўтган ва Семиз Карл даврида 884 ва 888 йиллар орасида бир оз вақт бирлашиб туриб, кейин узил-кесил уч қиролликка бўлиниш, кейин бу қиролликларнинг кичик князликларга бўлиниши ва ниҳоят, уларнинг ҳам кичик ҳудудларга ажралиб кетиши қирол ҳокимиятининг емирилишига олиб келди.

Ер ҳуқуқига эга бўлганлар шундан фойдаланиб, бан деб номланмиш кишилар устидан ҳукмронлик қилиш ҳуқуқини ҳам ўзларига қўшиб олдилар.

Қирол ҳуқуқлари баъзан мустақил жисмоний шахсларга дахлсизлик ёрлиғи сифатида тарқатиб берилар, лекин кўпинча ҳокимиятнинг ҳаракатсизлиги туфайли бу ерликлар ўғирланар ёки бошқалар томонидан ўзлаштириб олинар эди.

Бан ташқи душманлардан ҳимояни таъминловчи ҳарбий қўмондонликка, ҳудудда тинчликни сақлаб туришга мўлжалланган суд ҳокимиятига, сеньорнинг эҳтиёжларини қондириш учун зарур бўлган солиқларни йиғишга ҳуқуқ бера эди.

2. Давлатнинг хавфли емирилиши мавжуд вассаллар ва сюзеренлар иерархияси туфайли алоҳида сеньорлар ҳокимиятининг бир-бирига оддий қаршилигига олиб келмади, чунки сюзеренлар ҳам ўз навбатида бошқа нуфузлироқ сеньорларнинг вассали эдилар, бу пирамида то қиролгача терилиб бораверарди.

Лекин сеньор ўз вассалларига тобе фуқаролар устидан бевосита ҳукмронлик қила олмасди: *Мень епископи Гийом Дюран айтганидек, "Homo vassalis mei, non est homo meus"* ("Вассалимнинг вассали менинг вассалим эмас").

Вассаллик муносабатлари ишонч асосида қурилади ва вассал ўз сюзеренига Инжил устида қилган садоқат қасамёди билан мустаҳкамланади.

Роман ҳуқуқи қайта тикланиши билан ўзаро ишонч ва мажбуриятлар пастроқ тушиб, тарафлар ўртасидаги шартнома ва ундан келиб чиқадиган ўзаро мажбуриятларга жой беради.

Феодаллар ва вассаллар ўртасидаги муносабатлар шу пайтдан бошлаб ўзаро мажбуриятли шартнома билан мустаҳкамланади, унда ижтимоий мартабаси тенг бўлмаса ҳам, шерик сифатида иштирок этаётган тарафларнинг ўзаро мажбуриятлари ва хизматлар билан алмашилиш назарда тутилади.

3. Сеньор ўз вассалига ҳеч қандай зарар етказмаслиги: унга нисбатан куч ишлатмаслиги, уни ҳақорат қилмаслиги керак. У ўз вассалини ҳимоя қилиши, уни мулк билан таъминлаши ва унга тегишли ҳақ тўлаши лозим.

Вассал ҳам ўз навбатида ўз сеньорига ҳеч қандай зарар етказмаслиги, ўзини сеньор билан боғлаб турувчи ишларни доимо тан олиши лозим. Вассал ўз сюзерени аъёнлари ичида фақат кўрк учун юрмай, балки кенгашларда ва суд низоларини ҳал қилиш жараёнларида иштирок этиши керак. Вассал қуйидаги тўрт алоҳида ҳолларда ўз сеньорига моддий ёрдам бериши керак: асир тушган сеньорни қутқариш учун тўлов тўлаш учун, сеньорнинг катта ўғлига қурол-яроғ олиб бериши учун, сеньорнинг катта қизи тўйи учун, сюзереннинг хоч юришига тайёрланиши учун.

Вассалнинг сюзеренга нисбатан асосий мажбурияти унинг ҳарбий ишлардаги ёрдами эди, Францияда XII асрда вассал ҳарбий аслаҳаларни ўз маблағига сотиб олиши, ўзининг кундалик эҳтиёжларини ўзи қоплаши ва сюзерени тарафида туриб узоғи билан бир йилда 40 кун давомида жанг қилиши лозим бўлган.

Шундай қилиб, Ғарбий Европа аҳолиси ўрта асрлардан бошлаб ўзларининг ҳокимият билан бўлган муносабатларини ўзига хос мажбуриятлари бўлган шериклар ўртасидаги муносабат каби қабул қилишга ўрганган эдилар.

Б) Озод, ёки ўз-ўзини бошқарадиган шаҳарлар эркинлиги ҳақидаги Хартиялар

1.XI асрнинг охирига келиб феодал тартиб томонидан таъминланган хавфсизлик Ғарбий Европанинг иқтисодий юксалишига ёрдам берди. Савдо ишлари онда-сонда учрайдиган ҳолат бўлмай қолди, у фақат ярмаркаларда амалга оширилмай, балки саноати ривожланаётган шаҳарларда барқарор ва доимий хусусиятга эга бўлди.

Шаҳарлар аҳолисининг сони ортиб борди, кўхна шаҳарлар ёнида, уларнинг деворлари ортида янги турар жойлар пайдо бўлди. Сеньорлар ва руҳонийлар, шунингдек қирол ўз ерларида янги шаҳарлар қурдилар, уларнинг аҳолисига турли имтиёзлар берилди.

Гуллаб-яшнаётган шаҳарлар атрофдаги қишлоқларга нисбатан бошқача усулдаги маъмурий ва сиёсий бошқарув бўлишини талаб қилдилар.

2. Шаҳарларнинг озодликка чиқши турли усуллар билан амалга оширилди: бу баъзан сеньорнинг ихтиёрий розилиги натижаси бўлса, баъзан бирор келишув натижаси бўлди, баъзи ҳолларда эса, Франция шимолида бўлганидек, зўравонлик ҳаракатининг натижаси сифатида ҳам юз берди.

Озодлик шаҳарларнинг икки турини вужудга келтирди:

а) озод, лекин сеньор қарамоғида қолган, алоҳида ҳуқуқий имтиёзларга, шунингдек, ҳарбий, суд ва солиқ имтиёзларига эга бўлган шаҳарлар;

б) сеньор ҳукмидан озод бўлган, ўз-ўзини бошқарадиган, баъзан олдинги сеньорининг вассаллари бўлиб қоладиган, баъзан эса, Франциянинг жануби ва Италияда бўлганидек, феодал тобеликдан тўла озод бўлиб, унчалик катта бўлмаган шаҳар-республикани ташкил қилган шаҳарлар.

Бу озод ёки ўз-ўзини бошқарадиган шаҳарлар жойларда сеньорларнинг ёки қиролнинг ўз ҳудудларида зўравонлигини чеклайдиган эркинлик Хартияларига эга эдилар.

3. Ўрта асрлар Ғарбий Европасида ҳуқуқий меъёрларга бўлган ҳурмат.

Ўрта асрларда Ғарб жамияти томонидан ишлаб чиқилган ҳуқуқий меъёрлар ва умумий ҳуқуқий тамойилларнинг сероблиги, агар улар мунтазам бузилаверганда, жуда кам фойда берган бўлар эди. Бироқ, қўлга киритилган ҳуқуқлар доимо ўз кучини сақлаб турган, умуман ҳуқуққа нисбатан ҳурмат баланд бўлган.

Мен судда ишларни кўриш жараёнига тўхталиб ўтирмайман, бунга кўп вақт керак. Ўрта асрларда ғарбий насроний цивилизация қиролликларида ҳуқуқнинг таъсир кучи ҳақида учта мисол келтириш билан чекланмоқчиман.

А) Франция тожининг мерос қилиб қолдирилиши

Мен бу Францияда қандай бўлгани ҳақида ҳикоя қилмоқчиман, чунки бу мамлакат тажрибаси айниқса ибратлидир.

1. 987 йилда сайланган ва тож кийган Гуго Капет шу йилнинг охиридаёқ ёлғиз ўғли Робертнинг қирол этиб сайланишига эри-

шади ва у 988 йилда тож кияди, аввалига уни "тайинланган қирол" деб, кейинчалик эса, 996 йилда у ҳақиқий қирол бўлади ва Тақводор Роберт II номини олади. Тақводор Роберт II ўз навбатида тахтни ўзининг катта ўғли Гугога, унинг бевақт вафотидан сўнг эса иккинчи ўғли Анрига топширди, у 1031 йилда Анри I номини олди.

Филипп-Августгача бўлган барча Франция қироллари худди шундай қилганлар.

2. XIII аср бошида қирол тожининг мерос қолиши ҳуқуқи муқаррар эди, шунинг учун отаси Навқирон Луи VII тириклигидаёқ тахтни қўлга киритган Филипп-Август бу ишни ўз ўғли Луига нисбатан амалга оширишни ортиқча деб ҳисоблади. Ҳақиқатан, 1223 йилда, эски анъанага мувофиқ, тахтнинг келгусила қирол Шер Луи VIII деб ном олган шаҳзодага ўтишини ҳеч ким инкор қилмоқчи эмас эди.

3. XIV асрнинг бошида бўлиб ўтган бир воқеа сулолага мансублик ҳуқуқининг қонуний кучини аниқ тасдиқлайди. Қирол Луи X 1316 йилда вафот этади, унинг қизи малика Клементина Венгерская ҳомиладор эди. Малика фарзанд кўришини кутишга қарор қилинди, чунки ўғил бола дунёга келса, унинг тож-тахтта бўлган ҳуқуқи сақланиб қолар эди. Ҳақиқатан ҳам, болакай дунёга келиши биланоқ у қирол Жан I деб тан олинди ва у вояга етгунча амакиси, бўлажак қирол Новча Филипп V регентлик қилди.

Б) Ерсиз Жан худудлари кўп қисмининг қирол ерларига қўшиб олинishi 1203 йилда Филипп-Август ўз вассали, Англия қироли Ерсиз Жанга қарашли бўлган Нормандияни босиб олишга уриниб кўрмоқчи бўлди. Лекин у ўзининг шунга ҳуқуқи борлигига ишонч ҳосил қилмай туриб, ҳарбий ҳаракатни бошламади.

Ўз вассалларидан бири Гуго Лузиньянскийнинг қаллигини олиб қочиб кетган ва ўз сеньори - Франция қироли суди олдида жавоб беришдан бош тортган Ерсиз Жан 1202 йилда сеньорига нисбатан хиёнатчи деб топилди ва суд орқали жазога тортилди.

Ерсиз Жан қиролдан олган худудларнинг ундан тортиб олинishi феодал ҳуқуқ томонидан назарда тутилган санкциянинг қўлланилишидир.

В) Роман ҳуқуқига мансуб чекловчи шартлар

1) XIII асрда роман ҳуқуқи баъзи университетларда ўргатилар ва гарчи у Муқаддас Роман-Герман империясининг расмий қонуни бўлмасада, Франциянинг жанубида қўлланилар эди.

Францияда роман ҳуқуқининг қўлланилиши шу империя устунилигини тан олиш эмасмикан деган савол пайдо бўлади.

2. Масала шундай жиддий тус олдики, бирин-кетин учта қирол шу соҳада фармонлар чиқара бошладилар.

Авлиё Людовик 1250 ва 1254 йилларда, унинг ўғли Довюрак Филипп III 1278 йилда ва невараси Кўркам Филипп 1312 йилда чиқарган фармонлар роман ҳуқуқи Францияда қонун кучига эга эмаслигини тасдиқлайди. Қирол Франция жанубида яшайдиган аҳолининг кўп асрлик одатларига халал беришни истамаганлиги учунгина бу ҳуқуқ билан муроса қилади, лекин роман ҳуқуқи бу ерларда қонун сифатида эмас, ҳуқуқий анъана сифатида қўлланилади. Франция жанубидан бошқа ерда адвокатлар роман ҳуқуқига таянишлари, агар у маҳаллий ҳуқуққа зид бўлса, ман қилинган эди.

Хулоса сифатида мен яна икки мулоҳазани айтиб ўтмоқчиман.

Мен Фарбий Европада ўрта асрларда ҳуқуқий давлат барпо этилиши ҳақида гапирганимда уни бир ягона тизим сифатида олдим, чунки, гарчи Фарбий Европа мамлакатлари ўртасида табиий фарқлар бўлсада, уларни насроний-католик цивилизация бирлаштириб туради.

Масалан, Англияда XII асрда жамиятнинг нуфузли кучлари, черков, баронлар ва шаҳарлар қирол 1066 йилда Нормандияни босиб олиши натижасида қўлга киритган, шунинг учун қитъадагига нисбатан камроқ чегараланган ҳокимиятни чеклаб қўйиш йўлида бирлашишга интиланлар. Францияда, Понтинидаги Цистерций аббатлигида ишлаб чиқилган ва 1215 йилда Руннимедда қирол Ерсиз Жан томонидан бажарилиши лозим бўлган Буюк Хартия сенъорларга, черковга ва шаҳарларга, қисман, суд ишларни кўришда ҳуқуқларни кафолатлаб берган ва янги солиқлар киритишдан олдин Катта Кенгаш (кейинчалик у парламентга айланди) розилигини олиш зарурлигини белгилаб қўйган эди.

Қирол фаолияти бирмунча чеклаб қўйилган Францияда эса, черков ва шаҳарлар, аксинча, қиролнинг ҳукмини кенгайтириб, баронларнинг ҳукмини чегаралашга ёрдам берар эдилар.

Кейинчалик молиявий қийинчиликлар туфайли Англия қироллари парламент чақиритишга мажбур бўлдилар. У аста-секин қонун чиқарувчи самарали органга айланди ва 1679 йилда фуқароларнинг шахсий эркинлигини кафолатловчи "Шахснинг Дахлсизлиги тўғрисидаги Акт"ни (Habeus corpus Act) қабул қилди. Бу Акт Бирлашган Қироллик 1841 йилда парламент тизими шу сўзни қатъий юридик маъносида тасдиқлашидан анча олдин қабул қилинган.

Францияда эса, шунга ўхшаш молиявий муаммоларни ҳал этиш учун қироллар Бош Штатларни чақиритиш ўрнига суд мансаблари билан савдо қилдилар, бу эса судьяларнинг мустақил

бўлишларини, қирол сиёсатига бир неча марталаб қарши туришга қодир бўлган суд ҳокимиятини барпо этишни таъминлади.

Шуни айтиш мумкинки, ўрта асрлар Европаси ҳуқуқи, худди ислом дунёсидаги каби, қонунлар Куръонга асосланган, шариат деб аталмиш мажмуага ёки ҳадисларга бирлаштирилган, худо томонидан туширилган ҳуқуқ эмас; у афсонавий Ликург ёки тарихий шахс бўлган Солон каби бирор буюк қонуншунос томонидан эълон қилинган ҳуқуқ эмас; бутунги кундаги каби, парламент қабул қилган асосий қонунлар ва ҳукумат қабул қилган қўшимча қонунлар билан белгиланадиган ҳуқуқ ҳам эмас.

Ўрта асрлар Европаси ҳуқуқи ғарб насронийлари дунёси ўз эҳтиёжлари учун яратган оддий ҳуқуқ бўлган. У ижтимоий қадриятлар тизимини акс эттирган ва бу жамиятнинг эҳтиёжлари ва қадриятлари ривожланиб борган сари у ҳам такомиллашиб борган. Кейинчалик ҳуқуқий таомиллар тўпламлари тузилди ва улар бир томондан бу ҳуқуқнинг судьялар томонидан қўлланишини енгиллаштиради, иккинчи томондан ҳуқуқнинг ўзгарувчан воқеликка мослашуви жараёнини тўхтатди.

Шундай қилиб, бу ҳуқуқ ўз мазмуни жиҳатидан Амир Темур империясида қўлланилган ҳуқуқдан фарқ қилади. Бироқ, бу ҳуқуқий тизимларнинг иккита ўхшаш жойи бор: бу, биринчидан, ўрта асрлар Европасида ҳам, Чингизхон Яссасида ҳам ҳуқуқий таомилларнинг алоҳида аҳамиятга эканлиги ва, иккинчидан, роман ҳуқуқида ҳам, Ясса ва шариатда ҳам маҳаллий таомиллардан келиб чиқадиган икки ёқлама моҳиятдир.

Бироқ, бу қиёслаш нисбийдир, чунки ўрта асрлар Ғарбий Европасининг таомиллари роман ҳуқуқининг таъсирига тушган, муғулларнинг ислом динига киришидан олдин ишлаб чиқилган Ясса ва Пайгамбарнинг ҳикматли сўзлари асосида ишлаб чиқилган шариат эса ўзаро тубдан фарқ қилган.

ЎТМИШДА ВА ҲОЗИРГИ ЗАМОНДА ДАВЛАТ ЛЕГИТИМЛИГИ АСОСЛАРИ: ДИН ВА СИЁСАТ ЎРТАСИДАГИ ЎЗАРО МУНОСАБАТ МАСАЛАСИГА ОИД

Ўзбекистон нуқтан назардан:

*Тошкент Давлат юридик институти ректори,
Ўзбекистон Республикаси Олий Мажлиси ноиб
д-р проф. Ҳалим Бобоев*

Биз тарихга, айниқса, сиёсий тарихга нисбатан етмиш йил давомида нотўғри муносабатда бўлиб, ўзимиздан аввал ўтган

аждоларимиз томонидан яратилган маданиятга, сиёсатга, давлат ва ҳуқуққа, таълимотларга шубҳа билан қарадик ҳамда уларни зўр бериб "фош" қилиш билан банд бўлдик. Эски тузумни, давлатни инқилобий йўл билан тамоман синдириб, йўқ қилиб ташлаб, унинг ўрнига янги давлатни, унинг қонун-қоидаларини жорий қиламиз дея ўзимизни нафақат ўтмишдан ажралиб қол-ишимизгагина эмас, балки унга қарама-қарши қўйдик.

Ҳозирга қадар Ўрта Осиё халқларининг қадимги сиёсий тари-хини ёритувчи китоблар: "Низомут-таворих" ("Тарихлар низоми"). Навоий бу китобни барча манбалар орасида энг мукаммал иш-ланган асар деб ҳисоблайди. Шунингдек, "Авесто", "Тузи", "Девонанун насаб", "Тарихи Табарий", Муҳаммад Ғазолийнинг "Насиҳ-атул-мулк", Жалолий, Банокотий асарлари, Фирдавсийнинг "Шоҳнома", Берунийнинг "Ўтган авлодларнинг ёдгорликлари", Навоийнинг "Тарихи мулки Ажам", "Зафарнома", "Шоҳнома"лар ўрганилмасдан қолмоқда. Ана шундай бой манбаларнинг эъти-бордан четда қолиши натижасида Ўрта Осиё давлат ва ҳуқуқ, шунингдек, сиёсий-ҳуқуқий таълимотларнинг пайдо бўлиши ва ривожланиши масалалари ўқув китобларида, илмий мақолаларда жуда қисқа, атига бир-икки варақда ёритилган, холос. Ачинарли жойи шундаки, Ўрта Осиёда давлат, ҳуқуқ ва сиёсий таълимот-лар, юқорида зикр этилган манбаларга қараганда, қадимги Ажам давлати билан бир вақтда, яъни эрампдан аввалги 4000-йилла-рда пайдо бўлганлигига қарамасдан, ҳозирги ўқув китобларида қўлдорлик давлати эрампдан аввалги VI асрларда пайдо бўлган деган фикр мавжуддир.

Турон қонунчилиқ тарихи ҳам бой бўлиб, бу заминда энг қадимги қонунлар, диний-ҳуқуқий таълимотлар, мактаблар, оқимлар пайдо бўлган. Масалан, Зардушт динининг асосий ман-баи - "Авесто"да диний-ахлоқий қоидалар билан бирга, оилага доир, жиноят ва жазо каби масалаларга оид қоидалар ҳам битил-ган. Ислом динининг Ўрта Осиёга кириб келиши билан боғлиқ ҳолда мусулмон ҳуқуқи тизими ривожланади. Хусусан, Самар-қанд, Бухоро, Тошкент, Марғилон каби шаҳарларда фикр илми ғоят ривожланиб, бу шаҳарларда Мовароуннахрнинг фақиҳлари Куръон ва ҳадис ҳукмларига, қоидаларига асосланган қонунлар тизими - шариатни ривожлантирганлар. Бу заминда исломда машҳур тўрт мазҳабдан ханафийлар мазҳабининг фикр мактаби (уни Имом Абу Ҳанифа розийоллоҳу анҳу шогирдлари Имом Абу Юсуф, Имом Муҳаммад Зуфар ва бошқа олимлар билан бирга-ликда яратган) тараққий топган. Мовароуннахрда шариат қонун-чилиқ тизимларини яхши билган ва уни ривожлантирган машҳур

мутафаккирлардан Ал-Бухорий, Ат-Термизий каби улуғ муҳаддислар ўлмас ҳадис китобларни таълиф қилган бўлсалар, фақиҳлардан Убайдулло ибн ад-Дабусий (XII аср), Абу Ҳафс ан-Насафий (XII аср), Абдулазиз Марғилоний ва унинг ўғли Абдулҳасан Заҳириддин (XI аср), Абу Амир ал-Байқандий (XII аср) ва Ал-Каффол уш-Шоший (X аср) ва бошқа кўплаб олимлар ўз асрларида мусулмон қонунчилигини ривожлантиришига улкан ҳисса қўшдилар. Бу буюк фақиҳларнинг илмий асарлари дунё халқларининг кўп тилларига таржима қилинганлигига қарамасдан ҳануз ўзбек тилига таржима этилмаган.

Қонун, давлат ва сиёсатта эътибор Ўрта Осиё халқларида қадим замонлардан юксак бўлган. Бу соҳага доир сон-саноқсиз китоблар ёзилган. Масалан, "Зафарнома"лар давлатлар, шоҳлар ҳақида бўлса, Форобий, Юсуф Хос Ҳожиб, Навоий асарлари ва Темур "Тузуқлари"ида қонунчиликка доир сиёсий ҳуқуқий таълимотлар илгари сурилган. Масалан, Юсуф Хос Ҳожиб "Қутадуғ билиғ" асарида қонун тўғрисида қуйидаги сўзлар битган:

Қилич бирла кессун йиғи бўйнини,
Қонун бирла тузсун элу халқини.

Алишер Навоий эса:

Бу дин илмики, ҳомам қилди таҳрир,
Эрур фикҳу ҳадису сўнгра тафсир,

деб ёзади бу ҳақда.

Ана шундай бой ҳуқуқий-маънавий мероснинг ҳозирги кунгача ўрганилмасдан қолиши биз, ўзбек ҳуқуқшуносларининг миллий давлат ва ҳуқуқ тарихимизни яхши билмаслигимизга сабаб бўлмоқда.

Ушбу мақолада биз Мовароуннаҳрда фикҳ илмлари ва улардан бутунга керакли айрим хулосалар чиқариш борасида сўзламоқчимиз.

Мустақил Ўзбекистон давлатининг қонунлар тизими, биринчидан, ўзбек қонунчилиқ тарихига асосланган ҳолда шаклланаётган бўлса, иккинчидан, дунё халқларининг илғор демократик ғояларига, тажрибаларга асосланган ҳолда ривожланмоқда. Ўзбекистон қонунчилиқ тарихи деганда, албатта, аввало, Туркистон Россия империяси мустамакасига айланганига қадар бўлган ҳуқуқий тизим - шариатни назарда тутамиз. Шариат Ўрта Осиё

халқлари ҳаётида, уларинг ҳуқуқий онги, маданиятининг шаклланишида кўп асрлар давомида чуқур из қолдирган ҳуқуқий тизимдир. Шарият ва унинг илмий йўналишларини кўпчилик аксар илоҳият, яъни ислом дини, унинг ақидалари ва қонун-қоидаларидан иборат, деб тушунади. Ваҳоланки, шарият қонунлари илоҳият қонунлари билан бир вақтда инсон ҳақ-ҳуқуқларига, дунёвий масалаларига, жумладан, табиатни муҳофаза қилиш масалаларига тегишли қонун-қоидалари ҳам ўзида мужассамлаштирилган. Ҳозирги ҳуқуқшунослар орасида шариятдан қонунлар тузишда фойдаланиш керак, деган масалада яқдиллик бўлса-да, аммо ундан нималарни олиш мумкин-у, нималарни олиш мумкин эмас, деган савол жавобсиз қолмоқда. Ҳуқуқшунослик фанларида бундай ҳолатнинг юз беришига узоқ йиллар давомида шариятнинг ўқитилмагани ҳамда унга қарши сиёсат юргизилгани сабаб бўлди. Бугунги долзарб масалалардан бири - ана шу унутилган, ўтмишда халқларимиз ҳаётида муҳим ўрин тутган шариятни ўрганишдан иборат. Ўзбекистон давлати - дунёвий давлат. Шу боисдан биз шариятни тўла-тўқис қабул қила олмаймиз. Ундан энг ҳаётий зарур қоидаларни, ғояларни олиш мақсадга мувофиқдир. Шарият тизимини мукамал, бир бутун тарзда жамланган китоб Бурҳониддин Марғинонийнинг "Ҳидоя" асаридир. Урта Осиёда "Ҳидоя"дан ташқари яна ўнлаб бошқа, шарият қоидаларини мужассамлантирган тўпламлар, китоблар мавжуд. Бухорода "Ақоид", Самарқандда "Ҳикмат-ул ойин" каби китоблар ёзилди. Фарғоналик Фариддин Ҳасан ибн Маҳмуд, бухоролик Убайдуллоҳ ибн Маъсуллар ҳам баркамол фикҳ китобларини битдилар. Бу асарлар қозилар томонидан қўлланиладиган ва мадрасаларда ўқитиладиган китоблар эди. Мусулмон мамлакатларида шарият қонун-қоидаларини билганлар дин ва давлат ҳаётида энг эътиборли шахслар ҳисобланган.

Имом Бурҳониддин Абдулҳасан Али ибн Абу Бакр ибн Абдулжалил ал-Фарғоний ал-Марғинонийнинг номи ҳуқуқшунослар оламида машҳурдир. Унинг номини дунёга танитган 53 китобдан иборат "Ҳидоя" асари ҳисобланади. Бурҳониддин Марғиноний (593/1197 йили вафот этган) Риштон, Марғилон, Бухоро, Самарқанд шаҳарларидаги мактаб-мадрасаларда ўқиб, илм олади. У Қуръон, ҳадис, тафсири ва фикҳ илмларини мукамал эгаллаган, ўз замонасининг етук ҳуқуқшунос олими даражасига кўтарилган эрдир. Бурҳониддин фикҳ илминини устозлари - Нажмиддин Абу Ҳафс Умар ибн Муҳаммад ан-Насафий, Ҳусомиддин Умар ибн Абдуллоҳ ибн Умар ибн Маъоз Ас-Сараҳсий, Абу Умар Усмон ибн Али Байқандий, Аҳмад ибн Абдурашид ал-Бухорийдан

ўрганади. Улуғ аллома ўнлаб китоблар муаллифидир. Улар орасида "Китоб ал-Ҳидоя" энг мукамал асардир. Афсуски, араб тилида битилган бу китоб бир неча жаҳон тилларига таржима қилинганига қарамасдан ҳозиргача ўзбек тилида таржимаси йўқ.

"Ҳидоя" Мовароуннаҳр фикқ мактабининг мусулмон дунёсида қанчалик тараққий этганини кўрсатади. Китоб тил жиҳатидан ҳам, маъно ва мазмун жиҳатидан ҳам гоят аниқ ва пухта ёзилгани ҳақида ҳуқуқшунос олимлар асарларида таъкидлаб ўтилган. "Ҳидоя" Н.Гродеков деган шахс томонидан рус тилига инглизчадан таржима этилиб, қисқартирилган ҳолда, тўрт жилда, 1893 йили Тошкентда 400 нусхада, фақат Туркистонни идора қилаётган мустахлакчилар учун босилган эди. Рус тилидан ташқари, "Ҳидоя" форс, инглиз тилларига ҳам таржима этилган. Профессор Ақмал Саидов томонидан Н.Гродековнинг рус тилидаги нусхаси бизда ҳам 1994 йилида қайта нашр қилина бошлади.

"Ҳидоя"да закот, таҳорат, қудуқлардан фойдаланиш, таяммум, нарсаларни поклаш, Намоз шартлари, садақа, рўза, жиноят ва жазо, никоҳ, идда, савдо-сотик, қўриқ ердан ва сувдан фойдаланиш, гувоҳлик, ўғрилиқ, васият каби масалалар бирма-бир баён этилган. "Ҳидоя" ўзининг тузилиши ва маъносига кўра бошқа ҳуқуқ тизимларидан, масалан, бизда ҳам ўқитиладиган Рим ҳуқуқидан, фарқланади. Рим ҳуқуқи эрамиздан аввал римлик юристлар ва антик юнон файласуфларининг сиёсий-ҳуқуқий таълимотлари асосида яратилиб, кейинчалик Фарбий Европа мамлакатларида ривожлантирилган ҳуқуқ тизими бўлса, мусулмон ҳуқуқи ундан анча кейин, яъни еттинчи асрдан бошлаб шакллانган, такомиллашган ҳуқуқ тизимидир. Шариатнинг биз учун фойдали, қулай томони шундаки, у, биринчидан, Шарқ давлатлари, халқларининг урф-одатлари, анъаналари асосида ривожланган. Масалан, шариатда ердан, сувдан фойдаланиш ва атроф-муҳитни муҳофаза қилиш каби Шарқ мамлакатлари халқлари ҳаётида муҳим ўрин эгаллаган масалалар ниҳоят даражада аниқлик билан боғлиқ ҳал этилган. Савдо-сотик ишларида ҳалоллик, лафз, инсоф каби ахлоқий қоидаларнинг ҳуқуқий меъёрлари билан уйғунлашиб кетгани диққатга сазовордир. Иккинчидан, шариат ҳар бир воқеа-ҳодисани мисоллар ёрдамида, жуда аниқлик билан тушунтиради, яъни унинг шарҳларини беради.

Ўзбекистон давлатчилиқ ва қонунчилиқ маданиятини Ўрта асрларда янги тарихий босқичга кўтарган ва ҳамда энг буюк давлатчиликка асос солган шахс Амир Темур бўлди. ХГУ асрда мўғуллар истилоси натижасида мамлакат сиёсий жиҳатдан парчаланиб, давлат ва қонунчилиқ тартиби изидан чиққан эди. Мам-

лакат боисиз, раҳбарсиз, қонунсиз қолган эди. Ана шундай оғир бир тарихий шароитда Амир Темур сиёсий майдонга чиқди. Амир Темур давр талабини, яъни мамлакатни мўғул босқинчилардан тозалаб, ягона, кучли марказлашган давлат тиклаш кераклигини тушуниб етди. "Бошлиқсиз мамлакат жони суғуриб олинган танага ўхшайди. Жонсиз тана унинг ҳалокати билан баробардир", дея мамлакатга бошчилик қилади. Амир Темур фақат ўз халқини эмас, балки қўшни мамлакат халқларини ҳам зolim шoҳлардан, ҳокимлару беклардан қутқарди. У мамлакатда қатъий қонун ва қоидалар ўрнатди. Темур салтанатининг чегаралари Шимолда олтинчи иқлим, Жанубда Ҳиндистонгача, Шарқда Хитой девори, Ғарбда эса Ўрта Ер денгизигача бориб етган эди. У 27 давлатда тартиб ва қонунчилик ўрнатган буюк давлат арбобидир.

Темур давлати, Соҳибқироннинг олиб борган сиёсати ва ўзи ҳақида Шарқу Ғарбда жуда қўлаб китоблар ёзилди. Шарқда яратилган Амир Темур ва унинг мамлакатдорлик ишлари тўғрисидаги энг мукамал китоб Шарофиддин Али Яздийнинг "Зафарнома" асаридир. Афсуски, бу китоб ҳануз бугунги ўзбек тилига тўла таржима қилинмаган. Иброҳим Мўминов каби олимларимиз журъат этиб, илмий рисола ва мақолаларда Амир Темур "Ўрта Осиёда марказлашган давлат ташкил этди", "мамлакатда тартиб ўрнатди", "ободончилик, маърифий ишларни ривожлантирди" каби фикрларни билдирганликлари учун Москвада, Ўзбекистонда танқид қилинди. Иброҳим Мўминов Амир Темурни "илоҳийлаштириш"да ҳам айбланганлигини яши биламиз. Ўз юртида унга душманлик билан қаралаётган бир замонда, биздан анча узоқда бўлган Европа олимлари, тарихчилари, хусусан, инглиз, француз, италян адиблари уни улуғлаб асарлар яратдилар.

Амир Темур давлати ва унинг "Тузуқлар"идаги фикр-мулоҳазалар биз - давлатшунос ҳамда ҳуқуқшунослар учун катта мактаб, қимматли манбадир. "Тузуқлар"дан давлатни идора этиш санъатининг турли соҳаларни ўрганиш мумкин. Унда, масалан, Амир Темур 12 тамойилга биноан давлатни идора қилгани кўрсатилади. Биринчидан, дин ва шариат қонунларини қўлагани. Бундан бугунги кун учун хулоса чиқарадиган бўлсак, давлатда албатта мафкура ва қонун бўлиши керак. Иккинчиси, жамиятни 12 табақа ва тоифага бўлиб, улар билан бамаслаҳат, биргаликда давлатни бошқаргани. Маълумки, тоталитар давлат ҳукм сурган йиллар давомида (айниқса 40-йилларгача) биз жамиятни икки синфга: эзувчилар ва эзилувчиларга бўлиб, уларни бир-бирига қарши қўйдик. Давлат эса, пролетариат синфининг қуролита

айланган эди. Амир Темур тамойилининг афзаллиги шундаки, у давлатни иккита синф эмас, 12 та тоифа ва табақанинг мавжудлигини эътироф этади. Уларни ҳар бири ўз мавқеи, касбига кўра вазифасини бажариши керак. Давлат эса улар ўртасида тинчликни сақловчи, таъминловчи кучдир.

Учинчиси - маслаҳат, тadbиркорлик, фаоллик ва ҳушёрлик, эҳтиёткорлик. Бу тамойилнинг муҳимлиги шундаки, давлат аҳамиятига эга ишлар тегишли тартибда мутахассислар, олимлар, қонуншунослар билан бамаслаҳат амалга оширилган. Tadbиркорлик ва ҳушёрлик билан сиёсат юритилган. Тўртинчиси, салтанат ишларини тўла ва тузуқлар, яъни қонун-қоидага биноан амалга оширгани. Амир Темур қонунга, унинг устиворлик тамойилига катта эътибор билан қараган. Унинг қонунлари шариат тизимларидан иборат бўлиб, давлат ҳокимиятида оддий аскардан то амирғача ҳуқуқ ва бурчлари белгилаб қўйилган.

Бешинчиси, амирлар ва сипоҳийлар билан яхши муносабатда бўлгани, уларга иззат-иқром кўрсатиб, мартаба ва унвонларини ҳурматлагани, уларнинг турмушидан хабардор бўлгани, улардан дирҳаму динорларни аямагани. Шу сабабли ҳам улар Амир Темур учун жонларини бахшида этганлар. Олтинчиси, адолат ва инсоф билан иш кўргани. Гуноҳқорга ҳам раҳм-шафқат қилган.

Юридик адабиётларда қонуннинг устиворлиги, ҳуқуқий давлат ҳақида асосан ғарбий Европа мутафаккирлари, хусусан, француз олими Монтескье, олмониялик Кант ва бошқалар ёзган, деб уқтирилади. Ҳолбуки, Темур “Тузуқлар”ини синчиклаб ўқиган одам қонуннинг давлат ҳаётида ҳал қилувчи мавқега эга бўлганини пайқашни қийин эмас. Темур золимлардан мазлумларни ҳимоя этган. Унинг ҳузурда лашкарлар учун махсус қози ва райят учун махсус қози бўлган; ишларни улар билан маслаҳатлашиб, қонунга биноан ҳал қилган. Амир Темур қонун бузилганда ўз фарзандларини ҳам аямаган. Шу билан бирга, у ўта раҳм-шафқатли ҳам бўла олган; “Менга ёмонликлар қилиб, бошим узра шамшир кўтариб, ишимга кўп зиён етказганларни ҳам, илтижо билан тавба-тазарру қилиб келгач, ҳурматлаб, ёмон қилиқларини хотирмдан ўчирдим”, - деб ёзади Соҳибқирон.

Еттинчиси, сайидлар, уламою машойихлар, оқилу донолар, муҳаддислар, тарихчиларни эътиборли шахслар деб билгани ва улар билан суҳбатда бўлгани. Амир Темур доимо улардан маслаҳат сўраган. Саккизинчиси, азму жазм билан иш тутгани, ишга бутун вужуди билан киришиб, уни охирига еттазгани, айтган сўзига амал қилгани. Одам Атодан пайғамбарларгача, кейинги даврларда ўтган шоҳлар, давлатлар, қонунлар тарихигача суриш-

тирдим, ўргандим, деб ёзади Амир Темур. Тўққизинчиси, раият (халқ) ҳаётидан доимо огоҳ бўлгани. Давлатлар, шаҳарлар, қишлоқларнинг қонун-қоидаларига, урф-одатларига ҳурмат билан қараган. Ҳокимлар, сипоҳийлар халққа зулм ўтказган бўлса, қонуний жавобгарликка тортилганлар.

Ўнинчиси, турку тожик, арабу ажамнинг турли тоифалардан ўз паноҳига кирганларга ҳурмат билан қарагани. Ўн биринчиси, фарзандлар, қариндошлар, ошна-оғайнилар, қўни-қўшнилар давлат тепасига чиққанда ҳам унутилмаган. Уларга ҳамма қавм бирдек ҳурмат билан қараган. Ўн иккинчиси - дўст-душманлигидан қатъий назар, сипоҳийларга ҳамма жойда ҳам ҳурмат билдирган.

Темур "Тузуқлари"да келтирилган давлатни идора қилишга доир ўн икки тамойил ҳозирги кунда ҳам, шубҳасиз, қўлланиши мумкин. Бу тамойиллар ҳар бир ҳоким, вазир ва бошқа давлат хизматчиларининг иш услубига айланса, жамият, давлат фақат фойда кўради.

Биз "Тузуқлар"даги 12 тамойил ҳақидагина мулоҳаза юритдик, холос. Ундаги давлат, қонунга тегишли бошқа ғоялар тўғрисида биргина маърузада гапириш имкони йўқ. Бу бой маънавий меросдан биз қанчалик ўринли ва унумли фойдалансак, давлатимизнинг шон-шухрати шунчалик юксалади.

Маслаҳат ва кенгаш икки хил бўлишини эътироф этаркан, Амир Темур шундай дейди: "Қайси киши ақлга сиққан бир ишни куйиниб гапирса, суйиб эшитар эдим. Кимки, оқилона гапларни эрларча кескинлик билан сўзласа, унга кулоқ солардим." Соҳибқироннинг бу сўзлари айни бугунги кун учун айтилганга ўхшайди. Гап шундаки, давлат ҳокимиятида халққа фидойиларча хизмат этганлар билан бирга, ўз манфаатини ўйлаб, ёлғон ваъдалар бериб, "Иш бошқа-ю, гап бошқа", деб юрганлар ҳам борга ўхшайди.

Давлат интизоми, қонунчиликнинг қатъий ўрнатилиши, давлат идораларини марказлаштириш ва мустақкамлаш ғоялари Амир Темур давлатида асосий ғоялар бўлган. Марказий Осиё, хусусан, Ўзбекистон, Қозоғистон ва Қирғизистон давлатлари ўртасидаги иқтисодий, сиёсий, молиявий ва ҳарбий соҳаларда бирлашишга қаратилган сазъ-ҳаракатлар бўлиниб кетган Туркистон давлатининг кучларини бирлаштиришга хизмат этади. Чунки бу давлатларда яшаётган халқларнинг, миллатларнинг тақдири бирдир. Бу борада Ўзбекистон Президенти Ислом Каримовнинг кўрсатаётган ташаббуси таҳсинга сазовор. Амир Темур даври ҳозирги мустақилликни мустақкамлаш, келажакда буюк давлат куриш учун курашаётган даврга кўп жиҳатдан ўхшашдир.

“Тажрибамда кўрилгани, - деб ёзади у, - ишбилармон, марлик ва шижоат соҳиби, азми қатъий, тadbиркор ва хушёр бир киши минг-минглаб тadbирсиз, лоқайд кишилардан яхшидир”. Ҳақиқатан ҳам, давлат ишларида собиқ Иттифоқ вақтида айниқса лоқайдлар, сотқинлар давлат ишларида жуда кўпайиб кетган эди. Улардан қутулиш осон бўлмапти. Амир Темур ўз аркони давлатига ишбилармон, ақли расо, иймонли, ишончли шахсларни тўплади. Ақл соҳиблари билан бамаслаҳат иш кўриш Темур салтанатида асосий қоидага айланган эди. “Гарчи ишнинг қандай якунланиши тақдир пардаси ортида яширинган бўлса ҳам, ақли расо ва хушёр кишилардан кенгашу тadbир истаб, фикрларини билмоқ лозимдир”.

“Давлату салтанат уч нарса билан: мулк, хазина ва лашкар билан тикдир”, деб ёзган эди Амир Темур. Мулк социализм шароитида умумийлаштирилиши оқибатида эгасиз қолиб, талон-тарож объектга айланди; мамлакатда юлғичлар, порахўрлар, халқ ҳисобига бойиш йўлига ўтган тўдалар кўпайиб кетди...

“Яна тажрибамда кўриб билдимки, - деб ёзади Соҳибқирон, - давлат агар дину ойин (қоида) асосида қурилмас экан, тўра-тузукка боғланмас экан, ундай салтанатнинг шуқуҳи, қудрати ва тартиби йўқолади. Бундай салтанат яланғоч одамга ўхшайди, уни кўрган кимса назарини олиб қочади. Ёхуд касу нокас тап тортмай кириб чиқадиган томсиз, эшиги-тўсиги йўқ уйга ўхшайди”. Дарҳақиқат, ғоясиз, мафкурасиз, қонунсиз давлатнинг тартиби бузилади. Унда касу нокаслар кўпайиб кетади. Шунинг учун ҳам бугунги Ўзбекистонда уюшган жиноятчиликка қарши, шаҳару қишлоқларда қонунчиликни ўрнатиш борасида олиб борилаётган кураш, маърифий ва маданий ишлар, айниқса, ёшларнинг ҳуқуқий тарбияси борасида кўрилаётган ва қўлланилаётган тadbир-чоралар ўз вақтида амалга оширалаётган хайрли ишлардир.

Мовароуннаҳрда ўрта асрларда барча мусулмон мамлакатларига донғи кетган ҳуқуқий мактаб амал қилди. Бу мактабнинг пешқадамлари Имом Бухорий, Имом Абу Исо ат-Термизий, Форобий, Бурҳониддин Марғиноний каби алломалар эди. Амир Темур Туркистонда ягона марказлашган давлат ташкил этиш ва қонунчиликни мустаҳкамлаш билан бу мактаб мавқеини янги, юксак поғонага кўтарди. “Ҳидоя”, “Мухтасар”, “Темур Тузуқлари”, “Зафарнома”, “Ҳамса” каби китобларда ҳуқуқий тизим, давлат, қонун ва сиёсат тўғрисидаги маълумот баён қилинган. Биз ана шу кўп йиллардан буён унутилган маънавий-ҳуқуқий бойлик ва Темур давлатининг қонуний меросхўримиз. Бинобарин, уларнинг керак ва улардан қонун яратишда фойдаланишимиз зарур. Ўқув

юртларида бу манбаларни пухта ўрганиш лизим. Бу китоблар ҳокимлар, прокурорлар ва бошқа масъул шахсларнинг иш столларида туриши керак.

Туркистон халқлари озодлик, эркинлик ва бирликни сақлаш учун курашиб келган, дунё халқлари маданиятига илм-фан, дин, сиёсат, давлат ва қонун борасида қўшган салмоқли ҳиссалари билан танилган халқлардир. Зеро, бугун Туркистон давлатлари мустақилликка эришган экан, бу янги Уйғониш даври яна кўплаб буюк давлат арбобларини, олимларини, адибларини вояга етказди. Ўзбекистон келажаги буюк давлат эканига шубҳа йўқ, чунки бунинг учун ҳамма маънавий, моддий, сиёсий ва ғоявий асослар мавжуддир.

Амир Темур бунёд этган буюк давлат меросхўри биз. Бутунги Ўзбекистон ана шу заминда қадрини рослаб, келажакда унинг ривожланган замонавий, буюк давлатга айланишига бутун ҳеч кимда шубҳа йўқдир.

Европа нуқтан назардан:

*Цюрих университети фалсафа факультети,
д-р проф. Герман Люббе*

Ғарбий Европа ва Ғарбий Америка давлатларида дин ва сиёсат ўртасидаги муносабатлар шу қадар хилма-хилки, уларни шарҳлаш жуда мураккаб. Шунинг учун, қатор ижтимоий ҳодисаларнинг насроний асосини ҳисобга олган ҳолда, энг аввало, ҳозирги замон давлатлари ҳамжамятидаги умумий қирраларни ажратиб олиш муҳимдир. Барча ғарб мамлакатларида дин ва сиёсат ўртасидаги ўзаро муносабатларда дин эркинлигининг ҳуқуқий қафолатлари биринчи ўринда туради. Кўпинча, эътиқод эркинлиги ҳуқуқи давлат конституциясида ёзиб қўйилган бўлади, агар, масалан, Буюк Британиядаги каби, ягона конституциявий қонун мавжуд бўлмаса ҳам, бошқа ҳуқуқий ҳужжатларда эътиқод эркинлигига алоҳида аҳамият берилади.

Маърифат даврида фуқаролик ҳуқуқи ва инсоннинг эътиқод эркинлиги ҳуқуқининг конституциявий-сиёсий мустаҳкамланиши дунё миқёсидаги икки воқеа туфайли: Америка ва Франция инқилоблари туфайли тезлашиб кетди.

Мазкур маъруза доирасида биз эътиқод эркинлиги киритилишининг мураккаб тарихини батафсил ёритиб бера олмаймиз. Умуман ўтмишга назар ташласак, эътиқод эркинлигининг қандай куч ёрдамида киритилганлиги чуқур таассурот қолдиради. Мен

буни бир неча далиллар билан кўрсатиб бермоқчиман. Биринчидан, эътиқод эркинлиги тан олинмаган бирор давлат Европа Кенгашига аъзо бўла олмайди. Иккинчидан, Европа Ҳамжамияти Европа Кенгашидан фарқли равишда ҳалигача Инсон ҳуқуқлари ҳақидаги Декларация субъекти эмаслигига қарамай, мамлакат Европа Ҳамжамиятига қираётганда ҳам эътиқод эркинлиги талаб қилинади. Учинчидан, АҚШда ва собиқ СССРда эътиқод эркинлиги 1975 йилнинг 1 августида Хельсинкида имзоланган Хавфсизлик ва Ҳамкорлик бўйича Якуний Актнинг моддаларидан бири сифатида расмий тан олинган. "Корзина I" нинг VII моддасида бошқа эркинликлар билан бир қаторда эътиқод эркинлиги ҳам тилга олинади, унга Хавфсизлик ва ҳамкорлик бўйича Конференция иштирокчилари бўлган мамлакатлар қатъий риоя қилишлари лозим. Ниҳоят, тўртинчидан, эътиқод эркинлиги БМТ нинг 1948 йилнинг 10 декабрида БМТ Бош Ассамблеяси томонидан 217 (III) Резолюция сифатида қабул қилинган Инсон ҳуқуқлари тўғрисидаги Умумий Мурожаатномага имзо чеккан барча аъзоларига тегишлидир. Бу мурожаатномада бошқа эркинликлар қаторида 18 Моддада эътиқод эркинлиги ҳақида сўз боради.

Шундай хулоса қилиш мумкинки, эътиқод эркинлиги ҳозирги кунда бутун дунёда амал қилаётган ҳуқуқий институтлардан биридир. Лекин бу ҳуқуқнинг бузилиши ҳоллари ҳам йўқ эмас. Бу борада халқларнинг ҳуқуқлари билан боғлиқ бўлган ва инсон ҳуқуқларининг бузилиши тавсифлаш имконини берадиган мурожаатномалар ва декларациялар мавжудки, бу жуда муҳимдир. Потенциал сиёсий ҳаракатлар ҳам шунга асосланади. Европада бунга Хавфсизлик ва ҳамкорлик бўйича Конференция Якуний Актида қонунийлиги тасдиқланган ҳаракатлар мисол бўла олади. Бу ҳужжат билан мустаҳкамлаб қўйилган Сиёсий норозилик ҳуқуқи, айниқса, Марказий ва Шарқий Европанинг собиқ социалистик мамлакатларида социализм инқирозининг муҳим омилли бўлди.

Эътиқод эркинлигининг алоҳида сиёсий аҳамиятини қандай баҳолаш кераклиги - бу бошқа масала. Эътиқод эркинлиги ҳуқуқий институтининг юзаки ўрганилиши натижасида эътиқод эркинлиги ўрнатилаётганда асосий эътибор дин ва жамият ўртасидаги сиёсий боғлиқликка қаратилган, деган хулосага келиш мумкин. Бироқ, эътиқод эркинлиги шуни ҳам назарда тутадикки, давлат сиёсати орқали диний меъёрларни - эътиқод меъёрлари, диний ахлоқ меъёрлари, шунингдек, маросимлар ва бошқа диний удумларни мажбуран қабул қилдириш ман этилади. Фуқароларга

эътиқод эркинлиги берилган жойда давлат сиёсати диний меъёрларни зўрлаб киритиши таъқиқланади.

Эътиқод эркинлигининг таъминланиши - Европа ва Америка маданиятшунослиги ва тарихшунослигида "секуляризация" деб аталмиш ҳолнинг бир қисмидир. Секуляризация - диний мажбуриятлардан озод қилиниш; фуқаролик ҳуқуқлари ва фуқаролик мажбуриятларининг ҳеч қандай диний қарам эмаслиги (бунга фуқаронинг умуман ҳар қандай диндан воз кечиш ҳуқуқи ҳам киради). Шундай қилиб, юқорида айтилган фикрлар эътиқод эркинлигига нималар киритилганини кўрсатади ва бир вақтнинг ўзида нима учун руҳонийлар Европада эътиқод эркинлигини тан олинишига муҳтож бўлмаган ҳуқуқий институт сифатида таъминлай олмаганликларини кўрсатади.

Масалан, 1953 йилдаёқ ўша вақтдаги Рум католиклари раҳбари Пий XII румлик ҳуқуқшуносларга йўллаган мурожаатида шуни қайд этдики, эътиқод эркинлиги билан кафолатланган диний йўлдан адаштириш ҳуқуқи номақбулдир. Диний эркинлик бўлиши мумкин эмас, фақат сабр-тоқат бўлиши мумкин, бу бидъат ва бошқа диний оғишмаларга нисбатан сабр-тоқат деганидир, лекин доимо бундан ҳам ёмон бўлиши мумкинлигининг олдини олмоқ лозим. Мен яна шуни дарҳол қайд этмоқчиманки, орадан 10 йил ўтмасданоқ, олтмишинчи йилларнинг бошларида Иккинчи Ватикан Соборида католиклар эътиқод эркинлигини инсон ҳуқуқи институти сифатида расмий равишда эътироф этдилар. Мен бунинг сабабларидан бирини кейинроқ кўрсатиб ўтаман.

Шуни айтиб ўтиш муҳимки, сиёсий жиҳатдан мустаҳкамланган эътиқод эркинлиги насроний динининг манфаатларига тўғри келмас эди, бу эркинлик черков вакилларининг истагига қарши равишда киритилган.

Эътиқод эркинлигини дин ва сиёсат ўртасидаги муносабатларда ҳал қилувчи ҳуқуқий омилга айланишига олиб келган сабаблар масаласи юзага келиши табиийдир. Эътиқод эркинлиги XVI-XVII асрларда қатор мамлакатларни вайрон қилган диний урушлар аччиқ тажрибаси натижасида қўлга киритилди, бу жуда узоқ ҳикоя бўлганлиги учун уни тушириб қолдиришга мажбурмиз. Тажриба шуни кўрсатадики, кўпгина бидъатчилар, битта ягона ҳақиқий, бўлинмас дин тўғрисидаги нуқтан назарларида туриб олиб, ўз диний хатоларидан воз кечиш ўрнига қувғинлик ва ҳатто қотилликни афзал кўрар эдилар.

Бир қарашда, дин ягона бўлса, жамиятнинг сиёсий яхлитлиги ҳам мустаҳкамланади, диннинг ягоналиги фақат черков манфаат-

ларига эмас, балки бутун жамият манфаатларига хизмат қилади, деган мулоҳаза ишончли бўлиб кўринади. Лекин, Европада Реформация даврида бу яхлитликка узил-кесил яқун ясалгач, фуқаролар ягона диний бирлигини сиёсий мажбурлаш йўли билан тиклашга уриниш дин яхлитлигининг емирилишидан ҳам ёмонроқ эканлиги маълум бўлди. Жамиятни заифлаштирувчи диний-сиёсий мажбурлаш оқибатлари эътиқод эркинлигига олиб келди.

Шуни ишонч билан айтиш мумкинки, эътиқод эркинлиги ҳуқуқий институти дунёвий онг самарасидир. Фуқаролар тинчлиги у ёки бу диннинг ҳаққонийлигига асосланмайди, бунинг устига тинчликка интилиш диний ҳаққоният ғалабасига интилишдан устун туради.

Шундай қилиб, XVI-XVII асрларда Европада олдин сабр-тоқат, яъни ўзидан бошқа диний эътиқодларга нисбатан холис муносабат пайдо бўлди, у тинчлик йўлига хизмат қилиши керак эди. Европанинг буюк мутафаккирлари дин ва сиёсат ўртасидаги муносабатлар масаласида эътиқод эркинлигининг ҳам, айниқса, сабр-тоқатнинг ҳам тарафдорлари бўлмаганлар (Голландияда Спиноза, Англияда Жон Локк, Францияда Вольтер). Фақат янги инқилобий аҳвол вужудга келгандан сўнг, аввал АҚШда, кейин Францияда ва, ниҳоят, бошқа қатор Европа мамлакатларида инсон ҳуқуқлари мустаҳкамлаб қўйилгандан кейин, сабр-тоқат сиёсати эътиқод эркинлиги ғояси билан сиқиб чиқарилди. Бунинг маъноси шуки, ғайридинлик, диссидентлик субъектив ҳуқуқ мақомига ўтказилди, давлат бу ҳуқуқни кафолатлаб берди.

Эътиқод эркинлиги шароитида сиёсат ва дин ўртасидаги муносабатларда мувозанат сақлашнинг қанчалик қийин бўлганлиги бизга Рум Папасининг 1953 йилда эътиқод эркинлигини рад қилган мурожаатномасини эслатади. Европада яҳудийларга тўла фуқаролик ҳуқуқлари эътиқод эркинлигининг берилиши XIX асрнинг охирига бориб яқунланди, Буюк Британияда эса католиклар тўла фуқаролик ҳуқуқларини XIX асрнинг ўттизинчи-қирқинчи йилларидагина қўлга киритдилар.

Шундай қилиб, Европада эътиқод эркинлиги киритилиши тарихи черков манфаатларига зид равишда фуқаролик ҳуқуқининг киритилиши тарихи билан тенгдир. Бунга давлатнинг диний меъёрларни тан олиш ва уларни киритиш мажбуриятларини дадил рад этганлиги туфайли эришилди.

АҚШ мисолида шуни кўриш мумкинки, эътиқод эркинлиги дин манфаатларига қаршилиқ қилмасдан, балки дин учун хизмат қилиши ҳам мумкин экан. Америка Кўшма Штатларининг конституция тизимида асосий модда бўлган дин ва давлатнинг аж-

ратиб қўйилиши динни фуқароларнинг тинчлигига раҳна солади-
ган ҳаётгий куч сифатида сиқиб чиқаришга интилмайдди. Амери-
када эътиқод эркинлиги Европадан қочиб келиб, энди Янги
Дунёда уларнинг эътиқодига аралашадиган ҳеч қандай диний
устунликни ҳис қилишни истамайдиган майда диний гуруҳлар ва
диссидентларнинг манфаатларини ҳам ҳисобга олади. Америка
Қўшма Штатлари ҳуқуқий ва маданий анъаналарида диннинг
давлатдан ажратиб қўйилишини самимий деса бўлади. Европада,
масалан, Францияда бу умуман бошқача бўлган. Диннинг давлат-
дан ажратилиши антиклерикал ҳаракатлар шаклида кечган.

Дин ва давлатнинг АҚШ учун хос бўлган тинч йўл билан
ажратилиши оқибатида у ерда дин ижтимоий ҳаётга бошқа Ев-
ропа мамлакатларидагига нисбатан кучлироқ таъсир кўрсатади.
Америкалик жамиятшунос олимлар меҳр билан фуқаролик дини
("civil religion") деб атайдиган диннинг турли шакллари тўғри-
сидаги Манифест умумий сиёсий ҳаёт оқимида диний ҳаётнинг
таркибий қисми бўлиб қолди. Америка Президенти қасамёд
қилаётганда қўлини Инжил устига қўйиб туриши, ёки у сиёсий
жиноят қурбонлари хотираси учун халққа мурожаат қилаётганда
оммавий ибодат қилиши бу борада яхши намуна бўла олади.
Францияда бундай ҳаракатлар ақлга ҳам сиғмайди.

АҚШда дин ва сиёсатнинг ажратилиш тизими дин учун яхши
омилдир. Айнан шундай тизим шароитида католиклар диний
жамоаси АҚШдаги 130 дан ортиқ диний жамоалар орасида энг
катта диний жамоага айланди. Америка епископати эътиқоднинг
чексиз эркинлигини эътироф этган Иккинчи Ватикан Соборида
ишгирик эъти.

Дин ва давлат ўртасидаги муносабатларни, худди АҚШдаги
каби эркин шартнома сифатида, ёки Франциядаги каби муноса-
батларни ажратиш сифатида тушуниш учун шуни эсда тутмоқ
лозимки, насронийлик тарихида сиёсий ва диний жамоалар чам-
барчас боғлиқ бўлганлар. Европанинг Янги тарихида бу муноса-
батлар худди АҚШ тарихидаги каби мустақил институт сифатида
"Давлат" ва "Черков" деб номланган давлат жамоаси ва диний
жамоага айланди.

Ҳозирги кунда Европада икки институт мавжуд: бу бир то-
мондан давлат институти бўлса, иккинчи томондан черков ин-
ститутидир. Бироқ улар доимо ва тўла ажралган эмас. АҚШ ва
Франциядан фарқли равишда, кўпгина Европа мамлакатларида,
масалан, Буюк Британия ёки Норвегияда, давлат черкови мав-
жуд. Бунинг маъноси шуки, бу мамлакатларда давлат раҳбари
бир вақтнинг ўзида тегишли давлат черковининг ҳам раҳбари

саналади. Лекин давлат ва черков ўртасидаги бу боғлиқликка қарамасдан, бу мамлакатларда эътиқод эркинлиги ҳам мавжуд.

Бу ерда Европа мамлакатларида давлат ва черков ўртасидаги турли ҳуқуқий муносабатлар ҳақида батафсил ҳикоя қилиш ўринли эмас. Бироқ, мен шунга қайд этиб ўтмоқчиманки, Германияда черков бутунлай мустақил ва шунга қарамай, давлатдан тўлиқ ажралмаган. Масалан, бунинг маъноси шуки, давлат университетларида дин тарғиботчиларини тайёрлайдиган илми илоҳ факультетлари мавжуд; мактаб таълимининг таркибий қисми сифатида диний жамоа режаси бўйича диний таълим олиб борилади; давлат черков учун солиқлар олади.

Тарихга мурожаат қилмай туриб, буни тушуниш қийин. Агар биз баъзи кантонларида давлат черкови мавжуд бўлиб, Женева ёки Нойенбургда эса черковни давлатдан ажратувчи ҳуқуқий тизим амал қиладиган Швейцарияни оладиган бўлсак, турли мамлакатларда давлат ва черков ўртасидаги ҳуқуқий муносабатларни тушуниш янада мураккаблашади.

Бутун Европада ҳам, худди АҚШдаги каби, бир томондан диний жамоалар ва иккинчи томондан давлат сиёсий жамоалари муносабатлари-нинг ҳуқуқий бошқарилиши ўртасидаги фарқлардан қатъий назар, эътиқод эркинлигига у ёки бу даражада риоя қилинади.

Маърифат давридан буён Европа ва Америка анъаналари бўйича эркин дин давлатда легитим вазифани ҳам бажариши мумкинми? Бошқача айтганда, эътиқод эркинлиги дин сиёсий тартиб учун аҳамиятта эга бўладиган аҳволни вужудга келтира оладими?

Мен бу саволга "Ҳа" деб жавоб беришга мойилман. Бу ижобий жавобни асослаб беришга ҳаракат қилиб кўраман.

Эътиқод эркинлиги шароитида диннинг аҳамияти ва шу билан бирга, диний ва сиёсий жамоаларнинг мустақиллиги кафолатлари диннинг яшашга қобилиятли куч сифатида ижтимоий ва шахсий ҳаётдан умуман ўчириб юбориш тажрибасининг натижаларини намойиш қилади. Европа тарихида шундай тажриба бўлган. Диний келишмовчиликлар натижасида фуқаролар тинчлиги бузилганлиги ҳақидаги хотиралар ҳали эсимизда. Гап динни тинчликни сақлаб қолиш учун ва эркин ривожланиш учун халақит берувчи куч сифатида бутунлай йўқ қилиб юбориш сифатида уни танқид қилиш ҳақида кетмоқда.

Масалан, Карл Маркснинг асарларида биз шундай таърифни учратамиз: "Пролетарлар инқилоби - бу фуқаролар инқилобидир, АҚШ ва Франция инқилоблари эса қутулгандан аъло натижага

эришдилар - улар динни озод қилиш ўрнига диндан озод бўлишга эришдилар. Ва, фуқаролар инқилоби яҳудийларни озод қилгандан сўнг, пролетарлар инқилоби инсониятни яҳудийлар динидан озод қилади". Бу танқид бўйича, дин инсоният ўзининг чексиз қобилиятларини ҳозирги замонда ва келажакда руёбга чиқариши учун тўсиқдир. Марксизм ниқоби остидаги ленинизм ҳокимият тепасига келгач, амалда бу нарса динни таъқиб қилишга айланди. Худди шу каби, национал-социализм ҳам насронийликни национал-социалистик дунёқарашни даъво қилиш йўлидаги тўсиқ деб билиб, уни ҳар томонлама сиқувга олди.

Хулоса қилиб шуни айтиш мумкинки, тоталитаризм шароитида диний тизим эквиваленти сифатидаги ҳукмрон мафкура ўрнатилади. Бу эса ўз навбатида шуни англатадики, дин, айниқса, озод дин сиёсий фаолиятни чекловчи воситалардан бири экан. Инсон ҳуқуқлари тарихини биз на давлат тасарруфига, на кўпчилик тасарруфига топшириб қўйишни истамаган муҳим манфаатларнинг кенг тарқалиб бориши тарихи сифатида ўқиш мумкин. Дин эса, албатта, энг кучли ва энг муҳим манфаатлардин биридир. Диний муҳитда кишилар яшашга қобилиятли, ва сиёсий қаршиликлар тарихидан маълум бўлишича, қаршилик кўрсатишга ҳам қобилиятли бўлиб қолаверадилар. Ва, ниҳоят, дин эркин сиёсий ҳаёт шароитида алоҳида кафолатланадиган, лекин ҳаётга зўрлаб тадбиқ этилмайдиган институтлардан биридир. Диннинг эркинлиги уни сиёсатнинг аралашувидан сақлайди, лекин бир вақтнинг ўзида сиёсат унинг сиёсий давлат жамоасининг мавжуд бўлиши учун муҳим омил сифатида эркин ривожланишини кафолатлайди.

Маърифат давридан буён эътиқод эркинлиги ҳуқуқий институти шаклида мавжуд бўлиб келган, Европа ва Америка тарихидаги дин ва сиёсатнинг ўзаро ҳамкорлиги меъерлари Инсон ҳуқуқлари тўғрисидаги турли Декларацияларда, ҳатто БМТ ҳужжатларида ҳам расмийлаштириб қўйилган. Бироқ шундай европаликлар ва америкаликлар борки, улар инсон ҳуқуқларини, шу жумладан, эътиқод эркинлигини ҳам универсал ҳуқуқ эмас, балки фақат Европа ва Америкага хос анъана деб ҳисоблайдилар, эътиқод эркинлигининг ҳаётга тадбиқ қилинишини эса буюк давлатчиликнинг белгиси деб тасаввур қиладилар.

Бу фикр дунё миқёсидаги сиёсий аҳамиятта эга бўлгани учун мен мазкур маъруза доирасида у билан мунозара қилмоқчи эмасман. Мен эътиқод эркинлигининг келиб чиқиш тарихини эслатиб қўйиш билан кифояланмоқчиман. У, юқорида айтиб ўтилганидек, инсонларнинг турли эътиқодлар билан чиқиша олмас-

ликлари туфайли вужудга келган. Ҳозирги замон тез ривожланиб бораётган ва умумий ўзаро боғлиқликни вужудга келтираётган техника тараққиёти қонунларига бўйсунди. Биз тилимиз, маданиятимиз, рангимиз ва диний эътиқодларимиз ва мажбуриятларимиз бўйича турлича бўлсак ҳам, ҳозирги замонда бир-биримизга тобора яқинлашиб бормоқдамиз. Инсонлар ўзаро фарқларини бирдек тан олиши кафолатланган ҳолдагина уларнинг ҳамкорлик қилиш қобилиятлари ижобий натижалар бериши мумкин.

ДИН ВА СИЁСАТ ЎРТАСИДАГИ ЎЗАРО МУНОСАБАТ МАСАЛАСИГА ОИД: ЭТИКА СОҲАСИДАГИ ЎЗАРО БОҒЛИҚЛИК

*Виттенберг-Галле шахри Мартин Лютер номи
университетининг шарқшунослик институти,
д-р проф. Юрген Пауль*

Ўзбекистон Давлат тарих музейига кирар экансиз, зинадан кўтарилиб бориб, деворга ишланган расмларни кўрасиз. Уларда тарихий шахслар ва мамлакатнинг муҳим ютуқлари ифодаланган. Расмнинг юқори қисмида, ўртада тахт устида ўтирган Амир Темур, юқорироқда унинг набираси қурдирган расадхона юлдузли осмонга олиб чиқадиган йўл каби тасвирланади. Ундан пастроқда, расмнинг аниқ ҳандасавий марказида машҳур кўлёзма - Куръонни кўриш мумкин. Халифа Усмон томонидан кўчирилган бу кўлёзма, айтишларига қараганда, мустабидлик замонида Санкт-Петербургда олиб кетилган, кейинчалик эса Ўзбекистонга қайтиб берилган экан. Ундан пастроқда суҳбат билан машғул олимлар, расмнинг чет қисмларида исломгача ва ислом даврига мансуб машҳур ва унчалик машҳур бўлмаган бадиий асарлар акс эттирилган.

Бугунги симпозиум давомида Амир Темурнинг динга, ислом ва бошқа диний оқимларга бўлган муносабати ҳақида гапирилди. Бошқа имкониятлар билан бир қаторда Темур исломнинг легитимлик имкониятларидан ҳам кенг фойдаланган. Буюк амирликка ва юзаки ҳокимликка сайланаётган пайтда (Темур ҳеч қачон хон унвонига эга бўлмаган деб тўппа-тўғри айтилди) Темур маросимда мамлакат бўйича пайгамбарнинг давомчилари бўлмиш Термизлик Саидлар иштирок этиши учун кучини аямади. Сирли шахс бўлган Саййид Барака ҳам бу воқеада тегишли ролни ўйнаган бўлса ажаб эмас. Маълумки, Темур дин арбоблари, айниқса, сўфийларнинг фикрлари ва ҳикматларига қулоқ тутар

эди. Ҳарбий юришларга тайёргарлик вақтида ғайритабиий кучларга мурожаат қилиш бунинг исботидир. Темур руҳонийларнинг ҳикматларини, ҳатто улар жаҳл ёки душманлик билан айтилган бўлса ҳам, тушуна олар эди.

Шу билан бирга Темурнинг ҳокимияти оддий эди: соҳибқирон (бахтли иттифоқ соҳиби) ва кўрагон (мўғулча "куёв", чингизийлар маликасига уйлангандан сўнг олган) номлари Темур учун жуда азиз бўлган. Бу икки унвон бошқарувнинг диний эмаслиги, энг камида исломий эмаслигини кўрсатади. Маълумки, у ўз ютуқларига кишиларни бирлаштира олиш қобилияти туфайли эришган, худди шу қобилияти унга бегона уруғлардан чиққан тарафдорларини ўз атрофига тўплаш имконини берган. Темур ҳокимиятининг легитимлигига албатта, Темурнинг шахсий бардоши ва ҳарбий ғалабалари ҳам сабаб бўлган.

Темур давридаги диний ва сиёсат муносабатларини ҳам ҳисобга олмасдан иложи йўқ. Улар ўрта асрлар исломий дунёсининг бошқа давлатларидаги шундай муносабатлардан кескин фарқ қилар эди. Подшоҳи-ислом сифатида Темур ўз замондошлари ва кейинги авлодлар томонидан ҳам тан олинмаган. Ҳатто унинг ўғли Шохруҳ даврида, гарчи у ислом анъаналарига риоя қилишга интилган ва мўғулча удумлардан анча узоқлашиб кетган бўлсада, бу борада шубҳалар мавжуд эди. Тошкент музейидаги деворий расм ҳам Темур ҳокимияти ва ислом дини ўртасидаги боғлиқлик ҳақида гувоҳлик бермайди.

Европада шундай тушуниладик, исломда дин ва сиёсат (ёки давлат) тушунчалари кўпинча ажралмас тушунчалардир. Ислом бир вақтнинг ўзида ҳам диний, ҳам давлат-сиёсий тузумдир, деган қатъий мулоҳаза (ал-ислом дин-ва-давлат) замонага хос ҳодиса деб ҳисобланиши мумкин. Ҳар ҳолда, Темур давридаги исломий давлатларга бу формула тўғри келмаган.

Ўрта асрларда немислар рейхи, Темур давлати ва ўша замондаги бошқа исломий давлатлардан фарқли равишда, диний легитимликка асосланган эди. Бу расмий манбаларда ҳам акс эттирилган. Давлат эса "Немис миллатига мансуб муқаддас Рум империяси" деб аталган. Ўрта асрларда ва янги даврнинг бошларида, қиёмат-қойимнинг турли башоратлари бўйича, муқаддас Рум империяси Дажжолга қарши курашиши керак бўлган; империя бор экан, тинчлик ҳам бор; империя - дунёда тинчлик сақланиб қолиши учун кафил. Ўша пайтда одамлар охирзамон яқинлашиб қолди, деб ишонганлар. Империя охирзамон талқинига мустаҳкам ўрнашиб қолган ва эсхатологик аҳамиятга эга эди. Мен империяга бўлган бундай муносабат бошқа санъат асарида

қандай ёритилганлигини келтирмоқчиман, бу ҳаммангизга яхши таниш бўлган "Бамберг чавандози" асаридир. Замоनावий тадқиқотларга қараганда, ҳайкал бирор аниқ қирол ёки император шахси тимсоли, портрет эмас, балки от устида осмонга чиқиб кетаётган охирзамон императорининг идеал тасаввур қилинишидир. У Темурдан аввал яратилган бўлсада, у империя гоёси ва охирзамонни кутиш ўртасидаги боғлиқлик тимсоли, Европада ва, айниқса, Германияда ўрта асрларда чуқур из қолдирган абадий империя тимсоли бўлиб хизмат қилиши мумкин.

Реформация даврида бу тасаввурлар узоқ вақт давомида таъқиб қилинди. Мартин Лютернинг "Икки империя" тўғрисидаги таълими Реформация даври учун хосдир. Икки империя деганда муаллиф ердаги вақтинчалик империя билан нариги дунёдаги абадий империяни назарда тутган. Гарчи Мартин Лютер "Янги аҳд" ва илоҳшунос олимларнинг мулоҳазаларидан фойдаланган бўлсада, у таклиф қилган талқин бирмунча янги. Лютер шахсий тақводорликни ва ҳар бир насроний пешонасига битилган алоҳида илоҳий иноятни диний томондан диққат марказига қўяди.

Шаклланиб келаётган протестантлар черкови ўз олдига ҳукмронлар учун узумзорларни гуллатиш эмас, балки парвардигор узумзорини гуллатиш вазифасини қўйган эди. Бу гоёлар Виттенберг шаҳрида ишлаб турган лютеранлик черковидаги Лукас Крапах устахонасининг деворий расмлари ва иконаларида бадиий тасвирланган. Реформация давридан кейин юз берган диний урушлар натижасида рейх ҳақидаги тасаввурлар янада ўз нуфузини йўқотди. "Қимки ҳукмрон бўлса, ўз фуқароларининг динини ҳам белгилаши керак" ("Cuius regio, eius religio") деган аугсбург ҳикмати (1555) билан муҳим қадам қўйилди. Мамлакат ҳукмдорлари тез орада ўзларини империя ўрнига қўйиб олдилар. Тинчлик ўрнатилиши керак бўлса ҳам, муросага кела олмаётган диний партиялар муносабатларини аниқлашда бунга унчалик эътибор берилмади. Империянинг диний яхлитлиги энди йўқ, шунингдек, умумий давлат тамойили ҳам мавжуд эмас эди. Ўттиз йиллик урушдан сўнг Мюнстер ва Оснабрюк ўртасида тинчлик ўрнатилгандан кейин (1648) шу нарса яққол кўриндики, ҳукмдорлар ва давлатлар тинчлик ҳақида ўзлари қайғуришлари керак экан. Уни энди худодан ёки диний-эсхатологик қонунлаштирилган империядан кутиш мумкин эмас. Янги тартиб аввал бошда ноқ секуляризацияга асосланади. Фарбий Европа сиёсатининг янгича тушуниладиган секуляризацияси анча илгарилаб кетди. Ҳукмдорнинг ва худонинг инояти шу вақтда асосий легитимлик кучи бўлиб қолади, аҳволни давлатлар тақдирини ҳал қилувчи

сиёсатчиларгина шундай тушунадилар. Империя ўзининг муқаддас тарихий аҳамиятини йўқотади. Шу билан бирга охирзамоннинг аҳамияти ҳам йўқолади, тарих эса, Жан Бодин фикрича, инсоннинг имкониятлари, тахминлари ва заковати учун фаолият майдони бўлиб қолади. Тарихни бошқариш мумкин бўлади, бунинг устига икки томондан: тарихни яратувчилар томонидан ва тарихни ёзадиганлар томонидан. Европада демократлаштириш жараёни худонинг инояти ўрнига сиёсатнинг легитимлигини қўяди. Бир вақтнинг ўзида қатор тамойиллар ҳам шаклланди, масалан, Мустақиллик ҳақидаги Америка Декларациясида (self-evident) гап фуқароларнинг асосий ҳуқуқлари, ёки инсон ҳуқуқлари: тенг ҳуқуқлилиқ, яшаш, эркинлик, бахтга интилиш ҳуқуқлари тўғрисида боради. XIX ва XX аср давомида ҳуқуқлар рўйхати бирмунча кенгайди, унга, масалан, сўз эркинлиги, матбуот эркинлиги, йиғинлар эркинлиги, бирлашмалар эркинлиги ва бошқалар қўшилди. Германияда, национал-социализм тажрибасини ҳисобга олган қолда, ҳар қандай нуфузли парламент гуруҳи фуқароларнинг асосий ҳуқуқлари рўйхатига ўзгартириш киритиши мумкин эмас. Мен Ғарбий Европанинг бошқа мамлакатлари конституцияларида ҳам бу нарса шундай тушунарли қилиб ёзиб қўйилганми, деган саволни очиқ қолдираман, лекин ҳеч шубҳам йўқки, Германиядан ташқарида ҳам фуқароларнинг бу асосий ҳуқуқлари дахлсиз бўлиши керак деган фикр қўллаб-қувватланади.

Сиёсат маънавий қадриятларга нисбатан мажбуриятларга эга бўлиши керак. Баъзи қадриятлар динга асосланиб яратилган, лекин секуляризация, яъни черковнинг давлатдан ажратилиши жараёни айниқса шиддатли кечган мамлакатларда (Франция) ўрнатилаётган идеаллар сиёсатни маънавий қадриятларга йўналтириши керак бўлган.

Хулосада Тошкентдаги музей деворидаги расмга қайтамыз. Унда исломий ва исломий бўлмаган анъаналар ёнма-ён жойлаштирилган: олим (Ибн Сино назарда тугилади) илоҳшунослар билан мунозара қилмоқда. Илмий мунозара эркинлиги бу ерда ўз аксини топган. Расм марказидаги Куръон - ажратиб кўрсатилган элемент, лекин у ягона ҳам, балки устун ҳам эмас.

ДИСКУССИЯ

Д-р проф. Р.Мўминова шунини айтиб ўтдики, жамият ва давлат ер куррасининг ҳеч бир нуқтасида айрим-айрим ҳолда ривож-

ланмайди. Шарқ давлатларининг ижтимоий ҳаёти ғарб маданиятига доимо таъсир кўрсатиб келган. Чек, вексел, хазина каби атамаларсиз ҳозирги замонда ҳаётни тасаввур қилиб бўлмайди. Бу атамалар ғарб мамлакатларига Шарқдан кириб борган. Биз Юнонистон, мўғуллар, Европа маданиятларининг ўзаро боғлиқ томонлари ҳақида гапирганимизда шунини эсда сақламоғимиз керакки, Амир Темур бошқа мамлакатлар тажрибасидан энг яхшиларини танлаб олган, у тўғри қарорлар қабул қилиш учун аждодларнинг ютуқларидан усталик билан фойдаланган.

Европа билан савдо алоқаларини кенгайтириш мақсадида Амир Темур Европа қиролларига насроний савдогарларни бошқалар қатори қабул қилишни ваъда қилган. Савдо алоқалари ҳам маданиятларнинг ўзаро боғланишига хизмат қилган.

Биз бугун Қадимги Юнонистон ва Францияда суд амалиёти ҳақида гапирдик. Ўзбекистон Республикаси Фанлар Академияси Шарқшунослик институтида сақланаётган материаллар Амир Темур замонида фуқаролик ишлари юқори даражада олиб борилганлигини кўрсатади. Аёллар ҳам зарур ҳуқуқларга эга бўлганлар. Масалан, аёл ўзи билан акаси ўртасида пайдо бўлган низони ҳал этиш учун судга мурожаат қилишга ҳақли эди.

Амир Темур ўзи босиб олган давлатларда кескинликни камайтириш мақсадида уларнинг аввалги ҳокимларини, улар Темур ҳокимиятини тан олсалар, ўз жойида қолдирар эди. Бу Амир Темур тириклигида ижобий натижаларни берди, лекин унинг вафотидан сўнг маҳаллий ҳокимлар ўзларини мустақил деб эълон қилдилар.

СамДУ кафедра мудири О.Бозоров Амир Темур вафотидан сўнг унинг империяси шиддат билан емирилиши сабабларини муҳокама қилишни таклиф қилди.

Йиғилганларнинг эътибори Ғарбда оммалашиб кетган виждон эркинлиги ғояси Шарқда ҳам бўлганлигига қаратилди. Амир Темур, Бобур мероси, умуман Шарқ фалсафаси шундай деб хулоса чиқаришга ваз бўла олади.

Д-р проф. Ҳ.Бобоев бу фикрга қўшилиб, шунини эслатиб ўтдики, Шарқда доимо бошқа динларга нисбатан ҳурмат бўлган. Қуръон ҳам шунга даъват этади. Мовароуннаҳрда фақат ислом эмас, балки зардушт ва бошқа динлар ҳам мавжуд бўлган.

Амир Темур империясининг емирилиши сабаблари ҳақида мулоҳаза юритиб, тарих фанлари номзоди А.Зиёев бир неча сабабларни тилга олди. Биринчидан, империяни бирлаштириб турувчи асосий куч Амир Темурнинг ўзи эди, унинг меросхўрлари ичида унга тенг келадигани топилмаган. Шоҳруҳ жуда диндор

бўлиб, асосий эътиборни шариатга қаратган. У Амир Темурнинг барча ижтимоий қатламлар манфаатини ҳисобга олиш, ўтроқ ва кўчманчи аҳолининг маданиятини уйғунлаштириш каби тамойилларидан воз кечди. Иккинчидан, империянинг емирилиши жараёнини темурийлар ўртасидаги ўзаро урушлар тезлаштириб юборди. Учинчидан, сулоланинг насли бузилди. Ҳар доим ҳам шундай бўлиб келган. Кучли инсонлар сулолага асос солганлар, уларнинг ўрнига эса кучсиз авлодлар туғилаверган. Ҳар қандай янги сулола эркин муҳитда туғилади, ҳукмрон бўлгандан кейин эса фақат ўз уруғининг тор доирасидан чиқмай яшайди.

Академик **О.Ақимушқин** тарих фанлари номзоди **А.Зиёевдан** Амир Темур даврида ҳаммаси бўлиб нечта девон бўлганини ва у ўз тадқиқотларида ўша даврга оид қайси манбалардан фойдаланганини аниқроқ айтиб беришни илтимос қилди.

А.Зиёев мавжуд манбалар бўйича девонларнинг аниқ сонини айтиб бериш қийинлигини кўрсатиб ўтди. Темур "Тузуқлари" ва Али Яздийнинг "Зафарнома" асаридан Амир Темур даврини тасвирлашда асосий манбалар сифатида фойдаланиш мумкин. "Тузуқлар" Амир Темурники эмас дейишга умуман асос йўқ. Аксинча, бу асар буюк ҳукмдор қаламига мансуб эканлигини исботловчи далиллар бор. Афсуски, Амир Темур давридаги тарихий асарлар ҳали атрофлича ўрганилгани йўқ. Ҳатто Амир Темур "Тузуқлари" ҳам тарихий асар сифатида тўла ўрганилмаган.

Д-р Ф.Набиев симпозиумнинг мақсади Амир Темур фаолиятининг мустақил Ўзбекистон учун аҳамиятини аниқлашдан иборат эканлигини эслатди ва Амир Темурнинг ижтимоий сиёсати таҳлилига мурожаат қилишни таклиф этди.

Ўзбекистон ижтимоий йўналтирилган бозор иқтисодиётини қурмоқда. Бу шароитда Амир Темурнинг ижтимоий сиёсатдаги тажрибаси алоҳида аҳамият касб этади. Шу тажрибадан қандай фойдаланиляпти, агар фойдаланилмаётган бўлса, унда нега? - деган саволга аниқ жавоб бериш керак.

Д-р Ф.Набиев Ўзбекистон ҳукуматида Амир Темур тажрибасидан фойдаланишни тавсия қилиш керак, деб таклиф қилди: у бадавлат фуқаролар даромадининг бир қисмини давлатнинг ижтимоий сиёсатини юргизиш учун йўналтирган экан.

Д-р Ф.Набиев яна шуни айтиб ўтдики, Ўзбекистон уста таржимон-тарихчи мутахассисларга муҳтож. СССР даврида бир томонлама таҳлил қилинган манбаларни яхши билмаслик тарих фанининг ривожига путур етказиши мумкин. **Д-р Ф.Набиев** Марказий Осиё тадқиқотлари Халқаро Институти ва Самарқанд Давлат университети асосида араб ва форс тилларини биладиган

тарихчи-манбашунослар пуллик курсларини ташкил этишни таклиф қилди.

Д-р проф. Юрген Пауль шунга эътибор бердики, Амир Темур даврида ижтимоий сиёсат аниқ тизимга эга бўлмаган ва давлатнинг умумий мақсадлари қаторига кирган. Фондлар (вақф), мусулмонлик хайриялари, Амир Темурнинг кўрсатмалари мавжуд бўлган албатта, лекин ижтимоий сиёсат фаолият доираси чекланган эди. Бойликларнинг қайта тақсимланиши ва ҳукмдорларнинг хайриялари алоҳида ҳолларда бўлиб ўтган. Ижтимоий сиёсатнинг асосини мусулмон ҳуқуқи ташкил қилган.

Юқорида айтилган фикрни тўлдириб, д-р проф. Э.Алиқулов шуни айтиб ўтдики, тарихимиз ҳақидаги ҳақиқатни айтишни ўз олдига мақсад қилиб қўйган мазкур симпозиумнинг ўтказилиши мустақилликка эришганимиз ва Ўзбекистон Президенти И.Каримов шахсан олиб бораётган сиёсат туфайли мумкин бўлди. Олимларнинг олдига қўйилган вазифаларнинг мураккаблиги ва жиддийлигини ҳисобга олиб, энг аввало, Амир Темур меросини ўрганиш методологиясини ишлаб чиқиш зарур. Алоҳида босқичлар, шароитлар, воқеаларни ўрганиш билан, масалан, бутун эътиборни Амир Темурнинг ёшлиги ёки унинг ҳарбий юришларига қаратган ҳолда тадқиқот олиб бориш билан чегараланиш мумкин эмас. Урушлар ҳар доим бўлиб келган, уруш вақтида эса албатта инсонлар жамиятининг барча қонунлари бузилади. Барча буюк империялар ҳарбий куч ёрдамида барпо этилган. Германия қабилалари Румни вайрон қилдилар, Наполеон бутун дунёни ўзига бўйсундирмоқчи бўлди, АҚШда маҳаллий аҳоли - ҳиндулар деярли бутунлай қириб ташланган, Франция инқилоб қонга беланди. Агар биз ҳолис баҳолашни истасак, айнан Амир Темур даври ҳужжатларини бир бошдан ўрганмоғимиз лозим. Лекин шуни ҳам эсда тутмоқ керакки, ижтимоий, ҳуқуқий ва маданий сиёсат бир вақтда амалга оширилади, улар ҳеч вақт мамлакатнинг умумий мақсадларидан алоҳида мавжуд бўла олмайди. Ижтимоий сиёсат масаласига қайтиб, бошпанасизлар учун уйлар, камбағал талабалар учун стипендиялар ҳақида эслатиб қўймоқчиман. Мисолларни яна келтириш мумкин, лекин энг асосийси - буюк тарихий шахсни ҳар тарафлама баҳолашдир.

Аянетте Кремер Ўзбекистонда сиёсат ва дин ўртасида янги муносабатлар вужудга келаётганини қайд этди ва д-р проф. Ҳ.Бобоевдан ҳозирги замонда Ўзбекистонда диннинг аҳамиятини баҳолаб беришни илтимос қилди.

Д-р проф. Ҳ.Бобоев шуни айтиб ўтдики, Марказий Осиёда узоқ ўтмишдан буён ислом дини асосий дин деб ҳисобланади,

лекин бошқа диний оқимлар ҳам фаолият юритиш ҳуқуқига эга-дирлар. Ўзбекистон Конституциясига кўра, дин давлатдан ажратилган, лекин у мамлакатнинг ижтимоий ҳаётида муҳим ўрин тутати. Мустақил Ўзбекистон диний анъаналарга ҳурмат билан қарайди, коммунистик тузум вақтида эса дин ман қилинар ёки турли йўллар билан халқнинг ҳаётидан сиқиб чиқаришга ҳаракат қилинар эди. Мустақиллик туфайли виждон эркинлигига эришилди, у Конституцияга киритиб қўйилган. Ўзбекистонда барча диний оқимларга тенг ҳуқуқлар бериб қўйилган. Давлат динга ҳурмат билан қарар экан, халқнинг дунёқарабини шакллантиришда у жиддий ижобий куч бўлишига умид қилади. Ўзбеклар тақводор халқ, лекин биз ривожланган, эркин, демократик республикада яшашимиз, қонунларимиз ҳам дунё андозаларига мос келади.

Д-р проф. Ф.Сулаймонова д-р проф. Пьер Шувендан Амир Темур Қадимги Юнонистон меросидан фойдаланганими, деб сўради. Марказий Осиё билан Юнонистон ўртасида қадимдан алоқалар мавжуд бўлган. Искандар Зулқарнайн шахси бу ерда жуда машҳур бўлган. Бу икки кўҳна цивилизациянинг ўзаро алоқаларига кўпроқ эътибор берилса қизиқарли бўлар эди.

Д-р проф. Алэн Пелуксга мурожаат қилиб, д-р проф. Ф.Сулаймонова шуни қайд этдики, агар Шарқ ва Амир Темур давлати ўртасида ёндош чизиқлар ўтказиш имкони бўлганда эди, Ғарбий Европада ҳуқуқий давлат тўғрисидаги суҳбат бундан ҳам қизиқарлироқ бўлган бўларди. Шарқ доимо Европага, қисман Испания орқали, ўз таъсирини ўтказиб келган. Европа ҳуқуқий маданиятига Шарқдан нималар ўтганлигини билиб олиш жуда қизиқарли бўлади.

Д-р проф. Пьер Шувен шундай деди: Амударё соҳилларида яшовчи юнон қабилалари орқали Марказий Осиё маънавияти ва фалсафасига таъсир ўтказиб туришган. Юнон маданияти Шарқ буддизмига ва санъатига ўз таъсирини кўрсатди. Юнонлар шоҳлар томонидан бошқариладиган давлатларга бирлашган эдилар. Юнонистонда тож-тахт ва мол-мулкни қариндошларига мерос қолдириш анъанаси бўлган. Бу меъёрлар, бир томондан форслар ва Сосунийлар билан курашаётган ва иккинчи томондан, Сосунийларнинг бошқарув тизимини ўзлаштириб олган Румга кучли таъсир кўрсатди.

Амир Темур юнон маданиятига, шеъриятига ишонч билан қарар эди.

Бу жавобни д-р проф. Алэн Пелукс тўлдирди. Шарқдан келадиган ғояларнинг Европа ҳуқуқий тизимига кўрсатган тўғридан-

тўғри таъсири ҳақида гапириш нотўғри. Феодал-вассал муносабатларини эсга олиб, шунга ўхшаш муносабатларни Япониядан ҳам топиш мумкин, лекин бунда ўзаро таъсир ҳақида гапириш мумкин эмас. Исломда бундай муносабатлар бўлмаган. Европада XII асрда Рум ҳуқуқи оммалашиб кетди. Бу воқеа Шарқ воситачилигисиз юз берган. Мусулмон ва насроний ҳуқуқшуносларнинг мақсади доимо турлича бўлган. Мусулмон ҳуқуқшунослари ҳар қандай янгиликнинг маъносини Куръондан топишлари лозим бўлган. Европада эса ҳуқуқшунослар даврга ва аниқ вақтга мос келадиган қондаларни ишлаб чиқишга интиланлар. Улар учун энг асосийси - фуқарони суд олдида ҳимоя қилиш бўлган. Шарқнинг тўғридан-тўғри таъсири ҳақида гапирадиган бўлсак, ҳуқуқий тизимга эмас, тиббиётга мурожаат қилиш ўринлироқдир, чунки бу соҳадан кўплаб мисоллар келтириш мумкин.

Д-р проф. А.Аҳмедов д-р проф. Пьер Шувеннинг сўзларига тўлдириш киритиб, шундай деди: Арасту асарлари араб тилига ўтирилган ва улар Амир Темурга маълум бўлган бўлиши ҳам мумкин. Қурултойлар ва Юнонистондаги кенгашлар, лашкарбошиларнинг кенгашлари, сиёсатнинг ижтимоий йўналтирилганлиги - буларнинг барчасида кўп ўхшашликлар бор.

Д-р проф. Б.Ўршибоев шуни айтиб ўтдики, симпозиумнинг биринчи куни айtilган "босқинчи", "истилочи" каби сўзларнинг Амир Темур номига қўшиб айтилиши нотўғри бўлса керак. Ҳар бир воқеани ҳаққоний равишда ва тарихий шароитни ҳисобга олган ҳолда баҳоламоқ керак. Ҳамма плюслар ва минусларни қунт билан тарозига солиш зарур. Масалан, Амир Темур ҳамма мамлакатларда ҳам виждонли кишиларга ҳурмат билан қараган ва ортиқча қон тўкмасликка ҳаракат қилганлиги ҳаммага маълум.

Тарих фанлари номзоди А.Анорбоев эътиборни шунга қаратдики, бизга Амир Темур ҳақида ўрта асрлар Европаси қандай тасаввурда бўлганлиги ҳақида ҳикоя қилиб берган европалик олимлардан уларнинг бу тарихий шахс ҳақидаги ўз баҳоларини айтиш талаб қилинмоқда. Бу жуда оғир иш. Ҳар қандай шахсга ёки воқеага баҳо бериш - бу катта масъулиятдир.

Манбалар ҳақидаги суҳбатга қайтиб, шуни айтиш керакки, афсоналардан ҳам кўп фойдали маълумотларни олиш мумкин. Балки, айнан афсоналар Амир Темурнинг туғилган жойини аниқлашга ёрдам берар. Шундай ривоятлардан бири ҳозир синчиклаб ўрганилмоқда. Холис тасаввур вужудга келиши учун барча мавжуд манбалардан фойдаланиш лозим.

Тарих фанлари номзоди Р.Сулаймонов шундай фикр билдирди: немис олимларининг маърузалари (д-р проф. Тильман На-

гель, д-р Андреа Шмитц) бизнинг Амир Темур шахси тўғрисидаги тасаввурларимизни анча кенгайтирди, чунки бу маърузаларда расмий манбаларга нисбатан мухолоф адабиётлар таҳлил қилинган.

Ҳар бир империянинг ўз фалсафаси бўлган. Амир Темур ўз қарашларини Чингизхон ва мусулмон Мовароуннаҳр меросига таянган ҳолда шакллантирган. Амир Темурнинг тараққийпарварлиги унинг сиёсий қарашлари демократик йўналишда бўлганлигидандир. Мўғуллар ҳукмронлиги даврида қўчманчи ҳукмдорлар ўтроқ (мусулмон) аҳолига зулм ўтказар эди. Бу муҳитда икки гоё ҳукмрон эди: бир тараф шаҳарлардан ўз мақсадларида фойдаланишни таклиф қилса, иккинчи тараф уларни бутунлай йўқ қилиб юборишга интилар эдилар. Тараққийпарвар, демократик қарашлар сўфийларда, сарбадорларда, кейинчалик эса Амир Темурда мавжуд бўлган.

ТЕМУР ВА ТЕМУРИЙЛАР ДАВРИДА САМАРҚАНД

Германия Федерал китоб саядосининг Тинчлик мукофоти совриндори д-р проф. Аннемари Шиммель

Темурнинг бевосита эмас, балки Темурийлар авлодининг мураккаб қариндошлик иплари билан боғланган вориси Бобур 1499 йилда Самарқанд шаҳрига ҳужум қилаётган вақтда диққатга сазовор бир қизиқ воқеа юз берди. Чигатой-турк тилларида чоп этилган "Бобурнома" ёки "Тузук-и Бобурий" асарларида ёш Бобурнинг тушга бундан 9 йил аввал вафот қилган Ҳожи Аҳрор киргани ва унга авлиё Баракат ҳомий бўлишини каромат қилгани ҳақида ҳикоя қилинади. Бобур буни яхшилик аломати деб билиб, Самарқандга ҳужумни давом эттиради. Бундан икки йил олдин, 1497 йилда Бобур етти йиллик қамалдан сўнг шаҳарни қўлга киритган эди ва бу ҳақда батафсил баён қилиб, бу гузал шаҳардаги вайроналар, очликда яшаётган одамлар тўғрисида ҳикоя қилади. Шу билан бирга 15 ёшли Бобур Самарқанд шаҳрининг гузаллиги ҳақида ёзишга ҳам вақт топади. Унинг "Бобурнома"даги Темурийлар томонидан барпо этилган иншоотлар ва шаҳарнинг тузилиши ҳақидаги ёзувлари бутунги кунда ҳам катта қизиқиш уйғотади, чунки Бобур ўз асарида бундан олдинги ва кейинги манбаларда учратиб бўлмайдиган бинолар таърифини келтиради.

Самарқанд шаҳри 712 йилда араблар томонидан босиб олинганидан сўнг ислом маданиятининг марказига айланади. Ҳотам

Аббос бу ерда дафн этилган биринчи мусулмон бўлиб, у маълум даражада шаҳарнинг табаррук ҳомийси деб ҳисобланган. Темур Ҳотам Аббосга атаб ажойиб мақбара барпо этиш билан унга бўлган эҳтиромини билдирган. Самарқанд шаҳрининг кўрки ўрта асрдаги тарихчилар ва сайёҳлар томонидан кўп марта лаб таърифланган. Шаҳар, ўша даврдаги мамлакат шаҳарларига хос бўлган уч қисмдан иборат бўлган. Бу: қалъа, шаҳарнинг ўзи ва шаҳар атрофлари. Самарқанднинг гузал боғлари таърифини ўрта асрнинг деярли барча тарихий манбаларида учратиш мумкин. Бобур ҳам ўз асарларида бу ҳақда эслаб ўтган. Ҳатто Европа сайёҳлари Самарқандни "жаннат"га қиёслайдилар. Араблар босиб олгандан кейинги барча сулолалар, яъни Сомонийлар, Қорахонийлар ва Хоразмшоҳлар даврида шаҳар ўзининг барчани ҳайратга солувчи кўркини сақлаб келган ва бу Чингизхоннинг ёвуз ўрдалари шаҳарга кириб келгунча, 1221 йилга қадар давом этган.

Чингизхоннинг қизига уйланиб, буюк босқинчига куёв бўлган Темур даврида Самарқанд қайтадан тарихнинг диққат марказига айланди. Амир Темур турли ҳарбий юришларда қўлга киритган мамлакатларнинг хунармандлари, рассомлари ва олимларини бу шаҳарга кўчириб келтирди.

Темур ўз она шаҳри Кеш, бугунги Шаҳрисабзда катта қурилиш бошлади. Бу ҳашаматли сарой бўлиб, унга кираверишдаги хона (зал) ташриф қилувчиларни айниқса ҳайратга солар эди. Бобур ҳам бу ҳақда шундай деб ёзган эди: "Ҳеч қачон шундай ёки шунга ўхшаш меъморчилик иншоотини кўрмаганмиз". Бу бино ислом ёзувчилари учун ҳатто исломдан олдинги ҳукмронлик даврининг рамзи бўлган Ироқдаги Тоқ-и Кисра Мадаина (Ктесифон) дан каттароқ ва ҳашаматлироқ эди. Шаҳрисабздаги кириш залини, Пештоқни бир бор кўрган киши албатта Бобурнинг гапига қўшилмай иложи йўқ.

Самарқандга, бундан кейин Ҳирот, Бағдод, Карбалодан, 1398 йилдан бошлаб эса Дехлидан хунармандлар келтирилди ва улар шаҳар кўркига янги-янги бинолар қўша бошладилар. XV асрда ислом дунёсида маълум бўлган турли йўналиш ва усулларнинг уйғунлашиб кетиши биноларга алоҳида жозиба бахш этади.

Самарқандга фақат меъморлар, қурувчиларгина эмас, балки ҳуснихат усталари ҳам келган. Маълумки, Амир Темур ҳуснихат мухлиси бўлган. Ҳофизии Обрў ҳам, Бобур ҳам катта масжидлар ва уларнинг меҳробларидаги ажойиб ёзувлар ҳақида баён қиладилар. Бу ҳақда ҳатто латифа ҳам бор. Темурнинг олдига машҳур ҳуснихат устаси Ақта келиб, ўзи яратган Қуръон нухасини кўрсатади. У шундай кичкина эдики, уни узук остига яшириш

мумкин эди. Амир Темура Ақтанинг санъатига қойил қолсада, жадли чиқади, чунки Оллоҳнинг сўзи кичкина ҳарфлар билан ёзилиши мумкин эмас, уни фақат катта ва чиройли ҳарфлар билан ёзиш даркор. Шундан сўнг ҳуснихат устаси қайтадан ишта киришади. Кўп ойлик машаққатли меҳнатдан сўнг у муқаддас китобни кўчириб бўлади. Бу китоб энди шундай катта эдики, уни фақат аравада келтириш мумкин эди. Бибиҳоним мадрасаси ҳовлисида китоб учун тошдан катта лавҳ қилингандан кейингина бу Куръондан фойдаланиш имкони яралди.

Хаттотликка бўлган муҳаббат Темура оиласида мерос бўлиб келган, унинг неварачеваралари ҳам Шерозда, ҳам Ҳиротда котиблар санъатини ҳурмат қилишган.

Темура Самарқандга расомларни ҳам тўплаган. Бобур ўз асарларида 1398 йилда Темуранинг Ҳиндистонга қилган ҳарбий юришларидан айрим кўринишлар тасвирланган павильон (айвон) ҳақида баён қилади. Бу эса, ўша даврда монументал тасвирий санъат мавжуд бўлганидан далолатдир. Бироқ, менга маълум бўлишгача, бугун улардан асар ҳам топиб бўлмайди. Шу билан бирга Темура меросхўрлари даврида айниқса ривож топган Темурийлар китоб санъати инсоннинг санъатни нақадар чуқур ҳис этишини кўрсатади.

Албатта, олимлар ҳам, теологлар ҳам Амир Темура эътиборидан четда қолганлари йўқ. Биз Темуранинг олимлар билан ўтказган баҳслари ҳақида эшитганмиз. Юз йилдан сўнг Бобур ислом динининг сунна йўналиши пайдо бўлганлигини ва асрлар давомида шу ерда ҳимоя қилиб келинганлигини таъкидлаб ўтади. Биз Темуранинг Усто Амир Кулол билан таниш бўлганлигини эсласак, ривоятга кўра, Темура сўфи Шоҳ Нигматулло Кирмонийни ҳам танишидан ҳайрон бўлмаймиз. Сўфининг Самарқандга кўчиб келиши борасидаги ҳаракатлари зое кетди, чунки мақолда айтилганидек, "Икки шоҳга бир шаҳарда ўрин йўқ". Бугун бу ривоятнинг қанчалик тўғри эканлигини аниқлаш мушкул бўлсада, ҳар ҳолда, ундан Нигматуллонинг Темурага бўлган таъсирини сезиш мумкин. Темура эса ўз ёнида маънавий соҳада ўзидан устун бўлган иккинчи шоҳ бўлишига тоқат қилолмасада, у билан фахрланар эди. Бироқ Темурага ўз салтанатида шиа таъсири ўтказилиши ёқмаган бўлиши мумкин.

Темура давридаги маданий ҳаётнинг кўпгина жабҳалари бизга маълум, лекин Темуранинг хотинлари ҳақида маълумотлар кўп эмас. Албатта, унинг неваралари ва ўғиллари тарихда яхши маълум, аммо сарой ҳаётининг фаол иштирокчиси бўлган Биби Хоним сиймоси ҳали яхши ўрганилмаган. Темурийлар уйида

аёлларнинг тутган ўрни ҳақида алоҳида тўхталиб ўтмоқчиман. Афсуски, сулола асосчилари даврида аёлларнинг тутган ўрни ҳақида эътиборга сазовор маълумотларга эга эмасмиз. Бироқ асосчиси Бобур бўлган (улар ўзларини "Буюк Мўғуллар" эмас, "Темур хонадони" деб атар эдилар) Ҳиндистондаги Темурийлар хонадонидида аёллар алоҳида мавқега эга эдилар. Бобурнинг қизи, малика Гулбадан бизга ёзувчи сифатида маълум, у ўз оиласининг ва айниқса, акаси Ҳумоюннинг тарихини яхши ёритиб берган. Бу асардан биз Ҳиндистондаги Темурийлар хонадонидида аёлларнинг эркин ва мустақил ҳаёт кечиришлари ҳақида билишимиз мумкин. Маълум бўлишича, Ҳиндистонда Буюк Мўғул сулоласи пайдо бўлганидан кейин бир ярим аср ХҮІ асрнинг иккинчи ярмигача Темурийлар уйидаги аёллар санъат шайдолари, ёзувчилар ва рассомлар сифатида танилганлар. Бу, шубҳасиз, Амир Темур ва унинг хотинидан қолган турк қонининг меросидир. Биз Биби Хонимни, маълум даражада Темурийлар авлоди маликалари учун ўрнатилган бўлган сиймо сифатида ёд этамиз.

Юқорида мен келтирган, 15 ёшли Бобур томонидан баён этилган Самарқанднинг таърифи, Темурийлар тарихини ўрганиш билан шуғулланган барча тарихчилар учун яхши таниш бўлган Клавихонинг машҳур таърифига мос келади. 1403 йилнинг сентябр ойида Темурнинг 5 та набираси тўйида иштирок этган Клавихо, бу ҳақда шундай деб ёзади: "Зўр таомлар, мусалласлар, савдо расталари, кўзбойловчилар ва шундай байрамда кўнгил тусаган барча нарса муҳайё эди". Бундан икки юз йил кейинги Ҳиндистондаги Мўғул хонадонидида ўтказилган байрам таърифини ўқиганда, бу икки байрамдаги ўхшашликни яққол сезиш мумкин. Бугун биз эшитган Темурнинг бошқарув усулини, Мўғулларнинг буюк ҳукмдори Акбар маъмурияти билан қиёслаш ҳам жуда қизиқарли. У Фатпур Сикри ва Аграда юқори даражада ташкил этилган бошқарув тизимини жорий этган эди. Шундай қиёслаш - сўзсиз фойдали бўлар эди.

Клавихо фақатгина зиёфатлар ва сайр-томошалар, раққосалар ва созандалар, мусалласхўрлик ва бошқа кўнгилочар нарсалар нарсалар ҳақида ёзмай, балки ўша даврга хос бўлган, яъни уни ҳайрон қолдирган яна бир нарсани эслаб ўтади. У ҳам бўлса, байрам бўлаётган жойнинг четида қатор дорлар ўрнатилгани ҳақида ёзади. Улар нимага керак? Кейинчалик у бунинг маъносини тушуниб етди, ёки балки унга тушунтириб беришгандир, катта байрам бўлган жойда байрам тантанаси билан бир вақтда ўлим шарпаси ҳам мавжуд бўлади. Бу рамзлар ҳукмронлик ва куч тимсоли, ҳамда гўзаллик, яхшилик ва раҳмдиллик тимсоли каби

(яратган белгилаб берганидек) ўзида ҳаётнинг иккала жиҳатини ҳам бирлаштириши лозим, тақводор мусулмон кишиларининг сўзларига кўра, улар ҳукмдорнинг иккита бир-бирини тўлдирувчи жиҳатларини эслатадилар. Жаноб Нагель кечагина бу алоқа ва ўзаро таъсирни кўрсатиб ўтган эди. Бу мувофиқликни ҳамма ерда, ислом тарихида ҳам ва, аввало, рухий оламда ҳам кўриш мумкин. Мавлоно Румийнинг (у 1212 йилги Самарқанд қамалини тасвирлаган) "Фихри ма фихри" асарида биз султон Ғалғон ва сарой аҳллари унинг ерларида "унинг халққа нисбатан раҳмдиллигини ҳам, ҳукмронлигини ҳам англаб олишлари" лозимлиги ҳақида ўқиймиз. Клавихо Самарқанддаги улкан байрамни таъриф этишидан неча ўн йиллар олдин Шимолий Африка саёҳатчиси Ибн Баттута Дехлида туркийзабон қирол Муҳаммад ибн Туғлуқ саройида қандайдир шунга ўхшаш ҳолатни кўрганини ёзади: тахтнинг бир томонида жаллод, бошқа томонида эса хазиначи турар экан. Шундай қилиб, ёмонлик шу заҳотиёқ жазоланиши, яхшилик эса тақдирланиши мумкин эди. Демак, ўзи аслида, қиролни қирол қилган нарса қудратнинг икки ёқлама хусусиятидир: фақат раҳмдиллик ёки фақат куч ёрдам бера олмайдилар; қўл остидигиларга нисбатан соғлом вазминликни намоён этиш даркор. Бу фикр Темур ва унинг издошлари учун жуда ҳам хосдир.

Шу муносабат билан мен, бизнинг асримизда вужудга келган, лекин яхши маълум бўлмаган бир хулосани келтириш аҳамиятга эга деб ўйлайман. Тушунарли сабабларга кўра ҳиндлар, 1398 йилда кўп шаҳарларни вайрон қилган ва кўпгина одамларнинг ёстиғини қуритган Темурни қизгин олқишловчилардан бўлмаганлар. Унинг авлодлари бўлган Муғуллар сулоласига асос солиниши биланоқ бу муносабат маълум даражада ўзгарди; бироқ барибир "Темур" номи остида қандайдир ҳавф яширинар эди. 1938 йилда вафот этган "Покистоннинг рухий отаси" Муҳаммад Иқбол баъзан ўзининг форсий шеърларида Темурнинг қудрати (ҳукмронлиги) га ишора қилади ва уни мусулмонлар учун намуна сифатида келтиради. Нима учун? Бу унинг китобхонларидан бирини қаттиқ ажаблантиради ва у бу ҳақда ундан сўрайди. Тахминан 1930 йилда ёзилган жуда қизиқарли хатида Иқбол "Темурнома" остида у емирадиган кучни эмас, балки фақат ўз ҳукмронлигининг кучи билан ўз атрофида ижобий кучларни жипслаштириб ҳаракат қилган шахснинг ўрнини назарда тутганини маълум қилади. Бу ерда Темур ўз-ўзидан камолот топган шахс, тўпланган куч сифатида гавдалантирилади, чунки у Иқбол учун баркамол одам эди. Симпозиумда ҳали эсга олинган бу нуқтаи назар менга жуда соддалаштирилгандай туюлди.

Шу муносабат билан мен фикримни янада чуқурлаштириб давом эттирмакчиман. Айнан яна бир бор Темурнинг сиймосини Европада, аниқроғи, Германияда талқин этилишига қайтмоқчиман. Сиз, эҳтимол, билганингиздек, Иқбол Гётенинг зўр муҳлиси эди ва "Ғарбий-Шарқий Девон"га форсий тақризни нашр этди. Аммо "Ғарбий-Шарқий Девон" немисларнинг кўпчилиги, ҳар ҳолда менинг саводли замондошларим учун Темур ҳақида бир қанча маълумотларни бизлар биринчи марта билиб олишимиз мумкин бўлган китоб эди. "Ғарбий-Шарқий Девон" Ҳофиз Шерозийнинг Хаммер-Пургшталь немис тилига таржима қилган "Девон"ига жавоб тариқасида ёзилган эди (1812 йилда нашр қилинган). Агар Гёте Ҳофизнинг қуйидаги сўзлар билан бошланадиган машҳур газалини ўқимаган бўлса ва жозибаларидан тотмаган бўлса, ажабланса бўлади:

Агар кўнглимни шод этса
Ўшал Шероз жонони,
Қаро холига бахш этгум
Самарқанду Бухорони.

Мазкур шеър неча марта манбаларда келтирилган. Гёте Ҳофизнинг фикрларини кўчириб олди ва шундай ёзди:

Хаёл этдимми мен, севгим менинг,
Поёндоз этмоқни пойларингга, жоним менинг,
Балх, Бухоро, Самарқанднинг
Муаттар ҳидларини?!

Гёте Ҳофизнинг фикрларини ўзгартиради, кейинги шеърларда Темур ҳукмронлик тимсоли бўлиб қолади. У ўзининг севгилисига тилак билдиради:

Хизмат қилсин сенга Темур бойлиги,
У бошқарган кўшин бўйсунсин.

Бу демак, Гёте Темур эга бўлган ҳукмдорлик унинг севгилисига хизмат қилишини ҳоҳлайди. Тушунарли, бу шеърини ҳазил ва Гёте Темурни анча чуқурроқ тушунарди. Унинг алоҳида китоблардан ташкил топган "Девон"ида "Темурнома" ҳам мавжуд, унда ҳаммаси бўлиб иккита шеър бор. Биттаси - 1405 йил 15 январда Темур вафот қилган ҳарбий юришини тасвирлаган араб тарихшуноси Ибн Арабшоҳ хроникасининг лотин тилидан

қарийб сўзма-сўз таржима этилган вариантдир. Ушбу қишки юриш Гётени унинг улкан, таъсирли шеърини ёзишга ундади, чунки қишки юришда Темурнинг тақдири бир неча йил олдин у бошдан кечирган ҳодисага ўхшаш эди, гап Наполеоннинг француз қўшинлари ҳал этувчи жангда мағлубиятга учраган муваффақиятсиз қишки юриши ҳақида бормоқда. Агар Хофиз Темурни учратди деб ривоят қилинган бўлса, Гёте Наполени ҳақиқатда учратди. У корсикаликнинг Европа тақдирини ҳал этиши керак бўлган ҳужумкор ҳарбий юришларини кузатиб борди. Шундай қилиб, Ибн Арабшоҳнинг Темур тўғрисидаги маълумоти Гёте учун бундан кўп бўлмаган вақтда юз берган, айнан совуқ қишда илгари ғолиб қаҳрамоннинг фожиали охирига ўхшашлик бўлди.

Гёте "Девон"идаги "Қаҳр-ғазаб китоби"га киритган ва унда Темур ортиқча раҳмсизликда айбланишдан ўзини ҳимоя қилиб, қўйидагиларни айтган қисқача тўртлик шеъри алоҳида қизиқиш уйғотади:

Оллоҳ агар мени чувалчангдек кўришни хоҳласа эди,
Мени чувалчанг қилиб яратар эди.

Аммо Оллоҳ буни хоҳламас эди, Темурнинг тақдири унинг қонунига бўйсунди.

"Темурнома"нинг иккинчи шеърида Гёте кўп сонли ўлик атиргуллардан олинган атиргул мойи азоб-уқубатлар ва қирғинлардан олинишга қарамай, севгилисини у билан безайди ва шундай ёзади:

Нобуд қилмадим Темур ҳукмронлиги
Сон-саноксиз жонларни?

Қандайдир мукамалликни яратиш учун беҳисоб мавжудотларни нобуд этиш лозим, - бу фикрни кўпинча илк форсий мистиклари келтирганлар. Менимча, Темур сиймосининг Гёте томонидан талқин қилиниши етарли даражада насиҳатомуздир. Чунки буюк тарихий шахсни битта нуқтаи назардан шарҳлаш мумкин эмас. Шиллер ўзининг "Валленштейн"ида айтганидек:

Нафрат ва раҳмдиллик ичра адашган
Тарих аро унинг сиймоси юрар дарбадар.

Улуғ истеъдодга жавобан унинг сиймосини нуқул ёрқин ёки фақат иблисона қоп-қора деб билиш мутлақо адолатдан эмас.

Буюк инсоннинг хилма-хил қирраларини эҳтиётлик билан ёритиш лозим (бунинг учун шартсиз намуна сифатида Темурни олиш мумкин), бу эса унинг шахсини тарихчи томонидан ўрганишни жуда қизиқарли қилади. Айнан тадқиқотчи-тарихшуноснинг вазифаси бўлиб, ҳоҳ бу ерда, Ўзбекистонда, ҳоҳ бизда, Европада бўлсин, буюк кишининг сиймосини салмоқли, онгли, муҳаббат ва қадр, лекин ҳалол яратишга интилиш зарур, шундай қилиш керакки, унга тенглаша туриб, ўз шахсий келажаги учун бирор нарсани олиш мумкин бўлсин. Мазкур симпозиумдан бизнинг кутаётганимиз ҳам шудир, ҳаммага уларнинг интилишларида ютуқлар тилайман.

*Ўзбекистон Республикаси Фанлар Академиясининг
Самарқанд шаҳридаги археология институти
директори д-р проф. Темир Ширинов*

Ўз маърузамда мен Амир Темур замонидagi Самарқанднинг сиймосини тиклашга ҳаракат қиламан. Самарқанд нафақат Амир Темур замонасининг шаҳри бўлиб ҳисобланади, у унинг бошқарувидан узоқ йиллар олдин барпо этилган. Буюк Амир Темурга Оллоҳ берган инъоми бу шаҳарни Шарқнинг Эдемига айлантирди.

Самарқанд ҳамма замонларда нафақат Мовароуннаҳр халқларининг, балки бутун Ўрта Шарқнинг тарихида фавқулудда роль ўйнаган.

Шу муносабат билан қадимги Самарқанд қиёфаси нафақат тарихшунос олимлар, балки оддий кишиларни ҳам ҳамisha қизиқтириб келган. Лекин халқнинг ёдида кўҳна Самарқанднинг барча меъморий ёдгорликлари бирдай равшан сақланиб қолавермаган. Қадимги шаҳарнинг қиёфасини қайтадан тиклаш - тарих фанининг энг мураккаб вазифаларидан биридир. Шунга қарамай, бу тўла амалга оширилиши мумкин бўлган вазифа. Олимларнинг ихтиёрларида қатор ишончли меъморий, археологик, адабий ва тарихий манбалар мавжуд.

Самарқанд Шарқнинг Буюк Ипак Йўлидаги жўшқин савдо йўлларида қад кўтарган ажойиб ва қадимий шаҳарлардан биридир. Самарқанд ажойиб табиати ва Чўпон Ота тепаликларининг пастида - Сиёб дарёсининг соҳилларида қулай жойлашганлиги туфайли гуллаб-яшнаган бой шаҳар номини жуда эрта қўлга киритди.

Самарқанднинг қадимий тарихи ҳақида улкан Афросиёб шаҳри ўрни гувоҳлик беради, у 219 гектардан зиёдроқ жойни эгаллаган. Бу қадимги шаҳар ўрни замонавий шаҳардан шимолий-

шарқда жойлашган. Самарқанднинг ўтмиши, пайдо бўлиши ҳақидаги ривоятлар ўрта аср муаллифлари қайта талқини кўри-нишида бизгача етиб келган. Бу муаллифлар Самарқанднинг пайдо бўлиш вақти тўғрисида ҳар хил маълумотлар бера туриб, араб истилосидан анча бурун бошланган гоят узоқ давр давомида мавжуд бўлганлиги борасида бир хил фикрда тўхталадилар. Насафий (XII аср) сўзларига қараганда Мовароуннаҳрда Қутайба пайдо бўлган замонларда Самарқанд 2500 йиллик умрни бошдан кечирганди. Шундай экан, Самарқанднинг пайдо бўлиш вақтини эрамиздан аввалги иккинчи минг йилликнинг ўртасигача деб ҳисоблаш лозим. Самарқандлик Абу Тоҳир Хўжа Самарқанднинг пайдо бўлиши ҳақида гапира туриб, Аҳмонийларгача бўлган Кайқубоднинг ўғли Кайковус ва Кўршасп - иккинчи эпик ҳукм-ронларни тилга олади. Шунингдек, Яманлик Тўбба ва ниҳоят, Искандар (Александр Македонский) эсга олинадилар.

Самарқандликлар орасида қадимги Самарқандни Эрон шоҳлари билан уруш олиб борган, Туроншоҳ номи билан аталган Афросиёб билан боғловчи афсона анча машҳурдир.

Аммо Афросиёбда кўҳна шаҳар ўрнида янги олинган археологик маълумотлар шундай далолат бермоқдаларки, шаҳар сифатида Самарқанд эрамиздан аввалги VIII асрда шакллана бошлаган.

Афсоналар ва ривоятларга оғишмасдан биз бугун ишонч билан баён қилишимиз мумкинки, Самарқанд Румнинг тенгдошидир ва унинг ёши 2750 йил деб саналади.

Шубҳасиз, Самарқанд бутун Марказий Осиёдаги энг қадимги шаҳар ҳисобланади. Самарқанд Мидия ва Аҳмонийлар замонининг гувоҳидир. Искандар Зулқарнайн даврида Самарқанд, Курций Руф гувоҳлигича, қаттиқ мустаҳкамланган шаҳар бўлган. Эрамиздан аввалги 329 йилда Искандар Самарқандни босиб олади ва уни бу минтақадаги ўзининг таянчига айлангирди. Араблар томонидан забт этилгандан сўнг Самарқанд бутун дунёга машҳур бўлди. Кейинги авлодлар бу шаҳар қиёфаси ҳақида ажойиб афсоналар тўқидилар.

Жайхун дарёсининг ортида кўп миқдорда ерлар ва оқар сувга эга бўлган шаҳар жойлашган, у муҳофаза қилинадиган шаҳар деб аталади. Унинг дарвозалари бор ва ҳар бирининг олдида қанотлари ёйилган беш мингтадан фаришталари мавжуд, улар бу шаҳарнинг аҳолисини кўриқлайдилар. Шаҳарнинг суви оқ, ширин, тоза, мазали. Шу сувдан ичган ҳар бир кимса ўзини сархуш сезади, кимки шу сувда тўла-тўқис ювинса, шу ондаёқ онадан туғилгандек, гуноҳларидан фориғ бўлади” - деб тасвирлайди Самарқандни “Қандия” муаллифи Абдул Ҳаким Самарқандий.

Япониядан то Римгача чўзилган Буюк Ипак Йўлининг савдо йўналишлари Самарқандда кесишар ва ундан куёш нурлари каби тарқалиб кетар эди.

IX-XII асрларда Самарқандни ўраб турган девор дарвозаларининг номлари йўлларнинг йўналишини кўрсатар эди. Шаҳарнинг жануб томонида Кеш дарвозаси жойлашган эди, у орқали Кеш ва уёғи Термизгача, у ердан эса Балхга йўл ўтарди. Шимол қисмида Бухоро дарвозаси бор эди. Бу ердан йўл Бухорога, ундан яна бошқа шаҳобча Амул, Марв, ундан эса Хуросонга кетарди. Шарқий деворда Хитой билан карвон савдосини билдирувчи Хитой дарвозалари жойлашганди. Ва ниҳоят, ғарбда Навбахор дарвозаси бўлган.

Ўрта асрларда Самарқанд ўзининг ипак ва пахта газламалари, ўзининг машҳур қоғози, ҳар хил мевалари билан машҳур бўлган эди, улардан "Олтин шафтоли" жаҳоннинг муъжизаларидан бири сифатида тарихга кирган. Аммо, минг афсуслар бўлсинки, 1220 йилда Самарқанднинг фаровон ривожланиши Чингизхон Ўрдалари томонидан шафқатсиз тўхтатилди. Шаҳар вайрон қилинди, ёндирилди. "Жўи арзис" деган ҳаёт томири - сув ўтказгич йўқ қилинди, аҳолининг тўртдан уч қисми қириб ташланди. Бир вақтлар гуллаб-яшнаган шаҳар харобага айланди. Самарқанд бу жойда ҳеч қачон қайта тикланмади, бу ҳақда ер остида қолиб кетган ва ҳозиргача сақланиб қолган Афросиёб деб номланган ўлик шаҳар гувоҳлик беради. Самарқанднинг тақдирини Мовароуннахрнинг юзлаб шаҳарлари ва қишлоқлари бошдан кечирдилар.

Мовароуннахрнинг бошқа кўпгина шаҳарлари каби, Самарқанднинг тикланиши Амир Темурнинг номи билан боғлиқ бўлган. Амир Темурнинг феълда яратувчилик ижодига нисбатан сўнмас эҳтирос бор эди. Унинг эътибори марказида шаҳар қурилиши турар эди. Амир Темур Ўрта Шарқнинг кўпгина шаҳарларини тиклади, янгидан қурди, ободонлаштирди: Самарқанд, Шаҳрисабз, Қарши, Термиз, Бухоро, Балх, Ўттор, Шоҳруҳия, Тошкент, Туркистон, Аҳсиқент, Урганч, Бойлакон ва бошқалар бунга мисолдир.

1370 йилда Амир Темур Балхдаги қурултойда Мовароуннахрнинг Олий ҳукмрони деб эълон қилинди. Тарихшунослар хабар берадиларки, ўзининг тез ўсиб бораётган давлати пойтахтини танлашда иккиланиб қолди. Шаҳарларнинг қайси бирини устунроқ деб ҳисоблаш керак - унинг болалиги ўтган ва аждодларининг ҳоқи дафн этилган Шаҳрисабзми ёки афсонавий ривоятлар билан қамраб олинган Турон шоҳи Афросиёб шаҳри Самарқанд-

ми? Амир Темур Самарқандни севарди ва уни ўзининг бепоеён давлатининг пойтахтига айлангирди. Нима учун айнан Самарқандни танлади? Бунинг сабаблари бир нечта: Самарқанд Мовароуннахрнинг марказида жойлашганди, у орқали Буюк Ипак Йўли, халқлар кўчиб юриши учун бош йўллар ўтарди, у дипломатик алоқаларнинг маркази ҳисобланарди, Шимол даштлари учун ҳам, Жанубнинг маданийлашган водийлари учун ҳам очик эди; афсоналарда тилга олинган Сўғдиёнанинг пойтахти эди; йирик хунармандчилик-саноат маркази эди; фойдали ҳарбий-стратегик вазиятга ва гўзал табиат шароитларига эга эди. Буларнинг барча Амир Темур давлатининг пойтахтини Шарқнинг энг энг гўзал шаҳарларидан бирига, "бутун дунёнинг маркази" қилишга имкон берди.

Шаҳрисабзга келганда, у ҳеч қачон, ҳеч қандай давлатнинг пойтахти бўлмаган, пойтахт шаҳарларга хос бўлган алоҳида анъаналарига эга эмасди, у доимо Сўғдиёнанинг марказдан чет, иккинчи даражадаги шаҳри эди.

Самарқанднинг кўп қиёфалари Амир Темур даҳоси томонидан яратилганди. Пойтахтни қуришда ва ободонлаштиришда шаҳарнинг ягона қиёфасини яратишга қаратилган учта бош йўналишга қатъий риоя қилинарди. Биринчи, шаҳарнинг мудофаа қобилиятини таъминловчи ва давлат маҳкамасининг қудратини мустаҳкамловчи энг муҳим йўналиш - қудратли фортификацион иншоотлар билан ўраб олинган, Ҳисор деб аталувчи истеҳком қурилишидир.

Истеҳком - Ҳисор Самарқанднинг шаҳар режасининг бош қисми бўлиб ҳисобланарди, у шаҳарнинг ғарбий, энг баланд қисмида жойлашганди ва ҳудуднинг 34 гектарини эгалларди. Бизнинг симпозиум Амир Темур истеҳкоми жойлашган ўша тарихий жойда бўлиб ўтмоқда, у Самарқанднинг энг аввалги қурилмаларига (1370-1372 йиллар) мансубдир.

"Шаҳарнинг охирида ташқи томондан ясси бўшлиқдагидек қалъа туради, лекин булоқдан ҳосил бўлган жуда чуқур ҳандақ билан ўраб олинган, бу ҳандақ туфайли қалъа ишғол қилина олмайди", - деб ёзган эди Клавиҳо. Заҳириддин Муҳаммад Бобур истеҳком деворининг узунлиги 10600 мингдан ошиқ қадамни ташкил этарди, деб маълумот берган. Улар баланд, ғишт ва паҳсадан қурилган мунтазам такрорланиб турадиган ярим доира шаклидаги, миноралар, кўнғироқхоналар ва тишли синиқ чизиқлар билан мустаҳкамланган деворлар эди.

Истеҳкомнинг ичкарасида давлат бошқаруви идоралари, Кўк Сарой, Бўстон Сарой, хазина, кутубхона, учта мақбара,

қурол устахоналари, масжидлар, зиндонлар ва ҳоказолар жойлашган эди.

Темурнинг ўзи истехкомда яшамаса ҳам, унда ҳаёт қайнарди. Бу ерда ҳукумат бинолари жойлашганди. Бу ерда йирик амалдорларнинг чиройли саройлари ва уйлари бор эди. Бу ерда, Бобурнинг сўзларига кўра, "Темурбек улкан, тўрт қаватли сарой қурган, у Кўк Сарой номи билан маълум. Бу бино жуда баланддир".

Истехкомда унинг даҳаларини қолган шаҳар билан боғлайдиган дарвозалар жойлашганди. Қарийб бир қаторда қурилган кўк гумбазли ҳашаматли бинолар - Оқ Сарой, Гўри Амир, Руҳобод, Қутби Чаҳор Духум, Кўк Сарой ва Бўстон Сарой шаҳарга тантанали қиёфа бахш этарди.

Пойтахт қурилишининг иккинчи бош йўналиши - шаҳристоннинг ўзини режалаштириш ва ободонлаштириш эди: кўчалар, майдонлар, ҳовузлар, фавворалар, савдо расталари, масжидлар, мадрасалар, мавзолейлар, хонақолар, мақбаралар қурилди.

Шаҳар истехком каби девор билан ўраб олинган бўлиб, Амир Темур замонида олтига дарвозаси бор эди. Шимолий деворда Шайхзода ва Оҳанин, Шарқда - Феруза дарвозаси, Ғарбда - Чорсу, Жанубда - Сўзангарон ва Қаризгоҳ дарвозалари жойлашган эди.

Шаҳар марказида Чорсу жойлашганди, ундан шимолий-шарққа масжид томонга ва ундан нарида Оҳанин дарвозаларигача айни вақтда катта кўча ва йўл ҳисобланган бош бозор жойлашган эди.

Шаҳар бўйлаб ҳар томондан унинг марказий қисмига олиб борувчи кўчалар ўтарди. У ерда гумбаз билан ёпилган Чорсу бозори жойлашган эди.

Шаҳарнинг тузилиши чизиқли тасвирга эга эди: кўчалар майдонлар билан қўшилишиб, марказдан маҳаллаларга, гузарларга, шаҳар дарвозаларига қараб йўналтирилган эди. Кўчалар четида савдо расталари, карвонсаройлар, майдонларда эса бозорлар жойлашган эди. Клавиҳонинг ёзишича, "шаҳарда гўшт, парранда ва қушлар, ҳамда нон ва мевалар жуда тоза ҳолда сотиладиган майдонлар жуда кўп бўлиб, улар кечаси-ю кундузи одамлар билан гавжум бўлар, у ердаги савдо бир зум ҳам тинмас эди".

Амир Темур савдони ривожлантиришга аҳамият бериб, шаҳарнинг бир чеккасидан иккинчи чеккасигача давом этадиган кўча ўтказишни буюрди. Кастильялик элчи Клавиҳо ўз кундалигида шундай деб ёзди: "Ўтказилган кўча кенг бўлиб, унинг икки четига савдо чодирлари ўрнатилди. Чодирларни қуриш тугалланиши билан уларга дарҳол савдогарлар жойлаштирилди ва турли

буюмлар савдоси бошлаб юборилар эди. Кўчада маълум ораликда ҳовузлар қурилган эди”.

“Бобурнома”нинг муаллифи куйидагича ёзади: “Самарқанд - жуда гўзал шаҳар, у бир алоҳида хусусиятга эгаки, буни камданкам шаҳарда учратиш мумкин: савдо ва ҳунармандчилик турлари аралаш ҳолда эмас, балки алоҳида қаторларда жойлаштирилган эди. Бу жуда яхши одат”.

Амир Темури томонидан Самарқандда 20 дан зиёд кўркам меъморчилик мажмуалари: Оқ Сарой, Кўк Сарой, Бўстон Сарой, Гўри Амир, Рўҳобод, Кутби Чаҳор-духум, Биби Хоним, бир қатор мақбаралар - Шоҳи Зинда, Ишратхона, 12 та боғ ва бизгача етиб келмаган бошқа кўпгина жамоат бинолари қуриб битказилган.

Соҳибқирон кўпинча қурилишга ўзи бошчилик қилар эди. Шарофиддин Али Яздийнинг гувоҳлик беришича, Бибиҳоним масжидининг қурилишида Амир Темурининг шахсан ўзи бош бўлиб турган. Масжид ўзининг кўрки ва салобати билан ўз замонасининг одамларини ҳайратга солган. Али Яздийнинг ёзишича: “Тошдан ишланган 480 устун ўрнатилди, улардан ҳар бирининг узунлиги 7 газдан келар эди. Шифтлари баланд, оёқ остига эса тошдан ясси гиштлар териб чиқилган бўлиб, хонанинг баландлиги 9 газга тенг эди. Мақсуранинг киравериши ва гумбазларини осмону-фалакка ва Сомон Йўлига таққослаш мумкин эди”.

Шундай қилиб, шаҳарнинг шарқий қисми тўлалигича Амир Темурининг бевосита бошчилигида шакллантирилган. Темури масжиди, Сарой Мулк Хоним мадрасаси, Оҳанин шаҳар дарвозалари, кўп гумбазли савдо расталарининг миноралари, гумбазлари Самарқандга келган ҳар бир кишини лол қолдирадиган жаҳон пойтахтининг меъморий қиёфасини намойиш этарди.

Ва ниҳоят, Самарқанд қиёфасини шакллантирувчи учинчи бош хусусияти - бу шаҳар ичидаги ва унинг ташқарисидаги, пойтахтнинг ажралмас қисми бўлган сайр-боғ мажмуалари эди. Амир Темури томонидан 12 та сайр-боғ барпо қилинди. Уларнинг марказида кўркам сарой мажмуалари жойлаштирилган. Сайр-боғлар Самарқандни гир айлана яшил камар билан ўраб чиққан эди: Боғи Баланд, Боғи Зогон, Боғи Жаҳоннамо, Боғи Чинор, Боғи Нав, Боғи Майдон, Боғи Беҳишт, Амирзода Шоҳруҳ боғи, Боғи Улду, Давлатобод Боғи ва Боғи Нақши Жаҳон. Сайр-боғ мажмуаларининг қурилиши Европа меъморлари томонидан ҳам тан олинган қадимги шарқона шаҳар қурилиши анъаналарига асос солди.

Шарафиддин Али Яздий ва Клавихонинг таърифлари шарофати билан сайр-боғ ва саройларнинг умумий кўринишини тасаввур этиш имконига эгамиз. Сайр-боғлар мажмуаси олдиндан ўйлаб чиқилган режа асосида барпо қилинар эди. Одатда улар тўғри тўртбурчак шаклида бўлиб, марказий хиёбонга эга эди. Кўпинча, улар "Чорбоғ" деб аталувчи тўрт қисмга бўлинар ва уларга тартиб билан манзарали ва мевали дарахтлар, буталар ва гуллар экиб чиқилар эди. Бунда сугориш учун ариқлар тизими, ҳовузлар, гоҳида фавворалар қуриларди. Боғлар ва саройларнинг ички тузилиши ўз ибтидосини "Чаҳортоқ", кейинчалик эса "Чорсу" деб аталувчи қадимги меъморий усулдан олади.

Кастильялик элчи Клавихо Боғи Дилкушони кўйидагича таърифлайди: "Бу боққа кириш эшиги жуда кенг ва баланд бўлиб, тилла ва жавоҳирлар билан безатилган эди".

Боғлар хиёбонларга бўлиниб чиқиб, уларнинг четида эса оқ тераклар қад кўтариб турар эди. Боғларнинг учбурчакли ва олтибурчакли майдонларига мевали дарахтлар ва бошқа ўсимликлар экиб чиқилар эди. Боянинг ўртасига гумбазли бино, сарой қурилар эди. Унинг уч томонидан баланд арklar ўрнатиларди.

Бобурнинг таъкидлашича, "Дилкушо боғининг деворлари Темурунинг Ҳиндистондаги жанглиридан бирини тасвирловчи расмлар билан безатилган эди".

Шундай қилиб, боғлар пойтахтнинг ажралмас қисми бўлиб ҳисобланар ва уларда фақатгина ҳокимлар ва сарой аҳллари эмас, балки Самарқандда яшовчи барча одамлар сайр этишлари мумкин эди.

Самарқанднинг қиёфасини шаҳар атрофидаги Конигилда жойлашган Оби-Раҳмат дарёси соҳилидаги қалъаларсиз тасаввур этиб бўлмайди. У ерда байрамлар, тўйлар ва халқ сайллари вақтида минглаб ранг-баранг чодирлар қуриларди.

Буюк Темур адолатта асосланган жаҳон миқёсидаги давлатни қуриш ҳақида орзу қилар эди, Самарқандни эса жаҳон аҳамиятига эга бўлган шаҳар, шоҳона пойтахт деб тасаввур қилар эди. Қолган ҳамма шаҳарлар ичида у энг биринчи ва унга бошқа ҳеч қайси шаҳар тенг келиши мумкин эмас. Бу гоёни ҳаётта тадбиқ этиш учун Амир Темур Самарқандни ва унинг атрофидаги қишлоқларни, уларга Шарқнинг машҳур шаҳарлари - Миср, Дамашқ, Бағдод, Султония ва Шероз номларини бериб, деярли қайтадан қуриб чиқди. Бу қишлоқлар ҳозир ҳам бор. "Бутун жаҳон маркази" қурилишининг улкан режасини амалга ошириш учун Соҳибқирон бутун Шарқдан - Дамашқ, Табриз, Бағдод, Хуросон, Озарбайжон, Урганч ва Ҳиндистондан турли касб эгаларини:

тош терувчилардан бошлаб то заргарларгача жалб қилган. Бунинг натижасида бутун Шарққа кенг тарқалган шаҳар қурилиши, меъморчилик, биноларнинг манзарали безатилишини ўз ичига олган "Темурийлар услуби" юзага келди.

Шаҳарни режалаштиришда жойнинг тузилиши ҳисобга олинар эди. Барча меъморчилик мажмуалари: кўрғон, Ғури Амир мақбараси, Шоҳи Зинда, Чўпон Ота, Оқ Сарой, Биби Хоним масжиди, Кўк Сарой, Бўстон Сарой ва бошқалар шаҳарнинг тепаликларида жойлашган. Бир нечта, савдо расталарига эга бўлган Шоҳруҳ, Оҳанин Чорсу, Кўрғон-Чорсу кўчалари ўтказилди. Улар майдонлар ва ҳовузлар билан қўшилиб кетиб, шаҳар қиёфасини кескин ўзгартириб юбориб, уни бутун дунёга машҳур бўлган шоҳона шаҳарга айлантирди.

Ўз маърузамнинг якунида мен, Соҳибқирон Амир Темур даврида Самарқанд Шарқнинг энг гўзал, кўркам ва маданий марказига айланганини айтиб ўтмоқчиман. Темур ўз шаҳрини жуда яхши кўрган, уни ривожига ўз вақти ва маблағларини аямаган. Бу ерда машҳур олимлар, рассомлар, бастакорлар, меъморлар яшаб ижод қилганлар ва бетакрор асарлар яратганлар. Айтиш мумкинки, ўша даврнинг энг зўр илмий, фалсафий, муҳандислик фикрлари айнан шу ерда яраларди ва шу ерда улар ривожлантирилиб, бойитилиб, Фарб ва Шарққа тарқалар эди. Темур даврида Самарқанд ёруғлик манбаи бўлиб хизмат қилган ва унинг нурлари бутун дунёни ёритган. Бу давр ҳақиқий Ренессанс даври бўлиб, уни Темурийлар Ренессанси даври деб аташ мумкин.

АМИР ТЕМУР ДАВРИДА ТОШГА ВА ЁҒОЧГА ИШЛОВ БЕРИШ САНЪАТИ

Берлиндаги Ислом санъати музейи, д-р Йоахим Гирлихс

Фарбда Темурланг (Оқсоқ Темур) номи билан машҳур бўлган Гамир Темур (1336-1405) буюк империяга асос солди ва бу империя турли чегараларда юз йилдан кўпроқ (1370-1506) вақт ҳукм сурди. У ҳудуднинг фақатгина сиёсий тақдирини белгиламай, балки санъат соҳасида ҳам етакчи аҳамиятга эга бўлди. Темур ва унинг ворислари даврида унинг империясида яратилган санъат асарлари ва меъморий ёдгорликлар қадимдан ислом бадийй ижодининг сўзсиз ноёб асарлари деб тан олинади.

Биз "Темурийлар санъати" тушунчасидан фойдаланганимизда, фақатгина Темур ҳукмронлиги (1370-1405) йилларини эмас, балки 1370 йилдан 1500 йилгача бўлган бутун даврни кўзда тутамиз. Темурийлар давридаги тошга ва ёғочга ишлов бериш асосида

яралган асарлар уларнинг юқори сифатига қарамай, ўша даврнинг кам танилган бадиий асарлари сирасига киритилади. Сунги йилларда Темурийлар давридаги санъат ва меъморчиликни ўрганиш жуда тараққий этган бўлса-да (бу илмий мақолалар ва монографияларда(1), шунингдек, 1989 йилда АҚШда "Темурийлар кўрғазмаси"нинг ўтказилишида(2) намоён бўлади), шу кунга қадар тош ва ёғоч ишларини таққослаш ва таҳлил қилиш бўйича тадқиқотлар ўтказилмаган.

Темурийлар давридаги тош ишлари - мармар, тош ёки нефритдан иборат бўлган, бунда қурилиш безаги учун ишлатилган тош териш ишлари ва жуда ноёб санъат асарлари қаторига киритиладиган, Улуғбек (1394-1449) номи билан (3) боғлиқ бўлган нефрит ишларини ажратиш мумкин. Намуна сифатида мен, бугунги кунда Нью-Йоркдаги Бадиий Метрополитен-Музейда сақланадиган ва XV асрнинг биринчи ярмига мансуб машҳур қилич кинини келтирмоқчиман(4). Улуғбек учун оқ нефритдан кубок ясалган, унга Улуғбек номи берилиб, Лиссабоннинг Калуста Гульбекян фондида сақланади ва 1420-49 йиллар оралиги билан белгиланади(5). Бу икки асар Темурийлар давридаги санъат асарларига хос бўлган, турли ашёдан ясалган аждаҳо бошларини ифода қилади, ҳамда сўзсиз хитой намуналарига тақлид қилади.

Агар оддий ҳолларда нефритдан фақат кичкина шаклдаги буюмларни ясашда фойдаланилса, Темурнинг нефритдан ясалган кенотафи бундан мустаснодир, бу ҳақда биз кейинчалик сўз юритамиз.

Кейинги тақдим этилган Темурийлар даврининг тошдан ясалган буюмлари жуда кам сонли бўлиб, мен билишимча, улар бўйича нисбий тўлиқ маълумот берадиган таҳлиллар ўтказилмаган.

Биз гапни Темурийлар даврида Самарканд шаҳрида қурилган икки иншоотдан бошламоқчимиз, улар тош ва мармар билан жуда бой безатилган ишларни намойиш этади.

Ҳиндистонга қилган ғолибона юришидан сўнг (1398-1399) Темур ўз пойтахти учун Бибиҳоним номи билан аталмиш Жомеъ Масжиди қурилиши ҳақида фармон берди. Намоз ўқиш хонасининг айвонига қурилишнинг бошланиши сифатида ҳижрий 801, милодий 1398-99 йили асосий ёзув сайқалланмаган терракотадан ишланган(6). Кириш порталидаги ёзув эса (ҳижрий 806, милодий 1403-04 йил) қурилиш тугалланган йилини билдиради, у мармарга ўйиб ёзилган бўлиб, ҳозирги кунда унинг кичик бўлаклари мавжуд. Тарихий суратлардан маълум бўлишича, тошдан ясалган портал 1897 йилги катта зилзилагача сақланиб турган(7). Бу пор-

тал Озарбайжонлик тош усталари томонидан ишланган бўлиши мумкин, чунки Ширвон Шоҳ давридан сақланиб қолган тош иншоотлар бунга далил бўла олади, улардаги безакларни жуда яхши таққослаш мумкин. Мен тафсилотларга берилмасдан, фақат Бокудаги Ширвон Шоҳ мажмуасини эслаб ўтмоқчиман(8).

Тарихий манбаларда 400 ёки 480 мрамардан ишланган равоқ (girwags) устунлари қайд этилган(9), улар тош конларидан Ҳиндистондан ҳайдаб келинган 95 та фил ёрдамида келтирилган. Асримизнинг 20-йилларида бу устунлар тарқоқ ҳолда эди, буни Эрнст Кон-Винернинг 1924 ёки 1925 йилга мансуб чоп этилмаган фотосуратида кўриш мумкин. Бошқа устунлар С.Е.Ратия томонидан ўтказилган археологик тадқиқотлар пайтида топилган(10).

Куръон ўқиш учун ишланган 2,30 x 2,00 м. лавҳ энг катта ва жуда ноёб ёдгорликдир. У тошдан ишланган бўлиб, Темур масжиди ҳовлисида ўрнатилган(1-сурат). У яхлит тош плитасидан ишланган ва остига 8 та таянч қўйилган. Плита устига иккита катта учбурчакли блок қирралари ичига қаратиб ўрнатилган. Бу блокларнинг устки қисми, асосий қатламдан бир оз ажралиб турадиган жуда нозик тўр билан ишлаб чиқилган. Тош плитанинг ўзи эса учта камарли муқарнас карнизи билан безатилган.

Худди шунингдек, Темурнинг кейинги дафн этилган жойи, Темур ҳижрий 807, милодий 1404 йилда ўзининг мархум набираси Султон Муҳаммад учун қуришни буюрган Гури Амир мақбарасида тошдан ясалган турли ишларни кўриш мумкин. Бунда гап, қисман Жомеъ Масжидидаги ўхшаш тошга ва мрамарга ўйилган ёзувлар ҳақида боради. Дафн этиш жойининг деворлари ўзининг пастки қисмида олти бурчакли оникс плиталаридан ясалган баланд таглик зонасидан ташкил топган ва улар мрамар пластиналаридан ишланган енгил ажралиб турадиган муқарнас карнизи билан тугалланади (ҳаммаси бўлиб баландлиги 2 метр). Бунинг устидан бевосита хонанинг бутун айланаси бўйича яшил яшмадан (халцедоннинг бир тури) қилинган, ҳарфларига тилла суви юргизилган ёзув ишланган. Бундан сўнг турли рангдаги сувоқлар ва бошқа ашёлардан қилинган айланалар ўтади. Сўнг жипсланган ва бўялган қоғоздан (папье-маше) ишланган муқарнас карнизи устки қатламни квадратдан айланага ўтказди. Тошдан ишланган кейинги ёзув Улуғбек даврида 1424 йилда қурилган галерея орқали мақбарага кириш йўлининг икки томонида жойлашган.

Темурнинг яшил нефритдан ишланган кенотафи алоҳида эътиборга сазовордир, чунки у тошдан ишланган бошқа ётоқ тобутлар ва Саид Бараканинг ғиштдан ишланган қабр тошидан

кескин фарқ қилади. Дастлаб мақбаранинг жанубий-ғарбий бурчагида жойлашган зина орқали тушиш мумкин бўлган криптада, юқоридаги мақбарада қабртошлар жойлашишига ўхшаш тартибда Султон Муҳаммад, Темур, Мироншоҳ, Шоҳруҳ ва Улугбекнинг қабрлари жойлашган. Келиб чиқиши унча аниқ бўлмаган Темурнинг кенотафида ёриқ пайдо бўлган. У Нодиршоҳ даврида Машҳадга кўчириш вақтида пайдо бўлган бўлиши мумкин. Ф.Ф.Бартольднинг фикрича, Улугбек уни ҳижрий 828, милодий 1425 йилда Мўғулистонга қилган зафарли юришидан ўлжа сифатида уни жойига қайтаришни буюрган(11), бошқа манбаларга қараганда Темурнинг кенотафи Улугбек Қаршидан Самарқандга келтиришни буюрган икки нефрит блокнинг биридан ясалиши керак эди(12). Темурнинг қабртоши(13) ва кенотафидаги ёзувлар унинг генеалогиясини келтиради, у Темурни ҳам Чингизхоннинг, ҳам Алининг авлоди(14) сифатида кўрсатади.

Ўри Амир мақбарасининг ҳовлисида бир неча йилдан бери тўртбурчакли катта яхлит тош туради. У дастлаб Кўк Саройда туриши лозим эди (2-сурат). Буни 1924-25 йилларда Самарқандга келган Эрнст Кон-Винернинг чоп этилмаган фотосуратлари тасдиқлайди. Гап ҳақиқатда Кўк Сарой устида бораётганлиги сабабли, шу билан бир вақтда фотосурат бизга сарой қанча муддатгача туриши лозим булганини тасдиқлайди. Темурийлар даврининг бу тош ўймакорлик санъати намунаси, менга маълум бўлишича, шу вақтгача санъат тарихи нуқтаи назаридан ўрганиб чиқилмаган. Одатда уни “тахттоши” деб атайдилар, бу эса уни Кўк Саройдан келиб чиққанлигини билдиради. 3,30 x 1,50 ҳажмга эга булган бу тош унинг санаси ва мақсадларини билдирувчи ҳеч қандай ёзувларга эга эмас. Унинг асосий ва ён томонлари бутун сиртини қоплайдиган майда ўсимлик нақши билан ишлаб чиқилган ва у ўзининг яссилити билан Темурнинг Жомеъ масжидидаги Куръон лавҳини эслатади.

Истамбулдаги Тўпқопи Сарой музейида сақланган XV асрнинг битта миниатюраси (TSM, Nazine 2153, 150v варақ) таққослаш учун яқин бўлган бир “тахт”ни кўрсатади, у кассетасимон нақш билан қопланган ва ёғочдан ишлангандир(15). Унинг устида иккита хитой қизи тасвирланган.

Ўзимнинг давомида мен, Берлиндаги ислом санъати музейида сақланаётган тошдан ясалган буюм (I.4534; I.27/76) ҳақида гапирмоқчиман(16). Биринчи ҳолда гап, 1417-20 йилларда Улугбек томонидан Самарқандда барпо этилган мадраса биносидан келиб чиққан, мрамардан ишланган беш қиррали юлдузсимон плита ҳақида боради. У ерга кираверишда порталда ён томондаги

тоқчаларда беш қиррали юлдузсимон плиталар ва мрамрдан ишланган қўшалок беш бурчақлар ганч мозаикаси билан биргалликда пастки қисм нақшини ташкил этади. Ҳозирги вақтда Берлиндаги Ўзбекистон кўргазмасида намоёниш этилаётган плиталарнинг безатилиши кўп марталаб кесишадиган икки чирмовуқдан иборат бўлиб, уларнинг асосини жуда ҳам услублаштирилган гуллар ташкил этади.

Икки мрамр плитанинг келиб чиқиши эса, аксинча, номаълум. Ўнта тишли юлдузсимон плиталар ўсимлик нақши билан қопланган, унинг маркази розеткани ташкил этиб, у иккита доирасимон, галма-галдан кесишадиган ўсимлик тўрлари билан ўралган. Плитанинг ўзига хос хусусияти бўртиб чиққан куббадан иборат. У Самарқанддаги алоҳида бўлақлардан қурилган ярим устунларда яна пайдо бўлади. Гуллар услубини ва чирмашиб кетган ўсимлик услубининг турли кўринишларини Самарқанддаги XIV-XV асрларнинг охиридаги тош ўймакорлик ишлари билан ўхшашликларини кузатиш мумкин. Юқорида қайд этилган Самарқанддаги Жомеъ масжили ҳовлисидаги Куръон лавҳидан ва Гўри Амир мақбараси ҳовлисидаги тахттоши деб аталмиш тошдан ташқари ўсимлик услубидаги Шаҳрисабздаги Жаҳонгир (Ҳазрати Имом) мақбарасидаги (17) қабр тоши таққослаш учун қулайдир. Унда марказда кўринаётган гулдан майда баргли ва гулли кўп сонли новдалар ўсиб чиқади ва қайта ўймакорлик техникасида гуллар остида катта бўш жой қолади.

Бу жуда ясси ишланган нақшларга нисбатан Фиёсиддин Мансурнинг (1445 йилда вафот этган) ўғли Султон Ҳусайн Мирзо мадарасасидаги тахминан 1485 йилга мансуб (18) қабртош нақшлари бугунлай қарама-қаршидир. Айрим гулларга жуда бой майда деталлар билан ишлов берилганини ҳисобга олмаганда, бу тош ўймакорлик ишининг услубий фарқлари уни олдингиларига нисбатан яққол қарама-қарши қўяди. Юқори сифатли, чуқур ўйма билан ишланган ўсимлик услубидаги нақш бир-бирининг устига ётқизилган икки турли қатламга жойлаштирилган. Бу фонга соя тушишига ёки пастки қатламдаги нақшнинг тўлиқ тўсилиб қолишига сабаб бўлади.

Нақшнинг худди шу турини Бостондаги Изабелла Стюарт Гарднер музейидаги қабртошда кўриш мумкин(19). Асосий майдон ўсимлик услубидаги нақш билан қопланган бўлиб, у икки турли чуқурликда ишлов берилган қатламлардан (зоналардан) иборат, бунда чизиқларнинг умумий чуқурлиги нисбатан камроқдай туюлади. Бу эса фонга камроқ соя солинишига олиб келади ва шу туфайли у яхшироқ кўринади.

Бундан ташқари, бунда ўтган асрнинг охирида Қўқонда сотиб олинган, ҳамда швед дипломати ва тадқиқотчиси Ф.Ф.Мартин томонидан кенг оммага тақдим этилган уй эшиги билан яққол ўхшашлик бор(20). Ф.Ф.Мартин Темурийлар давридаги ёғочдан ишланган буюмлар билан шуғулланган биринчи тадқиқотчилардан дир. Ҳозир Нью-Йоркдаги Бадий Метрополитен-Музейда сақланаётган(21), пастдан бир оз қисқартирилган эшик тавақаси Фарғона водийсидан келтирилган бўлса ҳам, у аслида ўша ердан келиб чиққан эмас. Эҳтимол, у кейинроқ бу ерга Бухоро ёки Самарқанддан келтирилган бўлиши мумкин.

Биз энди Темурийлар давридаги ёғочдан ишланган буюмларга ўтамиз. Уларни бир чеккадан рўйхатга олиш ва ўрганиб чиқиш мен 1994 йилда бошлаган “Эронда ва Ўрта Осиёда Темурийлар давридаги ёғоч ўймакорлиги” номи тадқиқот лойиҳасининг асосини ташкил этади. Бу лойиҳа Дюссельдорфдаги Герда Хенкель Фонди томонидан 1995 йилдан бери қўллаб-қувватланиб келмоқда. Шу кунгача Ўрта Осиё ва Эрон бўйича иккита шарҳда жойларда сақланиб қолган ва турли мамлакатлар музейларида мавжуд бўлган ёғоч ишлари қамраб олинган. Келгусида Россия, Европа ва Америкада тўпланган ишлар билан танишиш имконини берувчи саёҳатлар режалаштирилган. Маълумотларнинг тўлиқ тўплами лойиҳани бошлашдан олдин алоҳида тузилган ахборот банкига киритилган ва бу ишлаб чиқилаётган каталог учун асос бўлади.

Йиғилган материалларнинг мукамаллиги ҳақида тасаввурга эга бўлишингиз учун айрим рақамларни келтирмоқчиман. Ҳаммаси бўлиб мен Темурийлар даврига оид 170 дан зиёд ёғоч ўймакорлиги ишларини ўрганиб чиқдим, шулардан 70,3 % қисми ўз жойида сақланиб қолган. Ёғоч ўймакорлик ишларининг 13,4 % қисми Ўрта Осиёдан келиб чиққан ва шу билан бир вақтда 86,6 % қисми Эронда ёки ўша ерда тутиб қолинган бўлиши мумкин. Албатта, бу ерда ёғочнинг материал сифатида қулайлиги билан тўқнашиш мумкин. Бу Каспий денгизидан жанубда жойлашган, ўрмонларга бой бўлган Мозандарон ва Филон вилоятларидаги ёғочдан ишланган буюмларнинг одатдагига нисбатан кўпроқ учрашига сабаб бўлса керак. Шу билан бирга, бу марказдан бирмунча узоқроқ жойлашган вилоятларда имомзодагонлар барпо қилинган ва ёғоч эшиклар ҳамда қабртошлар билан таъминланган эди.

Барча ишларнинг 60 % қисмидан кўпроғида (106 тасида) саналар ёзилган, 45 % қисмига яқинида эса (76 тасида) рассомнинг

имзоси битилган. Шу билан бирга 35 ҳолда (21,5 % га яқин) буюртмачи ҳам маълум бўлган.

Ёғоч ўймакорлиги ишларининг безаги ҳандасавий ва ўсимлик нақшлари қисмларининг кенг такрорланишидан таркиб топади. Ҳуснихат билан ишланган ёзувлардан эса қўшимча безак сифатида фойдаланилган(22). Жонли таналарнинг тасвири умуман бўлмаган, Тўпқопи Саройдаги Улуғбек учун ясалган қутича устидаги аждаҳо тасвири бундан мустасно. Айниқса, турли рангдаги ёғочлар, фил суяги ёки кумуш қўшиб ишланган ўймакорлик ишларининг намуналари юқори сифатини намойиш этади, сақланиб қолган бўёқ қолдиқлари эса ёғочдан ишланган буюмларга ранг берилган бўлиши мумкинлигини ифодалайди.

Агар Ўрта Осиёдаги ёғоч ўймакорлик ишларини Эрондаги ишлар билан солиштирсак, Ўрта Осиё ишларининг кўпчилиги Темурийлар даврининг бошланишида, яъни Темур ҳукмронлиги вақтида ясалганли-гини кўришимиз мумкин. Бундан ташқари, деярли барча ҳолларда гап ўрта даражадан юқори сифатда ишланган буюмлар ҳақида боради, бу Аҳмад Яссавий (ҳижрий 797, милодий 1394-95 ёки ҳижрий 799, милодий 1396-97 йиллар) дафн этилган масжиднинг эшиклари ёки Шоҳи Зинда мажмуасининг (ҳижрий 807, милодий 1404-05 йиллар) эшигидир. Шунинг эса тутиш керакки, Темурийлар давридаги бирорта кенотаф бизгача етиб келмаган. Сақланиб қолган ётоқ тобуғлари ёки Ҳусам ибн Аббоснинг кенотафи сингари тошдан терилиб, рангли ганч билан ишланган (бу ҳақда мен кейин тўхталиб ўтаман) ёки Темурнинг кенотафи сингари қимматбаҳо нефрит тошдан ишланган. Темурийлар давридаги азон айтиш минораларининг нисбатлари ҳам шунга ўхшаш, улар барчаси Эрондан келиб чиққан. Аммо бу ерда ҳам шунинг эътиборга олиш керакки, кўп ҳолларда Ўрта Осиё масжидларининг ёғоч билан безатилган ишлари сақланиб қолмаган, оқибатда биз минбарларнинг нимадан ясалганлигини билмаймиз.

Симпозиум мавзусини ва менга ажратилган вақтни эътиборга олиб, мен бу ерда нақш тизимини таҳлил қилмайман, бунинг учун мен Темурийлар давридаги кўп сонли эроний ёғоч ўймакорлиги ишларига эътиборингизни жалб қилишим лозим бўлади. Бунинг ўрнига мен Ўрта Осиёнинг аҳамиятга лойиқ ёғоч ўймакорлиги ҳақида сўзлаш билан чекланаман.

Биринчидан, қисқача қилиб шунинг эслатиб ўтишим керакки, Ўрта Осиё қадимий бўлган, лекин Фарбда шу вақтгача яхши танилмаган ёғоч ўймакорлиги анъаналарига эга. У исломгача бўлган даврдан бошланади (бу ерда мен Панжикентдаги ёғоч

ўймакорлигини эслатиб ўтаман). Ислом даврига оид ёғоч ўймакорлиги илк ишларига Зарафшоннинг юқори оқимида (Тожикистон), Искодардаги X асрга оид ноёб ёғоч меҳробни(23), Душанбе ва Тошкент музейларида сақланаётган Оббурдондаги ёғоч қурилмани киритиш мумкин. Темурийлар даврининг бошланишига оид Бухородаги Чашма Айюбда (тахминан 1380 йил) ёғоч панел борки, у шполия сифатида қўлланилган деб тахмин қилинади ва, билишимча, унинг асосан ишлатиш мақсади ва ясалган санаси шу вақтгача аниқланмаган.

Темурийлар давридаги ёғоч ўймакорлиги ишлари ривожини Бухоронинг чеккасида (ҳозир янги қурилиш ичида) жойлашган жуда нозик ишланган мақбарадаги Сайфиддин Баҳорзийнинг кенотафи муҳим аҳамият касб этади. Вақтнинг чекланганлиги туфайли мен бу ҳақда атрофлича ҳикоя қила олмайман. Балки, келгуси кузда, Бухоронинг 2500 йиллиги муносабати билан бу муҳим ёдгорликни батафсил тасвирлаш имкони бўлиб қолар.

Самарқанддаги Гўри Амир мақбарасига қайтсак. Мадраса ва хонақони ҳам ўз ичига олган бутун мажмуа бир нечта ёғоч эшиклар билан ёпиладиган йўлакларга эга. Ҳозирги вақтда Темурийлар даврига оид бир ёғоч эшик жойида турибди, иккинчи эшик бор бўлса ҳам, ўзининг бир хил нақшда ишланган ҳозирги замон нусхаси билан алмаштирилган. Бошқа эшиклар ёки эшик тавақалари эса асримизнинг бошида биринчи катта таъмирлаш ишлари ўтказилгандан бери Петербургдаги Эрмитажда сақланади(24). 2,6 ҳажмли Темур даврида ўзгартирилган, шимол томондан келишдаги йўлакни ёпадиган эшик ҳақида гапирсак, у менимча асл нусха эмас. Бой нақшлар билан қопланган, яратилиш санаси аниқланмаган эшик нисбатан кейинроқ қилинган бўлса керак. Буни нисбатан яхши сақланган рангли безаклардан, шу жумладан, яшил, ҳаворанг ва қизил буёқлардан кўриш мумкин. Бу ерда гап балки "қадимги ёдгорликларни сақлаш" борасида қилинган нисбатан янгироқ нусха ҳақида бораётгандир. Катта медальон билан уйғунлаштирилган ўсимлик нақши Эрмитажда сақланаётган, келиб чиқиши Гўри Амир мақбарасига мансуб бўлган икки тавақали катта эшикнинг нақшига ўхшаса ҳам, у билан бир хил эмас(25).

Улугбек (1409-1449 йилларда ҳукмронлик қилган) даврида 1424 йилда мақбарага кўшимча қурилган галереянинг эшиги хусусида иш тамомила бошқачадир. Эшикнинг асл нусхаси жойдан олинган ва 1995 йилнинг баҳорида қарама-қарши девор ёнида турган эди. Унинг ўрнида эса эшикнинг бутун майда деталларигача такрорлайдиган ҳозирги замон аниқ нусхаси қўйилган. Бу эса

Ўзбекистонда бугун ҳам ёғоч ўймакорлик санъати юқори даражада эканлигидан далолат беради.

Нақшнинг деталли таҳлилисиз ҳам, кичик ромбларга асосланган қатъий геометрик нақшнинг юқоридаги қайд этилган эшикдаги нақшдан фарқланиши кўзга ташланади. Айрим деталли суратлар эшик сифати ҳақида маълумот бериши мумкин, унинг нақшида турли ёғочлар ва фил суяги қўшиб ишлатилган.

Нақшнинг кўриниши бўйича бу эшик Гури Амир ёдгорлигининг Темурийлар даврига оид бўлган, шу кунгача ўз жойида турган ягона эшик - Улурбек вестибюлининг эшиги билан бир хил. Шундай қилиб, уни яшаш вақти тахминан 1424 йил деб ҳисобланади. Мақбарага кириш эшиги сингари, Темурийлар даврига оид бошқа кўпгина эшиклардан фарқли ўлароқ, бу эшикнинг иккала тавақаси кўп сонли алоҳида майда бўлақлардан терилмай, яхлит ёғочдан кесиб ишланган. Агар биз қайта фойдаланганлигини тахмин этмасак, мақбара эшиги ҳам 1424 йилга мансуб деб ҳисобланади.

Ёғоч ўймакорлиги, ва энг аввало Гури Амир эшикларининг якуний баҳоланиши ва таснифи Петербургдаги Эрмитажга олиб кетилган турли ёғоч ўймакорлиги ишларини чуқур ўрганилгандан сўнг берилиши мумкин. Балки музей ҳужжатларидан фойдаланиб, қандай ёғоч ўймакорлик ишларининг нусхалари мақбарадан Петербургда қачон олиб кетилгани, ҳамда уларнинг нусхалари мавжуд бўлган тақдирда бу нусхаларнинг қачон ясалганини аниқлаш мумкин бўлар.

Яна бир Темурийлар даврига оид бўлган ёғоч ўймакорлиги учун катта аҳамиятга эга бўлган машҳур иккинчи ёдгорлик ҳақида гаплашсак. Ҳусам ибн Аббос мақбараси Шоҳи Зинда мажмуасига киради. Ушбу мажмуа Самарқанднинг шимолида жойлашган. Унинг пайдо бўлиши XI асрнинг бошига, энг кўп тараққий этган даври эса XIV ва XV асрларга тўғри келади. Мўғулларгача бўлган вақтнинг ўзидаёқ Муҳаммад пайгамбарнинг жияни бўлган Ҳусам ибн Аббоснинг қabri муқаддас жой деб ҳисобланган. Ривоятга кўра, Ҳусам ибн Аббос оловга сажда қилувчи ғайридинларни асл динга, исломга ўтказиш учун мусулмонлардан тузилган қўшинлари билан Сўдга келган. Аммо бу ерда мағлубиятга учраганидан сўнг у қочишга мажбур бўлган. У Афросиёб тоғидаги ғорда яширинади. Оллоҳ Ҳусам ибн Аббосга у яшаши, намоз ўқиши ва рўза тутиши лозим бўлган ғорни кўрсатади. Бу ривоят Темурийлар сулоласи аёлларига ўзларини дафн этиш жойини авлиё қabri ёнидан танлашлари учун бир сабаб бўлди, чунки авлиёнинг қabri ўзига хос “жаннат эшиги” деб ҳисобланган.

Мажмуа кўринишининг қазилмалар йўли билан аниқланган, XI асрдан XIX асргача давом этадиган ҳар томонлама тарихини четлаб ўтиб, маърузанинг аниқ мавзусига қайтамиз(26). Дафн этиш кўчасидан Хусам ибн Аббос мақбарасига кирадиган эшик (3-сурат), зиёратхонага кирадиган иккинчи эшик ҳамда авлиё кенотафи олдидаги ёғоч панжарага таъриф берамиз.

Афсуски, ҳозир эшикнинг тавақалари жуда ўткир ранглар билан бўялган бўлиб, бу юқори сифатли ўймакорлик ва фил суягидан қўшиб ишланган нақшни кўриш имконини бермайди, уларни фақат жуда кам бўлақларда кўриш мумкин (4-сурат). Эшик ҳижрий 807, мелодий 1404-1405 йилларга оид деб ҳисобланади ва шундай қилиб, мажмуа янгиланган, ўзгартирилган ва таъмирланган даврларга таалуқлидир. Ўртадаги тўсинга оид "Капител" устида санадан ташқари (ҳижрий 807 йил) рассом Саид Юсуф Шерозийнинг номи ҳам бор(27).

Ҳозир зиёратхонага иккита йўл билан кириш мумкин. Биринчидан очилаётган йўлақдан масжид орқали кириш мумкин, ёки бўлмаса шарқий томондаги одатда ёпиқ турадиган иккинчи йўлақ орқали(28) бевосита хонанинг ўзига кириш мумкин. Шу йилнинг баҳорида мен шу йўлдан фойдаландим, чунки масжидда қазилма ишлари олиб борилаётган бўлиб, эшик ёпиқ эди.

Нисбатан кичкина бўлган, шимолий-шарқдан зиёратхонага олиб чиқадиган бир тавақали эшикда маълум бўлган нақш тузилишидан фарқ қиладиган жуда қизиқарли нақшни кўриш мумкин(29). Эшик, айниқса пастки қисмида жуда шикастланган, шунинг учун слайдда нақшни кўриш мушкулроқ. Юқори қисмидаги тўғри бурчакли кўндаланг панел олтибурчаклардан тузилган, ўсимлик фонида қилинган геометрик нақшни кўрсатади. Пастга бориб улар кўф хатига ўтиб, қуйидаги нақшни англатади: "Намоз, лекин ҳукмронлик ва бойлик эмас"(30).

Авлиёнинг кенотафи билан гўрхонасининг ўзи зиёратхонадан 2,5 x 1,35 метр ўлчамли ёғоч панжара билан ажратилган (1334-35 йиллар), у зиёратчиларга кенотаф билан шартли равишда мулоқотда бўлиш имконини беради. Марказда жойлаштирилган олтибурчакли панжарали панел сингари доирасимон юқори майдон, ҳозирги кунда қаттиқ шикаст етган ёзувларга эга (олтибурчакли панел сингари). Тарихий маълумотларга эга бўлмаган ёзувларнинг ўқилиши Шишкин томонидан чоп этилган(31). Гўрхонага ҳозир кўпинча берк турадиган кичкина эшиклар орқали кириш мумкин. Ўртадаги тўсиқ XIV асрнинг 80-йилларга оид деб ҳисобланади, уларга ухшаш намуна, менинг фикримча, Ўрта Осиёда ҳам, Эронда ҳам йўқ(32).

Сўзимнинг охирида, мен Ибн Баттутанинг (1304-78) саёҳатлари ҳақидаги ҳисоботдан парча келтирмоқчиман, у 1333 йилда Самарқандга ҳам борган эди. Шаҳарни таърифлаётганда у Ҳусам ибн Аббоснинг қabri ва унинг безакланиши ҳақида эслаб ўтади. Бу ҳол биз учун алоҳида аҳамият касб этади. Унинг ёзишича: "Ҳусам ибн Аббоснинг қabрини зиёрат қилиш учун ҳар ҳафтанинг душанба ва жума кунлари кечаси бу ерга Самарқанд аҳолиси келади". Удумлар, урф-одатлар ва иморатнинг таърифидан сўнг, у сўзини давом эттиради: "Кенотаф эбен дарахтидан ясалган бўлиб, қимматбаҳо тошлар билан безалган ва унинг бурчаклари кумуш билан ишлаб чиқилган. Қабр устида учта кумуш чироқдон осиб қўйилган(33). Қабрнинг бундай, ўрта асрдаги сайёҳ учун батафсил таърифланиши, биринчидан, муқаддас жойнинг аҳамиятини акс этгирса, иккинчидан, кўпгина саволларнинг туғилишига сабаб бўлади. Аввало, у бутунги кунганча сақланмаган кенотаф ҳақида ёзгани кўзга ташланади. Ибн Баттутанинг 1333 йилда Самарқандга борган вақти бир вақтлар ёғоч кенотаф мавжуд бўлганлигини аниқлаш имконини беради. Бунда гап авлиёнинг дастлабки кенотафи ҳақида бораётганими ёки йўқми, биз билмаймиз. Бироқ Ибн Баттутанинг маърузасидан шундай хулоса келиб чиқадики, шундай муқаддас авлиёнинг кенотафини, агар у эскирган бўлса, алмаштириш мумкин бўлган. Балки янгича ганч билан безалган кенотафни, ёғочдан ишланган эскича кенотафдан яхшироқ деб билишгандир.

Фойдаланилган адабиётлар рўйхати

1. Тўла қамраб олинмаган: L. Golombek - M. Subtelny (ed.): *Timurid Art and Culture. Iran and the Central Asia in the Fifteenth Century. Studies in Islamic Art and Architecture, Suppl. to Muqarnas, vol. VI. Leiden - New York - Köln 1992*; L. Golombek - D. Wilber, *Timurid Architecture in Iran and Turan. 2 vols. Princeton 1988 (=Golombek/Wilber 1988)*; - E. Grube, *Notes on the decorative arts of the Timurid Period, II. in: Islamic Art III, 1989, 175 -208*; B. OfKane. *Timurid Architecture in Khurasan. Costa Mesa, Calif. 1987*; - G.A. Pugachenkova, *Chef-d'oeuvre d'architecture de l'Asie Central XIVe - XVe siècle. Paris 1981*; - W.M. Thackston, *A Century of Princes. Sources on Timurid History and Art. Cambridge, Mass. 1989*. Zu Timur und seiner Zeit siehe T. Nagel, *Timur der Eroberer und die islamische Welt des späten Mittelalters. München 1993*.

2. Th.W. Lentz -G.D. Lowry, *Timur and the Princely Vision. Persian Art und Culture in the Fifteenth Century. Los Angeles 1989 (=Lentz/Lowry 1989)*.

3. Нефритдан ясалган баъзи ишлар: Lentz/Lowry (1989) 142 ff., cat.no. 50-52.
4. Gift of Heber, R. Bishop, 1902, 02.18.765; қаранг: Lentz/Lowry (1989), cat.no. 51, fig. p. 143.
5. Lentz/Lowry (1989), 144, fig. 46.
6. Golombek/Wilber (1988) fig 70.
7. Қаранг: Golombek/Wilber (1988) 255ff., cat.no. 28.fig. 73.
8. Қаранг: Golombek/Wilber (1988) chap. 9.
9. Ҳозирги замон муаллифларининг фикрлари турлича.
10. Қаранг: С.Е. Ратиа. Мечеть Биби Ханум (Москва, 1950).
11. Қаранг: Golombek/Wilber (1988) 262.
12. Lentz/Lowry (1989) zitieren V.V. Barthold, Ulugh-Beg. Four Studies on the History of Central Asia. Trans. V. and T. Minorsky. Leiden 1958. Vol. II. 100f. Қаранг: В.В. Бартольд. О погребении Тимура (J.M. Rogers таржимаси ва изоҳлари), in: Iran 12, 1974, 87.
13. "Зодчество Узбекистана" альбомида тасвир мавжуд (Г.А.-Пугаченкова матни).
14. Энг муҳим ишлар. Lentz/Lowry (1989) 27 f., 17, 20.
15. E.J. Grube, Studien zur Malerei der Timuriden, in: Kunst des Orients 5/1, 1968, Abb. 6-9 (Hinweis von Zick-Nissen).
16. Islamische Kunst. Verborgene Schätze. Ausstellung des Museums für Islamische Kunst, Berlin (Berlin 1986) 131, Kat. Nr. 229, 230.
17. Қаранг: фрагмент. Lentz/Lowry (1989) 211, fig. 74.
18. Қаранг: фрагмент. Lentz/Lowry (1989) 210, fig. 74.
19. Lentz/Lowry (1989) 209, fig. 70.
20. F.R. Martin, Sammlung F.R. Martin. Türen aus Turkestan (Stockholm 1897).
21. Rogers Fund, 1923, 23.67.7; қаранг: Lentz/Lowry (1989) fig. 69.
22. C. Arseven. L'art Turc (1939) pl. 3; қаранг: Lentz/Lowry (1989) 207 f. (fig.), 339 (cat.no.49).
23. Қоҳирадаги Ислон музейида сақланаётган яна бир 11-12 асрга мансуб ёғоч миробнинг тасвири нашр этилган: H. Glück - E. Diez, Die Kunst des Islam (Berlin 1925) Abb. 470 f., 590 (Матн).
24. Қаранг: Les Mosquées de Samarcande, Fascicule I: Gour-Emir. Publié par la Commission Impériale Archéologique. St. Pétersbourg 1905; бир неча эшикларнинг тасвирлари нотўғри ёзувларга эга: L. Bronstein in: Pope, A.U. - Ph. Ackermann: A Survey of Persian Art from Prehistoric Times to the Present. London-New York 1938. Vol. III, 2622 ff., pl. 1468 ff (= SPA III).
25. Тасвирланган: SPA III, pl. 1468.

26. Қаранг: Н.В. Немцева - Ю.С. Шваб монографияси: Ансамбль Шахи-Зинда. Историко-архитектурный очерк (The Shah Zinda complex). Tashkent 1979 (Nemtzeva/Shvab 1979) 128, fig. 166 sowie Golombek/ Wilber (1988) 235, cat.no. 11A.

27. В.М. Филимонов, Древнее резное дерево из комплекса Кусам ибн Аббаса (Old carved wood from the complex of Qusam b. 'Abbas, SZ), в: Искусство зодчих Узбекистана, Академия Наук Узб. ССР (Academy of Sciences) UzbekSSR, Институт Искусствознания Ташкент, 1, 1962, 167-78; В.А. Шишкин. Надписи в Ансамбле Шахи-Зинда (Inscriptions in the Ensemble Shah-i Zindeh), в: Зодчество Узбекистана 2, 1970, 67.

28. Қаранг: Nemtzeva /Shvab (1979) 30, fig. 28.

29. Менга маълум бўлишича, эшик тасвири В.Н. Цазипкин томонидан кичик бўлақлар шаклида нашр этилган. Архитектура Средней Азии, Москва 1948, 81, рис. 55.

30. В.А. Шишкин. Надписи в Ансамбле Шахи-Зинда (Inscriptions in the Ensemble Shah-i Zindeh), в: Зодчество Узбекистана 2, 1970, 49.

31. В.А. Шишкин. Надписи в Ансамбле Шахи-Зинда (Inscriptions in the Ensemble Shah-i Zindeh), в: Зодчество Узбекистана 2, 1970, 49.

32. Қаранг: Nemtzeva/ Shvab (1979) 105, fig. 130 (суратлар остида).

33. Қаранг: Voyages d'Ibn Batoutah. Taxte arabem accompagnй d'une traduction par C. defrémery et Le Dr B.R. Sabguinetti, Tome III. Paris 1949, 53. Яқинда чоп этилган жилдлар: 3 и 4 (H. Gibb, Ed.), The Travels of Ibn Batutta, The Hakluyt Society, Sec. Series: No CXVII. Glasgow 1958 й. булар менда мавжуд эмас; немисча таржимаси К. Pander, Sowjetischer Orient (Köln 1982) 266 И.И. Умяков, Самарқанд (Тошкент, 1958).

БОЙСУНҒУР МИРЗО - САНЪАТ ҲОМИЙСИ, СИЁСАТЧИ ВА ЖАНГЧИ

*Россия Фанлар Академиясининг академиги,
Санкт-Петербург Университети
форс бўлими мудири проф. Олег Акимужкин*

Темурнинг набираси Шоҳруҳ (1447 йил 13 мартда вафот этган) ва Гавҳаршод Офанинг (1457 йил 31 июлда ўлдирилган) учинчи ўғли Гийёсиддин Бойсунғур Мирзонинг шахси (15.07.1397-19.12.1433) маҳаллий шарқшуносларда қизиқиш

уйғотмаган, улар ўзларининг тадқиқотларида Бойсунғурга унчалик эътибор қилмаганлар. Бироқ, Темурийлар авлодининг иккинчи бўғини вакили бўлмиш бу сергайрат ва қобилиятли инсон XV асрнинг биринчи ярмида Эрон маданияти тарихига қўшган ҳиссаси шундай аҳамиятли ва ёрқинки, мумтоз форс адабиёти ва ўрта асрлар маданияти ва санъати тарихчилари унга эътибор бермасликлари мумкин эмас эди ва улар Бойсунғур фаолиятининг фақат шу қиррасига мурожаат қилганлар. Маълумки, Фирдавсий (940-XI асрнинг 20-йиллари) ва унинг "Шоҳнома" асарига, Низомий Ганжавий (1209 йилда вафот этган) ва унинг "Ҳамса" асарига, Хусрав Деҳлавий (1253-1324) адабий мероси ва ижодига, шунингдек, "Ҳирот давраси" шоирларига жиддий тадқиқотларнинг деярли барчасида Бойсунғур Мирзо тилга олинади (у ўз саройида машҳур китобхона ташкил қилиб, унда нодир китобларни яратувчиларни тўплаганлигини айтмасам ҳам бўлади).

Маълумки, Темур (1405 йилнинг 18 февралда вафот этган) ўзи барпо этган империяга шахсий оилавий мулк деб қарар эди. Шунинг учун у тузилган давлатнинг ва шунга мувофиқ, сулоланинг ҳам тақдирини ўз ўғилларидан кўра, кўпроқ набиралари билан боғлиқ деб қараган. Уларнинг таълим-тарбиясига Темурнинг чуқур эътибори ҳам шундандир. Темур ўз набиралари икки ижтимоий тизимда: а) анархияга мойил, фақат зафарли ва омадли йўлбошчи томонидан тизгинда тутиб турилган туркий ҳарбий-феодал кўчманчи тизими, б) маъмурий-давлат расмиятчилигининг мусулмонларга хос анъаналари билан боғлиқ бўлган ўтроқ шаҳар ва қишлоқлар аҳолиси яшайдиган тизимда ҳукмронлик қилиши лозим бўлишини яққол тасаввур қилган. Шунинг учун Темур набираларига таълим-тарбия бериш ишига давлат аҳамиятига эга бўлган масала сифатида қарар, уларни кичиклигиданоқ мустақил ва ягона ҳукмдор мавқесига тайёрлаб борар эди. Барча набиралар бир хил анъана доирасида тарбияланар, уларнинг ҳеч бири бундан мустасно эмас эди. Бунинг сабаби шуки, биринчидан, қонуний меросхўрни эълон қилиш бўйича аниқ ишлайдиган тизим йўқ эди, иккинчидан, ҳар бир набирага олдиндан алоҳида улуш тайёрлаб қўйилган бўлиб, улар шу улуш доирасида ҳукмронлик ваколатларига эга бўлганлар.

Бойсунғур Мирзо бобоси Темур ўрнатган тартиб шарофати билан жуда яхши маълумот олди, унда туркий ҳарбий-кўчманчилик кўникмалари ва ўрта асрларда Эрон шоҳлари саройларида русум бўлган ахлоқий анъаналар мужассамлашган эди: у

ҳам қалам, ҳам турли қуроллар билан муомала қиларди; ҳам шеърятнинг нозик жойларини, ҳам арғумоқнинг афзалликларини биларди; ҳам адабий мунозараларда, ҳам ёппасига ов қилишда иштирок этарди; форс ва туркий тилларда шеърлар ёзар ва ҳарбий юришларда лашкарга бошчилик қиларди; муסיқани жуда яхши тушунар ва олий девонни бошқарарди; муҳаққақ ва сулс ҳуснихати бўйича уста хаттот ва миниатюра санъатининг муҳлиси эди. Афсуски, манбаларда ёзилишича, Улуғбек, Иброҳим Султон ва Бойсунғур Мирзо ўртасида шу масалалар тўғрисида олиб борилган ёзишмаларни тадқиқ этиш учун бизда ҳали ҳам имконият йўқ. Бойсунғур Мирзо мусулмон маданиятида эндигина шаклланиб келаётган янги қатламнинг энг ёркин вакили бўлган.

Шубҳасиз, Шоҳруҳ ўз ўғли Бойсунғурдан Хуросон султонлиги тахтининг меросхўри сифатида умидлари катта эди ва у ҳам ўз навбатида бу умидларни оқлаган. Ўсмирлик чоғлариданоқ (13 ёшида отаси уни ўзининг Ҳиротдаги муовини - қойими-мақоми-он ҳазрат қилиб тайинлаб қўйган) у воқеаларнинг марказида турарди: ё отаси билан Ҳиротда, ё унинг ўрнига ҳукмдор, ё у билан ҳарбий юришларда шерик, ё ўзига ажратилган муҳим топшириқлар бажарувчиси бўлар эди. Унинг бу ҳолатларда қабул қилган қарорлари ва ҳаракатларини ёритувчи манбалар бизни шундай хулосага олиб келадики, Бойсунғур Мирзо сиёсий жиҳатдан дадил, довюрак ва мақсадга интилувчан, инсон ҳаракатларининг сабабларини тушунадиган ва ўзига қобилиятли ёрдамчиларни танлай оладиган раҳбар ва йўлбошчи хусусиятларига эга инсон бўлган. Айнан Бойсунғур Мирзо кейинчалик Ҳусайн Бойқаро (1469-1506) замонида тугал шакланган давлат бошқаруви тизими, яъни икки даражали маъмурий тизим: туркий қабилалар ишлари ва ҳарбий ишлар билан (солиқ солиш ҳам шунга киради) шуғулланадиган амир ёки бек томонидан бошқариладиган олий девон (девони-аъло) ва ўтроқ аҳолидан тушадиган солиқларни ва ҳудудий девонларнинг хазина фаолиятини назорат қилиш билан шуғулланадиган вазир (ёки иккита вазир) томонидан бошқариладиган девондан иборат маъмурий тизимнинг пойдеворини қўйган. Девон маъмурий жиҳатдан девони-аълога бўйсунар эди. Шу туфайли, Бойсунғур Мирзо амири-девони-аъло бўлгани учун, ҳеч қачон вазир бўлмаган. Шунингдек, у Ҳиротнинг фуқаро ҳукмдори ҳам бўлмаган. Бойсунғур Мирзо ўзини ҳарбий саркарда сифатида ҳам намоён қилди. У бошқарган лашкарлар икки марта, 823/1420 ва 832/1429

йилларда, Шоҳруҳ Қора Юсуф ва Искандар Қорақуюнлига қарши курашаётган даврда Табризни ишғол қилганлар.

Тахминан 823/1420 йилда Бойсунғур Мирзо сарой қошида китобхона ташкил қилди ва кейинчалик уни кенгайтирди. Ҳақиқат андозалари бўйича бу китобхона жуда улуғ жой бўлиб, у айнан Темурга хос кўламда яратилган эди, бу ерда энг яхши усталар ўз ҳукмдори учун бадиий жиҳатдан юксак маҳорат билан ишланган қўлёзма китобларни яратганлар. Улардан 17 хил рўйхат бизгача етиб келган ва улар дунёнинг турли мамлакатларида сақланмоқда. Шуниси маълумки, XV аср 20-йилларининг охирида бу ерда 5 та хаттот, 2 та миниатюрachi рассом, 13 та қўлёзма безакчилари (наққошлар), 3 та муқовачи ва нақш услубини махсус ишлаб чиқадиган 2 та уста, ҳаммаси бўлиб 25 киши ишлаган. Китоб усталаридан ташқари, китобхона таркибига меъморлар, қурувчилар ва тўқувчилар ҳам кирган. Шунинг учун китобхона ўз фаолияти ҳажмлари бўйича бадиий-хунармандлик ва қурилиш устахоналарини (корхоналарни) эслатарди.

Манбаларда Шоҳруҳнинг бошқа ўғилларига нисбатан Бойсунғур Мирзо шахсига кўпроқ эътибор берилган бўлсада, уларнинг ҳеч бирида Бойсунғур Мирзони Хуросон султонлигининг расман эълон қилинган, қонуний меросхўри деб юритилмайди. Лекин амалда меросхўр бўлган, отасидан сўнг давлатнинг юқори мансабларида, маъмуриятда, лашкарда юқори мансабларни эгаллаб турган. Шубҳасиз, Бойсунғур Мирзо сиёсий арбоб, раҳбар, лашкарбоши ва санъат ҳомийси сифатида ўз вақтида илми нуҷум ва риёзиётга бўлган қизиқиши билан машхур бўлган Улуғбекдан кам эътиборга сазовор эмасди. Афсуски, Улуғбек ва Алишер Навоийга ўзининг иккита йирик тадқиқот асарини бағишлаган В.В.Бартольд Бойсунғур Мирзога умуман эътиборни қаратмаган.

АМИР ТЕМУР ОБРАЗИ ТАЛҚИНЛАРИ: ҲАҚИҚАТ ВА БАДИИЯТ

*Тошкент шаҳридаги Ҳамза номи санъатшунослик
институтини директори д-р проф. Тўхтасин Гафурбеков*

1. Темур даври мусиқаси

Амир Темур ва Темурийлар даври - ўзбек халқи ҳамда Яқин ва Ўрта Шарқнинг бошқа халқлари мусиқа санъатининг ривожланиши тарихида айниқса муҳим даврдир.

Ўша даврларда халқ мусиқаси ва ҳарбий маросимлар мусиқаси, мумтоз мақом санъати, мусиқий фольклор кетма-кет ривожланиб борган. Мусиқий атрибутлар шон-шавкат ва мардлик тимсоли бўлиб қолган эди. "Мен шундай буйруқ бердимки, - деб ёзади Амир Темур ўз тузукларида, - агар амирларимдан бирортаси бирор мамлакатни босиб олса ёки рақиб лашкарини енгса, унга уч хил мукофот берилади, булар: фахрий ёрлик, байроқ ва ноғора, баҳодир деб эълон қилишдир"¹⁰.

Унинг кетидан Амир Темур яна шундай дейди: "Мен ўн икки амирдан ҳар бирига биттадан байроқ ва биттадан ноғора, кичик туғ ва чортуғ, мингбошига - бир туғ ва ноғора, юзбоши ва ўнбошига - биттадан катта ноғора, аймақларнинг амирларига - биттадан бурғу (сурнай), тўрт бегларбегининг ҳар бирига биттадан байроқ, ноғора, чортуғ ва бурғу беришларини буюрдим"¹¹.

Шундай қилиб, халқнинг сеvimли мусиқа асбоблари қонуний равишда ҳукмдорларнинг ижтимоий мавқеи тимсоли сифатида тан олинган эди.

Амир Темур давридаги бой маънавий муҳит мусиқа санъатининг асосий йўналишлари: чолғучилик ва ижрочилик, бастакорлар ижоди, шунингдек, мусиқа ҳақидаги фаннинг ривожланишига кенг имкон берди. Мусиқачиларни касбга ўргатиш бўйича санъатнинг бошқа турларида ҳам қабул қилинган "устоз-шоғирд" тизими мукамал ишлаб турарди. Бу нарса фақат Самарқандда, Амир Темур қошидагина бўлмай, балки унинг меросхўрлари Шоҳруҳ, Улуғбек, Ҳусайн Бойқаро ва Бобурлар даврида, Бухоро, Хива, Ҳирот, Балх, Қобулда ҳам давом этди.

Ўрта аср шаҳарлари анъанасига кўра, кишилар ўз ҳунарига кўра турли даҳаларда истиқомат қилардилар. Бу мусиқа санъати арбобларига ҳам тегишли бўлиб, улар "қўшиқчилар кўчаси", "мусиқачилар даҳаси", "бастакорлар маҳалласи" кабиларда яшаганлар. Ўз ишининг йирик усталари ўзларининг ижодий мактабларини барпо этишган.

Ажойиб мусиқий таълим олган ва ўз вақтида мусиқий асарлар яратган Алишер Навоий ўзининг "Сабъаи-сайёр" достонида у мусиқа санъати бўйича мураббийсини устозлар устози мартабасига кўтаради:

Санъатим анда соз чолмоқ иши,
Билмайин мен киби ишимни киши.

¹⁰ Темур тузуклари. Тошкент, 1991 йил. 80 б.

¹¹ Темур тузуклари. Тошкент, 1991 йил. 82-83 б.

Илми адвору фанни мусиқий,
Мендин ул илм аҳли таҳқиқий.
Элга таълим этмоқ вирдим,
Кимки устои қавм шогирдим.¹²

Темурийлар даврида яшаб ўтган мусиқа билимдонларидан бири Абдурахмон Жомий эди. У "Рисолаи-мусиқий" ва бошқа қатор машҳур асарлар муаллифидир¹³.

Жомийнинг рисоласи муҳим назарий аҳамиятга эгадир. У икки қисмдан: "Илми-таълиф" (Композиция фани) ва "Илми-иқа" (Мақом фани)дан иборат. Жомий, шунингдек, мусиқанинг келиб чиқиши тўғрисида, "мусиқа" сўзининг келиб чиқиши тўғрисида, шу санъат турининг вазифалари тўғрисидаги анъанавий саволларни таҳлил қилишга кўп эътибор берди.

Қатор ҳолларда Жомий ўтмишдаги мусиқий тажрибага, Абу Наср Форобий номига таянади. У 20 дан ортиқ усулларни таърифлайди ва уларни яратишда чегара йўқлигини, истаган киши ўз усулини яратиши мумкинлигини таъкидлайди. "Рисолаи-мусиқий" бошқа асарлардан шуниси билан ажралиб турадики, унда ижрочилар ва бастакорларнинг ўзига хослиги юқори баҳоланади.

Тез ривожланиб бораётган мусиқий амалиёт, ижодий жараён буюк мусиқа арбобларининг пайдо бўлишига олиб келди.

Уларнинг ичида энг нуфузлиси - Хўжа Абдулқодир Мароғий бўлган (1340-1435). Амир Темур бу мусиқачининг гайриоддий мусиқий қобилиятлари ҳақида эшитиб қолиб, уни Бағдоддан Самарқандга кўчириб олиб келди. Бу ерда Мароғий ижрочилик ва бастакорлик фаолияти билан шуғулланган.

Мароғий бастакор сифатида 200 дан ортиқ асарлар, шу жумладан, кўп қисми туркум асарлар ва усуллар: "Зарб-ал-фатҳ", "Чаҳор зарб" ни яратди, шунингдек, "Таснифи-Хўжа Абдулқодир", "Амали-тарона", "Амали-бўстон", "Амали-гулистон", "Амали-харистон" каби мақомларга янги бўлимлар киритди. Афсуски, бизгача бу асарларнинг фақат номларигина етиб келган, холос.

Абдулқодир Мароғийнинг "Гина ва алҳон", "Мақосид-ал-алҳон", "Жавоме ал-алҳон", "Канз ал-алҳон" ва "Шарҳ-ал-адвор" каби мусиқий назарий асарлари яхши маълум. Бу асарлар XIII-XV асрлар мусиқа санъатини ўрганишда, шунингдек, Марказий Осиё халқлари мусиқа атамаларини аниқлашда катта аҳамиятга

¹² Алишер Навоий. *Сабъи-сайёр*. Тошкент: 1979.

¹³ Абдурахман Джами. *Трактат о музыке/ Пер. с перс. Болдырева А.Н., коммент. Белеева В.М.* Ташкент, 1960.

эгадир. Ўзидан олдин ўтган мусиқашунослардан фарқли равишда (Сафоаддин Урмавий, Аш-Шерозий), Мароғий ритм, мелодика ва асбобшунослик масалаларини ҳам сифат, ҳам сон жиҳатидан анча кенг тадқиқ этган.

Мусиқа Алишер Навоийнинг ҳаёти, фаолияти ва ижодида алоҳида ўрин тутади. Унинг таҳаллуси ҳам "наво" мусиқий ата-масига яқин. Навоий "Мажолисун-нафоис" асарида ўзининг мусиқа ўргатувчиси - машҳур бастакор Хўжа Юсуф Бурхонни эҳтиром билан тилга олади: "У барча сўфийларнинг боши эди. У мусиқа санъатини яхши билар эди, мен бу борада унинг шогирдиман. Кўпинча у ўз шеърларига куй басталар эди"¹⁴. Навоий Хўжа Юсуф Бурхоннинг мақом санъатига ҳам алоқадор эканлигини маълум қилади.

Навоий бутун умри давомида мусиқа санъати вакиллари орасида яшаган. Уларнинг орасида амакиси Муҳаммад Али Ғарибий¹⁵, бастакорлардан Абдулло Марварид, Ҳофиз Шарбатий, Паҳлавон Муҳаммад, кўшиқчилардан Мавлоно Айний, Ҳофиз Қозоқ, чолғучилардан Хўжа Камолитдин Удий, Али Кармал, Хўжа Абдулло Садр, мусиқа ва мақом тўғрисидаги асарлар муаллифларидан Жомий, Биноий, Мавлоно Салимий ва Мавлоно Риёзийлар бор эди. "Мажолисун-нафоис"да Алишер Навоий уларнинг ҳар бирини, шунингдек, Амир Темур ва Темурийлар даври мусиқа санъати бошқа кўпгина арбобларини кенг тавсифлайди, алоҳида мусиқа асарларининг таърифини келтиради. Амир Темур, Шоҳруҳ ва яна йигирмата Темурийларнинг образларини яратар экан, Навоий уларнинг ҳар бирининг албатта санъатга ва фанга берилганлигини таъкидлайди. Масалан, Бойсунғур Мирзони (Шоҳруҳнинг учинчи ўғлини) таърифлашда у шундай ёзади: "Унинг истеъдоди жуда таъсирчан, қобилиятлари ҳам ажойиб, ҳукмдорлик ишида камбағалларга шафқатли ва саҳий. У фанларни ва санъатни севади, у санъаткорларнинг ҳомийси. У шеърятга ҳам мойил ва баъзан шеър ёзиб туради"¹⁶.

"Бобурнома" асарида Навоийнинг мусиқий ижодга бўлган бевосита муносабати ҳақида маълумотлар берилган. У "нақши"лар (вокал-чолғу асарлари) ва "пешрав"лар (чолғу композициялари) яратган. Бундай ижодий фаолият - мураккаб мусиқа асарларига мурожаат қилинганда кам учрайдиган ҳол.

¹⁴ Алишер Навои. Соч. в 10 т. Т. IX. Ташкент, 1970. С. 47.

¹⁵ Алишер Навои. Соч. в 10 т. Т. IX. Ташкент, 1970. С. 59.

¹⁶ Алишер Навои. Соч. в 10 т. Т. IX. Ташкент, 1970. С. 150.

Дарвиш Али Чангий шуни маълум қиладики, ўша даврда унга маълум бўлган усуллардан баъзилари Улуғбекка, 12 таси Ҳусайн Бойқарога, 7 таси Алишер Навоийга тегишли бўлган экан. Шунинг учун, XV асрнинг охири ва XVI асрнинг бошларига мансуб бўлган, "Ҳамса" саҳналари акс эттирилган китоб миниатюраларида энг кўп мусиқа чолғу асбоблари: сато, гижжак, чанг, уд, най, доира, танбур акс эттирилган.¹⁷

Навоий шеърлари мусиқий атамалар билан (туз, кўргуз, тут, эт, қил каби), Амир Темур ва Темурийлар давридаги мусиқий жанрлар номлари билан (пешрав, савт, нағма, нақш, кўшиқ, суруд, чангу каби) ва мусиқий ясама сўзлар билан (наво, навосоз, навобахш, навогар, дostonнавоз каби) суғорилган.

Амир Темур ва Темурийлар даври чолғу асбобларнинг турлитуманлиги билан ажралиб туради. Масалан, торли чолғу асбобларидан бўлган уд (ўзи ясалган дарахт номидан олинган, Европада шундай асбоб "лютю", "лютня" деб аталган) мусиқий назарияда интерваллар, тетра пентахордлар ва товуш қаторларини аниқлаш учунгина эмас, балки яккахон ва гуруҳ ижрочилиги амалиётида ҳам қўлланилган.

Бу даврда танбур бутун мақом тизими ва мақом ижрочилиги тизими - мақомлар чолғу қисмининг яккахонлик интерпретацияси ва уларнинг вокал қисмига дойра билан биргаликда жўр бўлиш тизимининг таянчига айланди.

Ҳарбий маросимлар ва сарой маросимлари учун, оммавий-маиший маросимлар учун хизмат қиладиган, амалий йўналишдаги чолғу ва вокал-чолғу гуруҳлари шакллана бошлади.

Амир Темур мусиқадан таралувчи ҳиссиётли қувватдан ўринли фойдаланган. Замондошларининг айтишларича, Амир Темур тез-тез ўтказилиб турадиган тантаналарда кўшиқчи ва чолғучиларни диққат билан тинглар, янги мусиқий асарга тегишлича баҳо берад экан. Унга фақат меросхўрлари эмас, балки аъёнлар ҳам тақтид қилган эканлар.

Амир Темурнинг баъзи кичик аҳоли пунктларини ярим кечада, ҳамма ухлаган вақтда бирдан янграган, қулоқни қоматга келтирувчи карнай ва ноғора овозлари билан ишғол қилган пайтлари тарихда қолган. Амир Темурнинг мусиқага бўлган иштиёқи миниатюраларда акс эттирилган, уларда ҳарбий юришлардан лавҳалар билан бир қаторда турли чолғу асбоблари кўзга ташланади.

¹⁷ Алишер Навоий асарларига ишланган миниатюралар. Муаллиф-тузувчи Ҳамид Сулаймон. Тошкент, 1981.

Амир Темур ва Темурийлар саройларига кираверишда дарвозалар тепасида махсус ногорохоналар қурилар, уларда сарой чолғучилари гуруҳи мусиқа чалар эди. Бу гуруҳ раҳбарини ҳукмдорнинг ўзи тайинлаб қўяр, у асосан ногорачи ёки сурнайчи бўлар эди. Бундай гуруҳлар турли халқ байрамлари ва тантаналарда ишгирок этар эдилар.

Али Яздийнинг "Зафарнома" асари қўлёмасида, Жомий, Навоий, Бобур асарларига атаб чизилган миниатюраларда катта ва кичик чолғу гуруҳлари акс эттирилган.

XIV-XV асрларнинг мусиқа маданияти ҳақида аниқ маълумотлар битилган турли манбаларда кўрсатилишича, у жонли, динамик бошланиш устуңлиги билан ажралиб туради. Бу ўша даврнинг йирик дурдонаси - "Шашмақом" ҳолиг мақомлар туркумининг шаклланиши учун асосий пойдевор бўлди.

Албатта, асрлар бўйи мавжуд бўлиб келган бир ижодий туркумнинг бошқасига айланиши - мураккаб жараён. XII-XIII асрларда шаклланган "Дувоздаҳмақом" айнан Амир Темур ва Темурийлар даврида айниқса бир текис амал қилган. Бу ҳақда, қисман, Абдулқодир Мароғий, Абдурахмон Жомий ва Зайналобиддин Хусайний қаламига мансуб мусиқий рисоалар гувоҳлик беради. XIV асрдан бошлаб "Шашмақом" туркуми қизгин шаклланиб боради. У "Дувоздаҳмақом"ни инкор қилмайди, балки, аксинча, унинг баъзи мақомларини ўз таркибига олади.

"Дувоздаҳмақом" аввало Яқин Шарқ ва Ўрта Шарқ маданиятига хос бўлган. Амир Темур ва Темурийлар даврида миллий хусусиятларга эга бўлган алоҳида туркум асарлар ундан ажралиб чиқди. Дастлабки туркумга нисбатан улар конструктив-композицион ва ҳажмий жиҳатдан бирмунча эркинроқ эди: булар 12 та араб мақомлари, 12 та уйғур муқомлари, 7 та эрон дастгоҳлари, 7 та озарбайжон муқомлари, 6 та ўзбек ва тожик мақомларидир.

Ўз навбатида бу туркумларнинг ҳар бири ўз ичида дастлабки манбанинг миллий талқинларини келтириб чиқаради. Масалан, ўзбек мақомлари ичида Хоразм мақомлари, Фарғона-Тошкент мақомлари туркуми ва бир қатор чолғу куйлари шаклланган.

Мусиқий ижодиёт ва ижрочилик санъати барқ уриб ривожланган Амир Темур ва Темурийлар даври авлодларга мусиқа ҳақида қатор ноёб рисоаларни қолдирди. Масалан, Зайналобиддин Хусайнийнинг форс тилида Навоийга атаб ёзилган "Қонун-и-илмий ва амал-и-мусиқий" асарини олайлик. Бу асар шуниси билан эътиборга лойиқки, муаллиф ўзбек аёллари орасида айниқса урф бўлган чолғу асбоби - дугорнинг тўлиқ илмий таърифини келтиради.

Ўша даврнинг йирик олими ва чолғучиси Нажмиддин Кавкабий (1480-1535) ўздан иккита йирик асар қолдирган. Бу - "Рисола-и-муסיқий" ва "Рисола-и дар баёни Дувоздаҳмақом" асарларидир. Кавкабий оҳанглар классификацияси соҳасида, шунингдек, муסיқа ҳақидаги фаннинг мураккаб масалаларини шеърый шаклда бериш соҳасида биринчи бўлган.

XVI асрнинг охири-XVII асрнинг бошларида яшаб ижод қилган машҳур муаллиф Дарвиш Али Чангийнинг кўпинча "Рисола-и муסיқий" деб аталадиган "Тухфат-ус-сурур" асари Темурийлар даврининг нуфузли манбалари сирасига мансубдир.¹⁸ Бу рисола ўн икки асрдан ортиқроқ даврни ўз ичига олади ва кўпгина бастакорлар, кўшиқчилар, чолғучи-муסיқачилар ва уларнинг ҳомийлари ҳақида, жумладан, Амир Темур ва Темурийлар ҳақида бебаҳо маълумотлар беради. Масалан, Амир Темур ва Абдулқодир Мароғий ўртасидаги муносабатлар ҳақидаги ҳикоя жуда қизиқарли: Мароғий Куръонни яхши қироат билан ўқий олгани учун қатл қилинишдан қутулиб қолган экан. Ёки Амир Темурнинг икки набираси - Бойсунғур Мирзо ва Иброҳим Мирзо ўртасида ўша замоннинг машҳур чолғучиси ва бастакори Хўжа Юсуф Андижоний туфайли келиб чиққан нифоқ тафсилотлари ҳам жуда қизиқ.

Шундай қилиб, Амир Темур ва Темурийлар даврида барча ижтимоий қатламларда маънавиятнинг гуллаб-яшнаши мақом санъати ва бастакорлар ижодининг ривожланиши, ижрочиларни тайёрлаш тизимининг мустаҳкамланиши, муסיқа фани соҳасида йирик рисолалар яратилиши учун асос бўлди.

2. Амир Темур образининг Европада талқин этилиши: ҳақиқат ва бадийят

Темур давридан кўп асрлар олдин, қадим замонда, Европа цивилизациясининг нақ марказида - антик Румда биринчи бор: "Lux viene del l'oriente!" ("Ёруғлик Шарқдан таралади!") деган сўзлар янграган эди.

Ҳозир бу сўзлар кимга тегишли эканини аниқлаш қийин, лекин уларнинг маъноси ҳақиқатан ҳам башорат бўлиб чиқди: чунки Европа маданияти ва санъатининг бундан кейинги ривожланиши у ёки бу даражада Шарқ билан боғлиқдир.

Шу кунларда, инсоният фақат янги аср эмас, иккинчи минг йиллик бўсағасида турган бир пайтда, қадимги Рум ҳикматининг

¹⁸ Дарвиш Али Чангий. Трактат о музыке/ Пер. с перс. Рашидовой Д. Рукон., 290 с. Ташкент, 1989. Биб-ка НИИ искусствознания им. Хамзы, инв. № 879.

тарихий ҳақиқати бадий асарларнинг аниқ мисолларида тўла тасдиқланмоқда. Асримиз бошидаёқ замонавий мусиқанинг асосчиларидан бири Игорь Стравинский, Европа бастакорлигининг инқироздан чиқиш йўллари ҳақида мулоҳаза қилиб, худди ўшарум ҳикматини ҳаммага эшиттириб айтди: "Ёруғлик Шарқдан таралади!" Унинг кетидан олифга Клод Дебюсси индонезияликларнинг гамеланида фавқуллодда озонлаш кучини кашф қилди, Оливье Мессиян ҳинд оҳангларидан ўз ижодининг доимий таркиби сифатида фойдаланди, Пьер Булез Шарқ мусиқасида услубий янгиланишнинг чексиз имкониятларини кўра олди. Анъанавий шарқ мусиқаси, шеърят ва эътиқодидан манба сифатида фойдаланиш натижасида Отторино Респиги ва Луиджи Ноно (Италия), Густав Малер (Австрия), Кароль Шимановский (Польша), Бенжамин Бриттен ва Гренвил Банток (Англия) ижодларида тубдан ўзгаришлар юз берди.

Европа бастакорларининг узоқ империя ҳукмдори, фақат Марказий Осиёни эмас, балки Европани ҳам туркийлар таҳдидидан озод қилган қудратли саркарда бўлмиш Буюк Темур (европалликлар учун Темурланг) образини мусиқада гавдалантириш учун қилган биринчи уринишлари айнан юқорида айтиб ўтилган жараённинг бошланиши вақтига тўғри келади. Шунини қайд этиш лозимки, бугунги кунда Европа маданиятининг бу соҳаси ҳали ўрганилмаган.

Улуғ бобомиз образини итальян ва немис бастакорлари айниқса изчил гавдалантириб борганлар. Бу мавзунинг асосчиси деб Неаполь опера мактабининг вакили, опер-серия (ва опер-буфф) устаси Алессандро Скарлаттини айтса бўлади (1660-1725). Унинг 125 дан ортиқ опералари ичида биз опер-серия услубида ёзилган, 1706 йилда Румда сахнага қўйилган ва муаллиф томонидан "L'gramm Tamerlano" ("Буюк Темурланг") деб аталган асарни учратдик. Шуниси муҳимки, Скарлатти Амир Темур образига мурожаат қилганда унинг ижоди шуҳрат чўққисидан бўлиб, бунгача у ўнлаб опера партитураларини ёзган эди. "Буюк Темурланг" операсининг премьераси Румда бўлиб ўтганлиги ҳам муҳимдир, чунки А.Скарлатти раҳбарлик қилаётган Неаполь опера мактаби билан Рум опера мактаби ўртасида маълум даражада рақобат мавжуд эди.

Опер-буфф услубида яратилган, марказида Темур образи бўлган кейинги опера Неаполь опера мактабининг бошқа вакили - Леонардо Лео (1694-1744) қаламига мансубдир. У ўз операсини "Боязид, Туркия императори" деб номлади. Премьера 1722 йилда Неаполда бўлиб ўтди. Леонардо Лео барча қаҳрамонларнинг

образларини (Боязид, Темур) ўзига хос буффонада шаклида талқин этган. Бизга манбалардан маълум бўлишича, бу опера Л.Лео ижодидаги энг яхши асар экан.

Амир Темурни ўз асарларига бош қаҳрамон қилиб танлаган машҳур итальян бастакорлари қаторига Николло Порпора (1686-1768) ҳам қиради. Унинг "Темурланг" операси 1730 йилда Туринда саҳнага қўйилган. Бу асар Николло Порпоранинг экзотик опер-серия асарлари қаторидан ўрин олган ("Василий - Шарқ хукмдори", 1713, Неаполь; "Камилланинг тантанаси", 1740, Неаполь ва б.). Темур образини буюк Антонио Вивальди ҳам четлаб ўтгани йўқ. "Темурланг" операси (1735, Верона) унинг ижодида бурилиш ясаган асарлардан биридир.

XVIII-XIX асрлар оралигида яна икки италиялик - Антонио Саккини (1730-1786) ва Антонио Сапиенца (кичиги, 1794-1855) "Темурланг" деб бир хил номланган икки операни яратдилар. Шуниси қизиқки, иккала асар ҳам биринчи бор Италияда эмас, ундан анча нарида саҳнага қўйилган. Саккини ўз операсини 1773 йилда Лондонда, Сапиенца эса 1828 йилда Петербургда саҳнага қўйдилар.

Шундай қилиб, Амир Темур образига бўлган қизиқиш Италияда изчил давом этган, бу эса Темур образининг талқин этилишидаги кетма-кетликка ишорадир.

Немис мусиқа маданиятида Амир Темур образининг акс эттирилишига ягона мисол - Георг Фридрих Генделнинг (1685-1759) "Темурланг" операси партитурасидир. Опера немис миллиятига мансуб италиялик антрепренер Николло Франческо Хайм (1679-1729) либреттосига ёзилган. Бу опера ўзида опер-серия ва катта мусиқа драмаларнинг ўхшаш хусусиятларини мужассамлаштирган.

Георг Генделнинг "Темурланг" операси яратилиш вақти унинг 1724 йилда Лондонда премьераси бўлиб ўтган машҳур "Юлий Цезарь" операсининг яратилиш вақтига яқин. Биздаги маълумотларга қараганда, "Темурланг" операсини Гендель ўша йили 31 октябрда ёзиб тутатган, лекин унинг саҳнага қўйилиши бирмунча чўзилиб кетган.

Георг Генделнинг мусиқасини, ҳатто Темур, Боязид ва бошқа қаҳрамонларнинг энг ишонарли арияларини тинглар экансиз, хаёлингизга шундай савол келади: немис бастакори шарқий, аниқроғи, туркий оҳанглар руҳига қанчалик кириб борди экан? Умуман, у ўз олдига шу мақсадни қўйганмиди? Йўқ десак, бу нотўғри ва бастакорга нисбатан ҳурматсизлик бўлади, чунки Темур ҳақидаги опералардан олдин у ўзининг "Радамисто" операси-

да (1720) фракияликлар ва арманлар мусиқаси колоритига, "Юлий Цезарь"да эса - миср фольклорига тақлид қилишга уринган эди.

Операнинг партитураси (1876 йилда чоп этилган) ва клавири (Херман Рот томонидан тайёрланиб, "Брайткопф ва Хартель" нашриётида чоп этилган) бўйича дастлабки таҳлил шуни кўрсатдики, масалан, қатор саҳналарда (операнинг биринчи актида 9 та, иккинчи актида 10 та ва учинчисида 10 та саҳна бор) Вена классик мактабига хос бўлган, европалик тингловчига фақат туркийларнинг ҳарбий мусиқасини эмас, балки умуман Шарқ мусиқаси оламини эслатувчи "яничарлар" мусиқа элементлари мавжуд экан.

Темурлангнинг соль-минор тоналлигидаги (чембало билан) иккинчи арияси айнан шундай намоён бўлади. У биринчи актининг 11-саҳнасига тўғри келади. Бош қаҳрамон ва оркестр ўртасидаги айтишувлар, "масофадаги" катталаштирилган сониялар, III босқичдан пасайиб бориб, VII босқичгача кўтарилиб бориш - буларнинг ҳаммаси кейинчалик Европа бастакорларининг, то Иоганн Штраус (кичиги) гача, "туркий ва форсий" йўналишдаги асарлари учун (айниқса маршлар учун) ўзига хос белгиси бўлиб қолди.

Албатта, немис бастакори аллақандай "тартар хони" тўғрисида (либреттода шундай ёзилган), ҳақиқатда бўлиб ўтган воқеалардан 324 йил ўтгандан сўнг (1400) яратган операдан тарихий ҳаққонийликни кутиш қийин. Шу сабабли, оригиналда Амир Темурга 64-ёшли ҳукмдорга мос келмайдиган овоз (альт) берилганлигини ҳам тушуниш мумкин. Бунда опера бош қаҳрамонининг севги-муҳаббатга интилиши романтик, ҳатто гипербола шаклида берилганлиги тушунилади.

1925 йилда операнинг клавираусцугини нашрга тайёрлаган Херман Ротт ҳам буларни яхши тушунган бўлса керак. У операнинг номига аниқлик киритди ("Тамерлано" эмас, "Тамерлан"), марказий персонажнинг ғайритабiiй юқори альтдан бас-баритонга ўзгартирди, либреттога купюралар киритди.

Бугун биз нафақат Ўзбекистонда, балки бутун дунёда Амир Темур шахсига нисбатан тарихий ҳақиқатнинг ғалабасига гувоҳ бўлиб турибмиз. Буюк Гендель операси қайта туғилишни бошдан кечираётган экан, бу мусиқага янада диққат билан кулоқ тутмоқ, турли мамлакатлар бастакорларининг улуғ аждодимизга бағишланган асарларига янгича ёндошмоқ керак.

"ҲУКМДОР АМИР ТЕМУР - ҲОЗИРГИ ЗАМОН МАРКАЗИЙ ОСИЁСИ УЧУН САВОҚ ВА АҲАМИЯТ" МАВЗУСИДА ДАВРА СУҲБАТИ

Конрад Аденауэр Фондининг минтақавий мухтор вакили Вольфганг Шрайбер шуни айтиб ўтдики, симпозиум кўриб чиқиш учун икки асосий объектни аниқлаб олди: бу Амир Темури шахси ва унинг замонавий мустақил Ўзбекистон учун аҳамиятидир. Амир Темури кўп жиҳатдан Европа учун "нотаниш" бўлиб қолмоқда. Манбаларни мунтазам ва чуқур ўрганиб бориш зарур.

Амир Темури улкан давлатни усталик билан бошқарган, фуқароларнинг фаровонлиги ҳақида қайғурган, қонунарга қаттиқ риоя қилган ҳукмдор эди. Асрлар ўтди, лекин Шарқ ва Ғарбнинг жўғрофий-сиёсий мақсадлари ўзгармади. Амир Темурнинг сиёсий, иқтисодий ва ижтимоий муаммоларни ҳал этиш тажрибаси ҳозирги Марказий Осиё давлатлари томонидан фаол қўлланилиши лозим.

Даҳрийлик тузуми емирилгандан сўнг одоб, ахлоқ ва эътиқоднинг ўзаро муносабатини тушуниб етмоқ зарур. Ғарбий демократия Ўзбекистон учун тўғри келмайди, ўз идеалларини топмоқ ва уларга интиломоқ керак. Бу борада тарихий намуналарга мурожаат қилинса, фойдали бўлади.

Д-р проф. Юрген Пауль эътиборни шунга қаратдики, адолат тушунчаси Амир Темури учун катта аҳамиятта эга бўлган. Унинг тушунишича, бу ахлоқий тоифа ҳукмдорга хос бўлиши керак. Агар ҳукмдор адолат қонунарига риоя қилмаса, у мамлакатни бошқара олмайди. Европада эса ўрта асрлардан бошлаб ҳоким ва вассал ўртасида, қирол ва шаҳарлар ўртасида шартнома муносабатлари шаклланиб борган. Бундай ёндошиш натижасида адолат ҳукмдорнинг фазилати эмас, давлат институти бўлиб қолди. Ҳозирги Марказий Осиё давлатлари адолат тушунчасини ҳам раҳбарнинг фазилати, ҳам ҳуқуқий давлатнинг сиёсий дастури деб қабул қилишлари мақсадга мувофиқ бўлади. Иккинчи кўринишдаги адолат маъносида шахс иккинчи ўринга сурилади.

Д-р проф. А.Аҳмедов Амир Темури шахсининг баҳоланишига қайтиб, битта манбага таяниб қолмасдан, уларнинг ҳаммасини қиёслашни таклиф қилди. Масалан, де Клавихо Амир Темурни Хитойга юришни бошлаш арафасида ёши ўтиб қолган, мункайган киши деб тасвирласа, Ибн Арабшоҳ Амир Темурнинг жисмоний ҳолатини аъло деб баҳолайди. Балки, Амир Темури йирик ҳарбий юришдан олдин ўзини бемор қилиб кўрсатиши керак бўлгандир. Ёки, бошқа мисолни олайлик. 1941 йилда Амир Темури

қабри очилганда, тадқиқот материаллари шуни кўрсатдики, унинг ўнг қўли ва оёғи қуриб қолган. Лекин бошқа манбаларда ёзилишича, Амир Темур 60 ёшигача ўзи тоғларда юрган, фақат умрининг охиридагина уни махсус замбилда олиб юришган. Ўнг қўли ва оёғидаги жароҳат унга ўн йилдан сўнг ҳам камондан ўқ узишга халал бермаган. Айтишларича, Амир Темурнинг ўнг қўлида иккита бармоғининг бўғинлари йўқ бўлган экан, лекин у умрининг охиригача қиличини қўлдан қўймаган.

Амир Темурнинг шафқатсизлигига ҳам сабаб бор. Энг яққол мисол - Исфаҳон аҳолисининг қириб ташланишидир. Бу воқеа таърифланаётганда шаҳар урушсиз таслим бўлганини, аҳоли Амир Темур лашкарига нон ва бугдой беришни ваъда қилганини унутиб қолдирилади. Уч ярим минг қурооланмаган аскарлар шаҳарга кириб бордилар ва ўлдирилдилар. Фитначилар томонидан гиж-гижлаб турилган шаҳар аҳолиси бу жиноятда фаол ишгирок этди. Амир Темур ўз аскарларининг ўлими учун бешафқат қасос олди. Кўп ҳолларда бешафқатлик лашкарбошиларнинг мағлуб бўлган рақибидан ўч олиш иштиёқи туфайли келиб чиққан. Дехида бир неча минг асирларнинг қатл қилиниши амирларнинг қатъий талаби билан амалга оширилган. Бундай бешафқатлик ўша давр учун хос эди. Самарқандни ишғол қилган араблар битта ўлдирилган шаҳарликнинг боши учун 10 динар ҳақ ўўлаганларини эсга олайлик. Ўшанда ўн мингта яқин туркийлар ва сўғдийналиклар ўлдирилган эди.

Д-р проф. Тельман Нагель Амир Темур шафқатсизликни қандай тушунганлигини аниқлаб берди. Амир Темур учун бутун дунё икки қисмга - бўйсунган, тинч мамлакатларга ва душманларга бўлинган. Душманлар билан бешафқат муомала қилса бўлади, чунки уларнинг ҳеч қандай ҳақ-хуқуқлари йўқ. Амир Темур бутун дунёни ўзига бўйсунган, тинч мамлакатлардан иборат бўлишини орзу қилган.

Д-р А. Бердимуродов Амир Темурнинг кўп сонли ҳарбий юришлари тўғрисида гапирганда уларнинг сабаблари ҳақида ҳам унутмаслик керак, деб ҳисоблайди. Масалан, Тўхтамиш ёки Боязидга қарши юришларга сабаб - уларнинг тажовузкорлиги ва душманлик ниятларидир. Эронга қилинган юриш шу мамлакат халқининг ихтиёри билан амалга оширилган.

Д-р проф. К. Саидов шундай деди: ғарб олимларининг маърузалари фикрлаш учун яхши материал бўлди. Ўзбекистон олимлари Амир Темурнинг ҳолис қиёфасини яратишга интиломқдалар. Унинг тараққийпарвар ишлари айниқса қизиқиш уйғотмоқда. Ўтмишда Амир Темур ҳақида жуда кўп салбий фикрлар айтилган.

Лекин биз ҳеч кимни идеаллашгирмоқчи эмасмиз. Масалан, Буюк Британия элчиси Амир Темур шахси ҳақида фақат салбий маълумотлар билан таниш, ваҳоланки, у ҳақда кўп мақтовларни келтириш мумкин. Иккаласи ҳам хато. Буюк тарихий шахсни фақат тарихий ҳақиқат нуқтаи назаридан, ўша замон воқелигини ҳисобга олган ҳолда баҳоламоқ керак.

Тарих фанлари номзоди А.Зиёев этник масалага муурожаат қилди. Туркийлар Мовароуннаҳрда қадим замонлардан бери яшаб келганлар. Уларнинг қабилалари катта ерларни эгаллаган, кўчманчи бўлиб яшаган, лекин уларнинг орасида ўтроқ яшайдиган қисми ҳам бўлган. Ўзбекистон Республикаси Фанлар Академияси Шарқшунослик институтида миқтақанинг этник тарихи устида тадқиқотлар олиб борилмоқда.

Амир Темур шахсининг ҳолис баҳоланиши масаласига қайтсак, албатта, олимларни турли манбаларни ўрганишга қайта-қайта даъват қилиш лозим. Амир Темурнинг бешафқатлигига ҳадеб эътиборни қаратавериш нотўғри, ўша замонда ҳамма шундай қилган. Черняев Самарқандни қандай ишғол қилганини эслайлик. Агар ўша пайтда самолётлар бўлганда, шаҳардаги кўҳна ёдгорликлар қай аҳволга тушган бўлар эди - биз билмаймиз.

Ўзбекистон халқи ўзининг буюк аждоди билан фахрланади. У бизга янги адолатли жамиятни қуришимизда куч бағишламоқда. Ўз тарихимизга, анъаналаримизга таяниб, дунё тажрибасини ҳисобга олган ҳолдагина, юксак мақсадга эришишимиз мумкин.

Д-р проф. Г.Аҳмаджонов гарбда Амир Темурни фақат босқинчи деб тан оладиган кишиларнинг фикрига қарши чиқди. Ҳеч бир мамлакатнинг тарихи босиб олишларсиз бўлмайди. АКШда ҳиндуларнинг ерлари босиб олиниб, ерлик аҳолининг ўзи аста-секин резервацияга кўчириб юборилган. Бисмарк Германияни ҳарбий чоралар ёрдамида бирлаштирган. Наполеон мамлакатлар ва халқлар истилочиси сифатида тарихга ёзилди. Тарихий шахсни баҳолашда энг муҳими - унинг мустақиллиги, мақсадлари ва ижобий ишларидир. Амир Темурнинг энг катта хизмати - буюк марказлашган давлат тузилишидадир.

Баъзида шундай савол келиб чиқади: нима учун Амир Темур Европа мамлакатларини ёки Россияни босиб олмаган? Афғидан, бу мамлакатларда у умуман бошқача, алоқа ўрнатишни бирмунча қийинлаштирадиган турмуш тарзига дуч келган бўлса керак. Амир Темур фақатгина кўпол куч ишлатиш йўли билан мамлакатларни босиб олавермаган, у ўзини қизиқтирган мамлакатлар билан алоқалар ўрнатган.

Амир Темур саводсиз бўлган, деган мулоҳазалар ҳам мутлақо асоссиз. Шарқда саводсизлик - ахлоқсизлик билан тенг деб ҳисобланган.

Д-р проф. Т.Шарипов шундай фикр билдирди: Марказий Осиё олимлари орасида Амир Темурни мақтаб, кўкларга кўтаришга мойиллик пайдо бўляпти деб қўрқаман. Амир Темур доимо ҳақ бўлган, унинг барча ҳарбий юришлари ўз-ўзини ҳимоялаш истагидан келиб чиққан, деган фикрга қўшилиш қийин. Шунинг учун баҳолаш вақтида дарҳол у ёқлик ёки бу ёқлик қилиб қўйиш нотўғри бўлади.

Амир Темур образида энг муҳими - унинг яратувчилик фаолиятидир. Амир Темур авлодлари урушлар билан эмас, балки маданият ва фаннинг гуллаб-яшнаши, шаҳарлар қурилиши, доно ижтимоий сиёсат билан фахрланадилар.

Д-р проф. Ф.Сулаймонова бу фикрга қўшилиб, шундай деди: ҳақиқатан ҳам, Амир Темур даври санъат, фан, меъморчиликнинг гуллаб-яшнаши билан ажралиб турган. Бадиий жиҳатдан юксак, ажойиб безакли китоблар яратилган. Самарқандга ҳамма ердан усталар ва рассомларни олиб келишган. Амир Темургача бўлган даврда асосан араб-форс адабиёти мавжуд бўлган. Амир Темур даврида шеърининг ривожланиши кейинчалик Алишер Навоий даҳосининг дунёга келишига сабаб бўлган.

Д-р Андреа Шмитц аниқ шахсни баҳолашга яқун ясаб, Амир Темурни дунёга келтирган ижтимоий аҳволни таҳлил қилишга ўтишни таклиф қилди.

Конрад Аденауэр Фондининг минтақавий мухтор вакили Вольфганг Шрайбер бу фикрни қўллаб-қувватлади. Психологик таҳлил эмас, умумий хулосалар қизиқарликроқ бўлади. Бугунги кунда буюк империя тажрибасидан нималарни қўллаш мумкин? Ижтимоий сиёсат юргизиш бўйича қандай ғоялар ёки давлатнинг маҳалла билан ишлаш шаклларида қайсилари ҳозирги кун учун долзарб? Мана шу саволларга жавоб беришга уриниб кўриш керак.

Амир Темур даврида фуқароларнинг миллатини аниқлаш жуда қийин бўлган. Амир Темур мероси минтақанинг барча халқларига тегишлидир. Шундай улуғ мавқега эга бўлган тарихий шахсни фақат битта халққа боғлиқ деб олиш мумкин эмас. Масалан, Буюк Карл миллати немис бўлса ҳам, Франция қироли бўлган. Дунё тарихидан жой олган тарихий арбоблар учун миллат масаласи энг асосийси эмас.

Амир Темур туб маънода демократ бўлмаган. Ҳозирги Ўзбекистонда кўп фирқали тизим амал қилмоқда, Президент ва ҳукумат-

ни қайта сайлаш ҳам мумкин. Амир Темур бир марта ҳокимиятни қўлга олгандан сўнг ҳеч қачон қайта сайланмаган, у умрининг охиригача ҳукмронликни қўлдан чиқармаган. Бир букюк инсоннинг фақат шахсига қизиқиб кетсак, бу субъективизмга олиб келади. Бизнинг асосий вазифамиз - ўзимиздан аввал қилинган ишлар ва эришилган ютуқлардан сабоқ олишдир.

Д-р проф. К.Самдов Амир Темур империясининг иқтисодий тизими ҳақида жуда кам фикр билдирилганлигини айтди. Мулкнинг алоҳида уруғларга тегишли эканлиги Амир Темур вафотидан сўнг давлатнинг емирилиши учун кўп жиҳатдан сабаб бўлди. Ҷша даврда иқтисоднинг ҳақиқий асосини кичик бизнес (қосиблар, ҳунармандлар) ташкил қилган. Ўзбекистонда ҳозирги пайтда иқтисодий ислохотлар ўтказилмоқда. Кўп саволларнинг жавобларини ўтмишдан, Амир Темурнинг бошқарув тизимида маҳаллага бўлган муносабатдан, унинг ижтимоий сиёсатидан изламоқ керак. Ўзбекистон ҳукумати ажодлар тажрибасини амалда кенг қўлласа, мақсадга мувофиқ бўлар эди.

Д-р проф. Тильман Нагель бу масалага бундай оддийгина ёндошиб бўлмайди, деди. Тарих бугунги кун муаммоларининг ечимини топиб бермайди. Амир Темурнинг фикрлашдаги мантиқни, унинг иқтисодий муаммоларни ҳал этиш усулларини тушуниш ҳар бир сиёсий арбоб учун фойдали бўлиши мумкин. Лекин бу ахборотни ҳаракат дастури сифатида қўллаб бўлмайди.

Академик Ю.Буряков шундай деди: Амир Темур шахсини баҳолашда ҳолисликка эришиш учун фақат оғзаки ва ёзма манбаларни эмас, балки тўлиқ ўша даврни изчил таҳлил қилиш, шунингдек, археологик экспедицияларнинг натижаларини ўрганиш лозим. Экспедицияларни эса ғарб олимлари билан ҳамкорликда уюштириш керак.

Амир Темур доно сиёсатчи эди, у кўчманчи ва ўтроқ аҳолининг, мусулмонлар ва мажусийларнинг манфаатларини бирдек ҳисобга олар эди. У шаҳарларни талон-тарожликдан қутқарган, савдо йўлларини тиклаган.

Д-р А.Абдураззоқов ғарб олимларига дунё ҳамжамиятининг ёрдамига таянган ҳолда, Самарқанд ва бошқа шаҳарлардаги Амир Темур номи билан боғлиқ ёдгорликларни тиклашда иштирок этишни таклиф қилди.

Д-р проф. К.Самдов академик О.Акимүшқиндан Россия шарқшунослари нималар устида ишлаётганликлари ҳақида сўзлаб беришни илтимос қилди.

Академик О.Акимүшқин шундай жавоб берди: Петербургдаги Шарқшунослик институтида Марказий Осиё тарихинини

Ўрганиш бўлими ишлаб турибди, университетда ҳам шундай кафедра очилган, ҳар йили қўлёзмалар ва илмий асарлар чоп этилади. Академик О.Акимовнинг ўзбекистонлик ҳамкасбларни китоблар ва илмий асарлар тўпламларини нашрга тайёрлашда иштирок этишга таклиф қилди.

Конрад Аденауэр Фондининг минтақавий мухтор вакили Вольфганг Шрайбер симпозиум эски алоқаларни тиклаб, янгиликларини ўрнатишга ёрдам бераётганлигини қайд этди. У бундан жуда хурсандлигини билдирди.

Проф. М.Холбеков ғарб адабиётида акс эттирилган Амир Темур қиёфасига қайтиб, у ҳақда асарлар яратган буюк ёзувчиларнинг номларини санаб ўтди (Расин, Вольтер, Гете, Эдгар По). У Амир Темурнинг Ғарбий Европа қироллари билан олиб борган ёзишмалари жиддий ўрганилаётгани ҳақида ҳикоя қилди. У ишни давом эттириш учун инглиз, немис ва француз тилидаги материалларни таҳлил қилиш мақсадида манбашунослик бўлимини ташкил этиш ҳақида таклиф киритди.

Д-р проф. М.Абрамов манбаларнинг нашр этилишини молиялаш муҳимлигига йиғилганларнинг эътиборини қаратди. У Амир Темур ва Темурийлар даврига бағишланган анжуманларни мунтазам ўтказиб туришни таклиф қилди.

Д-р Ульрих Фогт Амир Темур шахси ва унинг даврини баҳолашда ўзбек олимлари ва европалик тадқиқотчиларнинг нуқтаназарлари ўртасида жиддий фарқ мавжудлигини айтди. Шунингдек, у симпозиум иштирокчилари ўзгаларнинг фикрига нисбатан ҳурмат билан қараётганларини ҳам қайд этди. У Ўзбекистонда инсон ҳуқуқлари мавжудлиги ҳақида, фуқаро ўз эркинликлари ва ҳаётий манфаатларининг ҳимояланишига ишониши мумкинлиги ҳақида савол берди.

Д-р проф. А.Аҳмедов бу саволга жавоб бериб, шуни эслатиб ўтдики, Ўзбекистон ҳуқуқий давлат курмоқда ва у инсоннинг Ўзбекистонда дунё андозаларига мос келадиган ҳажмда эълон қилинган ҳуқуқларига тўла риоя қилинишига интиломоқда.

Д-р Колин Дюркоп шундай деди: Амир Темур шахси ўзбек халқининг ўз-ўзини англашда катта аҳамиятга эгадир. Симпозиумдан сўнг унинг меросини ўрганишни қандай давом эттириш ҳақида ўйлаб кўриш керак. У Амир Темур даври, унинг ҳаёти ва фаолиятини ўрганаётган тадқиқотчилар учун Ўзбекистонда ишлаб турган немис фирмалари билан ҳамкорликда стипендиялар таъсис этишни таклиф қилди.

Амир Темурнинг иқтисодий ғояларини чуқур таҳлил қилиш жуда муҳимдир. Бу нарса Ўзбекистон учун кераксиз хатоларнинг олдини олиш имконини беради.

Амир Темур Фонди вакили, тарих фанлари номзоди К.Шодиев шуни маълум қилдики, бундай стипендия Ўзбекистон ҳукумати томонидан таъсис этилади. Амир Темур ҳақидаги энг яхши китоблар учун мукофотлар берилади.

Темурийлар музейининг барпо этилиши, шу йилнинг октябридаги юбилей тантаналари, республиканинг барча вилоятларида, шунингдек, Покистонда Амир Темур Фондининг бўлинмалари очилиши, анжуман ва симпозиумлар ўтказилиши буюк бобоклонимизнинг ҳақиқий қиёфасини тиклашга ёрдам беради.

ХУЛОСА

Конрад Аденауэр Фондининг минтақавий мухтор вакили Вольфганг Шрайбер шуни қайд этдики, ўзбек олимлари Амир Темур шахсини фақат тадқиқотчилар нуқтаи назаридан эмас, балки фуқаролар нуқтаи назаридан ҳам баҳоламоқдалар. Таниқли ҳарбий тарихчи Карл Клаузевиц, ҳаётда энг муҳими - нарсалар ва воқеаларни баҳолашда ўз нуқтаи назарига эга бўлишдир, деган эди. Инсон барча ҳаётгй ҳолатларда шу нуқтаи назарига таяниши лозим. Фақат аниқ нуқтаи назарга эга бўлган кишигина воқеа-ҳодисаларнинг мазмунини уйғун ҳолда тушуна олиши мумкин. Шу ягона нуқтаи назар кишини турли қарама-қаршиликлардан сақлай олади.

Уруш доимо зўравонлик деб тушунилган, кишиларнинг ўртасидаги муносабатларни фақат қонун билан бошқариш мумкин. Ҳар бир тарихий воқеани тўғри баҳолай олмоқ ва ундан сабоқлар чиқара билмоқ лозим.

Бизнинг мунозарамиз турли нуқтаи назарларни қиёслаб, уларнинг ичидан энг доно ва самаралиларини танлаб олиш имконини берди. Симпозиум иштирокчилари келгуси ҳамкорлик учун яхши ниятларини намоён қилдилар.

Самарқанд шаҳри ҳокими Азиз Носиров симпозиум иши натижаларидан мамнун эканлигини билдирди. Барча истаганлар ўз нуқтаи назарини билдириш имконига эга бўлдилар. Ҳеч қандай тазйиқ ўтказиш ва кўрсатмалар бериш ҳоллари бўлмади. Амир Темур даврини ўрганиш бошланганига атиги 5 йил бўлди. Биз ҳали кўп нарсани билмаймиз, кўп маълумотлар биздан яширилар ёки бузиб кўрсатиларди. Симпозиум ўтказиш ғоясини Ўзбекистон раҳбарияти қўллаб-қувватлади. Биз мақсадга эришдик - бир-биримизни янги билимлар билан бойитдик, турли нуқтаи назарларни қиёсладик, буюк Амир Темур шахси ва ишларини яхшироқ тушуниб олдик.

РЕЗОЛЮЦИЯ

1. 1996 йилнинг 27-29 сентябида Самарқанд шаҳрида "Амир Темур шахсининг замондошлари томонидан баҳоланиши ва фаолиятининг мустақил Ўзбекистон учун аҳамияти" деб аталган симпозиум бўлиб ўтди. У Самарқанд шаҳри ҳокимияти, Конрад Аденауэр Фонди ва Халқаро Амир Темур Фонди томонидан ташкил қилинди.

2. Симпозиум ишида Ўзбекистон, Германия, Англия, Франция ва бошқа мамлакатлардан олимлар иштирок этдилар. Амир Темур шахсини илмий баҳолаш, унинг тарихий аҳамиятини аниқлаш бора-сида катта иш қилинди.

3. Симпозиум иштирокчилари Амир Темурнинг минтақани бирлаштириш, Марказий Осиё ва ундан ташқарида савдо-иқтисодий муносабатларни яхшилаш, шунингдек, ўзбек халқининг ўз-ўзини англашнинг ривожлантириш ва унинг давлатчилигини шакллантиришдаги ролини қайд этдилар.

4. Амир Темурнинг давлатчилик фаолияти натижасида кўҳна Туркистонда маданият ва фан яна гуллаб-яшнаганлиги алоҳида кўрсатиб ўтилди. Бу даврни Темурийлар уйғониш даври деб аташ мумкин.

5. Симпозиум иштирокчилари Амир Темур ва Темурийлар даврини дастлабки манбалар ва бошқа адабиётлар асосида чуқур ўрганишни ҳар томонлама ривожлантирмоқ лозим, деган фикрни бир овоздан таъқуладилар. Бунда Амир Темур давридаги умумий ижтимоий-иқтисодий аҳволни изчил ҳисобга олмоқ зарур.

Бу соҳада ишлаётган тадқиқотчилар учун махсус стипендиялар таъсис этиши тавсия қилинди.

6. Сўзга чиққанлар шунини кўрсатиб ўтдиларки, Амир Темур ва Темурийлар даврининг тарихий-маданий ёдгорликларини ўрганиш, ҳимоялаш ва тиклаш - бу нафақат олимларнинг, балки бутун дунё ҳамжамиятининг доимий эътиборини талаб қиладиган муаммолардир.

**CHOKIMIAT DER STADT
SAMARKAND**

**KONRAD-ADENAUER-
STIFTUNG**

**AMIR TIMUR: SEINE ZEITGESCHICHTLICHE
BEURTEILUNG, SEINE BEDEUTUNG FÜR USBEKISTAN
AUF DEM WEGE DER NATIONALEN SELBSTFINDUNG**

**Materialien des internationalen Symposiums anlässlich der
660. Wiederkehr des Geburtstags von Amir Timur
(Samarkand, 27.09.1996 bis 29.09.1996)**

**Taschkent
1997**

Im Jahre 1996 wurde in Zentralasien des 660. Geburtstags Amir Timurs feierlich gedacht. Der Herrscher, der im Jahre 1336 geboren wurde und 1405 auf einem Feldzug gegen China starb, hat zu seinen Lebzeiten ein Großreich erobert und organisatorisch geordnet.

Sein Leben und Wirken wissenschaftlich ergründen zu helfen war Ziel des Symposiums in Samarkand, der Hauptstadt des Timuriden-Reiches.

An Amir Timur, der im Europa der Renaissance Tamerlan oder Timur Lenk genannt wurde, scheiden sich bis heute noch die Geister.

Die historische Erfahrung lehrt, daß die Einstellung zu so bedeutenden Persönlichkeiten wie Amir Timur dem Wandel der Zeiten unterliegt.

Einerseits wurde er als Retter vor dem Osmanen-Herrscher Bajezid, den er im Jahre 1402 besiegte, gefeiert. Andererseits charakterisierte ihn Christopher Marlowe in seinem epochemachenden Drama "Tamburlaine der Große" als besonders grausamen Herrscher. Ganz zu schweigen von seiner Charakterisierung während der Sowjetherrschaft.

Mit Shakespeare können wir uns fragen: How many sides are there to a man?

Erhalten geblieben sind aus der Epoche Timurs und der Timuriden Kunst-, Kultur- und Architekturdenkmäler in einer ganzen Plejade damals blühender Städte: Samarkand, Schachrizabs, Herat u.a.

Es ist das Verdienst usbekischer und anderer Wissenschaftler aus Zentralasien, die in gleicher Weise um die Freilegung des wahren Kerns bemüht sind, daß sie sich dieser Aufgabe gestellt haben. Denn die Wissenschaftler Turkestans, das nun in fünf Staaten aufgeteilt ist, sollten sine ira et studio und gemeinsam ergründen, wer der Mensch und Herrscher Amir Timur, Sahib-ul-qiran, war.

Die Veranstalter danken den deutschen, französischen, russischen und usbekischen Referenten, die zu diesem Symposium beigetragen haben und deren Vorträge im folgenden wiedergegeben wurden.

Besonderer Dank gebührt auch der usbekischen Regierung sowie den Botschaftern von Großbritannien, der Republik Frankreich und der Bundesrepublik Deutschland, die dieses Vorhaben durch Rat und Tat unterstützt haben.

*Asis Nasirowitsch Nasirow
Chokim der Stadt Samarkand*

*Wolfgang Schreiber
Landesbeauftragter der
Konrad-Adenauer-Stiftung*

TEILNEHMER UND GÄSTE DES SYMPOSIUMS

Am Symposium nahmen teil: Vertreter der Regierung Usbekistans und Abgeordnete des Parlaments (Oli Mashlis) der Republik Usbekistan, die Botschafter der Bundesrepublik Deutschland, des Vereinigten Königreichs von Großbritannien und Nordirland, der Republik Frankreich, Führungspersönlichkeiten der Oblaste, Städte und Rayons (der Chokim des Oblast Samarkand, der Chokim der Stadt Samarkand, die Chokime der Rayons, die stellvertretenden Chokime und die Leiter der Abteilungen), Wissenschaftler (der Präsident der Samarkander Abteilung der Akademie der Wissenschaften der Republik Usbekistan, Rektoren von Universitäten (Samarkander Staatliche Universität) und Hochschulen (Samarkander Sprachhochschule, Samarkander Landwirtschaftshochschule, Samarkander Medizinische Hochschule, Hochschule für Kooperation, Samarkander Hochschule für Architektur und Bauwesen, Taschkenter Juristische Hochschule), Direktoren wissenschaftlicher Forschungsinstitute (Internationales Institut für Zentralasiatische Studien, Archäologieinstitut), Bibliotheken (wissenschaftliche Oblastbibliothek) und Museen (Samarkander Staatliches Architekturschutzgebiet, Museum „Registan“, Museum „Afrasiab“), Mitglieder der Akademie der Wissenschaften und Professoren aus Usbekistan, Aserbaidshan, Kasachstan, Kirgistan, Rußland und Tadschikistan, deutsche und französische Forscher, Vertreter des Unternehmertums (Firmen, Aktiengesellschaften, Joint-Ventures, Unternehmen und Vereinigungen, Privatfirmen), Aktivisten gesellschaftlicher Organisationen und Gewerkschaften („Assoziation der Unternehmer“, „Frauen als Unternehmerinnen“, „Rotes Kreuz und Roter Halbmond“, „Zentrum für Information und Management“ u.a.), Schriftsteller, Kunstwissenschaftler, Theaterfachleute und Museumsmitarbeiter (der Vorsitzende des Schriftstellerverbandes vom Oblast, der Direktor des Hamsa-Instituts für Kunstwissenschaften, der Direktor des Staatlichen Akademischen Nawoi-Theaters), Schullehrer, Mitarbeiter von „Usbektourism“.

Über die Arbeit des Symposiums wurde in den Medien berichtet: im Fernsehen (Erster stellvertretender Vorsitzender des Usbekischen Fernseh- und Hörfunks, die Programmautoren der Sendung „Achborot“, UsTV, 1. Programm des UsTV, TV Samarkand, ORT), im Rundfunk (Radio Usbekistan, Radio „Taschkent“, Radio Moskau International), durch die Nachrichtenagenturen (Informationsagentur Usbekistan, Interfax Rußland), Republik- und Oblastzeitungen („Prawda Wostoka“, „Marifat“, „Owosi Samarkand“, „Samar-kandski Westnik“, „Sarafschan“ u.a.).

INHALT

<i>Teilnehmer und Gäste des Symposiums</i>	3
ERÖFFNUNG DES SYMPOSIUMS	
<i>Stellvertretender Ministerpräsident der Republik Usbekistan, Prof. Dr. Alischer Asischodschajew</i>	9
<i>Landesbeauftragter der Konrad-Adenauer-Stiftung, Wolfgang Schreiber</i>	11
<i>Botschafter der Bundesrepublik Deutschland, Dr. Reinhart Bindseil</i>	12
<i>Botschafterin des Vereinigten Königreichs von Großbritannien und Nordirland, Barbara Hay</i>	13
<i>Botschafter der Republik Frankreich, Jean Claude Richard</i>	15
DIE POLITISCHE SITUATION IN ZENTRALASIEN IM XIV. JAHRHUNDERT	
<i>Prof. Dr. Buriboj Achmedow, Mitglied der Akademie der Wissenschaften der Republik Usbekistan, Präsident des Vorstands der Internationalen Amir-Timur-Stiftung, Berater des Präsidenten der Akademie der Wissenschaften der Republik Usbekistan</i>	16
<i>Koreferat: Prof. Dr. Aschraf Achmedow, Direktor des Internationalen Instituts für Zentralasiatische Studien</i>	19
DIE REZEPTION AMIR TIMURS UND ZENTRALASIENS IN EUROPA ZU BEGINN DER RENAISSANCE	
<i>Prof. Dr. Tilman Nagel, Direktor des Seminars für Arabistik der Georg-August-Universität zu Göttingen</i>	34

DIE TRANSFORMATION DER FIGUR TIMURS IN DER OTTOMANISCHEN GESCHICHTSSCHREIBUNG	
<i>Prof. Dr. Jean-Louis Bacqué-Grammont, Forschungsdirektor des Nationalen Zentrums für Wissenschaftliche Forschung, Paris.....</i>	45
TRADITION ALS POLITIKUM: TIMUR IN DER MÜNDLICHEN ÜBERLIEFERUNG	
<i>Dr. Andrea Schmitz, Institut für Völkerkunde und Afrikanistik der Ludwig-Maximilians-Universität, München.....</i>	47
DISKUSSION.....	55
DER STAATSGRÜNDER AMIR TIMUR	
<i>Dr. A. Sijajew, Institut für Orientalistik der Akademie der Wissenschaften der Republik Usbekistan.....</i>	60
„GROSSMUT UND STRENGE“ - DAS RECHTSDENKEN ZUR ZEIT AMIR TIMURS: PERSPEKTIVEN FÜR DEN MODERNEN STAAT	
<i>Alischer Mardijew, Chokim des Oblast Samarkand.....</i>	74
RECHT UND RECHTSTRADITION IM ALTEN GRIECHENLAND	
<i>Prof. Dr. Pierre Chuvin, Direktor des Französischen Instituts für Zentralasiatische Studien.....</i>	83
DIE ENTWICKLUNG DES RECHTSSTAATES IN WESTEUROPA	
<i>Prof. Dr. jur. Alain Peloux, Botschaftsrat der Französischen Botschaft in Usbekistan.....</i>	89
DAS FUNDAMENT STAATLICHER LEGIMITATION DAMALS UND HEUTE: ZUM VERHÄLTNIS VON RELIGION UND POLITIK	
Aus usbekischer Sicht:	
<i>Prof. Dr. Chalim Babajew, Rektor des juristischen Instituts Taschkent, Abgeordneter des Oli Mashlis der Republik Usbekistan.....</i>	99
Aus europäischer Sicht:	
<i>Prof. Dr. Hermann Lübke, Philosophisches Seminar der Universität Zürich.....</i>	107

**ZUM VERHÄLTNISS VON RELIGION UND POLITIK: ETHISCHE
RÜCKBINDUNG**

*Prof. Dr. Jürgen Paul, Institut für Orientalistik
der Martin-Luther-Universität, Wittenberg-Halle.....*116

DISKUSSION.....120

SAMARKAND IN DER EPOCHE TIMURS UND DER TIMURIDEN

*Prof. Dr. Annemarie Schimmel, Friedenspreisträgerin
des Deutschen Buchhandels.....*126

*Prof. Dr. Temir Schirinow, Direktor des Instituts
für Archäologie der Akademie der Wissenschaften
der Republik Usbekistan, Samarkand.....*133

TIMURIDISCHE STEIN- UND HOLZARBEITEN

*Dr. Joachim Gierlichs, Museum für Islamische
Kunst, Berlin.....*141

BAISUNGUR-MIRSA - MÄZENAT, POLITIKER UND KRIEGER

*Prof. Dr. Oleg Akimuschkin, Mitglied der Russischen Akademie
der Wissenschaften zu St. Petersburg.....*153

**BETRACHTUNGEN ZU AMIR TIMUR ALIAS TAMERLAN -
WAHRHEIT UND KÜNSTLERISCHE GESTALTUNG**

*Prof. Dr. Tochtassin G. Gafurbekow, Direktor
des Hamsa-Instituts der Schönen Künste, Taschkent.....*156

RUNDTISCHGESPRÄCH ZUM THEMA:

**„DER HERRSCHER AMIR TIMUR - LEHREN UND SEINE
BEDEUTUNG FÜR DAS MODERNE ZENTRALASIEN“.....**166

SCHLUSSFOLGERUNGEN.....173

RESOLUTION.....174

Anmerkung: In den Vorträgen wurde die von den Referenten verwendete Schreibweise der Eigennamen übernommen.

ERÖFFNUNG DES SYMPOSIUMS

*Stellvertretender Ministerpräsident der Republik
Usbekistan, Prof. Dr. Alisher Asischodschajew*

Wir haben uns heute in Samarkand versammelt, das Hauptstadt eines alten Staates und Zeuge bedeutender historischer Ereignisse war, in einer Stadt, die von Amir Timur wiederaufgebaut und zur Berühmtheit geführt wurde. In dieser Stadt mit ihren wundervollen Architekturdenkmälern erinnert jeder Stein an den großen Herrscher, den Genius seiner Epoche. Gerade dieser Stadt schenkte Sahib-ul-qiran seine Seele und seine Weisheit. Marokand (Samarkand), Mittelpunkt eines der ersten zentralasiatischen Staaten, war im Laufe der Jahrtausende Zeuge zahlreicher historischer Ereignisse, die wesentlichen Einfluß auf die Ausbildung und Entwicklung der Weltzivilisation hatten. Hier gingen berühmte Dynastien unter und entstanden neue Staaten, hier zogen Karawanen ihren Weg, die nicht nur Waren beförderten, sondern auch das unendlich teure Wissen in vielen Länder verbreiteten. Die wahre Größe des alten Samarkands und seine welthistorische Bedeutung sind eng mit Amir Timur verbunden, dessen Namen wir voller Stolz und Verehrung aussprechen. Denn unter seiner Herrschaft, die als Epoche Amir Timurs oder Timuridenzeit bekannt ist, wurde Samarkand zur Hauptstadt eines riesigen Reiches.

Es war der sehnlichste Wunsch Sahib-ul-qirans, den Ruhm des alten Turans und der Großen Seidenstraße wiederherzustellen, die Völker Mawerannachr zu den reichsten und erfolgreichsten und Samarkand zur berühmtesten Stadt in der ganzen Welt zu machen. Amir Timur hatte recht, als er seinen berühmten Satz aussprach, daß er der Emir Turkestans, der Mulki Turans, der ältesten und berühmtesten Nation, der Stammväter der Türken sei.

Und nicht zufällig wurden den umliegenden Ortschaften die Namen der Hauptstädte der großen Staaten der Welt gegeben. Es ist allgemein bekannt, daß Sahib-ul-qiran als bedeutende Persönlichkeit, der es gelungen war, den Kampf für die Unabhängigkeit des Landes mit schöpferischer Tätigkeit zu verbinden, als hervorragender, im Orient und Okzident Autorität genießender Politiker und Diplomat, in die Geschichte eingegangen ist. Amir Timur gelang es, in seinem Reich Verbrechen und Landstreichertum mit der Wurzel auszurotten. Unter seiner Herrschaft war das Volk

in den Schöpfungs- und Bauprozeß einbezogen. Sahib-ul-qiran bewies wahrhaft väterliche Sorge für sein Volk und wurde von seinen Kriegern verehrt, worauf seine Zeitgenossen wiederholt hinwiesen. Er beschützte nicht nur den Handel und das Unternehmertum, sondern förderte als Mäzen Bildung, Literatur und Kunst, seine besondere Aufmerksamkeit galt der Entwicklung der Geisteskultur des Volkes. Diese Traditionen setzt unser Präsident Islam Karimow in seiner staatlichen, politischen und wissenschaftlichen Tätigkeit fort.

Mit Genugtuung sei hervorgehoben, daß das Leben und Schaffen Amir Timurs in den Untersuchungen europäischer Gelehrten mit historischer Wahrheitstreue dargelegt wurde. Deshalb bahnte sich sogar unter den Bedingungen des Diktats der Sowjetmacht die Wahrheit über Amir Timur aus Amerika, Großbritannien, Frankreich, Deutschland und anderen Ländern den Weg zu uns. Heute, da im unabhängigen Usbekistan alle Voraussetzungen dafür geschaffen wurden, die historische Wahrheit zu äußern, verdient diese Tatsache besondere Beachtung. Bereits im XV. bis XVIII. Jahrhundert schrieben Ruy Gonzales de Clavijo in Spanien und der Erzbischof Juan in Frankreich, Christopher Marlowe und Eduard Hibbon in England und Johannes Schiltberger in Deutschland die Wahrheit über Sahib-ul-qiran. In ihren Werken hoben die Chronisten und Gelehrten hervor, daß bedeutende Herrscher und Feldherren, wie Peter I., Friedrich der Große, und Napoleon Bonaparte die Erfahrungen der Staatsführung Amir Timurs schöpferisch weiterentwickelt haben.

Mit einem Gefühl tiefer Dankbarkeit gedenken wir heute Hilde Hukhem, die Leben und Tätigkeit Amir Timurs ernsthaft erforscht hat. Sie hat wiederholt die Hauptstädte Zentralasiens besucht, um das Erbe Sahib-ul-qirans zu studieren. Ihr Buch „Der Herrscher des Siebengestirns“ ist von einem Gefühl tiefer Achtung gegenüber der Geschichte der zentralasiatischen Völker und der Persönlichkeit Amir Timurs durchdrungen. Heute ist dieses Buch unserem Volke zugänglich. Wir bringen dem herrlichen Frankreich unsere Ehrerbietung dar, das Amir Timur als Befreier Europas eine goldene Büste gegossen hat. Heute fühlen wir uns allen Gelehrten gegenüber zu tiefem Dank verpflichtet, die im Ausland die Epoche Timurs erforschen. Wir freuen uns, sie in der Heimat unseres großen Vorfahren zu sehen und begrüßen zu können.

Nicht zufällig haben sich heute in Samarkand bekannte Gelehrte aus vielen Ländern versammelt. Das ist ein Beweis für die weltweite Anerkennung der Verdienste Sahib-ul-qirans. Amir Timur dient auch heute der

Sache des unabhängigen Usbekistans, dem Blühen unseres Heimatlandes, er ist das Symbol des Stolzes und der Größe unseres Staates. Der Präsident der Republik Usbekistan Islam Karimow hat hervorgehoben, daß die Persönlichkeit Amir Timurs unser Volk zu Großtaten begeistert, die Nation vereint und festes Vertrauen auf eine positive Entwicklung in der Zukunft vermittelt. Unser Staatsoberhaupt wies außerdem darauf hin, daß das historische Verdienst Amir Timurs darin bestehe, daß sich die Staaten Asiens und Europas dank seiner Tätigkeit erstmalig in der Geschichte der Bedeutung eines einheitlichen geopolitischen Raumes bewußt wurden.

Mit der Verkündung der Unabhängigkeit in der Heimat Amir Timurs wurde zum ersten Male die Wahrheit über einen Menschen wiederhergestellt, dessen gesamtes Tun und Trachten auf die Freiheit und das Glück des Heimatlandes ausgerichtet war. Die Verdienste Sahib-ul-qirans wurden nicht nur in unserem Lande, sondern überall in der Welt entsprechend gewürdigt. Unser heutiges, dem 660. Geburtstag Amir Timurs gewidmetes Symposium, ist ein leuchtender Beweis für diese Anerkennung. Zweifellos wird dieses Symposium zur weiteren Annäherung der Völker Usbekistans, das seinen eigenen Entwicklungsweg eingeschlagen hat, der Völker der anderen zentralasiatischen Republiken und der Weltgemeinschaft beitragen.

*Landesbeauftragter der Konrad-Adenauer-Stiftung,
Wolfgang Schreiber*

Als Asis Nasirowitsch Nasirow, Chokim von Samarkand, in einer kleinen Runde vor knapp zwei Jahren mit mir zum ersten Male die Idee zu diesem Symposium erörterte, da schien alles noch in einer weiten Zukunft zu liegen. In Taschkent war das Amir-Timur-Museum, war die Amir-Timur-Stiftung noch nicht existent. An dieser Stelle möchte ich die Grüße des Vorsitzenden der Amir-Timur-Stiftung, von Herrn Prof. Achmedow, des Dritten im Bunde der Vorbereitungsrunde, übermitteln. Er konnte wegen einer Krankheit, die ihn ans Bett fesselt, nicht kommen. Die Oper Tamerlano lag noch unbearbeitet im Händel-Archiv in Halle an der Saale in Deutschland. Aber, so heißt es, die Zeit vergeht, als flögen wir davon, und so ist das Organisationsteam des Chokimiats von Samarkand, der Amir-Timur- und der Konrad-Adenauer-Stiftung glücklich, sie heute in diesem schönen Hotel an der Stelle der früheren Residenz Amir Timurs begrüßen zu können.

Meinen Dank möchte ich der usbekischen Regierung und der persönlichen Unterstützung durch Staatspräsident Karimow aussprechen.

Herrn Prof. Tilman Nagel danke ich für seine konzeptionelle Beratung und Herrn Prof. Pierre Chuvin, Direktor des französischen Instituts für Zentralasiatische Studien, für die gute Kooperation, durch die wir neben den deutschen Referenten auch ausgewiesene Wissenschaftler aus Frankreich und Italien gewinnen konnten.

Herrn Prof. Schirinow, Direktor des Archäologischen Instituts von Samarkand, danke ich ebenfalls für die konzeptionelle Beratung und Benennung der Referenten aus Rußland und Usbekistan.

Wer war Amir Timur, wie ordnete er sich in die damalige Zeit ein und welche Bedeutung kann er für Usbekistan, ja für Zentralasien heute haben? Diesen und anderen Fragen wollen wir in den beiden nächsten Tagen nachgehen.

Amir Timur war ein Mann der Tat. In seiner Regierungszeit gab es neben guten Taten auch Taten, die Schmerzen bereitet haben.

Letztere wurden in der zurückliegenden Epoche besonders hervorgehoben. Gewiß waren die Zeitgenossen Amir Timurs Zeugen furchtbarer Zeitläufte, wie Tilman Nagel es in seinem Buch "Timur der Eroberer und die islamische Welt des späten Mittelalters" formulierte. Aber darin gab es auch eine Fülle von Gedanken, Taten und Werken, die uns überliefert wurden und die uns, soweit sie als architektonische Werke erhalten sind, auch heute noch, besonders hier in Samarkand faszinieren. Dieses umsomehr als Touristen aus aller Welt wieder daran teilhaben können und nicht zuvor einen eisernen Vorhang überwinden müssen.

Sich der Zeit, dem Menschen und der Staatsidee Amir Timurs sine ira et studio, ohne Übereifer und Verbitterung zu nähern, das wünsche ich uns allen, daß uns dieses mit diesem Symposium gelingen möge.

*Botschafter der Bundesrepublik Deutschland,
Dr. Reinhart Bindseil*

Ich freue mich ganz außerordentlich, daß die Konrad-Adenauer-Stiftung, die als deutsche politische Stiftung hier in Usbekistan tätig ist, das zur Zeit aktuellste historische Thema, nämlich Amir Timur und seine Zeit, aufgegriffen hat, um seine Bedeutung im geschichtlichen Zusammenhang näher ausleuchten zu lassen. Es gibt keinen besseren Ort, als dies in Samarkand zu tun.

Amir Timur ist im heutigen Usbekistan geboren und hier beigesetzt worden. Das usbekische Staatsgebiet war unter der Herrschaft von Amir Timur. Die Frage seiner ethnischen Zugehörigkeit kann unter diesen Umständen dahingestellt bleiben. Ich meine, Amir Timur ist zu Recht eine natürliche Identifikationsfigur für den heutigen usbekischen Staat. Völlig unstrittig gehört er mit zu den eindrucksvollsten Herrschern, die die Weltgeschichte hervorgebracht hat. Große Leute hatten immer ausgeprägte Charakterzüge mit Licht und Schattenseiten, die wir notwendigerweise nicht alle als vorbildlich ansehen müssen. Amir Timur bietet uns hier eine breite Palette. Ich will den Ergebnissen des Symposiums nicht vorgreifen. Erwähnenswert ist, daß im Gegensatz zu den wenigen Zeilen in der Sowjet-Enzyklopädie von 1970 Meyers Großes Konversationslexikon von 1908 Amir Timur eine Drittel Seite widmet und über ihn aussagt, seine Ziele seien die Herstellung der Ruhe im Innern, politische Administration und militärische Organisation, danach Erweiterung der Grenzen gewesen. Obwohl grausam auf Kriegszügen sei er sonst fromm, weise und gerecht gewesen und habe Künste und Wissenschaft geschützt.

Welch faszinierende Persönlichkeit deutet sich da an. Welche Freude, sie bei dieser Veranstaltung und an diesem Ort in ihren Facetten und historischen Zusammenhängen näher auszuleuchten.

Ich darf dem Symposium von Herzen allen Erfolg wünschen!

*Botschafterin des Vereinigten Königreichs von
Großbritannien und Nordirland, Barbara Hay*

Ich bin glücklich, daß mir vergönnt ist, Samarkand zu besuchen und an den Eröffnungsfeierlichkeiten unseres Symposiums teilzunehmen, obwohl ich in der Umgebung so hochkarätiger Wissenschaftler eine gewisse Scheu und Unsicherheit empfinde. Mich beruhigt nur die Tatsache, daß Personen, die Zentralasien bereist haben, zu allen Zeiten den Werken der Jahrhunderte, der hier im Laufe vieler Jahrhunderte gepflegten Gelehrsamkeit und Bildung Hochachtung und Bewunderung gezollt haben.

Nachdem ich das Programm und die Liste der Referenten studiert hatte, beschloß ich, zunächst einmal meine Kenntnisse über Amir Timur, der bei uns gewöhnlich Tamerlan genannt wird, zu vervollkommen. Beinahe alles, was über Tamerlan bekannt ist, erhält zumindest in Großbritannien keine eindeutig positive Wertung. Wesentlich mag dazu das 1590 veröffentlichte Theaterstück „Tamburlaine der Große“ von Christopher

Marlowe beigetragen haben. Amir Timur ist in diesem Theaterstück als Mongolenherrscher dargestellt, der im Laufe einer Reihe blutiger Feldzüge Ende des XIV. Jahrhunderts Städte und ganze Staaten erobert und zerstört, die sich auf dem Territorium des heutigen Rußlands, Indiens, des Nahen Ostens und der Türkei befanden. Tamerlan stirbt unbesiegt während seiner Vorbereitungen auf einen Chinafeldzug. Sein Riesenreich zerfällt später.

Tamerlan verfügte über innere Energie, Eigenliebe und ein schöpferisches Potential, die seinen Lebensweg bestimmten und ihn zwangen, ständig neue Gebiete zu erobern. Marlowe läßt Tamerlan in seinem Stück folgende Worte sprechen: „Ich werde pausenlos erobern, zerstören und eure Städte und goldenen Paläste verschlingen; mit Feuerzungen, die die Wolken durchbrechen, werde ich die Sterne zum Schmelzen bringen.“

Es tut mir leid, daß ich trotz meines festen Vorsatzes und mehrerer stattlicher Folianten, die mir von der Bibliothek des Ministeriums für auswärtige Angelegenheiten in London zugeschickt wurden, keine Zeit und Möglichkeit gefunden habe, mich ernsthaft mit diesem Problem zu befassen und zu klären, ob die Einschätzung der populärwissenschaftlichen Geschichtsschreibung und des Dramatikers Marlowe gerecht ist.

Die Hauptfrage, die das Symposium zu lösen hat, besteht darin, zu bestimmen, wie der Einfluß des historischen Mythos, in unserem Falle der Amir Timur umgebende Mythos, auf die modernen Programme und die Auffassung der Vergangenheit zu bewerten ist.

Offen bleibt die Frage, ob ein Triumph der Gerechtigkeit bei der Einschätzung der historischen Ereignisse und Persönlichkeiten erreicht wird.

In diesem Zusammenhang gewinnen Fragen der nationalen Selbstfindung, der Glaubenssymbole, der Selbsteinschätzung der Menschen und ihrer Einstellung zum Staat besondere Aktualität. Es ist natürlich, daß ein Volk stolz auf sich selbst und sein Land sein will und das Beste aus seiner Vergangenheit in seine Zukunft übertragen will. Das kann auf verschiedene Art und Weise erreicht werden. Man könnte einfach eine triumphale Deutung der Vergangenheit und sogar der Gegenwart vorschlagen. Ein derartiges Herangehen würde jedoch kaum der vielseitigen und in wechselseitigen Zusammenhängen stehenden Welt gerecht werden. Eine Alternative dazu oder, besser gesagt, eine weitere Möglichkeit stellt die Überprüfung der Stereotypen, eine neue Auffassung des Landes, eine

Bewegung auf dem Wege dar, bei der jeder Bürger eine sachliche, zeitgemäße, offene und verlässliche Information erhalten kann, die Loyalität des Volkes und Vertrauen gegenüber der Regierung hervorbringt. Es ist offensichtlich, daß dies keine einfache Aufgabe ist. Sie kann nur verwirklicht werden, wenn man Mut besitzt und moderne, tiefreichende wirtschaftliche, politische und soziale Umgestaltungen vornimmt, die ein Gefühl der Kontinuität der Generationen gewährleisten und das Ziel des menschlichen Lebens festlegen. Dies ist ein Wunschtraum, nach dessen Erfüllung viele Länder streben, zu ihnen gehört auch mein Land. Natürlich ist der erste Weg wesentlich einfacher.

Bei der Lösung des Problems der Bestätigung eines nationalen Selbstbewußtseins ist es sinnvoll, die Erfahrungen anderer Länder zu nutzen. Vor diesem Auditorium ist es überflüssig, darauf hinzuweisen, wie viel dies für das Verständnis des eigenen Landes und die Erziehung von aufgeschlossenen Menschen mit edelmütigem Herzen leisten kann. Allerdings kann das Studium fremder Erfahrungen niemals Reisen, persönliche Begegnungen, den Meinungs austausch, gegenseitige Achtung und Entgegenkommen als Form des gegenseitigen Kennenlernens und Verstehens ersetzen. Die hier im Saale Versammelten haben zwei lange Tage Zeit, um einander zu verstehen, die aufgeworfenen Fragen zu erörtern und gemeinsame Schlußfolgerungen zu ziehen. Ich hoffe auf eine aktive und ehrliche Erörterung und werde unbedingt die Ergebnisse studieren, um zu verstehen, wie sie Amir Timur und seine Bedeutung für das heutige Usbekistan einschätzen, was sie Neues für das Verständnis dieses Problems vorschlagen.

Botschafter der Republik Frankreich, Jean Claude Richard

Taschkent - Samarkand - Amir Timur. Die Franzosen träumen davon, diese Städte kennenzulernen und möglichst viel über diese bedeutende historische Figur zu erfahren. Der Name Amir Timur ist seit seinen Lebenszeiten in Frankreich gut bekannt. Die geistigen Kontakte dieser Persönlichkeit zur Kultur Frankreichs sind offensichtlich, da Amir Timur ebenso wie die französischen Könige Kultur und Kunst liebte und förderte.

Amir Timur hat viele Länder erobert. Er war ein bedeutender Soldat und Feldherr, im Gedächtnis der Völker lebt er fort dank seiner Werke, die er errichtet und geschaffen hat. In Frankreich kennt man den Registan und andere Denkmäler Samarkands und viele Franzosen möchten sich diese Kostbarkeiten mit eigenen Augen ansehen.

Zwischen Amir Timur und Frankreich bestanden politische Beziehungen. In Frankreich wird ein Brief Amir Timurs an Karl den VI. aufbewahrt. Eine Abschrift dieses Briefes händigte der französische Präsident Chirac dem Präsidenten von Usbekistan Islam Karimow bei seinem Parisbesuch aus. Heute wird eine Abschrift dieses Briefes erstmalig den Bewohnern Samarkands übergeben.

Die jahrhundertealten Beziehungen unserer Länder sind nicht nur als Zeichen der Zusammenarbeit Usbekistans und Frankreichs, Zentralasiens und Europas, sondern auch als Symbol des gegenseitigen Verstehens aller Staaten der Welt zu betrachten.

DIE POLITISCHE SITUATION IN ZENTRALASIEN IM XIV. JAHRHUNDERT

Prof. Dr. Buriboj Achmedow, Mitglied der Akademie der Wissenschaften der Republik Usbekistan, Präsident des Vorstands der Internationalen Amir-Timur-Stiftung, Berater des Präsidenten der Akademie der Wissenschaften der Republik Usbekistan

Der Ulus des Tschaghatai, der das Siebenstromland, die Ili-Steppe, Kaschghar (Ostturkestan), Mawerannachr, den südwestlichen Teil Choresms mit den Städten Kjat und Chiwa, sowie einen Teil des Gebiets am linken Ufer des Amudarja umfaßte, zerfiel in den vierziger Jahren des XIV. Jahrhunderts in zwei selbständige Teile. Der nordöstliche Teil des Ulus, zu dem das Siebenstromland, die Ili-Steppe, das Tienschengebiet und Kaschghar gehörten, erhielt den Namen Dshete (mongolisch „Rebelle“, „Räuber“). In Geschichtswerken wird dieser Teil des Ulus häufig als Mogolistan bezeichnet. Der größte Teil der Bevölkerung dieses Landes waren Nomaden. Im westlichen Teil des Ulus, der Mawerannachr, den südwestlichen Teil Choresms und die Gebiete jenseits des Amudarja umfaßte, überwog die sesshafte Bevölkerung. Die türkisch-mongolischen Stämme, die noch zu Zeiten Tschingis-Chans hierher übersiedelten, waren längst sesshaft geworden und hatten sich mit der ortsansässigen Bevölkerung vermischt.

Der Zerfall des Ulus des Tschaghatai fügte nicht nur der Wirtschaft beider Länder, sondern auch ihrer sozialen und politischen Stabilität Schaden zu. In einer besonders schweren Lage befand sich der Westteil des Ulus. Kasan-Chan (1388-1346) versuchte vergeblich die Stammesfeh-

den der Feudalherren niederschlugen. In der Schlacht bei Karschi wurde ihm durch den Emir Kasagan eine entscheidende Niederlage beigebracht. Tatsächlich ging die Macht an Kasagan und die Emire der Ulusse über, dem Herrscher aus dem Geschlecht Tschingis-Chans, der auf dem Thron saß, fiel die Rolle einer Marionette zu.

Dem Emir Kasagan gelang es nicht, die Emire der Ulusse seinem Willen unterzuordnen. Das führte dazu, daß im Lande mehr als ein Dutzend einander befehrende Herrschaftsbereiche der Beks bestanden. So hatten beispielsweise Kesch und der Oblast Hadshi Barlas ihre Unabhängigkeit erklärt, in Chodshend und Ura-Tjuba folgte Bajezid Dshalair seinem Beispiel und in Tatkent und Saripul (Oblast Samarkand) ließ sich Hisr Jasauri zum „Schatten Allahs“ auf der Erde erklären. Das gleiche taten in ihren Ulussen Emir Kayhusrau (Huttalan) und Uldshai-Buka Suldus.

Tugluk Timur, dem Chan von Mogolistan (1348-1363), gelang es mit Hilfe der Stammesfürsten der Bulgatschi, Duglat und anderer die gesellschaftspolitische Lage im Lande zu stabilisieren. Diesen Vorteil nutzend überfiel Tugluk Timur 1360 Mawerannachr mit einem großen Heer. Es gab niemanden, der das Land verteidigen konnte, da sich die Beks der einzelnen Ulusse nicht zum Kampf gegen die Mongolen vereinigen konnten: ein Teil von ihnen verschwand einfach, andere traten in den Dienst des Chans von Mogolistan. Amir Timur war ebenfalls gezwungen, die Herrschaft des Chans von Mogolistan anzuerkennen, was ihm jedoch einerseits mehrere Privilegien verschaffte (Tugluk Temir-Chan machte ihn zum Herrscher von Kesch und dem Oblast und versprach ihm keine mongolischen Reiter gegen Karschi zu schicken), was dieser geschickt nutzte, um Gesinnungsgenossen um sich zu scharen und das Heer zu stärken. Das alles ermöglichte Amir Timur nach dem Tode von Tugluk Temir-Chan den Kampf gegen die Mongolen und ihren neuen Chan Iljas-Hodsha aufzunehmen. Nach erbitterten Kämpfen im Frühjahr 1370 verjagte Amir Timur die Mongolen aus der Gegend von Mawerannachr und errichtete seine Oberherrschaft. Zur Erhaltung dieser Macht war es notwendig, mit dem Separatismus der Beks Schluß zu machen und den zum Tschaghataier Ulus gehörenden südöstlichen Teil Choresms von der Bevormundung durch die Goldene Horde zu befreien und die Staatsgrenzen im Norden und Nordosten zu festigen.

Der neugeschaffene Staat Amir Timurs hatte äußere Hauptfeinde: Urus-Chan in der Weißen Horde (1361-1375) im Norden und Kamar ad-

Din, Anka-Tjura, Mir Hakberdi, Mir Karimberdi und andere in Mogolistan. Urus-Chan hatte, nachdem er seine Rivalen beseitigt hatte, den Thron der Weißen Horde bestiegen. 1376 tauchte er mit seiner Horde am Mittellauf des Syrdarja auf, eroberte mehrere große Städte (Sauran, Sygnak u.a.) und schuf damit einen wichtigen Unruheherd.

In Mogolistan aktivierten zu der damaligen Zeit Kamar ad-Din und Anka-Tjura ihre Tätigkeit. Der erste ermordete 1369 Iljas-Hodsha und alle seine männlichen Nachkommen. Nachdem er die politische Macht erhalten hatte, näherte er sich mit seinen Truppen der Grenze von Fergana und Sayrama. Kamar ad-Din fiel wiederholt in das Landesinnere dieser Gebiete ein und beraubte die friedliche Bevölkerung. Anka-Tjura versuchte von seinen Besitzungen in Katarthal (Region Koktscha-Tengis, d.h. vom Balchaschsee) aus ein Bündnis mit Timur-Kutlug und anderen Anwärtern auf den Thron der Goldenen Horde abzuschließen. Die so entstandene Situation war der Anlaß für sieben große Feldzüge Amir Timurs gegen Mogolistan in den siebziger Jahren des XIV. Jahrhunderts. Der Präventivschlag Amir Timurs vernichtete die Hauptkräfte Mogolistans.

Unruhig war es auch an den südlichen und südwestlichen Grenzen Mawerannachs. 1336 zerfiel der einst mächtige Staat der Ilchaniden (Hulaguiden), der einst Iran, Aserbaidshan und den Irak unter Kontrolle hatte, infolge eines Volksaufstandes und der Sarbadarer Bewegung (1336-1353). Das Land zerfiel in kleine Besitztümer, die von örtlichen Dynastien regiert wurden. So war beispielsweise Chorasán unter drei Gruppierungen aufgeteilt: den Sarbadaren, den Karten (Kurten) und dem Stammesfürsten Dshani Kurbani. Der Südiran ging in den Besitz der örtlichen Dynastie der Musafarriden über. Im Gebiet Dshurdshan errichteten die örtlichen Sayyiden ihre Macht, über den Irak und Kurdistan herrschten die Dshalairiden; Luristan wurde den Hasaraspiden und der Dynastie Indshu unterstellt, Aserbaidshan wurde von den Turkmenen Kara-kojunlu erobert. Die Zersplitterung und die Stammesfehden fügten nicht nur dem Lande einen nicht wieder gutzumachenden Schaden zu, sondern untergruben auch die Handels- und Wirtschaftsbeziehungen des Fernen Ostens zu den Mittelmeerländern und Europa. Auf der großen Seidenstraße gab es keinen Karawanenverkehr mehr.

Der neue Herrscher der Goldenen Horde Tochtamysch-Chan (1376-1395) beschloß die im Iran und in Aserbaidshan entstandene Situation zu nutzen. Seinerzeit hatte Amir Timur ihm geholfen, den Thron zu besteigen, wofür ihm Tochtamysch mit offener Feindseligkeit gedankt hatte. Erstens

drangen Truppen Tochtamyschs wiederholt von Norden her in Mawerannachr ein und beraubten die Bevölkerung der inneren Gebiete des Siebenstromlands während der Abwesenheit Amir Timurs. Zweitens ging Tochtamysch politische Bündnisse gegen Amir Timur ein, so zog er beispielsweise zu seinen Überfällen die Herrscher Choresms, die Emire Chusain-sufi und Jussuf-sufi heran. Die Choresmer Reiter drangen bis in die Umgebung von Buchara und Karakul vor und machten reiche Beute und Gefangene. Drittens sammelte Tochtamysch ein riesiges Heer und zog mit ihm an die Grenzen Südaserbaidshans. Tochtamysch errichtete in der Derbender Schlucht ein ständiges Kriegslager.

Anfang der achtziger Jahre des XIV. Jahrhunderts unternahm Tochtamysch aktive Schritte zur Wiederherstellung des militärpolitischen Bündnisses mit dem Mamlukenägypten. Dieses Bündnis war zwischen der Goldenen Horde und Ägypten Mitte des XIII. Jahrhunderts abgeschlossen und von dem Mamlukensultan Beibars und dem Chan der Goldenen Horde unterzeichnet worden. Der Vertrag sah vor, daß beide Staaten gegen die Ilchaniden Irans auftraten, bei erfolgreichem Abschluß des Unternehmens sollten die Mamluken Syrien und die Goldene Horde den Iran erhalten. Nach Erneuerung des Vertrags in den achtziger Jahren des XIV. Jahrhunderts zu gleichen Bedingungen, richtete ihn Tochtamysch-Chan gegen Amir Timur. Diesem Bündnis schlossen sich in Kürze der irakische Herrscher Sultan Achat Dshalairid und die osmanische Türkei an.

Dieser kurze Überblick über die historischen Tatsachen vermittelt eine gewisse Vorstellung von den Bedingungen, unter denen Amir Timur seinen Staat errichtete und seine Außenpolitik gestaltete.

*Koreferat: Prof. Dr. Aschraf Achmedow, Direktor
des Internationalen Instituts für Zentralasiatische Studien*

Zu Beginn des XIV. Jahrhunderts war das in der ersten Hälfte des vorigen Jahrhundert von Tschingis-Chan und seinen Nachkommen geschaffene Reich sowohl in militärpolitischer als auch sozialwirtschaftlicher Hinsicht geschwächt. In allen vier mongolischen Ulussen, auch im Ulus Tschaghatai, zu dem die historische Heimat Amir Timurs, das Stromland zwischen Amudarja und Syrdarja gehörte, war die Lage ähnlich. Mitte des XIV. Jahrhunderts gaben die Mongolen in den drei westlichen Ulussen ihre alte Religion auf und nahmen den Islam an, im Ulus Tschighatai zog sich dieser Prozeß etwas in die Länge. Charakteristisch für die drei westlichen Ulusse war eine feudale Zersplittertheit, obwohl die hier verlaufenden

sozialpolitischen Prozesse gewisse Besonderheiten und Unterschiede aufwiesen. Die einzelnen Ulusse kämpften ständig um die Vormachtstellung, dazu kamen territoriale Streitigkeiten.

Die Tschingisiden des Ulus Hulagu, die Elchaner, die den Iran, Ostanatolien und den Irak besaßen, hatten den Islam bereits unter Gasanchan (1295-1304) angenommen. Solange er an der Macht war, waren sie mit ihren muslimischen Nachbarn sowie mit ihren Verwandten in den anderen beiden Ulussen verfeindet. Mit den Nachkommen Dshotschis stritten sie sich ständig um die angrenzenden Ländereien im Kaukasus, mit den Nachkommen Tschighatais kam es zu erbitterten Konflikten wegen Gebieten in Chorasán. Der letzte mächtige Chan aus der Dynastie der Hulaguiden Sultan Abu Sa'idchan (1317-1335) schloß 1323 Frieden mit den ägyptischen Mamluken und beendete die endlosen Kriege um den Besitz Syriens.

1335, nach dem Tode Abu Sa'ids gelangte Arpa (1335-1336) auf den Thron, im nächsten Jahr nahm seine Stelle Musa ein, der noch im gleichen Jahr entthront wurde. Von 1336-1353 ging der Thron der iranischen Elchanen von einem Marionettenchan, Günstlingen von Amir Hassan Busurg Dshelairn und Amir Hassan Kutschek Tschopani, an den anderen über. Nach 1353 war der Ulus Hulagi völlig zersplittert. Im Süden und Westen, d.h. in Fars und im Iran, herrschten die Musaffariden und Dshelairiden; in Chorasán mit Sabsawar als Zentrum, regierten bis 1381 die Sarbadaren; in Herat und seiner Umgebung herrschte die Dynastie der Kartan; in der Region Kandagar, Busta und Serendsha lösten regelmäßig Herrscher aus den Bergregionen von Gor und türkisch-mongolische Emire einander ab.

Außerdem trieb im Westiran, in Aserbaidshan, in Ostanatolien und auf dem Territorium zwischen den Oasen Syrien und Irak der Turkmenenemir Kara Jussuf Turkmen aus dem Geschlecht der Kara Kojunly sein Unwesen. Durch seine Raubzüge versetzte er die umliegenden Gebiete in Schrecken. Karawanen- und Pilgerstraßen wurden unsicher und hörten auf zu funktionieren, die Lage in der ganzen Region war äußerst angespannt. Sultan Achmad Dshalair, Herrscher des Iraks und Aserbaidshans, unterstützte Kara Jussuf nicht selten bei seinen Raubzügen.

Der Prozeß der weiteren Zersplitterung Irans in kleine Besitztümer dauerte bis in die Epoche Timurs an, dem es gelang, den Iran zu einem einheitlichen Staat zu vereinen.

Der Ulus des ältesten Sohns Tschingis-Chans, Dshotschi, umfaßte Westsibirien und Deschti, Kiptschak, das nordwestliche Choresm und die

Gebiete am Unterlauf des Syrdarja. Die Nachkommen Dshotschis waren ständig mit den Hulaguiden und Tschighataiden wegen Ländereien im Kaukasus und im Nordwesten Zentralasiens in Streitigkeiten verwickelt.

Gemäß russischen Chroniken war die ethnische Zusammensetzung im Ulus Dshotschi oder der Goldenen Horde außerordentlich bunt und stellte eine durch Waffengewalt künstlich geschaffene Vereinigung von Staaten und Völkern dar. A.J. Jakubowski schrieb: „Die Goldene Horde war ein künstliches Staatsgebilde. Durch grobe Gewalt übte sie die Herrschaft über die kulturell hochentwickelte Bevölkerung der Krim, des Wolgagebiets und Choresms aus. Die Macht besaß der türkisch-mongolische Nomadenadel und zwar die Dynastie aus dem Hause der Dshotschiden, die gestützt auf das Militär, die reichen Ackerbaugebiete und Kulturstädte des Wolgagebiets, Bulgars, der Krim und des Nordkaukasus ausbeuteten.“¹

Altrußland, das in diesen Ulus einging, war im XIV. Jahrhundert kein einheitlicher Staat und bestand aus über zehn großen und zwanzig kleinen Fürstentümern und Besitzungen. Gemäß Vertrag mit der Goldenen Horde hatten alle Fürstentümer und Besitzungen alljährlich dem Chan Tribut zu zahlen. Zu Beginn des XIV. Jahrhunderts machten sich in den Fürstentümern Vereinigungsbestrebungen bemerkbar. In ihrem Bemühen, sich von dem Mongolenjoch zu befreien, waren die Fürstentümer bestrebt, ihre Besitztümer zu befestigen und ein mächtiges Heer zu schaffen. Diese Bewegung wurde in der damaligen Zeit von den Fürsten Moskaus, Wladimirs und Twers angeführt. Die Chane der Horde verfolgten die Entwicklung in den Fürstentümern aufmerksam und ließen nicht zu, daß sich die einzelnen Fürsten vereinigten, sie hetzten sie ständig gegeneinander, verlangten die Zahlung hoher Tribute und unternahmen Raubzüge ins Innere des Landes, um die Fürstentümer, Städte und Besitzungen zu schwächen.

1327 sandte der Chan Usbek (1312-1341) Straftrupps in das Fürstentum Twer und vernichtete es, wonach das Großfürstentum Moskau an Bedeutung gewinnt. Die Stärkung des Moskauer Fürstentums fiel zeitgemäß mit der Schwächung des Ulus Dshotschi zusammen. Diese Schwächung begann in den letzten Jahren der Herrschaft Usbek-Chans. Usbek-Chan nahm als erster Chan der Goldenen Horde den Islam an. Diese Religion verbreitete sich relativ schnell unter der

¹ A.J. Jakubowski *Tamerlan. Epucha. Litschnast. Dujanija. (Tamerlan. Epoche. Persönlichkeit. Taten.)* Moskau, 1992, S. 32; B.D. Crekow, A.J. Jakubowski *Solotaja Orda i jejo podenje (Die Goldene Horde und ihr Niedergang)*. Moskau - Leningrad, 1950, S. 31

Nomadenbevölkerung der Goldenen Horde. Mitte des XIV. Jahrhundert nahm die Schwächung der Horde weiter zu. Das beweist die Tatsache, daß innerhalb von dreißig Jahren, von 1349 bis 1379, 25 verschiedene Chane den Thron wechselten.

Trotz dieser Schwächung war die Goldene Horde immer noch bedeutend stärker als die russischen Fürstentümer. Die russische pseudopatriotische Literatur des XX. Jahrhunderts gestaltet die Niederlage des Heerführers Mamai, der nur auf die Gebiete am rechten Wolgaufer Anspruch erhob, durch die vereinten russisch-litauischen Kräfte als „Sieg Altrußlands und der russischen Waffen“ über die Horde, und Dmitri Donskoi gilt als Besieger der Goldenen Horde. Als jedoch 1382, zwei Jahre nach diesem „Sieg“, der neue Chan der Goldenen Horde Tochtamysch nach Moskau kam, um Dmitri Donskoi zu bestrafen, suchte dieser „Sieger“ in Frauenkleidern, zusammen mit seiner Gattin, Zuflucht in einem Kloster in Kostroma². Das beweist, daß Rußland auf dem Kulikowo Polje einen Pyrrhussieg errang, da es noch viele Jahre nach dieser Schlacht weiter der Goldenen Horde tributpflichtig war.

Der Ulus Tschighatai des zweiten Sohns Tschingis-Chans umfaßte das Stromgebiet des Amudarja und Syrdarja bis zum nordwestlichen Choresm und die Gegend Sygnak am Unterlauf des Syrdarja, die zum Ulus Dshotschi gehörten; sowie das Siebenstromland, den Norden Ostturkestans und die Nordhälfte Afghanistans, einschließlich Kabul, wo sich ständig ein Tschighataier Vertreter aufhielt. Die Nachkommen von Tschighatai organisierten ebenfalls ständige Grenzstreitigkeiten mit den Dshotschiden und Hulaguiden. Sie versuchten ihre Ländereien auf Kosten der südöstlichen Gebiete zu vergrößern. Bei einem derartigen Versuch, im Jahre 1327, drang der Tschighataier Chan Alauddin Tarmaschirinchan (1326-1334), der bereits den Islam angenommen hatte, nach Indien ein und nahm ein riesiges Gebiet im Nordwesten des Landes in Besitz. Danach erhoben alle Tschighataier Herrscher Anspruch auf diese Ländereien in Indien.

Der Ulus des dritten Sohns Tschingis-Chans Okdai (Ugedei) Kaan, zu dem China, Tibet und die Gebiete westlich Tibets gehörten, sollte im Südosten an die Gebiete des Ulus Tschighatai grenzen. Auf Beschluß des Kurultais der Mongolen sollte Okdai Groß-Chan werden. Der Ulus existierte jedoch nur eine kurze Zeit. Nach dem Tode des Enkels von Okdai Kaidu im Jahre 1301 geht der Titel des Groß-Chans an seinen Nachkom-

² A.N. Kirpitschnikow. *Kulikowskaja bitwa (Die Kulikower Schlacht)*. Leningrad, 1980, S. 113

men Tolui über. Ein bedeutender Teil der Ländereien des Ulusses Okdai geht ebenfalls in den Besitz von Tolui über. Nur ein unbedeutender Teil dieses Ulusses im Westen fällt an die Tschighataier.

Der Ulus des jüngsten Sohns Tschingis-Chans Toluja bestand aus der eigentlichen Mongolei mit der Hauptstadt Karakorum. Nach dem Tode des Sohnes Okdai Gujuk, im Jahre 1249, fällt der Rang des Groß-Chans zusammen mit China an die Nachkommen Tolujas und Chanbalyk (Peking) wird Hauptstadt. Der jüngste Sohn Tolujas Hulagu erobert 1256 den Iran, den Irak, Syrien und legt den Grundstein der Dynastie der Elchanen. Dieser Ulus erhielt den Namen Hulagu. Hulagu nimmt einen Teil des Stamms der Dshelairen mit sich, die im Irak sesshaft werden. Ein Teil von ihnen verbleibt in der Gegend von Chodshend.

Mitte des XIV. Jahrhunderts verlieren die Groß-Chane ihre Machtstellung in China und werden 1368 ganz aus China vertrieben. 1368 wird in Chanbalyk die chinesische Ming-Dynastie errichtet. In chinesischen Quellen trägt die in Chanbalyk herrschende Dynastie des Großen Mongolenulus den Namen Yuan-Dynastie und wird als chinesische Dynastie betrachtet. Bald gerät die ganze Mongolei als Vasall unter die Herrschaft der chinesischen Kaiser der Ming-Dynastie. Die chinesischen Kaiser machen ihre Ansprüche auf das ganze Reich Tschingis-Chans geltend, wodurch in erster Linie der Tschighataier Ulus gefährdet war. Die chinesischen Kaiser nannten die Herrscher des Tschighataier Ulus in ihren diplomatischen Schreiben niemals anders als „mein Sohn“, wodurch sie ihre Zuzeränität ihnen gegenüber zum Ausdruck bringen wollten.

Im Ulus Tschighatai ist ebenso wie in den anderen Ulussen zu beobachten, daß die Macht der Chane zu Beginn des XIV. Jahrhunderts abnimmt. Keinem von ihnen gelang es, längere Zeit auf dem Thron zu verbleiben. Einer wechselte den anderen ab. Die Chane versuchten trotzdem ihre Position zu festigen. Kopek-Chan und Tarmaschirin-Chan sind die ersten, die nach Besitzergreifung dieser Ländereien zur Vervollkommnung ihrer Herrschaft eine administrative Gliederung des Landes einführen. Sie schufen Kreise und Gebiete, die wiederum in Tjumene und Ortschine untergliedert wurden. Zu Herrschern dieser kleinen Besitztümer wurden Beks aus den Angehörigen der Sippen ernannt, die zusammen mit dem Chan gekommen waren³. Unter ihnen waren vier bedeutende Sippen: die Arlaten, Dshelairen, Kawtschinen und Barlasen.

³ W.W. Barthold. *Uluybek i jowo wremja (Uluybek und seine Epoche)*, W.W. Barthold . Bd. II, Teil 2. Moskva, 1964, S. 26-30

Die Kawtschinen dienten dem Chan, die Arlaten siedelten am linken Ufer des Amudarja im Norden des heutigen Afghanistans, die Dshelairen lebten in der Umgebung von Chodshend, die Barlasen in Kaschkadarja. Das Haupt jeder Sippe war der Bek seines Gebiets. Im XIV. Jahrhundert waren dies alles türkische Sippen.

Der Hauptsitz der Tschighataier Chane befand sich im Flußtal des Ili. Im XIV. Jahrhundert wählten jedoch einige Chane, solche wie Kopek und sein jüngerer Bruder Tarmaschirin, Karschi zu ihrer Hauptstadt. Nach der Ermordung Tarmaschirins im Jahre 1334 wurde der Hauptsitz erneut für mehrere Jahre in das Flußtal des Ili verlegt. Der nächste Chan Kasan (1343-1346) verlegte seinen Hauptsitz erneut in das Tal des Kaschkadarja. Westlich von Karschi baute er sich den Palast Sandshir Sarai. Kasan-Chan versuchte eine starke Macht in Mawerannachr zu schaffen. Er stieß jedoch auf erbitterten Widerstand der Stämme. Kasagan, ein Emir einer dieser Stämme, erhob sich gegen Kasan-Chan und erklärte den mongolischen Prinzen Danischmandtschu zum Chan. Bald darauf, und zwar im Jahre 1346, wurde Kasan-Chan besiegt und hingerichtet, die Macht ging an Kasagan über. Der Machtbereich dieses Emirs beschränkte sich jedoch nur auf Mawerannachr und das linke Ufer in Nordafghanistan. Die Ländereien des ehemaligen Tschighataier Ulus östlich von Mawerannachr fielen an einen der Duglater Beks. Das bedeutete eine Teilung des Tschighataier Ulus in einen östlichen und einen westlichen Teil. Die Mawerannachrer und Duglater Emire erhoben einen unter ihnen lebenden Nachkommen Tschighatais zum Chan, um ihrer Macht gesetzliche Grundlage zu verleihen. Die Chane von Mawerannachr waren in Wirklichkeit Marionettenherrscher und besaßen keinerlei politische Macht. Die Chane der Duglater Emire dagegen verfügten tatsächlich über Macht. Einige von ihnen wurden sehr mächtig und bildeten Regierungen, waren jedoch nicht in der Lage, ihre Macht an ihre Nachkommen weiterzugeben.

Hervorgehoben sei, daß in beiden Staaten die gleiche militärpolitische Ordnung bestand und Sprache und Kultur der dort lebenden Stämme nur unwesentliche Unterschiede aufwiesen. Trotz der Verwandtschaft der Barlasen, Arlaten, Dshelairen und Kawtschiner im Westen mit den Duglaten im Osten und ihrer Zugehörigkeit zu den Turkvölkern wies die Bevölkerung beider Staaten auf die Unterschiede zwischen ihnen hin: die Bewohner Mawerannachs betrachteten sich als Tschigitaier, die östlichen Stämme dagegen nannten sie Mogolen und ihr Land Mogolistan. Die Bewohner Mogolistans wiederum nannten die Tschighataier Karaunasen.

In allen mongolischen Ulussen verstärkte sich Mitte des XIV. Jahrhunderts auf dem Hintergrund der inneren Widersprüche und der separatistischen Bemühungen der Kampf um die Macht. In diesem Kampf siegten die Stärksten und nahmen ihren Platz in der historischen Arena ein. Im Ulus Dshotschi war das Tochtamysch, im Ulus Hulagu - Ahmad Dshelair und Kara Jussuf und im Ulus Tschighatai - Amir Timur. Sie hatten aus der Vergangenheit eine Reihe ernsthafter Probleme sozialpolitischen und wirtschaftlichen Charakters übernommen, deren Lösung unweigerlich zu Zusammenstößen der Interessen dieser Herrscher führen mußte.

Amir Timur betritt die historische und politische Arena erstmalig im Jahre 1360 in Verbindung mit der Ankunft des letzten mächtigen Tschighataier Chans Mogolistans Tugluk Timur in Mawerannachr im Januar dieses Jahres.

Kurz davor waren im zu Mawerannachr gehörenden Teil Zentralasiens politische Ereignisse vor sich gegangen, die Timurbek in die historische Arena befördert hatten.

Timurs Vater Taragaibek war einer der Ulusemire Mawerannachs. Zusammen mit seinem Verwandten Hadshi Barlas gehörte ihm ein Besitztum in Kaschkadarja. Da er sehr religiös war, interessierte er sich nicht für weltliche Dinge und mit der Regierung befaßte sich in erster Linie Hadshi Barlas. Trotz alledem war Taragaibek im Ulus geachtet. Seinem Rat folgten sogar einige Emire Mogolistans, der Chan selbst lud ihn zu dem alljährlich im Siebenstromland, im Flußtal des Ili,⁴ veranstalteten Kurultai ein. Das war wahrscheinlich ausschlaggebend für die Karriere Amir Timurs. Den Aufstieg Timurs förderte offensichtlich auch die Heirat mit der Enkelin des Herrschers von Mawerannachr, Kasagan Uldshai Turkan-aga im Jahre 1355. Durch diese Ehe stieg das Ansehen Amir Timurs in den Augen seiner Zeitgenossen.

Der Emir Kasagan regierte 10 Jahre lang. In diesem Zeitraum stabilisierte sich die Lage in Mawerannachr. 1356 wurde Kasagan von seinem Schwiegersohn Kutlug Timur ermordet. Auf den Thron von Mawerannachr gelangte sein jüngster Sohn Abdullah Mirsa, der mit der ihm auferlegten Aufgabe nicht zurechtkam und zwei Jahre später ebenfalls getötet wurde. Danach geht die Macht im Ulus des dritten Sohns Tschingis-Chans gleichzeitig an zwei Emire über: an Bajan Suldusbek und Hadshi Barlasbek. Während ihrer Regierungszeit herrschte Anarchie. Zu diesem

⁴ W.W. Barthold. *Ulugbek i jemu wranjo (Ulugbek und seine Epoche)*, W.W. Barthold, Bd. II, Teil 2. Moskau, 1964, S. 40

Zeitpunkt machte sich eine Zunahme der separatistischen Strömungen in Mawerannachr bemerkbar: über ein Dutzend Beks erhoben Anspruch auf die Herrschaft im Lande. In dieser Situation unterstützte der junge Amir Timur zunächst einmal seinen Verwandten Hadshi Barlasbek.

1359 kommt in Mogolistan, d.h. dem Ostteil des Ulus Tschighatai, der neue Chan Tugluk Timur⁵ an die Macht. Die Anarchie in Mawerannachr nutzend, beschließt Tugluk Timurchan erneut den Ulus Tschighatai zu vereinigen. Bereits im Januar des Jahres 1360 dringt er in das Gebiet von Mawerannachr ein und macht in der Nähe von Chodshend Halt. Von der Strenge des Chans in Furcht versetzt, laufen die Emire Mawerannachr auseinander: der Emir Hadshi Barlas begibt sich mit seiner Verwandtschaft nach Chorosan, in die Gegend jenseits des Amudarja. Zu diesem Zeitpunkt demonstriert der vierundzwanzigjährige Timur erstmalig seine politische Reife: gewillt das Volk und den Ulus zu schützen, begibt er sich zum Chan, um Friedensverhandlungen zu führen. Diese Tat fand das Wohlgefallen Tugluk Timurs. Er ernannte Amir Timur zum Daruga der Kaschkadarjaebene und verließ bald darauf das Gebiet von Mawerannachr.

Weiter entwickelten sich die Ereignisse im Ulus Tschighatai nicht zum Vorteil von Amir Timur und er beschloß gegen die ausländischen Eroberer zu kämpfen. In diesem Kampf wurde Amir Timur vom Bruder seiner Gattin, dem Emir Hussein, und seinen Jugendfreunden unterstützt. Anfang 1336 gelang es Amir Timur und seinen Gesinnungsgenossen, die Mongolen aus Mawerannachr zu vertreiben. Inzwischen kam es jedoch zwischen Timur und Hussein zu Unstimmigkeiten, die bald in offene Feindschaft übergingen. Die Kämpfe zwischen Amir Timur und Hussein währten vier Jahre und endeten im April 1370 mit dem Siege Amir Timurs. Am 9. April des gleichen Jahres wurde Hussein in Balch hingerichtet. Der dort einberufene Kurultai wählte Timur zum einzigen Herrscher von Mawerannachr.

Im Sommer des gleichen Jahres machte Timur Samarkand zu seiner Hauptstadt und begann mit ihrer Modernisierung. Zu diesem Zeitpunkt hatte sich die Lage in Mawerannachr und südlich des Amudarjas insgesamt stabilisiert: die Mogolen waren aus dieser Gegend vertrieben. Die Mogolenfrage war jedoch noch nicht endgültig entschieden, da Mogolistan

⁵ *Mirsa Muhammad Chaldar. Ta'rich Raschidi (Einführung, Übersetzung aus dem Persischen von A. Urumbajew, R.P. Dshailowa, L.M. Jepifanowa) Anmerkungen und Hinweise R.P. Dshailowa und L.M. Jepifanowa Taschkent, "Fan", 1996, S. 29-32*

(oder Dshete, wie es damals genannt wurde) sich nur 100 bis 150 Kilometer östlich von Taschkent befand und die Bevölkerung dieses Landes sich als Mongolen betrachteten und gemäß den Gesetzen Tschingis-Chans lebten. Mogolistan verfügte noch über bedeutende wirtschaftliche und militärische Möglichkeiten. Es bestand weiterhin die Gefahr, daß der Chan von Dshete zu jedem beliebigen Zeitpunkt Mawerannachr überfallen konnte. Deshalb war Timur gezwungen, bedeutende Kräfte einzusetzen, um diese Gefahr abzuwenden.

Wahrscheinlich ist es sinnvoll, an dieser Stelle auf eine Seite der zentralasiatischen Politik Timurs einzugehen. Obwohl Timur die Mogolen aus Mawerannachr vertrieben hatte und vom Kurultai in Balch zum Padschah Mawerannachr gewählt worden war, erkannte er formal die Oberlehnsheheit des mongolischen Marionettenchans an und betrachtete sich als sein Emir, d.h. als sein Kriegsminister. Das war außerordentlich vorteilhaft für Timur als Politiker, da er als Emir nicht über die politische Macht eines tatsächlichen Chans verfügte, er jedoch im Namen des Chans herrschen konnte und Anspruch auf die Macht im ganzen Ulus erheben konnte. Aber Amir Timur geht noch weiter: im Sommer des gleichen Jahres 1370 verleiht er Sujurgatmisch, einem Nachkommen Okdai-Chans, d.h. des Chans des Großen Ulus⁶, die Würde eines Chans. Offensichtlich war das kein Zufall, es gab in Mawerannachr viele Tschighataiden, und Timur hätte jeden von ihnen auf den Thron setzen können. Timur wählte einen Nachkommen des Chans des Großen Ulus, um Anspruch auf den Rang eines Emirs in allen vier Ulussen zu haben. Nach der Wahl des Chans nahm Amir Timur unverzüglich die Lösung militärpolitischer Fragen in Angriff.

Während der ganzen Herrschaftszeit der Mongolen erschwerte die künstliche Teilung Choresms die militärpolitische Lage in Zentralasien: noch zu Lebzeiten Tschingis-Chans wurde 1227 das nordwestliche Choresm dem Ulus Dshotschi zugeordnet und das südöstliche dem Ulus Tschighatai. Die späteren Chane der Horde hatten wiederholt Versuche unternommen, ihre Herrschaft auf ganz Choresm auszudehnen. Mitte der sechziger Jahre des XIV. Jahrhunderts nutzte der Kongrater Herrscher Nordchoresms Dshotschid Hussein Sufi die instabile Lage Mawerannachs, annektierte Südostchoresm, unternahm Überfälle auf Buchara und bedrohte die zentralen Gebieten der Tschighataier, gleichzeitig festigte er

⁶ *Kamal ad-Din' Abd ar-Rassak as Samarkandi. Mat la' i sa' dain wa madshma' l bachrein. Teheran 1372/1994. S. 434 (in Farrisi)*

seine Macht in Mawerannachr und stellte neben der Frage Dshete auch das Problem Choresm auf die Tagesordnung und nahm ihre Lösung unverzüglich in Angriff.

1371 entsandte Timur zwei Strafrupps nach Dshete. Er schickte weiterhin ein Schreiben an Hussein Sufi in Choresm, in dem er folgendes forderte: erstens, daß jener ihm den im Laufe von fünf Jahren im Tschighataier Teil Choresms und in den Städten Kjat und Chiwa eingetriebenen Tribut zahlt; zweitens, den südöstlichen Teil Choresms verläßt. Nur bei Erfüllung dieser Bedingungen ist ein Friedensabschluß mit Hussein Sufi möglich. Hussein antwortete grob auf die Forderungen Amir Timurs und ließ die Abgesandten Timurs ins Verließ werfen. Diese Tat bildete den Anlaß für den ersten Feldzug Timurs nach Choresm im Frühjahr 1372. Im Zeitraum von 1372 bis 1388 unternimmt Timur zahlreiche Feldzüge nach Choresm. Alle diese Feldzüge wurden durch die Sufiden provoziert. Sogar die Anknüpfung verwandtschaftlicher Beziehungen - die Heirat des ältesten Sohnes Amir Timurs Dshechangir Mirsa mit der Tochter des Sufiden Chansada — änderte nichts daran. Die Sufiden provozierten Timur ständig und unternahmen Raubzüge nach Buchara und in andere Gebiete Mawerannachs. Eine derartige großangelegte Provokation fand Ende 1387, Anfang 1388 statt. Die Sufiden, die sich dem Hordenchan Tochtamysch angeschlossen hatten, der inzwischen zu einem erbitterten Feind von Amir Timur geworden war, unternahmen, die Abwesenheit Amir Timurs nutzend, der sich im Südiran, in Fars aufhielt, einen Raubzug tief ins Innere von Mawerannachr bis hin in die Umgebung von Termes. Auf dem Wege zerstörten sie Buchara und Umgebung, verwandelten Sandshir Sarai, einen Palast in Kaschkadarja, der Timur als Winterquartier diente, in Schutt und Asche.

Als Amir Timur davon erfuhr, kehrte er schleunigst aus Fars zurück und unternahm im Frühjahr 1388 seinen fünften und letzten Feldzug gegen Choresm. Als Strafe für die Zerstörung des Palastes Sandshir Sarai machte er Urgentsch dem Erdboden gleich und befahl, die Einwohner nach Samarkand zu deponieren und die Fläche mit Gerste zu besäen. Drei Jahre später, im Herbst 1391, bei seiner siegreichen Rückkehr aus dem Krieg gegen Tochtamysch-Chan, ordnete Amir Timur an, Urgentsch wiederaufzubauen und gestattet der Bevölkerung die Rückkehr in die Stadt⁷. Mit diesem Feldzug wurde die endgültige Unterwerfung Choresms erreicht.

⁷ Scheref ad-Din 'Ali Yazdi. *Safar-nama*. Herausgegeben von A. Uriunbajew. Taschkent. „Fan“. 1972, S. 408 (in Farsi)

Neben der Lösung des Choresmer Problems befaßte er sich mit dem Problem Mogolistan - Dshete. Die Duglater Emire Kamariddin und Anka Tura sorgten durch ihre ständigen Überfälle auf Mawerannachr von Us- gend aus für dauernde Spannung. Von 1371 bis 1390 unternahm Timur sieben Feldzüge nach Mogolistan. Timur gelang es, im Norden bis zum Altaigebirge vorzudringen, im Osten erreichten seine Truppen die am nächsten gelegenen Bereiche der Chinesischen Mauer. Mogolistan wurde vollständig unterworfen. Zu diesem Zeitpunkt tauchte für Timur das Problem Dashti Kiptschak (oder die Goldene Horde) und Tochtamysch auf.

Bereits Anfang des Jahres 1376, als Timur seinen fünften Feldzug gegen Mogolistan antrat, wandte sich in der Gegend von Otrar der Sohn des usbekischen Herrschers Mangyschlaks, Toi Hodsha Oglana, Tochtamysch, mit der Bitte um Hilfe und Unterstützung an ihn. Kurz vorher war Toi Hodsha, als der usbekische Herrscher der Weißen Horde Uruschan den Rat seiner Beks einberufen hatte, um die Frage des Anwärters auf den Thron der Goldenen Horde zu entscheiden, gegen den gefaßten Beschluß aufgetreten. Danach ließ Uruschan ihn hinrichten. Um seinen Vater zu rächen, ermordete Tochtamysch einen der Söhne Urus- chans und suchte Schutz bei Timur. Timur nahm ihn wie einen eigenen Sohn auf, da kurz vor diesen Ereignissen der älteste Sohn Timurs, Dshachangyr, ein Altersgenosse Tochtamyschs, gestorben war.

Timur gewährte Tochtamysch Asyl, gab ihm Krieger und ernannte ihn zum Herrscher der Gebiete Sabran und Sygnak. Tochtamysch wurde je- doch von Kutlug Buga, einem Sohn Uruschans, aus diesen Ländereien vertrieben. Tochtamysch war gezwungen, sich erneut an seinen Gönner zu wenden. 1376 leistete Timur Tochtamysch erneut militärische Unterstützung und schickte ihn nach Sabran. Tochtamysch erlitt erneut eine Niederlage und wäre beinahe im Syrdarja ertrunken: er wurde von Timurs Kriegerern gerettet. Im gleichen Jahr 1376 kämpfte Amir Timur gegen Uruschan, um Tochtamysch zu schützen. In dieser Schlacht erlagen Uruschan und sein Sohn Toktakija ihren Wunden. Nach dem Sieg über die Feinde ernannte Timur Tochtamysch zum Chan der Weißen Horde und kehrte im Frühjahr 1377 in die Heimat zurück.

Noch vor der Ankunft Timurs in Samarkand überfiel Timur Malik, ein weiterer Sohn Uruschans, Tochtamysch, besiegte ihn und schlug ihn in die Flucht. Der besiegte Tochtamysch wandte sich das dritte Mal mit der Bitte um Unterstützung an Timur. Zu Beginn des Jahres 1378 sammelte Timur ein großes Heer und schickte Tochtamysch mit einem seiner Feldherren

gegen Timur Malik. Den Überraschungseffekt nutzend, gelang es Tochtamysch diesmal, Timur Malik zu besiegen. Tochtamysch überwinterte in Sygnak und nahm im Frühjahr dieses Jahres den Thron der Goldenen Horde ein. Von diesem Augenblick an gelangten die Goldene Horde und die ihr untertänigen russischen Fürstentümer unter die Zuzeränität Timurs.

Die weiteren militärpolitischen Interessen Timurs betrafen den Iran und Vorderasien. Noch zu Zeiten des Emirs Kasagan Karta war Herat, das militärische Hilfe benötigte, Vasall des Tschighataier Emirs geworden. Diese Abhängigkeit fand darin ihren Ausdruck, daß der Herrscher von Herat an den alljährlichen Kurultaien der Tschighataier Emire in Mawerannachr teilnehmen und dem Herrscher von Mawerannachr bei Bedarf bewaffnete Kräfte zur Verfügung stellen mußte. Außerdem mußte Herat einen bestimmten Tribut zahlen. Ende des Jahres 1380 schickte Timur zu dem Herrscher von Herat eine Gesandtschaft mit dem Emir Hadshi Saifuddinbek an der Spitze, der die Einladung zum Kurultai im nächsten Frühjahr überbrachte. Bei seiner Ankunft in Herat bemerkte Hadshi Saifuddinbek, daß der Herrscher Malik Gijassaddin die Stadtmauern und die Zitadelle der Stadt befestigen ließ. In Herat war eine zweite Mauer errichtet worden, die die außerhalb der Stadt gelegenen Gärten umschloß. Das alles sprach dafür, daß sich Malik auf den Krieg vorbereitet. Dazu kam, daß er keinerlei Anstalten machte, Hadshi Saifuddin zurückkehren zu lassen. Der war gezwungen, heimlich die Stadt zu verlassen, um Timur von dem Gesehenen in Kenntnis zu setzen. Amir Timur schickt bereits Anfang des Jahres 1381 seinen vierzehnjährigen Sohn Miranschah mit fünfzig Koschunen in Richtung Herat. Nachdem er das Heer um sich geschart hatte, folgte er ihm selbst nach und begab sich nach Chorosan. Das war der erste Feldzug Amir Timurs in Richtung Iran.

Wie bereits oben erwähnt wurde, war der Iran in der zweiten Hälfte des XIV. Jahrhunderts in mehrere Kleinstaaten zersplittert, die sich gegenseitig befehdeten. Zu diesem Zeitpunkt war der Iran weniger ein politischer als ein geographischer Begriff. Häufige Streitigkeiten zwischen den kleinen Staaten auf dem Territorium Irans hatten sie stark geschwächt. Wenn zu der damaligen Zeit irgend jemand und nicht unbedingt Timur in der Nähe der geographischen Grenzen einen mächtigen Staat gegründet hätte, so hätten sich zweifellos früher oder später diese kleinen Staaten Irans ihm angeschlossen. Als Beweis dafür kann dienen, daß 1385, 1387 und 1394 Tochtamysch verheerende Feldzüge in den nordwestlichen Iran unternahm

und nur die Anwesenheit Timurs verhinderte, daß Tochtamysch den ganzen Iran unterwarf.

Bis Mitte der achtziger Jahre des XIV. Jahrhunderts hatte Timur nicht die Absicht, den Iran zu erobern. Die ersten beiden Feldzüge Tochtamyschs in den Iran ließen Timur diesen Entschluß fassen.

Zu diesem Zeitpunkt besaß die Politik Timurs bereits einen stark ausgeprägten internationalen Charakter, da die Möglichkeit eines Bündnisses zwischen der Goldenen Horde und dem Mamlukenägypten offensichtlich war. Es sei darauf hingewiesen, daß zwischen diesen beiden Staaten weit zurückreichende Kontakte bestanden, die jedoch in erster Linie wirtschaftlichen Charakter hatten. Auf dem Hintergrund der Ereignisse des letzten Viertels des XIV. Jahrhunderts erhielt dieses Bündnis mititärpolitischen Charakter. Anfang der neunziger Jahre des XIV. Jahrhunderts schloß sich die osmanische Türkei dieser Allianz an.

Amir Timur war sich der politischen Ausrichtung dieses Dreierbundes bewußt: seine Kundschafter versorgten ihn mit relativ genauen Angaben über die Absichten der Seiten. Die Angehörigen der Allianz fürchteten das Vordringen Amir Timurs nach Vorderasien und in den Kaukasus. Timur seinerseits plante, den Iran, den Irak und Ostanatolien zu einem Staat zu vereinen, um die Karawanenwege der Großen Seidenstraße zu sichern. Das würde sich positiv auf die Sicherheit und den Wohlstand der ganzen zentralasiatischen Region auswirken. Timur, der über genaue Angaben über seine Gegner verfügte, beschloß, jeden von ihnen getrennt zu vernichten und mit Tochtamysch, dem Gefährlichsten unter ihnen, zu beginnen. Die Feldzüge gegen Tochtamysch im Jahre 1391 und 1395 endeten mit dem vollständigen Sieg Amir Timurs. Nach diesen Kriegszügen war die Goldene Horde vollständig vernichtet.

Der Sieg Timurs über Tochtamysch ist für die ganze Menschheit von Bedeutung. Durch den Sieg über Tochtamysch rettete Timur erstens die islamische Kultur vor Zerstörung und Niedergang. Er rettete Zentralasien, den Iran und bestimmte Regionen vor einer neuen Tataren-Mongolen-Invasion. Zweitens öffnete er Osteuropa den Weg zu Unabhängigkeit und Freiheit. Der Untergang der Goldenen Horde festigte das polnisch-litauische Bündnis und schuf die Voraussetzungen für ihren Sieg in der Schlacht bei Grünwald.

Außerdem wurde durch den dreijährigen und fünfjährigen Krieg Amir Timurs der Iran zu einem Staat vereint und das Fundament des später mächtigen Safawidenreichs gelegt.

Nach der Zerschlagung Tochtamyschs brauchte sich Timur keine Sorgen mehr um sein Hinterland zu machen und konzentrierte seine Aufmerksamkeit auf die übrigen beiden Mitglieder der Allianz. Er unternahm eine Reihe diplomatischer Schritte zur Herstellung gutnachbarlicher Beziehungen mit dem Mamlukenägypten und dem Osmanenreich. All seine Bemühungen stießen bei der anderen Seite auf keinerlei Entgegenkommen. Im Gegenteil sandten die Sultane beider Reiche Timur grobe Antworten auf seine friedlichen Noten. Deshalb war ein Krieg gegen den Sultan von Ägypten und den Herrscher der Türkei unabwendbar. Als Timur im letzten Jahrzehnt des XIV. Jahrhunderts erstmalig in Ostanatolien auftauchte, waren diese Gebiete noch den Osmanen untertan. Hier bestanden mehrere selbständige Beiliken. Einige Gebiete im Süden und Südwesten Kleinasiens waren erst kurz vorher an das Osmanenreich gefallen. Die Osmanen und die ägyptischen Mamluken stritten sich um die Gebiete im Norden Syriens und Südosten Kleinasiens. Nachdem Timur den Westiran, Aserbaidshan und den Irak in Besitz genommen hatte, entstand hier eine dritte Macht. In der Außenpolitik Amir Timurs wurden damals neue Akzente gesetzt: da der größte Teil des Ulusses Hulagu zu seinem Besitz gehörte, erklärte er sich zum Thronfolger des ganzen Ulusses Hulagu. In diesem Zusammenhang sei daran erinnert, daß Timur bereits im Jahre 1370 einen Nachkommen des Chans des Großen Ulusses zum Chan erhoben hatte. Natürlich hatte Timur als Bek oder sogar als Sultan des Tschighataier Ulus keinerlei moralische und juristische Rechte auf die Länder in Vorderasien, im Namen des Nachkommen Okdais, der sich bei ihm befand, konnte Timur Anspruch auf die Ländereien aller Vermögen des vier Ulusse geltend machen, was in diesem Falle auch in Vorderasien geschah. Timur kämpfte um den Besitz von Syrien und Ostanatolien. Die „Syrische Frage“ wurde bereits 1401 entschieden: alle Gebiete im westlichen Mittelmeergebiet wurden den Besitzungen Timurs einverleibt. Einen Teil des Winters verbrachten seine Krieger in jenem Jahr an der Küste des heutigen Syriens, des Libanons und Israels.

Die Schlacht gegen den türkischen Sultan Bajezid I. Jildirim fand am 20. Juli 1402 bei Ankara statt. Sie währte nur wenig länger als einen halben Tag und endete mit der Gefangennahme des Sultans. Nach diesem Sieg blieb Timur noch ein halbes Jahr in Kleinasien, um die Widerstandsherde zu liquidieren. Im Herbst 1403 erklärten sich der Kaiser von Byzanz in Konstantinopel, die Herrscher des Nordbalkans bis hin zur Donau, der Ritterorden in Morea und die Inseln im Ägäischen Meer zu Vasallen

Timurs und verpflichteten sich, Tribut zu zahlen. Heute ist erwiesen, daß die Kleinasienpolitik Timurs Verständnis und die volle Unterstützung der Könige Englands, Frankreichs und Spaniens fand. Der Grund dafür ist offensichtlich, wenn man berücksichtigt, daß kurz vor dem Feldzug Timurs nach Kleinasien im Jahre 1396 in der Nähe der bulgarischen Stadt Nikopol ein Kreuzzug der europäischen Mächte gegen das Osmanenreich eine Niederlage erlitten hatte. Viele hervorragende Feldherren der Kreuzritter waren in die Gefangenschaft Bajezids I. geraten. Die Schlacht bei Nikopol hatte bewiesen, daß nicht nur ein einzelner europäischer Staat, sondern sogar ihre Koalition nicht in der Lage waren, die Osmanen zu besiegen. Deshalb fanden die gegen Bajezid I. gerichteten Aktionen Timurs hohe Anerkennung bei den europäischen Königshäusern. Der Sieg Timurs bei Ankara verhütete einen Türkeneinfall in Europa, gab der europäischen Renaissance des XV. und XVI. Jahrhunderts, die einen bedeutenden Einfluß auf die gesamte moderne Zivilisation hatte, die Möglichkeit zu ihrer Entfaltung. Die Zerschlagung der Goldenen Horde durch Timur bewahrte die muslimische Welt vor dem Chaos der Versteppung und schuf die Voraussetzungen für die Entstehung eines unabhängigen und mächtigen russischen Reiches.

Den Winter 1403/1404 verbrachte Timur in Karabag, im Frühjahr trafen bei ihm Abgesandte aus Deschta Kiptschak (der Goldenen Horde) mit der völligen Unterwerfungserklärung ein, wodurch ein erneuter Kriegszug gegen die Horde, den er gemäß Scharadd ad-Din Ali Yazdi unternehmen wollte, überflüssig wurde. Anfang Juni des Jahres 1404 kehrte Timur in seine Heimat, nach Samarkand, zurück. Jedoch schon im November dieses Jahres, d.h. weniger als fünf Monate nach seinem „siebenjährigen Feldzug“ begab er sich auf seinen letzten Feldzug gegen die chinesische Ming-Dynastie. Kurz vorher noch hatte der chinesische Kaiser Timur in einem an Timur gerichteten Schreiben diesen als „Sohn“, d.h. Vasall, bezeichnet und damit dessen Eigenliebe beleidigt. Timur wollte noch Ende des vorherigen Jahrhunderts mit den Ansprüchen des chinesischen Kaisers Schluß machen. Jedoch die unerwarteten Ereignisse im Westen seines Reiches hatten ihn gezwungen, seinen siebenjährigen Feldzug nach Westen zu unternehmen. Der ungewöhnlich harte Winter 1404/1405 verzögerte den Feldzug nach China. Timur war gezwungen, in Otrar zu bleiben. Nachdem er zwei Monate mit Warten verbracht hatte, zog er sich am 11. Februar 1405 eine Erkältung zu und starb eine Woche später.

Am 18. Februar 1405 verstarb Amir Timur, der große Feldherr, Staatsmann und Reformator.

DIE REZEPTION AMIR TIMURS UND ZENTRALASIENS IN EUROPA ZU BEGINN DER RENAISSANCE*

Prof. Dr. Tilman Nagel, Direktor des Seminars für Arabistik der Georg-August-Universität zu Göttingen

I

Tamerlan im Verständnis der Renaissance

Auf dem Konzil von Konstanz, das vor allem wegen des Wortbruchs gegenüber dem böhmischen Reformator Jan Hus den Mitteleuropäern im Gedächtnis geblieben ist, beschäftigte man sich nicht allein mit der Eindämmung von Gedanken, die man als ketzerisch und als gefährlich für den Bestand der römischen Kirche erachtete. Man erörterte auch die jüngsten weltpolitischen Peripetien. Nach dem Scheitern des von König Sigismund von Ungarn angeführten Kreuzzuges im Jahre 1396, der das in tödlicher Umklammerung durch die Osmanen dem Untergang geweihte Byzantinische Reich – bzw. das, was hiervon noch übrig war – hatte retten sollen, konnte niemand daran zweifeln, daß der Sultan Bajezid in Bälde die Kaiserstadt erstürmen würde. Ganz unverhofft aber war aus dem Osten jener rätselhafte Tamerlan aufgetaucht, ein, wie man sagte, Tartare, und hatte im Juli 1402 jenen verhaßten Bajezid bei Ankara vernichtend geschlagen und gefangengenommen. Und so tauchten dann in Europa auch unvermittelt die eineinhalb Jahrhunderte alten Träumereien auf, man könne mit den Mongolen im Bunde die inzwischen noch viel bedrohlichere islamische Gefahr bannen.

Da wird es sich gut getroffen haben, daß man in Konstanz einen Mann zur Verfügung hatte, der einiges über jenen Tamerlan zu erzählen wußte, wenn er ihm auch nicht begegnet war. Aber immerhin konnte er aus eigener Anschauung einiges über die Verheerungen berichten, die Tamerlans Kriegerscharen in Syrien, vor allem in Damaskus, im Winter von 1400 auf 1401 angerichtet hatten, und auch manche von den Gerüchten weitergeben, die die Gestalt des Eroberers umgaben. Dieser Zeuge war Bertrando de Mignanelli, ein 1370 in Siena geborener Italiener, den es gegen Ende des 14. Jahrhunderts nach Damaskus verschlagen hatte, wo er es, wie er selbst

* Der Vortrag ist erschienen in : *Oriente Moderno, nuova serie XV (LXXXVI), 2 (1 volume), 1996.*

schreibt, mit harter Arbeit und unter mannigfachen Gefahren zu einigem Reichtum und zu Ansehen gebracht hatte. Wie heikel sein Leben dort war, deutet er am Schluß seiner 1416 in Konstanz verfaßten kleinen Denkschrift über Tamerlan an: Mancherlei Boshaftigkeiten der muslimischen Bevölkerung habe er erdulden müssen, aber da die Lateiner von den Sultanen sehr geschätzt würden, habe er sich aller Übergriffe erwehren können, und sei es durch Einschüchterung, indem er seine Widersacher durch Sklaven habe auspeitschen lassen.¹ De Mignanelli hatte den Winter auf 1401, als Damaskus von Tamerlan in Schutt und Asche gelegt wurde, in Jerusalem zugebracht – um seiner und seines Vaters Seelenheil willen, wie er schreibt. Als zu Beginn des Jahres das mamlukische Heer nach dem Verlieren eines Gefechts wie in Panik aus Syrien nach Kairo zurückhastete, da sich das Gerücht von einem dort bevorstehenden Machtwechsel verbreitet hatte, zog es auch de Mignanelli vor, sich zunächst nach Ägypten zu begeben, von wo aus er jedoch wenig später über Zypern nach Damaskus zurückreiste.

Der Bericht, den er in Konstanz verfaßte, setzt mit dem Oktober 1400 ein. Tamerlan stößt aus dem Nordosten, von jenseits des Gebietes der "Tataren", nach Süden gegen das Reich der Mamluken vor. Aleppo wird erobert. Weitsicht und Tücke kennzeichnen Tamerlans Handlungsweise: Er gibt sich milde gegen den gefangenen mamlukischen Statthalter, weiß er doch, daß er auf diese Weise den Argwohn des Sultans schürt, der dem Aleppiner Verrat unterstellen wird. Angeblich um Friedensverhandlungen aufzunehmen, schickt Tamerlan eine Gesandtschaft nach Kairo; in Wirklichkeit soll sie die dortige politische Lage auskundschaften und Zwietracht unter den Mamluken säen. Mit List bemächtigt er sich der Reichtümer der Juden von Aleppo: In ihrer Synagoge seien ihre Güter sicher, deutet er an; als Juden verkleidete Gefolgsleute besuchen das Gotteshaus zum Chanukka-Fest und fallen über die ahnungslosen Beter her, eine Episode, die de Mignanelli mit unverhohlener Schadenfreude erzählt. Nach der Rückkehr der Gesandtschaft aus Kairo entschließt sich Tamerlan zum Marsch auf Damaskus. Unweit der Stadt kommt es Anfang Januar 1401 zum ersten Kräftemessen mit dem Heer des erst 14-jährigen Sultans Farag. Wie so oft, geht Tamerlans Taktik auf: er läßt seine Leute zum Schein zurückweichen, bis die ihres Sieges frohen Feinde ganz von seinen Truppen umzingelt sind, die sich unvermittelt zum Kampf stellen und unter den überrumpelten Angreifern ein Blutbad anrichten. Ohne daß

¹ W.J. Fischel: *A New Latin Source on Tamerlane's Conquest of Damascus*, in: *Oriens* 9:1936 (201-232), 229.

Tamerlan selber die Initiative an sich gerissen hätte, beschließen die Mamluken, sich nach Kairo abzusetzen.

Damaskus ist ihm plötzlich auf Gedeih und Verderb ausgeliefert. Die Qadis begeben sich zu ihm, um von ihm Gnade zu erflehen; er versichert ihnen, daß er gekommen sei, sie vom Joch der Christen und vom Joch des Kairiner Sultans zu befreien, worauf die törichten Qadis in Jubel ausbrechen, zumal sie auch Tamerlans Versicherung ernst nehmen, er sei voller Verehrung für den Propheten Muhammad.

"In Wirklichkeit glaubte er weniger an ihn als ich", flicht de Mignanelli in seinen Bericht ein. Die Qadis unterwarfen sich also der Befehlsgewalt Tamerlans; daß dieser die von den geflohenen Mamluken zurückgelassenen Besitztümer für sich verlangt, ist für sie kein Opfer, und sie machen sich erbötig, dieses nunmehr herrenlose Gut aufzustöbern und auszuliefern. Doch allmählich erstrecken sich die Forderungen des Eroberers auch auf das Eigentum anderer Kreise der Bevölkerung, und die Qadis müssen ihren von Tag zu Tag schändlicheren Hilfsdienst verrichten. Die Gier Tamerlans aber ist unersättlich. Hohe Tributzahlungen werden geleistet, schließlich wird die Stadt zur Plünderung freigegeben, und die Bevölkerung erleidet unsäglich Qualen. Auch wenn die Damaszener ein widerwärtiger Menschenschlag seien, schreibt de Mignanelli, so sei die Verwüstung der Stadt doch zu bedauern.

"Siehe, Damaskus wird aufhören, eine Stadt zu sein, und wird ein Trümmerhaufen werden!" Dieses sehr freie Zitat aus den Weissagungen des Propheten Jeremia (Kap. 49, 23-27) kommt ihm als passende Beschreibung des Zustandes in den Sinn, in dem er Damaskus nach dem Abzug Tamerlans antrifft.

Immer wieder fragt sich de Mignanelli zwischen den Zeilen, wie er das schier unbegreifliche Geschehen, dessen Opfer Damaskus wurde, die Stadt, der er sich in einer wahren Haßliebe verbunden weiß, doch auf den Begriff bringen kann. Und so finden wir schon bei de Mignanelli eine Reihe von Bemerkungen, die das europäische Bild von Tamerlan bis hin zur Gestaltung seiner Vita im Drama Marlowes prägen werden. Natürlich mußten die Damaszener so bitter leiden, weil sie sündhafte Menschen sind, glaubt de Mignanelli zu wissen; ihre Stadt sank in Schutt und Asche, und noch neun Monate, nachdem die abziehenden Truppen Tamerlans Feuer gelegt hatten, glomm es an manchen Orten. Im Sommer 1401 waren, um das Maß des Elends und der Strafe voll zu machen, Heuschrecken über die Gegend hergefallen; die durch die Trümmer streifenden Hungernden und

der allgegenwärtige Gestank der Verwesung bestimmten nun das Bild der Stadt. Auch die Muslime mußten sich mit dem Gedanken abfinden, daß Tamerlan gekommen sei, um sie wegen zahlloser Verfehlungen zu bestrafen. Wie de Mignanelli berichtet – und damit einen auch in der islamischen Historiographie gängigen Topos aufgreift –, pflegte Tamerlan sich, wohl um seine Gegner einzuschüchtern, als Geißel Gottes stilisieren zu lassen.² "Wer, glaubt ihr, bin ich, der ich so große Taten wirke?" fragt Tamerlan einen gefangenen Damaszener; dieser antwortet schmeichelnd: "Ein unvergleichlicher Fürst, mächtig, freundlich, gnädig, jeglichen Ruhm besitzend!" "Du lügst, denn ich bin die Geißel Gottes, euch zu strafen, ich nur kenne das Heilmittel für eure Vergehen. Ich bin böse, mehr als du es bist. So schweig!"³ Damit, so scheint de Mignanelli zu glauben, ist vieles erklärt, aber doch nicht alles. Denn "Tamerlan war ein sehr stattlicher Mann und angenehm (im Umgang), und er verstand es, sich ein sanftes, freundliches Aussehen zu geben. Dies widerspricht der Meinung Platos, daß alles Schöne auch gut sei, denn er war schön und böse."⁴ So bleibt um diese Gestalt etwas gänzlich Rätselhaftes, auch wenn für de Mignanelli, den Christen, der nach eigenem Bekunden unter den Muslimen vieles zu erdulden gehabt hatte, Tamerlan ein Werkzeug des gerechten Gottes gewesen ist: Nur einige von Christen bewohnte Häuser in Damaskus waren von der Feuersbrunst verschont worden.

Dennoch möchte de Mignanelli im Auftreten Tamerlans einen Fingerzeig Gottes an alle Menschen sehen: "Es mögen daher alle Menschen das Gericht des Allmächtigen fürchten, und es möge sich niemand der eigenen Frevel rühmen, wie gewaltig diese auch seien!"⁵

II

Tamerlans Krieg gegen den Osmanen Bajezid wird von de Mignanelli nicht erwähnt; möglicherweise stand dieses Ereignis, in dessen Nähe der Autor nicht geraten war, den an der Weltgeschichte Interessierten zu deutlich vor Augen, als daß es in diesem Bericht hätte noch einmal geschildert werden müssen. De Mignanelli schreibt nur, daß Tamerlan seinen ursprünglichen Plan, nach Kairo vorzustoßen, aufgab, als er erfuhr, daß Bajezid diese Gelegenheit nützen könnte, um in Syrien einzufallen und ihm

² Nach der islamischen Historiographie hat auch Dschingis Chan dergleichen über sich verbreiten lassen (T. Nagel, *Timur der Eroberer*, München 1993, 29).

³ *Fischel*, aaO., 226 f.

⁴ *Ebd.*, 228.

⁵ *Ebd.*, 229.

den Rückzug abzuschneiden. Um dieser Gefahr vorzubeugen, sei Tamerlan von Damaskus nach Norden marschiert. Für die spätere europäische Auseinandersetzung mit Tamerlan bildet dieser Krieg gegen Bajezid – man könnte fast sagen: naturgemäß – den wichtigsten Gegenstand der Aufmerksamkeit. Die politische Bedeutung, die die Schlacht bei Ankara für das christliche Europa hatte, wird durch Auslegungen des Geschehens hervorgehoben, die dieses gleichsam hineinziehen in die für das Geistesleben der Renaissance kennzeichnende Erörterung des Verhältnisses von Fortuna und virtū. Hierbei läßt sich beobachten, daß die Vita Tamerlans nunmehr ganz auf das Zusammentreffen mit Bajezid hin angelegt wird. Die Vorgeschichte zu jenen dramatischen Ereignissen zeigt so, wie sie erzählt wird, wenig Vertrautheit mit dem wirklichen Geschehen, das vor allem in den persischsprachigen Chroniken, aber auch bei manchen arabischen Historiographen recht zuverlässig wiedergegeben ist. Eine Kenntnis des geographischen Raumes und der näheren politischen und gesellschaftlichen Begleitumstände fehlt, obwohl einzelne Berichte hierüber in Europa vorlagen, insbesondere die Schilderung der kastilischen Gesandtschaft nach Samarkand im Jahre 1403.⁶ Für die Hauptquelle der europäischen Timur-Vita der Renaissance, eine *Exempla*-Sammlung, die der genuesische Doge Baptista Fulgosus (reg. 1479-1488)⁷ niedergeschrieben hat, beginnt der Lebensweg des großen Eroberers irgendwo im Reich des Königs von Persien. Als Viehhirt verdient sich der Jüngling sein tägliches Brot. Aber er weiß sich schon jetzt vor seinesgleichen hervorzutun, und im spielerischen Übermut krönen ihn seine Gefährten zum König. Als Parodie auf einen Herrscher also beginnt der Aufstieg des Mannes, der die Zerbrechlichkeit der vermeintlich so fest gefügten Ordnung dieser Welt dartun wird. Tamerlan aber ist mehr als ein bloßer Karnevalskönig, der das Chaos vergegenwärtigt und am Ende des Spiels, bei der Wiederherstellung der Ordnung, gestürzt und womöglich gar zu Tode gebracht wird. Aus dem Spiel wird Ernst, das Spiel ist nicht unverbindlich, es ist vielmehr die unerwartete Gelegenheit, die es klug und mutig zu ergreifen gilt. Er sinnt seinen Gefährten an, sie sollten ihm schwören, daß sie ihm wie einem wirklichen König Gehorsam leisten wollten; das Vieh sollten sie verkaufen und ihr armseliges Leben mit dem eines Kriegers vertauschen. Bald fünfhundert Leute folgen ihm, sie

⁶ Englische Fassung: *Narrative of the Embassy of Rui Gonzalez de Clavijo to the Court of Timour at Samarcand A.D. 1403-1406*, London 1859 (*Hakluyt Soc.* 26).

⁷ Über ihn vgl. *Biographie universelle*, Paris 1816, Bd. 4, f. und 165

überfallen Karawanen und legen so den Grundstein für ihren Reichtum, den Tamerlan mit äußerster Gerechtigkeit unter sie verteilt.

Daß Tamerlan als Räuber angefangen habe, findet sich auch in den orientalischen Quellen, und vor allem Ibn 'Arabsah (gest. 1450), der ohnehin allerlei Ungünstiges über ihn zu berichten weiß, spricht hiervon,⁸ indem er Geschichten wiedergibt, die man in Transoxanien 1403 auch schon dem kastilischen Gesandten aufzählte. Ibn 'Arabsah weiß allerdings auch davon, daß Tamerlan einer durchaus respektablen Familie entstammt, ein Hinweis, der in der europäischen Vita in der Regel fehlt, denn hier ist die niedere Herkunft geradezu die Voraussetzung für die Stimmigkeit des Gedankens, daß Tamerlan aus eigener Kraft zum größten Eroberer der Menschheitsgeschichte aufsteigt. Anders als in den orientalischen Darstellungen ist hier alles auf die persönliche Tüchtigkeit zugespitzt. Sie zeigt sich nicht allein im Kampf, sondern auch im Geschick, mit wohlgesetzten Worten heikle Situationen zu meistern.

Der König von Persien wird auf Tamerlans Untaten aufmerksam und sendet einen Trupp Soldaten gegen ihn. Aber Tamerlan versteht, sie zu seinem Komplizen zu machen. Nun ist er so stark, daß er sich in einen Thronstreit zwischen dem König und dessen Bruder einmischen kann, und zwar auf der Seite des letzteren, dem er zur Herrschaft verhilft. Als Lohn empfängt er die Befehlsgewalt über den größten Teil der Soldaten des Reiches, dem er viele neue Länder gewinnt. Die Zeit, nach der ganzen Macht zu greifen, ist gekommen; er wiegelt das Land gegen den nur noch nominellen Herrscher auf und läßt sich selbst zum König von Persien ausrufen – ohne seine kühnen Taten hätte dies nicht gelingen können, heißt es in der europäischen Vita an dieser Stelle und bei einem Geschehen, welches die orientalische Historiographie mit dem Koranzitat zu kommentieren pflegt: "Du (Gott) gibst die Herrschaft, wem du willst ..." (Sure 3, 26). Doch es wird sich zeigen, daß auch die orientalische Geschichtsschreibung den Aufstieg Tamerlans nicht einfach dem unergründlichen Ratschluß des Schöpfers zuschreibt, sondern eine rationale Erklärung anstrebt, die sich freilich im Rahmen der ihr geläufigen Muster der Weltdeutung hält.

Tamerlan hat seinem Vaterland, das lange Zeit von den Sarazenen und vom persischen König unterdrückt worden sei, die Freiheit gebracht, lautet das erstaunliche Fazit, das in der europäischen Erzählung am Ende des Aufstiegs des elenden Viehhirten gezogen wird. Dieser Gedanke gehört

⁸ *Moderne Edition: Ibn 'Arabsah: 'Ago ib al-naqdur fi nawu ib Taimur*, ed. Ahmad Fa iz al-Himsi, Beirut, 1986

nun ganz und gar nicht in das Transoxanien des ausgehenden 14. Jahrhunderts. Hier sprechen vielmehr Baptista Fulgosus und seine Zeitgenossen, die den um seine Unabhängigkeit ringenden italienischen Stadtstaat vor Augen haben. Herrschen nicht auch dort immer wieder instabile Verhältnisse, die dem beherzten Kämpfer die Möglichkeit in die Hände spielen, mit Härte und Verschlagenheit, vielleicht auch mit Geschmeidigkeit im rechten Augenblick, sich an die Spitze seiner Vaterstadt emporzurufen und sich dort zu behaupten, der dahinsiechenden Ordnung des Kaiserreiches spottend?

Genaueres über die nun folgenden weitausholenden Eroberungszüge Tamerlans wisse man nicht zu vermehren, heißt es weiter, doch sei vorauszusetzen, daß er wunderbare Taten begangen und auch neue Wege der Kriegsführung gefunden habe. Gerechtigkeit und Freigebigkeit hätten seine Herrschaft ausgezeichnet, so daß niemand einen Grund gehabt habe, gegen ihn aufzubegehren. Und erstaunlicher noch waren die strenge Disziplin und Ordnung, die er seinen Heerscharen auferlegt hatte; jeder hatte seinen Platz, jeder wußte genau, wann er was zu tun hatte. Vorzüglich sorgte Tamerlan für den Unterhalt seines Heeres, alle Arten von Handwerkern standen zur Verfügung, der Sold wurde regelmäßig gezahlt, jeglicher Unterschleif unnachsichtig geahndet. Wie in Tamerlans Heerlager, so sollte es im Staate zugehen, diese Ansicht spricht aus dieser Schilderung.

Von dieser Art - und an Zahl den Armeen des Darius und des Xerxes überlegen - war das Heer, mit dem Tamerlan eines Tages nach Kleinasien aufbrach. Bajezid, gerade im Begriff, Konstantinopel zu erstürmen, mußte die Belagerung der Kaiserstadt aufgeben und sich dem Eindringling stellen. Alle seine Truppen bot er auf; sie waren gleich stark und gleich gut gerüstet wie die Scharen Tamerlans. Lange wogte die Schlacht unentschieden hin und her. Schließlich aber neigte sich die Waage zuungunsten Bajezids; zu viele seiner Soldaten waren gefallen; wenn auch der Sultan, seinen Kämpfern ein Vorbild gebend, sich gegen den Feind warf und dem Geschehen eine Wende zu geben trachtete, so war doch alles vergeblich. Von vielen Feinden umringt, wurde er vom Pferd gestoßen und gefangengenommen. Tamerlan sperrte ihn in einen eisernen Käfig und ließ nur zu, daß er sich kümmerlich von den Krümen ernährte, die vom Tische des Siegers fielen. Hier ist der Höhepunkt der europäischen Tamerlan-Erzählung erreicht, hier hat das Exempel, als das sein Lebenslauf dient - er findet sich vorwiegend in Exempelsammlungen - seinen bestürzenden

Gehalt enthüllt: "Daß wir uns der gleißenden Reichtümer dieser Welt nicht allzu sehr brüsten; denn wer am vorauf gehenden Tag ein Herr der Welt war, ist heute durch die Hand desjenigen, der zuvor ein armer Viehhirt gewesen war, in solche Not geraten, daß er mit den Hunden unter der Tafel speisen mußte. Und obschon er von hoher Geburt und von gewaltiger Majestät war, ist er an einem einzigen Tag von jenem überwunden worden."⁹

III

Zwei einander nur scheinbar ausschließende Deutungen werden auf die insgesamt doch spärlichen, auf die Schlacht von Ankara hin ausgerichteten Geschichten aus dem Leben Tamerlans bezogen: der Tüchtige trägt, um es mit einer Redensart zu sagen, den Marschallstab im Tornister, und: es gibt kein beständiges Glück in dieser Welt, die vornehme Geburt zählt nichts. "De la vicissitude ou variete des choses en l'univers" heißt der vielsagende Titel einer 1577 in Paris gedruckten Abhandlung von Loys Leroy, in der diese Gedanken universalhistorischen Betrachtungen zugrundegelegt werden. Der Verfasser beschäftigt sich unter anderem mit einem Vergleich des zeitgenössischen mit dem alten Heerwesen, das für ihn vor allem das griechische und römische ist. Im Zuge dieses Vergleiches kommt er auch auf Tamerlan zu sprechen; ihm hält er einen legendären Herrscher namens Ninus entgegen, der Zoroaster, den König von Baktrien, besiegt und fast ganz Asien erobert habe. Während Ninus königlicher Herkunft gewesen sei, habe Tamerlan trotz seiner niederen Geburt ebenfalls fast die ganze asiatische Landmasse unterworfen und den Osmanen Bajezid geschlagen. Leroy erkennt eine Reihe von Übereinstimmungen im Leben Tamerlans mit anderen großen Feldherren und Eroberern. So habe Sesostris seinen Wagen von vier besiegten Königen ziehen lassen; Tamerlan habe über den Rücken des auf dem Boden kauernenden Bajezid sein Pferd bestiegen. Wie Cyrus sei er unter Hirten aufgewachsen und von den Spielkameraden zum Anführer gewählt worden. Wie Alexander triumphierte er in jeder Schlacht, ja er zähmte sogar die wilden Skythen, an denen Cyrus, Darius, Alexander und die Römer gescheitert waren. - Nebenbei sei hier bemerkt, daß die Geographie Asiens in dieser historisch-philosophischen Schrifttellerei noch ganz von den antiken Namen geprägt ist. - Die großen

⁹ B. Fulgوسus, zitiert in der deutschen Übersetzung des Werkes des Petrus Messias „Selve de vararia leccion“ (Petri Messiae von Sibilia vihvältige Beschreibung christenlicher und heidnischer Keyseren, Königen, weltweiser Männern gedächtniswürdige Historien ..., Basel 1564, 113)

Welteroberer, angefangen mit Sesostriis, wollten nach Ansicht Leroy's Imperien schaffen, die nur von den Ozeanen umgrenzt sein sollten. Sie alle aber konnten ihr Werk nicht vollenden, denn Fortuna blieb ihnen nicht so lange treu. Sie wurden vergiftet, gemeuchelt oder mußten wegen ausbrechender Seuchen umkehren. Attila, Tamerlan, Sesostriis, Karl der Große, Konstantin, die ruhmreichen Kriegsherren, haben schließlich noch gemeinsam, daß sie der Religion höchsten Respekt zollten. Ihr Werk jedoch blieb, wie schon angedeutet, unvollendet; ihre Nachfolger waren nicht in der Lage, es fortzusetzen, und so konnten die niedergeworfenen Feinde aufs neue erstarken, sogar mehr Macht erringen als je zuvor, schreibt Leroy und denkt dabei womöglich an die Osmanen, die zu seinen Lebzeiten auf dem Höhepunkt ihres Ruhmes standen.¹⁰

Es ist im Rahmen dieses Vortrags unmöglich, an einzelnen Belegen nachzuweisen, wie die Gestalt Tamerlans im 15. und 16. Jahrhundert immer wieder die Phantasie mancher Europäer beschäftigte. Ihren historisch nachhaltigsten Ausdruck fand diese Beschäftigung in Marlowes 1590 geschriebenen Theaterstück, das großen Anklang fand und das Ansehen des Autors begründete. Marlowe verarbeitet den in der europäischen Überlieferung auffindbaren Stoff in der dargelegten Deutung, ergänzt sein Werk aber durch einen zweiten Teil mit einer von ihm selber entworfenen Handlung, deren Sinn darin liegt, die charakteristischen Züge dieser Deutung noch schärfer hervortreten zu lassen; sie hat aber auch die Aufgabe, den bei Leroy mangels hinreichender Tatsachen in Bezug auf Tamerlan nur angedeuteten Mißerfolg aller gewaltigen Anstrengungen in Szene zu setzen: Seine Söhne sollen wie er die Geißel Gottes sein, doch einer von ihnen weist dies zu Tamerlans Entsetzen von sich; als Tamerlan seine geliebte Gattin verliert, büßt er die Kontrolle über sich ein. Zwar fügt er wie zuvor Eroberung an Eroberung, aber immer grausamer und blutgieriger gebärdet er sich: das Ende im Wahnsinn ist unaufhaltsam, Gott entledigt sich seiner Geißel.¹¹ Im Angesicht des Todes wird es sinnlos, sich auf die zahllosen Siege zu berufen. So weit geht Tamerlans Selbstüberhebung, daß er sogar den Koran verbrennen läßt und über Muhammad spottet,¹² vielleicht ein Widerschein der zitierten Vermutung de Mignanellis über Tamerlans nur vorgetäuschte Religiosität.

¹⁰ Loys Leroy: *De la vicissitude ou variété des choses en l'univers*, Paris 1577, 107 r ff.

¹¹ Roy Wechsel: *Battenhouse: Marlowe's Tamburlaine. A Study in Renaissance Moral Philosophy*, Nashville 1941, 254-6.

¹² Irving Ribner: *The Idea of History in Marlowe's Tamburlaine*, in: *Journal of English Literary History* 20, 1953 (251-266), 260.

Man hat Marlowes "Tamburlaine" getadelt, weil der Hauptheld keine innere Wandlung durchmacht; nie erfaßt ihn Reue über sein Tun; alles, was er später tun und erreichen wird, ist schon im Anfang angelegt, als er sich zum Herrscher über seine Kameraden aufschwingt und sein Geschick im Kampf und in Unterhandlungen unter Beweis stellt; was damals geschah, wiederholt sich in Marlowes Theaterstück immer wieder, nur jeweils großartiger und – wenn man auf den zweiten Teil blickt monströser. Man hat diesen Umstand damit erklärt, daß Marlowe, angeregt durch das Studium antiker Geschichtsschreiber wie etwa des Polybios, in deren sogenannten "Substantialismus" zurückgefallen sei: der Handelnde, im Kern von einem unveränderlichen Wesen, offenbart dieses in jeder seiner Taten, die je für sich nur Beispiele für dieses Wesen sind.¹³

Es ist wohl wahr, daß Einsicht und Umkehr des Haupthelden, wie die christliche Auffassung vom sündigen, aber der Erlösung zustrebenden Menschen sie erforderten, im "Tamburlaine" fehlen. Aber wenn wir Pico della Mirandolas (1463-1494) berühmte "Oratio de hominis dignitate" in Betracht ziehen, die man als eine Zusammenfassung des in der Renaissance hervorgebrochenen neuartigen Selbstbewußtseins des Menschen verstehen kann, dann braucht man nach keinen antiken Anregungen zu fahnden, sondern kann unmittelbar die Anschauungen der Zeit für die Erklärung dieses Umstands fruchtbar machen. "Mitten in die Welt habe ich dich gestellt", läßt de Mirandola Gott zum Menschen sprechen, "damit du um so leichter um dich schauest und sehest alles, was darinnen ist. Ich schuf dich als ein Wesen, weder himmlisch noch irdisch, weder sterblich noch unsterblich allein, damit du dein eigener freier Bildner und Überwinder seiest und jedwede Form, die du für dich erwählst, annehmen kannst. Du kannst zum Tier entarten und zum Göttlichen dich wiedergebären." Anders als bei Pflanze und Tier, die je nach ihrer in ihnen angelegten Bestimmung geraten, entscheidet der Mensch selber, ob er sich, seiner Vernunft folgend, zu einem Engeldasein erhebt oder ob er der Sinnlichkeit und dem Wahn verfallen will. Die menschliche Natur birgt alle diese Möglichkeiten in sich. Sie ist in folgedessen zweideutig, schließt Gegensätze in sich ein. De Mirandolas Rede zitiert mittelbar die Gedanken des Nikolaus von Kues (1401-1464) hierüber, der in der coincidentia oppositorum ein wichtiges Element der Verfassung der Schöpfung entdeckt hatte. Er schrieb: "Der Mensch kann also ein menschlicher Gott sein und ein Gott auf menschliche Art, ein menschlicher Engel oder ein

¹³ Ebd., 261

menschliches Tier, ein Löwe oder ein Bär oder was auch immer in Menschengestalt. Denn innerhalb der Möglichkeiten des Menschseins existieren alle (diese Seinsweisen) in der ihnen eigenen Art ..."¹⁴

Durch und durch Mensch aber ist Marlowes Tamerlan, ein Mensch, der sein Schicksal ganz in die eigenen Hände nimmt, wie Pico della Mirandola es gefordert hat. Nicht der göttliche Wille gibt ihm den Weg vor, sondern er selber wählt ihn sich gemäß den Anlagen, die er in sich ausbildet und zur Reife bringt. "Das Fatum halte ich in eisernen Ketten, mit meiner Hand drehe ich Fortunas Rad", läßt Marlowe ihn sagen (I, II, 369-70). Mars und alle irdischen Machthaber werden ihn nicht an seinen Vorhaben hindern (I, VI, 909-911), brüstet Tamerlan sich im zweiten Teil des Dramas, als sich seine Einsichtskraft bereits verdunkelt.¹⁵ Der Mensch der Renaissance, den Tamerlan hier verkörpert, fühlt in sich eine ungeheure Kraft; Klugheit und Gewalt stehen ihm zu Gebote, für einen Augenblick und nur vordergründig sind die christlichen Skrupel in den Hintergrund getreten – der Tamerlan des ersten Teils ist ein exemplum für diesen dem Menschen möglichen Aufstieg, der unabhängig von Stand und Geburt vonstatten gehen kann, ein sicher beliebtes exemplum, weil zugleich der größte Feind der europäischen Christenheit, der Osmane, gedemütigt wird. Aber die Klugheit kann in ihr Gegenteil umschlagen; Gewalt dient nicht mehr der Befriedung einer von Ozean zu Ozean reichenden Landmasse, sondern es lebt sich in ihr eine bestialische Grausamkeit aus. Die Gegenseite der menschlichen Möglichkeiten kommt zum Vorschein und damit verbunden auch die Tatsache der Endlichkeit; sie unterscheidet den Menschen eben doch von Gott. Nimmt man an, daß Tamerlan bei allem eigenen Streben nichts als ein Werkzeug des Schöpfers und Richters gewesen sei, dann gerät das Reden über den Gott in Menschengestalt ins Zwielficht, eine innere Entwicklung des Haupthelden zu Einkehr und Buße ist aber erst recht nicht erforderlich.

So ist Marlowes Auslegung der Gestalt Tamerlans am Ende doch nicht eindeutig, sondern bleibt in der Schwebelage, obwohl sie sich in leicht erkennbarer Weise leitender Ideen jener Zeit bedient. Von fern erinnert dies an die im letzten ebenfalls unentschiedene Auffassung Timurs in der islamischen Historiographie. Als Herr der Glückskonjunktion zwingt er in seiner Natur die Elemente Feuer und Erde zusammen und entfaltet unerhörte Tatkraft. Er verfügt über das Diesseits, indem er die Gegensätze Zorn und

¹⁴ Ernst Cassirer: *Individuum und Kosmos in der Philosophie der Renaissance*. 6. Aufl., Darmstadt 1963, 90-92.

¹⁵ Zitiert bei Ribner, *aoO.*, 261.

Großmut, in denen auch Gott selber den Gläubigen entgegentritt, auf ge-
niale Weise auszubalancieren vermag. Zugleich aber erkennt der weiter ist
als eine Manifestation des Einen¹⁶. Die Voraussetzungen, unter denen die
muslimischen Geschichtsschreiber auf der einen Seite und Marlowe auf
der anderen Seite je zu ihrer offenen Deutung gelangen, sind jedoch grund-
verschieden; dieses Thema zu vertiefen, könnte der Gegenstand erhellender
vergleichender Untersuchungen sein.

DIE TRANSFORMATION DER FIGUR TIMURS IN DER OTTOMANISCHEN GESCHICHTSSCHREIBUNG

*Prof. Dr. Jean-Louis Bacqué-Grammont, Forschungsdirektor
des Nationalen Zentrums für Wissenschaftliche
Forschung Paris*

Unter Berücksichtigung der Tatsache, daß der Kriegszug Timurs nach
Kleinasien im Jahre 1402 mit dem Sieg über Bajezid I. bei Ankara zum
Zerfall der ottomanischen Besitzungen in Anatolien führte und der
Bürgerkrieg die Existenz des mächtigen im Laufe von Jahrhunderten ge-
schaffenen Staates selbst in Frage stellte, kann man sich leicht vorstellen,
daß die Geschichtsschreiber, die keinen besonderen Anlaß dazu hatten,
Sympathie für den Eroberer aus Samarkand zu empfinden, Ottomanen
waren (und jede neue Generation von ihnen bemüht war, die vorherige zu
übertreffen). Deshalb ist es nicht verwunderlich, daß man beim Studium
der meisten Quellen ottomanischer Herkunft auf sehr negative Epitheta zur
Charakteristik von Amir Timur stößt. Noch negativer ist die
Einschätzung, die der Feder des großen Saduddin (gest. 1599) entstammt
und in noch schärferer Manier sind die von Evliya Tschelebi (gest. 1684)
von seinen Reisen zugeschickten Berichte verfaßt. Unsere Bewertung
wiederum besitzt ihre eigenen Nuancen, die sich aus dem sorgfältigen
Textstudium ergeben haben, als wir bemüht waren, unvoreingenommen die
Evolution der Figur Timurs zu verfolgen.

Zu Beginn, bei der Bekanntschaft mit der Figur Timurs, wie sie der
Gelehrte Katib Tschelebi (gest. 1657) in seinem umfangreichen geogra-
phischen Traktat „Dshichan-nameh“ gestaltet, entsteht der Eindruck, daß
versucht wird, die traditionelle Abneigung zu überwinden. Der Bericht,
den wir im Paragraphen über die „Stellung der Könige“ am Ende des 36.

¹⁶ T. Nagel: *Timur der Eroberer und die islamische Welt des späten Mittelalters*, München 1993, 425-433.

Kapitels „Über das Klima in Transoxanien“ finden, beeindruckt durch die skrupulöse Aufzählung von Fakten und Details, die der Beschreibung der Karriere der betrachteten historischen Persönlichkeit dokumentarische Genauigkeit verleihen, es fehlt jedoch hier der geringsten Versuch, seiner Größe gerecht zu werden. Zu bemerken ist hier, wenn zunächst auch nur schwach, die für die westeuropäischen Enzyklopädisten charakteristische Manier, die Objektivität des Lesers in bezug auf die einzelnen Standpunkte heranzuziehen.

Interessant ist, den Standpunkt und die Einschätzung von Katib Tschelebi, der in der ottomanischen Geschichtsschreibung eine Sonderstellung einnimmt, mit dem Standpunkt des ebenso bekannten und verbreiteten Chronisten, seinem Zeitgenossen (gest. 1691) in bezug auf Amir Timur zu vergleichen. Hussein Chasar-Fenn ist, die traditionelle Form nutzend, keineswegs bemüht, ihn und seine Nachkommen als Sieger über Bajezid zu verunglimpfen. Mehrere Untersuchungen lassen die Konstatierung zu, daß das stark kompilierte Kapitel Hesar-fenns beinahe mit dem Text einer früheren Chronik eines gewissen Mustafa Dshanabi zusammenfällt, der bis 1590 lebte und demzufolge ein Zeitgenosse Saduddins, eines unnachgiebigen Schmäherers Tamerlans, war.

Man könnte versuchen, wesentlich tiefer in das Problem einzudringen, da unser Blick seiner Natur gemäß zunächst das sieht, was sich an der Oberfläche befindet. Wir beschränken uns hier auf einige Überlegungen, die sich auf die Forschungsrichtung beziehen.

Zweifellos gehören die drei erwähnten Autoren - Dshanabi, Katib Tschelebi und Hesar-fenn - in der ottomanischen Geschichtsschreibung der Strömung an, die letzten Endes die bestimmende war: sie hatten die Möglichkeit, Ereignisse zu beurteilen - Timur und die Schlacht bei Ankara - die zweihundert Jahre zurücklagen, mit einem ungefährlichen Zeitabstand, und von Istanbul aus, das Hauptstadt des Zentralreiches der muslimischen Welt und eine seiner Hauptstützen war und es nicht nötig hatte, den Herrscher von Samarkand zu beneiden. Möglicherweise stellt Saduddin, der gemäß „vererbter“ Tradition überempfindlich auf die von Osten ausgehende Gefahr reagiert, heute eine archaische Richtung dar: hierher gehören auch die anderen ottomanischen Geschichtsschreiber, die vor der gefährlichen Macht Tamerlans mehr oder weniger offen zurückschreckten. Seither haben die Istanbuler Sultane unendlichen Ruhm errungen, sogar in den schwierigen Feldzügen gegen Ägypten, wo sie ebenso wie die Tschingisiden letzten Endes eine Niederlage erlitten haben.

Monarchen, die weit von islamischen Anschauungen entfernt waren, betrachteten es als eine Ehre, Unterstützung seitens des „Diener der beiden Heiligen Städte“ zu erhalten. Die Niederlage bei Ankara konnte die unaufhaltsame Entwicklung des Osmanenreiches höchstens für ein halbes Jahrhundert aufhalten. In diesem Zusammenhang erlaubten sich die Geschichtsschreiber Bajezid für seine Mißerfolge heftig zu kritisieren und waren gezwungen, ohne besondere Begeisterung die ritterliche Größe ihres Bezwingers anzuerkennen.

Unseres Erachtens fehlt in den ottomanischen Chroniken eine einheitliche Einschätzung der Bedeutung der Politik Tamerlans und seiner Nachkommen. Die Fakten der zahlreichen Ereignisse in Transoxanien, mit denen die Timuridenforschung operiert, sind dank der ottomanischen Geschichtsschreibung hinreichend bekannt. Nirgends jedoch wurde dort der Versuch einer künstlerischen oder literarischen Gestaltung unternommen. Nur über den Besuch in Bursa oder den Traum Bajezids II. (1481-1512) wurden Gedichte in Tschaghataisch verfaßt. Die wahren Verdienste Timurs und der Timuriden sind in den ottomanischen Quellen sorgfältig verborgen, sogar in den Nachbarländern sind sie ausdrucksvoller gestaltet: hier werden besondere Formen des Mäzenatentums und das mühevollen Suchen nach Wahrheit sogar in Zeiten beispielloser Macht erwähnt.

TRADITION ALS POLITIKUM: TIMUR IN DER MÜNDLICHEN ÜBERLIEFERUNG

Dr. Andrea Schmitz, Institut für Völkerkunde und Afrikanistik der Ludwig-Maximilians-Universität München

In diesem Beitrag soll ein Aspekt der historisch-politischen Entwicklung der Regierung Amir Timurs näher beleuchtet werden: die sublitterarischen Traditionen über die Anfänge seiner Karriere.

Bekanntlich geben weder die zu Timurs Lebzeiten und in seinem Auftrag verfaßten noch die unter seinen Nachfolgern entstandenen, überwiegend in persischer Sprache geschriebenen Geschichtswerke allzuviel Aufschluß über sein Wirken vor dem Jahr 1361 a.D., als er erstmals die politische Bühne betrat. Hinweise darauf liefern aber eine Reihe von Quellen, die außerhalb des höfischen Umfelds entstanden sind und allem Anschein nach letztlich auf oralen Traditionen basieren. Wie ist der Quellenwert dieser Berichte zu beurteilen? Auf welches soziale

Milieu verweisen sie und welches ist ihre politische Funktion? Mit diesen Fragen werden wir uns im folgenden beschäftigen.

Die Überlieferungen

In einer Erzählung, die der Vater der türkischen Philologie, Wilhelm Radloff, im Jahre 1867 in einer tatarischen Siedlung zwischen Tobolsk und Tjumen – zu jener Zeit ein Zentrum muslimischer Geistlichkeit (Radloff, 1872b, XIV [Vorwort]) – aufgezeichnet hat, wird über Timur folgendes berichtet:

Züdei, der Chan von China, hatte einst einen Traum, in dem ein Widder seinen Thron mit Hörnern stieß. Die Wahrsager prophezeiten ihm, ein Knabe werde geboren werden, der ihn töten und seinen Thron einnehmen werde. Daraufhin ließ der Chan alle schwangeren Frauen überwachen, um das Neugeborene, falls es ein Knabe sei, töten zu lassen. Der der Mutter Timurs zugeteilte Wächter war ein Verwandter; er drückte lediglich den schwangeren Leib der Frau und verließ sie dann, ohne die Geburt abzuwarten. Timur wurde geboren, bei der Mißhandlung der Mutter war ihm jedoch ein Fuß gebrochen, weshalb man ihm den Beinamen Aksak, 'der Lahme' gab. Im Alter von zehn Jahren spielte er mit seinen Gefährten, den Kindern von Beamten und Wesiren, fünfzig bis sechzig an der Zahl. Da sprach Timur zu den Kameraden: "Züdei Chan beherrscht die Stadt, ... lasset uns unter uns jetzt einen Fürsten einsetzen. Derjenige von ihnen, der beim Wettlaufen siegt, solle Fürst werden. Tatsächlich gewann Timur, allerdings nicht aufgrund seiner körperlichen Überlegenheit, sondern indem er seine Mütze ins Ziel warf. Es entstand ein Streit; ein des Weges kommender Alter ward zum Schiedsrichter ernannt und entschied zugunsten Timurs, dessen Kopf schneller im Ziel war als die Beine der Gefährten. Mit den Jahren nahm Timurs Anhängerschaft zu, er tötete den Chan und ließ sich an seiner statt zum Chan einsetzen (Radloff 1872b, 307f. [s.a. 1872a, 247f.]).

Eine ähnliche Version der Geschichte ist in einer cagatayischen, mehrfach ins Russische übersetzten Handschrift aus dem 17. Jahrhundert überliefert. Wir erfahren darin, daß Timur, der Abkömmling eines Chans in der Matrilinie, nach dem frühen Tod seiner Eltern ein Kälberhirte wurde. Er sammelte sechs, sieben andere Waisen um sich und hütete mit ihnen zusammen das Vieh. Da er durch seine Intelligenz die Gefährten übertraf - als Parabel dient auch hier sein "Sieg" beim Wettlaufen - und

sich als mutiger erwies als die Altersgenossen – er schlachtete eines der den Kindern anvertrauten Kälber und bewirtete damit die Gefährten –, wählten ihn diese "einstimmig" zum Chan. Sie bewaffneten sich und wurden berühmte Räuber, bei denen "jeder Flüchtling Aufnahme fand" (Panov 1934, 219-224).

Varianten dieser Erzählungen über Timurs frühe Jahre finden sich bereits in den Berichten von Zeitgenossen Timurs. Der syrische Rechtsgelehrte Ahmad Ibn 'Arabsah, der sich zwischen 1401 und 1408/09 a.D. in Transoxanien aufhielt, führt in seiner Biographie Timurs verschiedene Versionen über dessen Jugend an, die ihm vermutlich von Gefolgsleuten Timurs zugetragen worden waren (Manz 1988, 108). Einer dieser Überlieferungen zufolge war Timurs Vater Taragai ein einfacher Schafhirte oder, so eine andere Version, ein Schmied. Der Knabe aber, Timur, dessen Geburt von wunderbaren Vorzeichen begleitet und dessen Hände voller Blut gewesen seien, als er geboren wurde, habe sich schon von klein auf durch seinen scharfen Verstand und seine Stärke ausgezeichnet. Aus Armut sei er ein Viehdieb geworden. Obwohl die vierzig Gefährten, die er um sich scharte, ihn ob seiner Ambitionen verlachten, gelang es ihm, unterstützt durch das Gebet heiliger Männer und mit Hilfe von List, sich aus den Fesseln seiner Herkunft zu befreien (Ibn 'Arabsah, 1-3). Einer anderen Version zufolge war Timurs Vater ein hoher Würdenträger bei Hofe, seine Mutter eine Nachfahrin Cinggiz Chans. Timur, der ein "tapferer, großzügiger, tat-kräftiger ... und gebildeter Jüngling" war, habe eine Anzahl Gefährten aus verschiedenen Stämmen, jedoch von gleichem Alter und Rang, um sich gesammelt, die ihm den Treueeid schworen. Als Briganten und Rebellen hätten sie von nun an ihr Unwesen getrieben (Ibn 'Arabsah, 4-7).

Dem spanischen Gesandten Ruy Gonzalez de Clavijo erzählte man im Jahre 1404 in Kes, in dessen Umkreis Timurs Geburtsort lag, der Vater Timurs sei der Abkömmling eines edlen Geschlechts gewesen, habe jedoch nur über ein kleines Besitztum und eine geringe Zahl Bediensteter verfügt. Timur, sein Sohn, habe sich als Viehdieb durchgeschlagen und die Beute mit seinen Gefolgsleuten, vier oder fünf an der Zahl, geteilt. Mit der Zeit habe er eine zahlreiche Anhängerschaft gewonnen, denn, so Clavijos Informanten, er war "ein tapferer und gutherziger Mann" (Clavijo, 125f.). Mit einer Mannschaft von 300 Berittenen durchstreifte er schließlich das Land, raubend und Kaufleute plündernd.

Eine ganz ähnliche Schilderung von Timurs Jugend findet sich in dem Bericht des Dominikaners Johannes, Bischofs von Sultaniyya, der im Jahre

1403 a.D. als Gesandter Timurs und dessen Sohnes Miransah nach Europa reiste (Moranvillé 1894, 441f., 447). Auch in die Geschichtswerke europäischer Gelehrter des 15. und 16. Jahrhunderts wurden diese Berichte aufgenommen (vgl. Nagel 1993, 9f.).

In ihrer Bewertung dessen, was sie über Timur in Erfahrung brachten, unterscheiden sich die zitierten Autoren erheblich von einander: Ibn Arabsahs Timur-Biographie ist von Verachtung und Spott, ja Haß durchtränkt, während die Europäer nicht ohne Bewunderung vom Aufstieg des großen Amirs erzählen. Gleichwohl weisen diese von der timuridischen Historiographie unabhängigen Berichte über Timurs Anfänge ein erstaunliches Maß an Übereinstimmung auf. Wir dürfen annehmen, daß sie nicht recht passen wollten zu dem Bild, das Timur einer gelehrten Nachwelt zu hinterlassen wünschte, denn aus den Hofchroniken wollte er sie verbannt wissen (Woods 1987, 82; Barthold 1935, 20). Unter seinen Gefolgsleuten, ja überhaupt unter den Wanderhirten Transoxaniens dürften diese Berichte aber weit verbreitet gewesen sein. Timur, der ebenso wie seine engste Gefolgschaft von diesem Milieu geprägt war (Manz 1993, 148f.; Ando 1992, 51ff.), hat dazu wohl nicht unwesentlich beigetragen.

Soziale Einbettung und politische Funktion der Überlieferungen

Folgt man also der Annahme, daß die heroischen Erzählungen über Timurs Jugend auf ein bestimmtes Publikum zugeschnitten waren (Manz 1988, 109), dann stellt sich die Frage, welche Bedeutung sie für dieses Publikum haben mochten und wie ihre Langlebigkeit zu erklären ist.

Anders als im städtischen Umfeld, das mit der Existenz der Schrift seit Generationen vertraut war, war es in der Steppe ausschließlich die gesprochene Sprache, die als Medium historischer Überlieferung fungierte. Ein wesentliches Charakteristikum mündlicher historischer Überlieferungen besteht darin, daß sie im Laufe ihrer Übermittlung beständig Interpretationen akkumulieren – oft in einem viel höheren Grad als das bei der schriftlichen Tradierung der Fall ist. Wir haben es hier mit Produkten einer kontinuierlichen Geschichtsreflexion zutun, deren Ziel nicht darin bestand, mitzuteilen, wie es wirklich war', sondern mit Hilfe

des geschichtlichen Materials das zu formulieren, was für die jeweilige Gegenwart Bedeutung besaß (Vansina 1985, 195f.). Man kann also davon ausgehen, daß eine orale Tradition für die Gemeinschaft, innerhalb derer sie überliefert wird, eine bestimmte Funktion erfüllt, die sich – wenn auch in veränderten historischen Kontexten – reproduziert.

Wenden wir uns noch einmal den Überlieferungen über Timurs frühe Jahre zu. Sie alle zeichnen das Bild eines zur Herrschaft berufenen Jünglings, der jedoch unter einfachen Verhältnissen – zumeist unter Hirten – aufwächst. Er übertrifft seine Altersgenossen an Tatkraft und Intelligenz und wird von ihnen im Spiel zu ihrem "Chan" gewählt. Mit der Zeit wächst seine Gefolgschaft, die zunächst nur aus einer kleinen Gruppe von Männern besteht – vier bis fünf nennt Clavijo, zehn bzw. sieben sind es bei Johannes von Sultaniyya (Moranvillé 1894, 441), und Ibn 'Arabsah (2) nennt die symbolische Zahl von 40 Gefährten – zu einem Trupp von ein paar Hundert Berittenen an. Als Anführer einer Bande von outlaws, die ihren Lebensunterhalt durch Plünderung bestreitet und sich aus Individuen verschiedener Provenienz ("Flüchtlingen", "Gefährten aus verschiedenen Stämmen") zusammensetzt, gelangt Timur schließlich zur Herrschaft – und es sind namentlich diese Mitstreiter der frühen Jahre, deren Loyalität und Zustimmung dem jungen Helden seinen Aufstieg ermöglichen.

Tatsächlich scheint es sich bei den Gefolgsleuten, die Timur zur Macht verhelfen, um eine Gemeinschaft junger Krieger gehandelt zu haben, deren Loyalität gegenüber Timur nicht gesetzlich bzw. vertraglich begründet war, sondern vor allem auf emotionalen Bindungen beruhte. Sie werden in den Quellen auch als *yigit*, als 'tapfere junge Vertraute eines Führers' bezeichnet (Ando 1992, 274). Sie rekrutierten sich aus Angehörigen verschiedener Stämme und entstammten überwiegend – ebenso wie Timur selbst – der Oberschicht. Viele von ihnen hatten die Stellung eines *icki* inne, die unabhängig war von einem Amt in der Verwaltung und sich ausschließlich durch die enge persönliche Beziehung zum Herrscher definierte. Die Gruppe der *icki* bildete den engsten Kreis seiner Bediensteten und scheint sich hauptsächlich aus Pagen zusammengesetzt zu haben. Sie konnten, je nach Verdienst, in den Rang eines amir bzw. beg erhoben werden und besetzten dann einflußreiche Positionen in der timuridischen Verwaltung bzw. im Heer (Ando 1992, 250ff., 262ff., 269ff.).

Die oralen Traditionen über Timur verweisen also nicht zuletzt auf ein Prinzip politischer Organisation, das in den von starken zentrifugalen

Tendenzen in ihrer Stabilität bedrohten Staatsgebilden Mittelasiens von enormer ideeller Bedeutung war: die Kooperation und der Zusammenhalt zwischen dem Anführer und seinen Anhängern innerhalb einer Führungsclique als Basis einer zentralen politischen Führung. Die mündlichen Erzählungen über Timurs Anfänge bildeten das Medium, das dieses Prinzip als politischen Imperativ artikulierte und zugleich den Herrschaftsanspruch Timurs begründen konnte.

Betrachten wir noch einmal die zitierten Berichte über seine Jugend. Eine ähnliche Kombination von Motiven – sie ist erstmals belegt bei Herodot (I, 107ff.) im Zusammenhang mit der Jugend des Perserkönigs Kyros – findet sich in den epischen Biographien auch anderer iranischer, türkischer und mongolischer Potentaten, die als Gründer einer neuen Dynastie in die Geschichte eingegangen sind. Die Geheime Geschichte der Mongolen (Haenisch 1941) berichtet von Cinggiz Chans Anfängen als einfacher Hirte, von den Raub- und Rachezügen, die seinen Aufstieg zum Chan der 'Mongolen' genannten Stammeskonföderation begleiten und von den Gefährten, die sich ihm in dieser Zeit anschließen und ihm die Treue halten. Ähnliches wird in den epischen Erzählungen, die im 19. und 20. Jahrhundert bei verschiedenen Türkvölkern Mittelasiens aufgezeichnet wurden, von Edigü, einem Amir der Goldenen Horde erzählt (Schmitz 1996). Er gehörte dem (ursprünglich mongolischen) Stamm der Mangit an und war ein Kontrahent des Chans der Goldenen Horde, Toqtamis, und ein zeitweiliger Verbündeter Timurs. Gleichzeitig begründete Edigü die Stammeskonföderation der Nogajer, die im 15. und 16. Jahrhundert als bedeutende Regionalmacht auf dem ehemaligen Territorium der Goldenen Horde erschien und von Repräsentanten der Mangit geleitet wurde. Die mündliche Überlieferung schildert Edigü als Abkömmling muslimischer Herrscher und gottesfürchtiger Männer, darunter Baba-Tükles, jener Derwisch, der Özbek Chan (1313-1341) zum Islam bekehrt haben soll (DeWeese 1994). In Unkenntnis seiner Herkunft und unter einfachen Hirten sei Edigü aufgewachsen und von den Spielgefährten zum 'Chan' gewählt worden. Später sei er mit ein paar treuen Gefährten vom Hofe Toqtamis Chans, der ihm aufgrund einer üblen Prophezeiung nachstellte, geflohen und habe sich als Vagabund herumgetrieben, bis es ihm schließlich gelang, sich der Herrschaft zu bemächtigen.

In diesen epischen Biographien sehen wir einen zukünftigen Herrscher vor uns, der sich dieses Amt durch seine persönlichen Fähigkeiten – krieg-

erisches Können und Unerschrockenheit, Gerechtigkeit und Generosität – erstreitet. Daß sich diese unter einfachen Verhältnissen, d.h. unabhängig von einem ererbten Status manifestieren, läßt seinen Aufstieg in umso hellerem Lichte erscheinen. Gleichzeitig erfüllt sich in den erfolgreich eingesetzten persönlichen Qualitäten des Helden göttliche Bestimmung. Sie zeigt sich in Gestalt des Traums, der den Chan in der von Radloff aufgezeichneten Erzählung über Timur in Schrecken versetzt (s.o.; vgl.a. Panov 1934, 219), ebenso wie in der üblen Prophezeiung der Wahrsager Toqtamis Chans in den Erzählungen über Edigü. Göttlicher Auftrag äußert sich in der Unterstützung Timurs durch heilige Männer, von der Ibn 'Arabsah berichtet (s.o.), ebenso wie in Edigüs Beziehung zu Baba-Tükles. Cinggiz Chan, der – Timur ähnlich (s.o.) – bei seiner Geburt "in seiner rechten Hand einen Blutklumpen [hielt], so groß wie ein Knöchelstein" (Haenisch 1941, 10), beruft sich in der Geheimen Geschichte auf die Gunst des Himmels (Haenisch 1941, 37 u. passim), und auch Timur soll immer wieder betont haben, daß er seine Erfolge allein dem Willen des Höchsten verdanke (Moranvillé 1894, 447; s.a. Ibn 'Arab-sah, 5).

In der Vorstellung vom himmlischen Mandat überschneidet sich die Steppentradition mit der altiranischen und islamischen Vorstellung von der göttlichen Sendung des charismatischen Herrschers. Ebenso wie sein großer Vorgänger Cinggiz Chan und wie sein Zeitgenosse Edigü, so scheint auch Timur diese Tradition gezielt genutzt zu haben, um sich das Prestige zu verschaffen, das es ihm erlaubte, sich als Gründer einer neuen Dynastie zu präsentieren (Manz 1988, 116f.).

Das – namentlich in der Steppe wirksame – Idealbild vom heldenhaften Führer, der sich durch seine überragenden persönlichen Fähigkeiten auszeichnet und die Gunst des Himmels genießt, bildete jedoch nicht die einzige Quelle der Legitimation für Timur. Um seinen Anspruch auf Herrschaft über den Ulus Cagatay zu begründen, griff Timur auf die dynastische Tradition der Cinggiziden zurück, die es ihm ermöglichte, sich als einen legitimen Erben des Hauses Cagatay darzustellen. Gleichzeitig rekurrierte er, um seine darüber hinausreichenden politischen und militärischen Ambitionen zu begründen, auf die imperiale Ideologie der universalen Herrschaft und präsentierte sich als Bewahrer der islamischen Ordnung und als Streiter für den Glauben (Manz 1988, 110ff.; Nagel 1993, passim). Es sind namentlich die Berichte der Hof-Historiographen, die dieses Bild einer traditional legitimierten Herrschaft Timurs

überliefern. Im Sinne Max Webers ist darunter eine Form der Herrschaft zu verstehen, deren Legitimität sich auf die "Heiligkeit altüberkommener Ordnungen" stützt (vgl. Weber 1980, 130ff.).

Der Erfolg Timurs gründet sich also nicht zuletzt darauf, daß er die unterschiedlichen sozialen und kulturellen Milieus seiner Zeit und die Traditionsstränge, die sie repräsentierten, zu integrieren vermochte. In ähnlicher Weise stellt sich m.E. für den modernen usbekischen Staat die Aufgabe, sein Verhältnis zu den Traditionen, die unter anderem Timur repräsentiert, zu definieren. Es gibt, wie ich zu zeigen versucht habe, nicht eine singuläre Tradition, aus der man eine eindeutige nationale Identität begründen könnte, es ist vielmehr eine Vielzahl von Traditionen, die das kulturelle Erbe bestimmt. Dies gilt für die Zeit Timurs, und erst recht für die Gegenwart. Die politische Praxis steht vor vielschichtigen Integrationsaufgaben. Hierzu zählen nicht nur die Integration verschiedener Ethnien und sozialer Milieus in der Gesellschaft, sondern auch die Organisierung mehr oder weniger freiwilliger Folgebereitschaft im Staat. Dies läßt m.E. einen variantenreichen und pluralen Umgang mit Traditionen angezeigt erscheinen. Welche Haltung man dabei gegenüber der 'Tradition der Traditionslosigkeit' einnimmt, die die westliche Moderne repräsentiert und mit der die usbekische Gesellschaft seit ihrer Unabhängigkeit verstärkt konfrontiert ist, sei der Diskussion anheim gestellt.

Quellen

Ando, Shiro 1992: Timuridische Emire nach dem Mu'izz al-ansab. Untersuchungen zur Stammesaristokratie Zentralasiens im 14. und 15. Jahrhundert. Berlin (Islamkundliche Untersuchungen Bd.153)

Barthold, Wilhelm 1935: Ulug Beg und seine Zeit. Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes, Bd.XXI, Nr.1. Leipzig

Clavijo: Narrative of the Embassy of Ruy Gonzalez de Clavijo to the Court of Timour at Samarcand A.D. 1403-6. Transl. by Clements R. Markham. London 1859 (Hakluyt Soc., No.26)

DeWeese, Devin 1994: Islamization and Native Religion in the Golden Horde. Baba Tükles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition. University Park/ Pennsylvania

Haenisch, Erich 1941: Die Geheime Geschichte der Mongolen. Leipzig
Herodot: Historien. Übersetzt von J. Feix. Wiesbaden 1963

Ibn 'Arabsah, Ahmed: Tamerlane or Timur the Great Amir. Transl. by J.H. Sanders. London 1936

Manz, Beatrice F. 1988: Tamerlane and the Symbolism of Sovereignty. Iranian Studies, Vol. XXI, Nos. 1-2, 105-122 1993 [1989]: The Rise and Rule of Tamerlane. Cambridge

Moranville, H. (Ed.) 1894: Memoire sur Tamerlane et sa cour par un Dominicain en 1403. Bibliothèque de l'Ecole des chartes, LV, 433-464

Nagel, Tilman 1993: Timur der Eroberer und die islamische Welt des späten Mittelalters. München

Panov, V.A. 1934: Avtobiografija Timura. Bogatyrskie Skazanija o Cingiz-Chane i Aksak-Temire. [o.O.]

Radloff, Wilhelm 1872a: Obrazy narodnoj literatury tjurkskich plemen, zivuscich v juznoj Sibiri i Dzungarskoj Stepi. Cast' IV. Narecija Barabincev, Tarskich, Tobol'skich i Tjumenskich Tatar'. Sanktpeterburg (Text)

1872b: Proben der Volkslitteratur der Türkischen Stämme Süd-Sibiriens. IV. Theil: Die Mundarten der Barabiner, Taraer, Toboler und Tümenischen Tataren. St.-Petersburg (Übersetzung)

Schmitz, Andrea 1996: Die Erzählung von Edige. Gehalt, Genese und Wirkung einer heroischen Tradition. Wiesbaden (Turco-logica Bd. 27)

Vansina, Jan 1985: Oral Tradition as History. Madison/ Wisconsin
Weber, Max 1980 [1921-22]: Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriß der Verstehenden Soziologie. 5., rev. Aufl., Studienausg. Tübingen

Woods, John E. 1987: The Rise of Timurid Historiography. Journal of Near Eastern Studies, Vol.46, No.2, 81-108

DISKUSSION

Dr. A. Sijajew stellte einige Fragen:

◆ an Prof. Tilman Nagel: Was seine Wendung „der rätselhafte Tamerlan“ zu bedeuten habe? Mangel an Information oder Unvermögen, die Gestalt zu erfassen?

◆ an alle Referenten: Es seien zahlreiche Legenden über die Jugend von Amir Timur angeführt worden. Ob es sinnvoll sei, so aktiv mündliche Überlieferungen zu verwerten oder man sich nicht doch lieber auf schriftliche Aufzeichnungen konzentrieren sollte? Was berichten die Chroniken über diesen Lebensabschnitt Amir Timurs?

◆ an den Botschafter der Bundesrepublik Deutschland Dr. Reinhart Bindseil: Warum die Frage der ethnischen Zugehörigkeit von Amir Timur seines Erachtens nicht so bedeutend sei?

◆ an die Botschafterin des Vereinigten Königreichs Großbritannien und Nordirland Barbara Hay: Sie habe darauf hingewiesen, daß in England wenig über Amir Timur bekannt sei, obwohl es dort wichtige Quellen in den Museen und Bibliotheken gäbe. Was könne man tun, um die Situation zu ändern?

Die Antworten auf die Fragen lauteten folgendermaßen:

Prof. Dr. Tilman Nagel: Das Rätselhafte an Amir Timur für Europa des XV. und XVI. Jahrhunderts ist erstens dadurch zu erklären, daß es an konkreter geographischer Information fehlte. Für de Mignanelli bestand das Rätselhafte Tamerlans darin, daß sich in einer Person Schönheit und Grausamkeit vereinten.

Schriftliche Aufzeichnungen vermitteln zwar glaubwürdigere Information, das Studium der Legenden jedoch kann Zeugnis von der emotionalen Einschätzung einer historischen Persönlichkeit oder von Ereignissen durch seine Zeitgenossen und Personen der nachfolgenden Generationen ablegen. Vermutlich müssen beide Quellen einander ergänzen.

Prof. Dr. A. Achmedow legte seinen Standpunkt in bezug auf die Glaubwürdigkeit der in den Legenden angeführten Fakten dar.

In den Legenden wird immer nur einer der möglichen Standpunkte zu einem Ereignis oder in bezug auf eine Person dargelegt. Europa erfuhr von Amir Timur erstmalig aus den Übersetzungen der Werke Ibn Arabschahs, der unter dem Einfluß zahlreicher Feinde Timurs stand und deshalb die Figur des großen Herrschers negativ beschrieb. Die in den drei Legenden über die Kindheit und Jugend Timurs enthaltenen Angaben werden durch andere Quellen nicht bestätigt und sind anzuzweifeln. Aller Wahrscheinlichkeit nach hatte es Amir Timur nicht nötig, zu rauben, da sein Vater ein wohlhabender Emir war, und er selbst jung die Tochter eines Emirs heiratete. Amir Timur kämpfte sein Leben lang gegen Räuber in seinen Besitzungen. Die negative Einstellung Ibn Arabschahs in bezug auf Amir Timur bildete sich unter persischem Einfluß heraus. Von Interesse ist die Tatsache, daß Ibn Arabschah Amir Timur dann positiv, objektiv und wohlwollend einschätzte, wenn er keine fremden Äußerungen wiedergab.

Bei der Bewertung der Ereignisse sollte man sich auf schriftliche Quellen stützen, wie beispielsweise das „Zafar-nameh“, deren Verfasser die türkischen und persischen Handschriften mit den Angaben von Augenzeugen verglichen. Es bleibt ein Rätsel, warum keine objektiven Berichte über den Lebensabschnitt Amir Timurs von seinem 12. bis 22. Lebensjahr vorhanden sind.

K. Kattajew, äußerte den Standpunkt, daß man in Europa dem Studium der schriftlichen Quellen zu wenig Beachtung schenke und sich zuviel mit Überlieferungen befasse.

Dr. A. Sijajew schloß sich dem Standpunkt von Prof. A. Achmedow an, daß Ibn Arabschah, da er in der arabischen Welt lebte und an den Höfen der Schahs wirkte, Amir Timur gegenüber feindlich eingestellt gewesen sei und ihn in seinen Werken negativ bewertet hätte. Es ist anzuzweifeln, daß aus dem jugendlichen Räuber ein Herrscher geworden ist, in dessen Staat Raub als eines der größten Verbrechen geahndet wurde. Man könne den Erzählungen Arabschahs über die jugendlichen Raubzüge Amir Timurs und sein Analphabetentum wenig Glauben schenken, wenn man berücksichtige, daß Amir Timur selbst eine "Gesetzessammlung" verfaßt hätte.

Die Geschichte Amir Timurs ist die Geschichte unseres Volkes, man darf sie nicht mit dem Studium von Legenden beginnen. Amir Timur darf nicht idealisiert, aber auch nicht verleumdet werden, nur schriftliche Quellen können ein objektives Bild vermitteln.

Dr. Andrea Schmitz äußerte Zweifel daran, daß die allgemeine negative Einstellung Arabschahs gegenüber Amir Timur als Beweis dafür dienen könne, daß die auf Legenden beruhende Information falsch sei. Die Legenden enthielten keine negative Bewertung Amir Timurs. Die epische Gestalt des Vagabunden in der europäischen Tradition sei romantisch und verklärt. Das Entscheidende sei nicht, ob Amir Timur geraubt hätte oder nicht, sondern ob er die Gestalt des idealen, vom Volke auserwählten Herrschers verkörpert habe oder nicht. Eine derartige Deutung fehle in den offiziellen Quellen. Eine Auswahl von Fakten finde man sowohl in den mündlichen als auch in den schriftlichen Überlieferungen, wichtig sei die Einschätzung der historischen Persönlichkeit.

Der Landesbeauftragte der Konrad-Adenauer-Stiftung Wolfgang Schreiber erklärte sich mit dem Standpunkt von Dr. Andrea Schmitz einverstanden und wies darauf hin, daß die Gestalten Ivenhoe und Robin Hood in Europa sehr populär seien. Besondere Achtung werde nicht historischen Persönlichkeiten entgegengebracht, die gemäß Erbrecht die Thronfolge antreten, sondern denjenigen, die dank ihrer Fähigkeiten und Verdienste auf den Thron gelangt seien. Eine Person aus dem Volke, die politische Karriere gemacht hat, wird immer im Bewußtsein des Volkes verherrlicht.

Prof. B. Urinbojew bat die europäischen Wissenschaftler, Werke von Zeitgenossen Amir Timurs aus Europa zu nennen, die beim Studium

seines Lebens herangezogen werden. Er unterstrich, daß man sich nicht nur auf literarische Werke stützen dürfe, daß Objektivität nur durch den Vergleich der Standpunkte verschiedener Wissenschaftler, Augenzeugen und Zeitgenossen erreicht werden könne.

Ihn interessierte, wie in Europa die Sprache des Reiches von Amir Timur bestimmt würde?

Dr. Reinhart Bindseil, Botschafter der Bundesrepublik Deutschland, wies darauf hin, daß Amir Timur auf dieser Erde geboren sei und hier beigesetzt wurde. Seine ethnische Zugehörigkeit sei von sekundärer Bedeutung, da er hier zu historischer Größe aufgestiegen sei.

J. Burjakow, Mitglied der Akademie der Wissenschaften, stellte mehrere Fragen:

◆ an Prof. A. Achmedow : Ob die wirtschaftlichen Bedingungen in den vier Ulussen gleich gewesen wären.

◆ an Prof. T. Nagel: Wie er persönlich die Gestalt von Amir Timur einschätze.

◆ an Dr. Andrea Schmitz: Zweifellos enthielten einige mündliche Quellen traditionelle Mythen bei der Einschätzung der historischen Persönlichkeiten, andere dagegen eine individuelle Deutung der Ereignisse. Welche der beiden Quellen von größerem Interesse sei?

Die Fragen wurden folgendermaßen beantwortet:

Prof. A. Achmedow charakterisierte die wirtschaftliche Entwicklung der einzelnen Ulusse ausführlich. In wirtschaftlicher Hinsicht zeichneten sich der Große Ulus und der Ulus Hulagu aus. Ihnen folgte der Tschighataier Ulus, am kompliziertesten war die Lage im Ulus Dshotschi.

Prof. Dr. Tilman Nagel hob hervor, daß er es als seine Hauptaufgabe betrachtet habe, die Teilnehmer des Symposiums mit der Einschätzung Amir Timurs in den europäischen Quellen der Renaissancepoche vertraut zu machen. Tatsächlich sei Amir Timur in Europa bekannt geworden, nachdem die Werke Ibn Arabschahs aus dem Arabischen ins Lateinische übertragen worden wären.

Er wies darauf hin, daß er seine Gedanken über Amir Timur in einem 400 Seiten umfassenden Buche dargelegt habe. Wahrscheinlich sei niemand in der Lage, eine eindeutige Einschätzung einer historischen Persönlichkeit wie Amir Timur zu geben.

Dr. Andrea Schmitz wies darauf hin, daß die Tradition in den Legenden immer vorhanden sei, da sie verschiedene Verfasser hätten. Verwendet werden müßten unterschiedliche Quellen. Die Hauptaufgabe des Wissenschaftlers bestehe in der Herausarbeitung der Traditionsstrenge.

Dr. Dagmar Schatz stellte mehrere Fragen:

◆ Wie Amir Timur Europa eingeschätzt habe, welche Meinung er über Europa gehabt hätte, ob sein Bild pragmatisch oder politisch bestimmt gewesen wäre? Ob ein Vertrag Timurs mit den europäischen Königen bestanden hätte?

◆ Von welchem religiösen Fundament er ausgegangen sei? Ob er Bahauddin Naqshband jemals begegnet sei? In Deutschland gäbe es eine Legende von der Begegnung dieser beiden bedeutenden Personen.

◆ Wie die Rolle der Gattin Amir Timurs Bibi Chanum eingeschätzt werden könne?

Die erste Frage beantwortete Prof. Dr. A. Achmedow. Amir Timurs Haltung zu Europa war nicht eindeutig. Dem Christentum gegenüber war er loyal, solange die Christen die Muslime nicht bedrängten. Die schroffen Maßnahmen gegenüber Georgien wurden durch Zwangsmaßnahmen gegen Muslims ausgelöst. Amir Timur verhielt sich wohlwollend gegenüber den katholischen Königen Europas. Er lud Kaufleute aus England und Frankreich in seine Besitzungen ein, befreite die europäischen Gefangenen Bajezids.

Die Antwort ergänzte Prof. Dr. Tilman Nagel. Die Europapolitik Amir Timurs erstreckte sich bis nach Litauen. Der Standpunkt Samarkands besaß große Bedeutung für Europa. Für England und Frankreich zeigte Amir Timur kein besonderes Interesse, spanische Gesandte dagegen wurden am Hofe Timurs empfangen. Amir Timur befreite zwei spanische Mädchen aus türkischer Gefangenschaft.

Amir Timur unterhielt enge Kontakte zu den Sufis und umgab sich mit Vertretern dieser religiösen Bewegung.

Prof. Dr. A. Achmedow beantwortete auch die zweite Frage. Amir Timur war Muslim. Er war kein Schiit und ist niemals Bahauddin Naqshband begegnet, obwohl er dem Sufismus nahestand und zu Personen, die Bahauddin Naqshband nahestanden, enge Kontakte unterhielt.

Prof. Dr. Annemarie Schimmel hob hervor, daß die Frauen im Leben des offiziellen Samarkands eine bedeutende Rolle gespielt hätten. Das Beispiel von Bibi Chanum sei in diesem Zusammenhang kennzeichnend.

Prof. Dr. G. Achmedshanow hob in einer kurzen Ansprache hervor, daß Amir Timur ein großer Vorfahre des usbekischen Volkes sei. Mit seinem Namen seien die bedeutendsten Momente unserer Geschichte verbunden, sein Erbe helfe bei der Wiederherstellung der Staatlichkeit. Während der 150 Jahre währenden Herrschaft Rußlands wurde die Rolle

und Bedeutung dieser großen historischen Persönlichkeit bewußt herabgesetzt. Er wurde als Zerstörer und Eroberer bezeichnet, die modernen Historiker des Irans danken ihm für den Schutz vor den Nomadenstämmen und die Erhaltung ihres Staates. Man muß in der Gestalt von Amir Timur allgemein menschliche Werte finden und die bedeutenden Quellen für die Lösung moderner Probleme nutzen.

DER STAATSGRÜNDER AMIR TIMUR

*Dr. A. Sijajew, Institut für Orientalistik der Akademie
der Wissenschaften der Republik Usbekistan*

Die einhundertfünfzig Jahre währende Herrschaft der Tschingisiden fügte den jahrhundertealten historischen und kulturellen Traditionen der Völker des alten Turkestans großen Schaden zu. Das betraf besonders einen so wichtigen Aspekt der gesellschaftspolitischen Beziehungen wie die Entwicklung der Staatlichkeit. Es ist allgemein bekannt, daß es gelungen war, unter der letzten unabhängigen Dynastie der Schahs von Choresm vor dem Einfall Tschingis-Chans in Turkestan, Chorasán, Seistan, Sabulistan, Mekran, dem Iran und Aserbaidshan ein mächtiges Reich mit Urgentsch als Hauptstadt zu gründen. Das war ein zentralisierter Staat mit der klassischen orientalischen Verwaltungsform, die sich im Laufe mehrerer Jahrhunderte, beginnend mit der Samaniden-epoche herausgebildet hatte.

Das ganze System wurde nach der Machtergreifung der Tschingisiden zerstört, da diese infolge ihrer kulturellen und historischen Rückständigkeit nicht nur kein Interesse für die staatliche Verwaltung der eroberten Länder zeigten, sondern alles unternahmen, um sie der Vergessenheit anheimfallen zu lassen und sich öffentlich über sie hinwegsetzten. Die Tschingisiden interessieren in erster Linie das Eintreiben der Abgaben und Tribute. Gewöhnlich verwendeten sie für diesen Zweck jemanden aus der einheimischen Elite, Personen, die ihnen auf Treu und Glauben ergeben waren und auch ihre eigenen Interessen nicht zu kurz kommen ließen. In Turkestan, das damals nach einem der neuen „Herrscher“ der Region „Tschaghataier Ulus“ hieß, war der nicht unbekannte Machmud Jala-watsch zum Statthalter ernannt worden, den später sein Sohn Masud-Bek ablöste. Es war eine Situation entstanden, in der das Land politisch von außen her und wirtschaftlich von innen regiert wurde. Das Hauptziel be-

stand weiterhin in der Befriedigung der wirtschaftlichen Interessen, sowohl der gewöhnlich im Flußtal des Ili oder am Ufer des Amudarja lagernden Tschaghataiden und der verschiedensten Vertreter der „Großen Jurte.“ Das Land wurde zu einer zweitrangigen Provinz des riesigen Reiches mit der Mongolei als Zentrum.

Mit der Zeit brachte das Verwaltungssystem eine gesellschaftspolitische Erscheinung hervor, die die politisch-territoriale Unversehrtheit der Region destabilisierte. Dabei handelt es sich um die allmähliche Übersiedlung turksprachiger Stämme in diese Gegend, die später eine bedeutende Rolle im politischen Leben des Landes spielen sollten. Dieser Faktor rückte in den Vordergrund, als Mitte des XIV. Jahrhunderts der Tschaghataier Ulus in zwei Teile zerfiel: den westlichen mit dem Zentrum Sal-i sarai und den östlichen mit dem Zentrum in Almalyk (Mogolistan).

Im Jahre 759 /1357-58 starb der Emir Kasagan, mit dessen Namen der Übergang der politischen Macht aus den Händen „der Chans (d.h. der Tschingisiden - A.S.) in die Hände der Emire“ verbunden war.

Es sei daran erinnert, daß der Emir Kasagan, nachdem er im offenen Kampf den Tschingisiden Kasan-Chan (747/1346-47) besiegt hatte, die Macht in seine Hände nahm. Der Tradition folgend erklärte er jedoch den Tschingisiden Danischmandscha aus dem Geschlecht der Ugedei zum offiziellen Herrscher. Auf diese Art und Weise wurde die Praxis der vorgeschobenen Chane im Ulus vom Emir Kasagan eingeführt. Allein die Tatsache, daß die tatsächliche Macht in die Hände der großen Emire bei Vorhandensein eines offiziellen Herrschers überging, ist ein Beweis für eine wesentliche Schwächung der politischen Führung der Tschingisiden. Das war auch der eigentliche Grund für die Entstehung des östlichen Teils des Tschagataier Ulusses - des historischen Mogolistans.

Der Tod des Emirs Kasagan zeigte, wie stark die Macht der großen Emire, der Herrscher der einzelnen Gebiete, im Lande war, ihre Macht verkörperte in erster Linie die militärische und wirtschaftliche Stärke ihrer Sippen oder Stämme. Es ist verständlich, daß diese Kräfte in erster Linie untereinander und nicht mit dem offiziellen Herrscherhaus, d.h. mit den Tschingisiden, um die Vormachtstellung kämpften. Es gelang jedoch keinem von ihnen, seine Vormachtstellung unter Beweis zu stellen, deshalb stellte jedes Gebiet eine selbständige politische Kraft dar.

Kennzeichnend sind die Zeugnisse Nisam ad-Din Schamis, des Verfassers des „Zafar-nameh“, der ersten offiziellen Abhandlung über Amir Timur. Gemäß seinen Angaben regierte in Chodshent Bajezid Dshalair, in

Balch der Emir Hussein, in Schibirgan Muchammad-Hodsha Apardi, in Chatlan und Archan-Sarai Keichosrou und Uldshaitu, in der Umgebung von Samarkand Hisr Jassawuri, in Kesch Hadshi Barlas und in Badachschan einheimische Schahs.

Das Land verwandelte sich somit für jeden Eroberer in eine leichte Beute. Tugluk Timur, der Herrscher Mogolistans, von mächtigen Mogolenemiren 1348 auf den Thron gesetzt, nutze diese Gelegenheit unverzüglich. Er versuchte zumindest theoretisch die Macht der Tschingisiden im ganzen Tschaghataier Ulus zu erhalten. Zunächst unternahm Tugluk Timur selbst in den Jahren 1360 bis 1361 und später sein Sohn Iljas-Hodsha im Jahre 1365 mehrere Versuche die Macht der Tschingisiden in Mawerannachr wiederherzustellen. Jedoch weder ihm, noch dem Nachkommen des oben genannten Emirs Kasagan, dem Emir Hussein gelang es, das ganze Land unter seine Oberherrschaft zu bringen. Gegen die Tschingisiden Tugluk Timur und seinen Sohn kämpften die vereinten Truppen der einheimischen Emire mit den Emiren Hussein Amir Timur an der Spitze. Nachdem die Kräfte Dshetes vertrieben waren, konzentrierte sich die Macht in den Händen des Emirs Hussein. Seine politische Karriere fand jedoch ein jähes Ende. Dafür gab es mehrere Gründe: erstens war er nicht in der Lage, mit den anderen Emiren zurechtzukommen, zweitens bestanden weiter Separationsbestrebungen der einzelnen Gebiete, die wichtigste Rolle spielte die Tatsache, daß auf der politischen Arena die Figur Amir Timurs aufgetaucht war.

Mit dem Namen Amir Timurs ist das Ende der einhundertfünfzigjährigen Herrschaft der Mongolen in Mawerannachr, die Erreichung der politischen Unabhängigkeit des Staates, seine Zentralisierung, die Wiederherstellung der klassischen Verwaltungsform des Landes, eine Blüte der Wirtschaft, Wissenschaft und Kultur, die Bildung eines Weltreichs mit Samarkand als Mittelpunkt, die stürmische Entwicklung der internationalen, wirtschaftlichen und kulturellen Kontakte verbunden.

Die hervorragende Persönlichkeit Amir Timurs besaß für alle Schichten der Bevölkerung Anziehungskraft. In ihm sah man eine Persönlichkeit, die in der Lage ist, das Land zu vereinen und Schluß zu machen mit der langjährigen Zwietracht und dem Chaos im politischen Leben und großangelegte militärpolitische Maßnahmen außerhalb der Region durchzuführen. Deshalb wurde die Vormachtstellung Amir Timurs von der militärpolitischen Aristokratie und den Vertretern der Geistlichkeit sofort nach dem Sturz des Emirs Hussein einstimmig anerkannt. Amir

Timur hat im Verlauf von fünfunddreißig Jahren, bis zu seinem Tode, viel Kraft aufgewandt, um die Einheit des Landes zu wahren und seine internationale Stellung zu festigen.

Zweifellos mußte Amir Timur als Politiker die Interessen der gesellschaftlichen Schichten berücksichtigen, die ihm zur Macht verholfen hatten und die die entscheidende Kraft bei der Verwirklichung seines Hauptzieles - der Schaffung eines mächtigen zentralisierten Staates - darstellten. Deshalb begann er seine Tätigkeit mit der Vergabe hoher staatlicher und militärischer Posten an ihm treu ergebene Personen. Besondere Aufmerksamkeit schenkte Amir Timur der Festigung der örtlichen Verwaltung. Er erließ eine große Anzahl von Verordnungen, die diesen Amtspersonen die Gewährleistung der Sicherheit der Straßen, die Verschönerung der Städte und Ortschaften auferlegten. Sie hatten Rabate, Hanakas, Medresen und Krankenhäuser zu errichten. Mit besonderer Aufmerksamkeit umgab Amir Timur die Sejiden und Scheiche. Gemäß den Ausführungen Hafis-i Abru vergab Amir Timur über ein System von Stiftungen und Medresen Stipendien an Studenten und in Übereinstimmung mit der Stellung und dem Verdienst jedes einzelnen Gehälter (Renten) an Mittellose (fukaro). Durch diese Maßnahmen demonstrierte Amir Timur der Gesellschaft die Hauptziele seiner Politik. Das Wesen seiner Innenpolitik bestand in der Wahrung der Interessen aller sozialen Gruppen und Schichten. Das ist eine beachtenswerte Tatsache. Vor Amir Timur wurde die Frage des Wohlergehens der Bevölkerung nur durch das Prisma der oberen Schichten betrachtet: der höchsten Beamten, der Militärs und natürlich des Staatsoberhauptes selbst. So wurde beispielsweise in dem weit bekannten Werk Nisam al-Mulka „Sijasatnameh“ (XII. Jahrhundert), das der Beschreibung der „edlen Eigenschaften, ohne die man nicht Herrscher sein kann“ gewidmet ist, weder den Gelehrten, noch den Ackerbauern oder den Handwerker usw. Beachtung geschenkt. Tatsächlich war vor Amir Timur, vor dem Erscheinen seiner „Gesetzessammlung“ die Ansicht verbreitet, daß das Wohlergehen der Gesellschaft von der Tätigkeit des Herrschers und den Beamten aller Ränge abhängt. Das Volk mußte gemäß den Ausführungen des bereits erwähnten Nisam al-Mulka folgsam sein und seiner Arbeit nachgehen.

Wir sind nicht bemüht, Amir Timur moderne volkstümlerische Gedanken zuzuschreiben. Eine Analyse seiner Gesetzessammlung und der in den Quellen dargelegten historischen Tatsachen befugt uns jedoch zu der Behauptung, daß die Größe des gesellschaftspolitischen Denkens Amir

Timurs gerade darin besteht, daß er als einer der ersten den gesetzmäßigen Zusammenhang zwischen der Entwicklung des Staates und dem gesellschaftlichen Fortschritt mit den Interessen jeder sozialen Gruppe verstanden hat. Er hat die Gesellschaft in zwölf Kategorien unterteilt. Er unterschied zwischen der höchsten muslimischen Geistlichkeit, Militärs, Beamten, Vertretern der örtlichen Macht, Angestellten, Gelehrten, Handwerkern, Kaufleuten und Ackerbauern. Die Interessen aller sozialen Schichten wurden berücksichtigt. Amir Timur war bestrebt, die Möglichkeiten jeder Schicht zu nutzen. In seiner „Gesetzessammlung“, die Gesetzeskraft besaß, waren die Rechte und Pflichten jeder sozialen Gruppe verankert. Unterstrichen sei, daß die Berücksichtigung und Wahrung der Interessen aller gesellschaftlichen Schichten der grundlegende Faktor zur Festigung des Staates und zur Hebung der Rolle des Zentrums darstellte. Diese Politik verlieh dem Zentrum eine starke Anziehungskraft. Der Staat verkörperte für die Menschen den Beschützer und Garanten ihrer Interessen. Dank Berücksichtigung der sozialwirtschaftlichen und geistigen Faktoren war Amir Timur in der Lage, die Stellung des Zentrums zu stärken.

Es kam vor, daß in örtlichen militärpolitischen Kreisen Separationsbestrebungen gegenüber der Zentralregierung auftraten. Sogar in derartigen Fällen versuchte Amir Timur diese Fragen friedlich zu lösen. So verhielt er sich beispielsweise auch in bezug auf den bedeutenden Emir Sinda Tschaschma, der sich weigerte, an dem ersten von Amir Timur in Samarkand kurz nach seiner Machtübernahme (1370) einberufenen Kurultai teilzunehmen. Trotz seiner militärpolitischen Übermacht unternimmt Amir Timur mehrere Versuche ihn durch Verhandlungen zur Unterordnung zu bewegen. Erst nachdem alle Möglichkeiten der politischen Lösung erschöpft waren, löst Amir Timur das Problem auf militärischem Wege. Nachdem Amir Timur einen leichten Sieg errungen hatte, beeilte er sich nicht, den ungehorsamen Emir zu bestrafen. Kennzeichnend ist ein anderes Beispiel. Choresm stellte in jeder Hinsicht einen Teil des einheitlichen Landes dar. Unter Tschingis-Chan gehörte der nördliche Teil dieses Gebiets zum Ulus Dshotschi, der südliche dagegen verblieb im Ulus Tschaghatai. Die Ansprüche Samarkands auf Choresm waren unumstritten. Auch diese Frage versuchte Amir Timur auf friedlichem Wege zu lösen: er schickte eine Gesandtschaft nach Choresm und war bemüht, den Herrscher von Choresm durch Worte zu überzeugen, er versuchte sogar, die Beziehungen zwischen Choresm und Samarkand durch die Heirat seines Sohnes Dshachangir und der Nichte des Herrschers von Choresm zu festigen. Alle

Bemühungen waren jedoch vergeblich. Nur die militärische Lösung des Problems (fünf Feldzüge 1371, 1373, 1375, 1379 und 1388) erlaubten Amir Timur, dieses Gebiet endgültig zum Gehorsam zu zwingen.

Amir Timur unternahm auch große Anstrengungen, um die Vereinigung mit dem Ostteil Turkestans, d.h. mit Mogolistan, zu erreichen. Amir Timurs Politik bezüglich dieses Staates wurde durch zwei Faktoren bestimmt. Erstens gehörte das an den Syrdarja, Sarys, Baklasch, den Irtysh und die Südhänge des zentralen Tangrittag grenzende Gebiet historisch gesehen sogar in der Herrschaftszeit der Tschaghataiden zu Turkestan. Zweitens stellte Mogolistan seit Mitte des XIV. Jahrhunderts eine ernsthafte und ständige Gefahr für Mawerannachr dar, da es der letzte politische Stützpunkt der Mongolen war. Wir hatten bereits die Feldzüge Tugluk Timurs und seines Sohnes Iljas-Hodsha nach Mawerannachr erwähnt. Nach 1370 unternahm Mogolistan drei Feldzüge in dieser Richtung (1370-1371, 1376). Bei dem letzten eroberte der Herrscher von Mogolistan Emir Kamariddin einen großen Teil Ferganas. Amir Timur war gezwungen, sieben Feldzüge gegen Mogolistan zu unternehmen (1371, 1375, 1376, 1377, 1383, 1389 und 1390). Erst durch den letzten gelang es ihm, die aus dem Osten drohende Gefahr von Mawerannachr abzuwenden und Mogolistan unter seine Kontrolle zu bekommen. So war die endgültige Vereinigung der Region erst zwanzig Jahre nach Amir Timurs Machtantritt möglich. In den nachfolgenden Jahren widmete er sein Hauptaugenmerk der Außenpolitik. In den ihm verbleibenden zwanzig Jahren verwandelte Amir Timur seinen Staat in ein Weltreich, das sich vom Mittelmeer bis an die chinesische Grenze erstreckte.

Westeuropa war Samarkand zutiefst verpflichtet. Der Sieg Amir Timurs über den türkischen Sultan Bajezid (1402) hatte das Wesen der Beziehungen zwischen dem Osten und Westen im Prinzip nicht verändert. Bajezid hatte versucht, nur auf militärische Stärke gestützt, die Herrschaft über Europa zu erlangen. Amir Timur dagegen knüpfte diplomatische Beziehungen zu den europäischen Ländern an und beseitigte die vom Osmanenreich ausgehende Gefahr, was ihn in den Augen der Europäer zum Befreier machte, und zog diese Region in seinen Einfluß- und Interessensbereich ein. In dieser Hinsicht sind die Worte Amir Timurs von Interesse, die er beim Empfang der Gesandtschaft des Königs von Kastilien und Lions Heinrich III. (1390-1407) äußerte. Gemäß Angaben eines Mitglieds der Gesandtschaft, Ruy Gonzalez de Clavijo, sagte Amir Timur folgendes: „Seht Euch jene Gesandtschaft an, die mein Sohn, der spa-

nische König, der erste aller Könige der am Ende der Welt lebenden Franken, zu mir geschickt hat. Sie sind wirklich ein großes Volk und ich segne meinen Sohn, den König von Spanien.“ In der Diplomatensprache jener Zeit bedeutete „mein Sohn“ soviel wie „mein Untertan“. Timur selbst protestierte in seinem Briefwechsel mit dem Sultan Bajezid (1389-1402) entschieden dagegen, wenn man sich mit diesen Worten an ihn wandte. Hier drücken die Worte Amir Timurs eine historische Realität der damaligen Zeit aus. Das gesamte Territorium vom Atlantischen Ozean bis zur Chinesischen Mauer befand sich im Einflußbereich Samarkands.

Wenn es Amir Timur gelungen wäre, seinen Chinafeldzug erfolgreich abzuschließen, so hätte praktisch die ganze Welt oder der wohlgeordnete Teil der Welt, um mit den Worten der mittelalterlichen Autoren zu sprechen, sich im Einflußbereich Amir Timurs befunden.

◆ **Wie erfolgte die Verwaltung des Staates unter Amir Timur?**

Das Reich war in mehrere Teile untergliedert. Länder und Gebiete wie Chorasán, Sabulsiton, Kandhagar, Seistan, der Iran, Aserbaidshan wurden unmittelbar durch Vertreter des Hauses Amir Timurs - seine Söhne und Enkel - regiert. Diese Länder zusammen umfaßten das Gebiet der vier Ulusse, die von den vier Söhnen Amir Timurs und deren Nachkommen regiert wurden. Die übrigen Regionen (die Goldene Horde, Mogolistan, Nordindien, Kleinasien, Ägypten, Syrien und andere) erkannten die Oberhoheit Samarkands an und wurden gemäß Übereinkunft mit Amir Timur durch einheimische politische Kräfte verwaltet. Als Amir Timur im Jahre 1404 die Verwaltung des „Ulusses Hulagu“ dem Prinzen Omar, dem Sohn Miranschahs übergab, charakterisierte er seine Grenzen folgendermaßen: „Alle Besitztümer Aserbaidshans mit den ihm tributpflichtigen Gebieten, sowie Rum bis Istanbul und Scham bis Ägypten.“ Daraus ersehen wir, daß Amir Timur Syrien und die Türkei in das Territorium aufgenommen hatte, das unmittelbar von Vertretern des Herrscherhauses verwaltet wurde.

Mawerannachr, das Herz des Reiches, war immer dem Staatsoberhaupt selbst unterstellt.

Beachtung verdienen die Tätigkeitsprinzipien der zentralen Machorgane. Zu den historischen Verdiensten Amir Timurs gehört die Organisation der Tätigkeit des zentralen Staatsapparats in seiner klassischen für die Zeit vor Tschingis-Chan charakteristischen Form. Es ist allgemein bekannt, daß beginnend mit der Samanidenzeit (892-1005) in der staatlichen Verwaltung deutlich eine Teilung der Gewalten in gesetzgebende in Form

der Dargach und ausübende in Form verschiedener Diwane (Ministerien) zu bemerken war. Dieses System wurde auch in den nachfolgenden Dynastien beibehalten. Die Dshingisiden begnügten sich nicht damit, es zu zerstören, sondern führten in den einhundertfünfzig Jahren ihrer Herrschaft archaische Verwaltungsmethoden ein. Das Ulusverwaltungssystem war im gesellschaftspolitischen Bewußtsein der Gesellschaft zutiefst verankert. Unter Einfluß dieses Faktums tauchte in der historischen Literatur jener Periode die Bestätigung auf, daß Amir Timur Anspruch auf den Thron des Tschaghataier Ulusses erhoben hätte. Derartigen Überlegungen begegnen wir auch im Briefwechsel Amir Timurs selbst. Es war äußerst kompliziert, sich selbst und die Realien jener Zeit zu überwinden. Im Endeffekt gelang es Amir Timur das Dargach- und Diwansystem wiederherzustellen.

Das Grundprinzip dieses Systems bildete die Gesetzlichkeit.

In diesem Zusammenhang schrieb Amir Timur in seiner „Gesetzsammlung“ folgendes: „Das Gebäude meiner Macht festigte ich auf der Grundlage der Religion und des Gesetzbuches. Jeden Schritt zur Verwaltung des Reiches nahm ich auf Grundlage des Gesetzbuches vor“. Amir Timur, der praktisch das Oberhaupt des Dargachs und Verfasser der Erlasse und Vorschriften zu allen wichtigen Fragen der Innen- und Außenpolitik des Staates war, war bemüht, sich in der staatlichen Politik auf die Gesetzgebung zu stützen.

Als oberstes Glied der gesetzgebenden Gewalt galt der Kurultai, d.h. eine Art Tagung der Noyone, Emire, Thronfolger, Wesire, Statthalter der untertänigen Länder und Gebiete. Aus den Quellen sind uns über 20 Fälle der Kurultaieinberufung bekannt. Yazdy und Schami, die Verfasser der offiziellen Geschichte Amir Timurs (des „Zafar-nameh“), unterscheiden zwischen dem Großen Kurultai (kurulta-yi busurg) und dem gewöhnlichen Kurultai. Eine Analyse der Literatur läßt den Schluß zu, daß der Große Kurultai Fragen der obersten Staatsgewalt zu entscheiden hatte, wie die Ernennung des offiziellen Staatsoberhauptes, Stärkung des Heeres und die Organisation bedeutender Kriegszüge. Zum Kompetenzbereich des Kurultais gehörten die Ernennung der Oberhäupter der Ulusse, der Länder und Gebiete, die Organisation einzelner militärischer Maßnahmen usw. Im Dargach wurden besondere Beratungen (Madshlis-i hos) abgehalten, an denen ein enger Kreis von Personen von Rang und Beamte teilnahm. Dort wurden alle staatspolitischen Fragen entschieden, wie die Verwaltung des Reiches, die Vergabe wichtiger Staatsposten, die Reaktion auf bedeutende

Ereignisse im In- und Ausland. Ein Sekretär trug den Verlauf der Beratung in ein spezielles Buch ein, d.h. er führte eine Art Protokoll.

Bekanntlich hielt sich Amir Timur streng an das Prinzip „Rosti rusti“, d.h. „Stärke und Gerechtigkeit.“ Deshalb wurde dem Dienst Arsbegi im Dargach, der Eingaben, Klagen und Anträge prüfte, besondere Bedeutung beigemessen. Daneben existierte der Posten eines Emirs der Gerechtigkeit (amir-i adl). Der zuerst genannte Dienst empfing die Bittsteller im Zentrum, der zweite wirkte über seine Beamten direkt vor Ort und entschied Streitfragen der einfachen Menschen. Durch ein System der doppelten Kontrolle versuchte der Dargach möglichst objektive Information über das Leben der Gesellschaft zu erhalten. Bei Eingang der Angaben begaben sich spezielle Beamten - die Amine (Vertrauenspersonen) an den entsprechenden Ort und prüften sorgfältig den Fall. Bei Verletzung der Gerechtigkeit durch die örtliche Verwaltung wurde eine materielle Kompensation aus der örtlichen Staatskasse gezahlt. Die Amine waren dem Dargasch rechenschaftspflichtig und mußten schriftliche Berichte über ihre Tätigkeit vorlegen.

Ein weiterer wichtiger Posten im Dargach war der Tawatschi, der sich hauptsächlich mit der Komplettierung des Heeres und seiner Unterbringung befaßte. Gemäß Angaben Scharaffudin Ali Yazdy wurde der Tawatschi im Staate praktisch als nächste Stufe nach dem obersten Herrscher betrachtet. Die große Bedeutung dieses Postens ist verständlich. Der Tawatschi und sein Dienst waren für folgendes verantwortlich: die Einberufung der erforderlichen Anzahl von Kriegern, ihre Ausbildung, ihre Vorbereitung auf lange Märsche und entsprechende Kampfhandlungen, das Eintreffen dieses oder jenes Truppenteils zu einem bestimmten Zeitpunkt an einem vorher festgelegten Ort, die Vermeidung von Truppenkonzentrationen während der Feldzüge, die Befehlserfüllung und zu Friedenszeiten für die Verteilung der Arbeiten auf den Großbaustellen. Das „Zafar-nameh“ von Yazdy enthält eine Beschreibung, die die Tätigkeit dieses Dienstes veranschaulicht. Yazdy nennt den Posten des Haupttawatschi (tawatschien-i busurg). Diesen Rang hatten beispielsweise so bedeutende Emire inne wie Hadshi Seif ad-Din, Dshachan-schah Dshaku und Schams ad-Din Abbas inne. Sie waren befugt, sich von den Heerführern Tumanat (die zehntausend Krieger befehligten), Chasaradshat (Befehlshaber über tausend Krieger) Sadadshat (Befehlshaber über hundert Krieger) und Statthaltern der Teilreiche die rechtzeitige Bereitstellung des Heers bestätigen zu lassen, wobei Anzahl und Qualifikation der Krieg-

er gewöhnlich zwischen Amir Timur und den genannten Staatsbeamten auf dem Kurultai festgelegt wurde.

Ihren Dienst im Dargach übten auch der Haupthashib und die Hashibe, der Hasinadar, der Hansadar, Dshibatsche, Kuschtsche, Kuschbege, Bakaulbasche, Katabe, Tabibe, Biktsche, Musikanten, Vorleser, Farrasche und andere aus.

Die Tätigkeit der Exekutivgewalt könnte man kurz folgendermaßen charakterisieren.

1. Diwan (Ministerium) für Angelegenheiten des Landes und der Bevölkerung. Diese Institution befaßte sich mit der Lösung von Alltagsproblemen, wie zum Beispiel der Kontrolle und Verteilung der Ernte in den einzelnen Gebieten, der Steuereinzahlung, der Erfassung der Einnahmen und Ausgaben, der Maßnahmen zur Modernisierung der Städte und Ortschaften, der Analyse des Zustands der Staatskasse usw. Der Leiter des Ministeriums mußte regelmäßig dem Staatsoberhaupt Rechenschaft ablegen. Wenn man die Tätigkeit dieses Organs mit den Ministerien in der Zeit vor Tschingis-Chan vergleicht, so könnte man vom Hauptminister und seinem Department sprechen.

2. Ministerium für Militärangelegenheiten. Zu den Pflichten dieser Institution gehörte die Zahlung des Solds, die Kontrolle und Eintragung des Vermögens der Krieger, das ihnen für besondere Verdienste übergeben worden war; die Waffenversorgung; die Vorbereitung der Militärparaden; die Gewährung von Renten und Beihilfen an diejenigen, die im Kampf ihre Kriegstauglichkeit eingebüßt hatten; die Sorge um die Verabschiedeten.

3. Ministerium für Steuern und Vermögen. Dieses Organ hatte das Vermögen zu erfassen und zu kontrollieren, deren Besitzer nicht aufgefunden werden konnten; Einfuhr- und Ausfuhrsteuern und Sakat zu erheben, den Zustand der Weiden und des Viehs zu kontrollieren und die Einnahmen der Viehzucht sowie die Wahrung der Rechtsnormen bei der Vererbung von Vermögen zu kontrollieren.

4. Finanzministerium.

5. Justizministerium (Devon-i masolim). Diese Institution befaßte sich unmittelbar mit Zivilfragen, wobei es sich von den Forderungen des weltlichen Rechts leiten ließ. Im Rahmen der Scharia existierten unabhängig davon islamische Richter (Kasi). Rechtsfragen des Militärs entschied das Militärtribunal (Kas-i askar). Somit existierte eine Teilung der rechtsprechenden Gewalt in zivile, geistliche und militärische.

Drei Ministerien befaßten sich mit Fragen der eroberten Gebiete. Die Hauptaufmerksamkeit galt dabei Fragen der Finanzen, der Einnahmen und des Vermögens.

Im X. bis XII. Jahrhundert bestand im System der Exekutivgewalt eine Institution für wakf-Fragen. Die Verwaltung dieser Angelegenheiten übertrug Amir Timur dem Sadr assudur, d.h. dem Hauptsadr. Bekanntlich wurden zahlreiche Institutionen und Anlagen für die weltliche, geistliche und praktische Nutzung auf Anordnung Amir Timurs dem wakf übertragen.

So wurden beispielsweise zwischen den Ortschaften in der Steppe Langare errichtet, d.h. Einrichtungen, in denen man jederzeit Speise und eine Unterkunft finden konnte. Die Langare wurden auf der „Bilanz“ der nächstgelegenen Siedlungen als wakf geführt. Und so wurde es überall im Reich gehalten. Wahrscheinlich existierte ein spezieller Dienst für die Verwaltung und Kontrolle dieses Systems, das an die Stelle des Ministerium für wakf-Angelegenheiten früherer Zeiten getreten war. Leider ist es uns nicht gelungen, beim Studium der uns bekannten historischen Literatur die genaue Benennung dieser Institution zu finden. Es ist möglich, daß dieser Dienst in den Kompetenzbereich der örtlichen Verwaltung übergeben worden war. Mit den traditionellen wakf-Angelegenheiten in Verbindung mit der Übergabe von Vermögen verschiedener Art an geistliche und Wohltätigkeitsinstitutionen befaßte sich Sadr as-sadur. Zeitgenossen Amir Timurs weisen darauf hin, daß dieser von seinen Ministern (Wesiren) verlangte, daß von den Einnahmen der wakf kein Groschen in die Staatskasse gelangte.

In dieser Periode wurde dank der Bemühungen des Zentrums im ganzen Reich ein weit verzweigtes Netz von Post- und Handelsstraßen angelegt. Hafis-i Abru schreibt, daß man von Samarkand aus in jeder beliebigen Richtung zwei Monate lang unterwegs sein konnte, ohne jemals gezwungen zu sein, unter freiem Himmel auf der Straße oder in der Steppe zu übernachten, da auf Anweisung Amir Timurs überall Rabate errichtet worden wären. Hier fanden gleichzeitig bis zu tausend Personen Unterkunft und Verpflegung. Darüber berichtet in seinen Erinnerungen auch Ruy Gonzalez de Clavijo. Offensichtlich muß auch für die Verwaltung dieses Systems eine entsprechende Regierungsinstitution bestanden haben, die ihrem Wesen und ihrer Bestimmung nach dem Ministerium für Information und Postwesen geglichen haben mußte, das im X. bis XII. Jahrhundert bestand.

Im X. bis XIII. Jahrhundert bestand im System der Exekutivgewalt eine Institution für Briefwechsel und äußere Angelegenheiten. Gemäß Angaben

von Ruy Gonzalez de Clavijo befaßte sich mit der Begleitung und dem Empfang von Gesandtschaften der „Ritter und Oberste Torhüter des Herrschers“, d.h. der Oberste Hadshib. Die Hadshibe des Dargach werden bei Hafis-i Abru und Yazdy erwähnt. Das läßt die Annahme zu, daß unter Amir Timur der Dienst für äußere Angelegenheiten in das System des Dargach einging.

Die Bekanntschaft mit den zentralen Verwaltungsorganen des Staates unter Amir Timur vermittelt eine klare Vorstellung von dem System, das die politischen, wirtschaftlichen, gesellschaftlichen und rechtlichen Beziehungen innerhalb des Reiches regelte. Dieses System basierte auf den Vorschriften der Scharia, dem Kanon der muslimischen Jurisprudenz. Eine Sonderstellung nimmt das Gesetzbuch Amir Timurs ein, das eine Sammlung von Gesetzen zur Verwaltung des Staates und der Gesellschaft darstellt. Die „Gesetzsammlung“ enthält beispielsweise Forderungen an die Wesire (die Leiter der Ministerien); Bestimmungen über die Steuerpolitik; über die Verantwortlichkeit der Regierungsorgane im Zentrum und in den Regionen für die Modernisierung der Städte und Ortschaften; über das Vermögensrecht; über den Bau militärischer Anlagen, über die Tätigkeit der Kontrollorgane; über die Rechte und Pflichten der Angehörigen des Herrscherhauses; über die Stellung der Geistlichkeit, der Wissenschaftler, der Handwerker, der Ackerbauern; über die Haftung der Verwaltungsorgane gegenüber den Untertanen usw. Die Machtorgane waren bemüht, die aufgestellten Rechtsnormen strikt einzuhalten. Gesetzesverletzungen, die Amir Timur selbst zu Gehör kamen, wurden streng bestraft.

In diesem Zusammenhang sind die Ausführungen von Ruy Gonzalez de Clavijo von Interesse. Als Amir Timur, der aus einem seiner Kriegszüge (von Scharafiddin Ali Yesdi /1399-1404/ der siebenjährige genannt) zurückkehrte und von groben Veruntreuungen seines Obersten Ministers „des ganzen Samarkander Reichs“ erfuhr, ließ er ihn sofort aufhängen und bestrafte alle diejenigen, die sich für den Beschuldigten verwendet hatten. Bestraft wurden auch jene Handwerker und Ladenbesitzer, die im Verlaufe jener Jahre ihre Waren zu überhöhten Preisen verkauft hatten. Bekanntlich bestand seit alten Zeiten eine Ordnung, die eine Festsetzung der Preise für Lebensmittel und des täglichen Bedarfs vorsah: für Brot, Fleisch, Kleidung usw. Gemäß den Ausführungen von Ruy Gonzalez de Clavijo „wurde in Samarkand die Gesetzlichkeit eingehalten, kein einziger Mensch wagte es, einen anderen zu beleidigen oder /irgendeine/ Gewalttat ohne Anordnung des Seniors (d.h. Amir Timurs - A.S.) auszuüben.“ Die Gesetze wurden

nicht nur im Zentrum des Reiches, sondern, soweit dies möglich war, auch auf dem Territorium der eroberten Länder eingehalten. Im Zusammenhang mit diesem Problem bestand bei Amir Timur ein spezielles Gesetz, das lautete: "Die Bevölkerung der /eroberten/ Länder ist vor verwerflichen Geschehnissen, Hinrichtungen, Gewalt und Gefangennahme zu bewahren. Ihr Hab und Gut ist vor Raub zu schützen."

Das beschriebene System der staatlichen Verwaltung funktionierte bei Anwesenheit von Amir Timur selbst reibungslos. Auf diese Art und Weise stellte Amir Timur selbst den Garanten für Gesetzlichkeit und Rechtsordnung, für Stabilität der Zentripetalkräfte im Staate dar. Solange er am Leben war, funktionierte dieses System einwandfrei. Nach seinem Tode wurde durch die Streitigkeiten zwischen seinen Nachkommen die Stabilität der sozialwirtschaftlichen und rechtlichen Beziehungen, der politischen Macht gestört, das von Amir Timur geschaffene System begann einzustürzen und nach ihm auch das Reich. Obwohl die Tätigkeit der Timuriden noch rund hundert Jahre währte, existierte sie auf dem von ihrem großen Ahnen geschaffenen Fundament. Die Timuridendynastie brach sowohl in Turan als auch im Iran zusammen, sobald auf der politischen Arena die Gründer von zwei neuen, jungen, kraftvollen Dynastien auftauchten - im Norden Muchammad Schachbacht (Scheibani-Chan) und im Westen Ismail Sefiwi. Interessant ist die Tatsache, daß dem nach Nordindien gezogenen Abkömmling dieses Hauses Sachir ad-Din Muhammad Babur (1483-1530) und seinen Nachkommen in erster Linie Akbar (1556-1605) in jener Region die Rolle des Staatenvereinigers zufiel.

Die Ausführungen lassen folgende Schlußfolgerungen zu:

1. Durch die Gewährleistung der politischen Unabhängigkeit des Landes schuf Amir Timur 1370 das Fundament des künftigen zentralisierten Staates;

2. Die Tatsache, daß es Amir Timur gelang, die wichtigsten politischen Kräfte des Landes um sich zu scharen und die Interessen aller sozialen Schichten der Gesellschaft zu berücksichtigen, ermöglichte ihm, die Autorität des Staates im Zentrum und in den Regionen zu heben;

3. Durch geschickte Lösung der im Laufe von Jahrzehnten angesammelten gesellschaftlichen Probleme, die Gewährleistung der persönlichen und gesellschaftlichen Sicherheit, die Unterstützung der Wirtschaft, des Handels, der Wissenschaft und Kultur, die Förderung der Modernisierung und die freie Entfaltung der örtlichen Traditionen erwarb Amir Timur die Liebe und Achtung der gesamten Bevölkerung des Landes;

4. Amir Timur kämpfte in jeder Situation gegen die für die Ganzheit des Staates bedrohlichen Zentrifugalkräfte.

5. Bei der Errichtung seines Weltreichs und zur Festigung der Beziehungen zwischen den Dynastien nutzte Amir Timur aktiv diplomatische und politische Maßnahmen sowie die Anknüpfung verwandtschaftlicher Beziehungen. Herrscher, die freiwillig seine Vorherrschaft anerkannten, ließ er an der Macht und nutzte militärische Mittel nur bei Unvereinbarkeit der Interessen.

6. Gestützt auf die Normen der Scharia und den Kanon der muslimischen Rechtsprechung setzte Amir Timur die „Gesetzessammlung“ und seine persönliche Autorität aktiv ein, um auf dem ganzen Territorium seines Reiches Gesetzlichkeit und Rechtsordnung herzustellen.

7. Die Epoche Amir Timurs verdient als „Goldenes Jahrhundert“ der kulturellen Entwicklung der Region bezeichnet zu werden. Amir Timur verstand, welche wichtige Rolle die Gelehrten, die Kultur und das Geistesleben für die Festigung des Staates und der Gesellschaft spielen. Dank der Bemühungen Amir Timurs und seiner Nachkommen wurden zahlreiche Objekte des geistigen Lebens (Medresen, Moscheen, Hanakas, Grabmäler) wiederaufgebaut oder neu errichtet. Weltberühmt war die Bibliothek der Timuriden. Unter der Schutzherrschaft Amir Timurs und seiner Nachkommen wurden besondere Erfolge in der Astronomie, Mathematik, Geometrie, Medizin, Chemie, Architektur, Historiographie, Literatur, Kalligraphie und Malerei erzielt. Die Gelehrten und Künstler genossen die besondere Achtung und den Schutz der Macht.

8. Amir Timur, der den Handels- und Wirtschaftsbeziehungen besondere Beachtung schenkte, leistete Bedeutendes für den politischen und rechtlichen Schutz der Straßen (Rabate, Langare), den Ausbau der Beziehungen sowohl mit dem Osten als auch mit dem Westen, das effektive Funktionieren der Großen Seidenstraße.

9. Amir Timur war der Beschützer des Islams, der Religion, zu der sich praktisch die Völker aller Länder bekannten, die in sein Reich gingen. Er bildeten den Garanten für Ruhe und Sicherheit der Pilgerfahrten.

10. Das mächtige Heer bildete den Garanten für die von Amir Timur durchgeführte Innen- und Außenpolitik. Seine Kampfbereitschaft wurde immer auf höchstem Niveau erhalten.

11. Amir Timur, der sich ganz hervorragend in den Feinheiten der Diplomatie auskannte, war immer genau über die gegenwärtige Lage, die Geschichte und Kultur jener Länder, die in seinen Interessenbereich gingen, informiert.

12. Für die effektive Kontrolle des politischen, sozialen, wirtschaftlichen und kulturellen Lebens seines riesigen Reiches nutzte Amir Timur ein für die damalige Zeit fortschrittliches System der Staatsverwaltung, das die gesetzgebende (das Dargach-System) und die exekutive Gewalt (Diwane) umfaßte. Die Errungenschaften der klassischen staatlichen Verwaltungsform des X. bis XII. Jahrhunderts nutzend, modernisierte Amir Timur diese und setzte sie erfolgreich als Instrument zur Zentralisierung und Stärkung des Staates ein.

13. Amir Timur, der über hervorragende Fähigkeiten als Politiker, Diplomat, Feldherr, Stratege und Psychologe verfügte, ist eine der größten Persönlichkeiten in der Geschichte der Weltzivilisation.

„GROSSMUT UND STRENGE“ - DAS RECHTSDENKEN ZUR ZEIT AMIR TIMURS: PERSPEKTIVEN FÜR DEN MODERNEN STAAT

Alischer Mardijew, Chokim des Oblast Samarkand

Gestatten Sie mir, im Namen des Oblast Samarkand die Teilnehmer des internationalen Symposiums zu begrüßen und allen unseren Gästen eine erfolgreiche Tätigkeit zu wünschen.

Heute, da das usbekische Volk sich auf die Jubiläumsfeierlichkeiten anläßlich des 660. Geburtstags Amir Timurs, des großen Feldherrn und bedeutenden Staatsmannes, vorbereitet, zeigt die ganze Weltöffentlichkeit großes Interesse für seine Persönlichkeit und seine Verdienste bei der Festigung der Staatlichkeit.

Ihnen allen ist bekannt, daß das Jahr 1996 durch Erlaß des Präsidenten der Republik zum Amir-Timur-Jahr erklärt wurde. Von der Regierung wurde ein Komplexprogramm angenommen, das die Durchführung von Jubiläumsfeierlichkeiten in allen Regionen unseres Landes vorsieht. Das heutige internationale Forum stellt einen Bestandteil dieser Jubiläumsveranstaltungen dar.

Vor kurzem haben wir ein bedeutendes Datum im Leben unserer Republik begangen - den fünften Jahrestag der staatlichen Souveränität.

Es ist bekannt, daß das Volk Usbekistans viele Jahrhunderte für seine Freiheit und Unabhängigkeit gekämpft hat. Wir errichten getreu den jahrhundertealten Traditionen unserer Vorfahren unter historisch neuen Bedingungen unsere nationale Staatlichkeit auf der Grundlage des Friedens, der Einheit und Eintracht aller Nationen.

Gerade die Unabhängigkeit hat uns zusammen mit anderen Errungenschaften im gesellschaftspolitischen und wirtschaftlichen Bereich den Weg zur Wiedergeburt der nationalen Geistigkeit geebnet. Dank der Freiheit, die wir errungen haben, können die herrlichen nationalen Traditionen auferstehen, kann eine Zuwendung zu dem umfangreichen geistigen, historischen Erbe unserer großen Vorfahren, die einen bedeutenden Beitrag für die Weltzivilisation geleistet haben, erfolgen. Dem Volk wird das Andenken an seinen großen Sohn zurückgegeben, zu denen auch Sahibqiran Amir Timur gehört.

Mehr als sechs Jahrhunderte trennen uns von der Epoche Amir Timurs. Doch sie ist uns unendlich nah, da die Kultur, die Philosophie und das Rechtsdenken dieser historischen Periode eine wichtige Etappe der reichen Geistesgeschichte darstellt, die die Mentalität unseres Volkes bestimmt.

Am Vorabend dieses großen Jubiläums wenden wir uns erneut dem reichen Erbe Amir Timur zu, studieren seine Erfahrungen des Staatsaufbaus, die sittlichen und rechtlichen Verwaltungsgrundlagen seines riesigen Reiches. Das Studium der historischen Erfahrungen ermöglicht uns, die Frage zu beantworten, ob die Formel des Rechtsdenkens Amir Timurs - „Großmut und Strenge“ auch in Zukunft die Grundlage des modernen Staates bilden kann?

Allein die Tatsache, daß diese Frage gestellt und erörtert werden kann, zeugt von den Umgestaltungen im politischen Leben unserer Gesellschaft - den Veränderungen im Denken und in der Weltanschauung unserer Bürger, der Entwicklung ihres politischen und gesellschaftlichen Bewußtseins. Heute sind wir nicht mehr die gleichen Menschen wie vor fünf Jahren. Wenn wir von der heutigen Höhe des Rechtsdenkens in die Tiefe der Jahrhunderte zurückblicken, sehen wir epochale Verbindungen und die Entfaltung des Rechtsdenkens selbst als Folge eines gesetzmäßigen historischen Prozesses. Aus dem Nichts kann nichts hervorgehen. Folglich kann und muß der hervorragende Beitrag Amir Timurs für die Entwicklung des Staatsaufbaus, seine rechtlichen Grundlagen, einen wichtigen Bestandteil des gegenwärtigen und zukünftigen Aufbaus des Staates darstellen.

Die zurückerhaltenen Kostbarkeiten der Nationalkultur verbinden wir mit den Errungenschaften der Weltzivilisation und dem allgemein menschlichen demokratischen Denken. Dabei existiert ein klares Auswahlkriterium, übernommen wird das, was im Laufe der Jahrhunderte angehäuft wurde und den heutigen allgemein anerkannten Rechtsvorstellungen der

Welt und der allgemeinen Erklärung der Menschenrechte, der Schlußakte von Helsinki für Sicherheit und Zusammenarbeit und anderen wichtigen Verträgen entspricht, denen Usbekistan in den Jahren der Unabhängigkeit beigetreten ist. Das hat uns die Möglichkeit gegeben, in die Weltgemeinschaft aufgenommen zu werden und Beziehungen zu allen Staaten auf Grundlage der Gleichberechtigung anzuknüpfen, worauf unser verehrter Präsident Islam Karimow wiederholt hingewiesen hat.

Unser junger unabhängiger Staat verfügt über mächtige historische Wurzeln. Deshalb konnten wir bei der Ausbildung der modernen nationalen Staatlichkeit auf fertige Schemata und Standards verzichten und unseren eigenen Entwicklungsweg einschlagen. Dieser Weg basiert auf den Erfahrungen des staatlichen Aufbaus anderer Völker und den alten Traditionen unserer Vorfahren.

Unser Präsident unterstrich auf der ersten Tagung des Oli Mashlis: „Der Staat, den wir aufbauen, muß auf der Mentalität unseres Volkes basieren, die durch hohe Geistigkeit, das Streben nach Aufklärung, Bildung und Gerechtigkeit geprägt ist. Die Ausbildung dieser Charakterzüge wurde durch die orientalische Philosophie, die Philosophie des aufgeklärten Islams wesentlich beeinflusst, für deren Ausbildung das usbekische Volk einen unendlich großen, allgemein anerkannten Beitrag geleistet hat.“ Das beweisen Namen wie Imam al-Buchari, Imam at-Termisi, Achmad Yasawi, Bahauddin Naqshband, Ulugbek, Alischer Nawoi und Babur.

Unter den historischen Werten, auf die wir uns bei der Schaffung der unabhängigen nationalen Staatlichkeit stützen müssen, nehmen natürlich die Erfahrungen des großen Amir Timurs beim Aufbau und der Verwaltung des Staates eine Sonderstellung ein. Die von ihm ausgearbeiteten und genutzten Vorschriften der Staatsverwaltung haben zum großen Teil ihre Bedeutung auch heute noch nicht eingebüßt.

◆ Jetzt könnte die Frage auftauchen: wie vermochte Amir Timur sein Riesenreich zu verwalten, das 27 Länder umfaßte und sich von der Wolga bis zum Ganges erstreckte? Von welchen Regeln und Prinzipien ließ er sich dabei leiten?

Zweifellos war Amir Timur ein Sohn seiner Epoche, die unter anderem durch den Kampf um die Macht, Kriege, soziale Untergliederung u.a. gekennzeichnet war. In seiner Tätigkeit zur Verwaltung des Staates ließ sich Amir Timur von folgenden 12 Prinzipien leiten:

1. Unterstütze den Islam zu jeder Zeit und an jedem Ort.

-
2. Nutze die Ratschläge und Taten der dir treu ergebenen Personen.
 3. Frage die Weisen um Rat, sei umsichtig und vorsichtig.
 4. Halte Ordnung und beachte die Gesetze.
 5. Begeistere deine Untergebenen.
 6. Übe Gerechtigkeit in allen Fragen.
 7. Erweise den Nachkommen des Propheten, den Gelehrten, den Theologen, den Philosophen und den Historikern Ehrerbietung.
 8. Beweise Zielstrebigkeit in all deinem Tun.
 9. Sei über die Lage des Volkes informiert.
 10. Vergelte Gutes mit Gutem, überlasse die Bösen ihrem Schicksal.
 11. Tue Wohltaten und sei mildtätig.
 12. Achte die Krieger.

Der strengen Einhaltung dieser Prinzipien verdankt Amir Timur, daß er zu einem großen Feldherrn, zum allmächtigen Sahibqiran, wurde.

Die meisten dieser Vorschriften fanden in die „Gesetzessammlung“ Timurs Aufnahme. Die „Gesetzessammlung“ stellt nicht nur ein wichtiges historisches Dokument dar, sondern auch eine wertvolle Quelle des Rechts. Der bedeutende Wissenschaftler Langleu charakterisierte die Bedeutung dieses historischen Denkmals folgendermaßen: „Timur hat seinem Nachfolger zusammen mit seinem Reich ein noch kostbareres Geschenk übergeben - die Kunst es zu erhalten.“

Die gesamte Gesetzessammlung von Amir Timur ist von der Idee der Gesetzlichkeit und Gerechtigkeit, von Großmut, Strenge und Disziplin durchdrungen, die die Hauptkomponenten des Rechtsdenkens jener Epoche, die geistigen Grundlagen seines Reiches darstellten.

Gesetzlichkeit bildete die vordringliche Grundlage des mächtigen Reiches von Amir Timur. Die Wahrung und Achtung der Gesetze war die Hauptlosung, die wichtigste praktische Tätigkeit des großen Herrschers. Amir Timur pflegte zu sagen: „Die Erfahrung lehrt mich, daß Macht, die nicht auf Religion und Gesetz basiert, nicht lange ihre Stellung und Stärke bewahrt. Sie gleicht dem Menschen, der andere, wenn sie ihm begegnen, zwingt, voller Abscheu die Augen niederzuschlagen.“

Man kann sie auch mit einem Haus vergleichen, daß weder Dach noch Türen, noch eine Umzäunung hat und in das auch der verachtungswürdigste Mensch eindringen kann.

Deshalb habe ich das Gebäude meiner Größe auf dem Islam errichtet, unter Hinzufügung der Vorschriften und Gesetze, die ich während meiner gesamten Herrschaftszeit streng eingehalten habe.“

Gesetzlichkeit und Gerechtigkeit stellte Amir Timur gleichberechtigt nebeneinander. Gemäß Angaben der Timurforscher, insbesondere des ungarischen Gelehrten H. Vambery, verlangte er von seinen Beamten Gerechtigkeit in allen Angelegenheiten und Mildherzigkeit gegenüber den Menschen. Der Historiker Ibn Arabschah wies darauf hin, daß Amir Timur Unwahrheiten haßte und die Wahrheit auch dann wissen wollte, wenn sie bitter war. Sahibqiran verlangte auch von den Herrschern der von ihm eroberten Gebiete Gerechtigkeit. In der „Gesetzessammlung“ steht: „In einem Staat, der neu meiner Macht unterstellt wurde, erweise ich denjenigen Achtung, die es würdig sind. Höchste Ehrerbietung erweise ich den Nachkommen des Propheten, den Lehrern der Gesetze, den Gelehrten und den Greisen, ich gewähre ihnen ein Gehalt, eine Pension, die Würdenträger werden gewissermaßen zu meinen Brüdern, die Waisen und Armen - zu meinen Kindern ... Gütigen Menschen, unabhängig welcher Nationalität, begegne ich mit Güte, Böse und Verräter verjage ich aus meinem Staat. Die Tore der Gerechtigkeit standen in allen mir untertänigen Ländern offen, zugleich habe ich Sorge dafür getragen, daß alle Wege zu Plünderung und Raub verschlossen waren.“

Zwischen diesen Worten Amir Timurs und Artikel 15 des Gesetzes „Über die Grundlagen der Unabhängigkeit der Republik Usbekistan“, der lautet „alle Bürger der Republik Usbekistan unabhängig von Nationalität, Völkerschaft, sozialer Herkunft, Glaubensbekenntnis und Überzeugungen, besitzen die gleichen Bürgerrechte und stehen unter dem Schutz der Verfassung der Republik und ihrer Gesetze“ läßt sich eine ununterbrochene Verbindung und die Kontinuität der historischen Prinzipien der staatlichen Verwaltung verfolgen...

Amir Timur ließ sich in seiner Tätigkeit als Herrscher von Großmut und Milde leiten und bestrafte daneben Räuber und Wegelagerer streng, vertrieb Aufrührer und Verräter aus seinem Reich und befahl, eine Beschäftigung für die anderen zu finden.

Im Strafgesetzbuch der Republik Usbekistan werden die gleichen Taten als Verbrechen definiert, die für Gesellschaft und Staat eine Gefahr darstellen. Das Strafgesetzbuch sieht strenge Strafmaßnahmen gegenüber denjenigen vor, die derartige Verbrechen begehen, da in einer Gesellschaft, in welcher der Entfesselung des Verbrechens nicht Einhalt geboten wird, kein gerechter, demokratischer Rechtsstaat errichtet werden kann.

Gemäß den Vorschriften in der Epoche Amir Timurs, war es den Richtern streng untersagt, Bürger auf Anschuldigungen und Verleumdungen

verdächtiger oder nicht wohlwollender Personen zu bestrafen. Die gleichen Forderungen enthält das Gesetz „Über die Gerichte“. Den Richtern wird streng vorgeschrieben, die Rechtsprechung unter Wahrung der Gesetzlichkeit auszuüben.

Von Interesse ist das Bekenntnis Amir Timurs darüber, daß er nach Erhalt eines Briefes von seinem geistigen Lehrer (Pir) Gesetze und Bestimmungen für die bürgerliche Verwaltung seines Staates erließ, die die Festigung seiner Macht zum Ziel hatten. In einer dieser Bestimmungen heißt es: „Ein offenes Gesicht, Milde und Güte haben mir die Liebe des Volkes eingebracht... Sobald ich von einem Falle ungerechtfertigter Beschränkung der Rechte und Handlungen oder von der Grausamkeit eines Herrschers gegenüber Soldaten oder dem Volk erfuhr, ließ ich die Schuldigen die ganze Strenge der Rechtsprechung kennenlernen“.

Sahibqiran Amir Timur ordnete an, mit goldenen Buchstaben die weisen Worte aufzuzeichnen: „Wo das Gesetz waltet, dort herrscht Freiheit.“ In der Praxis unseres Staatsaufbaus ist das gesamte Gesetzgebungssystem von der Idee der Gesetzlichkeit und Gerechtigkeit, von Großmut und Humanität durchdrungen. Die ganze Verfassung der Republik basiert auf der Idee der Gerechtigkeit und Strenge.

Wir können heute behaupten, daß unsere Verfassung, in der auch die Prinzipien der staatlichen Verwaltung Amir Timurs ihren Niederschlag gefunden haben, tatsächlich die Priorität der Ideen und Werte der ganzen Menschheit - die Bestätigung des Friedens, der Freiheit und Freundschaft zwischen allen Völkern - gewährleistet.

Wir erinnern uns gut an die Worte, die Amir Timur seinen Kindern mit auf ihren Lebensweg gab: ... mögen Rechtsprechung und Wohltaten zum Leitstern eures Lebens werden.“ Diese Gebote Sahibqirans widerspiegelt das Grundgesetz unserer Republik. In der usbekischen Verfassung sind die noch zu Zeiten Amir Timurs formulierten und für unser Volk charakteristischen Eigenschaften wie Gerechtigkeit, Wahrhaftigkeit, Glaube, Edelmut, Güte, Freigeigkeit und Mut zum Ausdruck gebracht.

In diesem Zusammenhang möchte ich die Worte des Präsidenten unserer Republik Islam Karimow anführen: „Wir sind bemüht, nicht einfach eine demokratische Gesellschaft, sondern eine gerechte demokratische Gesellschaft aufzubauen. Das Streben nach Gerechtigkeit stellte eine weitere charakteristische Besonderheit der Mentalität unseres Volkes dar. Die Idee von der höchsten Gerechtigkeit zieht sich in der Vergangenheit gleich

einem roten Faden durch die Normen der Scharia, die Bestimmungen des Staatsaufbaus, der Forderungen an die Dienstpersonen. Ohne Beachtung dieser Forderungen können wir auch in der Gegenwart keinen demokratischen und mächtigen Staat errichten.“

Amir Timur maß einer straffen Disziplin bei der Verwaltung des Staates große Bedeutung bei und erreichte unbedingte Erfüllung aller Anordnungen und Vorschriften. Er legte die Bereiche der staatlichen Verwaltung, die Rechte und Pflichten jedes seiner Wesire und anderer Amtspersonen konkret fest und verlangte von ihnen eine strenge Einhaltung dieser Normen. Der Herrscher forderte vom Wesir erstens edle Gedanken und eine gehobene Seele; zweitens einen scharfen und nüchternen Verstand; Erfahrung im Zusammenleben mit Soldaten und Bürgern, weiterhin Geduld und das Vermögen, die Menschen zu versöhnen. Nur solch einem Menschen vertraute Amir Timur die Zügel der Regierung des Heeres und des Volkes an.

Die Gewaltenteilung ist in unserer Verfassung der Republik verankert. Artikel 11 der Verfassung lautet: „Das System der Staatsgewalt der Republik Usbekistan gründet sich auf dem Prinzip der Teilung der Staatsgewalt in Legislative, Exekutive und Judikative.“

Die gesetzgebende Macht besitzt bei uns der Oli Mashlis, das Parlament der Republik, ausübende Macht besitzen der Präsident und das Ministerkabinet der Republik Usbekistan.

Die rechtsprechende Gewalt wird über das einheitliche Gerichtssystem der Republik ausgeübt, welches das Verfassungsgericht, das Oberste Gericht und das Oberste Wirtschaftsgericht umfaßt.

Zu Zeiten Amir Timurs waren die Statthalter der Besitzungen oder Provinzen mit bestimmten Machtbefugnissen ausgestattet. In der Verfassung der Republik Usbekistan wird den örtlichen staatlichen Machtorganen besondere Aufmerksamkeit geschenkt, an deren Spitze Chokime - die Leiter der territorialen Verwaltung - stehen, die über entsprechende Rechte und Befugnisse verfügen.

In den 23 territorialen Einheiten (in Städten und Rayons) des Oblast Samarkand sind 23 Chokime tätig. Ihre Befugnisse sind durch die Verfassung und das Gesetz der Republik Usbekistan „Über die örtliche Staatsmacht“ festgelegt.

Die örtliche Staatsmacht in den Ortschaften, Kischlaks und Aulen wird durch die Selbstverwaltungsorgane, die Vorsitzenden der Bürgerversammlungen ausgeübt. In unseren Oblasten existieren einhundert-

siebenunddreißig derartige Organe, ihre Tätigkeit wird durch das Gesetz „Über die Bürgerselbstverwaltungsorgane“ geregelt.

Die örtlichen staatlichen Machtorgane leisten Bedeutendes für die sozialwirtschaftliche Entwicklung des Gebiets, zur Gewährleistung der Verfassungsrechte und -freiheiten der Bürger.

Von außerordentlich großer Wichtigkeit ist die genaue Festlegung des Kompetenzbereiches jedes staatlichen Organs und jeder Amtsperson heute und auch in Zukunft. In dieser Hinsicht sind die Anordnungen des Präsidenten über die Notwendigkeit der Ausarbeitung eines Systems von Gesetzen von Bedeutung, die die rechtlichen Grundlagen der Tätigkeit der Staatsorgane auf allen Ebenen darstellen. Dieses System muß die Funktionen und Befugnisse der zentralen und örtlichen staatlichen Machtorgane, ihre koordinierte Tätigkeit eindeutig festlegen.

Eins der wichtigsten Prinzipien der Staatsverwaltung Amir Timurs bildete die Berücksichtigung der öffentlichen Meinung. Bevor Timur eine wichtige politische Frage entschied, rief er die Räte, den Kurultai ein, in dem kompetente Personen berieten und hörte sich ihre Standpunkte an. In seiner „Gesetzessammlung“ bestand Amir Timur darauf, „daß der Monarch die Ratschläge aller anhören müsse und diejenigen, die er bereit sei anzunehmen, in sein Herz schreiben müsse, um sie im Bedarfsfalle nutzen zu können.“ Für Amir Timur waren diese Ratschläge wichtig bei der Fassung von Beschlüssen; deren Erfüllung er unerbittlich verlangte, er vertrat den Standpunkt, daß die Verwirklichung von Anordnungen und Verboten Härte erfordere.

Heute finden diese Ideen in den Gesetzen Verwirklichung, wie beispielsweise im Gesetz „Über das Referendum“, das den Bürgern breite Möglichkeiten zur Äußerung ihres eigenen Standpunktes in bezug auf die Verwaltung des Staates und der Gesellschaft bietet. Vor kurzem wurde in der Presse der Entwurf des Gesetzes der Republik Usbekistan „Über die politischen Parteien“ veröffentlicht. Seine allgemeine Diskussion hat begonnen.

Beachtung verdient weiterhin, daß in letzter Zeit in Übereinstimmung mit den historischen Traditionen und der Mentalität des Volkes die Bedeutung der Machallja als Bürgerselbstverwaltungsorgan zur Herstellung gutnachbarlicher Beziehungen, der gegenseitigen Achtung und des Humanismus wiederhergestellt wurde. Die Machalljakomitees spielen wieder zum Schutze der sozialen Interessen und bei der Unterstützung der bedürftigen Schichten der Bevölkerung eine wichtige Rolle.

Wir müssen uns darüber klar sein, daß ein Staat nicht von einem anderen Staat die Demokratie in der Form übernehmen kann, wie sie dort besteht. Jede Gesellschaft unterscheidet sich von der anderen. Natürlich existieren allgemein anerkannte Forderungen und Werte der Demokratie, jedes Volk jedoch muß von seiner nationalen Urwüchsigkeit und seinen Traditionen ausgehen. In den europäischen und amerikanischen Ländern ist ein derartiger kollektiver Mechanismus zur Gewährleistung der Bürgerrechte wie die usbekische Machallja entweder gar nicht vorhanden oder ist nicht so stark ausgeprägt. Die Machallja leistet ihren Mitbürgern nicht nur Hilfe, wenn dies notwendig ist, sondern fördert auch die Pflege der Volkstraditionen und achtet darauf, daß Rechte und Würde der Familie und des Menschen nicht verletzt werden. Deshalb läßt unser Staat der Machallja allseitige Unterstützung zuteil werden.

Bei einem Hinweis auf die Quellen unserer modernen Staatlichkeit aus der Epoche Amir Timurs darf man die Religion nicht vergessen. Das erste Gebot, von dem sich Amir Timur leiten ließ, galt der Verbreitung der Gesetze des Propheten Muhammed. „Wenn wir einen gerechten Staat und eine freie Gesellschaft errichten wollen, dürfen wir nicht vergessen, daß die Wege zur Verwirklichung dieses edlen Zieles mit der jahrtausendealten Überzeugung zusammenfallen, daß der gerechte Staat und die Religion gemeinsame Wurzeln haben.“ Diese Worte des Präsidenten Islam Karimow stehen im Einklang mit den Gedanken des großen Amir Timur.

Mit dem Ziel die hohen geistigen Werte in der Gesellschaft zu bestätigen und die Jugend im Geiste der Achtung des reichen Kulturerbes ihrer Ahnen und der Heimatliebe zu erziehen erließ unser Präsident am 9. September dieses Jahres den Erlass über die weitere Vervollkommnung der Tätigkeit des gesellschaftlichen Zentrums „Manawijat wa Ma'rifat“ („Geistigkeit und Aufklärung“). Der erste Punkt dieses Erlasses lautet: „Wir sind der Ansicht, daß die geistigen Aufklärungsreformen die wichtigste, vorrangigste Richtung der staatlichen Politik darstellt.“

Zum Abschluß meiner Ausführungen möchte ich einen Ausspruch Amir Timurs aus seiner Gesetzsammlung“ anführen: „Wenn du nach Wahrheit strebst, wirst du sie finden. Die Stärke besteht in der Gerechtigkeit. Mein Großmut hat mir einen Platz im Herzen der Menschen gesichert, bei meinem Entscheidungen ließ ich mich von der Rechtsprechung leiten.“

In seinem „Vermächtnis an die Nachkommen“ äußerte der große Herrscher: „Vergeßt all das nicht, was ich euch in bezug auf die Ruhe der

Völker geraten habe. Kümmert euch immer um die Lage der Untertanen, seid streng und mutig. Ich habe die Erde von Feinden und Aufwiegern befreit, ich habe Gerechtigkeit und Wohlstand zur Entfaltung kommen lassen, wenn ihr mein Vermächtnis erfüllt und Gerechtigkeit und Großmut zu eurem Wirkungsprinzip macht, werden Reich und Krone lange Jahre in euren Händen verbleiben.“

Somit besteht eine kontinuierliche Verbindung zwischen den Epochen und das goldene Erbe des großen Amir Timurs, seine Gebote, seine Lehre von Großmut und Strenge stellen auch in Zukunft eine wichtige Grundlage des Staatsaufbaus und der Politik dar. Wir streben danach, daß dieses unendlich teure Erbe einen würdigen Platz in der Schatzkammer der menschlichen Weisheit einnimmt.

RECHT UND RECHTSTRADITION IM ALTEN GRIECHENLAND

*Prof. Dr. Pierre Chuvin, Direktor des Französischen Instituts
für Zentralasiatische Studien*

Als Herr Wolfgang Schreiber einem Hellenisten anbot, ein Referat für das einer historischen Persönlichkeit wie Amir Timur gewidmeten Symposiums vorzulegen, ging er zweifellos ein Risiko ein. Darauf habe ich ihn aufmerksam gemacht. Welche Verbindung kann zwischen dem Griechenland der selbstverwalteten Städte, das nicht in der Lage war, seine Bemühungen für die Schaffung eines einheitlichen Staates oder zumindest eines wahren Bundes auf seinem Territorium zu verwirklichen und dem furchtgebietenden Vereiniger Mawerannachs bestehen?

Und doch existiert ein Moment, eventuell sogar zwei, die diese historischen Situationen einander näher bringen. Einerseits ist das die Ähnlichkeit der gegenseitigen Beziehungen, sowohl in den Balkanstädten als auch in den Wüsten Zentralasiens, zwischen der zweifellos selbsthaften Gesellschaft, für die drei Tätigkeitsarten charakteristisch sind: Landwirtschaft, militärische Tätigkeit und Handel und den sie umgebenden Nomadengruppen. Andererseits ist das der Einfluß, den Griechenland insbesondere durch die Übersetzung der Werke des Philosophen Aristoteles auf die politische Umgestaltung in der arabisch-persischen Welt ausgeübt hat. Auf den Werken dieses Philosophen basiert die Verfassung der griechischen Staaten. Die zuletzt genannte Tatsache ist höchst kompliziert

und verlangt viel Zeit für ihre Erschließung. Ich werde heute nicht auf dieses Problem eingehen.

Ich möchte Probleme des politischen Lebens des antiken Griechenlands ansprechen, die meines Erachtens Parallelen im Mawerannachr des XIV. Jahrhunderts und späterer Epochen haben. Der griechische Staatsaufbau sowie die Mittel für sein Funktionieren haben sich empirisch herausgebildet. Sie wurden von einem Volke geschaffen, das einen der größten politischen Theoretiker - Platon - hervorgebracht hat, als Resultat der weisen Anpassung an die sich ändernde Situation, die durch keine Theorie vorausgesehen werden kann.

Die gegensätzlichen Welten Amir Timurs und des antiken Griechenlands, befanden sich unseres Erachtens in ähnlichen Situationen in bezug auf die verlangsamte Nachrichtenübermittlung. Beliebige Information und Erlasse erreichten ihren Bestimmungsort mit Verspätung. Das hatte eine Einschränkung des Absolutismus zur Folge, stärkte die Mikroautonomien und trug nicht selten dazu bei, die Willkür des Zentrums einzuschränken (wie dies im Falle der Nachricht über den Beginn des Peloponnesischen Krieges der Fall war). Zu den vordringlichsten Aufgaben eines so mächtigen Herrschers wie Amir Timur gehörte die Schaffung eines möglichst vollkommenen Nachrichtensystems: Heute beraubt uns die schnelle Übertragung und Erfüllung der Gesetze des Rechts, Fehler zu machen. Was jedoch nicht bedeutet, daß Fehler und Impulsivhandlungen aus unserem Leben verschwunden sind. Verzögerungen bei der Informationsübermittlung und die begrenzten Möglichkeiten des Nachrichtenwesens haben dazu beigetragen, daß sich bei den Menschen die Fähigkeit ausgebildet hat, künftige Veränderungen vorauszusehen. In unserer Epoche der sofortigen Nachrichtenübermittlung ist die Konfrontation gegenüber dem Staat eine realere Angelegenheit als in jenen fernen Zeiten.

Jetzt möchte ich näher auf einige charakteristische Merkmale der griechischen Demokratie eingehen.

I. Staatsangehörigkeit und Kulttrennung

In Griechenland nahm das Individuum ebenso wie in den meisten antiken Systemen in der Gesellschaft eine Stellung in Abhängigkeit von seiner Teilnahme an den religiösen Kulturen auf unterschiedlichem Niveau ein. Im Altertum besaß die Familie mehr Macht als der Staat. So existierte beispielsweise in Athen ursprünglich keine Rechtsprechung. Sie erfolgte

als Bestrafung innerhalb der Familie. Falls ein Mord begangen wurde, konnte der Schuldige sein Recht darauf geltend machen, da er ein Verwandter des Opfers war. Dabei handelte es sich natürlich um die sog. „Großfamilie“ im weitesten Sinne des Wortes, um die Sippe. Bei der Geburt eines Kindes wurde es zum Herd des Hauses getragen, was eine Erneuerung der Lebensenergie der Sippe verkörperte. Mit dem Älterwerden wurde es in verschiedene Vereinigungen und Gruppen seiner Ortschaft oder seines Wohnviertels und zuletzt in die Sippe aufgenommen.

Der Übergang von einer Gruppe in die andere gestaltete sich immer komplizierter. Die rechtmäßige Geburt des Kindes und später des heranwachsenden Kindes nachweisend, wurde es den Ältesten vorgestellt und zur Teilnahme an den Kulthandlungen zugelassen. Worin bestanden diese? In erster Linie in der Darbringung von Opfern, d.h. in der kultischen Tötung eines Tieres und nachfolgende Teilnahme an seinem Verzehr. Die Angehörigen der Sippe mußten an ihren Kulthandlungen teilnehmen. Das verlangte die Erfüllung einer ganzen Reihe von Verhaltensregeln. Die Regeln des guten Tons verlangten, daß beispielsweise die Jüngsten die Bedienung übernahmen. Sänger, Musikanten und Tänzer wurden eingeladen, die Unterhaltungskunst wurde gepflegt.

Im Rahmen dieser gesellschaftlichen Beziehungen erfolgte die Verwaltung in der Regel durch allgemeines im Verlauf einer Erörterung erzielt Einverständnis (Konsens). Die Älteren genossen dabei besondere Autorität.

II. Staatsbürgerschaft und Bodenrecht

Für die heidnischen Griechen war die Erde die größte Gottheit. Sohn der Erde zu sein, bedeutete für den Bürger die höchste Ehre. Die Erde stellte in erster Linie ein Mittel dar, das dem Menschen ermöglichte, sein Leben zu fristen und seine Arbeit zu verrichten. Diese Ansichten bedingten die große Bedeutung, die der Ackerbau für die ganze Gesellschaft spielte und machten die Beziehung zur Erde zur Grundlage des gesamten Zivilrechts. In Griechenland war der Wert des Bodens mit nichts zu vergleichen. Nicht der Mensch besaß Erde, sondern der Mensch stellte dank dem göttlichen Wesen der Erde gewissermaßen ihren Besitz dar. Der Boden befand sich übrigens in den griechischen Siedlungen in Privatbesitz. Darin besteht der grundlegende Unterschied zu den drei in Zentralasien bekannten Typen des Bodeneigentums: zuerst das islamische Recht, dann während der Russischen Kolonialzeit das System „Mira“ (der

Landgemeinde) und zuletzt die sowjetische Kollektivierung. Das griechische System stellt eine „Antipode“ zur Kollektivierung dar. In einer Gesellschaft, die den Kleinbesitzer unterstützt, ist jeder auf sich selbst angewiesen. Durch die Reformen des Solon im VI. Jahrhundert in Athen wurde dieses System endgültig gefestigt. Die Befreiung der Kleineigentümer von den Steuern, die sie immer stärker von den Großgrundbesitzern abhängig machte, erlaubte innerhalb von rund 200 Jahren die Ausbildung einer Klasse mittlerer Landbesitzer, die über genügend Mittel verfügten, selbständig ihre Wirtschaft zu führen.

III. Beratungsorgane und Demokratie

Das, was wir als griechische Demokratie bezeichnen, war in den meisten griechischen Siedlungen unbekannt. Es handelte sich dabei nur um Privilegien für Athen und die größeren Städte. Nur der Besitz reicher Güter erlaubte der Aristokratie unter dem Druck des Militärs und der Kaufleute ihre Macht zu bewahren. Dort wo Demokratie bestand, war sie gleichzeitig selektiv und direkt und erfaßte nur einen unbedeutenden Teil der Bevölkerung und wurde ohne Übergabe von Vollmachten verwirklicht. Die fremden Ansiedler („Meteki“) wurden zur Teilnahme an den Wahlorganen nicht zugelassen. Und natürlich auch die Sklaven, deren Tätigkeit den Bürgern erlaubte, sich dem edlen Dienste zum Wohle der Gesellschaft zu widmen. Der Begriff Arbeitstätigkeit umfaßte im alten Griechenland mehrere Stufen. Man unterschied edle Beschäftigungen: geistige und körperliche, mit denen man sich in der Freizeit beschäftigte (in Schulen, woher die Bezeichnung unserer heutigen „Schule“ stammt), Militärdienst, Musik; eine Zwischenstufe nahmen Tätigkeiten, wie beispielsweise die landwirtschaftliche ein, die hohe moralische Qualitäten wie Beharrlichkeit, Geduld, Beobachtungsgabe und eine entsprechende körperliche Ausbildung verlangten. Dann folgten nicht weniger geachtete Berufe - einzelne Handwerke und der Fischfang. Die Herrschaft der Aristokratie brachte in der griechischen Demokratie ein breites Spektrum geachteter nützlicher Tätigkeiten hervor.

Wenn eine Demokratie nicht aus der Wahl des Volkes hervorgeht, wird sie gewöhnlich durch ein Beratungsorgan ersetzt, das über zwei besonders verbreitete Varianten verfügt. Am verbreitetsten ist die Volksversammlung, weniger verbreitet ist der Rat mit verschiedenen Funktionen. Sie können mit unbegrenzten Vollmachten ausgestattet sein oder die Funktion einer registrierenden Kammer übernehmen. Offensichtlich ist die

Gefahr beider Extreme. In jedem Falle sahen diese Verwaltungsformen einen Dialog mit dem gewählten oder kooptierten Magistrat vor. Diese Magistrate erfüllten häufig eine Funktion, die heute die Funktionäre oder technischen Spezialisten übernommen haben (Finanzkontrolle, Verwaltung der Armee).

Der dritte Verwaltungstyp - die Monarchie - war zweifellos in der griechischen Geschichte dank dem hellenistischen Reich, dessen Beispiel später die römischen Kaiser begeisterte, am meisten verbreitet. Theoretisch besaß der König uneingeschränkte Macht. Er umgab sich mit einer Gruppe von „Nahestehenden“ mit politischen Titeln, denen oblag, ihn zu informieren und zu beraten. Diese Gruppe war der einzige Gegenpol, der die Macht des Monarchen einschränkte.

IV. Publizität des Rechts, Gleichheit vor dem Gesetz (Isonomie) und Hegemonie der Aristokraten

Seit dem IV. Jahrhundert vor u. Z. ist das Recht in Athen staatlich. Die Rechtsprechung erfolgt durch die Ältesten nicht einfach gemäß ungeschriebenen Gesetzen oder gemäß göttlicher Eingebung, sondern das Recht war systematisiert und wurde in der antiken Welt klar und schematisch propagiert. Die Einhaltung der Rechtsnormen durch die Gesellschaft war obligatorisch. Diese Schlußfolgerung wird durch die hervorragenden Steinschriften bestätigt, die für uns wertvollstes Material bei der Erforschung des Lebens der antiken Städte darstellen. Das Hauptprinzip des öffentlichen Rechts - die Isonomie - sah die Gleichheit aller Bürger vor dem Gesetz vor. Das war noch keine Demokratie, da nicht alle in gleichem Maße Zugang zur Verwaltung, Erörterung und Annahme der Beschlüsse hatten. Und doch sind gerade hier, im Athen des V. Jahrhunderts vor unserer Zeitrechnung, die Anfänge der Demokratie zu suchen, obwohl die Oratoren und Magister auch weiterhin Abkömmlinge der ehemaligen Aristokratie blieben. Diese Aristokraten besaßen noch nicht genügend Zivilcourage, um die Demokratie zu errichten, da sie im Widerspruch zu der üblichen Lebensform dieser zahlreiche Mitglieder zählenden Klasse stand.

V. Stammesverbände und gemeinsame territoriale Interessen

Für die Aristokraten war das, was man als „Klientel“ bezeichnet, ganz natürlich. Personen, die mit ihrer Hilfe und Unterstützung ihre Stellung bewahrten, waren gezwungen, bestimmte Forderungen zu erfüllen. Verbre-

itet waren aus politischen Gründen abgeschlossene matrimonalen Bündnisse, nicht selten verheiratete man seine Kinder an Personen in anderen Städten und lehnte Vertreter der eigenen Sippe ab. Die Athener Aristokratie war bemüht, diesen Mitteln zur Stärkung der Macht der eigenen Sippe und zum Schaden des Staates ein edles Ansehen zu verleihen. Einerseits würde die Verhinderung exterritorialer Eheschließungen das bürgerliche Recht rapide einschränken, andererseits erfolgte eine administrative und selektive Zersplitterung, die den traditionellen territorialen Interessen einen empfindlichen Schlag versetzte. Aus diesem Grunde begannen sich Ende des VI. Jahrhunderts bis zu Beginn unserer Zeit erneut Gemeinschaften (die die Funktion der eingeschränkten Wahl übernahmen) auszubilden. Sie bestanden aus drei Dritteln geographisch voneinander unabhängiger Mitglieder. In der damaligen Epoche gliederte man die Bewohner Athens in drei Gruppen: Bewohner der Küste, der Städte und diejenigen, die im Landesinneren lebten. Zu jeder Gemeinschaft gehörten Vertreter aller drei Gruppen, was die regionale Vereinigung, wenn nicht verhinderte, so doch zumindest erschwerte. Das hatte eine beachtliche Bereicherung derjenigen zur Folge, die die Möglichkeit erhielten, Beschlüsse zu fassen, die der Landbevölkerung schaden.

VI. Inadäquatheit der Begriffe „Sklavenhaltergesellschaft“ und „Feudalgesellschaft“

Sogar in dem Falle, wenn der Sklavenbesitz den Bürgern von Athen im V. und VI. Jahrhundert die Wirtschaftsführung erleichterte, bedeutete das nicht, daß diese Tatsache besondere Bedeutung für die Ausbildung der antiken Gesellschaft besessen hätte. Es bestanden noch andere Abhängigkeitsverhältnisse, die jedoch die Möglichkeit einer freien Tätigkeit nicht ausschlossen. Andererseits ist kennzeichnend, daß Sklavenbesitz nach dem Niedergang der Antike bei weitem nicht verschwand. Weder der Anbruch einer neuen Ära noch das Christentum und der Wechsel verschiedener Gesellschaftsformationen hatten eine schnelle Abschaffung des Sklavenbesitzes zur Folge. Die ihrem Wesen nach Sklavenhaltergesellschaften darstellenden Gesellschaften der Antike werden gewöhnlich als „Feudalismus“ bezeichnet. Sinnvoll wäre, diesen Termini ihre ursprüngliche Bedeutung zurückzugeben. Weder die islamischen, noch die antiken Gesellschaften konnten feudale Gesellschaften sein, da dieser Terminus nur auf die christliche Periode in Europa Anwendung finden kann, die nicht nur vorwiegend durch Landwirtschaft, sondern auch

durch gleichzeitige Hierarchie und Dezentralisierung geprägt war. Das darf bei der Herstellung von Beziehungen zwischen den Sippenstrukturen und dem Staatsaufbau, die ihn gleichzeitig entwickelten und kontrollierten, nicht vergessen werden. Von diesem Standpunkt aus wäre ein Vergleich des antiken Griechenlands und Mawerannachs im VI. Jahrhundert auch sinnvoll.

DIE ENTWICKLUNG DES RECHTSSTAATES IN WESTEUROPA

*Prof. Dr. jur. Alain Peloux, Botschaftsrat
der Französischen Botschaft in Usbekistan*

Das Thema meines Referats „Die Entstehung des Rechtsstaates in der westlichen christlichen Zivilisation im Mittelalter“ mag widersinnig erscheinen, da allgemein der Standpunkt vertreten wird, daß der Begriff eines derartigen Staatstyps nach der amerikanischen und französischen Menschenrechtserklärung, also Ende des XVIII. Jahrhunderts, aufgetaucht ist.

Aber diese Vorstellung entspricht ebenfalls nicht den Tatsachen, erstens, da bereits ein Jahrhundert früher, im Jahre 1689 die englische Menschenrechtserklärung (auch wenn ihr Inhalt nicht jene universelle Bedeutung besitzt, wie die französische Erklärung über die Rechte des Menschen und des Bürgers) das Prinzip der Gewaltenteilung in gesetzgebende und exekutive festlegte, und zweitens, da sich bereits im Mittelalter in Europa ein mächtiger Gegenpol ausbildete, der die Macht des Königs und der Regierung einschränkte und weiterhin ein System der persönlichen Rechte und Vermögensrechte der Untertanen schuf, das die königliche Macht berücksichtigen mußte.

Ich versuche das zu beweisen, indem ich folgerichtig darlege, wie die Kirche, die zivile Gesellschaft und die Rechtsnormen im Mittelalter die königliche Macht einschränkten.

I. Einschränkung der königlichen Macht durch die Kirche

Das Christentum spielte in dieser Hinsicht eine entscheidende Rolle, indem es den Begriff des natürlichen Rechts des Menschen, das ihm niemand nehmen konnte, und die Teilung in himmlische und irdische Gewalten schuf.

A. Der christliche Humanismus

1. Charakteristisch für die christliche Tradition ist die Entfaltung des Gefühls der eigenen Würde im Menschen. Er erwirbt dieses Gefühl bereits mit seinem Erscheinen auf dieser Welt und infolge seines befristeten Er-dendaseins. Und Gott schuf den Menschen nach seinem Bilde und ihm ähnelnd, sein Geist wird ewig leben und alle irdischen Rahmen sprengen.

Da alle Menschen auf die gleiche Weise auf die Welt kommen und ihren Lebensweg auf die gleiche Weise beenden, besitzen alle die gleiche Würde.

In seinem Appell an die Galater sagte Paulus: „Hier ist nicht Jude noch Grieche, hier ist nicht Knecht noch Freier.“

Natürlich wurde dieses hohe Prinzip der Gleichberechtigung aller Menschen von der Realität häufig widerlegt, trotzdem ist es in das Bewußtsein relativ vieler Menschen eingedrungen, all derer, die sich zum Christentum bekennen, welches es hervorgebracht hatte und in dem es Fuß gefaßt hatte.

2. Die Würde der menschlichen Persönlichkeit setzt das Vorhandensein von moralischen Prinzipien und Verantwortungsbewußtsein, sowie unveräußerlicher Rechte voraus.

Der Begriff der unveräußerlichen Rechte des Menschen ist älter als das Christentum. Der Gedanke von dem nicht aufgezeichneten, aber unerschütterlichen Gesetz, das von Heraklit und besonders von Sophokles in seiner unsterblichen „Antigone“ erhöht wurde, dem Gesetz der Bürgerpflicht, wurde von den Kirchenvätern und insbesondere von St. Augustin und später im 13. Jahrhundert von St. Thomas von Aquin glänzend weiterentwickelt.

Die Theorie der natürlichen Menschenrechte von St. Thomas von Aquin stellt eine Synthese von Elementen des römischen Rechts und der christlichen Lehre dar.

St. Thomas von Aquin behauptete, daß es ein Recht gäbe, das noch vor Entstehung der bürgerlichen Gesellschaft, vor der Ausbildung des Staates, bestanden hätte - das eine Sammlung ewiger, unerschütterlicher und universeller Regeln darstelle, die der Verstand erfassen könne, wenn er die Natur des von Gott erschaffenen Menschen studiere.

Das natürliche Recht erkennt dem Menschen Freiheit der Persönlichkeit zu, die unveräußerliche souveräne Rechte besitzt, die nicht der Einwirkung politischer Mächte unterstehen.

Die von der Staatsmacht vorgeschriebenen und das geltende Recht formulierenden Regeln sind nur dann obligatorisch, wenn sie den

unveräußerlichen Rechten entsprechen und verlieren ihre obligatorische Kraft, wenn sie von ihnen abweichen.

Diese Theorie, die in den Werken der spanischen Juristen Suares und Vitori weiterentwickelt wurde, um dann im nächsten Jahrhundert in freierer Form mit geringerem kirchlichen Einfluß in den Büchern von Grotius *De jure belli ac pacis* und Pufendorf *Droit de la nature et des gens* (Recht der Natur und des Menschen) gestaltete zu werden, bildete die Grundlage der amerikanischen und französischen Deklaration über die Rechte der zweiten Hälfte des XVIII. Jahrhunderts und widerspiegelte ein dem christlichen entgegengesetztes System von Wertvorstellungen.

B. Unterschiede zwischen der weltlichen und geistlichen Gewalt

Der Unterschied zwischen diesen beiden Gewalten ergibt sich aus dem bekannten Satz aus dem Evangelium: Gott das Göttliche und dem Kaiser das Weltliche.

Auf diese Art und Weise teilen sich zwei Gewalten das Recht, den Menschen zu beherrschen - die himmlische (geistliche) Gewalt und die irdische (weltliche) Gewalt.

1) In der Epoche des späten römischen Reiches war die Macht des Kaisers im Vergleich zum römischen Papst so stark, daß die Kirche nicht in der Lage war, sie zu kontrollieren, ja sogar nicht einmal fähig war, eine Grenze zwischen der geistlichen und weltlichen Macht zu ziehen. Die Kirche stellte eine staatliche Institution des Römischen Reiches dar und stand unter seinem Schutz. Der Kaiser war befugt, Kirchentage einzuberufen und sich in Glaubensfragen einzumischen.

Diese Unterordnung der Kirche unter den Staat blieb auch in dem Römischen Ostreich und späteren Byzantinischen Reich erhalten und fand auch in dem Reich, das sich um Moskau bildete, Verbreitung.

2) In Westeuropa gestaltete sich die Lage so, daß es gelang, der Kirche eine von der Heiligen Schrift ausgehende Dualität aufzuzwingen.

Mit dem Untergang des Römischen Reiches im Westen und der Ausbildung der europäischen Staaten nimmt die Macht der Kirche zu. Außer der ihr gehörenden geistlichen Macht, besitzt die Kirche einen starken Einfluß dank ihres riesigen Bodenbesitzes, außerdem verfügte sie über intellektuelles Ansehen, da die Gottesdiener zu den gebildetsten Personen gehörten.

Im Jahre 800, als der römische Papst Leo III. Karl den Großen zum Kaiser krönte, wurde die westliche christliche Welt wiedervereinigt und die Dualität der Macht wiederhergestellt: die geistliche mit dem römischen Papst und die weltliche auf höchstem Niveau mit dem Kaiser an der

Spitze; auf regionaler Ebene - einerseits mit dem Erzbischof und andererseits mit dem Grafen an der Spitze oder mit missi dominici, in die gewöhnlich ein kirchlicher und ein weltlicher Vertreter eingingen.

Das Vorhandensein von zwei Gewalten hatte keine stabile Ausgeglichenheit zur Folge. Unter Karl dem Großen neigte sich die Waagschale in Richtung Kaiser, da gerade er die kirchlichen Erlasse herausgab und sich mit der Reformierung der Geistlichkeit befaßte, sich in theologische Dispute einmischte und die Wahl der Erzbischöfe billigte und sie mitunter sogar selbst ernennte.

3) Mitte des XI. Jahrhunderts mit Einführung des von der Abtei Cluni 910 geschaffenen Gregorianischen Kalenders und später im XII. Jahrhundert nach dem Wormser Konkordat im Jahre 1122, das den Investiturstreit beendete, der mit einem Sieg des Papstes über den König endete, neigte sich die Waagschale zugunsten der Kirche, der es gelang, die Bevormundung durch die weltliche Macht abzuschaffen.

Im XI. Jahrhundert strebte der Papst bereits danach, die gesamte christliche Welt zu beherrschen.

Nach der Eroberung Bagdads durch die Türken-Seldshuken im Jahre 1055 konnte keine Pilgerreise mehr in das Heilige Land unternommen werden, ihr Sieg über Byzanz im Jahre 1095 löste in der christlichen Welt große Unruhen aus. Im Jahre 1095 rief der Papst Urban II. zum ersten Kreuzzug auf und übernahm selbst seine Führung, obwohl gemäß der sich bei den Karolingern ausgebildeten Tradition es dem König oblag, die Kirche vor Glaubensfeinden zu schützen.

In verschiedenen Epochen verschob sich das Gleichgewicht zwischen geistlicher und weltlicher Macht abwechselnd zugunsten der Kirche oder des Königs, alle Bestrebungen jeglicher Macht nach Autokratie stießen jedoch auf das Vorhandensein einer konkurrierenden Macht.

So schränkte die Kirche die staatliche Macht auf zweifache Weise ein: indem sie als Gegenpol auftrat, der die Kompetenzen des Staates einschränkte, und durch Bestätigung des Vorhandenseins unveräußerlicher Rechte, die dem Menschen noch vor Ausbildung der bürgerlichen Gesellschaft eigen waren. Aus diesem Prinzip folgt, daß in dem Augenblick, in dem die weltliche Macht versucht, sich in den Kompetenzbereich der Kirche einzumischen, oder die Rechte ihrer Untertanen verletzt, diese das Recht haben, dieser Macht nicht mehr Folge zu leisten.

II. Einschränkung der königlichen Macht in der bürgerlichen Gesellschaft

A) Beziehungen zwischen den Feudalherren und Vasallen im Rahmen des gegenseitigen Vertrags

1) Die Aufteilung des Reiches Karls des Großen in zahlreiche Königreiche und in erster Linie die Dreiteilung des Frankenreiches (Vertrag von Verdun) im Jahre 843, die nach einem kurzen Zusammenschluß unter Karl dem Dicken zwischen 884 und 888 endgültigen Charakter annahm und der anschließende Zerfall der Königreiche in zahlreiche kleine Fürstentümer und deren weitere Zersplitterung in kleine Besitzungen hatte einen weiteren Machtverlust des Königs zur Folge.

Diejenigen, die bereits über Landbesitz verfügten, versäumten nicht, ihn zu nutzen und fügten noch die Macht über die Menschen dazu, den sog. Bann.

Die königlichen Rechte wurden teilweise an souveräne Privatpersonen in Form von Schutzurkunden vergeben, häufiger jedoch infolge der Passivität der Macht gestohlen oder sich angeeignet.

Der Bann gab das Recht auf militärische Befehlsgewalt, die den Schutz vor äußeren Feinden gewährleistet, auf richterliche Macht, die den Frieden innerhalb der Besitzungen aufrecht erhalten sollte, auf die Erhebung von Steuern zur Befriedigung der Bedürfnisse der Herren.

2) Der gefährliche Zerfall des Staates zog keine einfache Gegenüberstellung der Macht einzelner Herren dank der bestehenden Hierarchie der Vasallen und Oberlehnsherren nach sich, da letztere wiederum Vasallen noch einflußreicherer Herren waren: das beweist der Ausspruch von Guillaume Duran, Erzbischof von Mende, homo vassalis mei, non est homo meus.

Das Vasallenverhältnis basiert auf Vertrauen und wird durch den Treueid auf die Bibel, den der Vasall dem Lehnsherren leistet, besiegelt.

Mit der Wiedergeburt des romanischen Rechts treten das gegenseitige Vertrauen und die Verpflichtungen in den Hintergrund und werden durch einen zwischen den Partnern abgeschlossenen Vertrag mit den sich aus ihm ergebenden Verpflichtungen ersetzt.

Die Beziehungen zwischen den Feudalherren und ihren Vasallen werden von jetzt an durch einen Vertrag mit wechselseitigen Verpflichtungen ersetzt, der den Austausch von Leistungen vorsieht und die gegenseitigen Verpflichtungen der Vertragsseiten festlegt, die trotz ihrer unterschiedlichen sozialen Stellung als Partner auftreten.

3) Der Herr darf seinem Vasallen keinerlei Schaden zufügen: in bezug auf ihn keine Gewalt anwenden und ihn auf keinerlei Weise beleidigen. Er hat seinen Vasallen zu schützen, seinen Besitz tatsächlich zu gewährleisten und ihn nach Verdienst zu behandeln.

Der Vasall seinerseits darf seinem Herrn keinerlei Schaden zufügen und muß in allen Fällen die Bande anerkennen, die sie verknüpfen. Der Vasall hat seinen Lehnsherren nicht nur zu begleiten, um seinem Hof Ansehen zu verleihen, sondern auch, um an den Beratungen teilzunehmen, auch im Falle von Rechtsstreitigkeiten. Der Vasall hat seinem Herrn in vier Sonderfällen materiell zu unterstützen: bei der Zahlung von Lösegeld für die Befreiung des gefangenen Herren, beim Kauf der Rüstung für seinen ältesten Sohn, bei der Hochzeit der ältesten Tochter und bei der Vorbereitung des Lehnsherren auf einen Kreuzzug.

Die Hauptpflicht des Vasallen gegenüber seinem Lehnsherren bestand in der Hilfe in militärischen Angelegenheiten, die in Frankreich im XII. Jahrhundert die Pflicht des Vasallen umfaßte, für eigene Mittel eine militärische Ausrüstung zu erwerben, die täglichen Bedürfnisse selbst zu decken und auf der Seite des Lehnsherren zu kämpfen, jedoch höchstens 40 Tage im Jahr.

So waren die Bewohner Westeuropas schon im Mittelalter gezwungen, ihre Einstellung zur Macht als Beziehungen zwischen Partnern, von denen jeder bestimmte Rechte besitzt, festzulegen.

B) Freiheitscharta der Freistädte oder selbstverwalteten Städte

1) Ende des XI. Jahrhunderts war bedingt durch die Sicherheit, die die Feudalordnung gewährleistete, in Westeuropa ein Aufschwung der Wirtschaft zu beobachten. Der Handel hörte auf, eine periodische Erscheinung zu sein und wurde nicht nur während der Messen gepflegt, sondern gewinnt in den Städten mit der sich entwickelnden Industrie einen stabilen und ständigen Charakter.

Die Zahl der Stadtbewohner wächst und rings um die alten Städte, außerhalb der Stadtmauern, entstehen neue Wohnviertel, die Vorstädte bilden. Die Lehnsherren und die Geistlichkeit und auch der König gründen in ihren Besitzungen neue Städte, deren Bewohner unterschiedliche Privilegien genießen.

Die blühenden Städte verlangen ein anderes administratives und politisches Verwaltungssystem als die Dörfer in ihrer Umgebung.

2) Die Emanzipation der Stadt wird auf verschiedene Weise verwirklicht:

manchmal stellt sie das Ergebnis eines freiwilligen Einverständnis des Herren dar, manchmal das Ergebnis von Verhandlungen, mitunter auch das Ergebnis von Gewalthandlungen, wie beispielsweise im Norden Frankreichs.

Die Emanzipation brachte zwei Stadttypen hervor:

a) Freistädte, die weiterhin dem Herren unterstellt waren, aber privatrechtliche, sowie militärische, Rechts- und Steuerprivilegien besaßen;

b) selbstverwaltete Städte, die sich von der Macht des Herrn befreit hatten und selbständig verwaltet wurden, mitunter Vasallen ihres früheren Lehnsherren blieben, aber manchmal, wie beispielsweise in Frankreich und Italien, sich vollständig von der feudalen Abhängigkeit befreiten und gewissermaßen eine kleine Stadtrepublik darstellten.

Diese freien und selbstverwalteten Städte besaßen Freiheitsurkunden, die die Willkür der Lehnsherren und des Königs in ihren Besitzungen einschränkten.

III. Achtung der Rechtsnormen im mittelalterlichen Westeuropa

Die Vielzahl der von der westlichen Gesellschaft im Mittelalter geschaffenen juristischen Normen und allgemeinen Rechtsprinzipien würde wenig Nutzen bringen, wenn sie ständig verletzt würden. Einmal erhaltene Rechte jedoch behielten ihre Kraft und das Recht als solches genöß hohe Achtung.

Ich verzichte darauf, über die Rechtsprechung zu sprechen, da das sehr viel Zeit in Anspruch nehmen würde und beschränke mich auf drei Beispiele, die die Macht der Rechtseinwirkung in den Königreichen der westlichen christlichen Zivilisation im Mittelalter illustrieren.

A) Erbllichkeit der Königskrone in Frankreich

Da das französische Beispiel kennzeichnend ist, werde ich am Beispiel dieses Landes über das Problem sprechen.

Dem 987 gewählten und gekrönten Hugo Capet gelang es, Ende des gleichen Jahres die Wahl seines einzigen Sohnes Robert zum König durchzusetzen, der im folgenden Jahr 988 gekrönt wurde. Zuerst wurde er der „eingesetzte König“ genannt, später und zwar im Jahre 996 wird er zum wirklichen König, der den Titel Robert II. der Fromme erhielt. Robert der Fromme wiederum gab seinen Thron an seinen ältesten Sohn Hugo, und nach dessen frühen Tode an seinen zweiten Sohn Henri weiter, der 931 zu Henri I. wurde.

Alle französischen Könige bis hin zu Philipp-August taten das Gleiche.

1) Zu Beginn des XIII. Jahrhunderts ist das gewöhnliche Recht der Thronfolge nicht mehr umstritten und deshalb betrachtete es Philipp-August, der den Thron noch zu Lebzeiten seines Vaters Louis VII. des Jungen erhalten hatte, als überflüssig, dasselbe für seinen Sohn zu tun. Tatsächlich fiel es 1223 niemandem ein, an der Tatsache zu zweifeln, daß traditionsgemäß die Königskrone an diesen Prinzen übergehen muß, der zum König Louis VIII. der Löwe wurde.

2) Dieses Ereignis, das zu Beginn des XIV. Jahrhunderts stattfand, bestätigt die gesetzliche Kraft des Erstgeborenen: König Louis X. stirbt 1316 und hinterläßt eine Tochter, die Königin Clementine die Ungarische, die ein Kind erwartet. Es wurde beschlossen, zu warten, bis das Kind das Licht der Welt erblickt, um sein Recht auf den Thron zu bewahren, falls dies ein Knabe sein sollte. Und tatsächlich wurde der Knabe bei seiner Geburt als König Jean I. unter der Regentschaft seines Onkels, des künftigen Königs Philippe V. des Langen, anerkannt.

3) Angliederung eines großen Teils der Besitzungen von Jean des Landlosen an die königliche Domäne.

1203 unternimmt Philipp-August den Versuch, die Normandie zu erobern, die sein Vasall Jean der Landlose, der gleichzeitig König von England war, beherrschte. Philipp-August beginnt diese Aktion erst dann, nachdem er sich davon überzeugt hatte, daß er das Recht dazu besitzt.

Jean der Landlose, der die Braut von Hugo L., eines seiner Vasallen geraubt hatte und ablehnte, sich vor Gericht zu verantworten, wurde 1202 vom königlichen Gericht wegen Untreue gegenüber seinem Herrn, dem König von Frankreich, verurteilt.

Die Konfiskation der Besitztümer, die er vom König von Frankreich erhalten hatte, sind ein Beispiel für die Sanktionen, die durch das Feudalrecht festgelegt waren.

B) Vorbehaltsklauseln des romanischen Rechts

1) Im XIII. Jahrhundert wurde das romanische Recht an mehreren Universitäten gelehrt und fand im Süden Frankreichs Anwendung, obwohl es nicht die Gesetzgebung des Heiligen Romanisch-deutschen Reiches bildete.

Jetzt taucht die Frage auf, ob die Anwendung des romanischen Rechts in Frankreich eine Anerkennung der Vormachtstellung dieses Reiches darstellt.

2) Die Frage war so wichtig, daß drei Könige nacheinander Gesetze zu dieser Frage herausgaben.

Die Erlasse Ludwigs des Heiligen aus den Jahren 1250 und 1254, der Erlaß seines Sohnes Philippe III. des Mutigen und der Erlaß seines Enkels Philippe des Schönen aus dem Jahre 1312 bestätigen, daß das romanische Recht keine Gesetzeskraft in Frankreich besitzt. Der König duldet dieses Recht nur, weil er die jahrhundertealte Traditionen der Bewohner Südfrankreichs nicht verletzen will, das romanische Recht findet nicht als Gesetz, sondern als Rechtstradition Anwendung. In anderen Gegenden Frankreichs war den Advokaten verboten, auf das romanische Recht hinzuweisen, wenn es im Widerspruch zu dem gewöhnlichen Recht stand.

Zum Abschluß möchte ich noch zwei Bemerkungen machen.

Ich habe über die Entstehung des Rechtsstaates im Mittelalter gesprochen und dabei Westeuropa als ein einheitliches Ganzes betrachtet, da seine Länder durch die gemeinsame christlich-katholische Zivilisation vereint werden, obwohl dabei natürlich in den einzelnen Regionen Unterschiede bestanden.

So strebten beispielsweise im XII. Jahrhundert in England einflußreiche Kreise der Gesellschaft, die Kirche, Barone und Städte nach Vereinigung, um die Macht des Königs, die er durch die Eroberung der Normandie im Jahre 1066 erhalten hatte, und die größer war, als auf dem Kontinent, einzuschränken. Die große Charta, die in Frankreich von der Zisterzienserabtei in Pontini ausgearbeitet und seit 1215 für den König Jean den Landlosen verbindlich war, garantierte den Lehnsherren, der Kirche und den Städten, insbesondere im Bereich der Rechtsprechung Rechte und legte die Notwendigkeit der Einholung des Einverständnisses des Großen Rates, der später zum Parlament wurde, bei der Einführung neuer Steuern fest.

In Frankreich, wo der König über sehr beschränkte Vollmachten verfügte, trugen Kirche und Städte im Gegenteil zur Ausweitung der königlichen Macht und Einschränkung der Macht der Barone bei.

Später zwangen finanzielle Schwierigkeiten den König von England zur Schaffung des Parlaments, das sich allmählich zu einem effektiven gesetzgebenden Organ entwickelte und 1679 die Urkunde über die Unantastbarkeit der Person annahm, Habeas Corpus Act, die die persönliche Freiheit der Bürger garantierte. Diese Urkunde wurde lange vor dem Jahre 1841 angenommen, als das Vereinigte Königreich tatsächlich das Parlamentssystem im strengen juristischen Sinne des Wortes bestätigte.

In Frankreich dagegen zog man bei der Lösung ähnlicher Finanzprobleme vor, die Richterämter zu verkaufen, was die Unabhängigkeit der Richter und die Schaffung einer starken rechtsprechenden Gewalt gewährleistete, die wiederholt in der Lage war, sich gegen die königliche Politik zu stellen.

So stellt das europäische mittelalterliche Recht kein von Gott gegebenes Recht dar, wie dies in der islamischen Welt der Fall ist, wo die Gesetze in der auf dem Koran oder dem Haddith basierenden Scharia, wie dies insbesondere in der Jurisprudenz der Schafiter oder noch stärker Hanbaliter Ausrichtung der Fall ist, festgelegt sind; kein Recht, das von einem bedeutenden Gesetzgeber, wie beispielsweise Solon, verkündet wurde; kein Recht, das in einem vom Parlament angenommenen Grundgesetz oder in von der Regierung erlassenen Durchführungsbestimmungen verankert ist, wie das heute der Fall ist.

Das europäische Recht des Mittelalters stellte ein ganz gewöhnliches, von der westlichen christlichen Welt für ihre Bedürfnisse geschaffenes Recht dar. Es widerspiegelte die Wertvorstellungen der Gesellschaft und entwickelte sich unbewußt, der Evolution der Bedürfnisse und Werte dieser Gesellschaft folgend, bis zu dem Zeitpunkt weiter, an dem Sammelbände der Gewohnheiten verfaßt waren, die einerseits den Richtern die Anwendung dieses Rechts erleichterten und andererseits dem Prozeß der Angleichung des Rechts an die sich ändernden Realien ein Ende bereiteten.

So unterschied sich dieses Recht seinem Wesen nach von dem, das im Reiche Amir Timurs Anwendung fand. Diese beiden Systeme haben zwei gemeinsame Merkmale: das ist einmal die Bedeutung der Rechtssitten sowohl im mittelalterlichen Europa als auch in der Genesis der Jasa Tschingis-Chans, sowie ihr Doppelcharakter, der sich aus den örtlichen Sitten und dem romanischen Recht im ersten Falle und der Jasa und der Scharia im zweiten Falle ergab.

Dieser Vergleich ist jedoch relativ, da die mittelalterlichen Sitten Westeuropas von dem romanischen Recht beeinflußt wurden, während sich die durch die Mongolen vor der Islamisierung geschaffene Jasa grundlegend von der auf Grundlage der Aussprüche des Propheten geschaffenen Scharia unterschied.

DAS FUNDAMENT STAATLICHER LEGIMITATION DAMALS UND HEUTE: ZUM VERHÄLTNIS VON RELIGION UND POLITIK

Aus usbekischer Sicht:

*Prof. Dr. Chalim Babajew, Rektor der juristischen Instituts
Taschkent, Abgeordneter des Oli Mashlis der Republik
Usbekistan*

Im Verlauf der letzten siebenzig Jahre hatten wir eine falsche Einstellung zur Geschichte, insbesondere zur Geschichte der Politik. Wir haben Kultur, Geschichte, Staat und Lehren unserer Vorfahren angezweifelt und versucht, sie anzufechten. Wir haben auf revolutionärem Wege die alte Ordnung vernichtet und nicht nur die Verbindung zu unserer Geschichte verloren sondern standen in direkter Opposition zu ihr.

Noch heute sind historische Werke wie das von Alischer Nawoi als vollkommenste Quelle dieser Art bezeichnete „Nisom-ut taworich“ (Geschichtssammlung). „Awesto“, „Tusi“, „Dewan-un-nasab“, „Tarichi Tabari“, sowie „Nasichatul-mulk“ (Das Eigentum betreffende Ratschläge) von Muhammed Gasoli, die Werke von Shaloli und Banokoti, das „Schah-nameh“ (Genealogie der Schahs) von Firdousi, „Tarichi mulki Asham“ (Geschichte des Landes Asham), „Zafar-nameh“ (Buch der Siege) und das „Schah-nameh“ von Nawoi nicht erforscht. Da diese wichtigen Quellen bei der Abfassung der Lehrwerke und wissenschaftlichen Beiträge nicht genutzt werden, werden Probleme der Entstehung der politischen und rechtlichen Lehren, sowie des Staates und des Rechts in Mittelasien einseitig und oberflächlich behandelt. Beachtung verdient auch die folgende Tatsache: Während in den oben erwähnten Quellen darauf hingewiesen wird, daß sich in Zentralasien Staat, Rechtswesen und politische Lehren etwa 4000 Jahre vor unserer Zeitrechnung, d.h. parallel zu dem Staate Asham entwickelt haben, steht in den modernen Lehrbüchern, daß in dieser Region der Sklavenhalterstaat in VI. Jahrhundert unserer Zeit entstanden sei.

Die Geschichte der Gesetzgebung Turans hat ebenfalls eine lange Geschichte: in dieser Region wurden eine Vielzahl alter Gesetze verfaßt, hier bildeten sich religiös-rechtliche Lehren, Schulen und Strömungen aus. So fanden beispielsweise in das Buch „Awesto“ - die wichtigste Quelle des Zoroastrismus - neben religiösen und moralischen Geboten auch Vorschriften Aufnahme, die Familie, Verbrechen, Bestrafung und andere

Rechtsnormen betrafen. Zusammen mit der Verbreitung des Islams in Mittelasien entstand ein System des muslimischen Rechts. Insbesondere in Samarkand, Buchara, Taschkent und Margilan entwickelte sich die Wissenschaft „fiqh“ (das muslimische Recht). Auf Grundlage des Korans und der Hadithe wurde von den Fakihy Mawerannachrs (den Gelehrten, die das muslimische Recht studierten) ein Regelsystem - die Scharia - ausgearbeitet. Hier entwickelte sich die (von Imam Abu Chanif und seinen Schülern Imam Abu Jussuf, Imam Muhammed Sufar u.a. gegründete) Fiqh-Schule der Strömung der Chanafiden aus den bestehenden berühmten vier Strömungen des Islams. In Mawerannachr verfaßten so bedeutende Denker wie Al-Buchari, At-Termesi, die Fakihe Ubaidullo ibn Umar Ad-Dabusi (XII. Jh.), Abu Hafis An-Nasafi (XII. Jh.), Abdulaziz Marginoni und dessen Sohn Abdulhassan Sahiriddin (XI. Jh.), Abu Amir Al-Baikandi (XII. Jh.) und Al-Kaffal Usch-Schoschi (X. Jh.) ihre Hadithe. Mit ihren Werken haben sie einen bedeutenden Beitrag für die Entwicklung der muslimischen Gesetzgebung geleistet. Die wissenschaftlichen Abhandlungen dieser Gelehrten sind immer noch nicht ins moderne Usbekische übertragen, obwohl Übersetzungen in andere Sprachen der Welt existieren.

Seit alters her haben die zentralasiatischen Völker dem Gesetz, dem Staat und der Politik besondere Achtung entgegengebracht. Zahlreiche Bücher, die dieses Problem behandeln, wurden geschrieben. Im „Zafarnameh“ gilt das Hauptaugenmerk dem Staat und den Herrschern, in den Werken Farabis, Jussuf Hos Hoshibas, Nawois oder in der „Gesetzessammlung“ Amir Timurs werden politisch-rechtliche Fragen der Gesetzgebung in den Vordergrund gerückt. Da dieses reiche Erbe nicht gründlich studiert wird, sind unsere usbekischen Rechtswissenschaftler nicht gründlich genug über die Geschichte des nationalen Staates und Rechts informiert.

Wir wollen uns auf die Wissenschaft „fiqh“ in Mawerannachr konzentrieren und versuchen, die Frage zu beantworten, welche Lehren wir daraus für die Gegenwart ziehen können.

Das Gesetzgebungssystem des unabhängigen Usbekistans stützt sich einerseits auf die Geschichte der usbekischen Gesetzgebung, andererseits nutzt es die fortschrittlichen demokratischen Ideen und Erfahrungen der Völker der Welt. Wenn wir von der Geschichte der usbekischen Gesetzgebung sprechen, so denken wir an die Scharia, ein Rechtssystem, das bestand, bevor Turkestan russische Kolonie wurde. Die Scharia ist ein Rechtssystem, das eine tiefe Spur im Leben, im Rechtsbewußtsein und in der Kultur der zentralasiatischen Völker hinterlassen hat.

Viele glauben, daß die Scharia nur religiöse, d.h. islamische Bestimmungen und Vorschriften enthält. Die Gesetze der Scharia enthalten nicht nur theologische Postulate, sondern auch Vorschriften, die die Menschenrechte und so lebenswichtige Probleme, wie den Umweltschutz betreffen. Unter den Rechtswissenschaftlern unserer Zeit ist der Standpunkt verbreitet, daß man sich bei der Ausarbeitung der Gesetze von der Scharia leiten lassen müsse, nicht geklärt ist jedoch bis heute die Frage, was aus der Scharia zu übernehmen sei und was nicht. Das ist dadurch zu erklären, daß die Scharia lange Jahre nicht studiert, sondern offen bekämpft wurde. Das Studium der Scharia gehört zu den aktuellsten Problemen der Gegenwart. Usbekistan ist ein Staat, der in die Weltgemeinschaft aufgenommen wurde. Deshalb können wir die Scharia nicht vollständig übernehmen. Sinnvoll ist die Nutzung der lebenswichtigen Vorschriften und der Idee der Scharia. In dem wissenschaftlichen Werk „Hidoja“ von Burhoniddin Marghinoni ist das ganze System der Scharia ausführlich dargelegt. Daneben gibt es zahlreiche andere Werke, die die Vorschriften und Bestimmungen der Scharia beschreiben. So wurde in Buchara das Buch „Aqoid“ und in Samarkand das Werk „Hikmatul Ojin“ verfaßt. Fachriddin Hassan ibn Machmud aus Fergana und Ubaidulloq ibn Ma'sud aus Buchara schrieben ebenfalls ernsthafte Werke über die fiqh. Diese Werke wurden von den Kadis und bei der Ausbildung in den Medresen genutzt. Hervorgehoben sei, daß Personen, die alle Regeln der Scharia kannten, in den muslimischen Staaten immer hochgeachtet und einflußreich waren.

Den Rechtswissenschaftlern ist der Name von Imam Burhoniddin Abdullhassan Ali ibn Abu Bakr ibn Abdulshalil Al-Fargoni Al Marghinoni gut bekannt. Sein 53 Bände umfassendes Werk „Hidoja“ machte ihn weltberühmt. Burhoniddin Marghinoni (593/1197) studierte in Rischtan, Margilan, Buchara und Samarkand. Er war ein bedeutender Rechtsgelehrter seiner Zeit. Er kannte den Koran und die Hadithe, beherrschte die Rechtswissenschaften und die Kunst der Korandeutung. Seine Ausbildung in den Rechtswissenschaften erhielt er bei Nashmiddin Abu Hafis Umar ibn Muhammed An-Nasafi, Husomiddin Umar ibn Abdulloq ibn Umar ibn Ma'os As-Serahsi, Abu Umar Usman ibn Ali Baikandi, Ahmed ibn Abduraschid Al-Buchari. Burhoniddin verfaßte mehrere Dutzend Bücher, unter denen das „Kitob Al-Hidoja“ das bedeutendste ist. Leider ist auch dieses in arabischer Sprache verfaßte Werk, das bereits in viele Sprachen der Welt übertragen ist, nicht ins Usbekische übersetzt.

Das Buch „Hidoja“ zeugt von dem hohen Entwicklungsstand der Rechtswissenschaften in der muslimischen Welt. Die Rechtswissen-

schaftler haben konstatiert, daß das Werk in einer einfachen Sprache geschrieben sei und in jeder Hinsicht ein vollkommenes wissenschaftliches Werk darstelle. „Hidoja“ wurde von N. Grodekow aus dem Englischen ins Russische übersetzt. 1893 wurde eine Kurzfassung in vier Bänden mit einer Auflage von 400 Exemplaren speziell für die Kolonialherren, die damals Turkestan verwalteten, herausgegeben. „Hidoja“ wurde außerdem ins Persische und Englische übersetzt. Dank der Bemühungen von Prof. Akmal Saidow wurde 1994 mit der Neuauflage der russischen Variante N. Grodekows begonnen.

Im Buch „Hidoja“ werden ausführlich solche Fragen, wie Zakat (die alljährliche Armenspende des vierzigsten Teil des Vermögens), Tahorat (Waschung), die Benutzung der Brunnen, Tajammum (Reinigung ohne Wasser), Reinigung der Gewänder, Sadaka (Almosengeben), Ruza (Fasten), Verbrechen und Strafe, Heirat, Idda (Wartezeit einer Witwe oder einer geschiedenen Frau bis zur Wiederverheiratung), Handel, Urbarmachung von Neuland und Nutzung des Wassers, Zeugnisablegung, Diebstahl, Testament u.a. erläutert. Hinsichtlich Aufbau und Inhalt unterscheidet sich „Hidoja“ grundlegend von anderen Rechtssystemen, beispielsweise vom Römischen Recht, das in das Curriculum unserer Hochschulen eingeht. Das römische Recht wurde vor u. Z. auf der Grundlage der politisch-rechtlichen Lehren der römischen Rechtswissenschaftler und griechischen Philosophen der Antike geschaffen und später in den westeuropäischen Ländern vervollkommenet. Das muslimische Recht dagegen stellt ein im VII. Jahrhundert u. Z. ausgebildetes, vollkommeneres Rechtssystem dar. Für uns ist besonders wichtig, daß die Scharia auf den Sitten und Bräuchen der orientalischen Länder basiert. In der Scharia sind die lebenswichtigen Probleme der orientalischen Völker, wie die Boden- und Wassernutzung und der Umweltschutz klar und eindeutig entschieden. Beachtung verdient auch die Tatsache, daß bei der Erörterung von Handelsfragen neben den rechtlichen Bestimmungen auch solche moralischen Qualitäten wie Sauberkeit, Ehrlichkeit, Gewissen und Menschlichkeit berücksichtigt werden. Weiterhin wird in der Scharia jeder Fall und jede Erscheinung genau an Hand konkreter Beispiele betrachtet und kommentiert.

Amir Timur war ein Staatsmann, der in der Lage war, im Mittelalter die Kultur des Staatswesens und der Gesetzgebung unseres Landes auf eine neue historische Stufe anzuheben. Im XIV. Jahrhundert war das Land infolge der Mongolenherrschaft politisch zersplittert und Staats- und Re-

chtsordnung zerstört. Das Land war praktisch ohne Staatsoberhaupt, ohne Leitung und ohne Gesetz. In einer so komplizierten Zeit betrat Amir Timur die politische Arena. Er war sich dessen bewußt, daß das Land von den Mongolen gesäubert und ein einheitlicher, zentralisierter, mächtiger Staat geschaffen werden mußte. „Ein Land ohne Führer gleicht einem Körper ohne Seele. Ein Körper ohne Seele bedeutet das Ende“ - sagte er. Amir Timur befreite nicht nur sein Volk, sondern auch die Nachbarländer von den bösen Tyrannen, den Schahs, Chokimen und Beks. Er führte im Lande strenge Gesetze und Vorschriften ein. Timurs Reich erstreckte sich im Norden bis an die sechste Klimazone, im Süden bis nach Indien, im Osten bis nach China und im Westen bis ans Mittelmeer. Amir Timur gelang es, in 27 Ländern Ordnung und Gesetzlichkeit zu schaffen.

Sowohl im Osten als auch im Westen sind zahlreiche Bücher über Timurs Reich, seine Politik und seine Persönlichkeit geschrieben worden. Das vollkommenste Werk über das Wirken Amir Timurs bildet das „Zafar-nameh“ (das Buch des Sieges) von Scharafiddin Ali Yazdy. Leider liegt auch von diesem Buch keine vollständige Übersetzung in die usbekische Sprache vor. Der usbekische Wissenschaftler Ibrohim Muminow, der in seinen wissenschaftlichen Werken behauptet hatte, daß „Amir Timur in Mittelasien einen zentralisierten Staat geschaffen habe“, „Ordnung im Lande hergestellt habe“, „sich mit Problemen der Modernisierung und Aufklärung befaßt habe“ wurde in Usbekistan und in Moskau scharf kritisiert. Wir wissen weiterhin, daß man Ibrohim Muminow vorwarf, Amir Timur zu vergöttlichen. Zu Zeiten, als man Amir Timur in seiner Heimat nicht anerkennen wollte, haben europäische Gelehrte, insbesondere englische, französische und italienische Historiker die Persönlichkeit Amir Timur in ihren Werken gewürdigt.

Die historische Wahrheit über Amir Timur, über seinen Staat und seine „Gesetzessammlung“ bildet eine wertvolle Quelle für uns Rechtswissenschaftler, aus der wir viel lernen können. Die „Gesetzessammlung“ lehrt die Kunst, wie ein Staat zu regieren ist. In diesem Werk wird beispielsweise beschrieben, daß sich Amir Timur bei der Leitung des Staates von 12 Prinzipien leiten ließ. Das erste besteht in der Anwendung der religiösen Vorschriften und der Scharia. Wenn wir Schlußfolgerungen für die Gegenwart daraus ziehen wollen, so bedeutet das, daß der Staat einer Ideologie und der Gesetze bedarf. Das zweite Prinzip sah eine Untergliederung der Gesellschaft in 12 Stufen und Kategorien vor, wobei Amir Timur bei der Regierung seines Staates den Ratschlägen jeder Gruppe

Gehör schenkte. Bekanntlich wurde zu Zeiten des totalitären Regimes (besonders in den vierziger Jahren) die Gesellschaft in zwei Klassen untergliedert: die Ausbeuter und die Ausgebeuteten, die einander antagonistisch gegenüberstanden. Der Staat jedoch war die Waffe des Proletariats.

Der Vorteil des zweiten Prinzips besteht darin, daß die Gesellschaft nicht in zwei Klassen untergliedert ist, sondern in zwölf Kategorien, von denen jede ihre Funktionen zu erfüllen hatte. Der Staat stellte jene Kraft dar, die das friedliche Zusammenleben zwischen ihnen gewährleistete und bewahrte.

Das dritte Prinzip beinhaltet Geschlossenheit, Unternehmungsgeist, Aktivität, Nüchternheit und Vorsicht. Die Bedeutung dieses Prinzips besteht darin, daß alle staatlichen Probleme gemäß der festgelegten Ordnung zusammen mit Spezialisten, Gelehrten und Rechtswissenschaftlern entschieden wurden. Die Politik war klug und nüchtern.

Das vierte Prinzip besagte, daß die staatlichen Angelegenheiten in vollständiger Übereinstimmung mit den Anleitungen, Vorschriften und Gesetzen zu regeln sind. Amir Timur schenkte der Vorrangstellung des Gesetzes große Aufmerksamkeit. Seine Gesetze entsprachen den Regeln der Scharia. Im Staate waren Rechte und Pflichten aller Personen, angefangen vom einfachen Soldaten bis hin zum Emir, klar festgelegt.

Das fünfte Prinzip sah Ehrerbietung gegenüber den Emiren als auch den Kriegen vor, ihre Würdigung entsprechend ihren Verdiensten. Amir Timur kannte die Lebensweise aller und sparte keine Mittel, um ihnen zu Wohlstand zu verhelfen. Sie waren deshalb bereit, für Amir Timur ihr Leben hinzugeben.

Das sechste Prinzip bestand in Gerechtigkeit und Ehrlichkeit. Amir Timur konnte auch mit einem Sünder Mitleid haben.

In der juristischen Literatur wird gewöhnlich darauf hingewiesen, daß Begriffe wie „Vormachtstellung des Gesetzes“ und „Rechtsstaat“ nur in den Werken westeuropäischer Denker, wie Montesquieu, Kant u.a. auftauchen. Wenn man die „Gesetzessammlung“ von Amir Timur aufmerksam durchliest, so wird man bemerken, daß das Gesetz im Staatsleben eine entscheidende Stellung einnahm. Amir Timur schützte die Unterdrückten vor den Unterdrückern. Er hatte Kadis für die Krieger und für das einfache Volk. Alle Fragen wurden gemeinsam, in Übereinstimmung mit dem Gesetz entschieden. Er bestrafte sogar seine Kinder, wenn sie das Gesetz übertraten. Daneben konnte er aber auch großmütig sein. Sahibqiran schreibt:

„Ich vergebe demjenigen und lasse seine Intrigen der Vergessenheit anheimfallen, der mir Böses antun wollte oder der mir Schaden zugefügt hat, nachdem er vor mir auf die Knie gefallen ist und um Vergebung gebeten hat.“

Das siebte Prinzip besteht in der Anerkennung der Sayyiden (geachteten Persönlichkeiten), der Gelehrten, der Denker, der Muhaddisen (der Hadithsammler) und Historiker, der Personen, die Verdienste haben. Amir Timur hat sie ständig zu Rate gezogen. Das achte Prinzip beinhaltet Entschlossenheit. Jede Sache, die er in Angriff genommen hatte, führte er zu Ende. Er schreibt: „Ich habe die gesamte Geschichte studiert, von Adam bis zu den Propheten, die Geschichte aller Herrscher, Staaten und Gesetze.“ Das neunte Prinzip bestand darin, immer die Wahrheit über das Leben des Volkes zu wissen. Er achtete die in den einzelnen Staaten, Städten oder Kischlaks üblichen, örtlichen Regeln, die Sitten und Bräuche des Volkes. Wenn irgendein Chokim seine Stellung mißbrauchte und dem Volk Leid zufügte, so mußte er sich unbedingt vor dem Gesetz verantworten.

Das zehnte Prinzip besteht in der ehrerbietigen Haltung gegenüber den Vertretern verschiedener Völker und Nationen. Das elfte besagt, daß man, wenn man auf den Thron gelangt ist, seine Kinder, Verwandten, Freunde und Nachbarn nicht vergessen darf und ihnen die gleiche Achtung erweisen muß. Das zwölfte Prinzip besagt, daß jeder Krieger, unabhängig davon ob er ein Freund oder Feind ist, zu achten ist.

Diese zwölf Prinzipien, die in der „Gesetzessammlung“ von Amir Timur angeführt sind, könnten zweifellos auch heute Anwendung finden. Wenn diese Prinzipien im Arbeitsstil jedes Chokims, Ministers oder eines anderen Staatsbeamten ihren Niederschlag finden würden, so würde dies der Gesellschaft und den Staate nur nutzen.

Wir sind nur auf die zwölf Prinzipien der „Gesetzessammlung“ eingegangen. Es ist unmöglich, im Rahmen eines Vortrags alle anderen Fragen, die den Staat und die Gesetze betreffen und das ganze Spektrum der Ideen Timurs ausführlich darzulegen. Wenn wir dieses reiche moralische Erbe in größerem Rahmen und regelmäßiger nutzen, wird dies zweifellos unserem Staate zum Ruhme gereichen.

Amir Timur schreibt: „Mit Vergnügen höre ich demjenigen zu, der ruhig und vernünftig spricht und demjenigen, der seine Gedanken klar und auf Männerart ausdrückt.“ Diese Worte Amir Timurs sind auch heute noch aktuell. Denn unter den Führungskräften sind neben denen, die

wirklich selbstlos dem Volke dienen, auch solche, die nur unwahre Versprechen machen und nur ihre eigenen Interessen verfolgen.

Die Idee der staatlichen Disziplin, der strikten Einhaltung der Gesetze, der Zentralisierung der Staatsorgane und ihrer Stärkung nahm im Reiche Amir Timurs eine Vorrangstellung ein. Die auf eine wirtschaftliche, politische, finanzielle und militärische Annäherung der zentralasiatischen Staaten, insbesondere Usbekistan, Kasachstan, Kyrgyzstan ausgerichteten Schritte der usbekischen Führung dienen der Vereinigung der Kräfte Turkestans. Die in diesen Staaten lebenden Völker und Nationen haben das gleiche Schicksal. In diesem Zusammenhang verdient die aktive Position des Präsidenten der Republik Usbekistan Islam Karimow besondere Hervorhebung. Die Epoche Amir Timurs ähnelt in mancher Hinsicht unserer Zeit, unser Hauptanliegen besteht im Kampf für die Stärkung der Unabhängigkeit, in der Errichtung eines Staates mit einer großen Zukunft.

Amir Timur schreibt: „Aus eigener Erfahrung weiß ich, daß ein einziger engagierter, mutiger, entschlossener und sachlicher Mann tausend gleichgültige unfähige Männer aufwiegt.“

Tatsächlich gab es in der Sowjetzeit sehr viele gleichgültige, korrupte Menschen und Verräter. Noch heute haben wir Probleme, derartige Personen ihres Amtes zu entheben. Amir Timur umgab sich mit kompetenten, klugen, ehrlichen und vertrauenswürdigen Personen. Bevor er eine Entscheidung fällte, pflegte er bei ihnen Rat einzuholen. „Obwohl das Ergebnis einer Angelegenheit hinter dem Schicksalvorhang verborgen ist, muß ich den Standpunkt kluger und sachlicher Menschen kennen.“

„Staat und Herrschaft basieren auf drei Stützen: Eigentum, Staatskasse und Heer“ - schrieb Amir Timur. Nach der Vergesellschaftung unter den Bedingungen des Sozialismus hat unser Eigentum seinen Besitzer verloren und ist zum Objekt der Ausraubung geworden, im Lande gibt es viele Habgierige, Korrupte und verschiedene Gruppierungen, die sich auf Kosten des Volkes bereichert haben.

Sahibqiran schreibt: „Aus eigener Erfahrung weiß ich weiterhin, daß ein Staat, der nicht auf Religion und Gesetz basiert, in dem die Vorschriften nicht eingehalten werden, seine Macht und seinen Ruhm verlieren wird, daß in einem derartigen Staate niemals Ordnung herrschen wird. Er wird einem nackten Menschen gleichen, von dem alle ihren Blick abwenden. Oder er wird einem Haus ohne Tür und Zaun ähneln, zu dem jeder Zugang hat.“

Tatsächlich wird in einem Staat ohne Ideen, ohne Ideologie und Gesetze die Ordnung gestört sein. Deshalb wird heute in Usbekistan gegen das organisierte Verbrechen gekämpft, werden in Städten und auf dem

Lande Maßnahmen zur Einhaltung der Gesetzgebung durchgeführt, wird der juristischen Erziehung der Jugendlichen besondere Aufmerksamkeit geschenkt. Diese Maßnahmen sind zum gegebenen Zeitpunkt notwendig.

Im Mittelalter gab es in Mawerannachr eine Rechtsschule, die in der ganzen muslimischen Welt berühmt war. Gründer dieser Schule waren so berühmte Gelehrte wie Imam Buchari, Imam Abu Iso At-Termesi, Farabi, Burhoniddin Marginoni. Durch Schaffung eines zentralisierten Staates und durch Festigung der Gesetzlichkeit trug Amir Timur dazu bei, daß diese Schule ein höheres Niveau erreichte. Bücher, wie „Hidoja“, Muchtasar“, die „Gesetzensammlung“ von Amir Timur, „Zafar-nameh“ und „Hamsa“, enthalten Angaben über das Rechtssystem, den Staat, die Gesetzgebung und die Politik. Wir sind die gesetzlichen Erben dieser moralisch-rechtlichen Reichtümer. Wir müssen sie bei der Ausarbeitung der Gesetze nutzen. Diese Bücher müssen zu Nachschlagewerken der Chokime, Staatsanwälte und anderer verantwortlicher Mitarbeiter werden.

Die Völker Turkestans haben immer für Freiheit, Unabhängigkeit und die Erhaltung ihrer Einheit gekämpft. Sie haben durch ihre Leistungen in der Wissenschaft, Religion, Politik, Staatlichkeit und bei der Gesetzesschöpfung einen riesigen Beitrag zur Entwicklung der Kultur der Völker der Welt geleistet. Heute sind die Staaten Turkestans unabhängig, eine neue Renaissancezeit wird neue Staatsmänner, Wissenschaftler und Schriftsteller hervorbringen. Zweifellos ist Usbekistan ein Staat mit einer großen Zukunft, alle moralischen, materiellen, politischen und ideellen Voraussetzung dafür sind vorhanden.

Wir sind direkte Erben des großen von Amir Timur begründeten Staates. Das heutige Usbekistan wird zweifellos zu einem hochentwickelten, modernen großen Staat werden.

Aus europäischer Sicht:

*Prof. Dr. Hermann Lübke, Philosophisches Seminar
Universität Zürich*

FREIHEIT DER RELIGION

Ein Aspekt europäisch-amerikanischer Staatsordnung seit der Aufklärung

Die Beziehungen zwischen Religion und Politik in den Staaten des europäischen und amerikanischen Westens sind gegenwärtig von kaum übersehbarer Vielfältigkeit. Entsprechend ist man gut beraten, zunächst einmal hervorzuheben, was den modernen staatlichen Gemeinschaften mit ihrer in religiöser Hinsicht primär christlichen Herkunftsprägung gemein-

sam ist. In den Staaten des Westens steht ausnahmslos das Verhältnis von Religion und Politik unter der Voraussetzung rechtlich gewährleisteter Freiheit der Religion. Zumeist ist die Freiheit der Religion in den Staatsverfassungen ausdrücklich festgeschrieben, oder sie ist, soweit, wie in Großbritannien, ein einheitliches Verfassungsgesetz nicht existiert, kraft Geltung anderer Rechtsurkunden von fundamentaler Bedeutung gewährleistet.

Die verfassungsrechtspolitische Durchsetzung des Bürger- und Menschenrechts der Religionsfreiheit wurde, im Zeitalter der Aufklärung, durch zwei weltgeschichtliche Ereignisse wesentlich beschleunigt – nämlich durch die amerikanische Revolution einerseits und durch die französische Revolution andererseits.

Über die sehr komplizierte Geschichte der Durchsetzung der Religionsfreiheit ist hier im Detail nichts mitzuteilen. Im Rückblick auf diese Geschichte gewinnt man, gesamthaft, den nachhaltigen Eindruck der irresistiblen Wucht, mit der sich die Freiheit der Religion durchgesetzt hat. Ich demonstriere das mit einigen wenigen Hinweisen. Erstens kann heute, zum Beispiel, kein europäischer Staat, in welchem die Religionsfreiheit nicht anerkannt wäre, Mitglied des Europarats werden. Zweitens gehört die Gewährleistung der Freiheit der Religion selbstverständlich auch zum Ensemble der Bedingungen, ohne deren Erfüllung ein Beitritt weiterer Länder zur Europäischen Union nicht möglich wäre, und zwar unbeschadet des Umstands, daß die Europäische Union, anders als der Europarat, als Subjekt einer Menschenrechtsdeklaration bislang nicht hervorgetreten ist. Drittens ist, weit über die Grenzen der heutigen Europäischen Union hinaus, nämlich ebenso die USA wie die damalige UdSSR einschließend, Freiheit der Religion offiziell anerkannt als einer der Inhalte der Schlußakte der Konferenz über Sicherheit und Zusammenarbeit, die in Helsinki am 1. August 1975 unterzeichnet wurde. Im Artikel VII des sogenannten "Korb I" wird, unter anderem, die Religionsfreiheit ausdrücklich unter den Freiheiten aufgezählt, die zu achten sich die Teilnehmerstaaten der Konferenz über Sicherheit und Zusammenarbeit verpflichten. Viertens schließlich gilt, sogar mit völkerrechtlicher Verbindlichkeit, Freiheit der Religion weltweit bei allen Mitgliedstaaten der UNO, die die Allgemeine Erklärung der Menschenrechte unterzeichnet haben, die von der Generalversammlung der UNO am 10. Dezember 1948 als Resolution 217 (III) beschlossen wurde. In dieser Erklärung finden wir die Religionsfreiheit, neben anderen Freiheiten, im Artikel 18 aufgeführt.

Kurz: Freiheit der Religion ist heute ein Rechtsinstitut von weltweiter Geltung, was banalerweise nicht heißt, daß wir Verletzungen dieses Rechts nicht zu beklagen hätten. Um so wichtiger bleibt, daß es die völkerrechtlich verbindlichen Erklärungen und Deklarationen gibt, die es möglich machen, Menschenrechtsverstöße als solche zu kennzeichnen. Davon gehen potentiell beträchtliche politische Wirkungen aus. In Europa wären dafür die Wirkungen ein Beispiel, die von der Schlußakte der Konferenz über Sicherheit und Zusammenarbeit ausgegangen sind: Die mit der Schlußakte dieser Konferenz gegebenen Möglichkeiten der politischen Berufung auf sie sind ein wichtiger Faktor der Selbstauflösung des real existent gewesenen Sozialismus zumal in den ehemals sozialistischen Ländern in Mittel- und Ostmitteleuropa gewesen.

Wie man dabei speziell die politische Bedeutung der Religionsfreiheit einzuschätzen hat – das ist eine andere Frage. Zunächst scheint es ja, auch im Blick auf die Geschichte des Rechtsinstituts der Religionsfreiheit, so zu sein, daß mit der Erklärung der Freiheit der Religion der Einfluß der Religion auf den politischen Lebenszusammenhang eingeschränkt wird. Religionsfreiheit bedeutet ja, unter anderem, das Verbot, religiöse Normen – Glaubensnormen, Normen religiöser Moral, auch Riten und sonstige normierte religiöse Verhaltensweisen mit den Mitteln politisch-staatlichen Zwangs verbindlich zu machen. Wo Freiheit der Religion erklärt ist, ist es dem Staat verwehrt, Geltungsansprüche der Religion dem Bürger gegenüber politisch durchzusetzen. Die Gewährleistung der Freiheit der Religion ist damit zugleich ein Teil dessen, was in der europäischen und amerikanischen Kulturhistoriographie und näherhin in der Religionssoziologie "Säkularisierung" genannt wird –: rückläufige politische Verbindlichkeit unserer religiösen Pflichten; Unabhängigkeit der Bürgerrechte und Bürgerpflichten von allen religiösen Zugehörigkeitsverhältnissen einschließlich des Rechts der Bürger, sich kulturell und rechtlich aus allen religiösen Zugehörigkeitsverhältnissen überhaupt zu lösen.

Das ist es also, was im Recht der Religionsfreiheit eingeschlossen ist, und das erklärt zugleich, wieso die Repräsentanten der Religion, zumal in Europa, bis in unser eigenes Jahrhundert hinein die Freiheit der Religion als ein religiös nicht anerkennungsfähiges Rechtsinstitut bekämpft haben. Noch 1953, zum Beispiel, hat das damalige Haupt der römischen Katholiken, Pius XII., in einer Ansprache an die Adresse römischer Juristen ausdrücklich in Erinnerung gebracht, das in der rechtlich gewährleisteten

Freiheit der Religion eingeschlossene Recht auf religiösen Irrtum sei religiös inakzeptabel. Nicht Freiheit der Religion sei möglich, wohl hingegen Toleranz, das heißt Duldung von Ketzerei und sonstigem religiösem Abweichlertum in der pragmatischen Absicht, im Einzelfall Schlimmeres zu verhüten. Ich füge gleich hinzu, daß weniger als zehn Jahre später, bereits Anfang der sechziger Jahre, nämlich im Zweiten Vatikanischen Konzil, die Religionsfreiheit als Menschenrechtsinstitut auch innerkatholisch offiziell anerkannt worden ist, und ich werde noch Gelegenheit haben, auf einen der Gründe zu verweisen, die diesen Wandel der Dinge insoweit eingeleitet haben.

Noch einmal also: Religionsfreiheit, die den Staat hindert, religiöse Verbindlichkeiten auch politisch verbindlich zu machen, hat nicht im ursprünglichen Interesse der christlichen Religion selbst gelegen. Man darf, lange Geschichten abkürzend, sagen: Die Religionsfreiheit ist in wohlbestimmten Hinsichten gegen den Widerspruch und Widerstand der Religionsrepräsentanten durchgesetzt worden.

Das erzwingt die Frage nach den Gründen, die die Religionsfreiheit als entscheidendes rechtliches Regulativ für das Verhältnis von Religion und Politik haben irresistibel werden lassen. Es ist eine extreme, aber unvermeidliche Abkürzung langer Geschichten zu sagen, daß die Religionsfreiheit sich den bitteren Erfahrungen der religiösen Bürgerkriege verdankt, die viele Länder Europas im 16. und 17. Jahrhundert verwüstet haben. Die Erfahrung war, daß die jeweiligen Ketzer, die von der jeweils sich absolut setzenden einen und unteilbaren wahren Religion in der Meinung, die Wahrheit läge anderswo, sich separierten, sich lieber vertreiben, ja töten ließen als ihrem religiösen Irrtum abzuschwören.

Es scheint ja zunächst plausibel zu sein: Mit der Einheit ihres Glaubens festigt sich auch die Einheit der politischen Gemeinschaft, und somit ist es nicht nur das Interesse der Religion, vielmehr auch das Interesse der politischen Gemeinschaft, für die unverbrüchliche Einheit des religiösen Lebenszusammenhangs zu sorgen. Nachdem aber diese Einheit, nämlich vor allem im Zeitalter der Reformation, in Europa definitiv zerfallen war, erwies sich, daß der Versuch, die Einheit der Bürgerschaft in der einen und wahren Religion mit den Mitteln politischen Zwangs wiederherzustellen, in seinen politischen Auswirkungen schlimmer noch als der Zerfall der Einheit der Religion war. Die für das Gemeinwesen zerrüttenden Folgen religionspolitischen Zwangs erzwangen die Freiheit der Religion. Zusammenfassend läßt sich sagen: Das Rechtsinstitut der Religionsfreiheit

gehört einer Friedensrason. Der Bürgerfriede wird nicht mehr auf die eine Wahrheit der Religion gegründet; vielmehr triumphiert der Wille zum Frieden über den Willen zum Triumph der religiösen Wahrheit.

Dabei war es im Europa des 16. und 17. Jahrhunderts zunächst die Toleranz, das heißt die Duldung abweichender religiöser Überzeugungen, von der man sich hinreichende friedensstiftende Wirkungen erhoffte. Die großen europäischen Denker des Verhältnisses von Religion und Politik waren bis an die Schwelle des Revolutionszeitalter nicht Denker der Religionsfreiheit, vielmehr Denker der Toleranz – Spinoza in den Niederlanden, John Locke in England, Voltaire in Frankreich. Erst mit den neuen revolutionären Menschenrechten, zuerst in den USA, dann in Frankreich und schließlich in der Mehrzahl der europäischen Länder, wird generell die Politik der Toleranzgewährung durch die Politik der Erklärung der Freiheit der Religion überboten, und das bedeutet: Der abweichende Glaube, das Dissidententum wird nunmehr in den Status eines subjektiven, das heißt einklagbaren Rechts versetzt, und der Staat gewährleistet dieses Recht.

Wie schwer es war, ein durch Freiheit der Religion gekennzeichnetes Verhältnis von staatlicher Politik und Religion plausibel zu finden – das läßt uns die bereits erwähnte Ansprache des römischen Papstes, die noch im Jahre 1953 die Anerkennungsfähigkeit der Religionsfreiheit zurückwies, erkennen. Man möge sich., in Europa, auch erinnern, daß die uneingeschränkte Gewährung von Bürgerrechten für Juden und damit die uneingeschränkte Freiheit der Religion für diese alte religiöse Minderheit sich überwiegend erst im 19. Jahrhundert vollzog, und in Großbritannien zum Beispiel sind Katholiken erst um die Wende des dritten zum vierten Jahrzehnt des 19. Jahrhunderts in den Genuß uneingeschränkter Bürgerrechte gelangt.

Zusammenfassend bedeutet das: Die Geschichte der Durchsetzung der Religionsfreiheit ist, nämlich in Europa, eine Geschichte der Durchsetzung bürgerlichen Rechtsfriedens gegen die originären Interessen der Religion durch fortschreitenden Rückzug des Staates aus der Verpflichtung, religiöse Verbindlichkeiten zugleich als politische Verbindlichkeiten anzuerkennen und durchzusetzen.

Indessen: Vor allem am Beispiel der USA läßt sich erkennen, daß die Freiheit der Religion, statt den Interessen der Religion zu widersprechen, auch das Interesse der Religion selbst sein kann. Die Trennung von Religion und Staat, die für das Verfassungssystem der Vereinigten Staaten von Anfang an zentral gewesen ist, verdankt sich nämlich gerade nicht dem

Impuls, die Religion als eine den Bürgerfrieden potentiell gefährdende Lebensmacht rechtlich zurückzudrängen. Die amerikanische Religionsfreiheit lebt ganz im Gegenteil aus dem Interesse von religiösen Abweichlern und Dissidenten, die, historisch nicht zuletzt als Auswanderer aus Europa den Bedrückungen europäischer Staatsreligionen entkommen, in der neuen Welt endlich keine Obrigkeit mehr über sich haben wollten, die ihnen in Angelegenheiten des Bekenntnisses, des Gebetbuchs oder auch des Gesangbuchs hineinredet. Man kann auch sagen: Die Trennung von Religion und Staat, wie sie für die rechtlichen und kulturellen Überlieferungen der Vereinigten Staaten charakteristisch ist, ist eine religionsfreundliche Trennung von Religion und Staat – durchaus anders also als in den laizistischen Traditionen der Trennung von Staat und Religion, wie sie, zum Beispiel, Bestandteil der französischen kulturellen und rechtlichen Überlieferung sind.

Die Religionsfreundlichkeit der für die USA charakteristischen Trennung von Religion und Politik hat zur Konsequenz, daß dort die Religion im freien, gesellschaftlichen Leben eine ungleich größere Mächtigkeit als in der Mehrzahl der europäischen Länder behauptet. Man kann auch sagen: Unbeschadet der Trennung von Politik und Religion sind die USA nicht ein durch Säkularisierung geprägtes Land. Manifest ist das in den mannigfachen Beständen der von den amerikanischen Religionssoziologen gern so genannten Zivilreligion. "Civil religion", Zivilreligion also – das sind die zumal in den USA auffälligen Bestandteile religiösen Lebens im Kontext des politischen Lebens – die Einschwörung des amerikanischen Präsidenten bei seiner Amtsübernahme zum Beispiel, bei der der Präsident die Hand auf die Bibel zu legen pflegt, oder auch das öffentliche Gebet, das in einer Ansprache ans Staatsvolk der amerikanische Präsident im Gedenken an Terror-Opfer spricht. Beides sind Vorgänge, die, wie man rasch erkennt, in Frankreich nicht gut denkbar wären.

Kurz: Das System der Trennung von Religion und Politik ist in den USA eine religionsbegünstigende Trennung. Diese Gunst manifestiert sich, zum Beispiel, in dem Faktum, daß just in diesem Trennungssystem die katholische Religionsgemeinschaft inzwischen zu der mit Abstand größten Religionsgemeinschaft unter den mehr als einhundertunddreißig Religionsgemeinschaften in den USA herangewachsen ist. Das wurde eindrucksvoll in der Präsenz des amerikanischen Episkopats beim Zweiten Vatikanischen Konzil sichtbar, und nicht zuletzt das ist es gewesen, welches weniger als zehn Jahre nach der Ablehnung der Religionsfreiheit noch durch Pius XII.,

den ich ja bereits zitierte, nun die Religionsfreiheit auch innerkatholisch uneingeschränkt anerkennungsfähig gemacht hat.

Daß überhaupt das Verhältnis von Religion und Staat als ein freies Verhältnis und damit auch, wie im Falle der USA einerseits und Frankreichs andererseits, als ein Trennungsverhältnis gedacht werden kann, hat eine Voraussetzung, die in der Geschichte des Christentums tief verwurzelt ist. Wie eng nämlich auch immer politische und religiöse Gemeinschaft in der Geschichte des Christentums miteinander verbunden gewesen sein mögen – sie waren niemals identisch. In der Geschichte des neuzeitlichen Europas wie in der Geschichte der USA bedeutet das: Staatliche Gemeinschaft und religiöse Gemeinschaft bilden unterschiedliche Institutionen – eben Bürgergemeinde und Christengemeinde oder auch "Staat" und "Kirche."

Im modernen Europa sind diese beiden Institutionen, die politische Institution des Staates einerseits und die religiöse Institution der Kirche andererseits, unterscheidbar. Aber sie sind keineswegs überall vollständig voneinander getrennt. Anders als in den USA einerseits und in Frankreich andererseits gibt es ja in Europa unverändert Staatskirchen – in Großbritannien zum Beispiel oder auch in Norwegen. Das bedeutet: In den genannten Ländern ist unverändert das Haupt des Staates, der Monarch also, zugleich Haupt der jeweiligen Landeskirche. Aber unbeschadet dieser Verbundenheit von Staat und Kirche in der Person des Monarchen sind auch in diesen Ländern Staat und Kirche, selbstverständlich, institutionell unterschieden und die Religion ist frei.

Es ist hier nicht der Ort, die höchst differenzierten staatskirchenrechtlichen Verhältnisse in den europäischen Ländern darzustellen. Ich erwähne lediglich noch, daß in Deutschland die Kirchen uneingeschränkt selbständig sind, nichtsdestoweniger nicht schlechthin vom Staate getrennt. Exemplarisch heißt das: Der Staat unterhält an staatlichen Universitäten theologische Fakultäten als staatliche Einrichtungen der Priesterausbildung; der Staat schreibt als Bestandteil des staatlichen Schulunterrichts Religionsunterricht vor, der nun wiederum nach den Grundsätzen der Religionsgemeinschaften zu gestalten ist; der Staat zieht auch für die Kirchen Steuern ein.

Das alles ist aus außereuropäischer Perspektive gesehen kaum verständlich; es ließe sich einzig historisch erklären. Man könnte das Unverständnis für diese komplizierte staatskirchenrechtliche Realität in den mannigfachen europäischen Ländern noch steigern, wenn man, zum

Beispiel, auf die Schweiz verwies, wo es in etlichen Kantonen Landeskirchen gibt, aber in anderen Kantonen, in Genf zum Beispiel oder Neuenburg, auch Rechtssysteme der Trennung von Staat und Kirche.

So oder so: Religionsfreiheit – und davon ging ich ja aus – gilt in Europa wie in den USA unbeschadet höchst differenter rechtlicher Regelung des Verhältnisses von Religionsgemeinschaften einerseits und von staatlich-politischer Gemeinschaft andererseits überall, und sie gilt inzwischen auch sehr effektiv.

Kann Religion, die, wie geschildert, in den europäischen und amerikanischen Traditionen seit der Aufklärung frei ist, für den Staat auch eine legitimatorische Funktion erfüllen? Anders gefragt: Sichert die Freiheit der Religion einen Bestand, nämlich den der Religion, der zugleich auch für den Bestand der politischen Ordnung, nämlich für die Ordnung des liberalen Verfassungsstaates, selber eine Bedeutung hätte?

Ich neige dazu, diese Frage mit einem uneingeschränkten "Ja" zu beantworten, und ich möchte mit einigen wenigen Bemerkungen zum Schluß dieses kleinen Vortrags versuchen, diese Antwort zu begründen.

Was unter den Bedingungen der Freiheit der Religion und damit der gewährleisteten Unabhängigkeit religiöser und politischer Gemeinschaft für die politische Gemeinschaft Religion bedeutet – das lassen uns die Folgen des Versuchs erkennen, die Religion als eine Lebensmacht überhaupt aus dem öffentlichen und schließlich auch aus dem privaten Leben zum Verschwinden zu bringen. Auch solche Versuche der Reliquidation sind für die Geschichte Europas charakteristisch. Nicht zuletzt die lebendige Erinnerung an die Zerstörung des Bürgerfriedens durch religiöse Konflikte hat Religionskritik zu einem einflußreichen Bestandteil der kulturellen und politischen Überlieferung in Europa werden lassen – Religionskritik in ihrer radikalen Form in der Absicht, die Religion als ein Friedenshindernis und als ein Hindernis emanzipatorischer humaner Fortschritte überhaupt zum Verschwinden zu bringen.

So lesen wir denn bei Karl Marx, daß die proletarische Revolution die bürgerliche Revolution, also die Revolutionen in den USA oder in Frankreich, unter anderem dadurch überbieten werde, daß sie, statt Freiheit der Religion, Freiheit von der Religion bringen werde. Und, so fügte Marx hinzu, nachdem die bürgerliche Revolution die Juden befreit habe, werde die proletarische Revolution die Menschheit vom Judentum emanzipieren.

Religion ist in der Perspektive dieser prominenten Religionskritik ein Hindernis auf dem Wege der Menschheit zu uneingeschränkter Wirklich-

keits- und Zukunftsfähigkeit. Das hat sich in die Praxis der Religionsverfolgung umgesetzt, sobald der Marxismus, nämlich zuerst in der Gestalt des Leninismus, an die Macht gelangt war. Auch der totalitäre Nationalsozialismus hat das Christentum als Hindernis auf dem Wege zum legitimatorischen Monopolanspruch der nationalsozialistischen Weltanschauung verstanden und zurückzudrängen versucht.

Man kann das, zusammenfassend, auch folgendermaßen ausdrücken: Im Totalitarismus etabliert sich die herrschende Ideologie als religionsäquivalentes System. Und eben das bedeutet umgekehrt: Religion, nämlich als freie, ist eines der Medien, die der Zuständigkeit der Politik Grenzen setzen. Die Geschichte der Menschenrechte läßt sich als eine Geschichte fortschreitender Ausweitung derjenigen Lebensinteressen lesen, die wir nicht zur Disposition des Staates, auch nicht des demokratischen Staates und damit nicht zur Disposition von Mehrheiten gestellt wissen möchten. Die Religion ist unverändert eines der stärksten dieser Lebensinteressen. Im religiösen Lebensvollzug halten sich Menschen existentiell lebensfähig und wirklichkeitsfähig und, wie an der Geschichte des politischen Widerstands ablesbar, auch widerstandsfähig. Die Religion gehört, in letzter Instanz, zu denjenigen Lebensmächten, für die gilt, daß gerade auch in freiheitlichen politischen Lebenszusammenhängen die politisch-staatliche Gemeinschaft auf sie angewiesen ist, ohne allerdings in der Lage und auch berechtigt zu sein, die Verbindlichkeiten dieses religiösen Lebenszusammenhangs zugleich politisch zu garantieren und durchzusetzen. Die Freiheit der Religion schützt die Religion vor dem Zugriff der Politik, aber sie garantiert damit zugleich die Freiheit einer Lebensmacht, auf deren Kräfte auch die politisch-staatliche Gemeinschaft angewiesen ist.

Das skizzierte Verhältnis von Politik und Religion, das sich in der europäischen und amerikanischen Geschichte seit der Aufklärung im Rechtsinstitut der Religionsfreiheit niedergeschlagen hat, ist, wie eingangs geschildert, in den mannigfachen Menschenrechtsdeklarationen bis auf die UNO-Ebene hinauf in der Zeit nach dem Zweiten Weltkrieg zu weltweiter Anerkennung gelangt. Inzwischen finden sich aber die Europäer und Amerikaner mit der Auskunft konfrontiert, die Menschenrechte einschließlich des Rechts der Religionsfreiheit repräsentierten eben eine spezifisch europäisch-amerikanische Tradition, die sich keineswegs universalisieren ließe, so daß der Versuch, das nichtsdestoweniger durchzusetzen, einen Fall von spätem Imperialismus repräsentiere.

Das ist eine weitreichende These von weltpolitischer Bedeutung, in deren Diskussion ich hier nicht mehr eintreten kann. Ich beschränke mich darauf, noch einmal den Ursprung der Religionsfreiheit in Erinnerung zu bringen. Sie entstammt, so hatte ich gesagt, der Erfahrung der friedenerstörenden Koexistenzunfähigkeit der Angehörigen verschiedenen Glaubens, wenn anders sie zur Anerkennung ihrer Verschiedenheit nicht bereit sind. Inzwischen unterliegen wir nun, weltweit, einem zivilisatorischen Prozeß rasch zunehmender, regional und sozial großräumiger wechselseitiger Abhängigkeiten und damit des Zwangs zur politischen Koexistenz. Wechselseitige Abhängigkeit – eben das bedeutet aber, daß wir uns in der modernen Welt als Verschiedene einander immer näherrücken – verschieden nach Sprache und sonstiger Kultur, nach Hautfarbe und in letzter Instanz nach unseren verschiedenen religiösen Überzeugungen und Bindungen. Es ist nicht erkennbar, wie die Kooperationsfähigkeit, ja die Koexistenzfähigkeit von Menschen in ihren Verschiedenheiten, in denen sie im Kontext der modernen Welt einander ständig näherrücken, auf Dauer ohne rechtlich gewährleistete wechselseitige Anerkennung dieser Verschiedenheiten möglich sein könnte.

ZUM VERHÄLTNIS VON RELIGION UND POLITIK: ETHISCHE RÜCKBINDUNG

*Prof. Dr. Jürgen Paul, Institut für Orientalistik
der Martin-Luther-Universität Wittenberg-Halle*

Gern komme ich der Bitte von Herrn Schreiber nach, zum Thema "Ethische Rückbindung von Politik aus europäischer/deutscher Sicht - zum Verhältnis von Religion und Politik" zu Ihnen zu sprechen. Allerdings gehört das Thema nicht in ein Gebiet, in dem ich Sachkompetenz beanspruchen kann; betrachten Sie also bitte die folgenden Gedanken nicht als eine wissenschaftliche Position, sondern als Auffassung eines nachdenklichen Bürgers seines Landes.

Wenn man das staatliche Museum für die Geschichte Usbekistans in Taschkent betritt, geht man eine Treppe empor auf ein großes Wandbild zu, auf dem Personen und Dinge zu sehen sind, die zu den großen Errungenschaften und Persönlichkeiten der Region gerechnet werden.

Im oberen Drittel, in der Mitte, thront Amir Timur, über ihm abgebildet das Samarkander Observatorium seines Enkels Ulug Bek als Übergang zum Sternenhimmel. In der gleichen Achse, doch unter ihm, also fast

genau in der geometrischen Mitte des Werkes, kann man die berühmte Koran-Handschrift sehen, die als eine der im Auftrag des Kalifen Utman gefertigte galt, während der Kolonialzeit nach St. Petersburg verbracht und später wieder an Usbekistan restituiert wurde. Weiter unten sieht man Gelehrte im Gespräch, und am Rand bekannte und weniger bekannte Kunstwerke aus islamischer und vorislamischer Zeit.

Über Amir Timurs Verhältnis zu Religion, zum Islam also und anderen Religionen, ist an anderer Stelle im Verlauf dieser Tagung schon gesprochen worden. Timur benutzte religiöse, d.h. islamische Legitimationsmöglichkeiten neben anderen. Bei seiner Wahl zum Großemir und wirklichem Herrscher (es wurde ganz zutreffend darauf verwiesen, daß er den Titel Chan nie getragen hat) legte er Wert auf die Anwesenheit der Sayyids von Termez, die damals wohl die regional bedeutendsten Vertreter der Nachkommen des Propheten waren. Auch der rätselhafte Sayyid Baraka soll bei diesem Akt eine Rolle gespielt haben. Oft wird berichtet, Timur habe Handlungen und Aussprüche religiöser Männer, besonders sufischer Meister, als Zeichen dafür gedeutet, die geplanten Eroberungen hätten das Einverständnis der übersinnlichen Mächte gefunden. Diese Interpretation konnte Timur auch dann geben, wenn die Handlungen und Aussprüche der heiligen Männer zunächst aggressiv oder feindlich schienen.

Bei alledem war Timurs Reich doch durchaus von dieser Welt: Die Titel Sahibqiran (Herr der Glückskonjunktion, ein astrologischer Fachterminus) und Kürägän (mongolisch "Schwiegersohn", wegen seiner Heirat mit einer dschingisidischen Prinzessin) waren ihm teuer. Beide Titel deuten auf eine nicht-religiöse oder zumindest eine nicht-islamische Legitimation der Herrschaft. Wir haben auch gehört, daß er seinen Erfolg dem großem Geschick verdankte, mit dem er zu Anfang Männer, die nicht zu seinem Stamm gehörten, als persönliche Gefolgschaft um sich scharen konnte. Zur Legitimation der Herrschaft Timurs gehörte nicht zuletzt die persönliche Tüchtigkeit, der militärische Sieg.

Eine spezielle Beziehung von Religion und Politik, die Timurs Reich grundsätzlich von anderen Staatsbildungen im islamischen Mittelalter unterschiede, kann nicht unterstellt werden. Als padisah-i islam, als Herrscher des Islam, ist Timur von seinen Zeitgenossen und auch später eher nicht empfunden worden. Sogar bei seinem Sohn Sahrub gab es diesbezüglich Bedenken, obwohl dieser sich wesentlich stärker als sein Vater an die islamische Tradition zu halten trachtete und von der mongol-

ischen Tradition ganz abzukommen bemüht gewesen zu sein scheint. Auch das Wandbild im Taschkenter Museum unterstellt nicht unbedingt eine solche enge Bindung von Timurs Herrschaft an den Islam; es stellt ja eine große Menge von Personen und Gegenständen nebeneinander.

Im Islam, so heißt es im Europa oft und vielleicht allzu oft, seien Religion und Politik (bzw. Staat) nicht zu trennen. Das militante Insistieren auf der Formel, der Islam sei religiöse und staatlich-politische Ordnung zugleich (al-islam din wa-dawla) scheint aber eine moderne Erscheinung zu sein. Für die Staaten der islamischen Welt zur Zeit Timurs galt die Formel jedenfalls nicht.

Das deutsche Reich im Mittelalter beruhte, anders als Timurs Reich und die ihm gleichzeitigen Staaten der islamischen Welt, auf einer religiösen Legitimation. Das wird schon in der offiziellen Bezeichnung angedeutet, es hieß das "Heilige Römische Reich Deutscher Nation." In den zahlreichen Endzeitvisionen des Mittelalters, ja der frühen Neuzeit spielt das Heilige Römische Reich die Rolle der Kraft, die dem bei Anbruch der Endzeit auftauchenden Antichrist widersteht; solange das Reich Bestand hat, bleibt auch die Welt bestehen; das Reich ist Garant für einen Rest von Ordnung in einer Welt, deren fortschreitende Verfinsterung man wahrzunehmen meinte. Die Zeit, so glaubte man, laufe auf das Ende zu, das bald erwartet wurde. Das Reich war in die Endzeitauffassung fest einbezogen, es hatte eine eschatologische Bedeutung. Ich möchte diese Reichsauffassung an einem anderen Bildwerk verdeutlichen, das bekannt genug ist, um hier zitiert zu werden; ich meine den "Bamberger Reiter." Das Standbild zeigt nach Auffassung neuerer Untersuchungen doch wohl keinen konkreten König oder Kaiser, es ist kein Porträt, sondern die Idealvorstellung des Endzeitkaisers, der in das Himmlische Jerusalem einreitet. Auch wenn es deutlich vor Timurs Zeit geschaffen wurde, kann es als Sinnbild für die enge Verbindung von Reichsidee und Endzeiterwartung, von weltlichem und ewigem Reich, gelten, die das Mittelalter in Europa, besonders aber in Deutschland, nachhaltig geprägt hat.

Diese Vorstellungen wurden im Lauf der Reformation nachhaltig angegriffen. Für die Reformation kennzeichnend ist in unserem Zusammenhang Martin Luthers Lehre von den "Zwei Reichen", im Groben gesprochen einem weltlich-zeitlichen und einem jenseitig-ewigen. Auch wenn Luther hier auf Gedanken des Neuen Testaments und der Kirchenväter, besonders des Heiligen Augustinus, zurückgriff; ist doch die Formulierung in dieser Weise neu. In religiöser Hinsicht stellte Luther die persönliche

Frömmigkeit (Glaube) und die jedem Christen einzeln, individuell, zuteil werdende Gnade Gottes in den Mittelpunkt. Die entstehende protestantische Kirche stellt sich die Aufgabe, den Weinberg des Herrn, nicht die Weinberge der Herren zu bebauen. Diese Ideen finden ihren bildnerischen Ausdruck z.B. in Wand- und Altarbildern aus der Werkstatt Lukas Cranachs, die zu Wittenberg in Luthers Predigtkirche zu sehen sind.

Die auf die Reformation folgenden Religionskriege erschütterten die Reichsvorstellung weiter. Mit dem Augsburger Spruch (1555) "Wer herrscht, soll die Religion seiner Untertanen bestimmen" (freie Übersetzung von Cuius regio, eius religio) ist ein wichtiger Schritt getan; Landesfürsten treten, bald endgültig, an die Stelle des Reiches. Frieden soll herrschen, auch, und das war das eigentlich Unerhörte an diesem Friedensschluß, die streitenden religiösen Parteien nicht zu einer Einigung kommen konnten. Eine religiöse Einheit des Reiches ist nicht mehr gegeben und auch nicht mehr Grundsatz. Nach dem Dreißigjährigen Krieg, im Frieden von Münster und Osnabrück (1648) wird vollends klar, daß die (weltliche) Politik der Fürsten und Staaten für den Frieden zu sorgen hat, den man sich also nicht mehr von Gottes unmittelbarem Wirken oder vom religiös-eschatologisch legitimierten Reich erhofft. Die moderne europäische Staatenwelt, die gleichzeitig (und teilweise im Zusammenhang mit dem Dreißigjährigen Krieg) herausbildet, stellt sich von vornherein auf in dieser Hinsicht säkularisierten Boden.

Die Säkularisierung der westeuropäischen Politik ist mit diesem neuen Verständnis internationaler Politik eigentlich schon weit fortgeschritten. Auch wenn das fürstliche Gottesgnadentum gerade in dieser Zeit die vorherrschende Legitimationsfigur wird, so sind es nun im Verständnis der politisch Handelnden (eben der Fürsten) doch diese selbst, welche die Geschicke der Staaten führen. Das Reich verliert, nun endgültig, seine heilsgeschichtliche Bedeutung. Damit verliert auch die Geschichte ihr Ziel, das Ende wird "hinausgeschoben"; Geschichte wird, so entdeckte Jean Bodin, zu einem Feld von Möglichkeiten, der Wahrscheinlichkeit und der menschlichen Klugheit. Sie wird verfügbar, und zwar doppelt; dem, der sie macht, und dem, der sie schreibt.

Mit der Demokratisierung ist in Europa an die Stelle des Gottesgnadentums die Legitimierung der Politik durch das souveräne Volk getreten. Gleichzeitig wurden eine Reihe von Grundsätzen - in der amerikanischen Unabhängigkeitserklärung - als sich von allein verstehend formuliert (self-evident). Es handelt sich um die Grundrechte oder Menschenrechte;

Gleichheit, Leben, Freiheit, Streben nach Glück - was man heute vielleicht Entfaltung der Persönlichkeit nennen würde. Der Katalog der Grundrechte ist im Lauf des 19. und des 20. Jahrhunderts ausgeweitet worden, es gehören zum Beispiel außerdem dazu die freie Meinungsäußerung (Pressefreiheit), die Versammlungsfreiheit, die Organisationsfreiheit und andere. In Deutschland wurde der Katalog der Grundrechte nach den Erfahrungen des Nationalsozialismus der Verfügung jeder denkbaren parlamentarischen Mehrheit entzogen. Ich muß heute offen lassen, ob dies auch in anderen westeuropäischen Ländern ausdrücklich so in der Verfassung verankert ist; aber ich zweifle nicht, daß auch außerhalb Deutschlands ein Konsens darüber besteht, daß diese Grundrechte unantastbar sind.

Politik bedarf der Verpflichtung gegenüber ethischen Werten. Diese Werte werden gelegentlich religiös formuliert, aber auch in Ländern wie z.B. Frankreich, wo die Säkularisierung Trennung von Kirche und Staat - schärfer zu beobachten ist als in Deutschland, dürfte über die Notwendigkeit Konsens bestehen, Politik an ethischen Werten zu orientieren. Konsens also über die Notwendigkeit der ethischen Orientierung, Konsens über die Unantastbarkeit der Grundrechte, Konsens wohl auch über zumindest die wichtigsten Grundrechte im Katalog.

Um zum Schluß noch einmal auf das Bild im Taschkenter Museum zurückzukommen: auf ihm ist eine Pluralität von Traditionen auszumachen, islamische und nicht-islamische, und innerhalb der islamischen wiederum eine Pluralität: Ibn Sina (Avicenna) meint man im Gespräch mit einem Vertreter der Wissenschaft vom religiösen Gesetz zu sehen, Sternkundige in Diskussion mit Theologen. Die Freiheit der wissenschaftlichen Forschung und des wissenschaftlichen Diskurses hat hier eine Abbildung gefunden. Der Koran in der Mitte des Bildes ist ein herausgehobenes Element, aber es ist nicht das einzige, vielleicht nicht einmal das dominierende.¹

DISKUSSION

Prof. Dr. R. Mukminowa hob hervor, daß die Entwicklung der Gesellschaft und des Staates nicht isoliert an einem Punkte unseres Erdballs erfolge. Das gesellschaftliche Leben der orientalischen Staaten habe immer einen bestimmten Einfluß auf die westliche Kultur ausgeübt. Termini wie

¹ *Ann. Manches im Folgenden verdanke ich Ausführungen von Reinhart Koselleck in: Vergangene Zukunft. Zur Semantik geschichtlicher Zeiten. Frankfurt/M. 3. Aufl. 1993.*

Scheck, Wechsel und Staatskasse, ohne die man sich das moderne Leben nur schwer vorstellen kann, sind aus den orientalischen Ländern in die westlichen Staaten gekommen. Wenn wir von der Wechselbeziehung der Kultur der Griechen, der Mongolen und Europas sprechen, dürfen wir nicht vergessen, daß Amir Timur bestrebt war, das Beste zu übernehmen, was die verschiedenen Länder besaßen, er wertete die Leistungen früherer Generation bei der Fassung richtiger Entscheidungen aus.

Bemüht, den Handel mit Europa auszuweiten, versprach er den europäischen Königen, die christlichen Kaufleute ebenso wie alle anderen zu empfangen. Die Handelsbeziehungen förderten gleichzeitig den kulturellen Austausch.

Wir haben heute über die Gerichtspraxis im alten Griechenland und Frankreich gesprochen. Die im Institut für Orientalistik der Akademie der Wissenschaften der Republik Usbekistan aufbewahrten Urkunden zeugen davon, daß die Gerichtspraxis von Zivilstrafsachen unter Amir Timur einen hohen Stand erreicht hatte. Auch die Frauen besaßen die notwendigen Rechte. So konnte sich beispielsweise eine Frau an das Gericht wenden, um einen Konflikt mit ihrem Bruder zu entscheiden.

In seinem Bemühen, die Spannungen in den eroberten Ländern zu verringern, setzte Amir Timur die dortigen Herrscher nicht ab, wenn sie seine Vormachtstellung anerkannten. Zu Lebzeiten Amir Timurs zeitigte das positive Ergebnisse, nach seinem Tode erklärten jedoch die an der Macht gebliebenen Herrscher ihre Unabhängigkeit.

O. Bosorow, Lehrstuhlleiter der Samarkander Staatlichen Universität schlug vor, die Gründe dafür zu erörtern, warum das riesige Reich nach seinem Tode so schnell zerfiel.

Die Aufmerksamkeit der Anwesenden wurde auf die Tatsache gelenkt, daß die in westlichen Ländern so populäre Idee der Gewissensfreiheit auch im Orient existierte. Das Erbe Amir Timurs, Baburs und die gesamte orientalische Philosophie lassen eine derartige Behauptung zu.

Prof. Dr. Ch. Babajew erklärte sich mit der letzten Behauptung einverstanden und erinnerte daran, daß man im Orient immer fremde Religionen geachtet hätte. Das verlange der Koran. In Mawerannachr war nicht nur der Islam verbreitet, sondern auch der Zoroastrismus und andere Religionen.

In seinen Ausführungen über den Untergang des Reichs Amir Timurs nannte Dr. A. Sijajew mehrere Gründe. Ersten stellte Amir Timur selbst die wichtigste vereinigende Kraft des Reiches dar, unter seinen Nachfolgern war keine ihm ebenbürtige Persönlichkeit. Schachruch war ein

zutiefst religiöse Mensch und seine Hauptaufmerksamkeit galt der Scharia. Er vernachlässige die Prinzipien Amir Timurs, die in der Berücksichtigung der Interessen aller Gesellschaftsschichten und in der Verbindung der Kulturen der sesshaften Bevölkerung und der Nomaden bestanden. Zweitens wurde der Zerfalls des Reiches durch die Stammesfehden der Timuriden beschleunigt. Drittens war eine allmähliche Degeneration der Dynastie zu beobachten. So war es zu allen Zeiten. Starke Persönlichkeiten begründeten eine Dynastie und wurden von schwächlichen Nachkommen abgelöst. Jede neue Dynastie geht aus einem freien Milieu hervor, jede herrschende Dynastie kapselt sich im Rahmen ihrer Familie ab.

O. Akimuschkina, Mitglied der Russischen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg, bat A. Sijajew zu präzisieren, wieviele Diwane unter Amir Timur bestanden hätten, und die Quellen zu nennen, die er bei seinen Untersuchungen verwendet hätte.

Dr. A. Sijajew betonte, daß die vorhandenen Quellen nicht erlauben, die Zahl der Diwane genau zu beziffern. Die „Gesetzessammlung“ Amir Timurs und das Zafar-nameh (Buch der Siege) Ali Yazdis können als Hauptquellen bei der Charakteristik der Epoche Timurs verwendet werden. Seines Erachtens bestehe kein Anlaß, daran zu zweifeln, daß die „Gesetzessammlung“ tatsächlich von Amir Timur verfaßt worden sei. Im Gegenteil gäbe es Beweise, daß dieses Werk tatsächlich der Feder des großen Herrschers entstamme. Leider seien die historischen Abhandlungen aus der Zeit Amir Timur immer noch nicht systematisch erforscht. Sogar die „Gesetzessammlung“ Amir Timurs wurde nicht als historische Abhandlung erforscht.

Dr. F. Nabijew erinnerte daran, daß es Ziel des Symposiums sei, die Bedeutung der Tätigkeit Amir Timurs für das unabhängige Usbekistan festzulegen und schlug vor, sich der Sozialpolitik Amir Timurs zuzuwenden.

Usbekistan baut eine sozial orientierte Marktwirtschaft auf. In dieser Situation gewinnen die Erfahrungen Amir Timurs in der Sozialpolitik besondere Bedeutung. Die Frage, ob man diese Erfahrungen nutzen solle, müsse konkret beantwortet werden. Falls ja, dann wie, falls nicht, dann warum?

Dr. F. Nabijew schlug vor, der usbekischen Regierung zu empfehlen, das System Amir Timurs zu nutzen, das die Bereitstellung eines Teils der Einnahmen der reichen Bürger für die staatliche Sozialpolitik vorsah.

Weiter wies Dr. F. Nabijew darauf hin, daß Usbekistan qualifizierte Übersetzer und Geschichtswissenschaftler brauche. Die unzureichende Kenntnis der in der Sowjetzeit einseitig analysierten Quellen könne der Entwicklung der Geschichtswissenschaft großen Schaden zufügen. Dr. F. Nabijew schlug vor, beim Internationalen Institut für zentralasiatische Studien und in der Samarkander Universität entsprechende Kurse für die Ausbildung von Geschichtswissenschaftlern für die Quellenforschung mit Kenntnissen des Arabischen und Persischen einzurichten.

Prof. Dr. J. Paul wies darauf hin, daß es unter Timur keine Sozialpolitik im modernen Sinne gegeben habe, daß sie wohl eher zu den allgemeinen Staatszielen gerechnet werden müsse. Einige Aufgaben wurden über Stiftungen (wakf) abgesetzt und das Almosengeben wurde von Amir Timur durch Vorschriften geregelt. Eine Umverteilung des Reichtums und Wohltätigkeitsaktionen der Herrscher wären Einzelfälle gewesen und hätten privaten Charakter gehabt. Die Grundlage der Sozialpolitik bildete das muslimische Recht.

Seinen bereits geäußerten Standpunkt präzisierend, wies Prof. Dr. E. Alikulow darauf hin, daß die Tätigkeit dieses Symposiums, welches das Ziel verfolge, die Wahrheit über unsere Geschichte zu verkünden, nur dank der Unabhängigkeit und der persönlichen Politik des usbekischen Präsidenten I. Karimow möglich geworden sei. Unter Berücksichtigung der Kompliziertheit und Wichtigkeit der vor den Gelehrten stehenden Aufgaben, sei es notwendig, zuerst eine Methodologie für das Studium des Erbes von Amir Timur auszuarbeiten. Man dürfe sich nicht auf das Studium einzelner Etappen und Ereignisse, wie beispielsweise auf die Jugend oder die Feldzüge Amir Timurs beschränken. Kriege hätte es zu allen Zeiten gegeben, während der Kriege sei eine Verletzung der Gesetze der menschlichen Gesellschaft nicht zu umgehen. So hätten einst die alten Germanen Rom zerstört, Napoleon hätte versucht, die ganze Welt zu erobern, in Amerika wären die Ureinwohner dieses Landes, die Indianer, beinahe vollständig ausgerottet worden, die französische Revolution sei im Blut ertrunken. Um eine objektive Einschätzung geben zu können, müßten die Dokumente aus der Epoche Amir Timurs selbst systematisch erforscht werden. Wobei jedoch zu berücksichtigen sei, daß die Rechts-, Kultur- und Sozialpolitik Amir Timurs als Komplex zu betrachten sei, da sie nicht isoliert von den Gesamtzielen des Landes existierte. Zur Sozialpolitik zurückkehrend, erinnerte er daran, daß es Unterkünfte für Obdachlose und

Stipendien für mittellose Studenten gegeben habe. Die Zahl der Beispiele könne man fortsetzen, das Wichtigste sei jedoch eine allseitige Einschätzung der großen historischen Persönlichkeit.

Annette Krämer, Doktorandin der Ruhr-Universität Bochum, wandte sich an Prof. Dr. Ch. Babajew mit der Bitte, zu klären, welche Rolle die Religion in der Politik des heutigen Usbekistans spiele.

Prof. Dr. Ch. Babajew wies darauf hin, daß in Zentralasien seit langer Zeit der Islam die vorherrschende Religion sei, daß aber auch die anderen Konfessionen ihre Daseinsberechtigung hätten. Gemäß der usbekischen Verfassung sei die Religion vom Staat getrennt, sie spiele jedoch eine große Rolle im gesellschaftlichen Leben des Landes. Das unabhängige Usbekistan achte die religiösen Traditionen, was man jedoch vom kommunistischen Regime nicht behaupten könne, das die Religion einfach verboten oder aus dem Leben des Volkes verdrängt hätte. Die Unabhängigkeit habe Gewissensfreiheit gebracht, die in der Verfassung verankert sei. In Usbekistan besäßen alle religiösen Konfessionen die gleichen Rechte. Der Staat, welcher die Religion achte, erwarte, daß die Religion eine positive Rolle bei der Ausbildung der Weltanschauung des Volkes spielen werde. Das usbekische Volk sei religiös und pflege die religiösen Traditionen. Es lebe jedoch in einer weltlichen, freien, demokratischen Republik, seine Gesetze entsprächen den internationalen Normen und Standards.

Prof. Dr. F. Suleimanowa bat Prof. Dr. Pierre Chuvin zu erläutern, welche Elemente des altgriechischen Erbes Amir Timur verwendet hätte. Zwischen Zentralasien und Griechenland hätten schon lange Kontakte bestanden. Die Figur Alexander von Makedoniens hätte sich in dieser Region immer großer Popularität erfreut. Eine genauere Untersuchung der Wechselbeziehungen dieser beiden alten Zivilisationen wäre bestimmt von großem Interesse.

Sich an Prof. Dr. Alain Peloux wendend, hob Prof. Dr. F. Suleimanowa hervor, daß die Darlegungen über den Rechtsstaat in Westeuropa noch interessanter wären, wenn es gelingen würde, Parallelen zum Orient und dem Staat Amir Timurs zu ziehen. Der Orient habe immer Einfluß auf Europa ausgeübt, insbesondere über Spanien. Interessant wäre auch, zu erfahren, welche orientalischen Elemente in die Rechtskultur Europas Aufnahme gefunden hätten.

Prof. Dr. Pierre Chuvin hob hervor, daß über die griechischen Ansiedlungen am Amudarja ein bestimmter Einfluß auf die Moral und Philosophie Zentralasiens erfolgte. Die griechische Kultur hätte gewisse

Auswirkungen auf den Buddhismus und die orientalische Kunst gehabt. Die Griechen waren in Staaten organisiert, die in der Regel von Königen regiert wurden. In Griechenland gingen Thron und Besitz traditionsgemäß von dem Vater an den Sohn über. Alle diese Normen übten starken Einfluß auf Rom aus, das einerseits mit den Persern und Sassaniden kämpfte und andererseits das Verwaltungssystem der Sassaniden übernahm.

Amir Timur war vertraut mit der griechischen Kultur und Poesie.

Prof. Dr. A. Peloux ergänzte die Ausführungen. Er unterstrich, daß man nicht von einer direkten Einwirkung der Ideen aus dem Orient auf das Rechtssystem Europas sprechen dürfe. Er erinnerte daran, daß man Parallelen zu den Beziehungen zwischen Feudalherr und Vasall in Japan finden könne, man in diesem Falle jedoch nicht von einer gegenseitigen Beeinflussung sprechen könne. Derartige Beziehungen habe es im Islam niemals gegeben. Im XII. Jahrhundert habe das römische Recht in Europa Verbreitung gefunden. „Die Entdeckung“ dieser Erscheinung erfolgte ohne Vermittlung des Orients. Die Rechtswissenschaftler der muslimischen und christlichen Welt hätten immer unterschiedliche Ziele verfolgt. Die muslimischen Rechtsgelehrten müßten im Koran eine Erklärung und Begründung für jede Neuerung finden. In Europa wären die Juristen bemüht, Regeln auszuarbeiten, die der Epoche und dem konkreten Zeitpunkt entsprächen. Ihr Hauptanliegen bestände darin, den Bürger vor dem Gericht zu schützen. Wenn man nach einer direkten Beeinflussung des Orients suche, so solle man sich nicht dem Rechtssystem, sondern der Medizin zuwenden, wo eine Vielzahl von Beispielen angeführt werden könne.

Prof. Dr. A. Achmedow ergänzte die Ausführungen von Prof. Dr. Pierre Chuvin und wies darauf hin, daß die Schriften von Aristoteles in die arabische Sprache übersetzt worden wären und Amir Timur bekannt gewesen sein könnten. Kurultai und die Versammlungen in Griechenland, die Räte der Heerführer und die sozial ausgerichtete Politik wiesen viel Gemeinsames auf.

Prof. Dr. B. Urinbojew hob hervor, daß die am ersten Konferenztage verwendeten Wörter „Eroberer“ „Landräuber“ wohl nicht zu Amir Timur passen. Alle Erscheinungen müssen wahrheitsgetreu und unter Berücksichtigung der historischen Situation bewertet werden. Alle positiven und negativen Momenten müssen sorgfältig geprüft werden. So sei beispielsweise bekannt, daß Amir Timur ehrliche Menschen in allen Ländern geachtet hatte und bemüht gewesen wäre, nicht unnütz Blut zu vergießen.

Dr. A. Anarbajew wies darauf hin, daß von den europäischen Gelehrten, die uns mit den Vorstellungen von Amir Timur im Europa des Mittelalters bekannt gemacht haben, eine eigene Bewertung dieser historischen Persönlichkeit verlangt wurde. Es sei darauf hingewiesen, daß das nicht leicht sei. Jede Bewertung sei sehr verantwortungsvoll.

In bezug auf die Diskussion über die Legenden sei betont, daß Legenden viel Wertvolles beitragen können. Es sei nicht ausgeschlossen, daß Legenden dazu beitragen, den Geburtsort Amir Timurs genauer zu bestimmen. Ein derartige Annahme würde gegenwärtig überprüft. Zur Schaffung eines objektiven Bildes müßten alle vorhandenen Quellen genutzt werden.

Dr. R. Suleimonow unterstrich, daß die Beiträge der deutschen Gelehrten (Prof. Dr. Tilman Nagel, Dr. Andrea Schmitz) dazu beigetragen hätten, Kenntnisse über die Persönlichkeit Amir Timurs zu vertiefen, da sie Literatur analysiert hätten, die im Widerspruch zu den offiziellen Quellen stünde.

Jedes Reich hätte seine eigene Philosophie besessen. Amir Timur hätte seine Anschauungen formiert, gestützt auf das Erbe Tschingis-Chans und das muslimische Mawerannachr. Die Fortschrittlichkeit Amir Timurs ergäbe sich daraus, daß er einen demokratischen politischen Standpunkt vertreten hätte. Während der Mongolenherrschaft unterdrückte die regierende Nomadenoberschicht die sesshafte (muslimische) Bevölkerung. Damals existierten zwei entgegengesetzte Standpunkte: die einen schlugen vor, die Städte in ihrem Interesse zu nutzen, die anderen waren für ihre vollständige Verwüstung. Fortschrittliche, demokratische Ansichten, die im Widerspruch zu denen der Mongolen standen, vertraten die Sufi, Sarbadaren und später auch Amir Timur.

SAMARKAND IN DER EPOCHE TIMURS UND DER TIMURIDEN

*Prof. Dr. Annemarie Schimmel, Friedenspreisträgerin
des Deutschen Buchhandels*

Als Babur, ein Nachkomme Timurs - kein direkter, aber ein durch komplizierte Verwandtschaftsbeziehungen seiner Familiezugehöriger -, im Jahre 1499 die Stadt Samarkand belagerte, geschah etwas Bemerkenswertes. Der junge Timuride Babur erzählt in seinen auf Chagatay-

Türkisch verfaßten Erinnerungen, dem Baburnama oder Tuzuk-i Baburi, daß ihm im Traum der neun Jahre zuvor verstorbene Khodscha Ahrar erschienen sei und ihm verkündet habe, daß der heilige Scheich Barakat ihm günstig gesonnen sei. Babur nahm als gutes Omen auf und setzte die Belagerung Samarkands fort. Bereits zwei Jahre zuvor, 1497, hatte er die Stadt nach sieben Monaten der Belagerung eingenommen, was er ausführlich beschrieben hat, und er berichtet dabei, wie zerstört diese herrliche Stadt, wie elend ihre Bewohner gewesen seien. Der junge Babur, damals fünfzehn Jahre alt, fand trotzdem Zeit und Muße, die Schönheiten Samarkands zu schildern. Was er im Baburnama über timuridischen Bauten und die ganze Stadtanlage sagt, ist bis zum heutigen Tage lesenswert und interessant, da er auch viele Gebäude erwähnt, die in früheren oder späteren Quellen nicht vorkommen.

Die Stadt Samarkand war ja, seit die Araber sie im Jahre 712 erobert hatten, ein Zentrum der islamischen Kultur gewesen. Der früheste dort begrabene Muslim ist Schach-i zinda Qutham ibn 'Abbas, der gewissermaßen als Schutzheiliger der Stadt galt und dem auch Timur seine Aufwartung machte, um dann das prachtvolle Mausoleum zu errichten, das wir bis heute bewundern. Samarkand ist eine Stadt, die von mittelalterlichen arabischen Historikern und Geographen immer wieder beschrieben worden ist. Es wird gerühmt wegen seiner Dreiteilung, die typisch für dieses Land war: es gab die Festung, die Ortschaft selbst und die Vororte, und immer wieder wird erwähnt, welch wunderschöne Gärten Samarkand hat - ein Zug, der sich in der gesamten mittelalterlichen Geschichtsschreibung findet und bei Babur besonders stark hervorgehoben wird. Auch spätere europäische Reisende haben die Stadt als geradezu „paradiesisch“ empfunden. Denn während der Herrschaft aller Dynastien, die nach der arabischen Eroberung einander folgten - Samaniden, Karachaniden und Chwarezmschah - hat die Stadt offenbar ihre eindrucksvolle Schönheit bewahrt, bis schließlich 1221 die Horden Dschingiskhans auch hier wüteten. Es geschah dann zur Zeit Timurs, der durch seine Heirat mit einer dschingisidischen Prinzessin als „Schwiegersohn“, gurgan, des großen Eroberers bezeichnet wurde, daß Samarkand wieder in den Mittelpunkt der Geschichte rückte. Es war die Stadt, in der Timur Handwerker, Künstler, Gelehrte ansiedelte, die er von seinen verschiedenen Feldzügen mitgebracht hatte. In seiner Heimatstadt Kesch, heute Schahrisabz, begann er seine Bautätigkeit. Der große Palast war es, dessen Eingangsteil die Besucher außerordentlich beeindruckte, so daß Babur

noch schreibt, „nie sähe man ein solches oder ähnliches Bauwerk“, und es sei noch größer und eindrucksvoller als der Taq-i Kisra von Mada'in (Ktesiphon) im Irak, ein Bauwerk, das für die muslimischen Schriftsteller immer der Inbegriff der vorislamischen Herrlichkeit gewesen war. Und wer einmal diesen Pischtag, diese Eingangshalle, in Schahr-i sabz gesehen hat, wird Babur sicherlich zustimmen. Dann folgt die Zeit, da Handwerker aus Herat oder aus Bagdad, aus Kerbela und nach 1398 auch aus Dehli nach Samarkand gebracht wurden, um die Stadt mit immer neuen Gebäuden zu schmücken, deren Reste wir noch heute bewundern. Gerade die Vermischung der verschiedenen Stilarten, die im 15. Jahrhundert in der islamischen Welt bekannt waren, gibt den Bauten ihren besonderen Reiz.

Es waren aber nicht nur Architekten und Baumeister, es waren auch Kalligraphen, die nach Samarkand kamen - wir wissen, daß Timur ein Liebhaber der Kalligraphie war. Sowohl Hafiz-i Abru als auch Babur berichten von den großartigen Inschriften an der großen Moschee und ihrem Mihrab. Es gibt auch eine Anekdote, derzufolge ein berühmter Kalligraph, Aqta', zu Timur kam und ihm eine Kopie des Korans brachte, die so winzig war, daß man sie unter einen Siegelring stecken konnte. Aber bei aller Bewunderung für die Kunst, Aqta's war Timur, der sahibqiran, doch ärgerlich: denn das Wort Gottes sollte ja nicht winzig klein geschrieben werden, sondern in schöner großer Schrift. Und so machte sich der Kalligraph wieder an seiner Arbeit, und nach Monaten und Monaten mühseligen Schreibens hatte er eine Abschrift des heiligen Buches hergestellt, die so groß war, daß man sie auf einem Schubkarren bringen mußte.

Es ist durchaus möglich, daß der gewaltige steinerne Koranstander im Hofe der Bibi-Khanim Moschee für diesen oder einen ähnlichen Koran errichtet worden ist. Die Liebe zur Kalligraphie hat sich dann, wie wir alle wissen, in der Familie Timurs vererbt, und seine Enkel und Urenkel haben sowohl in Schiras als auch besonders in Herat die Schriftkunst gepflegt.

Es müssen auch Maler von Timur nach Samarkand gebracht worden sein; denn Babur berichtet von einem Pavillon, der ausgemalt war mit Szenen aus dem Feldzug, den Timur im Jahre 1398 nach Indien unternommen hatte. Das heißt es gab Wandmalereien, von denen, so weit ich weiß, keine Spur erhalten ist. Aber auch die timuridische Buchmalerei, die sich besonders unter Timurs Nachfahren entwickelte, zeugt ebenfalls von dem großen Kunstverständnis dieses Mannes. Natürlich kamen auch die Gelehrten und Theologen in Timurs Samarkand nicht zu kurz. Wir haben bereits von Diskussionen Timurs mit Gelehrten gehört. Ein Jahrhundert

später hat Babur darauf hingewiesen, daß die sunnitische Richtung des Islams hier festgegründet war und die Jahrhunderte verteidigt worden ist. Und wenn wir uns daran erinnern, daß Timur den Naqschbandi-Meister Amir Kulal gekannt hat, so wundert es uns nicht, daß er, wie die Legende sagt, auch den schiitischen Sufi Schah Ni`matullah Kirmani gekannt habe. Dieser wollte sich angeblich in Samarkand niederlassen, wurde aber von Timur hinauskomplimentiert mit dem Sprichwort: „Zwei Könige passen nicht in eine Stadt.“ Wie weit diese Legende historisch ist, läßt sich schwer feststellen; in jedem Fall deutet sie auf den Einfluß der Ni`matullahis, der später vor allem im Süden des indischen Subkontinents stärker wurde, sowie den Stolz Timurs, der einen zweiten „König“ (auf geistigem Gebiet) nicht neben sich dulden wollte (wahrscheinlich aber, weil er den schiitischen Einfluß in seinem Reich ungern sah).

Viele Details aus dem kulturellen Leben der Timurzeit sind bekannt; wir wissen aber nicht allzuviel von Timurs Frauen. Gewiß, seine Enkel und Söhne sind historisch wohlbekannt, aber gerade die Gestalt der Bibi Khanum ist wenig erforscht. Ich möchte aber besonders auf die Rolle der Frauen im timuridischen Hause hinweisen. Vielleicht kennt man sie aus der Zeit des Dynastiegründers weniger, aber in der Familie der Timuriden in Indien, die ja von Babur begründet wurde (und sich selbst nicht als „Großmogule“, sondern als „Haus Timurs“ bezeichnet hat) spielten die Frauen eine ganz außerordentliche Rolle. Baburs Tochter, die Prinzessin Gulbadan, ist uns als Schriftstellerin bekannt, die die Geschichte ihrer Familie und vor allem das Leben ihres Bruders Humayun detailliert beschrieben hat. Wir können aus diesem Werk sehen, wie frei und selbständig die timuridischen Frauen in Indien aufgetreten sind, und wir wissen, daß sie mindestens anderthalb Jahrhundert nach Beginn der Großmoguldynastie in Indien, also bis in die zweite Hälfte des 17. Jahrhunderts, als Mäzeninnen, Schriftstellerinnen und Künstlerinnen eine beachtliche Rolle gespielt haben. Das ist sicherlich ein Erbe des türkstämmigen Timur und seiner Frau, und so verehren wir in Bibi Khanum gewissermaßen das Vorbild für die timuridischen Prinzessinnen.

Die Beschreibung Samarkands, die ich anfangs erwähnte, d.h. die Schilderung der Stadt durch den fünfzehnjährigen Babur, paßt sehr gut zusammen mit der berühmten Schilderung des Clavijo, die jeder kennt, der sich mit Timur und seinem Hofe befaßt. Clavijo, der im September 1403 am Fürstentag und der Hochzeit von fünf von Timurs Enkeln teilnehmen

konnte, hat den Prunk einer solchen Festlichkeit beschrieben; die Speisen, den Jahrmarkt, den köstlichen Wein, die Gaukler und alles, was man sich bei einem solchen Fest wünschen konnte. Und wenn man zweihundert Jahre später die Beschreibung ähnlicher Feste am Mogulhofe in Indien liest, erkennt man sogleich die Ähnlichkeit. Es wäre auch interessant, die Verwaltung Timurs, von der wir heute früh gehört haben, mit der Administration des großen Mogulkaisers Akber zu vergleichen, der in Fathpur Sikri und Agra ebenfalls ein hochorganisiertes Verwaltungssystem eingeführt hatte. Solch ein Vergleich wäre sicherlich nützlich.

Clavijo hat in seiner Beschreibung des großen Festes aber nicht nur auf das Zuckerwerk und die Unterhaltungen, die Tänzer und Musikanten, die Weinschenken und andere erfreuliche Dinge hingewiesen, sondern auch etwas erwähnt, was mir sehr charakteristisch vorkommt; er hat nämlich mit Erstaunen gesehen, daß am Rande des Festgebietes eine ganze Reihe von Galgen stand. Was sollte man damit? Es wurde ihm dann klar, oder vielleicht erklärt, daß sich im Zusammentreffen des größten Festes mit all seiner Prunkentfaltung mit gleichzeitigen deutlichen Hinweisen auf den Tod sich die beiden komplementären Aspekte des Herrschers zeigen, der, wie die muslimischen Frommen gesagt haben, beide Aspekte des Lebens in sich vereinigen soll, genau, wie der Schöpfer nur erkannt werden kann durch das Zusammenwirken von dschalal, der Macht und Gewalt, und von dschamal, der Schönheit, Güte und Huld. Herr Nagel hat gestern schon auf den Zusammenhang, dieses Zusammenwirken, hingewiesen. Man findet diese Doppelseitigkeit überall in der islamischen Geschichte und vor allem in der Mystik. In Maulanar Rumis Prosawerk, „Fihi ma fihi“ (in dem Rumi übrigens auch eine Schilderung der Belagerung Samarkands im Jahre 1212 gegeben hat) lesen wir, „daß der Sultan Galgen und Ehrenkleider in seinem Reiche haben müsse“, damit seine Macht ebenso wie seine Huld dem Volke bewußt würden. Und wenige Jahrzehnte, bevor Clavijo das große Fest von Samarkand schildert, schreibt der nordafrikanische Weltreisende ibn Battuta, daß er in Delhi am Hofe des turkstämmigen König Muhammad ibn Tugluq ähnliches gesehen habe: zur einen Seite seines Thrones stand der Scharfrichter, zur anderen der Schatzmeister, so daß die Bösen sogleich bestraft, die Guten sofort belohnt werden könnten.

Denn es ist dieser doppelte Aspekt der Herrschermacht, der den eigentlichen König ausmacht: nur Milde oder nur Gewalt helfen nichts, es

muß eine gesunde Ausgeglichenheit der Temperamente gegeben sein. Dieser Gedanke, ist durchaus charakteristisch für Timur wie für seine Nachfolger.

In diesem Zusammenhang scheint es mir wichtig, auf eine wenig bekannte Bemerkung hinzuweisen, die aus unserem Jahrhundert stammt. Die Inder waren verständlicherweise nicht gerade große Verehrer Timurs, der Delhi im Jahre 1398 zerstört und so viele Menschen hingemordet hatte. Mit dem Aufkommen der Moguldynastie, die ja aus seiner Familie stammte, änderte sich das in gewisser Weise: doch der Name „Timur“ stand immer noch für etwas Drohendes. Nun hat der „geistige Vater Pakistans“, der 1938 verstorbene Muhammad Iqbal, in seinen persischen Gedichten manchmal auf die Macht Timurs angespielt und ihn als ein Muster für die Muslime hingestellt. Warum das? Einer seiner Leser hat sich offenbar darüber gewundert und ihn darüber gefragt. In einem interessanten Brief, der um 1930 geschrieben ist, schreibt Iqbal nun, daß er mit „timuriyyat“ nicht das Zerstörerische meine, sondern die Haltung jener Persönlichkeit, die ganz aus eigener Macht und unter Zusammenballung aller positiven Kräfte gewirkt habe. Timur wird hier zur in sich selbst vollendeten Persönlichkeit, geballte Kraft - so wie es für Iqbal der ideale Mensch ist. Und diese Stellungnahme scheint mir sehr vereinbar mit einer Interpretation, die wir gestern gehört haben.

In diesem Zusammenhang darf ich noch etwas weiter auszuholen, nämlich nochmals zurückkehren zur Rezeption Timurs in Europa und zwar ganz speziell in Deutschland. Wie Sie wahrscheinlich wissen, war Iqbal ein großer Bewunderer Goethes und hat eine persische Antwort auf Goethes „West-Östlichen Divan“ verfaßt. Der „West-Östliche Diwan“ aber ist für die meisten Deutschen, zumindest für das Bildungsbürgertum meiner Generation, ein Buch, in dem wir zum ersten Mal etwas von Timur gehört haben. Denn der „West-Östliche Divan“ wurde geschrieben, als Antwort auf Hammer-Purgstalls deutsche Übersetzung des „“ von Hafizi Schirazi (erschieden 1812/13). Es wäre erstaunlich, wenn Goethe nicht jenes berühmte Ghasal von Hafiz gelesen und genossen hätte, das mit den Worten beginnt:

agar an turk- schirazi be-dast arad dil-i mara
be-chal-i hinduyasch bachscham Samarqand u Bukharara
Wenn jener Türke von Schiraz mein Herz wollt' nehmen in die
Hand,-
Ich gäbe für sein indisch Mal Buchara hin und Samarkand.

Auf dieses Gedicht bzw. diesen Vers ist ja hier mehrfach angespielt worden. Goethe hat den Gedanken aufgenommen und schreibt:

Hätt ich irgendwie Bedenken,
Buchara und Samarkand
Holdes Liebchen, dir zu schenken,
Dieser Städte Prunk und Tand...

Er variiert die Gedanken von Hafiz, und in den folgenden Gedichten wird Timur ein Sinnbild der Macht. So wünscht er seiner Geliebten:

Dir sollten Timurs Reiche dienen,
gehorschen sein gebietend Heer...

Das heißt, er wünscht, daß alle Macht, die Timur besaß, seiner Geliebten dienen möge. Das sind natürlich anmutige poetische Scherze; aber Goethe hat Timur sehr viel tiefer verstanden. Er hat in seinem „Divan“, der in verschiedene Bücher eingeteilt ist, auch ein „Timurama“, ein „Buch des Timur“, das nur zwei Gedichte umfaßt. Das eine Variante, und zwar eine fast wortgetreue, der lateinischen Übersetzung der Chronik des ibn 'Arabschah, in der dieser arabische Historiker Timurs Winterfeldzug beschreibt, in dem er am 15. Februar 1405 gestorben ist. Dieser Winterfeldzug hat Goethe zu seinem großen und bewegenden Gedicht angeregt. Denn für ihn ist das Schicksal Timurs im Winterfeldzug eine Parallele zu einem Ereignis, das er wenige Jahre zuvor erlebt hatte; der unglückliche Winterfeldzug Napoleons, in dem das französische Heer die entscheidende Niederlage erlebte. Und wenn die Legende sagt, daß Hafiz Timur getroffen habe, so ist es eine Tatsache, daß Goethe Napoleon getroffen hatte. Er hatte die Eroberungszüge des Korsen beobachtet, die so entscheidend für die Entwicklung Europas werden sollten. So war für ihn ibn Arabschahs Bericht über Timur eine Parallele zu dem, was er wenige Jahre zuvor gesehen hatte: das tragische Ende eines bis dahin immer siegreichen Helden im eisigen Winter.

Besonders interessant ist der kurze Vierzeiler, den Goethe in das „Buch des Unmuts“ im „Divan“ aufgenommen hat und in dem Timur, der sich gegen die Anschuldigung, zu grausam zu sein, verteidigt, sagen läßt:

Hätt' Allah mich bestimmt zum Wurm,
so hätt' er mich als Wurm geschaffen.

Aber da Gott das nicht gewollt hat, ist es Timurs Geschick, das er vollendet hat, das „Gesetz, nach dem er angetreten.“

Im zweiten Gedicht des „Timumama“ aber spricht er davon, daß aus dem Tode von ungezählten Rosen destillierte Rosenöl schmückte die Geliebte, obschon es aus Leiden und Vernichtung entstanden sei, aber:

Hat nicht Myriaden Seelen
Timurs Herrschaft ausgezehrt?

Denn um etwas einmalig Vollkommenes zu schaffen, müssen ungezählte Wesen untergehen - ein Gedanke, der oft von den frühen persischen Mystikern ausgesprochen worden ist.

Mir scheint, Goethes Auslegung des Timurbildes ist recht aufschlußreich. Denn wie oft ist es unmöglich, eine große Persönlichkeit nur von einem Blickwinkel zu interpretieren, wie Schiller in seinem „Wallenstein“ sagt:

Von der Parteien Haß und Gunst verwirrt,
schwankt sein Charakterbild in der Geschichte.

Man kann einem Genie nie ganz gerecht werden, kann es weder ausschließlich als Lichtgestalt oder als Dämonisch-Finsteres sehen. Es ist gerade die vorsichtige Ausleuchtung der verschiedenen Facetten eines großen Mannes, (und hier kann Timur sicherlich als Beispiel genommen werden) welche die Beschäftigung mit ihm für den Historiker so interessant macht. Es ist gleichzeitig auch die Aufgabe der Geschichtsforscher, seien sie hier in Usbekistan, seien sie bei uns in Europa, zu versuchen, solide und nüchtern, mit Liebe und Ehrfurcht, aber auch mit Ehrlichkeit daran zu gehen, das Bild eines Großen zu zeichnen, so daß sie an ihm sich ausrichten, etwas für die eigene Zukunft gewinnen können. Und das ist ja, was wir mit dieser Konferenz beabsichtigen, und ich wünsche allen den besten Erfolg in ihrem Bestrebungen.

*Prof. Dr. Temir Schirinow, Direktor des Instituts
für Archäologie der Akademie der Wissenschaften
der Republik Usbekistan, Samarkand*

Im meinem Vortrag werde ich versuchen, ein Bild von Samarkand zu Zeiten der Epoche Amir Timurs zu geben. Samarkand ist nicht nur eine

Stadt der Timuridenzeit, es entstand lange vor dem Machtantritt Amir Timurs. Die göttliche Gabe Amir Timurs des Großen jedoch erhoben es zur Herrscherstadt, zum Paradies des Orients.

Samarkand nahm zu allen Zeiten nicht nur in der Geschichte der Völker Mawerannachs, sondern des ganzen Mittleren Ostens, eine Sonderstellung ein.

Aus diesem Grunde interessierte das Bild des alten Samarkand nicht nur die Geschichtswissenschaftler, sondern auch die einfachen Menschen. Im Gedächtnis des Volkes sind aber nicht alle Architekturdenkmäler des alten Samarkands erhalten geblieben. Die Wiederherstellung des Stadtbildes ist eine der kompliziertesten Aufgaben der Geschichtswissenschaft. Trotzdem ist diese Aufgabe lösbar. Den Wissenschaftlern stehen mehrere glaubwürdige Quellen zur Verfügung - architektonische, archäologische, literarische und historische.

Samarkand ist eine der interessantesten und ältesten orientalischen Städte, die entlang der belebten Handelswege der Großen Seidenstraße entstanden sind. Samarkand erwarb dank seiner reizvollen Natur und seiner günstigen Lage am Fuße der Hügel Tschupan-ata am Flußufer des Sijob sehr bald den Ruhm einer blühenden und reichen Stadt.

Von der langen Geschichte Samarkands legt die riesige tote Siedlung Afrasiyab Zeugnis ab, die eine Fläche von über 219 Hektar einnimmt. Afrasiab liegt im Nordosten der heutigen Stadt.

Zahlreiche Legenden über die Geschichte Samarkands und seine Entstehung sind uns aus Berichten von Autoren aus dem Mittelalter bekannt. Die Verfasser, die häufig widersprüchliche Angaben über die Entstehungszeit Samarkands machen, sind sich jedoch einig darüber, daß die Stadt eine sehr lange Geschichte hat, die lange vor dem Überfall der Araber begonnen hat. Gemäß Angaben von Nesefti (XII. Jahrhundert) bestand Samarkand bereits 2500 Jahre, als Kutaibi in Mawerannach auftauchte, folglich ist ihre Entstehung in die Mitte des zweiten Jahrtausends vor u. Z. zu datieren. Der Samarkander Abu Tahir Hodsha, nennt, wenn er von der Entstehung Samarkands spricht zwei Herrscher, die noch vor den Achemeniden regierten- Keykaus, den Sohn Keykubads, und Kurschasp. Erwähnt wird auch der Jemen stammende Tobby und schließlich Iskander (Alexander von Makedonien).

Am populärsten unter den Samarkandern ist die Legende, die das alte Samarkand mit der prähistorischen Siedlung Afrasiab in Verbindung brin-

gen, die den Namen des Herrschers Turan trug, der gegen die iranischen Herrscher gekämpft hat. Die letzten archäologischen Ausgrabungen in Afrasiab beweisen, daß Samarkand sich als Stadt im VIII. Jahrhundert vor u. Z. auszubilden begann. Und ohne uns auf Legenden und Mythen zu stützen, können wir heute mit Gewißheit behaupten, daß Samarkand ein Zeitgenosse Roms ist und ein Alter von 2750 Jahre hat.

Zweifellos ist Samarkand die älteste Stadt in ganz Zentralasien. Samarkand ist ein Zeuge der Epoche der Midier und Achemeniden. Zu Zeiten Alexanders von Makedoniens war Samarkand gemäß Angaben von Curcia Ruf eine stark befestigte Stadt. Alexander eroberte Samarkand im Jahre 329 und machte es zu seinem wichtigsten Stützpunkt in dieser Region. Nach der Eroberung durch die Araber wurde Samarkand weltberühmt. Spätere Generationen haben das Bild dieser Stadt mit Legenden umwoben.

Der Verfasser der „Kandi“ Abdul Hakim Samarkandski beschreibt die Stadt folgendermaßen: „Jenseits des Dshaihun liegt eine Stadt mit reichen Ländereien und fließendem Wasser, die die „behütete Stadt“ genannt wird. Sie besitzt Tore und an jedem dieser Tore fünftausend Engel mit ausgebreiteten Flügeln, die die Bewohner dieser Stadt beschützen... In der Stadt gibt es klares, süßes, sauberes und schmackhaftes Wasser. Jeder, der dieses Wasser kostet, löscht seinen Durst, wer eine vollständige Waschung in diesem Wasser vornimmt, wird von allen Sünden befreit und fühlt sich wie neugeboren.“

Die Handelswege der Großen Seidenstraße, die sich von Japan bis nach Rom erstreckten, vereinigten sich alle in Samarkand und liefen gleich Sonnenstrahlen von hier aus in alle Richtungen.

Die Tore der Stadtmauer, die Samarkand im IX. - XII. Jahrhundert umgab, waren nach der Richtung benannt, in der die Straßen führten. Das Kescher Tor befand sich im Süden, durch dieses Tor führte die Straße in Richtung Schachristan nach Kesch und weiter nach Termes und von dort nach Balch. Im Norden befand sich das Bucharaer Tor, die Straße führte nach Buchara mit einer Abzweigung nach Amul, Merw und weiter nach Chorasán. In der östlichen Mauer befand sich das Chinesische Tor, das auf den Karawanenhandel mit China hinwies. Und im Süden lag das Naubeharer Tor.

Im Mittelalter war Samarkand berühmt für seine Seiden- und Baumwollgewebe, für sein Papier, verschiedene Früchte, von denen die „Goldenen Pfirsiche“ als eins der Weltwunder in die Geschichte eingegangen

sind. Leider wurde diese glückliche Entwicklung Samarkands rücksichtslos durch die Horden Dschingis-Chans unterbrochen. Die Stadt wurde in Schutt und Asche verwandelt und ihre Lebensader - die Wasserleitung „Shui arsiis“ zerstört, drei Viertel der Bevölkerung wurden erschlagen. Die einst blühende Stadt verwandelte sich in Ruinen. Samarkand ist niemals an der alten Stelle wiedererstanden, davon zeugt die bis heute erhaltene tote Stadt mit dem Namen Afrasiab, die unter der Erde begraben ist. Das Schicksal Samarkands teilten mehrere hundert andere Städte und Kischlaks Mawerannachs.

Die Wiedergeburt Samarkands und vieler anderer Städte Mawerannachs ist mit dem Namen Amir Timurs verbunden. Charakteristisch für Amir Timur ist sein unermüdliches Streben, etwas zu schaffen. Seine besondere Aufmerksamkeit galt dem Städtebau. Amir Timur erweckte viele orientalische Städte zu neuem Leben, errichtete neue Städte und verschönerte alte: Samarkand, Schachrizabs, Karschi, Termes, Buchara, Balch, Otrar, Schachruchija, Taschkent, Turkestan, Achsiket, Urgentsch, Bailakan und andere.

1370 wurde Amir Timur auf dem Kurultai in Balch zum Obersten Herrscher Mawerannachs erklärt. Die Quellen berichten, daß Amir Timur bei der Wahl der Hauptstadt seines schnell wachsenden Reiches schwankte, welcher Stadt er den Vorzug geben sollte - Schachrizabs, in der seine Kindheit verlaufen war und die sterblichen Überreste seiner Vorfahren ruhten, oder Samarkand, der Stadt des legendären Afrasiab, des Herrschers des von Mythen umwobenen Turan. Amir Timur liebte Samarkand und machte es zur Hauptstadt seines riesigen Reiches. Warum entschied er sich gerade für Samarkand? Dafür gibt es mehrere Gründe: Samarkand lag im Mittelpunkt Mawerannachs; über Samarkand verliefen die Große Seidenstraße und die Hauptrichtungen der Völkerbewegung; es war Zentrum diplomatischer Kontakte und sowohl für die Steppengebiete des Norden als auch für die zivilisierten Oasen des Südens zugänglich; es war Hauptstadt des legendenumwobenen Sogdianas; ein bedeutendes Handwerks- und Industriezentrum; verfügte über eine günstige militärstrategische Lage und ausgezeichnete Natur- und Klimabedingungen. Das alles ermöglichte die Hauptstadt des Reiches von Amir Timur zu einer der schönsten Städte des Orients, zum „Mittelpunkt der ganzen Welt“ zu machen.

Was Schachrizabs anbetrifft, so war es niemals Hauptstadt irgendeines Reiches und verfügte über keinerlei für Hauptstädten charakteristische Traditionen, es war immer eine Provinzstadt, ein zweitrangige Stadt in Sogdiana.

Viele Bauwerke Samarkands verdanken ihre Entstehung dem Talent Amir Timurs. Beim Bau und der Modernisierung der Hauptstadt wurden streng drei Hauptrichtungen beachtet, die eine einheitliche Gestaltung der Stadt gewährleisten sollten. Die erste und wichtigste bestand in der Gewährleistung der Verteidigungsfähigkeit der Stadt und der Festigung der Macht des Staatsapparates - dem Bau der Zitadelle, des sogenannten Hissars, der von mächtigen Befestigungsanlagen umgeben war.

Die Zitadelle bildete das Hauptelement der Stadtplanung Samarkands. Sie lag im Westen, am höchsten Ort der Stadt und nahm eine Fläche von 34 Hektar ein. Unser Symposium findet genau an jener historischen Stelle statt, an der sich die Zitadelle Amir Timurs befunden hatte, die eins der frühesten Bauwerke Samarkands darstellte (1370-1372).

Clavijo schrieb: „Am Stadtrande erhebt sich ein Schloß, das von außen gesehen auf einer ebenen Fläche errichtet zu sein scheint, es ist jedoch von einem tiefen Graben umgeben, der durch Bäche gespeist wird, und dieser Graben macht das Schloß uneinnehmbar. Sahriddin Muhammad Babur teilt mit, daß die Festungsmauern eine Länge von 10600 Schritten haben. Das waren hohe aus Ziegeln und Stampflehm errichtete Mauern, die durch sich periodisch wiederholende halbrunden Türme verstärkt wurden, Schießscharten hatten und mit einer Zackenlinie abschlossen.

Innerhalb der Zitadelle befanden sich die staatlichen Verwaltungsorgane Kuk-Sarai, Buston-Sarai, die Schatzkammer, die Bibliothek, drei Grabgewölbe, Waffenschmieden, Moscheen, Sindane usw.

Obwohl Timur selbst nicht in der Zitadelle lebte, herrschte dort reges Leben. Hier befanden sich die Regierungsgebäude. Dort erhoben sich herrliche Paläste der hohen Beamten. Gemäß Babur hatte „Timurbek hier einen vierstöckigen riesigen Palast errichten lassen, der unter der Bezeichnung „Kuk-Sarai“ bekannt ist. Es handelte sich um ein Gebäude von imponierender Größe.“

Die Tore der Zitadelle stellten die Verbindung zwischen ihren Vierteln und der übrigen Stadt her. Die beinahe in einer Reihe angelegten majestätischen Gebäude mit den blauen Kuppeln - Ak-Sarai, Gur-i Amir,

Ruchabad, Kutbi Tschochar-duchum, Kuk-Sarai und Buston Sarai verliehen dem Stadtbild seine majestätische Erhabenheit.

Die zweite Generallinie beim Bau der Hauptstadt stellte die Planung und Modernisierung des Schachristan selbst dar: Straßen, Maidanas und Wasserbecken wurden angelegt, Springbrunnen, Handelsreihen, Moscheen, Medresen, Mausoleen, Hanakas und Grabgewölbe wurden gebaut.

Die Stadt war ebenso wie die Zitadelle zu Zeiten Amir Timurs von einer Mauer mit sechs Toren umgeben. Im Norden befanden sich die Tore Scheich-sade und Achanin, im Osten das Tor Firusa, im Westen - Tschorsu und im Süden - Susangaron und Karis-hoch.

Im Stadtzentrum lag Tschorsu, von dem sich in westlicher Richtung hin zur Hauptmoschee und weiter bis zum Tor Achanin der Hauptbasar erstreckte, der gleichzeitig eine große Straße darstellte.

Die Stadt durchzogen Straßen, die von verschiedenen Seiten zu ihrem zentralen Teil führten, wo sich der von einer großen Kuppel überdachte Markt Tschorsu befand.

Die Stadtplanung erfolgte in Linienform: die Straßen und Plätze führten vom Zentrum zu den Machalljas, Gusaren und Stadttoren. Entlang der Straßen lagen Läden und Karawansereien, auf den Plätzen waren Märkte. Clavijo berichtet, daß „es in der Stadt viele Plätze gäbe, auf denen mit Fleisch und Geflügel ..., sowie Brotwaren und Obst, alles sehr reinlich ..., gehandelt würde, daß auf diesen Plätzen tagsüber und nachts reges Leben herrsche und ständig Großhandel getrieben würde.“

Amir Timur schenkte dem Handel große Aufmerksamkeit und ordnete an, die einzelnen Städte durch Straßen zu verbinden. „Man legte breite Straßen an und errichtete zu beiden Seiten der Straßen Marktbuden. Sobald die Verkaufsstände fertig waren, wurden sofort Händler dort unterbracht, die verschiedene Sachen zum Verkauf anboten. In bestimmten Entfernungen voneinander wurden verschiedene Wasserreservoirs angelegt,“ - schrieb der Gesandte Kastiliens Clavijo.

Der Verfasser des Babur-nameh schrieb entzückt: „Samarkand ist eine außergewöhnlich reizvolle Stadt. Hier trifft man eine Besonderheit, die nur wenigen Städten eigen ist: Jede Warenart wird getrennt verkauft. Eine wunderbare Sitte.“

Amir Timur hat in Samarkand mehr als zwanzig herrliche Architekturensemble errichtet: Ak-Sarai, Kuk-Sarai, Buston-Sarai, Gur-i Emir,

Ruhabod, Kutbi Tschohar-duchum, Bibi Chanum, mehrere Mausoleen - Schah-i Sinda, Ischrathona, 12 Gärten und zahlreiche öffentliche Gebäude, die heute nicht mehr erhalten sind.

Sahibqiran hat häufig persönlich die Bauarbeiten geleitet. Gemäß Angaben von Scharafiddin Ali Yazdi galt dem Bau der Hauptmoschee, der Moschee Bibi Chanum, das besondere Augenmerk Amir Timurs. Die Moschee beeindruckte die Zeitgenossen durch ihre Erhabenheit und grandiosen Ausmaße. Ali Yazdi schreibt: „480 Säulen aus behauenen Steinen. Jede von ihnen ist 7 gaz (4,5 m) hoch. Die hohe Decke und ihr herrlicher Fußboden (der Moschee) ist mit polierten Marmorplatten ausgelegt und die Höhe zwischen Fußboden und Decke beträgt 9 gaz.

Die Kuppel könnt wohl einzigartig sein, wenn es da nicht das Himmelszelt gäbe; einzig in seiner Art wäre auch der Bogen des Iwan, wenn er nicht durch die Milchstraße zurückgesetzt würde.“

Der östliche Teil der Stadt wurde vollständig unter unmittelbarer Anleitung Amir Timurs gestaltet. Die herrlichen Portale, Türme, Kuppeln und Minarette der Hauptmoschee Timurs, der Medrese Sarai-Mulik-Chanum, das Stadttor Achanin, die mit Kuppeln überdachten Handelsreihen prägten das majestätische Bild der Welthauptstadt, die jeden, der Samarkand besucht, zutiefst beeindruckte.

Die dritte Generallinie zur Gestaltung des Stadtbildes von Samarkand stellte die Anlage von parkähnlichen Komplexen innerhalb und außerhalb der Stadt dar, die einen untrennbaren Bestandteil der Hauptstadt darstellten. Amir Timur ließ zwölf Gartenparks anlegen. Inmitten dieser Parks erhoben sich herrliche Paläste. Die Parkanlagen umgaben Samarkand als grünen Kranz: Bogi Baland, Bogi Sogon, Bogi Shahonnamo, Bogi Tschinor, Bogi Naw, Bogi Maidon, Bogi Bichischt, Amirsoda Schahruch bogi, Bogi Buldu, Dawlatabod Bogi und Bogi Nakisch Shahon. Mit der Anlage der Gartenparks wurde eine alte orientalische Tradition des Städtebaus zu neuem Leben erweckt, die auch in Europa Verbreitung fand.

Die Beschreibungen von Scharafiddin Ali Yazdi und Clavijo vermitteln uns ein Bild vom Aussehen der Gärten und Paläste. Die Gartenparkkomplexe wurden nach genau überlegten Plänen angelegt. Meist hatten sie eine streng rechteckige Form mit einer zentralen Allee und waren nicht selten in vier Teile, die sog. „Tscharvog“, mit einem strengen System für die Anpflanzung der Schmuck- und Obstbäume, Sträucher und Blumen,

mit Bewässerungsgräben und Wasserreservoirs, mitunter auch mit Springbrunnen und Kaskaden, aufgegliedert. Nicht selten beruhte die Gestaltung der Paläste und Gärten auf der Kreuzform, die auf die alten Architekturtaditionen des sog. „Tschahartak“, später „Tschor-su“, zurückgeht.

Clavijo beschreibt Bogi Dilkuscho folgendermaßen: „Das Eingangsportal dieses Gartens ist sehr breit und hoch und meisterhaft mit Gold, Glasur und Türkisen geschmückt.“ Die Gärten wurden durch Weißpappelalleen aufgegliedert. Dreieckige und sechseckige Flächen wurden mit Obstbäumen oder blühenden Gewächsen bepflanzt. In der Mitte des Gartens wurde ein Palast - ein Kuppelbau - errichte, zu dessen Seiten sich hohe Portale erhoben.

Babur berichtet, daß die „Wände des Palastes Bogi Dilkuscho ein Bild schmückte, auf dem eine der indischen Schlachten Amir Timurs dargestellt war.“

Somit bildeten die Gärten einen untrennbaren Bestandteil der Hauptstadt. Zugang hatten nicht nur der Herrscher und hochgestellte Beamte, sondern auch die Bewohner von Samarkand.

Das Bild von Samarkand wäre unvollständig, wenn man die in der Umgebung der Stadt am Ufer des Obi-Rachmat, in der Gegend von Kanigil gelegenen Lager nicht erwähnen würde, wo an Feiertagen und Volksfesten viele tausend bunte Zelte aufgestellt wurden.

Der große Timur träumte davon, ein auf Gerechtigkeit basierendes Weltreich mit Samarkand als Hauptstadt zu schaffen. Samarkand sollte die erste unter den Städten sein, der keine gleicht. Um dies zu verwirklichen, ließ Timur die Stadt und die umliegenden Ortschaften praktisch neu aufbauen und gab ihnen die Namen bekannter orientalischer Städte - Misr, Dimisch, Bagdad, Sultania und Schiras. Diese Ortschaften bestehen noch heute. Um seinen grandiosen Plan von der Errichtung des „Weltzentrums“ zu verwirklichen, zog Sahibqiran Meister unterschiedlicher Berufe, vom Steinmetzen bis zum Juwelier, aus dem ganzen Orient - Damaskus, Tabris, Bagdad, Chorasana, Aserbaidshan, Urgentsch und Hindistan - heran. So entstand jene Synthese der Kulturen des Städtebaus, der Architektur, der monumentalen dekorativen Gestaltung der Gebäude, die den Namen „Timurilar uslubı“ - „Timuridenstil“ erhalten hat und sich später im ganzen Orient verbreitete.

Bei der Planung der Städte wurde das Geländere relief berücksichtigt. Alle Anlagen wurden auf den am höchsten gelegenen Stellen der Stadt

errichtet - die Zitadelle, das Mausoleum Gur-i Amir, Schah-i Sinda, Tschupan-ota, Ak-Sarai, die Hauptmoschee, die Paläste Kok-Sarai und Bustan-Sarai und andere. Mehrere gerade Straßen mit Läden wurden angelegt - Schahruch, Ohanin-Tschorsu, Zitadelle Tschorsu - die wunderbar mit den Plätzen und Wasserreservoirien harmonierten und das Stadtbild vervollkommneten und die Stadt zur Herrscherstadt erhoben und sie weltberühmt machten.

Zum Abschluß meines Referats möchte ich noch darauf hinweisen, daß Samarkand unter Sabirqiran zu einem der herrlichsten und bedeutendsten Kulturzentren des Orients wurde. Timur liebte seine Stadt, schenkte ihr viel Aufmerksamkeit und sparte nicht an Mitteln. Hier lebten und wirkten bedeutende Gelehrte, Künstler, Musikanten und Architekten. Sie schufen Kunstwerke. Zu jener Zeit brachte gerade Samarkand einzigartige wissenschaftliche, ingenieurtechnische und philosophische Gedanken hervor, die sich hier entfalteten und hier zu höchster Blüte gelangten, um sich dann im Osten und Westen auszubreiten. Samarkand war zu Zeiten Timurs und der Timuriden eine Quelle des Lichts, dessen Strahlen die ganze Welt erleuchteten. Jene Epoche war eine Epoche der wahren Renaissance, die man als Timuridenrenaissance bezeichnen könnte.

TIMURIDISCHE STEIN- UND HOLZARBEITEN

Dr. Joachim Gierlichs, Museum für Islamische Kunst Berlin

Amir Timur (1336-1405), der im Okzident unter dem Namen Tamerlan (Timur Lenk) bekannt wurde, etabliert in Mittelasien und im Vorderen Orient ein Großreich, das in unterschiedlicher Ausdehnung mehr als ein Jahrhundert (1370 - 1506) Bestand hat. Es bestimmt nicht nur die politischen Geschicke dieser Region, sondern spielt auch auf künstlerischem Gebiet eine führende Rolle. Die unter Timur und seinen Nachfolgern entstandenen imperialen Kunstwerke und Architekturzeugnisse gehören seit langem unbestritten zu den Meisterleistungen islamischen Kunstschaffens.

Wenn hier im folgenden die Begriffe 'timuridisch' bzw. 'timuridische Kunst' gebraucht werden, so ist die gesamte Epoche von 1370 bis ca. 1500 gemeint und nicht nur der Zeitraum der Regierung Timurs (1370-1405).

Timuridische Stein- und Holzarbeiten gehören trotz ihrer hohen Qualität zu den weniger bekannten Kunstobjekten dieser Epoche. Während

in den letzten Jahren die Erforschung der timuridischen Kunst und Architektur große Fortschritte gemacht hat, die sich in wissenschaftlichen Aufsätzen und Monographien¹, sowie in der großen "Timuriden-Ausstellung in den USA im Jahre 1989 manifestiert haben², existieren dennoch bis heute keine Arbeiten, die die Stein- und Holzarbeiten zusammengestellt und systematisch untersucht hätten.

Timuridische Steinarbeiten bestehen aus Marmor, Stein oder Jade, wobei zu trennen ist zwischen den Steinmetzarbeiten, die dem Bereich des Baudekors angehören, und der Gruppe von außergewöhnlich kostbaren, nicht sehr zahlreichen Jadedarbeiten, die dem Kunsthandwerk zuzurechnen sind und die in enger Verbindung mit Ulugh Beg (1394-1449) stehen.³ Als ein Beispiel zeige ich den berühmten Schwertgriff, der sich heute im Metropolitan Museum of Art in New York befindet und in die erste Hälfte des 15. Jahrhunderts datiert wird⁴. Für Ulugh Beg gearbeitet wurde ein Krug aus weißer Jade in der Calouste Gulbekian Foundation in Lissabon, der seinen Namen trägt und in die Zeitspanne von ca. 1420-49 zu datieren ist⁵. Beide Objekte weisen die für timuridische Kunstwerke verschiedener Materialien so typischen Drachenköpfe auf, die insbesondere die Henkel zieren und ohne Frage auf chinesische Vorbilder zurückgehen.

Wird Jade normalerweise nur für kleinformatige Objekte verwendet, so stellt Timurs Kenotaph aus Nephrit (Jade), auf den später noch eingegangen wird, eine Ausnahme dar.

Bei den im folgenden vorgestellten Steinarbeiten der timuridischen Epoche handelt es sich nur um eine kleine Auswahl; eine Zusammenstellung, die Anspruch auf auch nur eine relative Vollständigkeit erheben könnte, existiert m.W. nicht.

Beginnen wir mit zwei der unter Timur errichteten Bauwerke in seiner Hauptstadt Samarkand, von denen die meisten ursprünglich reich ornamentierte Stein- und Marmorarbeiten aufgewiesen haben dürften.

¹ Ohne Anspruch auf Vollständigkeit: L. Golombek - M. Subtelny (ed.): *Timurid Art and Culture. Iran and Central Asia in the Fifteenth Century. Studies in Islamic Art and Architecture. Suppl. to Muqarnas*, vol. VI. Leiden - New York - Köln 1992; L. Golombek - D. Wilber, *Timurid Architecture in Iran and Turan*. 2 vols. Princeton 1988 (= Golombek / Wilber 1988); - E. Grube, *Notes on the decorative arts of the Timurid Period*, II. in: *Islamic Art III*, 1989, 175-208; B. O'Kane, *Timurid Architecture in Khurasan*. Costa Mesa, Calif. 1987; - G.A. Pugachenkova, *Chef-d'oeuvre d'architecture de l'Asie Centrale XIVe - XVe siècle*. Paris 1981; - W.M. Thackston, *A Century of Princes. Sources on Timurid History and Art*. Cambridge, Mass. 1989. Zu Timur und seiner Zeit siehe T. Nagel, *Timur der Eroberer und die islamische Welt des späten Mittelalters*. München 1993.

² Th.W. Lentz - G.D. Lowry, *Timur and the Princely Vision. Persian Art and Culture in the Fifteenth Century*. Los Angeles 1989 (= Lentz/Lowry 1989).

³ Einige Jadedarbeiten sind erwähnt bei Lentz/Lowry (1989) 142 ff., cat.no. 50-52 (m. Abb.) u. Abb. 46.

⁴ Gift of Heber, R. Bishop, 1902, 02.18.765; siehe Lentz/Lowry (1989), cat.no. 51, fig. p. 143.

⁵ Lentz/Lowry (1989), 144, fig. 46.

Nach der Rückkehr von seinem siegreichen Indien-Feldzug (1398-99) läßt Timur eine Freitagsmoschee (Masjid-i Jami) für seine Hauptstadt erbauen, die sog. Bibi Khanum Moschee. Während die Gründungsinschrift am Ivan des Betsaals, die den Baubeginn im Jahre 801 H./ 1398-99 erwähnt, aus unglazierter Terra-cotta besteht⁶, war die Bauinschrift am Eingangsportal, die über den Abschluß der Arbeiten im Jahre 806 H./ 1403-04 berichtet und die heute nur mehr in Fragmenten existiert, in Marmor gemeißelt. Das steinerne Portal stand bis zu dem großen Erdbeben des Jahres 1897 aufrecht, wie eine historische Photographie bezeugt⁷. Sehr wahrscheinlich ist dieses Portal von Steinmetzen aus Aserbaidshan geschaffen worden, wofür eine dichte Überlieferung von Steinbauten der Shirvan Shah-Epoche aus dieser Region spricht, deren Dekor stilistisch gut vergleichbar ist. Ich möchte hier nur den Shirvan Shah-Komplex in Baku erwähnen, ohne im einzelnen an dieser Stelle darauf weiter eingehen zu können⁸.

Aus Marmor bestanden die 400 bzw. 480 in den historischen Quellen⁹ genannten Säulen der riwaqs, die von den 95 aus Indien mitgebrachten Elefanten aus den Steinbrüchen herangebracht wurden. In den 20er Jahren unseres Jahrhunderts standen vereinzelt Säulen noch aufrecht in situ, wie eine unpublizierte Photographie von Ernst Cohn-Wiener aus den Jahre 1924 bzw. 1925 belegt. Weitere Säulen und Basen sind bei den archäologischen Untersuchungen, die von S.E. Ratia durchgeführt wurden, zutage gekommen.¹⁰

Absolut unik ist das wohl größte Koran(lese)pult von 2,30 x 2,00 m, das aus Stein gearbeitet ist und heute im Hof der Timur-Moschee steht (Abb. 1)*. Das rahle besteht aus einer von acht massiven Stützen getragenen monolithen Steinplatte, auf der zwei riesige dreieckige Blöcke, die nach innen abgeschrägt sind, aufliegen. Die Außenseiten dieser Blöcke sind mit einem feinen floralen 'Gespinst' überzogen, das sich nur wenig vom Grund abhebt, während die Steinplatte mit einem dreizonigen nur gering vorspringenden Muqarnasgesims dekoriert ist.

Auch Timurs spätere Grablege, das Mausoleum Gur-i Amir, das er im Jahre 807 H./ 1404 für seinen früh verstorbenen Enkel Sultan Muhammad errichtet ließ, weist verschiedene Steinarbeiten auf. Dabei handelt es sich

⁶ Golombek/Wilber (1988) fig. 70.

⁷ Siehe Golombek/Wilber (1988) 255ff. cat.no. 28,fig. 73.

⁸ siehe dazu Golombek/Wilber (1988) chap. 9.

⁹ Existieren unterschiedliche Angaben bei den verschiedenen osttürkischen Autoren.

¹⁰ Siehe dazu S.E. Ratia, *Moschee Bibi Khanum (Moskau 1950)*.

* Die Abbildungen sind als Anhang beigelegt

z.T. wie in der Freitagsmoschee um Inschriften, die in Stein bzw. Marmor gemeißelt wurden. Die Wandverkleidung im Innern des Grabraumes besteht in ihrem unteren Teil aus einer hohen Sockelzone aus hexagonalen Onyx-Fliesen, die abgeschlossen wird von einem nur wenig vorspringenden Muqarnasgesims aus Marmorplatten (zusammen über 2 m hoch). Unmittelbar darüber umläuft ein Inschriftenfries aus grünem Jaspis (eine Art Chalzedon), dessen Lettern vergoldet waren, den gesamten Raum. Es folgen weitere Zonen aus farbig gefasstem Stuck und anderen Materialien, bevor die mit Muqarnaswerk aus gepreßtem und bemaltem Papier (pappe-maché) gefüllten Trompen vom Quadrat zum Kuppelrund überleiten. Eine weitere Inschrift aus Stein befindet sich zu beiden Seiten des Zugangs, der von der unter Ulugh Beg im Jahre 1424 im Osten errichteten Galerie in das Mausoleum führt .

Besondere Aufmerksamkeit verdient Timurs Kenotaph aus grünlichem Nephrit, der sich deutlich von den anderen Scheinsarkophagen, die aus Stein gearbeitet sind, und dem aus Ziegeln aufgemauerten Grab des Sayyid Barakah unterscheidet. In der Krypta, die (ursprünglich) über eine Treppe in der südöstlichen Ecke des Mausoleums zu erreichen ist, befinden sich analog der Anordnung der Kenotaphen oben im Mausoleum die Gräber von Sultan Muhammad, Timur, Miranshah, Shah Rukh und Ulugh Beg. Timurs Kenotaph, dessen Herkunft nicht völlig geklärt zu sein scheint, weist einen großen Riß auf, der sehr wahrscheinlich von dem Transport nach Mashhad unter Nadir Shah herrührt. Nach V.V. Barthold ließ ihn Ulugh Beg im Jahre 828 H./ 1425 als Trophäe von seinem siegreichen Feldzug aus der Mongolei zurückbringen¹¹, während er nach einer anderen Quelle aus einem der beiden großen Nephritblöcke gearbeitet worden sein soll, die Ulugh Beg von Karshi nach Samarkand transportieren ließ¹². Die Inschriften auf seinem Grabstein¹³ und Kenotaph geben Timurs Genealogie an, die ihn sowohl als Nachfahren Chingiz Khans als auch Alis ausweisen soll¹⁴.

Im Hof des Mausoleums Gur-i Amir befindet sich seit einigen Jahren ein großer, rechteckiger, monolithischer Quader, der sich ursprünglich im Kok Sarayi befunden haben soll (Abb. 2). Dies scheint auch eine

¹¹ Zitiert bei Golombek/Wilber (1988) 262.

¹² Lentz/Lowry (1989) zitieren V.V. Barthold, *Ulugh-Beg. Four Studies on the History of Central Asia. Trans. V. and T. Minorsky. Leiden 1958. Vol. II. 100 f.* Siehe auch V.V. Barthold, *O Pogrebebnii Timura* (Übersetzt und kommentiert von J.M. Rogers), in: *Iran 12, 1974, 8*.

¹³ Eine Abbildung ist in dem großformatigen Album *Zochestvo Usbekistana* (Text von G.A. Pygachenkova) wiedergegeben (s.p.).

¹⁴ Die wichtigsten Arbeiten sind zitiert bei Lentz/Lowry (1989) 27 f., Anm. 17, 20.

unveröffentlichte Photographie von Ernst Cohn-Wiener, der Samarkand in den Jahren 1924 und 1925 besucht hat, zu belegen. Handelt es sich dabei tatsächlich um den Kok Sarayi, liefert uns das Photo zugleich einen terminus ad quem, zu dem der Palast noch gestanden haben muß. Dieses interessante Beispiel timuridischer Steinmetzkunst ist meines Wissens bislang kunsthistorisch nicht untersucht worden. Gewöhnlich wird es als 'Thronstein' angesprochen, wofür seine Herkunft aus dem Kok Sarayi spricht. Der ca 3,30 x 1,50 m große Quader weist keine Inschrift auf, die über Datierung und Funktion Auskunft geben könnte. Die Haupt- und Schmalseiten sind mit einem die gesamte Fläche überspinnenden, kleinteiligen floralen Dekor überzogen, der in seiner Flachheit deutlich an den des Koranpultes in Timurs Freitagsmoschee erinnert. Eine in Istanbul im Topkapi Sarayi Museum aufbewahrte Miniatur (TSM, Hazine 2153, fol. 150 v) aus dem 15. Jahrhundert zeigt einen gut vergleichbaren 'Thron', der dem kassettenartigen Dekor nach zu schließen allerdings aus Holz gearbeitet war¹⁵. Zwei chinesische Mädchen haben darauf Platz genommen.

Ich möchte im folgenden zwei Steinarbeiten anschließen, die sich im Museum für Islamische Kunst in Berlin befinden (I. 4534; I. 27/76)¹⁶. Zum einen handelt es sich um eine fünfeckige Sternfliese aus Marmor, die aus der 1417-20 errichteten Ulugh Beg Medrese in Samarkand stammt. Dort bilden am Eingangportal in den Seitennischen fünfeckige Sternfliesen und Doppelpentagone aus Marmor zusammen mit Fayence-mosaik den Sockeldecor. Der Dekor der Fliese, die im Augenblick in der Usbekistan-Ausstellung in Berlin-Dahlem gezeigt wird, besteht aus zwei sich mehrfach überschneidenden Rankensystemen, deren Hauptmotiv stark stilisierte Blüten bilden.

Die Herkunft der zweiten Marmorplatte ist dagegen nicht bekannt. Die zehnzackige Sternfliese ist mit einem vegetabilen Ornament überzogen, dessen Zentrum eine Rosette bildet, die von zwei kreisförmigen, sich alternierend überschneidenden Planzensystemen eingefasst wird. Als Besonderheit weist die Fliese eine konvexe Wölbung auf, die sich an Halbsäulen in Samarkand wiederfindet, die aus Einzelgliedern aufgebaut sind. Auch für den Stil der Blüten und die Art der Verflechtung der floralen Motive lassen sich Parallelen an Steinmetzarbeiten des späten 14. bzw. 15. Jahrhunderts in Samarkand nachweisen. Außer dem Koranpult

¹⁵ E.J. Grube. *Studien zur Malerei der Timuriden*, in: *Kunst des Orients* 5/1, 1968, Abb. 6-9 (Hinweis von J. Zick-Nissen).

¹⁶ *Islamische Kunst. Verborgene Schätze. Ausstellung des Museums für Islamische Kunst, Berlin (Berlin 1986)* 131. Kat. Nr. 229, 230.

im Hof der Freitagsmoschee und dem sog. Thronstein im Hof des Gur-i Amir Mausoleums in Samarkand, die bereits erwähnt wurden, ist der florale Dekor des Grabsteins im sog. Mausoleum des Jahangir (Hazrat-i Imam) in Shahr-i Sabz gut vergleichbar¹⁷. Einer zentralen, in Aufsicht wiedergegebenen Blüte entwachsen mehrere Stängel mit kleinen Blättchen und weiteren Blüten, die in einer flachen kerbschnittartigen Technik viel vom Grund freilassen.

Völlig im Gegensatz zu diesen sehr flach gearbeiteten Ornanenten steht der Dekor des Grabsteins des Ghiyath ad-Din Mansur (gest. 1445) in der Medrese seines Sohnes Sultan Husayn Mirza in Herat, der ca. 1485 datiert wird¹⁸. Abgesehen von der wesentlich detailreicheren Ausarbeitung der einzelnen Blüten, sind es vor allem stilistische Unterschiede, die diese Steinmetzarbeit von den vorgenannten deutlich absetzen. Das in einem sehr qualitätvollen Tiefschnitt ausgeführte vegetabile Ornamentensystem, ist in zwei unterschiedlichen Schichten übereinander angelegt. Dies führt zu einer starken Verschattung des Grundes bzw. des diesen völlig bedeckenden Ornamentes der unteren Ebene.

Die gleiche Ornamentauffassung zeigt ein heute im Isabella Stewart Gardner Museum in Boston aufbewahrter Grabstein¹⁹. Das Hauptfeld ist hier wiederum von einem floralen Dekor überzogen, der aus zwei unterschiedlich tief ausgearbeiteten Zonen besteht, wobei die Relieftiefe insgesamt deutlich geringer zu sein scheint. Dies führt zu einer geringeren Verschattung des Grundes, der dadurch noch zu erkennen ist.

Eine enge Parallele besteht außerdem zu einer Holztüre, die Ende des letzten Jahrhunderts durch den schwedischen Diplomaten und Forscher F.R. Martin in Kokand erworben wurde und publiziert wurde²⁰. F.R. Martin gehört damit zu den ersten Forschern, die sich mit timuridischen Holzarbeiten beschäftigt haben. Der unten verkürzte Türflügel, der sich heute im Metropolitan Museum of Art in New York befindet²¹, wurde zwar im Ferghana-Tal erworben, muß aber ursprünglich nicht von dort stammen. Wahrscheinlich wird er in späterer Zeit aus Samarkand oder Buchara dorthin gelangt sein.

Damit komme ich zu den timuridischen Holzarbeiten, deren systematische Aufnahme und Untersuchung Ziel des 1994 von mir begonnenen Forschungsprojekt "Timuridische Holzausstattungen in Iran und Mit-

¹⁷ *Detailausschnitt bei Lentz/Lowry (1989) 211, fig. 74.*

¹⁸ *Siehe Lentz/Lowry (1989) 210, fig. 71 (Ausschnitt).*

¹⁹ *Lentz/Lowry (1989) 209, fig. 70.*

²⁰ *F.R. Martin, Sammlung F.R. Martin. Türen aus Turkestan (Stockholm 1897).*

²¹ *Rogers Fund, 1923, 23.67.7; siehe Lentz/Lowry (1989) fig. 69.*

telasien" ist, das seit 1995 von der Gerda Henkel Stiftung in Düsseldorf gefördert wird. Bislang wurden auf zwei Surveys in Mittelasien und Iran zahlreiche in situ erhaltene und in die verschiedenen Museen der Länder gelangte Holzarbeiten erfaßt, wobei die Materialaufnahme noch nicht abgeschlossen ist. Weitere Reisen, die der Durchsicht der europäischen, russischen und amerikanischen Sammlungen dienen, sind geplant. Sämtliche erfaßten Daten wurden in eine zu Beginn des Projektes eigens erstellte Datenbank eingegeben, die die Grundlage für den zu erarbeitenden Katalog bilden.

Um eine Vorstellung von der Fülle des Materials zu erhalten, möchte ich zunächst einige Zahlen nennen. Insgesamt habe ich bislang über 170 timuridische Holzausstattungen erfaßt, von denen 70,3 % noch in situ erhalten sind. 13,4 % der Holzarbeiten stammen aus Mittelasien, während 86,6 % sich in Iran befinden bzw. dorthin zu lokalisieren sind. Diese Verteilung hat natürlich auch mit der Verfügbarkeit des Materials Holz zu tun, wie das überdurchschnittlich häufige Vorkommen von Holzarbeiten in den beiden walddreichen Provinzen Mazandaran und Gilan südlich des Kaspischen Meeres verdeutlicht. Gleichzeitig wurde in diesen etwas abseits gelegenen Gebieten eine Vielzahl von Imamzadegan (pl. von Imamzadeh) errichtet und mit hölzernen Türen und Kenotaphen ausgestattet.

Über 60 % (106) aller Arbeiten sind inschriftlich datiert und ca. 45 % (76) weisen eine Künstlersignatur auf. Zudem ist in über 35 Fällen (ca. 21,5 %) ist auch der Auftraggeber bekannt.

Der Dekor der Holzarbeiten besteht aus geometrischen und vegetabilen Ornamenten mit einer großen Variationsbreite im Detail. Auch können die Inschriften, zumal wenn sie kalligraphische Qualität aufweisen, zusätzlich als Dekor eingesetzt werden. Figürliche Darstellungen fehlen mit Ausnahme der Drachendarstellung auf dem für Ulugh Beg geschaffenen Kästchen im Topkapi Sarayi Museum in Istanbul völlig²². Die besonders qualitätvollen Beispiele weisen Einlegearbeiten aus verschiedenfarbigem Holz, Elfenbein oder Silber auf, und erhaltene Farbreste belegen, daß die Holzarbeiten auch farbig gefaßt sein konnten.

Vergleicht man die mittelasiatischen mit den iranischen Holzarbeiten, so fällt auf, daß die meisten der mittelasiatischen Arbeiten aus der früh-timuridischen Periode stammen, d.h. sie wurden während der Regierungszeit Timurs geschaffen. Außerdem handelt es sich in fast allen Fällen um überdurchschnittlich qualitätvolle Arbeiten wie die Türen der

²² C. Arseven. *L'art Turc* (1939) pl. 3; Lentz/Lowry (1989) 207 f. (Abb.), 339 (cat.no.49).

Ahmad Yasavi Grabmoschee (797/1394-95 bzw. 799/ 1396-97) oder die Tür zum Shah-i Zinda Komplex (807/ 1404-05) belegen. Weiterhin ist festzuhalten, daß aus Mittelasien kein hölzerner Kenotaph aus timuridischer Zeit auf uns gekommen ist. Die erhaltenen Scheinsarkophage sind entweder aus Ziegeln gemauert und mit farbigen Fayencen verkleidet wie der Kenotaph des Qutham b. Abbas, auf den ich noch zu sprechen kommen werde, oder sind aus Stein bzw. wie im Falle von Timurs Kenotaph aus kostbarer Jade gearbeitet. Ähnlich verhält es sich auch mit den hölzernen Gebetskanzeln aus timuridischer Zeit, die sämtlich aus Iran stammen. Auch hier ist allerdings zu berücksichtigen, daß in den meisten Fällen die Holzausstattung mittelasiatischer Moscheen nicht erhalten ist, wir folglich nicht wissen, aus welchem Material die minbare gearbeitet waren.

Mit Rücksicht auf das Thema der Konferenz und die zur Verfügung stehende Zeit sehe ich hier davon ab, eine Analyse der Ornamentsysteme zu geben, für die auch die zahlreichen iranischen Holzarbeiten timuridischer Zeit heranzuziehen waren. Stattdessen möchte ich mich auf einige wichtige mittelasiatische Holzarbeiten beschränken.

Zunächst ist kurz in Erinnerung zu rufen, daß Mittelasien eine lange und bis heute zumindest im Westen viel zu wenig bekannte Holzschnitztradition besitzt, die bis in die vorislamische Periode zurückreicht (ich verweise hier nur auf die Holzschnitzereien aus Pendzikent). Zu den frühesten islamischen Holzarbeiten gehören der ungewöhnliche Holzmihrab von Iskodar²³ am Oberlauf des Serafshan (in Tadschikistan) aus dem 10. Jh. und die Holzkonstruktion von Obburdan, die sich heute in den Museen von Duschanbe bzw. Taschkent befinden - um nur zwei Beispiele zu nennen. In der frühtimuridischen Cheshme Aiyub (um 1380) in Buchara befindet sich ein Holzpaneel, das sehr wahrscheinlich dort als Spolie wiederverwendet wurde und dessen Funktion und Datierung m.W. bis heute nicht geklärt ist.

Eine wichtige Rolle für die Entwicklung timuridischer Holzarbeiten in Mittelasien spielt m.E. der außerordentlich qualitätvolle Kenotaph des Saif ad-Din Bakharzi, dessen Mausoleum sich am Stadtrand (heute von der modernen Stadt längst erreicht) von Buchara liegt, den ich aus Zeitgründen hier ausklammern muß. Vielleicht ergibt sich Gelegenheit diese wichtige Holzarbeit nächsten Herbst in Buchara anläßlich der 2500-Jahr-Feier vorzustellen.

²³ Ein weiterer Holzmihrab aus dem 11./12. Jhs. im Islamischen Museum in Kairo (aus der Sitte Nefise-Moschee) ist abgebildet bei H. Glück - E. Diez, *Die Kunst des Islam* (Berlin 1923) Abb. 470 f., 590 (Text).

Kehren wir noch einmal zum Mausoleum Gur-i Amir in Samarkand zurück. Der gesamte Komplex, zu dem auch eine Medrese und ein Khanaqah gehörten, besitzt eine Reihe von Zugängen, die ursprünglich alle mit Holztüren zu verschließen waren. Heute existiert nur noch eine timuridische Holztür in situ, während sich eine zweite vor Ort befindet, aber durch eine rezente Kopie mit identischer Ornamentik ersetzt ist. Weitere Türen bzw. Türflügel befinden sich seit den ersten großen Restaurierungsarbeiten Anfang unseres Jahrhunderts in der Eremitage in St. Petersburg²⁴. Bei der über 2,60 m großen Tür, die heute den ursprünglichen, unter Timur veränderten Zugang im Norden zum eig. Mausoleum verschließt, kann es sich m.E. nicht um die originale Tür timuridischer Zeit handeln. Die mit reichen Schnitzwerk versehene Tür, deren Datierung unklar ist, muß aus späterer Zeit stammen. Dafür spricht auch die relativ gut erhaltene farbige Fassung u.a. in Grün, Blau und Rot. Möglicherweise handelt es sich ja auch um eine moderne 'denkmalpflegerische' Kopie. Das florale Ornament in Kombination mit einem großen Medaillon ist zwar ähnlich, keinesfalls aber identisch mit dem Dekor der großen doppelflügeligen Tür in der Eremitage, die aus dem Mausoleum Gur-i Amir stammt²⁵.

Anders verhält es sich mit der Tür, die von der unter Ulugh Beg (reg. 1409-49) 1424 angebauten Galerie in das Mausoleum führt. Die originale Tür ist heute ausgehängt und stand im Frühjahr 1995 an der gegenüberliegenden Wand, während sich 'in situ' eine detailgetreue moderne Kopie befindet, die im übrigen belegt, daß sich auch heute noch die Holzschnitzkunst in Usbekistan auf einem hohen Niveau befindet. Ohne hier die Ornamentik im einzelnen beschreiben und analysieren zu können, fällt doch auf, wie sehr sich der streng geometrische von kleinen Rauten dominierte Dekor von der zuvor gezeigten Tür unterscheidet. Einige Detailphotos mögen die Qualität der Tür, bei der unterschiedliche Hölzer und Einlegearbeiten, u.a. aus Elfenbein verwendet werden, verdeutlichen.

Vom Ornamententwurf her identisch mit dieser Tür ist die Tür zur Vorhalle Ulugh Begs (1424), die sich als einzige timuridische Tür des Gur-i Amir heute noch in situ befindet, und für die somit eine Datierung um 1424

²⁴ Siehe *Les Mosquées de Samarcande, Fascicule 1: Gour-Emir. Publié par la Commission Impériale Archéologique. St. Pétersbourg 1905*; mehrere Turan sind mit s.T. fehlerhaften Bildunterschriften reproduziert bei L. Brunstein in: *Pope, A.U. - Ph. Ackermann: A Survey of Persian Art from Prehistoric Times to the Present. London-New York 1938. Vol III. 2622 ff., pl. 1468 ff. (= SPA III).*

²⁵ *Abgebildet u.a. in: SPA III, pl. 1468.*

anzunehmen ist. Wie bei der Tür zum Mausoleum sind im Gegensatz zu vielen anderen timuridischen Türen auch hier die beiden Türflügel aus einem einzigen, massiven Holzbrett geschnitzt und nicht aus zahlreichen einzelnen, kleinen Paneelen zusammengesteckt. Wenn wir nicht eine Wiederverwendung, für die keine Anzeichen existieren, annehmen wollen, so ist damit auch die Tür zum Mausoleum um 1424 zu datieren.

Eine abschließende Bewertung und Einordnung der Holzausstattung, vor allem der Türen des Gur-i Amir, läßt sich erst nach einer gründlichen Untersuchung der in die Eremitage in St. Petersburg verbrachten Holzarbeiten vornehmen. Bei dieser Gelegenheit kann anhand der Museumsunterlagen vielleicht auch geklärt werden, zu welchem Zeitpunkt welche Objekte aus dem Mausoleum entfernt und nach St. Petersburg gebracht wurden bzw. ob und wann moderne Kopien angefertigt wurden.

Ich möchte noch ein zweites, nicht weniger berühmtes Monument vorstellen, dem ebenfalls für die timuridischen Holzausstattungen große Bedeutung zukommt. Das Mausoleum des Qutham b. Abbas gehört zur der im Norden Samarkands liegenden Gräberstraße Shah-i Zinda, die vom 11. Jahrhundert an entstanden ist, und deren Blüte ins 14. und 15. Jahrhundert fällt. Schon in vormongolischer Zeit war das Grab des Qutham b. Abbas, ein Vetter des Propheten Muhammad, ein geheiligter Platz. Der Überlieferung nach ist Qutham b. Abbas mit einem Heer rechtgläubiger Muslime nach Sogd gezogen, um die ungläubigen Feueranbeter zum rechten Glauben, dem Islam, zu bekehren. Nach einer vernichtenden Niederlage seiner Gefolgsleute blieb Qusam b. Abbas nur die Flucht, auf der er sich in einer Höhle der Hügel von Afrasiab verbarg. Dort ließ Allah ihm eine Höhle anweisen, in der er noch heute betend und fastend leben soll. Diese Überlieferung bzw. der Wunsch in der Nähe eines Heiligengrabes, das als „Pforte zum Paradies“ angesehen wird, bestattet zu sein, führte dazu, daß vor allem die weiblichen Mitglieder der Timuriden-Dynastie verschiedene Mausoleen für sich errichteten.

Die überaus komplizierte, durch Ausgrabungen z.T. geklärte Baugeschichte des Qutham b Abbas-Komplexes, die vom 11. bis ins 19. Jahrhundert reicht, muß hier aus Zeitgründen ausgeklammert werden²⁶. In unserem Zusammenhang sind die Tür, die von der Gräberstraße in den Komplex (Abb. 3) führt, eine zweite Tür, durch die man in das ziyarat-

²⁶ Siehe dazu die Monographie von N.B. Nemtseva - Y.Z. Shvab: *Ansembl' Shah-i Zinda Istoriko-arkhitekturnyy ocherk (The Shah Zinda complex)*. Tashkent 1979 (Nemtseva/Shvab 1979) 128, fig. 166 sowie Golombek/Wilber (1988) 233, cat.no. 11A.

khane gelangt, sowie das hölzerne Gitter vor dem Kenotaph des Heiligen von Bedeutung.

Heute sind die Türflügel der Zugangstür leider in grellen Farben übermalt, die die sehr qualitätvolle Schnitzarbeit aus einem Gespinst floraler Motive sowie die Elfenbeineinlagen, die nur noch an wenigen kleinen Stellen sichtbar sind, verdecken (Abb. 4). Die Tür ist 807 H./ 1404-05 datiert und gehört somit zu einer der Phasen, in denen der Komplex erweitert, verändert und restauriert wurde. Der 'Knauf' des Mittelbalkens trägt außer dem Datum (807 H.) auch den Namen des Künstlers - Sayyid Yusuf Shirazi²⁷.

Um in das ziyarat-khane zu gelangen, gibt es heute zwei Möglichkeiten. Entweder kann man den Raum vom Erschließungsgang durch die Moschee oder über einen zweiten Gang im Osten erreichen, der jedoch normalerweise verschlossen ist²⁸. Diesen Zugang habe ich im Frühjahr diesen Jahres benutzt, da die Moschee wegen Ausgrabungsarbeiten gesperrt war.

Die relativ kleine einflügelige Tür, die im Norden in das ziyarat-khane führt, weist einen interessanten Dekor auf, der sich von den bekannten Ornamentensystemen unterscheidet²⁹. Insbesondere in ihrem unteren Teil ist die Tür heute stark beschädigt, so daß die Ornamentik (auf dem Dia) nur schlecht zu erkennen ist. Das quer-rechteckige Paneel im oberen Bereich zeigt vor vegetabilem Grund ein geometrisches Ornament aus Hexagonen (Sechsecken), die nach unten in eine Kufi-Schrift auslaufen, die folgenden Sinnspruch enthält: „Gebet, nicht aber Macht und Reichtum“³⁰.

Der eigentliche Grabraum (gur-khane) mit dem Kenotaph des Heiligen, der mit Fayencen reich verkleidet ist, wird vom Versammlungsraum der Pilger (ziyarat-khane) von 1334-35 durch ein ca. 2,50 x 1,35 m großes hölzernes Gitter, das einen bedingten Blickkontakt zum Kenotaph gewährt, abgeschrankt. Das tympanonartige obere Feld sowie das im Gitterwerk zentral angebrachte sechseckige Paneel besitzen Inschriften, die z.T. heute stark zerstört sind (wie im Falle des sechseckigen Paneels). Eine Lesung der Inschriften, die keine historischen Angaben enthalten, wurde von

²⁷ V.M. Filimonov, *Drevnee reznoe dvere iz kompleksa Quthum ibn Abbasa v ansamble Shakh-i Zinda (Old carved wood from the complex of Qusam b. 'Abbas, SZ), in: Iskusstvo Zodchikh Uzbekistana, Akademia Nauk (Academy of Sciences) UzbekSSR, Institut Iskusstvoznaniia Tashkent, 1, 1962, 167-78; V.A. Shishkin, Nadpisi v Ansamble Shakh-i Zinda (Inscriptions in the Ensemble Shah-i Zindeh), in: Zodchestvo Uzbekistana 2, 1970, 67.*

²⁸ Siehe den Plan bei Nemtzeva /Shvab (1979) 30, fig. 28.

²⁹ *Meines Wissens ist die Tür bislang nur in einem kleinen Ausschnitt bei B.N. Zasiptkin, Architekture Srednej Asii, Moskva 1948, 81, Abb. 55 veröffentlicht.*

³⁰ V.A. Shishkin, *Nadpisi v Ansamble Shakh-i Zinda (Inscriptions in the Ensemble Shah-i Zindeh), in: Zodchestvo Uzbekistana 2, 1970, 49.*

Shishkin veröffentlicht³¹. Der Grabraum ist durch eine kleine Türe, die heute gewöhnlich verschlossen ist, zu betreten. Die Abschränkung, für die m.W. keine Vergleichsbeispiele aus timuridischer Zeit weder in Mittelasien noch in Iran existieren, wird in die 80er Jahre des 14. Jahrhunderts datiert³².

Abschließend möchte ich noch einmal einige Passagen aus dem Reisebericht Ibn Battutas (1304-78) zitieren, der im Jahre 1333 Samarkand besucht hat. Er erwähnt bei seiner Beschreibung der Stadt auch das Grab des Qutham b. Abbas und seine Ausstattung, eine Tatsache, der in unserem Zusammenhang besondere Bedeutung zukommt. Er schreibt: "An jedem Montag und Freitag kommen des Nachts die Bewohner von Samarkand hierher, um das Grab des Qusam b. Abbas zu besuchen." Nach einigen Bemerkungen zu den Riten und einer Beschreibung des Gebäudes fährt er fort: "Der Kenotaph ist aus Ebenholz und mit Edelsteinen verziert, seine Ecken sind mit Silber beschlagen. Über dem Grab hängen drei silberne Leuchter³³. Diese für einen mittelalterlichen Reisenden doch recht detaillierte Beschreibung des Grabes spiegelt zum einen die Bedeutung der heiligen Stätte wieder, wirft aber auch mehrere Fragen auf, die ich hier nur kurz streifen kann. Zunächst fällt auf, daß er von einem Holzkenotaph spricht, der heute nicht mehr existiert. Der Zeitpunkt des Besuches von Ibn Battuta im Jahre 1333 gibt uns also einen terminus ad quem für die Existenz eines Holzkenotaphes. Ob es sich dabei um den ersten, ursprünglichen Kenotaph für den Heiligen handelt, wissen wir aber nicht. Immerhin war es möglich, ja vielleicht sogar üblich, den Kenotaph selbst eines so bedeutenden Heiligen auszutauschen, sei es, weil er nicht mehr in einem guten Zustand war, worauf der Bericht Ibn Battutas allerdings nicht schließen läßt, sei es, weil man 'mit der Mode gehen' wollte, um es mit modernen Worten zu formulieren - und ein mit dem aktuellen Fayencedekor geschmückter Kenotaph dem altherwürdigen aus Holz vorgezogen wurde.

³¹ V.A. Shishkin, *Nadpisi v Ansamblе Shaki-Zinda (Inscriptions in the Ensemble Shah-i Zindeh)*, in: *Zadchestvo Uzbekistana* 2, 1970, 49.

³² Siehe Nemtzeva/ Shvob (1979) 105, fig. 130 (Bildunterschrift)

³³ Siehe *Voyages d'Ibn Batoutah. Texte arabe, accompagné d'une traduction par C. de Frémery et Le Dr B.R. Sabguinetti, Tome III. Paris 1949, 33. Die erst kürzlich erschienenen Bände III-IV der englischen Ausgabe von H. Gibb (Ed.). *The Travels of Ibn Battuta. The Hakluyt Society, Sec. Series: No. CXVII. Glasgow 1958 ff.* sind mir z.Zt. noch nicht zugänglich; Deutsche Übersetzung bei Kl. Pander, *Sowjetischer Orient (Köln 1982) 266* nach J.J. Ummjakow, *Samarkand (Tashkent 1958)*.*

Abbildungslegenden:

Abb. 1.: Koranpult im Hof der Masjid-i Jami, sog. Bibi Khanum-Moschee in Samarkand

Abb. 2.: 'Thronstein' (aus dem Kok-Sarayi) im Hof des Mausoleums Guir-i Amir in Samarkand

Abb. 3.: Tür von der Gräberstraße Shah-i Zinda in den Grabkomplex Qutham b. Abbas in Samarkand

Abb. 4.: Detail der Tür (Abb. 3.)

BAISUNGUR-MIRSA - MÄZENAT, POLITIKER UND KRIEGER

Prof. Dr. Oleg Akimuschkina, Mitglied der Russischen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg

Für die Persönlichkeit des Enkels Timurs und dritten Sohnes Schah Ruchs (gest. am 13. März 1447) und Gauharschad-Aga (ermordet am 31. Juli 1457) Giyas ad-Din Baisungur-Mirsa (15. Juli 1397 - 19. Dezember 1433) zeigten die Orientalisten wenig Interesse und übergingen ihn in ihren wissenschaftlichen Studien. Dieser energische und talentierte Vertreter der zweiten Generation der Timuriden hat im ersten Drittel des XV. Jahrhunderts in der Kulturgeschichte Irans eine so wichtige Rolle gespielt, daß die Literatur- und Kunstwissenschaftler ihn nicht übersehen konnten und sich nur dieser Seite seiner vielseitigen Tätigkeit gewidmet haben. Bekanntlich wird so gut wie in allen fundamentalen Werken, die dem Schaffen Firdousis (940 bis 20er Jahre des XI. Jh.s) und dem „Schah-nameh“, Nisami Gandshawis (gest. 1209) und seinem „Hamse“, dem literarischen Erbe und Schaffen Chusraw Dichlawis (1253-1324) und den Poeten des „Herater Kreises“ - seinen Zeitgenossen gewidmet sind, unbedingt der Name Baisungur-Mirsas genannt (ganz zu schweigen davon, daß er bei seinem Palast eine berühmte Kitobchana eingerichtet hat, in der er ein ganzes Stembild hervorragender Meister der Buchhandschriften versammelt hat).

Es ist bekannt, daß Timur (gest. am 18. Februar 1405) das von ihm geschaffene Reich als persönlichen Familienbesitz (und teilweise Clanbesitz) betrachtet hat. Deshalb verband er die Zukunft des gegründeten Staates mehr mit seinen Enkeln als mit seinen Söhnen. So ist

zu erklären, warum er Fragen ihrer Erziehung und Bildung so viel Aufmerksamkeit schenkte. Timur war sich dessen bewußt, daß seinen Enkeln bevorsteht, Staatsgebilde zu regieren, welche a) auf dem türkischen militärisch-feudalen Nomadensystem mit der ihm eigenen Tendenz zu anarchischen Ungebundenheit, die nur ein siegreicher und erfolgreicher Heerführer im Zaume halten konnte, und b) auf der selbsthaften (in erster Linie persischsprachigen) Stadt- und Landbevölkerung, die eng in die administrativ-staatliche bürokratischen Traditionen eingebunden war, basierten. Deshalb betrachtete Timur die Erziehung und Ausbildung seiner Enkel als Angelegenheit von großer staatlicher Bedeutung, und sie wurden von Kindesbeinen an auf ihre Rolle als selbständiger Einzelherrscher vorbereitet. Alle Enkel wurden im Rahmen einer einheitlichen Tradition erzogen, für niemanden wurde eine Ausnahme gemacht. Das geschah erstens deshalb, weil noch kein konkretes und festgefügt System der Thronfolge existierte und zweitens, weil jedem Enkel bereits sein persönlicher Landbesitz zugeteilt worden war, innerhalb dessen Grenzen er alle Machtbefugnisse besaß.

Sofort nach seiner Geburt erhielt Baisungur-Mirsa dank der von seinem Großvater Timur erlassenen Bestimmung, eine hervorragende Ausbildung, die türkische militärische Fertigkeiten und Nomadentraditionen mit den Gewohnheiten und dem Etikett der Herrscher des mittelalterlichen Irans vereinte: er führte die Feder und war waffentüchtig, konnte die Feinheiten der Poesie und den Wert eines Rosses bestimmen, nahm an literarischen Ausscheiden teil und veranstaltete Hetzjagden, er schrieb Gedichte in persischer und türkischer Sprache und unternahm Kriegszüge, er war ein Musikkenner und leitete den „Obersten Diwan“, er war ein ausgezeichnete Kalligraph in den Schriftarten Machakkak und Suls und galt als Liebhaber der Miniaturmalerei. Es ist sehr schade, daß uns nicht vergönnt ist, einen Blick auf jenen intensiven Briefwechsel zu werfen, den gemäß Quellenangaben zu all diesen Fragen Ulugbek, Ibrahim-Sultan und Baisungur-Mirsa führten. Baisungur-Mirsa war der bedeutendste Vertreter der sich formierenden neuen Schicht der muslimischen Kultur, die eine Synthese persischer und türkischer ethnischer Strukturen darstellte. Ein Ergebnis dieser Synthese bildet in gewissen Sinne das Phänomen Herat Ende des XV. und Anfang des XVI. Jahrhunderts.

Es bestehen keine Zweifel daran, daß Schah Ruch große Hoffnungen mit der Persönlichkeit Baisungur-Mirsas als sein Nachfolger auf dem Throne des Sultanats Chorasana verband und daß dieser die Erwartungen

erfüllte. Bereits in jungen Jahren (mit 13 Jahren wurde er von seinem Vater zu dessen Stellvertreter in Herat ernannt - ka-ım-imakam-i an chasrat) befand sich Baisungur-Mirsa ständig im Mittelpunkt der Ereignisse: entweder weilte er bei seinem Vater in Herat oder er vertrat ihn als Herrscher, oder aber er begleitete ihn während der Kriegszüge oder erfüllte verschiedene andere ihm auferlegte Missionen. Die Quellen, die in diesem Zusammenhang über die von ihm getroffenen Entscheidungen und Handlungen berichten, lassen den Schluß zu, daß er ein politisch entschiedener, mutiger und zielstrebigter Mensch war, der zweifellos über die Fähigkeiten eines Führers und Herrschers verfügte und fähig war, die Motive der menschlichen Taten zu analysieren und engagierte Personen um sich zu scharen. Es war Baisungur-Mirsa, der die organisatorischen Grundlagen jener Staatsverwaltung schuf, die sich endgültig unter Hussein Baikar (1469-1506) ausbildeten, d.h. eines Verwaltungssystems mit zwei Ebenen, dem „Obersten Diwan“ (diwan-i a la) mit dem Emir oder Bek an der Spitze, der sich mit Angelegenheiten der türkischen Stämme (einschließlich Besteuerung) und demgemäß auch den militärischen Einheiten befaßte, und dem Finanzamt (Diwan) mit einem Wesir (oder zwei Wesiren) an der Spitze, dem die Kontrolle der eingehenden Steuern der tributpflichtigen seßhaften Bevölkerung und die Überwachung der Fiskaltätigkeit der regionalen Diwane oblag. Der Diwan war administrativ dem diwan-i a la unterstellt, weshalb Baisungur-Mirsa, der Emir des diwan-i a la niemals Wesir war. Ebenso wie er nicht ziviler Herrscher Herats war. In Erscheinung trat Baisungur-Mirsa auch als Feldherr. Unter seiner Leitung wurde im Jahre 823 (1429) und 832 (1429) Tabris während des Kriegszugs Schah Ruchs gegen Kara-Jussuf und Iskandar Karakoyunlu erobert.

Etwa 823 (1420) richtete Baisungur-Mirsa eine Hofwerkstätte ein, die er später bedeutend vergrößerte. Für die Maßstäben der damaligen Zeit stellte diese Kitabchana eine grandiose Einrichtung dar, sie war mit den für Timur, dem Großvater ihres Gründers, charakteristischen Elan geschaffen worden. In ihren Wänden wirkten berühmte Meister, die für ihren Patron kunstvolle Handschriften anfertigten. 17 Manuskripte sind noch heute erhalten und befinden sich in Archiven in aller Welt. Bekannt ist, daß Ende der zwanziger Jahre des XV. Jahrhunderts hier 5 Kalligraphen, 2 Miniaturmaler, 13 Gestaltungskünstler der Handschriften (Designer und Ornamentalisten), 3 Buchbinder und 2 Meister, die sich mit dem Entwerfen der Ornamente (tarrah) befaßten, tätig waren. Insgesamt waren also 25

Meister dort tätig. Neben den Meistern der Buchkunst waren auch Architekten, Bauleute und Weber in den Werkstätten tätig. Deshalb erinnerte die Kitabchana in bezug auf ihren Aufgabenbereich mehr an eine Vereinigung der Kunstgewerbe- und Bauwerkstätten (karchana) beim Hofe.

In den Quellen, die Baisungur-Mirsa bedeutend mehr Aufmerksamkeit schenken als den anderen Söhnen Schah Ruchs, wird er niemals als offizieller, de jure anerkannter Nachfolger des Sultanats Chorasans bezeichnet. Er war es de facto, nach seinem Vater nahm er den höchsten Posten im Staat, in der Verwaltung und im Heer ein und war sein zweites „ich“. Zweifellos verdient Baisungur-Mirsa nicht weniger (vielleicht sogar mehr) die Beachtung der Historiker als Ulugbek, der nur seinem Interesse für Astronomie und Mathematik seine weltweite Berühmtheit verdankt. Man kann nur bedauern, daß V.V. Barthold, der Ulugbek und Alischer Nawoi zwei glänzende Studien gewidmet hat, Baisungur-Mirsa keine Beachtung geschenkt hat.

BETRACHTUNGEN ZU AMIR TIMUR ALIAS TAMERLAN - WAHRHEIT UND KÜNSTLERISCHE GESTALTUNG

*Prof. Dr. Tochtassin G. Gafurbekow, Direktor
des Hamsa-Instituts der Schönen Künste Taschkent*

I. Musik der Epoche

Die Epoche Amir Timurs und der Timuriden stellt die bedeutendste Periode in der Geschichte der Entwicklung der Musikkunst des usbekischen Volkes und anderer Völker des Nahen und Mittleren Ostens dar.

In dieser Periode entwickelten sich Volksmusik, Militär- und Zeremonialmusik, die klassische Makomekunst und die musikalische Folklore. Musikalische Attribute wurden zum Symbol des Heldentums und Mutes. In seiner „Gesetzessammlung“ schrieb Amir Timur: „Ich habe angeordnet, immer dann, wenn einer meiner Emire ein neues Land erobert oder das Heer des Gegners besiegt hat, ihn mit drei Gegenständen auszuzeichnen: einer Ehrenurkunde, einem Banner und einer Nogora (einer doppelten Heerpauke mit unterschiedlichem Klang) und ihn zum Recken zu schlagen.“¹

¹ *Timur tasuklari. Taschkent, 1991. 80 b*

Weiter betonte Amir Timur: „Ich habe angeordnet, jedem der zwölf Emire ein Banner und eine Nogora, dem Befehlshaber - ein Banner und eine Nogora, einen kleinen Tut und einen Tschortut (Speziallanzen, die auf den militärischen Rang hinwiesen), jedem Befehlshaber über tausend Krieger - einen Tut und eine Nogora (nafir), über hundert oder zehn Krieger - eine große Nogora (tabal) und den Emiren der Aimaken einen Burgu (Surnai) und jedem der vier Beglarbegi - je ein Banner, eine Nogora, einen Tschortut und einen Burgu zu übergeben.“²

Damit wurden die im Volke beliebten Musikinstrumente gesetzlich zu Symbolen der gesellschaftlichen Stellung der Herrscher und Feldherren.

Die reiche geistige Atmosphäre der Epoche Amir Timurs verlangte eine intensive Entwicklung der Grundbereiche der Musikkunst: der Instrumentalmusik und der Gesangskunst, des Schaffens der Bastokore (der Verfasser der einstimmigen Werke), sowie der Musikwissenschaft. Das im Laufe von Jahrhunderten geschaffene und bewährte Ausbildungssystem für professionelle Musikanten, das ebenso wie in den anderen Kunstbereichen die Benennung „ustoz-schogird“ („Meister-Schüler“) erhalten hatte. Eine derartige Situation war nicht nur für die Hauptstadt Samarkand unter Amir Timur selbst, sondern auch für Buchara, Chiwa, Herat, Balch, Kabul unter seinen Nachfolgern Schahruch, Ulugbek, Hussein, Baikar und Babur charakteristisch.

Im Mittelalter lebten die Bewohner traditionsgemäß getrennt nach Berufen in verschiedenen Wohnvierteln. Das traf auch auf die Musikschaffenden zu. Es gab damals eine „Straße der Sänger“, einen Wohnbezirk der Musikanten“, eine „Straße der Bastakore“ usw. Bedeutende Meister gründeten eigene Schulen.

Alischer Nawoi, der eine hervorragende musikalische Ausbildung erhalten hatte und selbst komponierte, pries in seinem Poem „Sab'a-i sajur“ seinen Musiklehrer (ustoz) als den besten aller Lehrer:

Den Weg der Musik schlug ich ein,
Das Spiel auf der Sas ist der Beruf mein,
Errang ich der Musik höchsten Preis
Dank der Wissenschaft vom rhythmischen Kreis.
In meinem Bemühen Musik zu lehren,
Kam ich als Lehrer zu hohen Ehren.³

² Ebd. S. 82-83

³ Alischer Nawoi, *Sjem planet (Sieben Planeten)*. Moskau 1954. S.325

Ein bedeutender Musikkennner der Timuridenzeit war Abdurachman Dshami, der Verfasser des Traktats „Risala-i musiki“ („Traktat über die Musik“)⁴ und anderer bedeutender Werke.

Das Traktat von Dshami besitzt große theoretische Bedeutung. Es besteht aus zwei Teilen: „Ilm-i ta'lif“ (Kompositionslehre) und „Ilm-i ika“ (Rhythmuslehre). Dshami schenkte außerdem der Analyse anderer traditioneller Fragen der Herkunft der Musik, der Etymologie des Terminus „Musik“ und der Bestimmung dieser Kunst große Aufmerksamkeit.

In mehreren Fällen weist Dshami auf die musikalischen Erfahrungen der Vergangenheit hin und erwähnt den Namen Abu Nasra Farabi. Dshami beschreibt mehr als 20 Rhythmen, und unterstrich, daß keine „Einschränkungen und Verbote“ bei ihrem Schaffen bestehen und daß „jeder, der das Bedürfnis empfindet“ eigene Rhythmen schaffen kann. Das „Traktat über die Musik“ unterscheidet sich dadurch grundlegend von anderen Abhandlungen, daß die Individualität der Interpreten und Bastakore hoch gewürdigt werden.

Die Dynamik der musikalischen Praxis und der intensive schöpferische Prozeß förderten die Ausbildung hervorragender Musiker.

Besondere Berühmtheit unter ihnen erlangte Hodsha Abdalkadir Maragi (1340-1435). Als Amir Timur von dem außergewöhnlichen Talent dieses Musikanten erfuhr, holte er ihn 1393 aus Bagdad nach Samarkand, wo Maragi als Interpret und Bastakor Bedeutendes leistete.

Margali-bastakor schuf über 200 Werke, darunter aus mehreren Teilen bestehende umfangreiche Kompositionen und eigene Versionen rhythmischer Formeln, sog. Usulei: „Sabr al-fath“, „Tschachor sabr“ und „Majatayn“, sowie Abschnitte zu den Makomen „Tasnif-i Hodsha Abdalkadir“, „Amal-i Tarana“, „Amal-i Bustan“, „Amal-i Gulistan“, „Amal-i Haristan“. Leider sind nur die Benennungen überliefert.

Weit bekannt sind auch die musikalischen Werke Abdalkadir Maragis zur Musiktheorie, solche wie „Gina wa alhan“ („Gesang und Melodie“), „Makasid al-alhan“ („Ziele, Herkunft der Melodien“), „Shawome' al-alhan“ (Melodiensammlung), „Kans al-alhan“ („Schatzkammer der Melodien“) und „Scharh al-adwar“, die großen Wert für die Erforschung des Musikschaffens des XIII. bis Anfang des XV. Jahrhunderts und die Festlegung der musikalischen Terminologie der zentralasiatischen Völker haben. Zum Unterschied von seinen Vorgängern (Safiaddin Urmawi, asch-Schirassi)

⁴ *Abdurachman Dshami. Traktat o musyke / Übersetzung aus dem Persischen von Boldyrew A.N., kommentiert von Bejajewa W.M. / Taschkent, 1960.*

analysierte Maragi Fragen des Rhythmus, der Melodik und der Instrumentenkunde sowohl in qualitativer als auch in quantitativer Hinsicht.

Im Leben und Schaffen und in der gesamten Tätigkeit Alischer Nawois, dessen Pseudonym dem musikalischen Terminus „nawo“ („Weise, Melodie“) ähnelt, nahm die Musik eine Sonderstellung ein. In seinem Werk „Masholis un-nafois“ („Köstliche Versammlungen“) gedenkt er voller Dankbarkeit seinem Musiklehrer, dem bekannten Bastakor Hodsha Jussuf Burchan: „Er war der Anführer aller Sufis. Er war ein hervorragender Kenner der Musikkunst und ich bin sein Schüler in diesem Fach. Meist vertonte er seine Gedichte.“⁵ Weiterhin berichtet Alischer Nawoi über die unmittelbare Mitwirkung Hodsha Jussuf Burchans an der Makomekunst.

Nawoi war sein ganzes Leben lang von Musikern umgeben. Zu ihnen gehörten auch sein Onkel Muhammad Ali Garibi,⁶ die Bastakore Abdulla Marwarid, Hafis Scharbati, Pachlawon Muhammad, die Sänger Mawlan Aini, Hofis Kosok, die Instrumentalisten Hodsha Kamoliddin Udi, Ali Karmal, Hodsha Abdulla Sadr, die Verfasser der Traktate über Musik und Rhythmik Dshami, Binai, Mawlan Salim und Mawlan Rijasi. In der „Köstlichen Sammlung“ charakterisiert Alischer Nawoi jeden von ihnen und viele andere Musiker der Epoche Amir Timurs und der Timuriden und gibt eine kompetente Beschreibung einzelner musikalischer Werke. Bei der Gestaltung der Figuren von Amir Timur selbst, Schahruchs und der folgenden 20 Timuriden unterstreicht Alischer Nawoi unbedingt ihre Vorliebe für diese oder jene Kunst oder Wissenschaft. So charakterisiert er beispielsweise Baisungur Mirsa (den dritten Sohn Schahruchs) mit den Worten: „Er ist mit einem gefühlstiefen Talent und glänzenden Fähigkeiten ausgestattet, er ist gütig zu den Armen und großzügig. Er liebt Wissenschaft und Kunst und fördert die Künstler. Er besitzt eine Neigung für Poesie und widmet sich mitunter dieser Kunst.“⁷

Das „Babur-nameh“ enthält Beweise dafür, daß Nawoi selbst musikalische Werke geschaffen hat. Von ihm stammen sowohl „nakschi“ (Vokal- und Instrumentalwerke) als auch „peschrawi“ (Instrumentalwerke). Eine derartig umfangreicher Schaffensbereich ist äußerst selten beim Umgang mit so komplizierten musikalischen Werken.

Der Derwisch Ali Tschangi berichtete, daß von den in der damaligen Zeit verbreiteten 24 Rhythmen (usulei) einige von Ulugbek, 12 von Hus-

⁵ Alischer Nawoi. *Catsch. (Werke in zehn Bänden), Bd. IX, Taschkent, 1970, S. 47.*

⁶ *Ebd., S. 59*

⁷ *Ebd., S. 150*

sein Baikar und 7 von Alischer Nawoi stammten. Das macht verständlich, warum auf Buchminiaturen Ende des XV. und Anfang des XVI. Jahrhunderts, die Episoden aus „Hamsa“ illustrieren und auch Verse aus den „Gedichtsammlungen“ von Alischer Nawoi enthalten, die überwiegende Mehrheit der Musikinstrumente dargestellt sind: Nr. 8 - Sato, Gidshak (zweiseitige Stachelgeige), Tschang (Winkelharfe); Nr. 11 - Ud (Kurzhaltslaute), Nai (Rohrflöte), Doira (Handtrommel); Nr. 13 - Tambur (Schalenleier), Nai, Doira⁸.

In den Gedichten von Alischer Nawoi begegnen wir einer Vielzahl musikalischer Termini („tus“, „kurgus“, „tut“, „et“, „kil“), Benennungen verschiedenen Musikgattungen aus der Epoche Amir Timurs und der Timuriden („peschraw“, „sawt“, „nagma“, „naksch“, „kuschik“, „surud“, „tschangu“) und musikalischen Wortbildungen („nawo“, „nawosoz“, „nawobahsch“, „nawogar“, „dostonnawos“).

Charakteristisch für die Zeit Amir Timurs und der Timuriden ist eine außerordentliche Vielfalt und Multifunktionalität der Musikinstrumente. So fand beispielsweise das Streich- und Zupfinstrument Ud, nach der Holzart benannt, aus der es angefertigt wird, (eine Verwandte der in Europa verbreiteten Laute) erfolgreich in der Musiktheorie (Traktate über die Musik) zur Festlegung der Intervalle, Tetrapentachorde und Tonreihen, als auch als Solo- und Ensembleinstrument Anwendung.

In jener Zeit war das ganze System des Makomats und der Makomedarbietung auf den Tanbur ausgerichtet - die Solodarbietung der instrumentalen Teile der Makome und die Begleitung ihrer Gesangsabschnitte mit der Doira.

Es bilden sich Instrumental- und Gesang- und Instrumentalensemble mit festgelegten Anwendungsbereichen: Militär-, Hof- und Zeremonialensemble, Ensemble für die Massen und den Alltag usw.

Amir Timur nutzte gekonnt und mit viel Phantasie die emotionale Kraft der Musik. Seine Zeitgenossen wiesen darauf hin, daß Amir Timur auf den zahlreichen Festen konzentriert den Darbietungen der Sänger und Musikanten lauschte und in der Lage war, ein neu geschaffenes Werk entsprechend zu würdigen. Seinem Beispiel folgten nicht nur seine Nachfahren, sondern auch alle ihm Nahestehenden.

In die Kriegsgeschichte sind Fälle eingegangen, die berichten, daß Amir Timur kleinere Ortschaften „eroberte“, indem er ihre Bewohner durch

⁸ *Miniaturjy k proiswedenijom Alischer Nawoi (Miniaturen zu den Werken von Alischer Nawoi). Herausgegeben von Hamid Salamonow. Taschkent, 1981.*

plötzliche, ohrenbetäubende Kamaien- und Nogoramusik in der schlafenden Stadt in Panik versetze. Von der Einstellung Amir Timurs zur Musik zeugen Miniaturen seiner Kriegszüge, auf denen niemals eine Vielzahl von Musikinstrumente fehlt.

Über dem Haupteingang der Paläste Amir Timurs und der Timuriden wurden eine spezielle Nogorachana eingerichtet, in denen die Hofensembles spielten. Die Leiter (mechtar) dieser Gesang- und Instrumentalensemble wurden von den Herrschern selbst ernannt, in der Regel handelte es sich dabei um Nogora- oder Sumaispieler. Diese Ensemble traten auf den verschiedensten Volksfesten und bei Feierlichkeiten auf. Auf den Miniaturen zu den Handschriften des „Zafar-nameh“, von Ali Yazdi, zu den Werken von Dshami, Nawoi, Babur sind häufig größere und kleine Instrumentalensemble dargestellt.

Die verschiedenen Quellen, die zuverlässige Angaben über die Musikkultur des XIV. und XV. Jahrhunderts enthalten, zeigen, daß sie sich durch das Vorherrschen einer lebendigen Dynamik auszeichnet. Dadurch wurde die größte Leistung der Epoche vorbereitet - die endgültige Ausbildung des einheitlichen Makomezyklus „Schaschmakom“ („sechs Makome“). Zweifellos ist die Transformation eines, über Jahrhunderte bestehenden schöpferischen Zyklus in einen anderen ein komplizierter Prozeß. Der sich im XII. bis XIII. Jahrhundert ausgebildete „Duwosdachmakom“ erreichte gerade in der Epoche Amir Timurs und der Timuriden seine höchste Verbreitung. Das beweisen die Traktate Abdalkadir Maragis, Abdurachman Dshamis und Sainalabidin Husseins. Im XIV. Jahrhundert setzt der intensive Entwicklungsprozeß des Zyklus „Schaschmakom“ ein, der nicht nur den Zyklus „Duwosdachmakom“ ablöste, sondern ihn auch durch Aufnahme in einzelne Makome aktiv nutzte.

Das Vorhandensein des „Duwosdachmakom“ war charakteristisch für die Anfangsetappen der meisten Kulturen im Nahen und Mittleren Osten. In der Epoche Amir Timurs und der Timuriden trennten sich von ihr lokale Genrezyklen ab, die spezielle nationale Züge besaßen. Im Vergleich zu dem ursprünglichen Zyklus waren sie freier in konstruktiv-kompositorischer und quantitativer Hinsicht: dazu gehören die 12 arabischen Makome, 12 uigurischen Makome, 7 iranischen Dasthache, 7 aserbaidschanische Mugame, 6 usbekische und tadshikische Makome.

Jeder dieser Zyklen brachte wiederum nationale Varianten der Ausgangsmodelle hervor, wie dies beispielsweise auf usbekischer Grundlage mit der Ausbildung der Choresmer Makome, der Ferganaer-Taschkenter

Makomezyklen und zahlreichen mehrteiligen Instrumentalwerken zu beobachten war.

Die Epoche Amir Timurs und der Timuriden, die durch eine dynamische Entwicklung des Musikschaffens und der Darbietungskunst gekennzeichnet ist, hat ihren Nachkommen zahlreiche einzigartige Musiktraktate hinterlassen. Dazu gehören beispielsweise das in Farsi verfaßte und Nawoi gewidmete Werk Sainalabidin Hussainis „Konun-i ilmi wa amali musiki“ („Wissenschaftliche und praktische Musikgesetze“). Sein besonderer Wert besteht darin, daß der Verfasser zum ersten Male eine wissenschaftliche Beschreibung des Volksinstruments „Dutar“ gibt, das sich besonders bei den usbekischen Frauen großer Beliebtheit erfreute.

Nadshaddin Kawkabi (1480-1535), der bedeutendste Wissenschaftler und Musikant jener Epoche, hinterließ zwei bedeutende Werke - „Risala-i musiki“ (Traktat über die Musik“) und „Risala-i dar baiani Duwodachmakom“ („Traktat, das über zwölf Makome berichtet“). Kawkabi war der Entdecker der Klassifikation der Melodienarten, sowie der Niederschrift komplizierter Fragen der Musikwissenschaft in Gedichtform.

Zu den anerkannten Quellen der Timurzeit gehört das Werk „Tuchfat us-surur“ („Geschenke, die Freude bereiten“) des Derwischs Ali Tschangi, eines bekannten Autor aus der Zeit zu Ende des XVI. - Anfang des XVII. Jahrhunderts, das auch unter dem Namen „Risala-i musiki“ („Traktat über die Musik“) bekannt ist⁹. Dieses Traktat umfaßt chronologisch den Zeitraum von über zwölf Jahrhunderten und enthält wertvolle Angaben über Leben und Schaffen zahlreicher Bastakore, Sänger, Musikanten und Instrumentalisten, sowie ihre Gönner, darunter auch Amir Timur und die Timuriden. Aufschlußreich ist beispielsweise die Erzählung über die Beziehungen zwischen Amir Timur und Abdalkadir Maragi, dessen Hinrichtung durch den Herrscher dank dessen „Vermögen den Koran singend vorzutragen“ aufgehoben wurde und Einzelheiten der „Streitigkeiten“ zwischen den beiden Enkeln Amir Timurs - Baisungur Mirsa und Ibrahim Mirsa - wegen des damals bekannten Musikanten und Bastakors Hodsha Jussuf Andishani.

Die Blüte der Geistigkeit in allen Gesellschaftsschichten zu Zeiten Amir Timurs und der Timuriden förderte die Makomekunst und das Schaffen der Bastadore, trug zur Entstehung bedeutender Traktate über

⁹ *Darwischali Tschangi Traktat o Musike (Traktat über die Musik). Aus dem Pers. übersetzt von D. Raschidowa, Handschrift, 290 Seiten. Taschkent, 1989. Bibliothek des Wiss. Forschungsinstituts für Kunstwissenschaften „Chamsa“. Inventarnummer. 879;*

die Musikwissenschaft und zur Vervollkommnung des Ausbildungssystems der Interpreten bei.

II. Die europäische Betrachtung Amir Timurs: Wahrheit und künstlerische Gestaltung

Im Altertum, viele Jahrhunderte vor der Timuridenzeit, erklangen im Herzen der europäischen Zivilisation - im antiken Rom - erstmalig die Worte: „Ex oriente lux“.

Heute ist es so gut wie unmöglich festzustellen, wer diese Worte äußerte, ihr tiefer Sinn und ihre Wahrhaftigkeit jedoch sollten prophetisch sein, da so gut wie die ganze spätere Entwicklung der europäischen Kunst und Kultur mit dem Orient verbunden war.

Gegenwärtig, kurz vor der Jahrhundertwende, die zugleich eine Jahrtausendwende darstellt, wird aufs neue die Wahrhaftigkeit des altrömischen Ausspruchs in vollem Umfang an Hand konkreter Beispiele künstlerischer Erscheinungen bestätigt. Bereits zu Beginn des zwanzigsten Jahrhunderts hat Igor Strawinsky, einer der Begründer der modernen Musik, in einer Diskussion über den Ausweg aus der Krise des europäischen Komponistenschaffens laut und vernehmlich die gleiche römische Weisheit verkündet: „Das Licht kommt aus dem Orient“. Anschließend entdeckte der elegante Claude Debussy das belebende Phänomen des Impressionismus in der indonesischen Gamelans. Olivier Messiaen nahm indische Rhythmen als ständige Komponente in sein Schaffen auf. Pierre Boulez, der Erfinder des Kompositionsstils der Aleatorik, erblickte in der orientalischen Musik unbegrenzte Möglichkeiten der stilistischen Erneuerung. Die Hinwendung zu der traditionellen orientalischen Musik, Poesie und Religion bedingte entscheidende Veränderungen im Schaffen von Ottorino Respighi und Luigi Nono (Italien), Gustav Mahler (Österreich), Karol Szymanowski (Polen), Benjamin Britten und Grenvil Bantok (England).

Die ersten Versuche europäischer Komponisten die Gestalt von Amir Timur (in Europa Tamerlan genannt), den Herrscher eines fernen Landes und Befehlshaber über ein mächtiges Heer, der nicht nur Zentralasien, sondern auch Europa von der türkischen Gefahr befreite, sind mit dem Beginn des oben beschriebenen Prozesses verbunden. Am Rande sei darauf hingewiesen, daß bis heute diese höchst interessante europäische Erscheinung praktisch unerforscht geblieben ist.

Zuerst wurde die Figur unseres großen Vorfahren von italienischen und deutschen Komponisten wahrheitsgetreu gestaltet. Als erster hat Scarlatti Alessandro (1660-1725), ein Vertreter der neapolitanischen Opernschule und hervorragende Meister der opéra seria (und opéra buffa) dieses Thema aufgegriffen. Unter seinen mehr als 125 Opern finden wir ein Werk im Genre opéra seria, das in Rom 1706 uraufgeführt wurde und von ihrem Autor „IL gramm Tamerlano“ - „Der große Tamerlano“ benannt wurde. Es sei besonders darauf hingewiesen, daß Scarlatti sich der Gestalt Amir Timurs auf dem Gipfel seines Ruhms zuwandte, nachdem er bereits mehrere Dutzend Opernpartituren geschrieben hatte. Die Tatsache, daß die Premiere der Oper „Der große Tamerlano“ in der Hauptstadt Rom stattfand ist vielsagend, da die neapolitanische Opernschule, an deren Spitze A. Scarlatti stand, in gewissem Sinne den Antipol zur römischen Schule bildete.

Die nächste Oper, diesmal aber im Genre opéra buffa, in der die Gestalt Amir Timurs auftaucht, hat ein anderer Vertreter der neapolitanischen Schule, Leonardo Leo (1694-1744), komponiert. Er nannte seine Oper „Bajezid, der Imperator der Türkei“. Die Premiere fand 1722 in Neapel statt. Leonardo gestaltet seine Figuren (Bajezid, Timur) in der Manier der opéra buffa. Gemäß den uns zugänglichen Nachschlagewerken stellt diese Oper den Höhepunkt des Schaffens L. Leo dar. Zu den bekanntesten italienischen Komponisten, die Amir Timur zur Hauptfigur ihrer Werke gemacht haben, gehört auch Nicola Porpora (1686-1768), dessen Oper „Tamerlano“ erstmalig 1730 in Turin gegeben wurde. Diese Oper fügt sich harmonisch in die exotische Opernserie Nicola Porporas „Wassili - Herrscher des Ostens“ /1713, Neapel/, „Kamillas Triumph“ / 1740, Neapel/ u.a.) ein.

Auch der große Antonio Vivaldi hat eine Oper „Tamerlan“ geschaffen /1735, Verona/, die jedoch für sein Schaffen unbedeutend ist.

Ende des XVIII., Anfang des XIX. Jahrhunderts schufen zwei weitere Italiener - Antonio Sakkini /1730-1786/ und Antonio Sainenza der Jüngere /1794-1855/ - Opern mit dem gleichen Namen „Tamerlan“. Typisch ist, daß beide Opern nicht in Italien, sondern im Ausland uraufgeführt werden. Sakkini verwirklicht die Uraufführung seiner Oper 1773 in London, und Sapienza der Jüngere 1828 in Petersburg.

In der deutschen Musikkultur ist und bleibt das einzige uns bekannte Beispiel für die Gestaltung der Figur des großen Amir Timur die Opernpartitur „Tamerlano“ von Georg Friedrich Händel /1685-1759/. Die Oper

wurde zu einem Libretto des deutschstämmigen Italieners Nicola Francesco Heim /1679-1729/ geschrieben und stellt eine harmonische Verbindung der typischen Elemente der opéra seria und der sogenannten „großen Musikdramen“ dar.

Händel schuf seine Oper „Tamerlano“ in dem gleichen Zeitraum, als sein berühmtes Opernwerk „Julius Cäsar“ entstand, das am 20. Februar 1724 in London seine Premiere erlebte. Soweit wir informiert sind, schloß Händel die Oper „Tamerlano“ am 31. Oktober des gleichen Jahres ab, ihre szenische Verwirklichung zog sich jedoch in die Länge.

Wenn man der Musik Georg Händels und auch den überzeugendsten Arien Timurs, Bajezids und anderer Helden lauscht, stellt man sich unwillkürlich die Frage: inwieweit es dem großen deutschen Komponisten gelungen ist, in den Geist der orientalischen, genauer der türkischen Musik, einzudringen? Hat er überhaupt ein derartiges Ziel verfolgt? Es wäre falsch und ein Zeichen der Mißachtung des Komponisten, zu behaupten, daß er nicht danach gestrebt hätte, da die Forscher hervorheben, daß er vor seiner Oper über Timur bemüht war, in seiner Oper „Radamisto“ /1720/ das musikalische Kolorit der Armenier, und in „Julius Cäsar“ /1724/ die ägyptische Folklore wiederzugeben.

Eine vorläufige Untersuchung der Oper und ihrer Partitur (veröffentlicht 1876) und des Klavierauszugs (bearbeitet von Hermann Rot und herausgegeben im Verlag Breitkopf und Hartel) zeigte, daß beispielsweise mehrere Szenen, von denen es in der Oper 29 gibt (9 im ersten, 10 im zweiten und 10 im dritten Akt) die für die klassische Wiener Schule charakteristischen „Janitscharen“-Musikelemente enthalten, die für den europäischen Hörer nicht nur türkische Militärmusik, sondern überhaupt orientalische Musik verkörpern.

In dieser Form ist die zweite Arie Tamerlans in der Tonart sol-minor (mit Cembalo) in der 11. Szene des ersten Aktes gestaltet. Aufrufe in den Partien des Haupthelden und des Orchesters, verlängerte Sekunden zur Entfremdung, tiefere sich wiederholende Tonläufe von der III. Stufe zur höheren VII. werden später zu charakteristischen Merkmalen der „türkischen“ und „persischen“ Opera (besonders der Märsche) zahlreicher europäischer Komponisten bis hin zu Johann Strauß (Sohn). Insgesamt überwiegen jedoch in der Deutung Tamerlans durch Händel lyrisch-heroische Züge, die den für die opéra seria und opéra buffa typischen pompösen Helden schaffen.

Natürlich ist sehr viel verlangt, wenn man von der Oper eines deutschen Komponisten über irgendeinen „tatarischen Chan“ (wie im Libretto

angegeben ist) 324 Jahre nach den tatsächlichen Ereignissen (1400) historische Wahrheitstreue erwartet. In diesem Zusammenhang wird die Tatsache verständlich, daß im Original Amir Timur eine Stimme (Alt) zugewiesen war, die dem Alter des 64jährigen Herrschers gar nicht entsprach. Das ist durch den Romantismus, die Übertreibung des Liebestrebens des Haupthelden der Oper zu erklären.

Das alles verstand Hermann Rott ganz ausgezeichnet, als er 1925 den Klavierauszug der Oper für den Druck bearbeitete. Er änderte durch Streichungen im Libretto den Namen der Oper (anstelle von „Tamerlano“ in „Tamerlan“) und die Stimmen der Hauptfigur von dem unnatürlich hohen Alt in den edlen Baß-Bariton.

Heute, da wir Zeugen des Triumphes der historischen Gerechtigkeit in bezug auf die Persönlichkeit von Amir Timur nicht nur in Usbekistan, sondern in der ganzen Welt sind, da die Oper des großen Komponisten eine Wiedergeburt erlebt, lohnt es sich, nicht nur aufmerksamer ihrer Musik zu lauschen sondern auch mit viel Fachkenntnis die Werke der Komponisten vieler Länder zu studieren, die unserem großen Vorfahren gewidmet sind.

RUNDTISCHGESPRÄCH ZUM THEMA: „DER HERRSCHER AMIR TIMUR - LEHREN UND SEINE BEDEUTUNG FÜR DAS MODERNE ZENTRALASIEN“

Der Landesbeauftragte der Konrad-Adenauer-Stiftung **Wolfgang Schreiber** betonte, daß das Symposium zwei Hauptobjekte der Betrachtung festgelegt habe: die Persönlichkeit Amir Timurs und seine Bedeutung für das moderne unabhängige Usbekistan. Amir Timur bleibt für Europa in mancher Hinsicht der „große Unbekannte“. Notwendig ist ein systematisches und gründliches Quellenstudium. Amir Timur war ein Herrscher, der sein riesiges Reich gekonnt verwaltete, für das Wohlergehen seiner Untertanen sorgte und die Gesetze streng einhielt. Jahrhunderte sind vergangen. Die Erfahrungen Amir Timurs bei der Lösung politischer, wirtschaftlicher und sozialer Probleme sollten von den heutigen zentralasiatischen Staaten aktiv genutzt werden.

Die Wechselbeziehung von Ethik, Moral und Religion nach dem Zusammenbruch des atheistischen Regimes der Sowjetunion bedürfen einer neuen Einschätzung. Die westliche Demokratie kann nicht als Idealtyp

und Muster für Usbekistan dienen, es muß seine eigenen Ideale finden, die anzustreben sind. In diesem Zusammenhang kann die Hinwendung zu den historischen Mustern sehr nützlich sein.

Prof. Dr. J. Paul wies darauf hin, daß Amir Timur dem Begriff „Gerechtigkeit“ große Bedeutung beimaß. Er verstand darunter eine moralische Kategorie, die dem Herrscher zugeschrieben werde. Wenn der Herrscher nicht den Gesetzen der Gerechtigkeit folge, sei er nicht in Lage, sein Land zu regieren. Sehr früh näherte sich in der europäischen Geschichte das Verhältnis zwischen Herrscher und Vasallen, dem König und den Städten der Vertragsform. Der König oder Herr seien Gesetzen untergeordnet, die nicht sie geschaffen hätten. Gerechtigkeit höre auf Eigenschaft des Herrschers zu sein und würde eine staatliche Institution. Gerechtigkeit höre auf moralische Kategorie zu sein. Die modernen zentralasiatischen Staaten müssen unterscheiden zwischen Gerechtigkeit als Qualität des Herrschers und als politisches Programm des Rechtsstaates. Bei einer derartigen Interpretation bilde die historische Figur nur den Hintergrund.

Prof. Dr. A. Achmedow wandte sich erneut der Gestalt von Amir Timur zu und wies darauf hin, daß man nicht einer einzigen Quelle vertrauen dürfe, sondern verschiedene Angaben vergleichen müsse. So beschreibe beispielsweise de Clavijo Amir Timur vor seinem Chinafeldzug als einen alten, gebrechlichen Mann, Ibn Arabschah dagegen schätze den körperlichen Zustand von Amir Timur zu diesem Zeitpunkt als rüstig ein. Wahrscheinlich sei es für Amir Timur vorteilhaft gewesen, vor dem Feldzug, krank zu erscheinen. Ich möchte noch ein anderes Beispiel anführen. Als man 1941 das Grab Amir Timur öffnete, wurde gemäß den Untersuchungsmaterialien ein Gutachten aufgesetzt, in dem stand, daß sein rechter Arm und sein rechtes Bein vertrocknet waren. Aus anderen Quellen ist bekannt, daß Amir Timur bis zu seinem 60. Lebensjahr selbst in die Berge gestiegen sei und sich erst an seinem Lebensende in besonderen Sänften tragen ließ. Eine Verwundung seines rechten Arms und Beins hätten ihn nicht daran gehindert, zehn Jahre später wunderbar mit dem Bogen zu schießen. Angeblich fehlte Amir Timur an zwei Fingern der rechten Hand ein Glied, trotzdem vermochte er bis zu seinem Tode ein Schwert in der Hand zu halten.

Es gäbe auch Erklärungen für die Grausamkeit Amir Timurs. Das beeindruckendste Beispiel stelle die Vernichtung der Bewohner von Isfahan dar. Bei der Beschreibung dieses Falles würde häufig vergessen, daß die Stadt sich kampfflos ergeben und versprochen hätte, die Armee Amir

Timurs mit Brot und Weizen zu versorgen. Dreieinhalbtausend unbewaffnete Soldaten hätten sich daraufhin in die Stadt begeben, wo sie erschlagen wurden. Die Bewohner, von Provokateuren dazu aufgehetzt, hätten an der Bluttat aktiv teilgenommen. Amir Timur hätte den Tod seiner Soldaten grausam gerächt. In vielen Fällen sei die Grausamkeit durch den Wunsch der Heerführer ausgelöst worden, an den besiegten Feinden, Rache zu nehmen. Die Hinrichtung von mehreren tausend Gefangenen in Delhi sei auf Drängen der Emire erfolgt. Grausamkeit sei typisch für die damalige Zeit gewesen. Es sei nur daran erinnert, daß die Araber, als sie Samarkand belagerten, 10 Dinare für jeden Kopf eines Bewohners der Stadt gezahlt hätten. Rund zehntausend Türken und Sogdianer seien erschlagen worden.

Prof. Dr. T. Nagel präzierte, was Amir Timur, unter Grausamkeit verstanden hätte. Er teilte die Welt in zwei Lager: die Friedensgemeinschaft (die unterworfenen Länder) und die Feindesgemeinschaft. Die Feindesgemeinschaft besaß keinerlei Rechte und durfte in grausamer Weise behandelt werden. Ziel Amir Timurs war, die ganze Menschheit in eine ihm untertänige Friedensgemeinschaft zu überführen.

Dr. A. Berdimuradow vertrat den Standpunkt, daß man bei der Erwähnung der zahlreichen Kriegszüge Amir Timurs die Gründe dafür nicht vergessen dürfe. So wurden beispielsweise die Feldzüge gegen Tochtamysch und Bajezid durch deren Aggressivität und feindlichen Pläne ausgelöst. Die Feldzüge gegen Iran entsprachen den Wünschen des Volkes dieses Landes.

Prof. K. Saidow hob hervor, daß die Beiträge der europäischen Gelehrten viel Stoff zum Nachdenken geliefert hätten. Die usbekischen Gelehrten seien bemüht, ein objektives Bild von Amir Timur zu schaffen. Ihr Hauptinteresse gelte seinen fortschrittlichen Taten. Schlechtes über Amir Timur sei in den vergangenen Jahren mehr als genug gesagt worden. Es sei nicht ihr Anliegen, jemanden zu idealisieren. Der Botschafterin von Großbritannien seien nur die negativen Seiten der Persönlichkeit Amir Timurs bekannt. Man könnte ebenso zahlreiche Lobpreisungen anführen. Falsch seien beide Methoden. Eine große historische Persönlichkeit müsse vom Standpunkt der historischen Wahrheit, unter Berücksichtigung der Realien ihrer Zeit, bewertet werden.

Dr. A. Sijajew wandte sich der ethnischen Frage zu. Türken hätten seit alters her in Mawerannachr gelebt. Sie hätten auf riesigen Flächen gesiedelt und wären ständig umhergezogen, es hätte aber auch seßhafte Gege-

ben, die in den Städten gelebt hätten. Das Institut für Orientalistik der Akademie der Wissenschaften der Republik Usbekistan befasse sich mit der ethnischen Geschichte dieser Region.

Er wies erneut im Zusammenhang mit der Objektivität der Einschätzung der Persönlichkeit auf die Notwendigkeit der Heranziehung unterschiedlicher Quellen hin. Seines Erachtens lohne es sich nicht, der Grausamkeit Amir Timurs besondere Aufmerksamkeit zu schenken, da Grausamkeit damals üblich war. Es sei nur an die Belagerung von Samarkand durch Tschernajew erinnert. Wir wissen nicht, was mit den alten Denkmälern der Stadt geschehen wäre, wenn es damals Flugzeuge gegeben hätte.

Das usbekische Volk ist stolz auf seinen großen Vorfahren, das verleiht ihm Kraft beim Aufbau einer gerechten Gesellschaft. Gestützt auf unsere Geschichte, unsere Traditionen und unter Nutzung der Welterfahrungen werden wir unser sehnlichstes Ziel erreichen.

Prof. Dr. G. Achmedshanow war nicht mit dem Standpunkt der Menschen im Westen einverstanden, die in Amir Timur nur einen Eroberer erblicken. Es gibt keinen Staat mit einer Geschichte ohne Eroberungen. In den USA wurden das Land der Indianer erobert und die Ureinwohner allmählich in Reservate verdrängt, Bismarck vereinte Deutschland durch kriegerische Handlungen. Napoleon ist als Eroberer von Ländern und Völkern in die Geschichte eingegangen. Das Wichtigste bei der Einschätzung einer historischen Persönlichkeit bilden ihre Mentalität, ihre Ziele und ihre positiven Leistungen. Das Hauptverdienst von Amir Timur besteht in der Schaffung eines riesigen zentralisierten Staates.

Manchmal taucht die Frage auf, warum Amir Timur die europäischen Länder und Rußland nicht erobert habe. Wahrscheinlich ist er in diesen Ländern auf eine andere Mentalität gestoßen, die die Kontakte erschwerte. Amir Timur nutzte nicht nur grobe Gewalt, sondern er knüpfte auch zu Ländern, die in seinen Interessenkreis eingingen, Kontakte an.

Unbegründet scheint die Behauptung, daß Amir Timur des Lesens und Schreibens nicht kundig gewesen wäre. Analphabetentum galt im Orient als moralischer Mangel.

Prof. Dr. T. Schirinow äußerte die Befürchtung, daß sich unter den zentralasiatischen Wissenschaftlern die Tendenz verbreite, Amir Timur zu preisen. Es sei schwer, zu bestimmen, ob Amir Timur tatsächlich in allen Situationen recht hatte und ob alle seine Feldzüge nur vom dem Wunsch diktiert worden wären, sich zu verteidigen. Bei der Einschätzung solle man nicht in Extreme verfallen.

Das Wichtigste an der Gestalt Amir Timurs stellt seine schöpferische Tätigkeit dar. Auf die Blüte der Kultur und Wissenschaft, den Städtebau und die weise Sozialpolitik können die Nachkommen von Amir Timur stolz sein und nicht auf die Kriege.

Prof. Dr. F. Suleimanowa schloß sich der geäußerten Meinung an und wies darauf hin, daß die Epoche Amir Timurs durch eine Blüte der Wissenschaft, Kunst und Literatur gekennzeichnet sei. Wunderbare kunstvoll gestaltete Bücher seien geschaffen worden. Vor Amir Timur sei die Literatur in erster Linie arabisch und persisch gewesen. Die Entwicklung der Poesie hätte zu Zeiten Amir Timurs den Genius Alischer Nawoi hervorgebracht.

Dr. A. Schmitz schlug vor, von der Betrachtung der Person auf das Studium der Strukturen überzugehen, in die sie eingebettet sei.

Der Landesbeauftragte der Konrad-Adenauer-Stiftung Wolfgang Schreiber unterstützte diesen Gedanken und wies darauf hin, daß nicht die Psychoanalyse, sondern allgemeine Schlußfolgerungen von Bedeutung seien. Man solle versuchen die Frage zu beantworten, welche Erfahrungen des großen Reiches heute bei der Durchführung der Sozialpolitik oder bei der staatlichen Arbeit mit der Machallja aktuell seien.

Das Erbe Amir Timur gehöre allen Völkern dieser Region. Eine historische Persönlichkeit dieses Ranges könne nicht der Kultur eines Volkes zugeordnet werden. So würde Karl der Große oder Charles Magne sowohl von den Deutschen als auch von den Franzosen als einer der ihrigen angesehen. Für historische Persönlichkeiten, die in die Weltgeschichte eingegangen seien, sei die Frage der Nationalität unwesentlich.

Amir Timur war kein Demokrat in unserem Sinne, wie zuvor behauptet wurde. Im heutigen Usbekistan existierte ein Mehrparteiensystem. Man kann den Präsidenten und die Regierung wählen. Amir Timur wurde nicht gewählt. Nachdem er einmal an die Macht gelangt war, hielt er sie bis zu seinem Tode fest in seinen Händen. Das alles ist zu berücksichtigen. Wenn man die Figur zu stark in den Vordergrund rückt, kann das zu Subjektivismus führen. Unsere Hauptaufgabe besteht darin, Lehren aus dem Geleisteten zu ziehen.

Prof. Dr. K. Saidow wies darauf hin, daß sehr wenig über das Wirtschaftssystem des Reichs von Amir Timurs gesagt worden sei, obwohl gerade das Claneigentum der Anlaß für den Untergang des Reiches nach dem Tode von Amir Timur bildete. Die tatsächliche Wirtschaftsgrundlage in der damaligen Zeit bildete das Kleinunternehmertum (die

Gewerbetreibenden und Handwerker). In Usbekistan wird eine Wirtschaftsreform durchgeführt, Antwort auf zahlreiche Fragen muß man in der Vergangenheit suchen, in der Beziehung zur Machallja, in der Sozialpolitik und im Verwaltungssystem von Amir Timur. Die Regierung Usbekistans sollte die von den Vorfahren gesammelten Erfahrungen aktiver nutzen.

Prof. T. Nagel warnte vor einem vereinfachten Herangehen an diese Frage. Die Geschichte hielte keine Antworten für die Lösung heutiger Probleme bereit. Das Verstehen der Denkweise Amir Timurs und seiner Verfahren zur Lösung wirtschaftlicher Probleme sei für jeden Politiker von Nutzen. Er halte es nicht für möglich, aus der Geschichte unmittelbare Handlungsanweisungen für die Gegenwart abzuleiten.

Akademiemitglied J. Burjakow hob hervor, daß eine objektive Einschätzung der Persönlichkeit Amir Timurs nur durch eine systematische Analyse der mündlichen und schriftlichen Quellen, sowie der Epoche als Ganzes und durch Studium der Ergebnisse der archäologischen Expeditionen erzielt werden könne, wobei es empfehlenswert sei, derartige Expeditionen zusammen mit den europäischen Wissenschaftlern durchzuführen.

Amir Timur sei ein weiser Politiker gewesen, der die Interessen der nomadisierenden und seßhaften Bevölkerung, der Muslims und Heiden zu vereinen vermochte. Er habe die Städte vor Plünderung gerettet und die Handelsstraßen wiederhergestellt.

Dr. A. Abdurasakow schlug den europäischen Gelehrten vor, gestützt auf die Hilfe der Weltöffentlichkeit, an der Restaurierung der alten Denkmäler Samarkands und anderer mit dem Namen Amir Timurs verbundener Städte teilzunehmen.

Prof. K. Saidow wandte sich an Akademiemitglied O. Akimuschkina mit der Bitte, darüber zu berichten, welche Probleme die russischen Orientalisten gegenwärtig erforschen.

Akademiemitglied O. Akimuschkina teilte mit, daß am St. Petersburger Institut für Orientalistik ein Sektor für das Studium der Geschichte Zentralasiens bestehe, an der Universität ein entsprechender Lehrstuhl eingerichtet sei und alljährlich Handschriften und wissenschaftliche Werke herausgegeben würden. Akademiemitglied O. Akimuschkina lud die usbekischen Wissenschaftler offiziell zur Zusammenarbeit bei der Herausgabe von Büchern und Sammelbänden wissenschaftlicher Beiträge ein.

Der Landesbeauftragte der Konrad-Adenauer-Stiftung Wolfgang Schreiber brachte seine Genugtuung darüber zum Ausdruck, daß das Symposium zur Wiederaufnahme alter Kontakte und zum Anknüpfen neuer beigetragen habe.

Prof. M. Chalbekow wandte sich erneut der Gestalt Amir Timurs in der westlichen Literatur zu und zählte die großen Dichter auf, die Werke über ihn geschrieben haben (Racine, Voltaire, Goethe, Edgar Poe u.a.). Er erwähnte, daß der Briefwechsel Amir Timurs mit den westlichen Königen ein Objekt ernsthafter Studien darstelle. Es wurde vorgeschlagen, einen Sektor für Quellenstudium für die Erforschung der Materialien in englischer, deutscher und französischer Sprache einzurichten.

Prof. Dr. M. Abramow lenkte die Aufmerksamkeit der Teilnehmer auf das Problem der Finanzierung einer Veröffentlichung der authentischen Quellen. Es wurde vorgeschlagen, regelmäßig Konferenzen über die Epoche Amir Timurs und der Timuriden durchzuführen.

Dr. Ulrich Voigt wies auf die Verschiedenheit der Standpunkte der usbekischen und europäischen Forscher bei der Einschätzung der Persönlichkeit Amir Timurs und seiner Epoche hin, sowie auf das Bemühen der Teilnehmer, auf einander zuzugehen. Er stellte die Frage nach der Wahrung der Menschenrechte in Usbekistan und fragte, ob der Bürger überzeugt sein könne, daß seine Freiheiten und lebenswichtigen Interessen geschützt würden.

Prof. Dr. A. Achmedow erinnerte bei der Beantwortung der Frage daran, daß Usbekistan einen Rechtsstaat aufbaue und bestrebt sei, daß die Menschenrechte, die in Usbekistan in einem dem Weltstandard entsprechenden Umfang verkündet seien, eingehalten werden.

Dr. C. Dürkop, hob hervor, daß die Persönlichkeit Amir Timurs große Bedeutung für die Selbstfindung des usbekischen Volkes besitze. Man müsse überlegen, wie die Erforschung dieses Erbes nach dem Symposium fortgesetzt werden könne. Es wurde vorgeschlagen, zusammen mit deutschen Firmen, die sich in Usbekistan engagieren, ein Stipendium für Forscher, die die Epoche, das Leben und Schaffen Amir Timurs studieren zu stiften.

Es sei sehr wichtig, die wirtschaftlichen Ideen Amir Timurs gründlich zu studieren. Das könne dem heutigen Usbekistan helfen, unnötige Fehler zu vermeiden.

Dr. K. Schadjew, Vertreter der Amir-Timur-Stiftung, griff diesen Gedanken auf und teilte mit, daß auch von der usbekischen Regierung ein

derartiges Stipendium vergeben werden solle. Für die besten Bücher über Amir Timur würden Preise vergeben.

Die Eröffnung des Amir-Timur-Museums, die Jubiläumsveranstaltungen im Oktober dieses Jahres, die Gründung von Filialen der Stiftung in allen Oblasten der Republik, sowie in Pakistan, Konferenzen und Symposien würden dazu beitragen ein wahrheitsgetreues Bild unseres großen Ahnen zu schaffen.

SCHLUSSFOLGERUNGEN

Der Landesbeauftragte der Konrad-Adenauer-Stiftung W. Schreiber betonte, daß die usbekischen Wissenschaftler Amir Timur nicht nur als Forscher, sondern auch als Bürger einschätzen. Der bekannte Kriegshistoriker Karl von Clausewitz hat zu Recht darauf hingewiesen: „Nichts ist im Leben so wichtig, als genau den Standpunkt zu ermitteln, von dem die Dinge aufgefaßt und beurteilt werden müssen, und dann an ihm festzuhalten. Denn nur von einem Standpunkt aus können wir die Masse der Erscheinungen in ihrer Einheit erfassen, und nur die Einheit des Standpunkts kann uns vor Widersprüchen sichern“. Dies sei nun Aufgabe der wissenschaftlichen Diskussion.

Krieg, und das war das Phänomen jener Zeit, bedeutet immer Gewalt. Nur das Gesetz kann die Beziehungen zwischen den Menschen regeln. Jede historische Erscheinung muß richtig eingeschätzt werden, damit man Lehren aus ihr ziehen kann.

Die Diskussion bot Gelegenheit, unterschiedliche Standpunkte zu äußern und das Vernünftige und Produktive aufzufinden. Die Teilnehmer des Symposiums zeigten Bereitschaft zur Anknüpfung neuer Kontakte.

A. Nasirow, Chokim der Stadt Samarkand, brachte seine Genugtuung über die Ergebnisse des Symposiums zum Ausdruck. Alle, die den Wunsch hatten, ihren Standpunkt zu äußern, hatten die Möglichkeit dazu. Es wurde keinerlei Druck ausgeübt. Erst vor fünf Jahren wurde mit der ernsthaften Erforschung Amir Timurs begonnen. Vieles ist uns unbekannt, vieles wurde geheimgehalten oder gefälscht. Die Idee der Durchführung dieses Symposiums hat die Unterstützung der usbekischen Führung gefunden. Unser Ziel wurde erreicht. Wir haben uns gegenseitig neue Kenntnisse vermittelt, einen tieferen Einblick in die Persönlichkeit und das Schaffen Amir Timurs erhalten und verschiedene Standpunkte verglichen.

RESOLUTION

1. Vom 27.-29. September 1996 fand in Samarkand das vom Chokimiat Samarkand, der Konrad-Adenauer-Stiftung und der Amir-Timur-Stiftung gemeinsam veranstaltete internationale Symposium zum Thema „Amir Timur: Seine zeitgeschichtliche Beurteilung, seine Bedeutung für Usbekistan auf dem Wege der nationalen Selbstfindung“ statt.

2. Am Symposium nahmen Wissenschaftler aus Usbekistan, Deutschland, England, Frankreich und anderen Ländern teil. Es wurde Bedeutendes zur wissenschaftlichen Einschätzung der Persönlichkeit Amir Timurs und seiner Rolle für die Geschichte geleistet.

3. Die Teilnehmer des Symposiums unterstrichen, welche bedeutende Rolle Amir Temur für die Vereinigung der Region und die Anbahnung von Handels- und Wirtschaftsbeziehungen innerhalb und außerhalb Zentralasiens, sowie für die Selbstfindung des usbekischen Volkes und die Ausbildung seiner Staatlichkeit gespielt habe.

4. Besonders hervorgehoben wurde, daß dank der Tätigkeit Amir Timurs als Staatsmann im alten Turkestan erneut eine Blütezeit von Wissenschaft und Kultur eingetreten sei. Seine Epoche stelle eine Wiedergeburt, eine Renaissance, dar, die man als Timuridenzeit bezeichne.

5. Alle Symposiumsteilnehmer sind sich einig, daß die allseitige und gründliche Erforschung der Epoche Amir Timurs und der Timuriden durch Quellen- und Literaturstudium fortgesetzt werden muß.

Für in diesem Bereich tätige Forscher sollen besondere Stipendien gestiftet werden.

6. Die Referenten und Diskussionsredner hoben hervor, daß der Schutz und die Restaurierung der Geschichts- und Kulturdenkmäler aus der Epoche Amir Timurs und der Timuriden nicht nur Angelegenheit der Wissenschaftler, sondern der Weltöffentlichkeit sei.

**ХОКИМИЯТ ГОРОДА
САМАРКАНДА**

**ФОНД ИМ. КОНРАДА
АДЕНАУЭРА**

**АМИР ТЕМУР: ОЦЕНКА ЕГО ЛИЧНОСТИ
СОВРЕМЕННОКАМИ, ЗНАЧЕНИЕ ЕГО
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДЛЯ НЕЗАВИСИМОГО
УЗБЕКИСТАНА**

**Материалы
международного симпозиума, посвященного
660-летию Амира Темура
(Самарканд, 27-29 сентября 1996 года)**

**Ташкент
1997**

В 1996 году в Центральной Азии широко праздновалось 660-летие Амира Темура. Этот выдающийся политический деятель, родившийся в 1336 году и скончавшийся в 1405 году по дороге в Китай во время его последнего похода, завоевал за время своего правления огромное пространство и создал великую империю.

Помочь оценить с научной точки зрения влияние Амира Темура на эпоху был призван международный симпозиум, проводившийся в столице империи Темуридов, городе Самарканде.

Об Амуре Темура, которого в эпоху Ренессанса в Европе называли Тамерланом, а на Востоке - Сахибкираном, до сих пор бытуют различные мнения. Как показывает исторический опыт, отношение к таким крупным личностям, какой является Амир Темура, в различные исторические эпохи было различным. С одной стороны, европейцы превозносили его как освободителя от ига османского султана Байазета и создателя крупного государства на территории разоренного Мавераннахра. С другой стороны, в эпохальной драме "Тамерлан", вышедшей из-под пера Кристофера Марло, он был охарактеризован как жестокий правитель. И не стоит даже упоминать о той характеристике, которая давалась Амиру Темуру в годы советского господства.

Вместе с Шекспиром мы можем задаться вопросом: "Что за мастерское создание - человек!"

От эпохи Темура и Темуридов остались грандиозные памятники культуры, искусства и архитектуры в целой плеяде процветавших в то время городов: Самарканде, Шахрисабзе, Герате и других.

Заслуга узбекских ученых и их коллег из Центральной Азии заключается в том, что они совместными усилиями стараются "дойти до самой сути" проблемы, чтобы доказать силу знания и определить, кем же все-таки был человек и властитель Амир Темура, Сахибкиран.

Организаторы симпозиума выражают свою благодарность референтам из Германии, Франции, России и Узбекистана за вклад в его проведение, за их доклады, которые являются основной частью данной публикации.

Особую благодарность хотелось бы выразить Правительству Республики Узбекистан, а также лично послам Великобритании, Французской Республики и Федеративной Республики Германия, которые словом и делом поддержали намеченное нами.

Азиз Насырович Насыров
Хоким города Самарканда

Вольфганг Шрайбер
Региональный уполномоченный
представитель Фонда имени
Конрада Аденауэра

УЧАСТНИКИ И ГОСТИ СИМПОЗИУМА

На симпозиуме присутствовали представители руководства Узбекистана и депутаты Олий Мажлиса РУз, послы Федеративной Республики Германия, Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, Французской Республики; руководители области, города и районов (хоким Самаркандской области, хоким г. Самарканда, хокимы районов, заместители хокимов и руководители подразделений); руководители научных и культурно-просветительских учреждений, высших учебных заведений (председатель СО АН РУз, ректоры университета /СамГУ/ и институтов /Институт иностранных языков, СамСХИ, СамМИ, Кооперативный институт, Сам ГАСИ, Ташкентский юридический институт/, директора научно-исследовательских институтов /Международный институт центральноазиатских исследований, Институт археологии /, библиотек /Областная научная библиотека/ и музеев /Самаркандский гос. музей-заповедник, музей "Регистан", музей "Афросиаб"/), ученые из Узбекистана, Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана, России и Таджикистана, немецкие и французские исследователи; представители деловых кругов (фирмы, АО, СП, заводы и объединения); активисты общественных организаций и профсоюзов ("Ассоциация предпринимателей", "Женщины-предприниматели", "Красный крест и полумесяц", "Центр информации и менеджмента" и др.); писатели, искусствоведы, работники театров и музеев (председатель областного союза писателей, директор Института искусствознания, директор ГАБТ им. Навои); учителя школ; работники "Узбектуризма".

Работа симпозиума широко освещалась в средствах массовой информации: телевидение (Первый зам. председателя Узтелерадио, создатели программы "Ахборот" УзТВ, 1У канал УзТВ, ТВ Самарканд, ОРТ); радио (Узбекское радио, радио "Ташкент", Международное московское радио), информационные агентства (Информационное агентство Узбекистана, Интерфакс Россия), республиканские и областные газеты ("Правда Востока", "Мари-фат", "Овози Самарканд", "Самаркандский вестник", "Зарафшан" и др.).

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Участники и гости симпозиума.....</i>	<i>3</i>
Открытие симпозиума	
<i>Заместитель Премьер-министра Республики Узбекистан д-р проф. Алишер Азизходжаев.....</i>	<i>9</i>
<i>Региональный уполномоченный представитель Фонда им. Конрада Аденауэра Вольфганг Шрайбер</i>	<i>11</i>
<i>Посол Федеративной Республики Германия в Республике Узбекистан д-р Райнхарт Биндзайль</i>	<i>12</i>
<i>Посол Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии в Республике Узбекистан Барбара Хей</i>	<i>13</i>
<i>Посол Французской Республики в Республике Узбекистан Жан Клод Ришар</i>	<i>15</i>
ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В XIV ВЕКЕ	
<i>Академик АН РУз, председатель Правления Международного фонда Амира Темура, советник Президента Академии Наук Республики Узбекистан д-р проф. Бурибой Ахмедов.....</i>	<i>16</i>
<i>Директор Международного института центральноазиатских исследований д-р проф. Ашраф Ахмедов.....</i>	<i>19</i>
ВОСПРИЯТИЕ ЕВРОПОЙ АМИРА ТЕМУРА И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В НАЧАЛЕ ЭПОХИ РЕНЕССАНСА	
<i>Декан факультета арабской филологии университета им. Георга Августа (город Геттинген) д-р проф. Тильман Нагель.....</i>	<i>32</i>
ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА ТЕМУРА В ОТТОМАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ	
<i>Национальный центр научных исследований Франции проф. Жан-Луи Бакэ-Граммон.....</i>	<i>41</i>

**ТРАДИЦИЯ КАК СОБЫТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ВАЖНОСТИ: ТЕМУР В УСТНЫХ ПРЕДАНИЯХ**

*Институт этнографии и африканистики Мюнхенского
университета им. Людвига Максимилиана*

д-р Андреа Шмитц.....43

ДИСКУССИЯ.....51

**ТЕМУР - ОСНОВАТЕЛЬ ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО
ГОСУДАРСТВА**

*Институт востоковедения АН Республики Узбекистан
кандидат исторических наук Азамат Зияев.....55*

**“ВЕЛИКОДУШИЕ И СТРОГОСТЬ” - ПРАВОВОЕ
МЫШЛЕНИЕ В ЭПОХУ АМИРА ТЕМУРА: МОЖЕТ ЛИ
ЭТО БЫТЬ ПЕРСПЕКТИВНОЙ ОСНОВОЙ
СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА**

Хоким Самаркандской области Алишер Мардиев.....69

ПРАВО И ПРАВОВЫЕ ТРАДИЦИИ В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

Директор французского Института по изучению

Центральной Азии д-р проф. Пьер Шувен.....77

**РАЗВИТИЕ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА В ЗАПАДНОЙ
ЕВРОПЕ**

Временный поверенный Посольства Франции

в Республике Узбекистан д-р проф. Ален Пелукс.....82

**ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЛЕГИТИМНОСТИ В
ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ: К ВОПРОСУ О
ВЗАИМООТНОШЕНИИ РЕЛИГИИ И ПОЛИТИКИ**

С точки зрения Узбекистана:

Ректор Ташкентского юридического института,

депутат Олий Мажлиса Республики Узбекистан

д-р проф. Халим Бабаев.....92

С европейской точки зрения:

Философский факультет Университета г. Цюриха

д-р проф. Германн Люббе.....100

**К ВОПРОСУ О ВЗАИМООТНОШЕНИИ РЕЛИГИИ И
ПОЛИТИКИ: ЭТИЧЕСКАЯ ВЗАИМОСВЯЗЬ.**

*Институт востоковедения Университета
им. Мартина Лютера (город Виттенберг-Галле)
д-р проф. Юрген Пауль..... 108*

ДИСКУССИЯ..... 112

САМАРКАНД В ЭПОХУ ТЕМУРА И ТЕМУРИДОВ

*Лауреат Премии Мира Федеральной книготорговли
Германии д-р проф. Аннемари Шиммель..... 117*

*Директор Института археологии АН Республики
Узбекистан (город Самарканд) д-р проф. Темир Ширинов..... 124*

**ИСКУССТВО ОБРАБОТКИ КАМНЯ И ДЕРЕВА В ЭПОХУ
АМИРА ТЕМУРА**

*Музей исламского искусства (город Берлин)
д-р Йоахим Гирлихс..... 131*

БАЙСУНГУР-МИРЗА - МЕЦЕНАТ, ПОЛИТИК И ВОИН

*Академик АН России, зав.персидским кабинетом
ЛОУВАН РАН (город Санкт-Петербург) Олег Акимушкин..... 142*

**ТРАКТОВКА ОБРАЗА АМИРА ТЕМУРА-ТАМЕРЛАНА:
ПРАВДА И ХУДОЖЕСТВЕННОСТЬ**

*Директор Института искусствознания (город Ташкент)
д-р проф. Тохтасин Гафурбеков..... 146*

**КРУГЛЫЙ СТОЛ ПО ТЕМЕ: “ПРАВИТЕЛЬ АМИР ТЕМУР
- УРОКИ И ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ”..... 156**

ЗАКЛЮЧЕНИЕ..... 162

РЕЗОЛЮЦИЯ..... 163

ОТКРЫТИЕ СИМПОЗИУМА

*Заместитель Премьер-министра Республики Узбекистан
д-р проф. Алишер Азизходжаев*

Сегодня мы собрались в Самарканде, который был столицей древнего государства и свидетелем великих исторических событий, в городе, воссозданном и возвеличенном Амиром Темуrom. В этом городе, с его неповторимыми архитектурными ансамблями, каждый камень напоминает о великом властелине, гении своей эпохи. Именно в этот город вложил душу и мудрость Сохиб-ул-киран¹. В Мароканде (Самарканде), который являлся одним из центров первых государств Центральной Азии, в течение тысячелетий произошло немало исторических событий, повлиявших на становление и развитие цивилизации в целом. Здесь рушились устои знаменитых династий и рождались новые государства, здесь проходили караваны, которые не только перевозили товары, но и распространяли бесценные знания о жизни других стран. Однако истинное величие древнего Самарканда и его всемирно-историческое значение связано с Амиром Темуrom, имя которого мы произносим с чувством гордости и благоговения. Именно в период его правления, известного как эпоха Темура и Темуридов, Самарканд стал столицей огромной империи.

Воссоздать славу древнего Турана, Великого Шелкового пути, сделать народы Мавераннахра самыми богатыми и процветающими в мире, а Самарканд - знаменитым - было заветной мечтой Сахиб-ул-кирана. Амир Темуr был прав, когда произнес свою знаменитую фразу: "Мы есть эмир Туркестана, мулки Турана, самой древней и великой нации, родоначальников тюрков".

И не зря близлежащим населенным пунктам были даны имена столиц великих государств мира. Известно, что Сахиб-ул-киран вошел в историю как великий деятель, удачно сочетавший борьбу за независимость страны с созиданием, выдающийся политик и дипломат, пользовавшийся заслуженным авторитетом в странах Востока и Запада. Амир Темуr искоренил преступность и бродяжничество в своей империи. В период его правления народ был вовлечен в созидательную деятельность. Сахиб-ул-киран всегда проявлял истинно отеческую заботу о своем народе и был почитаем своими воинами, о чем ни раз упоми-

¹ Здесь и далее сохранено написание исторических имен, географических и топографических названий, предложенное авторами выступлений. При написании широкоупотребляемых имен и названий, например, Чингиз-хан, Мавераннахр и др. в качестве образца использовалась книга: Амир Темуr в мировой истории. Ташкент: Шарк, 1996.

нали его современники. Он оказывал покровительство не только торговле, предпринимательству, но и просвещению, литературе и искусству, придавал большое значение развитию духовной культуры народа. Эти традиции находят продолжение в государственной, политической и научной деятельности нашего Президента Ислама Каримова.

Отрадно отметить, что жизнь и деятельность Амира Темура всегда с исторической правдивостью отражалась в исследованиях ученых Европы. Благодаря этому, даже в условиях диктата советской империи, правда об Амире Темуре прорывалась к нам из Америки, Великобритании, Франции, Германии и других стран. Сегодня, в условиях независимого Узбекистана, когда появилась возможность сказать историческую правду, хотим особо выделить следующий факт. Еще в XV-XVIII веках правду о Сахиб-ул-киране писал в Испании - Руи Гонсалес де Клавихо, во Франции - архиепископ Жоан, в Англии - Кристофер Марло, Эдуард Гиббон, в Германии - Иоганнес Шильтбергер. В своих трудах эти летописцы-исследователи отмечали, что великие правители и полководцы - Петр I, Фридрих Великий, Наполеон Бонапарт - творчески перенимали опыт государственного правления Амира Темура.

Сегодня с чувством большой признательности мы произносим имя Хильды Хукхэм, которая проводила серьезные исследования о жизни и деятельности Амира Темура. Она ни раз посещала столицы Центральной Азии в целях изучения наследия Сахиб-ул-кирана. Ее книга - "Властитель семи созвездий" - пронизана чувством большого уважения к истории народов Центральной Азии и личности Темура. Сегодня эта книга стала достоянием нашего народа. Мы отдаем дань уважения прекрасной Франции, где был отлит золотой бюст освободителя Европы Амира Темура. И сегодня мы признательны тем ученым, которые ведут серьезные исследования эпохи Темура за рубежом. Мы рады видеть и приветствовать вас на родине нашего великого предка.

Не случайно сегодня в Самарканде собрались известные ученые из многих стран. Это говорит о всемирном признании заслуг Сахиб-ул-кирана. Амир Темур и сегодня служит делу независимого Узбекистана, процветанию родной страны, является символом гордости и величия нашего государства. Как отмечал Президент Республики Узбекистан Ислам Каримов, личность Амира Темура вдохновляет наш народ на большие свершения, сплачивает и объединяет нацию, вселяет в наши души чувство уверенности в завтрашнем дне. Руководитель нашего государства отмечал также, что историческая заслуга Амира Темура состоит еще и в том, что благодаря его деятельности государства Азии и

Европы впервые в истории познали значимость единого геополитического пространства.

С обретением независимости в родной стране Амира Темура впервые восстановлена правда о нем, о человеке, который горел и жил во имя свободы и счастья родной страны. Заслуги Сахибул-кирана в должной мере отмечены не только в нашей стране, но и в других регионах мира, и сегодняшний международный симпозиум, посвященный 660-летию Амира Темура, - яркое подтверждение этого признания. Вне всякого сомнения, данный симпозиум послужит делу дальнейшего сближения народов независимого Узбекистана, избравшего собственный путь развития, а также других республик Центральной Азии с мировым сообществом.

*Региональный уполномоченный представитель
Фонда им. Конрада Аденауэра Вольфганг Шрайбер*

Когда Азиз Насырович Насыров, Хоким города Самарканда, на небольшом приеме ровно два года назад впервые подал идею проведения этого симпозиума, казалось, что речь идет о далеком будущем. В Ташкенте тогда еще не существовало ни музея Амира Темура, ни Фонда Амира Темура. Особо хочу передать привет Председателю Фонда Амира Темура академику Бури Ахмедову, который из-за болезни, приковавшей его к постели, не смог приехать на нашу встречу. В момент планирования симпозиума партитура оперы "Тамерлан" еще не была обработана и хранилась в архиве Генделя в городе Галле/Заале в Германии. Но, как известно, время летит быстро, и мы - Хокимият города Самарканда, Фонд Амира Темура и Фонд им. Конрада Аденауэра - приветствуем Вас сегодня в этой прекрасной гостинице, расположенной на месте бывшей резиденции Амира Темура.

Я хотел бы выразить свою благодарность правительству Узбекистана, а также Президенту узбекского государства господину Каримову за личную поддержку. Господина профессора Тильмана Нагеля я благодарю за его предварительные консультации, а господина профессора Пьера Шувена, директора французского Института по изучению Центральной Азии, за плодотворное сотрудничество, благодаря которому мы смогли привлечь к работе нашего симпозиума не только немецких докладчиков, но и известных ученых из Франции и Италии. Господина профессора Темура Ширинова, директора Института археологии г. Самарканд, я благодарю за активные предварительные консультации и

помощь в определении докладчиков из Узбекистана и России.

Кем был Амир Темура, как он вписывается в свое время и каково его значение для современного Узбекистана, для Центральной Азии? Ответы на эти и другие вопросы будут получены в ближайшие два дня.

Мы обратимся и к воспоминаниям современников Амира Темура, свидетелей страшных времен, как назвал их Тильман Нагель в своей книге "Темур-завоеватель и исламский мир позднего средневековья". В упомянутой книге речь идет не только о войнах, но и о мыслях, делах и свершениях Амира Темура, которые дошли до нашего времени и очаровывают нас и сегодня, особенно тех, кто находится в древнем Самарканде. Отрадно, что теперь туристы со всего мира могут приобщаться к истории Мавераннахра без необходимости преодолевать "железный занавес".

Я желаю всем нам приблизиться ко времени, личности и идее государственности Амира Темура *sine ira et studio*, то есть без предвзятости и излишней рьяности. Надеюсь, что нам удастся добиться этого с помощью нашего симпозиума.

***Посол Федеративной Республики Германия
в Республике Узбекистан д-р Райнхарт Биндзайль***

Я чрезвычайно рад, что Фонд им. Конрада Аденауэра, который работает в Узбекистане как немецкий политический фонд, предложил для обсуждения наиболее актуальную историческую тему нашего времени, а именно: оценку Амира Темура и его времени. Обращение к этой теме поможет более четко осветить историческое значение Амира Темура в контексте истории и эволюции общественной жизни. Для проведения подобного мероприятия трудно придумать лучшее место, чем Самарканд.

Амир Темура родился и погребен на территории сегодняшнего Узбекистана. Территория современного узбекского государства находилась под властью Амира Темура. Вопрос о его этнической принадлежности должен рассматриваться с учетом этих обстоятельств. Я полагаю, что Амир Темура является фигурой, естественно идентифицирующейся в мировом сознании с сегодняшним Узбекистаном. Бесспорно, что он относится к наиболее ярким правителям, вершившим судьбы мировой истории.

Великие люди всегда имеют ярко выраженные черты характера со своими светлыми и темными сторонами. Амир Темура предлагает нам в этом отношении богатую палитру. Я не хочу предвосхищать результаты симпозиума. Но интересно отметить,

что в Большой Советской Энциклопедии 1970 года Амиру Темуру посвящено всего лишь несколько строк, в то время как Большая Энциклопедия Майера (Meyers Grobes Konversationslexikon) 1908 года уделила Амиру Темуру треть страницы. В издании начала века содержатся сведения о том, что Амир Темура стремился установить мир внутри страны, усовершенствовать политическое управление и военную организацию, расширить границы государства. Будучи жестоким в военных походах, Амир Темура в мирных условиях был благочестив, мудр и справедлив, защищал науку и искусство. Перед нами вырисовывается захватывающая личность. Нам представляется волнующая возможность в процессе работы симпозиума четко осветить все грани необыкновенной личности, причём сделать это, находясь в древней столице Амира Темура.

Я хочу от всего сердца пожелать симпозиуму больших успехов в работе.

*Посол Соединенного Королевства Великобритании и
Северной Ирландии в Республике Узбекистан
Барбара Хей*

Мне очень приятно посетить Самарканд и принять участие в церемонии открытия нашего симпозиума, хотя я и чувствую некоторую неловкость и стеснение в столь серьезной научной аудитории. Успокаивает только то, что путешественники, посещавшие Самарканд во все времена, всегда испытывали чувство стеснения и трепета перед величием столетий, перед ученостью и просвещенностью, развивавшимися здесь долгие столетия.

Когда я посмотрела на программу и список выступающих, я решила, что первым делом должна пополнить свои знания об Амире Темура, которого у нас обычно называют Тамерлан. Почти все из того, что известно о Тамерлане, по крайней мере в Британии, не несет очевидно позитивной оценки. А большая часть этих оценок берет свое начало в пьесе Кристофера Марло "Тамерлан Великий", которая была опубликована впервые в 1590 году. Амир Темура описан в этой пьесе как вождь монголов, который в серии кровавых походов в конце XIV века завоевал и разрушил города и целые государства, находившиеся на территории современной России, Индии, Ближнего Востока и Турции. Тамерлан умирает непообежденным в процессе подготовки похода в Китай. Его громадная империя впоследствии распадается.

Тамерлан обладал внутренней энергией, самолюбием и творческим потенциалом, которые вели его по жизни и заставляли

вновь и вновь завоевывать новые земли. В пьесе Марло Тамерлану приписаны следующие слова: "Я без усталости буду завоевывать, разрушать и полностью поглощать ваши города и золотые дворцы; и языками пламени, которые в борьбе с облаками пробьют небеса, заставлю плавиться звезды".

Я сожалею, что несмотря на мои твердые намерения и наличие нескольких внушительных по объему томов, присланных из библиотеки Министерства иностранных дел в Лондоне, у меня не хватило времени и возможности серьезно разобраться в этом вопросе и решить, справедливо ли оценивают Тамерлана популярная история и драматург Марло.

Ключевой вопрос, адресованный симпозиуму, заключается в том, как оценить влияние исторического мифа, в данном случае мифа о Темуре, на современные политические программы и восприятие прошлого. Остается открытым вопрос, будет или не будет достигнуто торжество справедливости в оценке исторических событий и личностей.

В связи с этим, мне кажется, особую актуальность приобретает вопрос национального самосознания, символов веры, восприятия людьми себя и своих отношений с государством. Естественно, что народ хочет гордиться собой, своей страной и переносить в будущее лучшее из прошлого. Добиться этого можно разными путями. Можно просто предложить триумфальное прочтение прошлого и даже настоящего. Но подобный взгляд вряд ли будет соответствовать разнообразному и взаимосвязанному современному миру. Альтернативой этому или, вернее, одним из возможных выборов является пересмотр стереотипов, новое восприятие своей страны, движение по пути, на котором каждый гражданин может получить реальную, современную, открытую и правдивую информацию, которая порождает лояльность народа и доверие к руководству. Очевидно, это не простая задача, реализовать которую можно, во-первых, обладая смелостью, во-вторых, проводя одновременно глубокие экономические, политические и социальные преобразования, обеспечивающие чувство преемственности поколений и определяющие цель человеческой жизни. Это мечта, для достижения которой трудятся многие страны, и моя в том числе. Конечно, первый подход проще второго.

Решая проблему утверждения национального самосознания, разумно использовать опыт других стран. В этой аудитории нет необходимости говорить, как много это может дать для понимания своей страны, а также воспитания граждан с открытым умом

и великодушным сердцем. Однако изучение чужого опыта не заменяет путешествий, встреч людей, обмена мнениями, взаимного уважения и внимания как способов познания и понимания друг друга. Собравшиеся в этом зале имеют полных два дня впереди для того, чтобы понять друг друга, обсудить поставленные вопросы и прийти к общим выводам. Мне очень жаль, что я не смогу быть все это время с вами. Я надеюсь на энергичное и честное обсуждение, с результатами которого я обязательно познакомлюсь для того, чтобы понять, как вы оцениваете Амира Темура и его значение для современного Узбекистана, что нового вы предложили в понимании этого вопроса.

*Посол Французской Республики в
Республике Узбекистан Жан Клод Ришар*

Ташкент - Самарканд - Амир Темура. Люди во Франции мечтают увидеть эти города и побольше узнать о великом историческом деятеле. Имя Амира Темура ещё при его жизни хорошо было известно во Франции. Очевидны духовные связи этой личности с культурой Франции, ведь Амир Темура, также как французские короли, покровительствовал культуре и искусству.

Амир Темура завоевал много стран. Он был великим солдатом, но в памяти народов он сохранился тем, что построил, что создал. Во Франции знают Регистан и другие памятники Самарканда, многие французы хотят воочию увидеть эти шедевры.

Между Амиром Темура и Францией существовали политические отношения. Во Франции хранится письмо Амира Темура Карлу VI. Копия этого письма была вручена Президентом Франции Шираком Президенту Узбекистана Каримову во время его пребывания в Париже. Сегодня копия этого письма впервые будет передана жителям Самарканда.

Многовековые связи наших стран следует расценивать не только как знак сотрудничества Узбекистана и Франции, Центральной Азии и Европы, но и как символ взаимопонимания государств всего мира.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В XIV ВЕКЕ

*Академик АН РУз, председатель Правления
Международного фонда Амира Темура, советник
Президента Академии наук Республики Узбекистан
д-р проф. Бурибой Ахмедов*

Чагатайский улус, включавший в свой состав Семиречье, Илийскую долину, Кашгар (Восточный Туркестан), Мавераннахр, юго-западную часть Хорезма с городами Кят и Хива, а также часть территории левобережья Амударьи, в 40-х годах XIV века распался на две самостоятельные части. Северо-восточная часть улуса, включавшая в себя Семиречье, Илийскую долину, Притяньшанье и Кашгар, получила название Джете (монгольское "разбойник", "грабитель"). В исторической литературе за этой частью улуса укрепилось название Моголистан. Основу населения этой страны составляли кочевники. В западной части улуса, состоявшей из Мавераннахра, юго-восточной части Хорезма и территории за Амударьей, преобладало оседлое население. Тюрко-монгольские племена, переселившиеся сюда еще во времена Чингиз-хана, давно осели и смешались с местным населением.

Распад Чагатайского улуса нанес большой урон не только хозяйственной жизни обеих стран, но и их социальной и политической стабильности. Особенно в тяжелом положении оказалась западная часть улуса. Казан-хан (1338-1346) попытался покончить с междоусобной борьбой феодалов, но успеха не имел. В сражении под Карши он потерпел полное поражение от эмира Казагана. Реальная власть перешла к Казагану и улусным эмирам, а представитель Чингизова рода, сидевший официально на троне, превратился в марионеточного правителя.

Эмир Казаган не смог подчинить своей воле улусных эмиров. В стране образовалось более десятка враждующих между собой бекств. Так, например, в Кеше и области штандарт независимости поднял Хаджи барлас, в Ходженде и Ура-тюбе свою независимость объявил Баязид джалаир, а в Таткенте и Сарипуле (Самаркандская область) объявил себя "тенью Аллаха" на земле Хизр Ясаури. Так же поступили в своих улусах эмир Кайхусрау (Хуталан) и Улджай-Бука сулдус.

Хану Моголистана Туглук Темуру (1348-1363) с помощью вождей племен булгачи, дутлат и др. удалось стабилизировать обще-

ственно-политическую обстановку в стране. Воспользовавшись сложившимся положением, в 1360 году Туглук Темур напал на Мавераннахр с многочисленным войском. Защищать страну было некому, так как улусные беки не смогли объединиться для борьбы с монголами: часть из них скрылась, а часть пошла служить хану Моголистана. Амир Темур тоже был вынужден признать господство хана Моголистана, но этот поступок позволил ему, с одной стороны, получить некоторые привилегии (Туглук Темур-хан уступил ему должность правителя Кеша и области и обещал не посылать монгольских наездников за Карши). Умело используя это, он начал собирать единомышленников и укрепил войска. Все это позволило Амиру Темуру после смерти Туглук Темур-хана начать борьбу с монголами и их новым ханом Ильяс-ходжей. После упорной борьбы весной 1370 года Амир Темур изгнал монголов из Мавераннахра и установил свою верховную власть. Для сохранения этой власти ему необходимо было покончить с сепаратизмом беков, освободить принадлежавшую Чагатайскому улусу юго-восточную часть Хорезма от опеки Золотой орды и обезопасить границы государства с севера и северо-востока.

У только что созданного государства Амира Темура было две основных внешние опасности: Урус-хан в Ак-орде (1361-1375) на севере и Камар ад-Дин, Анка-тюра, Мир Хакберди, Мир Каримберди и др. в Моголистане. Урус-хан, уничтожив конкурентов, захватил трон в Ак-орде. В 1376 году он появился со своей ордой на среднем течении Сырдарьи, захватил ряд крупных городов (Сауран, Сигнак и др.) и создал тем самым серьезный очаг напряженности.

В Моголистане в это время активизировались Камар ад-Дин и Анка-тюра. Первый в 1369 году умертвил Ильяс-ходжу и все его мужское потомство. Получив политическую власть, он приблизил войска к границе Ферганы и Сайрама. Камар ад-Дин неоднократно вторгался в глубинные районы этих областей и грабил мирное население. Анка-тюра из своих владений в Катартае (район Кокча-тенгиз, т.е. озеро Балхаш) пытался установить союз с Темур-Кутлутом и другими претендентами на золотоордынский престол. Сложившаяся ситуация послужила причиной семи больших военных походов Амира Темура на Моголистан в 70-е годы XIV века. Амир Темур превентивным ударом разгромил основные силы Моголистана.

Неспокойно было и на южных, юго-западных рубежах Мавераннахра. В 1336 году некогда могущественное государство

Ильханидов (Хулагуидов), контролировавшее Иран, Азербайджан и Ирак, пало под ударами народных восстаний и сарбадарского движения (1336-1381). Страна распалась на мелкие владения, возглавлявшиеся местными династиями. Так, например, Хорасан оказался разделенным между тремя группировками: сарбадарами, картами (Куртами) и племенными вождями Джани Курбани. Южный Иран перешел в руки местной династии Музаффаридов. Над областью Джурджан установили свою власть местные Саййиды, над Ираком и Курдистаном властвовали Джалаириды; Луристан был подчинен Хазараспидами и династией Инджу, а Азербайджан был захвачен туркменами Кара-коюнлу. Раздробленность и междоусобные войны не только нанесли непоправимый урон стране, но и подорвали торгово-экономические связи Дальнего Востока со странами Средиземноморья и Европы, караваны перестали ходить по древнему Шелковому пути.

Ситуацией, сложившейся в Иране и Азербайджане, решил воспользоваться новый правитель Золотой орды Тохтамыш-хан (1376-1395). В свое время Амир Темура помог ему в получении трона, но отплатил Тохтамыш за поддержку открытой враждебностью. Во-первых, войска Тохтамыша неоднократно вторгались в Мавераннахр с севера и грабили население внутренних районов Междуречья во время отсутствия Амира Темура в пределах своего государства. Во-вторых, Тохтамыш создавал политические союзы против Амира Темура, например, привлек к своим набегам правителей Хорезма: эмиров Хусайна-суфи и Юсуфа-суфи. Хорезмские наездники доходили до окрестностей Бухары и Каракуля, увозили богатую добычу и пленных. В-третьих, Тохтамыш собрал огромное войско и двинул его к рубежам Южного Азербайджана. Тохтамыш превратил Дербендское ущелье в свой постоянный военный лагерь.

В начале 80-х годов XIV века Тохтамыш-хан предпринял активные шаги для восстановления военно-политического союза с Мамлюкским Египтом. Данный союз был заключен между Золотой ордой и Египтом в середине XIII века. Под ним подписались мамлюк Султан Бейбарс и хан Золотой орды Берке-хан. По условиям этого договора войска обоих государств выступали против Ильханидов Ирана, при успешном исходе компании Мамлюки получали Сирию, а Золотая Орда - Иран. Восстановив этот договор в 80-е гг. XIV века на прежних условиях, Тохтамыш-хан направил его против Амира Темура. К этому союзу вскоре примкнули правитель Ирака Султан Ахмад джалаирид и Османская Турция.

Краткий обзор исторических фактов позволяет более полно представить те условия, в которых Амиру Темуру приходилось строить свое государство и вести внешнеполитическую деятельность.

*Директор Международного института
центральноазиатских исследований
д-р проф. Ашраф Ахмедов*

К началу XIV века империя, созданная Чингиз-ханом и его потомками в первой половине предыдущего столетия, подошла ослабленной как в военно-политическом, так и социально-экономическом отношениях. Так было во всех четырех монгольских улусах, в том числе и Чигатайском, куда входила историческая родина Темура - междуречье Амударьи и Сырдарьи. К середине XIV века монголы в трех западных улусах оторечились и приняли ислам, однако в Чигатайском улусе этот процесс несколько затягивался. Для всех трех западных улусов была характерна феодальная раздробленность, хотя социально-политические процессы, протекавшие в них, имели свою специфику и отличия. Кроме того, между улусами существовало постоянное соперничество и территориальные споры.

Чингизиды улуса Хулагу - Эльханы, владевшие Ираном, Восточной Анатолией и Ираком, приняли ислам еще при Газанхане (1295-1304). Однако на протяжении всего периода своего правления Эльханы враждовали как со своими мусульманскими соседями, так и со своими родственниками в остальных двух улусах. Например, с потомками Джочи происходили постоянные стычки из-за приграничных земель на Кавказе, с потомками Чигатая было сильное противостояние из-за земель в Хорасане. Последний сильный хан из династии Хулагуидов Султан Абу Саъидхан (1317-1335), заключив мир с мамлюками Египта в 1323 году, положил конец длительным войнам за обладание Сирией.

В 1335 г. после кончины Абу Саъида на трон сел Арпа (1335-1336), в следующем году его заменил на троне Муса, который был смещен в том же году. С 1336 г. по 1353 г. трон Эльханов Ирана переходил из рук в руки марионеточных ханов, ставленников Амира Хасан Бузурга Джелаири и Амира Хасан Кучека Чопани. После 1353 года улус Хулагу был полностью раздроблен. На юге и западе, т.е. в Фарсе и Иране правили Музаффариды и Джелаириды; в Хорасане, с центром в Сабзаваре, до 1381 г. правили сарбадары; в Герате и его округе до 1389 г. правила

династия Картов; в Кандагаре, Бусте и Зерендже регулярно сменяли друг друга выходцы из горной области Гор и тюрко-монгольские эмиры.

Кроме этого в Западном Иране, Азербайджане, Восточной Анатолии и на территории между оазисами Сирии и Ирака бесчинствовал эмир туркменов рода Кара Кожунлу Кара Юсуф Туркмен. По существу занимаясь грабежом, он наводил ужас в окрестных областях. Из-за его многолетних набегов торговые пути и караванные дороги паломников перестали функционировать, и в этом регионе сложилась крайне напряженная ситуация. Правитель Ирака и Азербайджана Султан Ахмад Джалаир нередко пособничал Кара Юсуфу в его грабительских набеггах.

Дробление Ирана на мелкие владения продолжалось до эпохи Темура, которому удалось объединить Иран в целостное государство.

В улус старшего сына Чингиза Джочи входили Западная Сибирь, Дешти Кипчак, северо-западный Хорезм и земли в нижнем течении Сырдарьи. Потомки Джочи постоянно конфликтовали с Хулагуидами и Чигатаидами из-за земель на Кавказе и северо-западе Центральной Азии.

Улус Джочи, или Золотая Орда по русским летописям, в этническом отношении был весьма пестрым объединением различных государств и народов. Как отмечал А.Ю. Якубовский: "Золотая Орда была искусственным государственным объединением. Она держала власть над культурным населением Крыма, Поволжья, Хорезма средствами грубейшего насилия. Ведь власть была в руках тюрко-монгольской кочевой знати, точнее монгольской династии из дома Джочидов, которая, опираясь на военные силы, эксплуатировала богатые земледельческие области и культурные города Поволжья, Булгар, Крыма и Северного Кавказа. Население этих областей мечтало о падении власти монголов и полном своем освобождении"².

Русь, входившая в состав этого улуса, в XIV в. не была единым государством и состояла из более чем десяти крупных и двадцати мелких княжеств и владений. Однако согласно договору с Золотой Ордой все княжества и владения доставляли ежегодную дань хану со всей Руси. С начала XIV в. в русских княжествах наблюдалось стремление к объединению. Пытаясь освободиться от монгольского ига, княжества стремились укрепить свои владения и создать сильную армию. В то время это движе-

² Якубовский А.Ю. *Тимерлан. Эпоха. Личности. Деяния*. М., 1992, С. 32; Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. *Золотая Орда и ее падение*. М.-Л. 1950, С. 31.

ние возглавляли князья Москвы, Владимира и Твери. Однако ордынские ханы внимательно следили за княжествами и не допускали укрупнения мелких владений, постоянно натравливая их друг на друга, налагая тяжелую дань и совершая рейды внутрь страны с целью ослабления княжеств, городов и владений.

В 1327 г. ордынский хан Узбек (1312-1341) посылает карательные силы и уничтожает Тверское княжество, после чего явно возрастает роль Московского княжества. Усиление Московского княжества по времени совпало с ослаблением улуса Джочи. Это ослабление началось в последние годы правления Узбекхана. Узбекхан первым из золотоордынских ханов принял ислам. Эта религия довольно скоро распространилась среди отороченного кочевого населения Орды. С середины XIV века ослабление Орды еще более усиливается. Достаточным доказательством этого факта служит то, что за 30 лет, с 1349 по 1379 годы, на ордынском троне сменилось 25 ханов.

Несмотря на значительное ослабление Орда была намного сильнее русских княжеств. Русская псевдопатриотическая литература XX века поражение темника Мамай, претендовавшего только на правобережные (от Волги) земли, от объединенных русско-литовских сил преподносит как "победу Руси и русского оружия" над Ордой, а Дмитрия Донского считает победителем Орды. Между тем, когда спустя два года после той "победы", в 1382 году, новый хан Золотой Орды Тохтамыш пришел в Москву с целью наказания Дмитрия Донского, этот "победитель" вместе с женой позорно укрылся в женском монастыре в Костроме, облачившись в женские одеяния³. Это свидетельствует о том, что на Куликовском поле Русь одержала пиррову победу, ибо она еще многие годы после этого сражения продолжала платить дань Орде.

В улус Чигатая, второго сына Чингиз-хана, входили земли междуречья Амударьи и Сырдарьи до северо-западного Хорезма и города Сыгнак на нижней Сырдарье, относившихся к улусу Джочи; а также Семиречье, север Восточного Туркестана и северная половина Афганистана, включая Кабул, где постоянно находился чигатайский представитель. Потомки Чигатая также устраивали постоянные приграничные стычки с Джочидами и Хулагуидами. Они пытались расширить свои владения и за счет юго-восточных земель. Во время одной из таких попыток в 1327 году чигатайский хан Алауддин Тармаширинхан (1326-1334), уже

³ Кирпичников А.Н. Куликовская битва. Л., 1980, С. 113.

принявший к тому времени ислам, вторгся в Индию и занял огромную территорию на северо-западе страны. После этого все Чигатайские правители претендовали на эти земли в Индии.

Улус третьего сына Чингиз-хана Окдай (Угедей) каана, включивший в себя Китай, Тибет и земли западнее Тибета, должен был граничить с землями улуса Чигатая на юго-востоке. Согласно курултаю, прошедшему у монголов, великим ханом должен был стать Окдай. Однако этот улус просуществовал недолго. После кончины внука Окдая Кайду, последовавшей в 1301 году, звание великого хана переходит к потомкам Толуя. Огромная часть земель улуса Окдая также переходит во владения улуса Толуя. Только небольшая часть этого улуса на западе перешла к Чигатаидам.

Улус младшего сына Чингиз-хана Толуя в основном состоял из собственно Монголии со столицей в Каракоруме. После кончины сына Окдая Гуюка в 1249 году вместе с Китаем чин великого хана переходит к потомкам Толуя, и столицей государства становится Ханбалык (Пекин). Младший сын Толуя Хулагу в 1256 году завоевывает Иран, Ирак, Сирию и кладет начало династии Эльханов. Этот улус был назван улусом Хулагу. Вместе с собой Хулагу уводит и часть рода джелаиров, которые обосновываются в Ираке. Другая их часть остается в районе Ходженда.

К середине XIV века положение великих ханов в Китае ослабевает, а к 1368 году они вообще изгоняются из Китая. В Ханбалыке в 1368 году утверждается собственно китайская династия Мин. Однако в китайских источниках династия великого улуса монголов, правившая в Ханбалыке, носит название Юан и считается китайской. Вскоре вся Монголия попадает в вассальную зависимость от китайских императоров династии Мин. Отныне китайские императоры претендуют на всю империю Чингиз-хана, что в первую очередь угрожало безопасности улуса Чигатая. Китайские императоры в дипломатической переписке называли правителей улуса Чигатая не иначе как "мой сын", тем самым претендуя на сюзеренитет над ними.

В улусе Чигатая, как и в других улусах, с начала XIV века слабеет власть ханов, они не могли долго держаться на троне и часто сменяли друг друга. Тем не менее ханы предпринимали попытки укрепления своей власти. Кепекхан и Тармаширинхан первыми из монгольских ханов - со времени их прихода в эти земли - в целях улучшения правления вводят административное деление страны, выделяя округа и области, которые в свою очередь делились на тюмены и орчины. Правители этих мелких

владений - беки назначались из числа членов родов, прибывших вместе с ханом⁴. Крупных родов среди них было четыре: арлат, джелаир, кавчин и барлас. Кавчины находились на ханской службе, из остальных родов арлаты занимали левобережье Амударьи на севере современного Афганистана, джелаиры жили в окрестностях Ходженда, барласы находились на Кашкадарье. Глава каждого рода был беком своего округа. Все эти роды в XIV в. были тюркскими.

Ставка чигатайских ханов находилась в долине реки Или. Однако в XIV веке некоторые ханы, такие как Келек и его младший брат Тармаширин избрали своей столицей Карши. Но после убийства Тармаширина в 1334 году ставка опять на несколько лет переносится в долину Или. Очередной хан Казан (1343-1346) свою ставку вновь перемещает в долину Кашкадарьи. Западнее Карши он строит для себя дворец Занджир Сарай. Казанхан пытается создать сильную власть в Мавераннахре. Однако это его стремление наталкивается на сильное сопротивление родов. Эмир одного из таких родов Казаган восстает против Казанхана и объявляет ханом монгольского царевича Данишмандчу. Вскоре, в 1346 году, Казанхан был побежден и казнен, а власть перешла в руки Казагана. Однако власть этого эмира ограничивалась только Мавераннахром и левобережьем на севере Афганистана. Земли бывшего Чигатайского улуса восточнее Мавераннахра переходят в руки одного из дуглатских беков. Это означало разделение улуса Читатая на восточную и западную части. Как Мавераннахрские, так и дуглатские эмиры для узаконивания своей власти возводили в ханство одного из потомков Читатая, жившего среди них. Ситуация сложилась таким образом, что Мавераннахрские ханы реально были марионеточными правителями и никакой политической властью не обладали. В то время как ханы дуглатских эмиров обладали реальной властью. Некоторые из них достигали большой мощи, создавая сильное правительство, и могли передать власть по наследству.

Следует отметить, что в обоих государствах был одинаковый военно-политический строй, а племена, обитавшие в них, весьма незначительно отличались языком и культурой. Несмотря на близость барласов, арлатов, джелаиров и кавчинов на западе с дуглатами на востоке и их общность как тюркских народностей, население каждого из государств подчеркивало свои особенности: жители Мавераннахра считали себя читатаями, восточ-

⁴ Бартольд В.В. Улугбек и его время // Бартольд В.В. Сочинения, т. П, ч.2. М.: Наука, 1964, С. 26-30.

ные же племена они называли моголами, а их страну Моголистаном. В свою очередь жители Моголистана называли чигатаев караунасами.

Во всех монгольских улусах к середине XIV века на фоне усиления внутренних противоречий и сепаратистских настроений активизируется борьба за власть. В этой борьбе побеждали и выходили на историческую арену сильнейшие. В улусе Джочи такой личностью был Тохтамыш, в улусе Хулагу - Ахмад Джелалир и Кара Юсуф, а в улусе Чигатая - Амир Темура. Историческое прошлое оставило им целый ряд серьезных проблем социально-политического и экономического плана, решение которых неизбежно привело к столкновению политических интересов этих правителей.

Амир Темура впервые выходит на историческую и политическую арену в 1360 году в связи с приходом в Мавераннахр в январе этого года последнего сильного чигатайского хана Моголистана Туглук Темура.

Незадолго до этого в Мавераннахрской части Центральной Азии произошли политические события, выдвинувшие Темура на историческую арену.

Отец Темура Тарагайбек был одним из улусных эмиров Мавераннахра. Вместе со своим родственником Хаджи Барласом он владел долиной Кашкадарьи. Однако, ввиду особой религиозности, он был далек от мирских дел, и правлением занимался главным образом Хаджи Барлас. Тем не менее Тарагайбек имел вес в улусе. К его словам прислушивались даже некоторые эмиры Моголистана, сам хан приглашал его на ежегодные курултай, созываемые в Семиречье, в долине реки Или³. Очевидно, это сыграло не последнюю роль в будущей карьере Темура. Видимо, происхождение Темура способствовало его женитьбе в 1355 году на внучке правителя Мавераннахра эмира Казагана Улджай Туркан-ага. Этот брак значительно поднял авторитет Темура в глазах современников.

Эмир Казаган правил страной 10 лет. За это время положение в Мавераннахре несколько стабилизировалось. Однако в 1356 г. Казаган был убит своим зятем Кутлук Темуром. Престол Мавераннахра занял его младший сын Абдуллах мирза, который совершенно не справился со страной и через два года тоже был убит. После этого к власти в Мавераннахре приходят сразу два эмира: Баян Сулдузбек и Хаджи Барласбек. Правление этих

³ Бартольд В.В. Улусбек и его время // Бартольд В.В. Сочинения. т. II, ч. 2. М.: Наука, 1964. С.40.

эмиров ознаменовалось полной анархией. В это время сепаратистские движения усилились во всех частях Мавераннахра: на правление страной претендовали более дюжины беков. В этой ситуации молодой бек Амир Темур на первых порах поддерживал своего родственника Хаджи Барласбека.

В 1359 году к власти в Моголистане, т.е. в восточной части улуса Читатая, приходит новый хан Туглук Темур⁶. Воспользовавшись анархией в Мавераннахре, Туглук Темурхан решает вновь объединить улус Читатая. Уже в январе 1360 г. он вторгается в пределы Мавераннахра и останавливается вблизи Ходженда. Напуганные суровостью хана Мавераннахрские эмиры разбегаются в разные стороны: эмир Хаджи Барлас со своей родней уходит в Хорасан, за Амударью. В этот момент двадцатичетырехлетний Темур впервые продемонстрировал свою политическую зрелость: он, решив защитить народ и улус, идет к хану на мирные переговоры. Этот поступок пришелся по душе Туглук Темуру. Он назначил Амира Темура даругой долины Кашкадарьи и вскоре покинул пределы Мавераннахра.

Дальнейшее развитие событий в улусе Читатая происходило не в пользу Амира Темура, и он решает бороться с иноземными захватчиками. В этой борьбе соратниками Амира Темура были брат его жены эмир Хусейн и друзья детства. К началу 1336 года Амиру Темуру вместе с единомышленниками удалось изгнать моголов из Мавераннахра. Однако к этому времени между Темуром и Хусейном встает стена соперничества за обладание властью, которое очень скоро перерастает в непримиримую вражду. Борьба между Темуром и Хусейном продолжалась четыре года и завершилась в начале апреля 1370 года победой Амира Темура. 9 апреля того же года Хусейн был казнен в Балхе. Созванный там же курултай избрал Темура единым правителем Мавераннахра.

Летом того же года Темур избирает своей столицей город Самарканд и благоустраивает его. К этому времени положение в Мавераннахре и к югу от Амударьи в целом стабилизировалось: моголы были изгнаны с этих земель. Однако могольский вопрос не был еще окончательно решен, так как Моголистан (или по выражению того времени Джете) находился всего в 100-150 километрах восточнее Ташкента, а население этой страны осознавало себя моголами, т.е. монголами, и жило по законам Чингиз-хана.

⁶ Мирзо Мухаммад Хайбар. *Та'рих Рашиди* // Введение, перевод с персидского А. Урунбаева, Р.П.Джалиловой, А.М.Епифановой / Примеч. и указат. Р.П.Джалиловой и А.М.Епифановой. Ташкент, "Фан", 1996. С. 29-32.

Экономические и военные возможности Моголистана были еще велики. Оставалась опасность, что хан Джете в любой момент мог напасть на Мавераннахр. Поэтому Темура вынужден был направить значительные силы на устранение этой опасности.

По-видимому, здесь уместно упомянуть об одной стороне центрально-азиатской политики Темура. Хотя Темура изгнал монголов из Мавераннахра, и курултай в Балхе избрал его падишахом Мавераннахра, тем не менее он номинально признавал сюзеренитет марионеточного монгольского хана и считал себя его эмиром, т. е. военным министром. Это было весьма удобно Темуру как политику, так как, будучи эмиром лишенной политической власти номинального хана, он мог править или претендовать на правление от имени хана всем улусом. Но Амир Темура идет еще дальше: летом того же 1370 года он возводит в ханство потомка Окдайхана, т. е. хана Великого улуса, Суюргатмыш⁷. Очевидно, Темура сделал это не случайно, так как в Мавераннахре было много Чигатаидов, и при желании он мог посадить на ханский престол любого из них. Но Темура избрал потомка хана Великого улуса, чтобы иметь возможность претендовать на эмирство во всех четырех улусах. Избрав хана, Темура немедленно приступил к решению военно-политических вопросов.

На протяжении всего периода правления монголов одним из больших вопросов, усложнявших военно-политическую ситуацию в Центральной Азии, было искусственное деление Хорезма: еще при жизни Чингиз-хана в 1227 году северо-западный Хорезм был отнесен к улусу Джочи, а юго-восточный Хорезм - к улусу Чигатая. В последующем ордынские ханы неоднократно пытались установить господство над всем Хорезмом. В середине 60-х годов XIV века конгратский правитель северного Хорезма Джочид Хусейн Суфи, воспользовавшись нестабильным положением в Мавераннахре, аннексировал юго-восточный Хорезм и совершил набеги на Бухару, угрожая внутренним районам владений Чигатаев. Поэтому Амир Темура, укрепив свою власть в Мавераннахре, наряду с вопросом Джете ставит на повестку дня и проблему Хорезма, немедленно приступая к ее решению.

В 1371 году Темура посылает две карательные экспедиции в Джете. Он также направляет послание в Хорезм Хусейну Суфи, в котором требует, чтобы тот, во-первых, заплатил ему дань за последние пять лет, собранную в чигатайской части Хорезма, в том числе в городах Кят и Хива, а во-вторых, покинул пределы

⁷ *Камал ад-Дин Абд ар-Раззак аз-Самарканди Маш а'и са'дайн ва маджма'и бахрейн. Т. 1. Тегран 1372/1994. С. 434 (На фарси).*

юго-восточного Хорезма. Только при выполнении этих условий возможен был мир с Хусейном Суфи. Однако Хусейн Суфи дает ответ в грубой форме и, более того, заключает в темницу посла Темура. Этот поступок послужил толчком к первому походу Темура в Хорезм весной 1372 года. В последующем до 1388 года включительно Темура совершает целый ряд походов в Хорезм. Все эти походы были спровоцированы Суфидами. Не помогло даже установление родственных отношений - женитьба старшего сына Темура Джехангира мирзы на дочери одного из Суфидов Ханзаде. Суфиды постоянно совершали провокации против Темура, осуществляя грабительские набеги на Бухару и другие районы Мавераннахра. Одна из таких крупных провокаций была совершена на рубеже 1387/88 годов. Тогда Суфиды, примкнув к ордынскому хану Тохтамышу, ставшему к тому времени заклятым врагом Темура, и пользуясь тем, что Темура находился на юге Ирана в Фарсе, провели глубокий рейд в Мавераннахр и дошли до окрестностей Термеза. Причем, по дороге они разрушили Бухару и ее окрестности, дотла сожгли Занджир Сарай - дворец в Кашкадарье, служивший Темуру местом зимовки.

Амир Темура, узнав о случившемся, срочно возвратился из Фарса и уже весной 1388 года совершил свой последний, пятый, поход в Хорезм. В отместку за разрушения и поджог Занджир Сарая Темура сровнял с землей Ургенч и приказал засеять его ячменем, а население переселить в Самарканд. Однако через три года, осенью 1391 года, возвращаясь из победоносного похода против Тохтамышхана, Темура приказывает заново отстроить Ургенч и возвращает в город население³. Этим походом было окончательно завершено покорение Хорезма.

Одновременно с решением хорезмской проблемы Темура решает проблему и Моголистана - Джете. Дулгатские эмиры Камариддин и Анка Тура постоянно держали в напряжении Темура, совершая набеги на Мавераннахр то со стороны Сайрама, то со стороны Узгенда. С 1371 по 1390 годы Темура провел семь походов в Моголистан. В результате этих походов Темура дошел на севере до гор Алтая, а на востоке его отряды достигли ближних пределов Китайской стены. Моголистан был полностью покорен. Но к этому времени перед Темуром встает проблема Дашти Кипчака (или Золотой Орды) и Тохтамыша.

Еще в начале 1376 года, когда Темура направлялся в свой пятый поход против Моголистана, в районе Отрара к нему при-

³ Шараф ад-Дин 'Али Язди. Зафар-наме. Издание А. Уриунбаева. Ташкент. "Фан", 1972. С. 408 (На фарси).

шел с просьбой о защите и покровительстве сын узбекского правителя Мангышлака Той Ходжа оглана Тохтамыш. Незадолго до этого, когда узбекский правитель Ак Орды Урусхан собрал совет своих беков, на котором обсуждался вопрос о претенденте на престол Золотой Орды, Той Ходжа выступил против принятого решения. После этого Урусхан казнил его. В ответ Тохтамыш, отомстив за отца, убил одного из сыновей Урусхана и бежал к Темуру. Последний принял его как родного сына, так как незадолго до этих событий умер старший сын Темура Джанхир мирза, который был ровесником Тохтамыша.

Темур предоставил Тохтамышу убежище, дал ему войско и назначил его правителем областей Сабрана и Сыгнака. Однако сын Урусхана Кутлуг Буга изгнал Тохтамыша из этих владений. Тохтамыш вновь вынужден был прийти к своему покровителю. В том же 1376 году Темур опять предоставил военную помощь Тохтамышу и отправил его в Сабран. Однако Тохтамыш опять потерпел поражение и чуть не погиб на Сырдарье: его спасли люди Темура. В том же 1376 году, защищая Тохтамыша, Амиру Темуру пришлось сражаться с Урусханом. В этом сражении от полученных ран умерли Урусхан и его сын Токтакия. Победив противников, Темур сделал Тохтамыша ханом Ак Орды и ранней весной 1377 года вернулся на родину.

Еще до прихода Темура в Самарканд очередной сын Урусхана Темур Малик напал на Тохтамыша, победил и обратил его в бегство. Поверженный Тохтамыш в третий раз обратился за покровительством к Темуру. В начале 1378 года Темур снарядил большое войско и во главе с одним из своих полководцев отправил Тохтамыша против Темура Малика. На этот раз, используя фактор неожиданности, Тохтамыш победил Темура Малика. Тохтамыш перезимовал в Сыгнаке и весной того же года занял престол Золотой Орды. С этого времени Золотая Орда и подвластные ей русские княжества подпали под сюзеренитет Темура.

В дальнейшем военно-политические интересы Темура были направлены в сторону Ирана и Передней Азии. Еще во времена эмира Казатана Карты Герата, нуждаясь в военной помощи, подпали под вассальную зависимость чигатайского эмира. Эта зависимость выражалась в том, что правитель Герата должен был участвовать в ежегодных курултаях чигатайских эмиров в Мавераннахре и предоставлять вооруженные силы правителю Мавераннахра в случае необходимости. Герату была установлена и определенная дань. В конце 1380 года Темур отправил к прави-

телю Герата посольство во главе с крупным эмиром Хаджи Сайфулдинбеком, который привез приглашение на весенний курултай следующего года. Прибыв в Герат, Хаджи Сайфулдин увидел, что правитель Герата Малик Гиясаддин занят укреплением стен и крепости города. В Герате была возведена вторая стена, которая окружила находившиеся за городом сады. Было явно видно, что Малик готовится к войне. Более того, он не торопился отпускать Хаджи Сайфулдина, который вынужден был тайно покинуть город, чтобы сообщить Темуру о виденном. Амир Темур уже в начале 1381 года отправляет в сторону Герата своего 14-летнего сына Мираншаха с пятьюдесятью кошунами. А вслед за ним, собрав войско, отправляется в Хорасан и сам. Это был первый военный поход Темура в сторону Ирана.

Как уже говорилось выше, во второй половине XIV века Иран был раздроблен на несколько мелких государств, враждовавших между собой. К этому времени Иран стал понятием не политическим, а скорее географическим. Частые стычки между мелкими государствами на территории Ирана сильно ослабляли их. Если бы вблизи географических границ Ирана в то время было создано мощное государство кем-либо другим, а не Темуром, то, несомненно, рано или поздно территория мелких государств Ирана была бы присоединена к этой державе. Доказательством этого утверждения является тот факт, что в 1385, 1387, 1394 годах Тохтамыш совершал опустошительные походы в северо-западный Иран. И только присутствие Темура недалеко от тех мест не позволило Тохтамышу покорить весь Иран.

До середины 80-х годов XIV века у Темура не было твердого намерения завоевывать Иран. Однако первые два похода Тохтамыша в Иран укрепляют Темура в этом решении.

К этому времени политика Темура приобретает ярко выраженный международный характер, так как становится очевидной возможность возникновения союза между Золотой Ордой и мамлюкским Египтом. Надо заметить, что между этими двумя государствами существовали давние связи, но имели они скорее экономический характер. Однако на фоне событий последней четверти XIV столетия этот союз приобретает военно-политический характер. В начале 90-х годов XIV века к этому альянсу примкнула и османская Турция.

Амир Темур отчетливо осознавал политическую направленность этого тройственного альянса: его разведка доставляла ему довольно точные сведения о намерениях сторон. Участники альянса страшились продвижения Темура в регион Передней

Азии и Кавказа. Тему́р же в свою очередь намеревался объединить в рамках одного государства Иран, Ирак и Восточную Анатолию, чтобы обезопасить караванные дороги Великого Шелкового пути. Это способствовало бы безопасности и благополучию всего региона Центральной Азии. Тему́р, имея достаточно точные сведения о своих противниках, решает расправиться с ними по отдельности и начинает с наиболее опасного - Тохтамыша. Его походы против Тохтамыша в 1391, 1395 годах завершились полной победой Тему́ра. В результате этих побед Золотая Орда была полностью разгромлена.

Велика роль победы Тему́ра над Тохтамышем для всего человечества. Победив Тохтамыша, Тему́р, во-первых, уберег исламскую культуру от разрушения и упадка, спас Центральную Азию, Иран и сопредельные регионы от нового татаро-монгольского нашествия. Во-вторых, он открыл для Восточной Европы дорогу к независимости и свободе. В результате гибели Золотой Орды укрепилась Польско-литовская уния и была создана основа для ее победы в Грюнвальдской битве.

Кроме того, в результате “трехлетнего” и “пятилетнего” походов Тему́р объединил Иран в единое государство и заложил фундамент будущего мощного Сефевидского государства.

После разгрома Тохтамыша Тему́р мог быть спокоен за свой тыл и сосредоточить все внимание на остальных двух членах альянса. Он предпринял целый ряд дипломатических шагов для установления добрососедских отношений с мамлюкским Египтом и Османской империей. Однако все его попытки не находили должного отклика другой стороны. Напротив, султаны обеих держав давали грубые ответы на мирные послания Тему́ра. Это сделало неизбежным войну с султанами Египта и Турции. Когда в начале последнего десятилетия XIV века Тему́р впервые появился в Восточной Анатолии, эти земли еще не подчинялись османам. Здесь существовало несколько самостоятельных бейликов. Некоторые земли на юге и юго-западе Малой Азии только недавно были присоединены к державе османов. Османы и египетские мамлюки соперничали между собой за обладание землями на севере Сирии и юго-востоке Малой Азии. После присоединения Западного Ирана, Азербайджана и Ирака к своим владениям Тему́р появился здесь как третья сила. Во внешней политике Тему́ра в это время появился новый акцент: поскольку основная часть улуса Хулагу была присоединена к его владениям, он объявил себя наследником всего улуса Хулагу. Здесь следует вспомнить, что еще в 1370 году Тему́р возвел в

ханство потомка хана Великого улуса. Конечно, Темура как бек или даже султан Чигатайского улуса не имел никаких моральных и юридических прав на земли в Передней Азии, но от имени потомка Окдая, находившегося при нем, Темура мог претендовать на земли всех четырех улусов, что в данном случае и имело место в Передней Азии. Темура повел борьбу за обладание Сирией и Восточной Анатолией. "Сирийский вопрос" был решен еще в 1401 году: все земли в западном Средиземноморье были присоединены к владениям Темура. Часть зимы конца того года его воины провели на побережье современных Сирии, Ливана и Израиля.

Битва с турецким султаном Байазедом I Йилдиримом произошла 20 июля 1402 года возле Анкары. Она длилась чуть более половины дня и завершилась пленением султана. Однако после этой победы Темура еще в течение полугода оставался в Малой Азии, подавляя очаги сопротивления. К осени 1403 года признали себя вассалами Темура и обязались платить дань византийский император в Константинополе, правители севера Балкан до Дуная включительно, рыцарские ордена в Морее и островах Эгейского моря. В настоящее время достоверно установлено, что малоазиатская политика Темура находила понимание и полную поддержку со стороны королей Англии, Франции и Испании. Причину этого не трудно понять, так как незадолго до прихода Темура в Малую Азию, в 1396 году, близ болгарского города Никополя, поражением закончился очередной крестовый поход европейских держав против османской Турции. В плен к Байазеду I попали многие выдающиеся полководцы крестоносцев. Битва у Никополя показала, что в то время не только отдельная европейская страна, но даже их коалиция не способна была победить османов. Поэтому действия Темура, направленные против Байазеда I, были высоко оценены королевскими домами Европы. Победа Темура у Анкары предотвратила турецкое нашествие в Европу, дала возможность появлению европейского Ренессанса XV-XVI веков, который оказал значительное влияние на всю современную цивилизацию. Разгром же Темуром Золотой Орды предотвратил мусульманский мир от хаоса степи и создал предпосылки для появления независимой и великой русской державы.

Зиму 1403/1404 годов Темура провел в Карабаге, весной из Дешти Кипчака (Золотой Орды) к нему прибыли послы с изъявлением полной покорности, предотвратив тем самым его поход в Орду, куда, согласно Шарафу ад-Дину Али Йазди, он

намеревался пойти еще раз. В начале июля 1404 года Темура возвратился на родину, в Самарканд. Но уже в ноябре того же года, т.е. спустя неполных пять месяцев после завершения "семилетнего похода", он отправляется в свой последний военный поход против миньского Китая. Еще задолго до этого китайский император в своих посланиях к Темуру называл его "сыном", т.е. вассалом, оскорбляя его самолюбие. С притязаниями китайского императора Темура собирался покончить еще в конце предыдущего столетия. Но события, неожиданно развернувшиеся на западе его империи, заставили отправиться в "семилетний поход" на запад. Китайский поход Темура задержался из-за небывало сильных морозов зимы 1404/1405 годов. Темура вынужден был остановиться в Отраре. После двухмесячного вынужденного бездействия 11 февраля 1405 года он простудился и через неделю умер.

18 февраля 1405 года скончался Амир Темура - великий полководец, государственный деятель и реформатор.

ВОСПРИЯТИЕ ЕВРОПОЙ АМИРА ТЕМУРА И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В НАЧАЛЕ ЭПОХИ РЕНЕССАНСА*

*Декан факультета арабской филологии
Геттингенского университета им. Георга Августа
д-р проф. Тильман Нагель*

1

На соборе в Констанце, запомнившимся жителям Средней Европы нарушением обещаний, данных реформатору из Богемии Яну Гусу, обсуждались не только проблемы ереси, но и сложившаяся политическая ситуация. После неудачного крестового похода 1396 года, возглавляемого венгерским королем Зигмундом, никто не сомневался, что священная Византийская империя в ближайшее время будет уничтожена османским султаном Байазедом.

В этот момент на Востоке неожиданно появился загадочный Тамерлан, считавшийся татаринном, который в 1402 году недалеко от Анкары наголову разбил войска Байазеда и пленил его самого. Это событие возродило давние надежны Европы сдержать исламскую угрозу в союзе с монголами.

Во время проведения собора в Констанце был человек, который имел определенную информацию о Тамерлане, вернее, о

* Опубликованно в : *Oriente Moderno, nuova serie XV (LXXVI), 2 (1 volume), 1996.*

захвате Сирии его войсками зимой 1400-1401 г. Итальянец Бетрандо де Мигнанелли, родившийся в 1370 г. в Сиене, в конце XIV века попал в Дамаск, где ему удалось сколотить небольшое состояние и стать уважаемым человеком. Латиняне высоко ценились султанами и были ограждены от злобы мусульманского населения. Де Мигнанелли провел зиму 1401 года, когда Дамаск был превращен Тамерланом в золу и пепел, в Иерусалиме, затем вслед за мамлюкским войском, в панике бежавшим из Сирии в Каир, перебрался в Египет и, наконец, опять вернулся в Дамаск.

Отчет де Мигнанелли начинается с октября 1400 г. Тамерлан напал с северо-востока, со стороны земель "татар", и пошел на юг против империи мамлюков. Действия Тамерлана отличались дальновидностью и коварством. Захватив Алеппо, он мягко относился к плененным мамлюкским наместникам, возбудив подозрение султана в их предательстве. Якобы для мирных переговоров Тамерлан посылает в Каир посольство, которое выясняет политическое положение в городе, вносит раздор в ряды мамлюков. После возвращения посольства Тамерлан решается на поход против Дамаска. Тамерлан предложил евреям Алеппо ради безопасности собрать все свое богатство в синагоге, а затем его переодетые воины в праздник хануки напали на синагогу и увезли все сокровища.

В начале января 1401 г. недалеко от Дамаска произошло сражение. Войска Тамерлана использовали свою традиционную тактику: имитировали отступление, заманили войска противника в окружение и уничтожили их. Мамлюки оставили Дамаск. Знатные люди города пришли к победителю молить о пощаде и получили от Тамерлана заверение, что он пришел для их освобождения от гнета христиан и каирского султана. Горожане отдали все богатства и собственность бежавших мамлюков, но требования становились все более жесткими, и в конце концов город был отдан на разграбление. Де Мигнанелли сравнивает Дамаск после ухода Тамерлана с грудой развалин. Город был подожжен, и спустя 9 месяцев после этого в некоторых местах тлели остатки пожарниц. Размеры бедствий усилились, когда летом 1401 года на окрестности города напала саранча. Город превратился в толпы голодных людей, которые бродили по развалинам, издающим запах разложения.

Де Мигнанелли считал, что жители Дамаска должны были так пострадать, потому что они были людьми грешными. Мусульмане должны были примириться с мыслью, что Тамерлан пришел для того, чтобы наказать их за многочисленные прегрешения.

Дневники де Мигнанелли отложили отпечаток на трактовку образа Тамерлана в драме Марло. Де Мигнанелли и исламская историография отмечают, что Тамерлан обычно для запугивания противника представлял себя в качестве бича божьего. “Кем являюсь я, который творит такие великие дела?” - спрашивает Тамерлан одного из плененных жителей Дамаска. Тот с лестью отвечает: “Несравненный князь, сильный, добрый, милосердный, которому принадлежит любая слава”. “Ты лжешь, потому что я являюсь бичом господним, я наказываю Вас, и только я знаю те средства, которые вылечивают Ваши проступки. Я злее, чем ты. Поэтому молчи!” Де Мигнанелли отмечает, что “Тамерлан был очень статным мужчиной и приятным в обращении, он знал, как можно придать себе мягкую и дружественную внешность. Это противоречит мнению Платона о том, что все красивое является также и добрым, так как Тамерлан был красивым и злым”.

Таким образом, фигура Тамерлана оставалась совершенно загадочной. Для христианина де Мигнанелли, который много натерпелся от мусульман, Тамерлан был инструментом справедливого бога, ведь в Дамаске пощадили от огня только дома христиан. В появлении Тамерлана де Мигнанелли видел указующий перст бога для всех людей. “Все люди должны бояться суда всевышнего, и никто не должен хвалиться собственными злодеяниями, какими бы огромными они ни были”.

II

Война Тамерлана против османа Байазеда не упоминается в отчете де Мигнанелли. Он только указывает, что Тамерлан отказался от первоначального плана нападения на Каир, узнав о том, что Байазед может напасть в Сирии и отрезать ему пути отхода. Для того, чтобы избежать этого, Тамерлан повел войска от Дамаска на север.

Для европейцев образ Тамерлана в первую очередь связан с его войной против Байазеда. Политическое значение битвы при Анкаре для христианской Европы усиливается тем фактом, что в то время в духовной жизни Ренессанса решался очень важный вопрос о соотношении “судьбы” и “возможностей”. Европейцы считали, что жизнь и действия Тамерлана в какой-то степени зависят от встречи с Байазедом. То, как воспринимались эти драматические события, имеет мало общего с действительными событиями, довольно правильно и надежно описанными в пер-

сидскоязычных хрониках и записях арабских историографов. Бытовавшие представления об этой войне показывают плохое знание географии, политической и общественной ситуации, сопровождавшей военные действия, хотя определенная информация об этих событиях имелаась в Европе, в частности, в записках кастильского посольства, побывавшего в Самарканде в 1403 году.

Основным европейским источником времен Ренессанса, содержащим информацию о жизни Тамерлана, являются записи, сделанные генуэзским баптистским монахом Фульгозусом (1479-1488). Согласно этим записям, жизнь великого завоевателя началась где-то во владениях короля Персии. Юноша был пастухом, но уже в то время выделялся среди сверстников. Во время игры товарищи короновали Тамерлана как короля. Взлет человека, который в последствии разрушил установленный до него порядок в окружающем мире, начинался как имитация власти. Но он был больше, чем простой карнавальный король, и в конце игры для восстановления порядка его свергают и даже убивают. Игра превращается в очень серьезное дело, она становится действием, требующим выполнения правил. Но в этой игре человеку умному и мужественному предоставляются неожиданные возможности.

Прошло время, и Тамерлан потребовал от своих товарищей дать клятву, что они будут подчиняться ему как настоящему королю. Они продали скот и сменили свою бедную жизнь на судьбу воинов. Вскоре за Тамерланом следовали уже 500 человек. Они нападали на караваны, а полученное богатство Тамерлан делил среди всех товарищей с исключительной справедливостью.

В арабских источниках, прежде всего у Ибн Арабшаха (умер в 1450 г.), также содержатся сведения о том, что Тамерлан начинал как предводитель разбойников. Однако следует помнить, что Ибн Арабшах сообщает о Тамерлане только невыгодные сведения. У Ибн Арабшаха есть упоминание о том, что Тамерлан происходит из знатной семьи. Подобные сведения отсутствуют в европейских источниках, где низкое происхождение подчеркивает ту мысль, что Тамерлан добился мирового величия только благодаря своим личным качествам и способностям.

Среди личных качеств Тамерлана отмечают не только военные способности, но и умение воздействовать на людей силой убеждения. Рассказывается, что король Персии, узнав о незаконных действиях Тамерлана, послал против него подразделение солдат. Но Тамерлан превратил их в своих сторонников. Он стал столь силен, что смог вмешиваться в решение спора за трон между королем и его братом, выступив на стороне последнего и

оказав ему неоценимую помощь в получении власти. В качестве вознаграждения он получает право командовать большей частью армии империи и завоевывает для нее новые территории.

Пришло время, когда Тамерлан смог захватить всю власть. Он повернул страму против ее номинального правителя и был провозглашен королем Персии. Европейские жизнеописания особо подчеркивают тот факт, что достигнуть вершин власти без смелых поступков Тамерлану не удалось бы. Восточная историография комментирует факт его восхождения к власти цитатой из Корана: "Ты (бог) даешь власть тому, кому ты пожелаешь" (Сура 3.26). Но и восточные описания истории не просто приписывают восхождение Тамерлана воле творца, а находят рациональное объяснение этому факту.

В европейских описаниях венцом восхождения бедного пастуха к вершинам власти явилось освобождение им родины от гнета сарацинов и персидских королей. Такая трактовка была распространена не только в Трансоксании конца XIV века, но присутствовала во взглядах генуэзского баптиста Фульгозуса и его современников, перед глазами которых проходила борьба за независимость итальянского города-государства.

Точных сведений о жизни и военных походах Тамерлана после его прихода к власти в европейских источниках не содержится. Известно было только то, что он совершал удивительные подвиги и создал новые способы ведения войны.

Правление Тамерлана отличалось справедливостью и щедростью, отсутствовали основания для восстаний против него. В его армии были установлены строгая дисциплина и порядок: каждый солдат имел свое место и точно знал, когда и что он должен делать. Тамерлан постоянно заботился о своей армии, ее обслуживали сотни ремесленников разных профессий, солдатам регулярно выплачивались деньги. Порядок и дисциплина господствовали и во всем государстве.

С мобильной и дисциплинированной армией, превышавшей по численности войска Дария и Ксеркса, Тамерлан вошел в Малую Азию. Байазед, намеревавшийся штурмовать Константинополь, отказался от своего плана и попытался противостоять вторжению. Армия Байазеда была равна армии Тамерлана и по численности, и по вооружению. Главная битва долго не могла определить победителя, но в конце концов войска Тамерлана стали побеждать, ситуацию не изменил отчаянный шаг султана, лично бросившегося против врага. Байазед был окружен, сбро-

шен с лошади и пленен. Тамерлан посадил его в железный ящик и разрешал лишь скудно питаться крохами с его стола.

Последний эпизод является кульминацией в европейском описании Тамерлана. Его можно найти во многих жизнеописаниях для подражания. В нем видят пример, символ. "Мы не очень похваливаемся сверкающими богатствами этого мира, потому что тот, кто предыдущим днем был властителем мира, повержен рукой того, кто раньше был бедным пастухом, в такую нужду, что он вынужден питаться вместе с собаками под столом. И несмотря на то, что он был высокого происхождения и имел огромное величие, однажды он был повержен тем другим человеком".

III

Битва при Анкаре подтверждает две истины, действующие в истории. Талантливый полководец несет свой маршалский жезл в ранце рядового. Нет постоянного счастья на этом свете, и благородное происхождение не может от этого спасти. Эти мысли положены в основу исследования Луиса Лероя "De la Vicissitude ou variete des choses en l'univers", изданного в 1577 г. в Париже, где автор, сравнивая современное и древнее военное дело, т.е. греческую и римскую военную доктрину, упоминает о Тамерлане, противопоставляя ему легендарного правителя Нинуса, зороастрийца, который победил короля Бактрии и завоевал почти всю Азию. Хотя Тамерлан происходил из низов, а Нинус был членом королевской семьи, именно первому удалось подчинить себе практически весь азиатский материк и разбить Байазеда.

Лерой находит целый ряд совпадений в жизни Тамерлана и других великих полководцев. Например, Сесострис заставил тянуть свою повозку четырех поверженных королей. Тамерлан же въехал на спину поверженного на землю Байазеда на своем коне. Как и Кир, Тамерлан вырос среди пастухов и был выбран предводителем своими товарищами по играм. Как Александр, Тамерлан побеждал в каждой битве, укротив даже диких скифов, чего не смогли сделать Кир, Дарий, Александр и римляне. Победоносные полководцы Аттила, Тамерлан, Сесострис, Карл Великий, Константин оказывали огромное уважение религии.

Великие завоеватели, начиная с Сесостриса, хотели, по мнению Лероя, создать империи от океана до океана. Но никому из них не удалось довести до конца свое дело. Судьба не долго благоволила к ним. Кто-то был отравлен, кого-то злодейски

убили, кто-то бежал со своими войсками от эпидемии. Замыслы великих полководцев оставались нереализованными. Их последователи были не в состоянии продолжить начатое, поверженные враги снова набирали силу и завоевывали власть, превышавшую прежнюю. Показателен пример османов, которые во времена Лероя находились на пике своей славы.

В рамках доклада невозможно указать все источники XV-XVI веков, в которых образ Амира Темура волновал умы европейцев. Почти все эти источники нашли свое историческое воплощение в театральном произведении, написанном Марло в 1590 году. Пьеса принесла автору славу и нашла широкий отклик в обществе. Марло не только переработал все материалы, имеющиеся в европейских источниках, но и дополнил свое произведение второй частью, где представил действие, придуманное им самим.

Интерпретация автора была направлена на то, чтобы представить характерные черты героя пьесы более остро. Автор хотел показать неудачу всех усилий, связанных с насилием, избегая при этом прямой связи с образом Тамерлана, так как отсутствовали реальные сведения о судьбе прототипа. В пьесе Тамерлан хочет, чтобы его сыновья тоже стали бичами божьими и пошли по его стопам, но один из них, к ужасу Тамерлана, отвергает этот путь. Потрясенный этим фактом, а также смертью любимой жены, Тамерлан теряет над собой контроль. Он, продолжая проводить завоевание за завоеванием, ведет себя все более жестоко и кровожадно. Конец неотвратим в безумии, бог избавляется от своего бича.

Перед лицом смерти становится бессмысленным ссылаться на многочисленные победы. Самовозвеличивание Тамерлана заходит так далеко, что он даже сжигает Коран и насмехается над Мухаммедом. В этом эпизоде очевидно влияние де МигнANELЛИ, который говорил о кажущейся религиозности Тамерлана.

Пьесу Марло часто ругали за то, что в образе главного героя не происходит никаких внутренних изменений. Его никогда не охватывают раскаяния за содеянное. Все, что он будет делать дальше, чего достигнет, известно уже с самого начала пьесы. Став предводителем товарищей, доказав величие своей судьбы в борьбе и при проведении переговоров, Тамерлан определил свою судьбу. Дальше все это происходит снова и снова, только более масштабно, а во второй части и более жестоко.

Подобная трактовка образа Тамерлана объясняется тем, что Марло в процессе изучения античных историографов, таких как Потибий, попал под влияние так называемого субстанционализ-

ма. Эта концепция предполагала, что в основе личности лежит неизменная сущность, которая раскрывается в каждом из деяний индивида. Каждое событие или действие являются только примерами этой сущности.

Несомненно, что христианская традиция, требующая от грешного, но стремящегося к искуплению грехов человека прозрения и внутреннего перевоплощения, в пьесе Марло отсутствует. Но если мы вспомним знаменитую фразу Пикко делла Мирандолоса (1463-1494) "Oratio de hominis dignitate", которую можно оценить как концентрированное выражение нового самосознания человека периода Ренессанса, то объяснение позиции Марло можно найти не только в античности, но и в воззрениях людей его времени.

"Я поставил тебя в центре мира", - эти слова Мирандолос вкладывает в уста бога, - "и это сделал для того, чтобы ты легко оглядывался вокруг себя и видел все, что скрывается внутри. Я создал тебя существом, которое является не небесным, не земным, не смертным, не бессмертным, для того, чтобы ты был своим собственным творцом и победителем, и чтобы ты мог принять любую форму, которую ты для себя выберешь. Ты можешь превратиться в зверя и возродиться в божественном обличье".

В отличие от растений и зверей, человек сам решает, подняться ли ему, следуя своему разуму, к ангельскому бытию или впасть в чувственность и безумие. Человеческая натура скрывает в себе все эти возможности, и поэтому она является двойственной, включает в себя противоречия. Речь Мирандолоса непосредственно цитирует мысль Николая фон Куэса (1401-1464), который в *coincidentia oppositorum* открыл важный элемент акта творения. Он писал: "Человек может быть человеческим богом и богом человеческого права, человеческим ангелом или человеческим зверем, львом или медведем, или еще кем-либо в человеческом обличье. Так как в возможностях человеческого бытия существуют все эти виды сущностей".

Тамерлан Марло является человеком в истинном смысле этого слова, человеком, который берет свою судьбу в собственные руки, как этого требовал Пикко делла Мирандолос. Путь Тамерлану прокладывает не божественная воля, он сам выбирает этот путь в соответствии со своими способностями, которые доводит до совершенства. "Судьбу держу я в железных цепях, своей рукой вращаю судьбы колесо", - говорит Тамерлан у Марло (I. П 369-370). "Марс и все земные владыки не воспрепятствуют мне

в моих начинаниях”, - говорит Тамерлан во второй части драмы, когда уже ослабевает объективное видение мира.

Человек Ренессанса, представленный в образе Тамерлана, чувствует в себе чудовищную силу, в его распоряжении имеются ум и насилие, и только на мгновение на первый план выступает христианское сомнение.

Тамерлан в первой части пьесы является примером человеческого взлета, образцом человека, способного идти вперед независимо от своего происхождения и положения. Тамерлан служит для автора действительным образцом еще и потому, что он покорила самого злейшего врага христианской Европы - османов.

Но ум может превратиться в свою противоположность. Насилие больше не служит для умиротворения земель, простирающихся от океана до океана, а перерастает в дьявольскую жестокость. Появляется противоположная сторона человеческих возможностей, с этим связан факт конечности человеческого существования, что и отличает человека от бога. Если принять в качестве послышки утверждение, что Тамерлан при всех своих устремлениях является ничем иным, как инструментом в руках творца и судьбы, то разговор о боге в человеческом облики теряет свой смысл, а внутреннее стремление главного героя к самоуглублению и раскаянию вовсе не требуется.

Итак, оценка образа Тамерлана в конце пьесы Марло не столь однозначна. Колебания автора очевидны, хотя ярко просматриваются и ключевые идеи того времени.

Отчасти эта оценка напоминает позицию исламской историографии, которая колеблется при характеристике Амира Темура. Как повелитель, вступивший в союз со счастьем, он соединяет в своей природе элементы огня и земли, обладает огромной деятельной энергией. У него много земного, причем он сочетает в себе противоположные черты: гнев и доброту, которыми обладает и бог, выступающий перед верующими. Противоположные черты сбалансированы в Тамерлане гениальным образом.

Вместе с тем один мусульманский современник Амира Темура замечает, что этот индивидуальный характер завоевателя является ничем иным, как манифестацией единственного в своем роде человека, индивидуума.

Предпосылки, по которым, с одной стороны, мусульманские историографы, а с другой стороны, Марло приходят к одинаковому толкованию образа Тамерлана, по своей сущности совершенно различны. Углубленное изучение этого феномена могло бы стать предметом серьезного сравнительного исследования.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА ТЕМУРА В ОТТОМАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

*Национальный центр научных исследований Франции
проф. Жан-Луи Баке-Граммон*

Если принять во внимание тот факт, что поход в Малую Азию, осуществленный Темуром в 1402 году и закончившийся победой над султаном Байазедом I близ Анкары, привел к потере Оттоманской империей владений в Анатолии, а вспыхнувшая в результате этого гражданская война поставила под угрозу само существование мощного государства, создававшегося веками, то нетрудно будет понять, что оттоманские летописцы (а каждое новое их поколение старалось превзойти в этом предшественников) не имели особых оснований испытывать симпатию к завоевателю из Самарканда. И потому нет ничего удивительного в том, что при изучении большинства источников оттоманского происхождения приходится встречаться с весьма нелестными эпитетами по отношению к Темуру. Крайне отрицательные оценки Темура принадлежат перу великого Садууддина (ум. в 1599 г.), но еще с более резкой манерой приходится столкнуться в донесениях, присылаемых из поездок Эвлием Челеби (ум. в 1684 г.). Все это следует учитывать при серьезном изучении текстов с целью беспристрастной оценки эволюции образа Темура в оттоманских источниках.

При первом знакомстве с трактовкой образа Темура, предложенной ученым-эрудитом Катибом Челеби (ум. в 1657 г.) в его обширном географическом трактате "Джихан-наме", возникает ощущение, что автор пытается преодолеть традиционную неприязнь к Темуру. Повествование, которое мы обнаруживаем в параграфе "Положение королей", относящемся к 36-й главе "О климате в Трансоксиане", поражает скрупулезностью подбора фактов и деталей, придающих описанию жизни и деятельности Темура почти документальную точность, хотя в позиции автора отсутствует малейшая попытка быть справедливым и отдать должное величию этой исторической личности. В этом труде появляются отдельные приемы, характерные для манеры западноевропейских энциклопедистов. Автор, пусть еще не всегда последовательно, но стремится привлечь читателей с разными взглядами своей объективностью.

Любопытно сопоставить ту оценку личности Темура, которую предлагает Катиб Челеби, представляющий в оттоманской исто-

риографии особый случай, с широко известной и распространенной летописью его современника Хусейна Хезар-фенна (ум. в 1691 г.). Последний пользовался куда более традиционной формой, хотя и у него уже не было необходимости открыто поносить Темура и его потомков. Однако некоторые факты дают нам повод для утверждения, что в своей достаточно компилятивной главе, посвященной Темуру, Хезар-фенн опускается почти до плагиата текста более ранней хроники некоего Мустафы Дженابي (умер в 1590 г.), который был современником Садуудина, непримиримого хулителя Тамерлана.

Можно попытаться глубже проследить причину возникновения взглядов, которые по своей природе видят только то, что лежит на поверхности. Но мы ограничимся лишь несколькими соображениями, касающимися направлений исследования.

Без сомнения, три упомянутых нами автора - Дженابي, Катиб Челеби и Хезар-фенн - представляют в османской историографии течение, ставшее в конце концов доминирующим. События двухвековой давности, личность Темура и битва при Анкаре рассматривались с безопасного расстояния, да к тому же из Стамбула, столицы самой могущественной империи мусульманского мира, с точки зрения престижа которого не в чем было завидовать властелину Самарканда.

Только Садуудин представлял архаическое направление, которое по "наследственной" традиции сверх меры опасалось силы, идущей с Востока. К этому направлению относятся османские летописцы, "комплексующие" перед лицом грозной мощи Тамерлана.

За время, прошедшее после похода Темура, стамбульские султаны покрыли себя исключительной славой, даже в трудных походах на Египет, где, правда, как и Чингизиды, в конце концов, потерпели поражение. Монархи самых далеких от исламского мира стран почитали за честь заручиться поддержкой со стороны "слуги двух Священных городов". Победа Темура притормозила победоносное развитие Османской империи не более чем на полвека. Но и этот факт давал летописцам право сурово оценивать неудачи Байазеда I и без особого восторга, но отдавать должное рыцарскому величию своего покорителя.

С точки зрения человека нашего времени, в османских хрониках отсутствует единая оценка политики Тамерлана и его наследников. Из османских летописей могут быть взяты многочисленные факты о событиях в Трансоксиане, позволяющие судить о деятельности Темура и Темуридов. Однако в них

полностью отсутствует попытка художественного или литературного осмысления описанных событий. И все же о визите в Бурсу или сне Байазеда II (1481-1512) охотно слагались стихи и на чагатайском языке.

Очевидно, что в османских источниках подлинные заслуги Темура и Темуридов довольно тщательно скрыты, ведь даже в соседних странах они отображены более ярко: здесь вспоминаются и особые формы меценатства, и мучительные поиски истины даже во времена небывалого величия.

ТРАДИЦИЯ КАК СОБЫТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВАЖНОСТИ: ТЕМУР В УСТНЫХ ПРЕДАНИЯХ

*Институт этнографии и африканистики Мюнхенского
университета им. Людвига Максимилиана
д-р Андреа Шмитц*

В докладе будет освещен один из аспектов историко-политического развития правления Амира Темура: сублитературные традиции начала его карьеры.

Как известно, ни исторические произведения, написанные во время жизни Темура по его указанию, ни произведения, написанные его преемниками (преимущественно на персидском языке), не содержат достоверной информации о его деятельности до 1361 года, когда он впервые вступил на политическую сцену.

Но свидетельства об этом периоде жизни Темура содержатся в целом ряде источников, возникших вне придворного круга, и по всей вероятности, базирующихся на устных традициях. Как оценивать значимость этих сообщений в качестве источников? На какую социальную среду они указывают и какова их политическая функция?

Постараемся ответить на эти вопросы.

Предания

В рассказе, который в 1867 г. записал отец тюркской филологии Вильгельм Радлоф в одном из татарских поселений между Тобольском и Тюменью, в то время центре мусульманской духовности (Radloff, 1872 б, XIV), о Темуре сообщается следующее:

Цюдею, хану Китая, однажды приснился сон, в котором баран своими рогами опрокидывает его трон. Предсказатель

объяснил ему, что будет рожден мальчик, который убьет хана и займет его трон. После этого хан приставил охрану ко всем беременным женщинам для того, чтобы убить младенца, если он является мальчиком. Охранник, приставленный к матери Темура, был ее родственником; он сильно надавил на живот беременной женщины и после этого ушел, не дожидаясь родов. Родился Темур, но при насилии над матерью ему была сломана нога, и поэтому он получил прозвище "аксак", что означает "хромой".

В возрасте 10 лет он играл со своими товарищами, их было 50 или 60 мальчишек, детей визирей и служащих. И Темур сказал товарищам: "Хан Цюдей владеет городом, ... давайте назначим сейчас среди нас князя. "

Тот из них, кто победит при беге наперегонки, и должен был стать князем. Выиграл Темур, но не благодаря своему физическому превосходству, а потому, что он бросил за финишную черту свою шапку. Возник спор. В качестве судьи был привлечен старец, который проходил по дороге. Он решил спор в пользу Темура, мысль которого быстрее достигла цели, чем ноги его товарищей.

С годами число приверженцев Темура возросло, он убил хана и сам сел на его престол (Radloff, 1872 б, 370 ф, с. а. 1872 а, 247 ф).

Данная версия этой истории дана в одной из чагатайских рукописей XVII в., которую неоднократно переводили на русский язык. Из нее мы узнаем, что Темур, потомок одного из ханов по материнской линии, стал после смерти своих родителей пастухом. Он собрал вокруг себя 6 или 7 других сирот и пас вместе с ними скот.

Он превосходил своих друзей умом, в качестве примера может служить его "победа" при беге наперегонки, где он показал себя более смелым и находчивым, чем его сверстники. После решения спора в его пользу он забил одного бычка из тех, которых им было доверено охранять, и угостил мясом своих друзей, а они "единогласно" избрали его "ханом".

После этого они вооружились и стали "известными разбойниками", у которых "каждый беглец находил приют" (Рапов, 1934, 219-224) .

Варианты этих рассказов о ранних годах Темура можно найти уже в сообщениях его современников.

Сирийский правовед и историк Ахмад ибн Арабшах, который побывал в Трансоксании между 1401 и 1408/09 гг., при-

водит в биографии Темура различные версии его юности, которые, по всей вероятности, были рассказаны ему людьми, приближенными к Темуру (Manz, 1988, 108) .

Согласно одному из этих преданий отцом Темура был Тарагай, простой пастух, или — по другой версии — кузнец. Мальчик же, Темур, рождение которого сопровождалось чудесными предзнаменованиями и руки которого были полны крови, когда он родился, уже с малого возраста отличался острым умом и силой.

Из-за бедности он стал похитителем скота. Несмотря на то, что 40 человек, которых он объединил вокруг себя, высмеивали его из-за амбиций, ему удалось при поддержке молитв священных старцев и с помощью хитрости освободиться от оков своего происхождения (Ibn Arabshah , 1-3).

Согласно другой версии, отец Темура был знатным придворным, а его мать — потомком Чингиз-хана.

Темур, который был "смелым, добрым, деятельным и образованным юношей", собрал вокруг себя определенное количество последователей из других родов, но одного с собой возраста и положения, которые поклялись ему в верности. Так они начали свои бесчинства (Ibn Arabshah , 4-7) .

Испанскому посланнику Гонзалесу де Клавихо рассказывали в 1404 г. в Кеше, недалеко от которого находилось место рождения Темура, что отец Темура был потомком одного благородного рода, но тем не менее у него было совсем небольшое состояние и небольшое количество слуг.

Темур, его сын, выбился в люди как похититель скота, он делил добычу с 4-5 своими людьми, входившими в его свиту. Со временем у него появились многочисленные сторонники, т. к. он, по словам Клавихо, был "смелым и добрым человеком" (Clavijo, 1254). С командой примерно в 300 всадников Темур прошел по всей стране, разбойничая и грабя купцов.

Похожая история юности Темура содержится в отчете доминиканца Иоханесса, епископа Султании, который в 1403 году ездил в Европу в качестве посланника Темура и его сына Мираншаха (Moranville, 1894, 441 ф, 447).

Те же сообщения можно найти и в исторических произведениях европейских ученых XV и X VI вв. (см. Nagel , 1993, 9 ф).

Оценка юности Темура у перечисленных выше авторов резко отличается: биография Темура в изложении Ибн Арабшаха полна презрения и насмешек, даже ненависти, в то время как европейцы не без удивления рассказывают о взлете великого Темура. Одновременно европейцы проявляют удивительное

единство взглядов по отношению к независимым сообщениям историографии эпохи Темура о его юных годах.

Мы можем предположить, что неофициальная историография не соответствовала той картине, которую хотел представить Темура образованному миру, и поэтому он требовал, чтобы такие сообщения были исключены из придворных хроник (Woods, 1987, 82; Бартольд, 1935, 20).

Но среди его свиты и вообще среди кочевых скотоводов Трансоксании эти сообщения были широко распространены. Темура и его узкое окружение были выходцами из этой среды (Manz, 1993, 148ф, Ando, 1992, 51 фф). Это окружение внесло свой вклад в появление подобных сообщений.

Социальное окружение и политическая функция преданий

Если следовать предположению, что героические рассказы о юности Темура были рассчитаны на определенную публику (Manz, 1988, 109), то тогда возникает вопрос, какое значение могли иметь эти рассказы для этой публики и чем объясняется их живучесть.

Совершенно по-другому, чем в городском обществе, которое на протяжении поколений было знакомо с письменностью, обстояло дело в степи, где бытовали только устные исторические предания.

Важной характеристикой устных исторических преданий является то, что они за период своего существования постоянно аккумулируют в себе различные интерпретации, зачастую в гораздо более высокой степени, чем это имеет место при письменной передаче.

Здесь мы имеем дело с продуктами постоянной исторической рефлексии, целью которой было не сообщать то, что было "на самом деле", а с помощью исторического материала формулировать то, что имело значение для текущей действительности (Vansina, 1985, 195 ф).

Очевидно, что устная традиция выполняет определенную функцию для сообщества, внутри которого она передается. Она постоянно репродуцируется, хотя и в измененном историческом контексте.

Еще раз обратимся к преданиям о молодых годах Темура.

Все эти предания рисуют образ молодого человека, призванного к владычеству, но который растет в простых условиях,

преимущественно среди пастухов. Он превосходит своих сверстников энергией, активностью, умом и в процессе игры выбирается их "ханом".

Со временем его дружина, состоявшая первоначально из небольшой группы мужчин (Клавихо называет число 4-5, Иоханнес Султания - 7, а Арабшах - символическое число 40), вырастает в группу из пары сотен всадников. В качестве предводителя банды, которая стояла вне закона, добывала себе средства к существованию путем грабежа и состояла из лиц различного происхождения ("беглые", "соратники из различных племен"), Темур в конце концов приходит к власти благодаря именно друзьям юности, лояльность и одобрение которых делает возможным взлет юного героя.

Видимо, в случае со свитой, которая помогла Темуру прийти к власти, речь идет о сообществе молодых воинов, лояльность которых по отношению к Темуру основывалась не на законе или договоре, а прежде всего на эмоциональных связях. В источниках они иногда называются "джигитами", т.е. "смелыми молодыми доверенными лицами предводителя" (Ando, 1992, 274).

Сторонники Темура рекрутировались из членов различных племен и, как правило, происходили, так же как и сам Темур, из верхних слоев племени.

Многие из них имели положение "ички", они не зависели от службы и свое положение определяли исключительно через личное отношение к повелителю.

Группа "ички" образовывала узкий круг приближенных Темура и, вероятней всего, состояла в основном из пажей.

Они могли, в зависимости от заслуг, быть подняты до звания "аир" или "бек" и после этого занимали влиятельные позиции в темуридской системе управления или в войсках (Ando, 1992, 250 фф, 262 фф, 269 фф).

Устные традиции, касающиеся Темура, не в последнюю очередь указывают на принцип политической организации, который имел огромное идейное значение в государственных образованиях Центральной Азии, подверженных сильным центробежным тенденциям, а именно: тесное объединение и сплоченность между вождем и его приверженцами внутри правящей клики в качестве базиса центрального политического управления.

Устные рассказы о начале деятельности Темура образовывали среду, которая утверждала этот принцип в качестве политического императива и одновременно могла бы служить обоснованием притязаний Темура на господство.

Рассмотрим еще раз цитировавшиеся предания о юности Темура.

Похожую комбинацию мотивов (впервые она представлена Геродотом (Herodot 1,107фф) в связи с юностью персидского короля Кира) можно найти и в эпических биографиях других иранских, тюркских и монгольских властелинов, вошедших в историю в качестве основателей новой династии.

"Тайная история монголов" (Haenisch, 1941) сообщает о начале деятельности Чингиз-хана в качестве пастуха, о разбойных набегах и походах мщения, которые сопровождали его взлет к званию хана "монголов", — так была названа федерация племен — о приближенных, присоединившихся к нему в это время и сохранявших ему верность всю жизнь.

Похожее рассказывалось и в эпических повествованиях об Идику, амуре Золотой Орды. Записи были сделаны в XIX и XX веке у различных тюркских народов (Schmitz, 1996).

Идику относился к монгольскому племени мангитов и был контрагентом хана Золотой Орды Тохтамыша, а также давним союзником Темура.

Идику (Едигей) образовал конфедерацию племен ногайцев, которая в XV и XVI веках являлась самой значительной региональной державой на бывшей территории Золотой Орды и управлялась представителями мангитов. Устные предания представляют Идику (Едигея) в качестве потомка мусульманских властителей и богобоязненных людей, в том числе потомком Баба-Тюкlesa, того дервиша, который обратил Узбек-хана (1313-1341) в ислам (DeWeese, 1993). Идику вырос в неведении о своем происхождении среди простых пастухов и был выбран товарищами по играм "ханом".

Позднее с несколькими верными товарищами Идику бежал от Тохтамыш-хана, который отлучил его от двора в связи с плохими предсказаниями. Идику долго бродяжничал, до тех пор пока ему в конце концов не удалось захватить власть.

В этих эпических биографиях перед нами предстает будущий правитель, который завоевывает эту должность благодаря своим личным качествам: воинскому умению и бесстрашию, справедливости и щедрости.

Так как он обладает этими качествами от природы, а не благодаря своему знатному роду, его взлет представляется в еще более ярком свете.

Одновременно в успешно примененных личных качествах героя исполняется божественное предназначение. Это предна-

значение сообщается в виде сна, который пугает хана (рассказ, записанный Радлофом (Radloff) о Темуре; см. Рапов, 1934, 219), а так же в виде плохого предсказания прорицателя Тохтамышхану в рассказе об Едигее.

Божественное предназначение выражается в поддержке Темура со стороны святых отцов, о чем сообщает Ибн Арабшах, а также в отношениях Едигея к Баба-Тюклесу.

Чингиз-хан, который (явное сходство с Темуром) при своем рождении держал в правой руке сгусток крови величиной с косточку от лодыжки (Haenisch, 1941, 10), ссылается в "Тайной истории монголов" на небесное благословение (Haenisch, 1941, 37); что касается Темура, то он также все время подчеркивает, что своими успехами он обязан только воле Всевышнего (Moranville, 1894, 447, Ibn Arabshah, 5).

В представлениях о небесном покровительстве степная традиция пересекается с древнеиранскими и исламскими представлениями о божественной посылке на землю харизматического лидера.

Точно так же, как его великий предшественник Чингиз-Хан и как его современник Едигей, Темур целенаправленно использует эту традицию с целью завоевания престижа, необходимого ему для того, чтобы основать новую династию (Manz, 1988, 116 ф).

Этот, действенный именно в степи, идеальный образ героического предводителя, выделяющегося выдающимися личными способностями и пользующегося благословением неба, был не единственным источником легитимации для Темура. Чтобы обосновать свои притязания на владение улусом Чагатай, Темур обратился к династической традиции Чингизидов, которая дала ему возможность представить себя в качестве легитимного наследника дома Чагатая.

С целью легитимации своих политических и военных амбиций Темур обратился к имперской идеологии, к образу поборника порядка и блюстителя веры (Manz, 1988, 110 фф, Nagel, 1993).

Придворные историографы, создавая образ Темура, стремились придать его правлению облик традиционности и легитимности. По Максу Веберу, под этим необходимо понимать такую форму правления, легитимность которой опирается на "святость порядков, исходящих из старины" (Weber, 1980, 130 фф).

Таким образом, успех Темура не в последнюю очередь объясняется тем, что ему удалось интегрировать различные типы со-

циальной и культурной среды своего времени с традиционными направлениями в жизни общества.

Видимо, и перед современным узбекским государством стоит задача определения своего отношения к традициям.

Существует, как я попыталась показать, не одна сингулярная традиция, с помощью которой можно обосновать однозначную национальную идентификацию, а огромное количество традиций, и это многообразие определяет культурное наследие. Эта тенденция действовала во времена Темура, она актуальна и в наше время.

Политическая практика стоит перед многоуровневыми интеграционными задачами. Сюда относится не только интеграция различных этносов и социальных сред в обществе, но и организация более или менее добровольного повиновения в государстве. Это дает возможность более свободно, более плюралистически подходить к традиции.

Какая позиция будет занята при этом по отношению к "традиции отсутствия традиций", очень модной сейчас на Западе, с которой узбекское общество с момента обретения независимости вступило в усиленную конфронтацию, представляется предметом отдельной дискуссии.

Использованная литература

- Ando, Shiro** 1992: *Timuridische Emire nach dem Mu'izz ai-ansab. Untersuchungen zur Stammesaristokratie Zentralasiens im 14. und 15/ Jahrhundert.* Berlin (Islamkundliche Untersuchungen Bd. 153)
- Barthold, Wilhelm** 1935: *Ulug Beg und seine Zeit. Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes, Bd/ XXI, Nr. 1.* Leipzig
- Clavijo**: *Narrative of the Embassy of Ruy Gonzalez de Clavijo to the Court of Timour at Samarcand A.D. 1403-6.* Nransl. by Clements R/ Markham. London 185999 (Hakluyt Soc., No. 26)
- DeWeese, Devin** 1994: *Islamization and Native Religion in the Golden Horde. Baba Tukles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition.* University Park/ Pennsylvania
- Haenisch, Erich** 1941: *Die Geheime Geschichte der Mongolen/ Leipzig*
- Herodot**: *Historien.* Übersetzt von J. Feix/ Wiesbaden 1963
- Ibn Arabsah, Ahmed**: *Tamerlane or Timur the Great Amir.* Transl. by J.H. Sanders. London 1936

- Manz, Beatrice F.** 1988: Tamerlane and the Symbolism of Sovereignty. *Iranian Studies*, Vol. XXI, Nos. 1-2, 105-122
- Manz,** 1993 (1989): *The Rise and Rule of Tamerlane*. Cambridge
- Moranville, H (Ed.)** 1894: *Memoire sur Tamerlane et sa cour par un Dominicain en 1403*. *Bibliothèque de l'École des chartes*, LV, 433-464
- Nagel, Tilman** 1993: *Timur der Eroberer und die islamische Welt des späten Mittelalters*. München
- Panov, V.A.** 1934: *Fitobiografija Timura. Bogatyrskie Skazaniya o Cingiz-Chane i Aksak-Temire*. (o. O.)
- Radloff, Wilhelm** 1872 a: *Образцы народное литературные тюркских племен, живущих в южной Сибири и Дzungарской Степи. Часть IV. Наречия Барабинцев, Тарских, Тобольских и Тименских Татар*. Санктпетербург (Text)
- Radloff** 1872 b: *Proben der Volkslitteratur der Turkischen Stamme Sud-Sibiriens*. IV.
- Teil:** *Die Mundarten der Barabiner, Taraer, Toboler und Tumenischen Tataren*. St.-Petersburg (Übersetzung)
- Schmitz, Andrea** 1996: *Die Erzählung von Edige. Gehalt, Genese und Wirkung einer heroischen Tradition*. Wiesbaden (Turcologica Bd. 27)
- Vansina, Jan** 1985: *Oral Tradition as History*. Madison/Wisconsin
- Weber, Max** 1980 (1921-22): *Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriss der verstehenden Soziologie*. 5., rev. Aufl., Studienausg. Tübingen
- Woods, John E.** 1987: *The Rise of Timurid Historiography*. *Journal of Near Eastern Studies*, Vol. 46, No. 2, 81-108

ДИСКУССИЯ

Кандидат исторических наук А. Зияев задал вопросы:

◆ профессору Тильману Нагелю - как следует понимать ваше выражение "загадочный Тамерлан"? Имеется в виду недостаточность информации или невозможность постичь личность Амира Темура;

◆ всем выступавшим - приведено много легенд о молодости Амира Темура. Следует ли так активно использовать устные источники или лучше сконцентрироваться на письменных документах? Что сообщается об этом периоде жизни Амира Темура в хрониках?

◆ д-ру Райнхарту Биндзайло - почему, на Ваш взгляд, этническое происхождение Амира Темура не является важным;

◆ г-же Барбаре Хей - Вы сказали, что в Англии мало известно об Амуре Темуре, хотя есть серьезные материалы в музеях и библиотеках. Как изменить это положение?

Прозвучали следующие ответы:

Д-р проф. Тильман Нагель - загадочность фигуры Амира Темура для Европы XV-XVI вв. объясняется, в первую очередь, отсутствием точных географических сведений. Для де Мигнanelли загадочность Тамерлана заключалась в том, что один человек соединял в себе красоту и жестокость.

Письменные документы дают более достоверную информацию, но изучение устных источников может показать эмоциональное восприятие исторической личности или события его современниками и людьми последующих поколений. Видимо, эти два типа источников должны дополнять друг друга.

Д-р проф. А.Ахмедов высказал свое мнение о том, насколько можно считать достоверными факты, приведенные в легендах.

В легендах приводится только одна из возможных точек зрения на событие или личность. В Европе об Амуре Темуре впервые узнали из переводов произведений Ибн Арабшаха, который испытал на себе влияние многих врагов Амира Темура и соответственно личность великого правителя описывал негативно. Факты, приведенные им в трёх легендах о детстве и молодости Темура, не подтверждаются в других источниках и вообще вызывают сомнение. Например, вряд ли у Амира Темура была реальная потребность в грабеже, ведь его отец был крупным эмиром, а сам он был в юные годы женат на дочери эмира. Амир Темур всю жизнь боролся с разбойниками в своих владениях. Он оградил народ своей страны от грабежей монголов и т. д. Интересно, что, когда Ибн Арабшах не пересказывал услышанное, а сам давал оценки Амиру Темуру, они всегда были объективными и доброжелательными.

При оценке событий предпочтительнее опираться на тюркские письменные источники, например, "Зафар-наме", ведь при их составлении тюркские и персидские рукописи сравнивались со свидетельствами очевидцев. Однако то, что отсутствует реальное описание жизни Амира Темура с 12 по 22 лет, очевидно, является загадкой истории.

К. Каттаев высказал мнение, что в Европе мало изучают официальные письменные источники времени Амира Темура и излишне увлекаются устными произведениями.

Кандидат исторических наук А. Зяев согласился с д-ром проф. А.Ахмедовым в том, что Ибн Арабшах, живя в арабском мире и работая при дворах шахов, был враждебно настроен против Амира Темура и в своих трудах давал наиболее отрицательную оценку. Сомнительно, чтобы из молодого разбойника вырос правитель, в государстве которого грабеж считался одним из самых страшных преступлений. Вряд ли можно доверять Ибн Арабшаху и его рассказам о грабежах в молодости или безграмотности Амира Темура, который сам сочинил свои “Уложения”.

История Амира Темура - это история нашего народа, и начинать ее изучение с легенд нельзя. Не стоит идеализировать Амира Темура, но и чернить его не следует. Только письменные источники могут дать объективную картину.

Д-р Андреа Шмитц высказала сомнение в том, что общее негативное отношение Ибн Арабшаха к Амиру Темуру является доказательством ложности информации, заложенной в легендах. В легендах нет отрицательного отношения к Амиру Темуру. А эпический образ разбойника в европейской традиции следует рассматривать как романтический и светлый. Главное не в том, грабил или нет, а в образе идеального правителя, выбранного народом. Так могли воспринимать Амира Темура сподвижники. Этой трактовки нет в официальных источниках. Селекция фактов есть и в устных, и в письменных источниках, важна оценка исторического деятеля.

Региональный уполномоченный представитель Фонда им. Конрада Аденауэра Вольфганг Шрайбер согласился с мыслями д-р Андреа Шмитц. В Европе очень популярен образ Айвенго, Робин Гуда и других романтических “разбойников”. Особым уважением пользуются не те исторические деятели, которые получили свой трон по наследству, а те, кто добился его благодаря своим качествам и заслугам. Выходец из народа, достигший политических высот, всегда идеализировался в сознании народных масс.

Д-р проф. Б.Уршубоев попросил западных исследователей называть работы европейских современников Амира Темура, которые используются при изучении его жизни. Нельзя опираться только на литературные произведения. Объективность может быть достигнута только в той ситуации, когда сравниваются точки зрения разных исследователей, очевидцев и современников.

◆ Как в Европе определяют официальный язык империи Амира Темура?

Д-р Райнхарт Биндзайль - Амир Тему́р родился и похоронен на этой земле, он сделал ее великой. Его этническое происхождение является вторичным фактором, и не оно явилось главной причиной возвышения Амира Темура.

Академик Ю.Буряков задал вопросы:

◆ д-ру проф. А.Ахмедову - одинаковы ли были экономические условия в четырех улусах?

◆ д-ру проф. Тильману Нагелю - как Вы сами оцениваете фигуру Амира Темура?

◆ д-ру Андреа Шмитц - в некоторых устных источниках очевидно присутствуют традиционные мифы в оценке исторических личностей, в других же можно найти индивидуальную трактовку события. Какие из них представляют наибольший интерес?

Прозвучали следующие ответы:

Д-р проф. А.Ахмедов подробно охарактеризовал экономическое развитие улусов. В экономическом отношении выделялись Великий улус и улус Хулагу. Затем шел Читатайский улус, хуже всего дела обстояли в улусе Джочи.

Д-р проф. Тильман Нагель отметил, что главную свою задачу видел в том, чтобы познакомить участников симпозиума с оценкой личности Амира Темура, существующей в европейских источниках эпохи Ренессанса. Действительно, Амир Тему́р стал широко известен в Европе после перевода работ Ибн Арабшаха с арабского на латынь.

Свое видение образа Амира Темура я представил в 400-страничной книге. Вряд ли кто-нибудь может дать однозначную оценку такой исторической личности, как Амир Тему́р.

Д-р Андреа Шмитц - традиция практически всегда присутствует в преданиях, ведь они не имеют одного автора. Ценность представляют источники разных типов. Главная задача ученого заключается в том, чтобы уметь правильно выделить традицию и проследить ее строгость.

Г-жа Дагмар Шатц задала несколько вопросов:

◆ как Амир Тему́р оценивал Европу и что о ней думал? Были ли у него только прагматические и политические цели? Возможен ли был союз Амира Темура с европейскими королями?

◆ какую религию исповедовал Амир Тему́р, встречался ли он с Накшбандом? В Германии существует легенда о встрече этих двух великих людей.

◆ как можно оценить роль жены Амира Темура Биби Ханум?

На первый вопрос ответил д-р проф. А.Ахмедов. Амир Темур неоднозначно относился к Европе. Он был лоялен к христианству, если не притеснялись мусульмане. Резкие действия Амира Темура против Грузии были вызваны насилием против мусульман. Амир Темур доброжелательно относился к католическим королям Европы. Он приглашал купцов из Англии и Франции в свои владения, освободил европейских пленных Байазеда.

Ответ дополнил д-р проф. Тильман Нагель. Европейская политика Амира Темура простиралась вплоть до Литвы. Позиция Самарканда имела очень большое значение для Европы. Англия и Франция не привлекали особого внимания Амира Темура, а послы Испании были приняты в Самарканде. Амир Темур освободил из турецкого плена двух испанских девушек.

Амир Темур имел тесные контакты с суфиями, он окружал себя представителями этого религиозного движения.

Д-р проф. А.Ахмедов ответил и на второй вопрос. Амир Темур был мусульманином. Он не был шиитом и никогда не встречался с Накшбандом, хотя всегда был близок к суфизму и хорошо был знаком с последователями Накшбанда.

Д-р проф. Аннемари Шиммель заметила, что женщины играли значительную роль в жизни официального Самарканда. Пример Биби Ханум является весьма показательным в этом смысле.

Д-р проф. Г.Ахмеджанов в кратком выступлении отметил, что Амир Темур является великим предком узбекского народа. С его именем связаны самые знаменательные моменты нашей истории, его наследие помогает нам возрождать государственность. Во времена 150-летнего господства России сознательно принижалась роль и значение этого великого исторического деятеля. Его называли разрушителем и завоевателем, а, например, современные историки Ирана благодарны ему за защиту от кочевых племен и сохранение целостности их государства. Надо уметь видеть в образе Амира Темура общечеловеческие ценности, использовать великие истоки для решения современных проблем.

ТЕМУР - ОСНОВАТЕЛЬ ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ГОСУДАРСТВА

*Институт востоковедения АН Республики Узбекистан
кандидат исторических наук Азамат Зияев*

Столятидесятилетнее владычество Чингизидов нанесло огромный урон многовековым историко-культурным традициям народов древнего Туркестана. Это особенно сказалось на таком важ-

ном аспекте общественно-политических отношений, как развитие государственности. Общеизвестно, что при последней до нашествия Чингиз-хана независимой династии Хорезмшахов на территории Туркестана, Хорасана, Сеистана, Забулистана, Мекрана, Ирана и Азербайджана удалось создать могущественную империю с центром в Урганче. Это было централизованное государство с классической восточной формой управления, которая сложилась на протяжении несколько веков, начиная с эпохи Саманидов.

Вся эта система была разрушена после установления власти Чингизидов, которые в силу своей отсталости в историко-культурном отношении не только не заинтересовались опытом государственного управления завоеванных стран, но и всячески стремились предать его забвению, открыто пренебрегая им. Чингизидов в основном интересовал сбор податей и повинностей. Для осуществления этой функции они обычно использовали кого-либо из числа местной элиты, людей, верой и правдой служивших им и не забывавших при этом о собственных интересах. Так, в Туркестан, названный в то время по имени одного из новых "владык" региона Чагатайским улусом, в качестве управителя был назначен небезызвестный Махмуд Ялавач, а после него его сын Масъуд-бек. Сложилась ситуация, при которой страна управлялась политически со стороны, а экономически изнутри. При этом главной целью оставалось удовлетворение экономических интересов как Чагатаидов, сидевших обычно то в бассейне реки Или, то на берегу Амударьи, так и всевозможных представителей "Великого юрта". В результате страна стала второстепенной провинцией огромной империи с центром в Монголии.

Со временем правящий режим породил еще одно общественно-политическое явление, дестабилизирующее политико-территориальную целостность региона. Имеется в виду постепенное переселение сюда ряда тюркоязычных племен, которые в последствии стали играть значительную роль в политической жизни страны. Этот фактор выдвинулся на первый план, когда в середине XIV века Чагатайский улус распался на две части: западную с центром в Сал-и сарае и восточную с центром в Алмалыке (Моголистан) .

В 759/1357-58 гг. умер эмир Казаган, с именем которого связан переход политической власти "из ханской (т.е. чингизовой – А.З.) в эмиратство". Напомним, что, одолев в открытом бою Чингиза Казан-хана (747/1346-47), эмир Казаган взял всю власть

в свои руки. Однако, соблюдая существующую традицию, он объявил официальным правителем одного из Чингизидов Данишмандча, из рода Угедея. Таким образом, практику подставных ханов в улусе ввел именно эмир Казаган. Сам факт перехода реальной власти в руки крупных эмиров при наличии официального владыки говорит о существенном ослаблении в регионе политического верховенства Чингизидов. Собственно это и явилось причиной возникновения восточной части Чагатайского улуса - исторического Моголистана.

Смерть эмира Казагана показала, насколько в стране укрепилась власть крупных эмиров, глав отдельных областей, силу которых составляла прежде всего военно-экономическая мощь их родов или племен. Нет ничего удивительного в том, что эти силы оспаривали верховенство между собой, а не в борьбе с официальным правящим домом, т.е. с Чингизидами. Однако ни одному из них не удалось утвердить свою власть, и в результате каждая область представляла собой самостоятельную политическую силу. Показательны свидетельства Низам ад-Дина Шами, автора первого официального исторического сочинения об Амуре Темуре "Зафар-наме". Согласно его сведениям в Ходженде властвовал Байазид джалаир, в Балхе эмир Хусейн, в Шибиргане Мухаммад-ходжа апарди, в Хатлане и Архан-сарая Кейхосроу и Улджайгу апарди, в окрестностях Самарканда Хизр Ясапури, в Кеше Хаджи барлас, в Бадахшане местные шахи.

Страна превратилась в легкую добычу для любого завоевателя. Туглук Темур, правитель Моголистана, посаженный в 1348 г. на престол крупными могольскими эмирами, не замедлил воспользоваться сложившейся ситуацией. Он стремился хотя бы теоретически не потерять власть Чингизидов во всем Чагатайском улусе. Сначала сам Туглук Темур в 1360-1361 годах, а затем его сын Ильяс-ходжа в 1365 году предприняли ряд попыток восстановить власть Чингизидов в Мавераннахре. Но ни им, ни потомку упомянутого выше эмира Казагана эмиру Хусейну не удалось объединить всю страну под своим руководством. Против Чингизидов в лице Туглук Темура и его сына боролись объединенные силы местных эмиров, возглавляемые эмирами Хусейном и Амиром Темуром. Когда силы Джете были изгнаны, практическая власть сосредоточилась в руках эмира Хусейна. Однако его политическая карьера рухнула, во-первых, из-за неумения ладить с другими эмирами, во-вторых, из-за сохранявшихся сепаратистских настроений отдельных областей и, самое

главное, в связи с существованием на политической арене фигуры Амира Темура.

С именем Амира Темура связано прекращение столетиями владычества монголов в Мавераннахре, достижение политической независимости государства, его централизация, восстановление классической формы правления страной, расцвет экономики, науки и культуры, образование мировой империи с центром в Самарканде, бурное развитие международных политических, экономических и культурных связей.

Выдающаяся личность Амира Темура стала центром притяжения всех слоев общества. В нем видели деятеля, способного объединить страну, положить конец многолетнему разброду и хаосу в политической жизни, организовать крупные военно-политические мероприятия за пределами региона. Поэтому сразу же после свержения эмира Хусейна военно-политическая аристократия и представители крупного духовенства единогласно признали верховенство Амира Темура. И в течение тридцати пяти лет, до своей смерти, Амир Темур прилагал много усилий для того, чтобы сохранить единство страны и укрепить ее международное положение.

Нет сомнений в том, что как политик Амир Темур не мог не учитывать интересы тех общественных слоев, которые помогли ему прийти к власти и являлись главной силой в осуществлении его самой главной цели — создание сильного и централизованного государства. Поэтому свою деятельность он начал с назначения верных ему людей на высокие государственные и военные должности. Амир Темур обратил особое внимание и на укрепление местной администрации. Он издал целый ряд указов, предписывающих этим должностным лицам обеспечение безопасности дорог, благоустройство городов и селений, им предлагалось строить рабаты, ханака, медресе и лечебницы. Особым вниманием Амир Темур окружил сейидов и шейхов. По словам Хафиз-и Абру, Амир Темур через систему вакфов и медресе назначал стипендии студентам, жалованье (пенсии) неимущим (фукаро) в соответствии с положением и достоинством каждого. Этими мерами Амир Темур продемонстрировал обществу основные цели своей политики. Суть его внутренней политики заключалась в соблюдении интересов всех социальных групп и прослоек. Это очень существенный момент. Ибо до Амира Темура вопрос благополучия общества рассматривался только через призму деятельности верхов: высших чиновников, военных и, естественно, самого главы государства, а также его ближайшего окруже-

ния. Например, в широко известном сочинении Низам ал-Мулка "Сийасат-наме" (XII в.), посвященном описанию "добрых качеств, без которых невозможно быть государем", не уделяется внимание ни ученым, ни земледельцам, ни торговцам, ни ремесленникам и т.д. Действительно, до Амира Темура, до появления его "Уложений", бытовало мнение о том, что благополучие общества зависит от деятельности государя и чиновников всех рангов. А народ, по словам того же Низам ал-Мулка, идет по пути повиновения и занят своим обиходным делом.

Мы не стремимся приписать Амиру Темуру современные народнические взгляды. Но проанализировав его "Уложения" и исторические факты, собранные из первоисточников, можно смело утверждать, что величие общественно-политической мысли Амира Темура состоит именно в том, что он одним из первых понял закономерную связь развития государства с состоянием и прогрессом общества, с интересами его каждой социальной группы. Он разделил все общество на двенадцать категорий. Отдельно шли высшее мусульманское духовенство, военные, чиновники, представители местных властей, служащие, ученые, ремесленники, торговцы, земледельцы. Учитывались интересы всех социальных слоев. Амир Темур стремился использовать возможности каждого из них. В своих "Уложениях", имевших силу закона, он закрепил права и обязанности каждой социальной группы. Подчеркнем, что учет и соблюдение интересов всех общественных слоев стали основополагающим фактором укрепления государства и повышения роли центра. Именно эта политика притягивала народ к центру. Люди видели в государстве защитника и гаранта своих интересов. Таким образом, учет социально-экономических и духовных факторов жизни народа позволил Амиру Темуру укрепить положение центра.

Вместе с тем были случаи, когда местные военно-политические круги в угоду собственным интересам проявляли сепаратизм по отношению к центральному правительству. Даже в этой ситуации Амир Темур стремился решать вопросы мирными средствами. Так он поступил, например, в отношении крупного эмира Зинда Чашма, отказавшегося принимать участие в первом курултае (1370 г.), созванном Амиром Темуrom в Самарканде сразу же после его прихода к власти. Имея военно-политический перевес, Амир Темур тем не менее предпринимает несколько попыток уговорами подчинить его центру. Только после того, как были исчерпаны все возможности политического урегулирования, Амир Темур прибегает к военному решению вопроса.

Одержав легкую победу, Амир Темур не торопится наказывать непокорного эмира. Показателен и другой пример. Хорезм во всех отношениях являлся частью единой страны. Но при Чингизидах северная часть этой области оказалась в составе Улуса Джочи, а южная была оставлена в составе Чагатайского улуса. Законность прав Самарканда на Хорезм была неоспорима. Решение и этой проблемы Амир Темур начал с мирных шагов: он отправлял посольства, уговаривал правителя Хорезма, стремился укрепить связь между Хорезмом и Самаркандом женитьбой своего сына Джахангира на племяннице хорезмского правителя. Все усилия были тщетны. Только военное решение проблемы (пять походов 1371, 1373, 1375, 1379 и 1388 годов) позволило Амиру Темуру окончательно привести эту область в повиновение.

Большие усилия предпринимал Амир Темур и для объединения с восточной частью Туркестана, т.е. Моголистаном. Политика Амира Темура по отношению к нему определялась двумя факторами. Во-первых, территория, ограниченная Сырдарьей, Сарысу, Балхашем, Иртышом и южными склонами Центрального Тангристага, исторически, даже в период правления Чагатайдов, являлась составной частью Туркестана. Во-вторых, Моголистан, начиная с середины XIV века, представлял серьезную и постоянную угрозу для Мавераннахра, являясь при этом последним политическим оплотом моголов. Мы уже упомянули о военных походах Тутлук Темура и его сына Ильяс-ходжи в Мавераннахр. После 1370 года военные силы Моголистана трижды выступали в этом направлении (1370-1371, 1376 гг.). В последний раз правитель Моголистана эмир Камариддин завоевал большую часть Ферганы. Амир Темур вынужден был совершить против Моголистана семь военных походов (1371, 1375, 1376, 1377, 1383, 1389, 1390 гг.). Лишь в последнем ему удалось отвести от Мавераннахра угрозу с Востока и поставить Моголистан под свой контроль. Таким образом, окончательное объединение региона стало возможным лишь спустя двадцать лет после прихода к власти Амира Темура. В последующие годы он в основном занимался вопросами внешней политики.

За оставшиеся пятнадцать лет жизни Амир Темур превратил свое государство в мировую империю, территория которой простиралась от Средиземного моря до границ Китая.

В большом долгу перед Самаркандом была Западная Европа. Победа Амира Темура над турецким султаном Байазедом (1402 г.) в принципе не изменила сути взаимоотношений между Востоком и Западом. Байазед стремился установить свое господ-

ство над Европой, опираясь только на военную силу. Амир Темур же, наладив с европейскими странами дипломатические отношения и устранив угрозу со стороны Османской империи, что сделало его в глазах европейцев освободителем, вовлек этот регион в сферу своего влияния и интересов. В этом отношении небезынтересны следующие слова Амира Темура, высказанные им во время приема посланников короля Кастилии и Лиона Генриха III (1390-1407). По свидетельству участника посольства Руи Гонсалес де Клавихо, Амир Темур сказал так: "Посмотрите на этих посланников, которых прислал ко мне мой сын, король Испании, первый из всех королей, какие есть у франков, что живут на краю мира. Они на самом деле великий народ, и я благословляю моего сына, короля Испании". На языке дипломатии того времени выражение "мой сын" означало понятие "подвластен мне". Сам Амир Темур в переписке с султаном Байazedом (1389-1402) резко возражал, когда так обращались к нему. Здесь же слова Амира Темура отражали тогдашнюю историческую реальность. Реально, территория от Атлантики до Китайской стены в той или иной степени находилась в сфере влияния Самарканда.

И если бы Амиру Темуру удалось успешно завершить и китайский поход, то практически весь мир или, по выражению средневековых авторов, благоустроенная часть света оказалась бы в сфере влияния Самарканда.

Как же управлялось государство при Амире Темуре?

Империя была условно разделена на несколько частей. Такие страны и области, как Хорасан, Забулситон, Кандагар, Сеистан, Иран, Азербайджан управлялись непосредственно представителями дома Амира Темура – его сыновьями и внуками. Эти страны в совокупности составляли территорию четырех улусов, во главе которых стояли четыре сына Амира Темура и их потомки. Остальные регионы (Золотая Орда, Моголистан, Северная Индия, Малая Азия, Египет, Сирия и др.), признавая верховенство Самарканда, по согласию самого Амира Темура, управлялись местными политическими силами. Правда, в 1404 году Амир Темур, передавая управление "улусом Хулагу" царевичу Омару, сыну Мираншаха (1383-1407), границы его определил так: "Все владения Азербайджана с подвластными ему территориями, а также Рум до Истамбула и Шам до Египта". Как видим к концу своего правления Амир Темур включил Сирию и Турцию в круг территорий, управляемых непосредственно представителями

правлящего дома. Мавераннахр, сердце империи, всегда находилась в ведении самого главы государства.

Особо следует остановиться на принципах деятельности органов центральной власти. Одна из исторических заслуг Амира Темура заключается в организации работы центрального аппарата государства в классической форме, свойственной дачингидовой эпохе. Общеизвестно, что, начиная с периода Саманидов (892-1005), в государственном управлении четко прослеживалась тенденция разделения властей на законодательную в форме даргаха и исполнительную в форме различных диванов (министерств). Система эта сохранилась и при последующих династиях. Чингизиды не только разрушили ее, но и за годы полуторавекового господства утвердили архаические методы управления. Улусная система управления глубоко укоренилась в общественно-политическом сознании общества. Именно под воздействием этого фактора в исторической литературе того периода появились утверждения о том, что Амир Темура претендовал на престол Чагатайского улуса. Суждения такого рода мы встречаем в переписке самого Амира Темура. Словом, перебороть себя и реалии времени было делом весьма трудным. Однако в конечном итоге Амиру Темуру все-таки удалось воссоздать систему даргаха и диванов.

Основным принципом функционирования этой системы являлась законность. По этому поводу Амир Темура писал в "Уложениях" следующее: "Знание своей власти я укреплял на основе религии и уложений. Каждый шаг в управлении империей совершал на основании уложений". Поэтому, фактически являясь главой даргаха и автором указов и указаний по всем основным вопросам внутренней и внешней политики государства, Амир Темура тем не менее стремился строить политику государства, опираясь на законность.

Высшим звеном законодательной власти считался курултай, т.е. своего рода съезд нойонов, эмиров, царевичей, визирей, правителей подвластных стран и областей. Из первоисточников нам известно более 20 случаев созыва курултая. Йезди и Шами, авторы официальной истории Амира Темура ("Зафар-наме"), разделяют этот орган на большой курултай (курулгга-йи бузург) и просто курултай. Анализ литературы позволяет сделать вывод, что на большом курултае решались вопросы верховной власти, объявлялся официальный глава государства, обсуждались проблемы укрепления войска и организации крупных военных походов. Курултай же занимался вопросами назначения глав улу-

сов, стран, областей, организацией отдельных военных мероприятий и т.д. В даргахе практиковалось проведение особых советов (маджлис-и хос) при участии узкого круга должностных лиц и сановников. На них рассматривали все основные вопросы государственного значения, как-то управление империей, назначение на важные государственные посты, реакция на значительные события в стране и за ее пределами. Специальный секретарь записывал ход совета в особую тетрадь, т.е. вел своего рода протокол.

Как известно, Амир Темур строго придерживался принципа "Рости русти", т.е. "Сила в справедливости". Поэтому в даргахе особое место отводилось службе арзбегги, которая рассматривала обращения, жалобы и заявления подданных. Параллельно существовала должность эмира справедливости (амир-и адл). Если первая служба принимала людей в центре, то вторая через своих чиновников работала непосредственно на местах, решая спорные вопросы среди простых людей. Путем двойного контроля даргаха стремился получать наиболее объективную информацию о жизни общества. При поступлении сведений специальные чиновники — амины (доверенные лица) отправлялись на место события и тщательно расследовали случившееся. Если справедливость была нарушена со стороны местной администрации, то материальную компенсацию изымали из местной казны. О проделанной работе амины письменно отчитывались перед даргахом.

Еще одной важной должностью в даргахе считался тавачи, который в основном занимался сбором войска и его размещением. По словам Шарафиддина Али Йезди, тавачи рассматривали практически как следующую ступень в государстве после самого верховного правителя. Почтительное отношение к названной должности вполне объяснимо. Тавачи и его служба отвечали за сбор нужного количества войска, подготовленного как для длительных маршей, так и для военных операций, своевременное прибытие того или иного контингента в указанное время на заранее определенное место, рассредоточение войск во время походов, исполнение военных приказов, а в мирное время за распределение работ на крупных стройках. В "Зафар-наме" Йезди есть описания, которые раскрывают механизм деятельности этой службы. Так, Йезди упоминает о главных тавачиях (тавачиен-и бузург). Этого ранга были удостоены, например, такие крупные эмиры, как хаджи Сайф ад-Дин, Джухан-шах Джаку, и Шамс ад-Дин Аббас. Именно они имели право брать расписку от предводителей туманат (десятитысячник), хазарад-

жат (тысячник), садажат (сотник) и правителей областей относительно своевременного представления войска, количество и качество которого, обычно, обговаривалось между Амиром Темуром и указанными государственными лицами на курултаях.

На службе в даргах были заняты также главный хажиб и хажобы, хазинадар, хансалар, джибачи, кушчи, кушбеги, бакаулбаши, катибы, биткчи, табибы, музыканты, чтецы, фарраши и другие.

Теперь несколько слов о деятельности исполнительной власти, т.е. диванов.

1. Диван (Министерство) по делам страны и населения. Это ведомство занималось решением повседневных задач, как например, контроль и распределение выращенного урожая по областям, сбор налогов, учет доходов и расходов, мероприятия по благоустройству городов и населенных пунктов, анализ состояния казны и т.д. Глава министерства систематически отчитывался перед главой государства. Если сравнивать деятельность этого органа с соответствующими министерствами джунгизовской эпохи, то здесь речь может идти о главном министре и его ведомстве.

2. Министерство по военным делам. В обязанность этого ведомства входила выплата денег военным; контроль и регистрация имущества военных, полученного ими за особые заслуги; обеспечение оружием; подготовка военных парадов, назначение пенсий и пособий тем, кто в результате военных действий стал непригодным для службы; забота об отставниках.

3. Министерство по делам налогов и имущества. Этот орган должен был вести учет и контроль за имуществом, владельцы которого не выявлены; взимать пошлины и закат с ввозимых и вывозимых товаров, контролировать состояние пастбищ, скота и получаемых доходов от них; контролировать соблюдение правовых норм при наследовании имущества.

4. Министерство финансов.

5. Министерство юстиции (деван-и мазолим). Это ведомство занималось непосредственно гражданскими делами, руководствуясь требованиями закона и светского права. Самостоятельно в рамках шариата функционировал исламский судья (кази). Правовые проблемы военных находились в компетенции военного трибунала (каз-йи аскар). Таким образом, существовало разделение судебной власти на гражданскую, духовную и военную.

Три министерства занимались делами завоеванных территорий. Главное внимание уделялось вопросам финансов, доходов и имущества.

В X-XII веках в системе исполнительной власти функционировало ведомство по вакуфным делам. Управление этими делами Амир Темур поручил садр ас-судуру, т.е. главному садру. Известно, что многие учреждения и сооружения светского, духовного и практического пользования по указанию Амира Темура были переданы в вакф.

Например, между населенными пунктами в степи строили лангары, т.е. места, в которых в любое время можно было найти пищу и пристанище. Лангары в качестве вакфа находились "на балансе" близлежащих селений. Так было на территории всей империи. Представляется, что существовала отдельная служба для управления и контроля за этой системой, заменившая министерство по делам вакфов прежних времен. К сожалению, в результате анализа известной нам исторической литературы пока не удалось установить точное название этого ведомства. Возможно, эта служба была передана в компетенцию местной администрации. А традиционными вакуфными делами, связанными с передачей всякого рода имущества в пользу духовных и благотворительных учреждений, занимался садр ас-садур. По словам современников, Амир Темур требовал от своих министров (вузара), чтобы от доходов вакфов ни гроша не попадало в казну.

В этот период по всей империи усилиями центра была создана разветвленная сеть почтово-торговых дорог. По свидетельству Хафиз-и Абру, если от Самарканда двинуться даже в течение двух месяцев в любом направлении, нигде человек не будет ночевать на улице или в степи. так как всюду по указанию Амира Темура были построены рабаты. Они были в состоянии одновременно принять, напоить и накормить до тысячи человек. Об этой системе писал в своих воспоминаниях и Руи Гонсалес де Клавихо. Очевидно и для управления этой системой должно было существовать соответствующее правительственное учреждение, по сути и назначению похожее на министерство информации и почты, существовавшее в X-XII вв.

В X-XIII веках в системе исполнительной власти существовало ведомство по переписке и внешним делам. По свидетельству Руи Гонсалес де Клавихо, сопровождением и принятием посольств занимались "кавалеры и главный царский привратник", т.е. главный хаджиб. О хаджибах даргаха упоминают Хафиз-и Абру и Йезди. Видимо во времена Амира Темура служба по внешним делам входила в систему даргаха.

Знакомство с центральными органами управления государства при Амуре Темуре позволяет более четко представить себе ту систему, которая регулировала политические, экономические, общественные и правовые отношения внутри империи. Эта система базировалась на законах шариата, канонов мусульманской юриспруденции. Особое место занимают "Уложения" Темура - своеобразный свод законов по управлению государством и обществом. В "Уложениях" можно найти, например, требования, предъявляемые визирям (главам министерств); положения об организации налоговой политики; об ответственности правительственных органов управления в центре и на местах за благоустройство городов и населенных пунктов; об имущественном праве; о военном строительстве; о работе контролирующих органов; о правах и обязанностях членов правящего дома; о положении духовенства, ученых, ремесленников, земледельцев; об ответственности органов управления перед подданными и т.д. Органы власти стремились четко соблюдать установленные правовые нормы. Когда же факты нарушения законности доходили до самого Амира Темура, следовало строгое наказание.

В этом отношении интересно свидетельство Руи Гонсалеса де Клавихо. Амир Темур, возвратившись из очередного военного похода (названного Шарафиддином Али Йезди семилетним /1399-1404/) и узнав о крупных злоупотреблениях главного министра "всей Самаркандской империи", тут же приказал повесить его и строго расправился с теми, кто просил за обвиняемого. Наказаны были и те ремесленники и лавочники, которые в течение этих лет продавали свой товар по завышенным ценам. А как известно, еще с давних времен существовал порядок, регламентирующий цены на продукты и предметы первой необходимости: на хлеб, мясо, одежду и т.д. Таким образом, по утверждению Руи Гонсалеса де Клавихо, "в Самарканде соблюдалась законность, так что ни один человек не смеет обидеть другого или совершить /какое-либо/ насилие без приказа сеньора (т.е. Амира Темура - А.З.)". Законность соблюдалась не только в центре империи, но и по мере возможности на территории покоренных стран. В связи с этой проблемой у Амира Темура существовало отдельное уложение, которое гласило: "Защитить население /покоренных/ стран от неблагоприятных случаев, казни, насилия и пленения. Беречь их имущество от грабежа".

Однако, описанная система государственного управления работала безотказно лишь при неременном наличии фигуры самого Амира Темура. Таким образом, гарантом законности и

правопорядка, устойчивости центростремительных сил в государстве являлся прежде всего сам Амир Тему́р. Пока он был жив, эта система работала безотказно. После его смерти начались распри между его потомками, что привело к нарушению стабильности социально-экономических и правовых отношений, политической власти, то есть стала разрушаться созданная Амиром Тему́ром система, а за ней и империя. Хотя деятельность Темуридов продолжалась еще почти сто лет, держались они на фундаменте, заложенном их великим предком. Династия Темуридов пришел конец и в Туране, и в Иране, как только на политической арене появились основатели двух новых, молодых, полных энергии династий — на севере Мухаммад Шахбахт (Шейбани-хан), а на западе Исмаил сефевиды. Интересно, что перебравшемуся в Северную Индию представителю этого дома Захир ад-Дину Мухаммаду Бабуру (1483-1530) и его потомкам, прежде всего Акбару (1556-1605), пришлось сыграть роль объединителей государства в этом регионе.

Вышесказанное позволяет сделать следующие выводы:

1. Обеспечив в 1370 г. политическую независимость страны, Амир Тему́р заложил основу будущего централизованного государства.

2. Объединение вокруг Амира Тему́ра основных политических сил страны, умение его учитывать интересы всех социальных слоев общества позволило без особых усилий поднять авторитет государства и центра на местах.

3. Умело решая накопившиеся десятилетиями общественные проблемы, обеспечив гарантию личной и общественной безопасности, поддерживая экономику, торговлю, науку и культуру, поощряя благоустройство и свободное развитие местных традиций, Амир Тему́р снискал любовь и уважение всего населения страны.

4. Амир Тему́р в любой ситуации жестко боролся против центробежных сил, стремящихся нарушить целостность государства.

5. Создавая мировую империю, Амир Тему́р активно использовал дипломатию, политические меры воздействия, укрепление междинастийных связей родственными узами. Он сохранял власть тем правителям, которые добровольно признавали его господство, прибегая к военным средствам только в случаях непримиримости интересов.

6. Опираясь на нормы шариата и каноны мусульманской юриспруденции, активно используя “Уложения” и свой личный

авторитет, Амир Темура стремился на всей территории империи установить законность и правопорядок.

7. Эпоху Амира Темура можно с уверенностью назвать “Золотым веком” в культурном развитии региона. Амир Темура прекрасно понимал роль и место деятелей науки, культуры и духовной жизни в укреплении государства и общества. Усилиями самого Амира Темура и его потомков были восстановлены или заново построены многие объекты духовного назначения (медресе, мечети, ханака, гробницы). Всемирной известностью пользовались библиотеки Темуридов. Под покровительством Амира Темура и его потомков были достигнуты особые успехи в астрономии, математике, геометрии, медицине, химии, архитектуре, историографии, литературе, каллиграфии и живописи. Деятели науки и культуры пользовались особым уважением и покровительством власти.

8. Амир Темура, придавая особое значение торгово-экономическим отношениям, многое сделал для их политико-правовой защиты, безопасности и благоустройства торговых путей (рабаты, лангары), расширения торговых связей как на Восток, так и на Запад, эффективного функционирования Великого Шелкового пути.

9. Амир Темура являлся защитником ислама, религии, которую исповедовали народы практически всех стран, входивших в состав империи. Он был гарантом спокойствия и безопасности паломничества.

10. Могущественная армия являлась гарантом проводимой Амиром Темуром внешней и внутренней политики. Ее боеспособность всегда поддерживалась на самом высоком уровне.

11. Амир Темура прекрасно разбирался в тонкостях дипломатии, имел точные сведения о современном состоянии, истории и культуре тех стран, которые входили в круг его интересов.

12. Для эффективного контроля за политической, социальной, экономической и культурной жизнью огромной державы Амир Темура использовал прогрессивную для того времени систему государственного управления, включавшую в себя законодательную (система даргаха) и исполнительную (диваны) ветви власти. Творчески используя достижения классической формы государственного управления X-XII веков, Амир Темура модернизировал ее и успешно использовал как действенный инструмент централизации и укрепления государства.

13. Амир Темура, обладавший выдающимися способностями политика, дипломата, полководца, стратега и психолога, является

одной из самых величайших личностей в истории мировой цивилизации.

“ВЕЛИКОДУШИЕ И СТРОГОСТЬ” - ПРАВОВОЕ МЫШЛЕНИЕ В ЭПОХУ АМИРА ТЕМУРА: МОЖЕТ ЛИ ЭТО БЫТЬ ПЕРСПЕКТИВНОЙ ОСНОВОЙ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА

Хошим Самаркандской области Алишер Мардиев

Прежде всего позвольте мне от имени хокимията Самаркандской области еще раз приветствовать участников Международного симпозиума и пожелать плодотворной работы всем нашим гостям.

Сегодня, когда народ Узбекистана готовится торжественно отметить 660-летие со дня рождения Амира Темура - великого полководца и видного государственного деятеля, общественность всего мира проявляет все больший интерес к его личности и заслугам по укреплению государственности.

Как Вам известно, Указом Президента республики 1996 год объявлен годом Амира Темура. Правительством республики утверждена комплексная программа, предусматривающая проведение юбилейных торжеств во всех регионах нашей страны. Сегодняшний международный форум является составной частью мероприятий, посвященных этому юбилею.

Мы недавно отметили знаменательную дату в жизни нашей республики - пятую годовщину государственного суверенитета.

Хорошо известно, что народ Узбекистана испокон веков боролся за то, чтобы быть свободным и независимым. Продолжая вековые традиции наших предков, мы в новых исторических условиях строим свою национальную государственность на основе мира, единства и согласия всех наций.

Именно независимость, наряду с другими достижениями в общественно-политической и экономической сферах, открыла путь к возрождению национальной духовности. Благодаря обретенной свободе стало возможным возрождение прекрасных национальных традиций, обращение к огромному духовному, историческому наследию наших великих предков, внесших весомый вклад в мировую цивилизацию. Народу возвращается память о великих его сынах, среди которых и Сахибкиран Амир Темур.

Эпоху Амира Темура отделяют от нас шесть с лишним столетий. Но она очень близка нам, ибо культура, философия и

правовое мышление того исторического периода являются важным этапом богатейшей духовной истории, определившей менталитет нашего народа.

В преддверии большого юбилея мы еще и еще раз обращаемся к богатому наследию Амира Темура, изучаем его опыт государственного строительства, нравственные и правовые основы управления великой державой. В результате изучения исторического опыта попытаемся ответить и на вопрос: может ли быть перспективной основой современного государства формула правового мышления Амира Темура - "Великодушие и строгость"?

Уже сама постановка и обсуждение этого вопроса свидетельствуют о переменах в политической жизни нашего общества - изменении мышления и мировоззрения наших граждан, развитии их политического и общественного сознания. Сегодня мы уже не те, что были пять лет назад. Глядя с высоты сегодняшнего дня в глубину веков, мы видим эпохальные связи и само развитие правового мышления как следствие закономерного исторического процесса. Ничто не рождается из ничего. Следовательно, выдающийся вклад Амира Темура в развитие государственного строительства, правовых его устоев может и должен служить важной составной частью современного и перспективного обустройства государства.

Возвращая себе подлинные богатства национальной культуры, мы соединяем их с достижениями мировой цивилизации, общечеловеческой демократической мысли. Критерий здесь один, ясный и четкий, - идет отбор всего ценного, лучшего, что накоплено за века и что отвечает сегодняшним общепризнанным мировым стандартам права - Всеобщей декларации прав человека, Заключительному акту Хельсинского совещания по безопасности и сотрудничеству и другим важным актам, к которым присоединился Узбекистан за годы независимости. Это дало нам возможность войти в мировое сообщество, строить свои отношения со всеми государствами на равноправной основе, о чем неоднократно говорил наш уважаемый Президент Ислам Абдуганиевич Каримов.

Наша молодая независимая страна имеет крепкие исторические корни. И это позволило нам при формировании современной национальной государственности отказаться от готовых схем и стандартов, избрать свой собственный, неординарный путь. Этот путь опирается на передовой опыт государственного строительства других народов и на глубокие традиции наших предков.

“Государство, которое мы строим, - говорил Президент нашей республики И.Каримов на 1-й сессии Олий Мажлиса, - должно быть основано на менталитете нашего народа, для которого характерны высокая духовность, стремление к просвещенности, образованности, справедливости. Во многом эти черты сформировались под воздействием философии Востока, философии просвещенного ислама, в развитие которых узбекский народ внес неоценимый, всеми признанный вклад”. Достаточно назвать такие имена, как Имам ал-Бухари, Имам ат-Термизи, Ахмад Яссави, Бахоуддин Накшбанд, Улугбек, Алишер Навои, Бабур.

Среди исторических ценностей, на которые мы должны опираться при создании независимой национальной государственности, конечно же, особое место занимает опыт великого Амира Темура по государственному строительству и управлению. Разработанные и использованные им правила управления государством во многом не утратили значения до настоящего времени.

Не может не возникнуть закономерный вопрос: как мог Амир Темура так умело управлять огромной империей, которая объединяла 27 стран и простиралась от Волги до Ганга? Какими правилами и принципами он при этом руководствовался?

Безусловно, Амир Темура был сыном своей эпохи, для которой характерны, в частности, борьба за власть, войны, социальное разделение и т.д. Соответствуя в своей деятельности по управлению государством духу времени, Амир Темура руководствовался двенадцатью принципами:

1. Поддерживать ислам во всякое время и во всяком месте.
2. Пользоваться советами и подвигами преданных ему людей.
3. Советоваться с мудрыми людьми, быть предусмотрительным, бдительным.
4. Поддерживать порядок и соблюдение законов.
5. Воодушевлять своих подчиненных.
6. Соблюдать справедливость во всем.
7. Почитать потомков пророка, ученых, богословов, философов и историков.
8. Проявлять настойчивость в делах.
9. Знать состояние народа.
10. Добром воздавать добрым, а злым предоставлять собственной участи.
11. Проявлять благодеяние и милосердие.
12. Уважать воинов.

Строгое соблюдение этих принципов сделали Амира Темура великим полководцем, всемогущим Сахибкираном.

Большинство из этих правил вошло в “Уложения” Темура. Это не только важный исторический документ, но и ценный правовой источник. Вот как охарактеризовал значение этого исторического памятника крупный ученый Лянглэ: “Темур передал своему преемнику вместе с империей дар еще драгоценнее - искусство сохранять ее”.

Все содержание “Уложений” Амира Темура пронизывают идеи законности и справедливости, великодушия, строгости и дисциплины, что составляло основные компоненты правового мышления той эпохи, идейные основы его империи.

Основу могущества державы Амира Темура прежде всего составляла законность. Соблюдение и уважение законов было главным лозунгом, основой практической деятельности великого правителя. Амир Темур говорил: “Опыт доказывает мне, что власть, не опирающаяся на религию и законы, не сохранит на долгое время свое положение и силу. Она подобна нагому человеку, который заставляет других при встрече с ним с омерзением опускать глаза.

Можно также сравнить ее и с домом, не имеющим ни крыши, ни дверей, ни ограды, в который может проникнуть самый презренный человек.

Вот почему я основал здание моего величия на исламе, с прибавлением к нему правил и законов, которые я точно соблюдал в продолжение моего царствования”.

Законность и справедливость Амир Темур ставил в один ряд. По свидетельству темуроведов, в частности, венгерского ученого Г. Вамбери, он требовал от своих чиновников справедливости во всех делах, милосердия к людям. Как пишет историк Ибн Арабшах, Амир Темур не терпел лжи, хотел знать правду, какой бы горькой она ни была. Сахибкиран и от правителей завоеванных им территорий требовал быть справедливыми. В “Уложениях” Темура сказано: “ В государстве, вновь подчиненном моей власти, я оказывал почет тем, которые были того достойны. Я обращался с величайшим уважением и почтением с потомками Пророка, учителями законов, учеными и старцами, я назначал им жалованье, пенсии, вельможи этой страны становились как бы моими братьями, а сироты и бедные - моими детьми... С добрыми, к какой бы национальности они не принадлежали, я обходился с добротой, но злые и изменники изгонялись из моего государства. Врата справедливости были открыты во всех под-

властных мне странах, в то же время я заботился, чтобы все пути к грабежу и разбою были закрыты”.

Между этими словами Амира Темура и содержанием статьи пятнадцатой Закона “Об основах государственной независимости Республики Узбекистан”, где говорится, что “ все граждане Республики Узбекистан независимо от нации, народности, социальной принадлежности, вероисповедания и убеждений имеют одинаковые гражданские права и находятся под охраной Конституции Республики и ее законов”, мы видим неразрывную связь и преемственность исторических принципов государственного управления.

Амир Темура в своей деятельности правителя руководствовался великодушием, милосердием, но в то же время жестоко наказывал разбойников и грабителей, изгонял из своих владений бунтовщиков и изменников, остальных приказывал обеспечивать делом.

Уголовный кодекс Республики Узбекистан определяет те же деяния как опасные для общества и государства преступления и предусматривает за их совершение очень серьезные меры наказания, ибо в обществе, где не пресекается разгул преступлений, нельзя построить правовое, справедливое, демократическое государство.

По установленным в эпоху Амира Темура правилам судьям строго воспрещалось наказывать граждан по обвинениям и наветам людей подозрительных и неблагонамеренных. Эти же требования остались и по сей день. В Законе Республики Узбекистан “О судах” строго предписывается судьям осуществлять правосудие на основе соблюдения законности.

Интересны признания Амира Темура в том, что, после получения им письма от своего духовного наставника (пир), он издал для гражданского управления своего государства законы и постановления, которые способствовали укреплению его могущества. В одном из этих постановлений сказано: “Открытое лицо, милосердие и доброта доставляли мне любовь народа... Как только я узнавал о каком-нибудь случае притеснения или жестокости правителя, солдат или народа, то давал виновным чувствовать всю строгость правосудия”.

Сахибкиран Амир Темура повелел начертать золотыми буквами мудрые слова: “Где царит закон, там есть и свобода”. В практике нашего государственного строительства идеи законности и справедливости, великодушия и гуманности пронизывают всю систему законодательства. В основе Конституции республики, начи-

ная с первой ее статьи и до последней, лежат идеи справедливости и строгости.

Сегодня, без всякого сомнения, можно сказать, что наша Конституция, впитавшая и принципы Амира Темура по управлению государством, на деле обеспечивает приоритет общечеловеческих идей и ценностей - утверждение мира, свободы, братства и дружбы между всеми народами.

Мы хорошо помним слова завещания Амира Темура своим детям: "... пусть правосудие и благодеяние будут путеводителями вашей жизни". Именно эти заветы Сахибкирана отражены в основном законе нашей республики. В Конституции Узбекистана отражены сформировавшиеся еще со времен Амира Темура и свойственные нашему народу - справедливость, правдивость, вера, благородство, доброта, щедрость и мужество.

В связи с этим уместно вспомнить следующие слова Президента нашей республики И.Каримова: "Мы стремимся построить не просто демократическое общество, а справедливое демократическое общество. Стремление к справедливости - еще одна характерная черта менталитета нашего народа. Идея высшей справедливости красной нитью проводится в нормах шариата, положениях, определявших государственное устройство, требования к должностным лицам в прошлом. Без учета этих особенностей мы не сможем построить демократическое, сильное государство и в настоящем".

Амир Темур в управлении государством большое внимание уделял твердой дисциплине, добивался беспрекословного исполнения распоряжений и предписаний. Он конкретно определил сферы государственного управления; права и обязанности всех своих визиров и других чиновников и требовал точного соблюдения ими этих норм. Правитель требовал от визиря, во-первых, благородства мыслей и возвышенности души; во-вторых, тонкого и пронзительного ума; в-третьих, опыта и привычки жить с солдатом и гражданином; и, наконец, терпимости и способности примирять. Только такому человеку Амир Темур считал возможнымверить бразды правления над войском и народом.

Разграничение власти нашло отражение в Конституции республики. Согласно ее 11 статье "Система государственной власти Республики Узбекистан основывается на принципе разделения власти на законодательную, исполнительную и судебную".

У нас законодательная власть осуществляется Олий Мажлисом - парламентом республики, исполнительной властью наделены Президент и Кабинет Министров Республики Узбекистан.

Судебная власть осуществляется через Конституционный суд, Верховный суд и Высший хозяйственный суд, образующие единую судебную систему Республики Узбекистан.

В эпоху Амира Темура существовали правители владений или провинций, наделенные определенной властью. В Конституции Республики Узбекистан особое внимание уделено органам местной государственной власти, во главе которой стоят хокимы - главы территориальных администраций, имеющие соответствующие права и полномочия.

В двадцати трех территориальных единицах (в городах и районах) Самаркандской области работают 23 хокима. Их полномочия определены Конституцией, Законом Республики Узбекистан "О государственной власти на местах".

Местная власть в поселках, кишлаках и аулах осуществляется органами самоуправления, председателями сходов граждан. В области их насчитывается сто тридцать семь, и их деятельность регламентирована Законом "Об органах самоуправления граждан".

Местными органами государственной власти проводится большая работа по социально-экономическому развитию территории, по обеспечению защиты конституционных прав и свобод граждан.

Как в настоящее время, так и в будущем исключительно важно точное определение компетенции каждого государственного органа и должностного лица. В этом отношении характерны указания Президента о необходимости разработки системы законов, образующих правовые основы деятельности государственных органов всех уровней. Эта система должна обеспечить четкую регламентацию функций, полномочий центральных и местных органов государственной власти, их координированную работу.

Одним из важнейших принципов государственного управления Амира Темура являлся учет общественного мнения. Перед решением серьезных политических вопросов он созывал советы, курултай, на которые приглашал авторитетных людей и выслушивал их предложения. В своих "Уложениях" Амир Темура ставил: "Пусть монарх не пренебрегает ничьими советами, те из них, которые он примет, должны быть запечатлены в его сердце, чтоб пользоваться ими в случае надобности". При этом для Амира Темура эти советы были важны при принятии решений, в исполнении которых он был непоколебим, считая, что реализация указаний и запретов требует твердости.

В нашей современной действительности эти идеи находят свое воплощение в законах, в частности, в Законе “О референдуме”, который открывает гражданам широкий путь для выражения своего мнения об управлении государством и обществом. Буквально на днях опубликован в печати проект Закона Республики Узбекистан “О политических партиях”. Разворачивается его всенародное обсуждение.

Заслуживает внимания и то, что в последнее время в соответствии с историческими традициями и менталитетом народа восстановлено значение махалли как важного общественного органа самоуправления граждан, воспитания добрососедства, уважения и гуманизма в отношениях между людьми. Махаллинские комитеты стали играть важную роль в защите социальных интересов и оказании помощи нуждающимся слоям населения.

Мы должны уяснить, что одно государство не может перенять у другого демократию в том виде, каком она там существует. Каждый человек, каждое общество живет своим укладом, собственной жизнью. Конечно, у демократии есть общепринятые требования и ценности, но вместе с тем, каждый народ должен исходить из национальной самобытности, традиций. В западных странах отсутствует или не так силен такой уникальный коллективный механизм обеспечения гражданских прав, как узбекская махалля. Она не только оказывает при необходимости помощь своим согражданам, но и способствует поддержанию народных традиций, внимательно следит, чтобы не ущемлялись права и достоинство семей, человека. Поэтому наше государство всемерно помогает махалле.

Говоря об истоках нашей современной национальной государственности, относящихся к эпохе Амира Темура, нельзя не упомянуть о религии. Первым из двенадцати правил, которыми руководствовался Амир Темура, была забота о распространении закона пророка Мухаммада. “Если мы хотим построить справедливое государство, свободное общество, мы должны помнить - пути осуществления этой благородной цели совпадают с тысячелетними убеждениями в том, что корни справедливого государства и религии являются общими”, - эти слова Президента И.Каримова созвучны мыслям великого Амира Темура.

В целях утверждения в обществе высоких духовных ценностей, воспитания молодежи в духе уважения к богатому культурному наследию предков, любви к Родине 9 сентября сего года нашим Президентом издан Указ о дальнейшем совершенствовании

нии и повышении эффективности деятельности общественного центра “Маънавият ва маърифат” (“Духовность и просветительство”). И первый пункт документа гласит: “Считать, что духовно-просветительские реформы являются основными, приоритетными направлениями государственной политики”.

Хотелось бы завершить свое выступление изречениями Амира Темура из его “Уложений”: “Если ты стремишься к правде, ты ее добьешься. Сила - в справедливости. Мое великодушие обеспечило мне место в сердцах людей, правосудие управляло моими решениями”.

А в своем “Завещании к потомкам” великий правитель говорил: “Вспоминайте все, что я вам советовал относительно покоя народов, осведомляйтесь всегда о положении подданных, будьте тверды и мужественны. Я очистил земли от врагов и возмутителей общественного порядка, я сделал их цветущими справедливостью и благодеяниями, если вы исполните мое завещание и возьмете за правило ваших поступков справедливость и милость, царство и корона останутся в ваших руках на долгие годы”.

Таким образом, неразрывна связь времен, и золотое наследие великого Амира Темура, его заповеди, наставления о великодушии и строгости являются важнейшей перспективной основой государственного строительства и политики. Мы стремимся к тому, чтобы это бесценное наследие заняло достойное место в сокровищнице общечеловеческой мудрости.

ПРАВО И ПРАВОВЫЕ ТРАДИЦИИ В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

*Директор Французского Института по изучению
Центральной Азии д-р проф. Пьер Шувен*

Обратившись к эллинисту с предложением, представить свой доклад на симпозиуме, посвященном такой исторической личности, как Амир Темур, господин Вольфганг Шрайбер несомненно пошел на риск. Об этом я его предупреждал. Какая связь может существовать между Грецией самоуправляемых городов, не оказавшихся способными объединить усилия для создания на своей территории единого сильного государства или хотя бы подлинного союза, и грозным объединителем Мавераннахра?

И все же есть один, быть может, даже два момента, сближающие эти две исторические ситуации. С одной стороны, это схожесть взаимоотношений, будь то в Балканских горах или пустынях Центральной Азии, которые возникают между безусловно

оседлым сообществом, в котором главенствуют три вида деятельности: сельскохозяйственная, военная и торговая, и окружающими его группами кочевников. С другой стороны, влияние, оказанное Грецией, в частности переводами философа Аристотеля, на политическое переустройство арабо-персидского мира. Труды этого философа легли в основу конституций греческих государств. Последний момент, достаточно сложный и требующий большого времени для его раскрытия, я сегодня затрагивать не буду.

Мне хотелось бы рассмотреть проблемы политической жизни античной Греции, которые, как мне кажется, имеют аналоги в Мавераннахре XIV века и более поздних времен. Греческие государственные структуры, как и средства их функционирования возникали эмпирически. Они были созданы народом, породившим одного из величайших политических теоретиков - Платона, как результат мудрой приспособляемости к изменяющейся ситуации, которую невозможно предусмотреть никакой теорией.

Противоположные миры Амира Темура и античной Греции, на наш взгляд, находились в сходных ситуациях в отношении достаточно замедленных средств связи. Информация, указы доходили до мест с запозданием. Это ограничивало абсолютизм, усиливало микроавтономии, зачастую позволяло умерить произвол центра (как это было, например, в случае с Митиленом в начале Пелопонесской войны). Первоочередной заботой такого сильного властелина, как Амир Темур, было установление наиболее совершенной системы связи. Сегодня скорость передачи и исполнения законов лишает нас права на ошибку. Однако ошибки и импульсивные действия не ушли из нашей жизни. Задержка информации, ограниченные возможности связи вырабатывали в людях способность предвидеть грядущие перемены. Однако в нашу эпоху мгновенной коммуникации противостояние власти - вещь более реальная, чем в те далекие времена.

А теперь давайте обратимся к некоторым характерным чертам греческой демократии.

1. Гражданство и культовое разделение

В Греции, как и в большинстве античных систем, индивид занимал место в обществе согласно своему участию в религиозных культах на различных уровнях. Изначально все строилось на основе родовых культов. Семья в древности была вещью более сильной, чем государство. Например, в Афинах правосудия как такового не существовало. Оно поначалу осуществлялось как

форма внутрисемейного наказания. Если случалось убийство, виновный мог доказывать право на это, поскольку был родственником жертвы. Речь, конечно, идет о "большой семье", в широком понимании - о роде. При рождении ребенка его подносили к очагу дома, символизируя тем самым продолжение и обновление жизненной энергии рода. По мере взросления человек все шире включался в различные общины и группы своего поселения или квартала ("демы") и, наконец, в саму родовую общину.

С каждым разом процесс перехода в новую группу усложнялся. Подтверждая законорожденность ребенка, а затем подростка, его представляли старейшинам и допускали к участию в культовых обрядах. В чем они заключались? Основным актом было жертвоприношение, т.е. ритуальное заклание животного и последующее участие в его поедании. Член общины должен был принимать участие в ее культовых обрядах. Это, разумеется, предполагало исполнение целого кодекса правил поведения. Для соблюдения хороших манер за столом должны были прислуживать самые молодые, приглашались певцы, музыканты и танцоры, практиковалось ведение искусной беседы.

В рамках этого типа общественных отношений управление практически всегда осуществлялось по всеобщему согласованию (консенсус) в ходе дискуссии. Авторитет старейшин учитывался особо.

II. Гражданство и земельное право

Для греков-язычников Земля была главным божеством. Быть сыном Земли означало высочайшую честь для гражданина. Земля - это прежде всего средство, позволяющее человеку жить, возобновлять ежедневно свой труд. Эти взгляды определяли высочайшее значение землевладения для всего общества, делали отношение к земле основой гражданского права. В Греции ценность земли ни с чем не была сравнима. Это не человек владел землей, скорее, она через свою божественную сущность владела человеком. Между тем в греческих поселениях земля являлась частной собственностью. В этом заложено фундаментальное отличие от трех типов земельной собственности, известных в Центральной Азии: вначале исламское право, затем, в ходе русской колонизации, система "мира" (сельской общины) и, наконец, советская коллективизация. Греческая система является антиподом коллективизации. В обществе, покровительствующем мелким собственникам, каждый сам отвечает за свою деятельность. Реформы Солона в Афинах VI века окончательно утвердили эту систему.

Освобождение мелких собственников от налогов, которые постепенно ставили их в зависимость от крупных землевладельцев, позволило в течение примерно двух веков сформировать класс средних землевладельцев, располагающих достаточными средствами для самостоятельного ведения хозяйства.

III. Советательные органы и демократия

То, что мы называем греческой демократией, в большинстве греческих поселений было неизвестно. Это было лишь привилегией Афин и крупных городов. Кроме того, аристократии удавалось сохранить власть под натиском военных и торговцев лишь благодаря наличию богатых поместий. Там, где существовала демократия, она была одновременно избирательной и прямой, однако охватывала лишь небольшую часть населения и осуществлялась без передачи полномочий. Иноземные поселенцы ("метеки") к участию в работе выборных органов не допускались. Как, разумеется, и рабы, чей труд позволял гражданам отдавать себя благородному делу служения обществу. Понятие трудовой деятельности в Древней Греции включало в себя несколько уровней. Выделялись занятия благородные: интеллектуальные и физические, которые осуществлялись в часы досуга (в школах, откуда пошло современное понятие "школа"); военная служба, музыка. Промежуточный уровень занимала сельскохозяйственная деятельность, требующие высоких моральных качеств, стойкости, терпения, наблюдательности и физической подготовки. Далее шли менее почетные профессии: отдельные ремесла, рыболовство. Правление аристократии породило в греческой демократии широкий спектр уважаемых праздных занятий.

Если демократия не проистекает из выбора народа, ее обычно подменяют советательными органами, из которых наиболее распространены два варианта. Более широкий - народная ассамблея, более узкий - совет с разнообразными функциями. Они могут обладать неограниченными полномочиями или же исполнять функции регистрационных палат. Опасность и той, и другой крайности очевидна. В любом случае, эти формы управления предполагали диалог с магистратами - избранными или кооптированными. Эти магистраты часто выполняли роль, которую в наши дни мы отводим функционерам или техническим специалистам (финансовый контроль, управление армией).

Третий тип правления - монархия был, несомненно, самым распространенным в греческой истории благодаря эллинистическому царству, чей пример впоследствии вдохновлял римскую

императорскую власть. Теоретически король был наделен абсолютной властью. Он окружал себя группой, скажем, "друзей" с политическими титулами, которые должны были информировать и консультировать его. Эта группа была единственным противовесом, ограничивавшим власть монарха.

IV. Публичность права, равенство перед законом (изономия) и гегемония аристократов

Начиная с VI века до н.э. право в Афинах становится государственным. Оно осуществлялось старейшинами не просто в силу неписанных законов или божественного вдохновения, а было систематизировано и пропагандировалось в античном мире в достаточно четкой и схематичной форме. Исполнение правовых норм в обществе было обязательным. Этот вывод полностью подтверждается теми превосходными каменными надписями, которые являются для нас столь драгоценным материалом при изучении внутренней жизни античных городов. Главный принцип общественного права - изономия предполагает равенство всех граждан перед законом. Это еще не демократия: не всем в равной степени доступно участие в управлении, обсуждении и принятии решений. И все-таки именно здесь, в Афинах V века до н.э., появляются первые ростки демократии, хотя ораторы и магистры оставались выходцами из бывшей аристократии. У этих аристократов еще не хватало смелости установить демократию, ведь она противоречила привычной форме существования этого многочисленного класса.

V. Родовые союзы и общность территориальных интересов

Для аристократов было естественным то, что называют "клиентурой". Люди, которые с их помощью сохраняли свое положение, вынуждены были удовлетворять определенные требования. Аристократы широко практиковали в политических целях матриониальные союзы. Они зачастую устраивали браки своих детей с людьми, живущими в других городах, и отвергали представителей других кланов. Афинская аристократия пыталась придать благородный вид этим средствам укрепления клановой власти в ущерб власти государства. С одной стороны, препятствие экстерриториальным бракам резко ограничивало бы гражданские права, а с другой стороны, происходило административное и избирательное дробление, что наносило ощутимый удар по сложившимся территориальным интересам. Вот почему родовые общины (которые играли роль ограничителей выборности) вновь стали создаваться к концу VI века до н.э. Они состояли из трех

третьей (trittyes) членов, географически независимых друг от друга. В ту эпоху на территории Афин различалось три типа населения: жители побережья, горожане и те, кто проживал в глубине страны. В каждой родовой общине присутствовали представители всех этих групп, что препятствовало или, по крайней мере, значительно затрудняло региональное объединение. А это приводило к значительному обогащению тех, кто получал возможность принимать решения в ущерб сельскому населению.

VI. Неадекватность понятий "рабовладельческий строй" и "феодальный строй"

Даже если рабовладение и облегчало афинским гражданам в V и VI веках ведение их хозяйства, это вовсе не означает, что оно сыграло значительную роль в становлении античных обществ. В них имели место и другие формы зависимости, что, однако, не исключало возможности свободного труда. С другой стороны, показательно, что рабовладение было далеко от исчезновения после заката античности. Ни наступление новой эры, ни христианство, ни смена различных экономических систем не привели к быстрой ликвидации рабовладения. Античные общества, рабовладельческие по сути, характеризовались тем, что принято квалифицировать как "феодализм". Но, быть может, следует вернуть этим терминам их первоначальное значение. Ни исламские, ни античные общества не могли быть феодальными, этот термин применим лишь к историческому периоду христианской Европы, которая была не только преимущественно сельской, но иерархической и децентрализованной одновременно. Об этом нельзя забывать при выявлении связи между государством и родовыми структурами, которые одновременно развивали и контролировали его. С этой точки зрения, быть может, сопоставление Античной Греции и Мавераннахра VI века может иметь смысл.

РАЗВИТИЕ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

*Временный поверенный Посольства Франции
в Республике Узбекистан д-р проф. Ален Пелукс*

Тема выступления "Возникновение правового государства в западно-христианской цивилизации в средние века" может показаться парадоксальной, так как считается, что понятие о таком типе государства появилось после американской и французской Декларации о правах человека, то есть в конце XVIII века.

Но это представление не соответствует фактам, во-первых, потому, что уже в предыдущем веке английская Декларация о правах человека 1689 года (даже если ее содержание не имело того универсального значения, как содержание французской Декларации о правах человека и гражданина) утвердила принцип разделения властей на законодательную и исполнительную, и во-вторых, потому, что в Западной Европе уже в средние века создавался мощный противовес, ограничивающий власть короля и правительства, а также устанавливалась система личных и имущественных прав подданных, с которыми королевская власть вынуждена была считаться.

Именно это я и постараюсь доказать, последовательно рассматривая, как церковь, гражданское общество и правовые нормы ограничивали королевскую власть в средние века.

1. Ограничение королевской власти церковью

Христианство сыграло в этом смысле решающую роль, развив понятие о естественных, неотъемлемых правах человека и о разделении небесной и земной властей.

А) Христианский гуманизм

1. Для христианской традиции характерно утверждение в человеке чувства собственного достоинства. Он обладает этим чувством и в силу своего появления на свет, и в силу конечности своего земного существования. Ведь человек создан богом, по его образу и подобию, и дух его будет жить вечно, преодолевая все земные рамки.

И поскольку люди рождаются и заканчивают свой земной путь одинаково, все они в равной мере обладают достоинством.

В своем обращении к Галатам Св. Павел говорил: "Нет больше ни грека, ни иудея, ни раба, ни свободного человека".

Конечно, этот великий принцип равноправия всех людей часто опровергался реальной жизнью, но тем не менее он проник в сознание достаточно широких масс, исповедовавших христианскую религию, которая дала ему рождение и в которой он закрепился.

2. Достоинство человеческой личности предполагает наличие у нее как моральных устоев и чувства ответственности, так и неотъемлемых прав.

Понятие о неотъемлемых правах человека возникло до христианства. Мысль о неписаном, но незыблемом законе, который Гераклит и тем более Софокл, с его неуязвимой Антигоной, ставили выше закона о гражданстве, была блестяще раз-

вита отцами церкви, в частности, Св. Августином, а затем в XIII веке Св. Фомой Аквинским.

Формулируя свою теорию о естественных правах человека, Св. Фома Аквинский осуществил синтез элементов, взятых из римского права и из христианского учения. Св. Фома Аквинский утверждал, что есть право, существовавшее еще до образования гражданского общества, до становления государства - это свод вечных, неизменных и универсальных правил, которые разум может постигнуть, изучая природу человека, каким сотворил его Бог.

Естественное право признает за человеком свободу личности, пользующейся неотъемлемыми суверенными правами, неподвластными воздействию политической власти.

Правила, предписываемые государственной властью и формирующие действующее право, имеют обязательную силу в том случае, если они соответствуют неотъемлемым правам; они теряют обязательную исполнительную силу, если отклоняются от них.

Эта теория, получившая свое дальнейшее развитие в работах испанских юристов Суареса и Витории, а затем в следующем веке в более свободной от церковного влияния форме - в книгах Гроциуса *De jure belli ac pacis* и Пуфендорфа *Droit de la nature et des gens* (Права природы и человека), заложила основу американской и французской деклараций о правах, появившихся во второй половине XVIII века и отражавших систему ценностей, проповедовавшихся христианским учением.

Б) Различие между властью светской и властью духовной

Различие между этими двумя властями проистекает из известной евангелической фразы: "Богу богово, а Кесарю кесарево".

Таким образом, две власти разделяют право управлять человеком - власть небесная (духовная) и власть земная (светская).

1) В эпоху поздней Римской империи власть императора, по сравнению с властью папы римского, была настолько сильна, что церковь не была в состоянии его контролировать, и даже было невозможно провести разделительную черту между властью духовной и властью светской. Церковь представляла из себя государственный институт Римской империи и находилась под ее опекой. Император имел право созывать церковные соборы и вмешиваться в вопросы веры.

Эта традиция подчиненности церкви государству сохранялась и в Восточной Римской империи, ставшей впоследствии Византийской, а затем распространилась и на империю, образовавшуюся вокруг Москвы, Третьего Рима.

2) В Западной Европе обстановка сложилась таким образом, что церкви удалось навязать двойственность власти, идущую от Священного писания.

С исчезновением Римской империи на западе и формированием германских государств позиции церкви усиливаются. Церковь кроме принадлежащей ей духовной власти пользовалась огромным влиянием в свете благодаря обладанию крупной земельной собственностью, а также наличию интеллектуального престижа в связи с тем, что именно среди священнослужителей насчитывалось наибольшее число образованных людей.

В 800-ом году, когда папа римский Лев III провозгласил Карла Великого императором, западный христианский мир воссоединился, и вновь создавалась двойственность власти: духовной, во главе с папой римским, и светской, на самом высшем уровне во главе с императором. На уровне регионов власть существовала во главе с епископом, с одной стороны, и графом, с другой, либо в форме *missi dominici*, которые включали обычно одного представителя церкви и одного представителя светской власти.

Наличие власти у двух сторон не вело к ее стойкому равновесию. При Карле Великом чаша весов склоняется на сторону императора, так как именно он издает церковные указы, принимает участие в реформировании духовенства, созывает церковные соборы, вмешивается в теологические споры, утверждает выборы епископов, а иногда и сам назначает их.

3) Напротив, с середины XI века (с введением григорианского летоисчисления, календарь которого был подготовлен аббатством Клуни, созданным в 910 году) и позже, в XII веке, после Вормского Конкордата 1122-го года, положившего конец борьбе за инвеституру, которая закончилась победой папы над императором, чаша весов склоняется в пользу церкви, которой удается выйти из подчинения светской власти.

Но уже в XI веке папство стремится управлять всем христианским миром.

Взятие Багдада турками-сельджуками в 1055 году сделало невозможным паломничество в Святую землю, а победа, одержанная ими над византийцами при Манзикерте в 1071 году, вызвала сильное беспокойство в христианском мире. В 1095 году

именно папа Урбен II берет на себя инициативу проведения и командование первым крестовым походом несмотря на то, что в соответствии с традицией, установленной Каролингами, именно императору вменялось в обязанность защищать церковь от врагов веры.

В разные эпохи равновесие между духовной и светской властями нарушалось то в пользу церкви, то в пользу короля, но стремление всякой власти к автократии сталкивалось с фактом существования конкурирующей с ней силы.

Таким образом, церковь ограничивала власть государства двумя способами: выступая как противовес, сокращающий компетенцию государства, и утверждая существование неотъемлемых прав человека, которые были присущи ему еще до становления гражданского общества. Из этого принципа следует, что как только светская власть пытается вмешиваться в сферу компетенции церкви или наносит ущерб правам своих подданных, они имеют право не подчиняться этой власти.

II. Ограничение власти короля гражданским обществом

A) Отношения между феодалами и их вассалами в свете взаимобязывающего договора

1) Раздел империи Карла Великого на множество королевств и прежде всего Верденский раздел на три королевства, имевший место в 843 году (ставший окончательным после недолгого воссоединения при Карле Толстом между 884 и 888 годами), а затем распад и этих королевств на мелкие княжества и, наконец, дробление последних на поместья привели к странственному распылению королевской власти.

Те, кто уже владел правом на землю, не преминули им воспользоваться и прибавили себе право на власть над людьми, называемое бан.

Королевские права иногда специально раздавались суверенами частным лицам в виде грамот о неприкосновенности, но чаще, в силу бездеятельности властей, эти грамоты крались или присваивались.

Бан давал право на военное командование, обеспечивающее защиту от внешних врагов, на судебную власть, призванную поддерживать мир внутри владения, и на сбор налогов, необходимых для удовлетворения потребностей сеньора.

2) Опасный распад государства не привел к простому противостоянию власти отдельных сеньоров благодаря установившейся иерархии вассалов и сюзеренов, так как последние

также являлись вассалами более влиятельных сеньоров, и эта пирамида выстраивалась вплоть до короля.

Но сеньор не имел никакой непосредственной власти над подданными своего вассала : как говорил Гийом Дюран, епископ Менда, *homo vassalis mei, non est homo meus*.

Вассальные отношения создаются на основе доверия и подкреплены клятвой верности, приносимой вассалом своему сюзерену на Библии.

С возрождением романского права взаимное доверие и обязанности уходят на второй план, уступая место договору между сторонами и тем взаимоотношениям, которые из него следуют.

Отношения между феодалами и их вассалами закрепляются отныне взаимообязывающим договором, предусматривающим обмен услугами и закрепляющим взаимные обязательства договаривающихся сторон, которые, несмотря на их неравный социальный статус, выступают как партнеры.

3) Сеньор не должен наносить никакого ущерба своему вассалу: не применять по отношению к нему силу, не подвергать его никаким оскорблениям. Он должен защищать своего вассала, реально обеспечивать его владением и воздавать ему должное.

Со своей стороны, вассал не должен наносить никакого ущерба своему сеньору и во всех случаях признавать узы, связывающие его с ним. Вассал должен был состоять в свите своего сюзерена не только для придания пышности его двору, но и для участия в советах, в том числе при рассмотрении судебных тяжб. Вассал должен был также оказывать своему сеньору материальную помощь в четырех особых случаях : для уплаты выкупа, требуемого за освобождение плененного сеньора, для покупки доспехов его старшему сыну, для свадьбы его старшей дочери и для подготовки сюзерена к крестовому походу.

Но главная обязанность вассала по отношению к сюзерену состояла в помощи в военных делах, которая во Франции XII века включала в себя обязанность вассала покупать на свои средства военное облачение, обеспечивать свои собственные каждодневные потребности и сражаться на стороне сюзерена, но не более 40 дней в году.

Таким образом, жители Западной Европы уже со средних веков были приучены воспринимать свои отношения с властью как отношения между партнерами, каждый из которых обладает определенными правами.

Б) Хартии о свободе вольных или самоуправляемых городов

1) К концу XI века большая безопасность, привнесенная феодальным порядком, способствовала экономическому подъему Западной Европы. Торговля перестала быть периодическим явлением, она осуществлялась не только во время ярмарок, но обрела стабильный и постоянный характер в городах с развивающейся промышленностью.

Число городских жителей растет, и рядом со старыми городами, за пределами их городских стен, вырастают новые кварталы, образующие пригороды. Сеньоры и духовенство, а также король в пределах своих владений создают новые города, жители которых пользуются различными льготами.

Процветающие города требуют для себя иного способа административного и политического управления, чем окружающие их села.

2) Эмансипация городов осуществляется различными способами: иногда это результат добровольного согласия сеньора, иногда результат сделки, а иногда и следствие насильственных действий, как это случалось на севере Франции.

Эмансипация привела к созданию двух категорий городов:

а) свободных городов, оставшихся в подчинении сеньора, но имевших частнопровольные привилегии, а также привилегии военного, судебного и налогового характера;

в) самоуправляемых городов, освободившихся из-под власти сеньора и управлявшихся самостоятельно, иногда становившихся вассалами прежнего сеньора, а иногда, как это случилось на юге Франции и в Италии, полностью освободившихся от феодальной зависимости и образовавших что-то вроде небольшой городской республики.

Эти свободные или самоуправляемые города владели хартиями вольности, которые ограничивали произвол сеньоров на местах или короля в его владениях.

III. Уважение к правовым нормам в средневековой Западной Европе

Обилие юридических норм и общих правовых принципов, выработанных западным обществом в средние века, имело бы мало пользы, если бы они постоянно нарушались. Однако полученные права сохраняли свою силу, и вообще право пользовалось большим уважением.

Я не буду говорить об организации судопроизводства, что потребовало бы много времени, и ограничусь тремя при-

мерами, иллюстрирующими силу воздействия права в королевствах западной христианской цивилизации в средние века.

А) Наследование короны Франции

Я буду говорить о том, как это происходило во Франции, потому что пример этой страны является самым показательным.

Избранный и коронованный в 987 году Гуго Капет к концу этого же года добивается избрания королем своего единственного сына Роберта, коронованного в следующем 988 году. Сначала его называют "назначенным королем", а позже, в 996 году, он становится настоящим королем, носящим титул Роберта II Благочестивого. Роберт II Благочестивый в свою очередь передал трон своему старшему сыну Гуго, а после преждевременной смерти последнего, своему второму сыну Анри, ставшему в 1031 году Анри I.

Все короли Франции, вплоть до Филиппа-Августа, делали то же самое.

2) В начале XIII века обычное право преемственности королевской короны кажется достаточно бесспорным, и поэтому Филипп-Август, получивший трон еще при жизни своего отца Луи VI Молодого, счел излишним делать это для своего сына Луи. И действительно, в 1223 году никто и не думал оспаривать тот факт, что в силу сложившегося обычая королевская корона должна перейти этому принцу, ставшему королем Луи VIII Львом.

3) Факт, имевший место в начале XIV века, прекрасно подтверждает законную силу права первородства: Король Луи X умирает в 1316 году, оставляя после себя дочь, королеву Клементину Венгерскую, ждущую ребенка. Было решено подождать, когда королева разрешится от бремени с тем, чтобы сохранить право ребенка на престол, если это будет сын. И действительно, при своем рождении мальчик был признан королем Жаном Первым, при регентстве своего дяди, будущего короля Филиппа V Долгоного.

Б) Присоединение к королевским землям большей части владений Жана Безземельного

В 1203 году Филипп-Август предпринимает попытку завоевания Нормандии, которой владел его вассал Жан Безземельный, бывший одновременно королем Англии. Но Филипп-Август не начинает эту акцию, не убедившись в своем на то праве.

Жан Безземельный, увезший невесту Гуго Лузиньянского, одного из своих вассалов, и отказавшийся предстать перед судом своего сеньора - короля Франции, был осужден в 1202 году

королевским судом за преступление, определенное как неверность своему сеньору.

Изъятие у Жана Безземельного владений, полученных им от короля Франции, является применением санкции, предусмотренной феодальным правом.

В) Ограничительные оговорки, относящиеся к романскому праву

1) В XIII веке романское право преподавалось в некоторых университетах и применялось на юге Франции, хотя оно и не являлось официальным законодательством Священной Романо-германской империи.

Встает вопрос, не являлся ли факт применения романского права во Франции признанием главенства этой империи.

2) Вопрос оказался настолько серьезным, что три короля один за другим издавали законы в этой области.

Указы Людовика Святого от 1250 и 1254 годов, указ от 1278 года его сына Филиппа III Смелого и указ от 1312 года его внука Филиппа Красивого подтверждают, что романское право не имеет силы закона во Франции. Король только потому терпимо относится к этому праву, что не хочет ущемлять многовековые привычки жителей юга Франции, но романское право применяется там не как закон, а как правовой обычай. За пределами юга Франции адвокатам запрещалось ссылаться на романское право, если оно противоречило обычному праву.

В качестве заключения мне хотелось бы высказать два замечания.

Я говорил о возникновении правового государства в средневековой Западной Европе, рассматривая ее как единое целое, так как ее страны объединяла одна и та же христианско-католическая цивилизация, хотя при этом между регионами, естественно, существовали и различия.

Например, в XII веке в Англии влиятельные силы общества, церковь, бароны и города стремились к объединению с тем, чтобы ограничить власть короля, полученную им в результате завоевания Нормандии в 1066 году, потому менее ограниченную, чем на континенте. Великая Хартия, разработанная во Франции Цистерцианским аббатством в Понтини и ставшая в 1215 году в Руннимеде обязательной для исполнения королем Жаном Безземельным, гарантировала права сеньорам, церкви и городам, в частности, в области судопроизводства, и устанавливала требование при введении новых налогов

получать согласие Большого Совета, который впоследствии превратился в парламент.

А во Франции, где компетенция короля была весьма ограничена, церковь и города скорее способствовали расширению королевской власти и ограничению власти баронов.

Позднее финансовые трудности заставили королей Англии созвать парламент, который постепенно стал эффективным законодательным органом, принявшим в 1679 году Акт о неприкосновенности личности, Habeus corpus Act, который гарантировал личную свободу граждан. Этот Акт был принят гораздо раньше 1841 года, когда Объединенное Королевство действительно утвердило парламентский режим в строго юридическом смысле этого термина.

Во Франции же, чтобы решить аналогичные финансовые проблемы, короли предпочли созыву Генеральных Штатов продажу судебных должностей, что обеспечило независимость судей и создание сильной судебной власти, оказавшейся способной неоднократно противостоять королевской политике.

Можно сказать, что европейское средневековое право не является ни правом, данным в откровениях бога, как это существует в исламском мире (где законы изложены в шариате, основанном на Коране, или в хадисах), в частности в юриспруденции шафиитского толка или еще в большей степени в юриспруденции ханбалитского толка; ни правом, провозглашенным каким-либо великим законодателем, таким как мифический Ликург, или историческим лицом, таким как Солон; но правом, определяемым в основном законами, принятыми парламентом, и подзаконными актами, принятыми правительством, что, как правило, имеет место в наши дни.

Европейское средневековое право являлось обычным правом, созданным западным христианским миром для своих потребностей. Оно отражало систему ценностей общества и неосознанно развивалось, следуя за эволюцией потребностей и ценностей этого общества до тех пор, пока не были написаны сборники обычаев, которые, с одной стороны, облегчили применение этого права судьями, а с другой стороны, прекратили процесс приспособления права к меняющимся реалиям.

Таким образом, это право по своей природе отличалось от того, которое использовалось в империи Амира Темура. Однако в этих правовых системах есть два сходных момента: особое значение правовых обычаев как в средневековой Европе, так и в генезисе Яссы Чингиз-хана, а также их двойственная

сущность, проистекающая из местных обычаев и романского права в первом случае, и Яссы и шариата во втором.

Однако это сравнение носит относительный характер в связи с тем, что средневековые обычаи Западной Европы подверглись влиянию романского права, в то время как Ясса, разработанная до исламизации монголов, и шариат, выработанный на основе изречений Пророка, коренным образом отличались друг от друга.

ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЛЕГИТИМНОСТИ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ: К ВОПРОСУ О ВЗАИМООТНОШЕНИИ РЕЛИГИИ И ПОЛИТИКИ

С точки зрения Узбекистана:

*Ректор Ташкентского юридического института,
депутат Олий Мажлиса Республики Узбекистан
д-р проф. Халим Бабаев*

На протяжении последних семидесяти лет мы неправильно относились к истории, особенно к истории политики. Мы с сомнением смотрели на культуру, политику, государство, право и учения, которые были созданы нашими предками, и изо всех сил старались оспорить их. Мы революционным путем сломали старый строй и не только оказались изолированными от прошлого, но и прямо противопоставили себя своей истории.

Сегодня такие исторические книги, как "Низомут-таворих" ("Уложения истории", Навои называл эту книгу самой совершенной среди источников этого рода), "Авесто", "Тузи", "Девонанун-насаб", "Тарихи Табарий", а также "Насихатул-мулк" ("Советы, касающиеся собственности") Мухаммеда Газоли, произведения Жалоли, Банокоти, "Шах-наме" ("Описание родословной шахов") Фирдоуси, "Тарихи мулки Ажам" ("История владений Ажама"), "Зафар-наме" ("Описание побед") и "Шах-наме" Навои остаются не изученными. Из-за того, что такие серьезные источники остаются в стороне при написании учебников и научных статей, проблемы возникновения политико-правовых учений, а также государства и права в Центральной Азии освещаются узко, в предельно сжатом объеме. Заслуживает внимания и следующий факт. В вышеперечисленных источниках указывается, что государство, право и политические учения в Центральной Азии возникли примерно в 4000 году до нашей эры, то есть параллельно

с появлением государства Ажам. В учебниках же нашего времени написано, что рабовладельческое государство возникло в этом регионе в VI веке нашей эры.

История законодательства Турана также очень богата: на этой земле возникло множество древних законов, религиозно-правовых учений, школ и течений. Например, в книге "Авесто" — основном источнике зороастрийской религии — вместе с правилами религии и нравственности присутствуют правила, касающиеся семьи, преступления, наказания и другие правовые нормы. С распространением ислама в Средней Азии развивается система мусульманского права. В частности, в Самарканде, Бухаре, Ташкенте, Маргилане развивается наука "фикх" (мусульманское право). На основе Корана и хадисов факихы (ученые, изучающие мусульманское право) Мавераннахра сформировали систему правил — шариат. Здесь развивалась школа фикха (ее основали Имам Абу Ханифа, его ученики Имам Абу Юсуф, Имам Мухаммед Зуфар и др.) течения ханафидов из существующих четырех знаменитых течений ислама. В Мавераннахре составляли хасиды (священные истории, переданные со слов пророка Мухаммеда) такие мыслители, как Аль-Бухари, Ат-Термези, факихы Убайдулло ибн Умар Ад-Дабуси (XII век), Абу Хафис Ан-Насафи (XII век), Абдулазиз Маргинони и его сын Абдулхасан Захириддин (XI век), Абу Амир Аль-Байканди (XII век) и Аль-Каффаль Уш-Шоши (X век). Своими произведениями они внесли огромный вклад в развитие мусульманского законодательства. Научные произведения этих ученых до сих пор не переведены на современный узбекский язык, хотя существуют переводы на другие языки мира.

С древнейших времен народы Центральной Азии относились с особым уважением к закону, государству и политике. Были созданы многочисленные книги, освещающие эти проблемы. Например, если "Зафар-наме" описывало государства и царей, то произведения Фараби, Юсуфа Хос Хожиба, Навои или "Уложение" Амира Темура на первый план выдвигали политико-правовые учения о законодательстве. Отсутствие серьезного изучения такого богатого правового наследия является причиной того, что наши узбекские правоведа не знают истории национального государства и права.

Сосредоточив свое внимание на науке "фикх" в Мавераннахре, попытаемся ответить на вопрос, какие выводы необходимо извлечь из нее для нашего времени.

Законодательная система независимого Узбекистана, во-первых, формируется, опираясь на историю узбекского законодательства, во-вторых, развивается, используя передовые демократические идеи и опыт народов мира. Когда мы говорим об истории узбекского законодательства, то имеем в виду шариат — правовую систему, которая существовала до того, как Туркестан стал колонией России. Шариат — это правовая система, которая оставила глубокий след в жизни, правовом сознании и культуре народов Центральной Азии. Многие думают, что шариат состоит только из теологии, т.е. исламской религии, ее положений и правил. Однако законы шариата вобрала в себя не только постулаты теологии, но и правила, касающиеся прав человека и таких жизненных проблем, как, например, проблема охраны природы. Среди правоведов нашего времени существует мнение, что при составлении законов нужно руководствоваться шариатом, но вопрос, что можно взять из шариата, а чего нельзя, по сей день остается без ответа. Такое разногласие является результатом того, что в течение долгих лет шариат не изучался, против него велась откровенная борьба. Изучение шариата является одной из самых актуальных проблем нашего времени. Узбекистан — государство, которое вошло в мировое сообщество. Мы не можем принять шариат полностью. Целесообразно использовать жизненно важные правила и идеи шариата. Книга Бурхониддина Маргинони "Хидоя", являясь научным произведением, достаточно полно осветила всю систему шариата. Существует немало других произведений, которые описывают правила и положения шариата. В Бухаре была написана книга "Акоид", в Самарканде — "Хикматул-Ойин". Фахриддин Хасан ибн Махмуд из Ферганы, Убайдуллох ибн Масъуд из Бухары также создали серьезные произведения в направлении фикха. Это были книги, которые применялись казиями и использовались при обучении в медресе. Следует отметить, что те люди, которые в совершенстве знали шариат, в мусульманских государствах всегда считались самыми почтенными и влиятельными.

Имя Имама Бурхониддина Абдулхасана Али ибн Абу Бакр ибн Абдулжалил Аль-Фарғони Аль-Маргинони широко известно среди ученых-правоведов. Оно стало известным миру по произведению "Хидоя", которое состоит из 53 книг. Бурхониддин Маргинони (593/1197 г.) обучался в школах и медресе в Риштане, Маргилане, Бухаре и Самарканде. Он был зрелым ученым-правоведом своего времени, в совершенстве знал Коран, хадисы, владел наукой тафсир (толкование Корана) и наукой фикх. Нау-

ке фикх он обучался у своих учителей — Нажмиддин Абу Хафс Умар ибн Мухаммед Ан-Насафи, Хусомиддин Умар ибн Абдуллох ибн Умар ибн Маъоз Ас-Серахси, Абу Умар Усман ибн Али Байканди, Ахмед ибн Абдурашид Аль-Бухари. Бурхониддин был автором десятков книг. Среди них "Китоб Аль-Хидоя" является самым совершенным произведением. К сожалению, эта книга, написанная на арабском языке и переведенная на многие языки мира, на узбекский язык еще не переведена.

"Хидоя" показывает, насколько развита в мусульманском мире школа фикха. Ученые-правоведы констатируют, что книга написана простым языком и по своей сути и содержанию является совершеннейшим научным творением. "Хидоя" была переведена на русский язык с английского Н.Гродековым и в 1893 году издана в Ташкенте в сокращенном варианте - в четырех томах — и малым тиражом - 400 экземпляров — специально для колонизаторов, которые в те времена управляли Туркестаном. "Хидоя" также переведена на персидский и английский языки. У нас же профессор Акмаль Саидов начал издавать русский вариант Н.Гродекова в 1994 году.

В книге "Хидоя" подробно описываются такие вопросы, как, например, закят (ежегодное пожертвование в соотношении 1/40 имущества), тахорат (омовение), пользование колодцами, таяммум (омовение без воды), очищение вещей, садака (безвозмездное добро), руза (пост), преступление и наказание, брак, идда (воздержание женщины после смерти мужа или после развода), торговля, пользование целиной и водой, свидетельство, воровство, завещание и др. По своему строению и содержанию "Хидоя" существенно отличается от других правовых систем, например, от Римского права, которое входит в программу наших вузов. Римское право было создано до нашей эры на основе политико-правовых учений римских юристов и античных греческих философов, а в дальнейшем оно совершенствовалось в западноевропейских государствах. Мусульманское же право — это правовая система, которая сформировалась в VII веке нашей эры, и оно более совершенно. Для нас самым важным в шариате является, во-первых, то, что он основывается на обычаях и традициях стран Востока. К примеру, в шариате предельно точно решаются такие проблемы, как пользование землей и водой, охрана окружающей среды, которые занимают ключевое место в жизни народов стран Востока. Заслуживает внимания и то, что при обсуждении торговых дел наряду с правовыми положениями обязательно учитываются такие моральные нормы, как чисто-

плотность, честность, совесть, человечность. Во-вторых, каждый случай и каждое явление в шариате освещаются при помощи конкретных примеров, с комментариями.

Амир Темур - это правитель, который сумел поднять в средние века культуру государственности и законотворчества страны на новую историческую ступень. В XIV веке в результате монгольского владычества страна оказалась политически раздробленной, а государственная система и законы были разрушены. Страна практически осталась без главы, без руководителя, без законов. В такой сложный момент на политическую арену выходит Амир Темур. Он полностью сознавал, что необходимо очистить страну от монголов и создать единое, централизованное, сильное государство. "Страна без руководителя схожа с телом, которое лишено души. Тело без души - это крах", - говорил он. Амир Темур освободил не только свой народ, но и соседние страны от жестоких тиранов, шахов, хокимов и беков. Он установил в стране четкие законы и правила. Границы государства Темура на севере достигали Шестого континента, на юге - Индии, на востоке - Китая, а на западе - Средиземного моря. Амир Темур установил порядок и законность в 27 странах.

И на Востоке, и на Западе написано множество книг, которые описывают государство Темура, политику Сахибкيرانа и его личность. Наиболее совершенным произведением, которое посвящено деятельности Амира Темура, является "Зафар-наме" ("Описание побед") Шарафиддина Али Язди. Эта книга тоже полностью не переведена на узбекский язык. Узбекский ученый Иброхим Муминов, который в своих научных трудах утверждал, что "Амир Темур создал в Средней Азии централизованное государство", "установил порядок в стране", "занимался проблемами благоустройства и просвещения", подвергался жесткой критике и в Узбекистане, и в Москве. Мы знаем также, что Иброхима Муминова обвиняли в обожествлении личности Амира Темура. В то время, когда на родине не хотели признавать Темура, европейские ученые, историки, в частности, английские, французские и итальянские создавали произведения, в которых возвеличивали личность Темура.

Историческая правда об Амуре Темуре, о его государстве, а также "Уложения" являются большой школой и ценным источником для нас, ученых-юристов. По "Уложениям" можно учиться искусству управления государством. Например, в "Уложениях" описывается, что в управлении государством Амир Темур ру-

ководствовался 12 принципами. Первый из них — применение законов религии и шариата. Если делать выводы относительно наших дней, то в государстве обязательно должны быть в наличии идеология и закон. Второй принцип — общество было разделено на 12 ступеней и категорий, и при управлении государством Темур обязательно пользовался советами каждой из них. Как известно, при тоталитарном режиме (особенно до 40-х годов) мы разделили общество на два класса: это были эксплуататоры и эксплуатируемые, и они прямо противостояли друг другу. Государство же было орудием пролетариата.

Преимущество второго принципа заключается в том, что общество разделяется не на 2 класса, а на 12 категорий, и каждая из них должна выполнять свои функции. Государство — это сила, которая сохраняет и обеспечивает мирное сосуществование между ними.

Третий принцип — сплоченность, предприимчивость, активность и трезвость, осторожность. Важность этого принципа заключается в том, что все проблемы государственного значения решались в соответствующем порядке вместе со специалистами, учеными и правоведами. Политика велась умно и трезво. Четвертый — государственные дела совершались в полном соответствии с уложениями, правилами и законами. Амир Темур уделял большое внимание соблюдению и верховенству закона. Его законы состояли из системы шариата, и в государстве были четко определены права и обязанности каждого, начиная с рядового воина и кончая эмиром.

Пятый из этих принципов — хорошее отношение и к эмирам, и к воинам, уважение по отношению к ним по их заслугам. Амир Темур знал о жизни каждого из них, не жалел средств для улучшения их благосостояния. Поэтому они были готовы отдать жизнь за Амира Темура. Шестой — справедливость и честность. Он мог пожалеть и грешника.

В юридической литературе принято считать, что понятия “верховенство закона” и “правовое государство” упоминаются в основном только в произведениях западноевропейских мыслителей, в частности, Монтескье, Канта и др. Если внимательно прочесть “Уложения” Амира Темура, то можно заметить, что закон занимал решающее место в жизни его государства. Темур защищал порабощенных от поработителей. При себе он имел казиев — отдельно для воинов и отдельно для простого народа. Все дела решались сообща, в соответствии с законом. Если

нарушался закон, Амир Темур не жалел даже своих детей. Но вместе с тем он мог быть великодушным. Сахибкиран пишет: "Тех, кто желал мне зла, тех, кто наносил мне ущерб, после того, как они на коленях передо мной просили прощения, я простил и предал забвению их злые козни".

Седьмой принцип заключается в признании саййидов (почтенные люди), ученых, мыслителей, мухаддисов (ученых-собирателей хадисов) и историков людьми, достойными внимания. Амир Темур постоянно совещался с ними, просил у них совета. Восьмой принцип — решительность. Если он начинал дело, то обязательно доводил его до конца и всегда держал слово. Он пишет: "Я изучил историю всех, от Адама до пророков, царей, всех государств, законов". Девятый — он всегда знал правду о жизни народа. С уважением относился к местным правилам, принятым в разных государствах, городах или кишлаках, к обычаям и традициям народа. Если какой-нибудь хоким злоупотреблял своим положением и причинял страдания народу, то он обязательно привлекался к ответственности перед законом.

Десятый принцип — уважительное отношение к представителям различных народов и наций. Одиннадцатый — оказавшись на троне, нельзя забывать о своих детях, родственниках, друзьях, соседях, следует относиться к ним с уважением в равной степени. Двенадцатый принцип — будь то друг или враг, все равно следует с почтением относиться к воинам.

Эти двенадцать принципов, которые приводятся в "Уложениях" Темура, несомненно, могли бы применяться и сейчас. Если эти принципы станут своеобразным стилем работы каждого хокима, министра или других государственных служащих, то это принесет только пользу обществу и государству.

Мы остановились только на 12 принципах "Уложений". Если подробно говорить о других вопросах, касающихся государства и законов, то в одном выступлении не представляется возможным охватить весь спектр идей Темура. Чем шире и регулярнее мы будем пользоваться этим богатым нравственным наследием, тем выше поднимется слава нашего государства.

Амир Темур пишет: "Я с удовольствием прислушивался к тому, кто говорит спокойно, рассудительно, и к тому, кто выражал свои мысли резко, по-мужски". Эти слова Сахибкирана актуальны и сегодня. Дело в том, что среди руководящих работников, наряду с теми, кто действительно самоотверженно служит народу, есть и такие, кто ограничивается только лживыми обещаниями и преследует только свои личные интересы.

Идеи государственной дисциплины, категоричного установления закона, централизации органов государства и их укрепления являлись главными в государстве Амира Темура. Действия руководства Узбекистана, направленные на экономическое, политическое, финансовое и военное сближение государств Центральной Азии, в частности, Узбекистана, Казахстана и Кыргызстана, служат объединению сил Туркестана. Судьбы народов и наций, живущих в этих государствах, едины. В этой связи следует особо отметить активную позицию Президента Республики Узбекистан Ислама Каримова. Время Амира Темура во многом похоже на наше время, ведь главное для нас - борьба за укрепление независимости, за построение государства с великим будущим.

"Исходя из личного опыта, — пишет Амир Темур, — я предпочитаю одного предприимчивого, смелого, решительного, трезвого человека тысяче безразличных и неумелых людей".

Действительно, во времена бывшего Союза было очень много таких безразличных людей, предателей, взяточников. До сих пор трудно избавиться от них. Амир Темур сплотил вокруг себя людей знающих, умных, честных и заслуживающих доверия. Перед принятием какого-либо решения Амир Темур обязательно советовался со своими приближенными. "Хотя и скрыт под занавесом судьбы конец любого дела, нужно знать мнение умных и трезвых людей".

"Государство и держава стоят на трех вещах: это собственность, казна и войско" — писал Амир Темур. В результате обобществления в условиях социализма наша собственность осталась без хозяина и стала объектом для разграбления: в стране появилось много алчных людей, взяточников, разных группировок, которые обогащались за счет народа.

"Еще на своем опыте я узнал, — пишет Сахибкиран, — если государство не строится на основе религии и законов, если в нем не соблюдаются уложения, то оно теряет свою силу, славу, и порядка в нем не будет. Оно станет похожим на голого человека, от которого все отводят свой взгляд. Или оно станет похожим на дом без дверей и ограды, который доступен всякому сброду". Действительно, в государстве, где нет идеи, идеологии, законов, обязательно нарушается порядок. Поэтому сегодня в Узбекистане ведется борьба с организованной преступностью, в городах и селах ведется работа по соблюдению законности, особое внимание уделяется правовому воспитанию молодежи. Эти меры являются своевременными и необходимыми.

В Мавераннахре в средние века действовала правовая школа, известная во всем мусульманском мире. У истоков этой школы стояли такие великие ученые, как Имам Бухари, Имам Абу Исо Ат-Термези, Фараби, Бурхониддин Маргинони. Создав новое централизованное государство и укрепив законность, Амир Темура поднял эту школу на качественно новую ступень. В таких книгах, как "Хидоя", "Мухтасар", "Уложения Темура", "Зафарнаме", "Хамса" приводятся сведения о правовой системе, государстве, законодательстве и политике. Мы являемся законными наследниками этого морально-правового богатства. Мы должны пользоваться ими при составлении законов. Эти источники следует подробно изучать в учебных заведениях. Эти произведения должны стать настольными книгами хокимов, прокуроров и других ответственных работников.

Народы Туркестана всегда боролись за свободу, независимость, за сохранение единства. Они внесли своими достижениями в области науки, религии, политики, государственности и законотворчества огромный вклад в развитие культуры народов мира. Сегодня государства Туркестана достигли независимости, новая эпоха Возрождения подарит миру новых государственных деятелей, ученых, писателей. Нет сомнения, что Узбекистан является государством с великим будущим, у нас для этого есть все моральные, материальные, политические и идейные предпосылки.

Мы являемся прямыми наследниками великого государства, основанного Амиром Темуrom. Сегодняшний Узбекистан, без всякого сомнения, станет развитым, современным, великим государством.

С европейской точки зрения:

*Философский факультет Университета г. Цюриха
д-р проф. Герман Люббе*

Отношения между религией и политикой в государствах европейского и американского Запада в настоящее время настолько многообразны, что едва ли поддаются обзору. Поэтому необходимо прежде всего выделить общее в современных государственных сообществах, учитывая христианские основы большинства общественных явлений. Во всех без исключения западных государствах при взаимодействии религии и политики предпочтение отдается правовой гарантии свободы религии. Чаще

всего право на свободу вероисповедания записано в государственной конституции, или если, как это, например, имеет место в Великобритании, не существует единого конституционного закона; то действием других правовых документов свободе вероисповедания придается фундаментальное значение.

Конституционно-политическое утверждение гражданского права и права человека на свободу вероисповедания в эпоху Просвещения было значительно ускорено двумя событиями всемирного значения: американской и французской революциями.

В рамках данного доклада мы не можем детально осветить очень сложную историю введения свободы вероисповедания. Ретроспективный взгляд на историю в общем оставляет глубокое впечатление необратимой силы, с помощью которой вводилась свобода вероисповедания. Я продемонстрирую это утверждение посредством нескольких доказательств. Во-первых, сегодня ни одно европейское государство, в котором не признана свобода вероисповедания, не может стать членом Европейского совета. Во-вторых, обеспечение свободы вероисповедания требуется при вступлении страны в Европейский союз, несмотря на то, что Европейский союз, в отличие от Европейского совета, до сих пор не выступил как субъект Декларации о правах человека. В-третьих, в США и бывшем СССР, свобода вероисповедания была официально признана как один из пунктов Заключительного Акта Конференции по безопасности и сотрудничеству, подписанного в Хельсинки 1 августа 1975 г. В статье VII так называемой "Корзины 1" среди прочих свобод называется и свобода вероисповедания, которую страны-участницы Конференции по безопасности и сотрудничеству обязаны неукоснительно соблюдать. Наконец, в-четвертых, свобода вероисповедания распространяется на все государства-члены ООН, которые подписали Всеобщую Декларацию о правах человека, принятую Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. в качестве резолюции 217 (III). В этой Декларации наряду с другими свободами речь идет о свободе вероисповедания (ст. 18).

Можно сделать вывод, что свобода вероисповедания является сегодня правовым институтом, действующим во всем мире. Однако это не означает, что отсутствуют случаи нарушения этого права. В этой ситуации важен тот факт, что имеются заявления и декларации, связанные с правами народов и дающие возможность характеризовать нарушения прав человека как таковые. На этом базируются потенциальные политические действия. В Европе примером этому были действия, правомерность которых под-

тверждалась Заключительным Актом Конференции по безопасности и сотрудничеству. Право политического обжалования, утвержденное этим документом, стало важным фактором краха социализма, особенно в прежних социалистических странах Центральной и Восточной Европы.

Иной вопрос, как следует оценивать сугубо политическое значение свободы вероисповедания. Поверхностное изучение истории правового института свободы вероисповедания может привести к выводу о том, что при утверждении свободы вероисповедания главный акцент делался на политической взаимосвязи религии и общества. Однако свобода вероисповедания также предполагает, что с помощью политико-государственного принуждения запрещается навязывание религиозных норм: норм веры, религиозной морали, а также ритуалов и прочих религиозных норм поведения. Там, где заявлено о свободе религии по отношению к отдельному гражданину, государству запрещено политически вводить в силу действующие нормы религии.

Обеспечение свободы вероисповедания является одновременно и частью того, что в европейской и американской культурологии и историографии называется "секуляризацией" -освобождением от религиозных обязательств; независимость прав гражданина и гражданских обязанностей от любой религиозной принадлежности, включая право гражданина как в культурном, так и в правовом отношении вообще порвать со своей религиозной принадлежностью. Итак, сказанное показывает, что включается в право свободы вероисповедания, а также одновременно объясняет, почему представители религии, тем более в Европе до нашего с Вами века, не обеспечили свободу вероисповедания в качестве правового института, не нуждающегося в признании.

Например, еще в 1953 г. тогдашний глава римских католиков, Пий XII, в обращении к римским юристам подчеркнул, что право на религиозное заблуждение, гарантированное правом свободы вероисповедания, является неприемлемым. Свобода религии невозможна, а возможна только терпимость, это значит терпение по отношению к ереси и прочим религиозным отклонениям в прагматическом плане, чтобы в каждом отдельном случае предотвратить худшее. Я сразу же хочу добавить, что спустя менее чем 10 лет, уже в начале шестидесятых годов, на Втором Ватиканском Соборе католиками была официально признана свобода вероисповедания в качестве правового института человека. У меня будет еще возможность указать на одну из причин, которая привела к этому.

Важно отметить, что свобода вероисповедания, утвержденная политически, не входила в интересы христианской религии, она была введена вопреки желанию представителей церкви.

Естественно возникает вопрос о причинах, которые позволили свободе вероисповедания стать решающим правовым регулятором во взаимоотношениях религии и политики. Мы вынуждены опустить долгую историю о том, как свобода вероисповедания была достигнута посредством горького опыта религиозных гражданских войн, опустошивших в XVI- XVII веках многие европейские страны. Опыт показывает, что различные еретики, настаивая на своей точке зрения об абсолютно истинной и неделимой религии, предпочитали отделяться, изгонять, даже убивать, чем отречься от своего религиозного заблуждения, в то время как истина заключалась в ином.

Поначалу вполне убедительным кажется тезис о том, что с единством веры укрепляется единство политического сообщества и забота о единстве религии служит не только интересам церкви, но и всего общества. Но, после того как это единство, прежде всего в эпоху Реформации в Европе, было окончательно разрушено, оказалось, что попытка восстановить гражданское единство в одной истинной религии средствами политического принуждения была еще хуже, чем распад единства религии. Последствия религиозно-политического принуждения, расшатывающие общество, привели к свободе вероисповедания.

С уверенностью можно сказать, что правовой институт свободы вероисповедания является порождением мирового разума. Гражданский мир не основывается более на истинности той или иной религии, более того, воля к миру превалирует над волей к триумфу религиозной истинности.

Итак, в Европе XVI-XVII веков сначала появилась терпимость, т.е. лояльность к иным религиозным убеждениям, от которой ожидали исчерпывающего миротворческого влияния. Великие европейские мыслители в вопросе соотношения религии и политики до начала революционной эпохи не были сторонниками свободы вероисповедания, тем более сторонниками терпимости (Спиноза в Голландии, Джон Локк в Англии, Вольтер во Франции). Только с появлением новой революционной ситуации, утверждением прав человека сначала в США, затем во Франции и, наконец, во многих европейских странах политика терпимости была полностью вытеснена идеей свободы вероисповедания. Это означало, что иная вера, диссидентство переводит

лись в статус субъективного, т.е. подлежащего обжалованию права, и государство гарантировало это право.

Как трудно было найти оптимальное соотношение государственной политики и религии в условиях свободы вероисповедания, дает нам почувствовать уже упомянутое обращение папы римского, которое в 1953 г. отвергало возможность признания свободы вероисповедания. Напомним, что в Европе полное предоставление гражданских прав евреям и свободы вероисповедания для этого древнего религиозного меньшинства завершилось лишь в конце 19 века, а в Великобритании, например, католики получили полные гражданские права только в период перехода от тридцатых к сороковым годам XIX века.

Таким образом, история введения свободы вероисповедания в Европе является историей введения гражданского правового мира вопреки интересам церкви. Это стало возможным благодаря прогрессивному отказу государства от обязательств признавать и вводить религиозные нормы.

Показательно, что на примере США можно увидеть, как свобода вероисповедания, вместо того чтобы противоречить интересам религии, сама может представлять интерес для религии. Разделение религии и государства, ставшее главным для конституционной системы Соединенных Штатов Америки, не стремится вытеснить в правовом отношении религию как жизненную силу, потенциально угрожающую гражданскому миру. Американская свобода вероисповедания учитывает интересы религиозных меньшинств и диссидентов, которые, эмигрировав из Европы и избежав угнетения европейских государственных религий, не хотели в Новом свете иметь над собой никакого верховенства, которое вмешивалось бы в дела их вероисповедания, молитвенник или Псалтырь. Отделение религии от государства в правовых и культурных традициях Соединенных Штатов можно определить как дружелобное. В Европе, например, во Франции дело обстояло иначе. Отделение религии от государства протекало в форме антиклерикальных движений.

Дружелобное разделение религии и политики, характерное для США, имело последствием то, что там религия в свободной общественной жизни получает несравненно большее влияние, чем в большинстве европейских стран. Можно также сказать, что независимо от разделения политики и религии США не являются страной с ярко выраженной секуляризацией. Манифест о многообразии форм существования религии, который американские социологи религии любовно называют граждан-

ской религией "Civil religion", стал составной частью религиозной жизни в контексте общей политической жизни страны. Показательны в этом отношении присяга американского Президента при вступлении в должность, когда он кладет руку на Библию, или публичная молитва, которую произносит американский Президент в обращении к народу государства в память о жертвах террора. Подобные действия едва ли мыслимы во Франции.

Система разделения религии и политики в США является фактором, благоприятным для религии. Показательно, что именно при этой системе католическая религиозная община выросла в самое большое религиозное сообщество среди более чем 130 религиозных сообществ в США. Американский епископат участвовал во Втором Ватиканском Соборе, который признал неограниченную свободу вероисповедания.

Для того, чтобы понять отношения между религией и государством в качестве свободного договора, как это имеет место в США, или отношения разделения, как это имеет место во Франции, нельзя забывать о том, что политическое и религиозное сообщества в истории христианства всегда были тесно взаимосвязаны. В Новой истории Европы, как и в истории США, эти отношения трансформировались в государственное сообщество и религиозное сообщество как самостоятельные институты, образующие гражданскую и христианскую общины или "государство" и "церковь".

В современной Европе существует два разных института: институт государства, с одной стороны, и институт церкви, с другой стороны. Однако они не всегда и не полностью разделены. Иначе чем в США или во Франции, в большинстве европейских государств существует государственная церковь, например, в Великобритании, или в Норвегии. Это значит, что в этих странах глава государства, монарх, является одновременно и главой соответствующей государственной церкви. Но независимо от этой связи государства и церкви в этих странах существует свобода вероисповедания.

Здесь не место подробно описывать различные государственно-церковно-правовые отношения в европейских странах. Однако я упомяну только о том, что в Германии церковь полностью самостоятельна и тем не менее не совсем отделена от государства. Например, это значит, что государство содержит в государственных университетах теологические факультеты как государственные учреждения, которые служат для обучения проповед-

ников; государство предписывает в качестве составной части государственного школьного образования преподавание религии, которое проводится по планам религиозной общины; государство взимает налоги для церкви.

Едва ли это можно понять без обращения к истории. Сложность понимания государственно-церковно-правовой реальности в различных странах может еще более возрасти, если мы обратимся к Швейцарии, где в некоторых кантонах имеется государственная церковь, а например, в Женеве или Нойенбурге, действует правовая система отделения церкви от государства.

Так или иначе свобода вероисповедания гарантируется и неукоснительно соблюдается как во всей Европе, так и в США, независимо от различий правового регулирования отношений религиозных общин, с одной стороны, и государственно-политической общины, с другой стороны.

Может ли религия, которая, как было уже отмечено выше, свободна в европейских и американских традициях со времен эпохи Просвещения, выполнять в государстве также легитимные функции? Иначе говоря, создает ли свобода вероисповедания положение, при котором религия имеет значение для состояния политического порядка, т.е. порядка либерального конституционного государства?

Я склонен ответить на этот вопрос "Да". Постараюсь обосновать этот утвердительный ответ.

Роль религии в условиях свободы вероисповедания и вместе с тем гарантии независимости религиозных и политических общин наглядно демонстрируют результаты опыта полного изъятия религии как нежизнеспособной силы из общественной и личной жизни. Такие опыты имели место в истории Европы. В памяти живы воспоминания нарушения гражданского мира из-за религиозных конфликтов. Эти конфликты сделали критику религии влиятельной составной частью культурного и политического менталитета в Европе. Речь идет о критике религии в ее радикальной форме с намерением полностью изъять религию как препятствие для сохранения мира и как помеху для свободного, гуманистического прогресса.

Так, например, у Карла Маркса мы находим определение, что пролетарская революция - это гражданская революция, а революции в США и во Франции якобы превзошли себя благодаря тому, что, вместо того чтобы принести свободу религии, они принесли свободу от религии. И, как добавляет Маркс, после того, как гражданская революция освободила евреев, про-

летарская революция освободит человечество от иудаизма. Религия в понимании этой критики является препятствием на пути человечества к реализации его неограниченных способностей как в настоящем, так и в будущем. Как только марксизм в образе ленинизма пришел к власти, это превратилось на практике в преследование религии. Также и тоталитарный национал-социализм понимал христианство как помеху на пути к легитимному монопольному притязанию национал-социалистского мировоззрения и всячески пытался его вытеснить.

Подводя итог, можно отметить, что при тоталитаризме устанавливается господствующая идеология в качестве эквивалента религиозной системы. А это, в свою очередь, значит, что религия, именно как свободная религия, является одним из средств, ограничивающих компетенцию политики. Историю прав человека можно прочесть как историю прогрессивного распространения тех жизненно важных интересов, которые мы не хотели бы отдавать ни в распоряжение государства, даже демократического государства, ни в распоряжение большинства. Религия неизменно является одним из сильнейших и наиболее жизненно важных интересов. В религиозных жизненных проявлениях люди остаются экзистенциально жизнеспособными и реалистичными и, как становится очевидным из истории политического сопротивления, также способными к сопротивлению. Религия в конечном итоге относится к тем жизнеспособным институтам, которые в условиях свободной политической жизни выделяются и гарантируются, но не вводятся в жизнь насильственно. Свобода религии защищает ее от вторжения политики, но она одновременно и гарантирует ее свободное развитие как компонент существования политического государственного сообщества.

Сложившиеся нормы взаимодействия религии и политики в европейской и американской истории, которые со времен эпохи Просвещения существуют в форме правового института свободы вероисповедания, получили официальное закрепление в различных Декларациях о правах человека вплоть до документов ООН. Однако встречаются европейцы и американцы, считающие права человека, включая право на свободу вероисповедания, сугубо европейско-американской традицией, ни в коем случае не рассматривая ее как универсальную, а опыт ее введения в жизнь представляют как проявление великодержавности.

Этот далеко идущий тезис имеет всемирно-политическое значение, и я не хочу в рамках данного доклада вступать с ним в дискуссию. Ограничусь только тем, что напомним происхождение

свободы вероисповедания. Она возникла, как было уже отмечено, из разрушающей мир неспособности к сосуществованию людей с различными вероисповеданиями. Современный мир подчиняется законам быстро распространяющегося технического прогресса, который порождает всеобщие зависимости. Мы, будучи разными по языку, культуре, цвету кожи и по своим религиозным убеждениям и обязательствам, все более сближаемся друг с другом в современном мире. Способность людей к сотрудничеству может иметь положительные результаты только в случае правовых гарантий взаимного признания различий.

К ВОПРОСУ О ВЗАИМООТНОШЕНИИ РЕЛИГИИ И ПОЛИТИКИ: ЭТИЧЕСКАЯ ВЗАИМОСВЯЗЬ.

*Институт востоковедения Университета
им. Мартина Лютера (город Виттенберг-Галле)
д-р проф. Юрген Пауль*

Входя в Государственный музей истории Узбекистана, люди направляются вверх по лестнице к настенной росписи, на которой можно увидеть изображение исторических личностей и важных достижений страны. В верхней трети, в середине, восседает на троне Амир Темура, над ним изображена самаркандская обсерватория его внука Улутбека как переход к звездному небу. На той же оси, под ним, т.е. почти точно в геометрической середине композиции, можно увидеть известную рукопись - Коран. Эта рукопись, как принято считать, созданная по поручению калифа Утмана, в колониальное время была отправлена в Санкт-Петербург, а позже снова возвращена в Узбекистан. Далее внизу находится изображение ученых, занятых беседой, а по краям росписи изображены известные и менее известные художественные произведения, принадлежащие исламскому и доисламскому периоду.

В ходе сегодняшнего симпозиума уже было сказано об отношении Амира Темура к религии, к исламу и другим конфессиям. Наряду с другими формами Темура использовал религиозные, легитимационные возможности ислама. При выборе его в великие эмиры и номинального правителя (было совершенно правильно указано на то, что Темура никогда не носил титул хана) Темура приложили усилия, чтобы на церемонии присутствовали Саиды из Термеза, которые в то время были потомками пророка в этом регионе. Видимо, загадочный Саид Барака также сыграл

определенную роль в этом событии. Известно, что Темур прислушивался к мнению и изречениям религиозных деятелей, особенно суфийских наставников. Свидетельством этому является обращение к сверхъестественным силам при планировании военных походов. Темур умел понять изречения святых мужей даже тогда, когда они казались агрессивными или враждебными.

При всем том царство Темура было вполне земным: титул Сахибкиран (Sahibqiran)(господин счастливого союза, астрологический термин) и кюреген (монгол. "зять", полученный им после женитьбы на чингизской принцессе) были ему дороги. Оба титула указывают на нерелигиозную или как минимум неисламскую легитимацию правления. Известно, что своим успехом он был обязан большому умению объединять людей, благодаря которому в начале он смог собрать вокруг себя сторонников, не принадлежавших к его роду. К легитимации правления Темура не в последнюю очередь относилась его личная выносливость и военные победы.

Нельзя не учитывать и особые отношения религии и политики, которые существовали при Темуре и принципиально отличались от подобных отношений в других государствах исламского средневековья. Как падишах-и ислама (padisah-i islam), т.е. как правитель ислама Темур не был воспринят своими современниками и более поздними поколениями. Даже при его сыне Шахрухе существовали сомнения по этому поводу, хотя он намного сильнее стремился придерживаться исламских традиций и практически отошел от монгольских обычаев. Даже настенная роспись в ташкентском музее не свидетельствует о тесной связи между правлением Темура и исламом.

В исламе, как это понимается в Европе, возможно слишком часто не разделяются понятия религия и политика (или государство). Настойчивое утверждение положения о том, что ислам является одновременно религиозным и государственно-политическим строем (аль ислам дин ва-давла), может считаться явлением современным. В любом случае, к государствам исламского мира во времена Темура эта формула не подходила.

Немецкий рейх в средние века основывался, в отличие от царства Темура и существовавших в то время государств исламского мира, на религиозной легитимации. Это отражалось в официальных источниках. А государство носило имя "Священная Римская империя немецкой нации". В многочисленных видениях конца света времен средневековья, раннего нового времени Священная Римская империя играет роль силы, которая при

наступлении конца света должна была противостоять появившемуся Антихристу; пока существует империя, существует также и мир; империя — гарантия остатка порядка в мире. Мир, как тогда верили, приближается к концу, который вскоре ожидался. Империя была тесно включена в понимание трактовки конца света, она имела эсхатологическое значение. Я бы хотел пояснить такой подход к империи на другом произведении искусства, которое достаточно известно, чтобы быть названным: я имею в виду "Бамбергского всадника". Статуя, согласно современным исследованиям, не соответствует личности какого-либо конкретного короля или императора, это не портрет, а идеальное представление императора конца света, который въезжает верхом в небесный Иерусалим. Даже если она и была сотворена до Темура, она может служить символом тесной связи идеи империи и ожиданием конца света, светской и вечной империи, которая наложила свой глубокий отпечаток на средневековье в Европе, и особенно в Германии.

В ходе Реформации эти представления длительное время подвергались нападкам. Для Реформации характерным является учение Мартина Лютера о "Двух империях", одна из которых является земной и временной, а другая — потусторонней и вечной. Даже если Лютер использовал мысли Нового завета и теологов, то предложенная формулировка все же нова. В религиозном отношении в центр внимания Лютер ставил личную набожность (веру) и выпавшую на долю каждого христианина отдельную, индивидуальную милость божью.

Формировавшаяся протестантская церковь ставила перед собой задачу возделывать виноградник господ (ед. ч.), а не виноградники для господ (мн. ч.). Эти идеи находят свое художественное воплощение в настенных фресках и иконах мастерской Лукаса Кранаха, которые можно увидеть в действующей лютеранской церкви города Виттенберга. Последовавшие за Реформацией религиозные войны еще больше подорвали представление о рейхе. С аугсбургским изречением (1555) "Кто властвует — должен устанавливать религию своих поданных" (*Cuius regio, eius religio*) сделан важный шаг. Правители страны скоро окончательно поставили себя вместо империи. Должен был быть установлен мир, но это не было по-настоящему услышано при установлении отношений противоборствующих религиозных партий. Не существовало больше религиозного единства империи, а также отсутствовал общий принцип государства. После тридцатилетней войны и установления мира между Мюнстером и Оснабрюком

(1648) становится совершенно ясно, что правители и государства должны сами заботиться о мире, который уже больше не ожидался от бога или от религиозно-эсхатологически узаконенной империи. Новый мировой порядок с самого начала встает на секуляризационную почву. Секуляризация западноевропейской политики с этим новым пониманием по сути дела уже далеко продвинулась. Царская и божья милость становятся в это время основной легитимационной силой, так понимают ситуацию только политические деятели, которые управляют судьбой государств. Империя окончательно теряет свое святое, историческое значение. Тем самым теряется значение конца света, а история становится, так считал Джин Бодин, полем возможностей, вероятности и человеческого ума. История становится управляемой, и причем дважды, тем кто ее создает, и тем кто пишет. Процесс демократизации в Европе поставил на место божьей милости легитимизацию политики. Одновременно был сформулирован целый ряд неотъемлемых принципов, например, в американской Декларации о независимости (self-evident) речь идет об основных правах граждан или о правах человека: равноправии, жизни, свободе, стремлении к счастью. В течение XIX и XX веков каталог прав был расширен, в него вошли, например, свобода слова, свобода печати, свобода собраний, свобода объединений и др. В Германии, учитывая опыт национал-социализма, любое самое значительное парламентское большинство лишено права распоряжаться каталогом основных прав граждан. Я должен сегодня оставить открытым тот вопрос, записано ли это также ясно в конституциях других западноевропейских стран, но я не сомневаюсь, что за пределами Германии существует согласие, что эти основные права граждан являются неприкосновенными.

Политика должна иметь обязательства в отношении этических ценностей. Некоторые ценности создавались на религиозный лад, но даже в странах, где процесс секуляризации, т.е. отделения церкви от государства, протекал особенно бурно (Франция), утверждаемые идеалы должны были ориентировать политику на этические ценности.

И в заключение еще раз обратимся к росписи в ташкентском музее: на ней соседствуют исламские и неисламские традиции: ученый (подразумевается Ибн Сино) дискутирует с теологами. Свобода научных обсуждений нашла здесь свое отображение. Коран в середине картины — выделяющийся элемент, но не единственный, возможно даже не доминирующий.

ДИСКУССИЯ

Д-р проф. Р.Мукминова отметила, что развитие общества и государства не происходит изолированно ни в одной точке земного шара. Общественная жизнь государств Востока всегда оказывала влияние на западную культуру. Такие термины, как чек, вексель, казна, без которых трудно представить современную жизнь, пришли в государства Запада из стран Востока. Когда мы говорим о взаимосвязи культур Греции, монголов, Европы, следует помнить, что Амир Темур стремился брать все лучшее, что было в различных странах, он использовал достижения предшествующих поколений как опыт для принятия правильных решений.

Стремясь расширить торговлю с Европой, Амир Темур обещал европейским королям принимать купцов-христиан как всех остальных. Торговые связи также способствовали взаимосвязям культур.

Мы сегодня говорили о судебной практике Древней Греции и Франции. Имеющиеся в Институте востоковедения АН РУз материалы показывают высокий уровень ведения гражданских дел при Амуре Темуре. Необходимыми правами обладали и женщины. Женщина, например, могла обратиться в суд для решения конфликта, возникшего с братом.

Амир Темур, стремясь уменьшить напряженность в завоеванные страны, оставлял в них старых властителей, если они признавали его власть. Это решение имело положительные результаты при жизни Амира Темура, но после его смерти все оставленные у власти местные правители объявили себя независимыми.

Зав кафедрой СамГУ О.Бозоров предложил обсудить причины стремительного распада империи Амира Темура после его кончины.

Внимание собравшихся было обращено на то, что популярная на Западе идея свободы совести имела место и на Востоке. Наследие Амира Темура, Бабура, вся философия Востока дают основание для подобного утверждения.

Д-р проф. Х.Бабаев, согласившись с последним утверждением, напомнил, что на Востоке всегда уважали разные религии. К этому призывает Коран. В Мавераннахре свободно существовал не только ислам, но и зороастризм, а также другие религии.

Рассуждая о причинах гибели империи Амира Темура, кандидат исторических наук А.Зияев назвал несколько причин. В первых, главной объединяющей силой империи был сам Амир Темур, среди его преемников равной ему личности не оказалось.

Шахрух был глубоко религиозным человеком и уделял основное внимание шариату. Он отказался от принципов Амира Темура, требующих учета интересов всех прослоек общества и сочетания культур оседлого и кочевого населения. Во-вторых, процесс распада империи ускорили междоусобицы Темуридов. В-третьих, происходило постепенное вырождение династии. Так было во все времена. Сильные люди основывали династии, а им на смену приходили слабые потомки. Любая новая династия рождается в свободной среде, а правящая живет замкнуто в рамках своей семьи.

Академик **О.Акимович** попросил кандидата исторических наук **А.Зияева** уточнить, сколько всего диванов существовало при Амире Темуре и какими источниками того времени он пользовался в своих исследованиях.

Кандидат исторических наук **А.Зияев** отметил, что точное число диванов по имеющимся источникам назвать трудно. “Уложения” Темура и “Зафар-наме” Али Язди могут быть использованы как основные источники при характеристике эпохи Амира Темура. Нет основания считать, что “Уложения” не принадлежат Амиру Темур. Напротив, есть доказательства того, что этот труд принадлежит перу великого правителя. К сожалению, исторические сочинения времен Амира Темура системно не изучены. Даже “Уложения” Амира Темура не рассматривались как историческое сочинение.

Д-р Ф.Набиев, напомнив, что целью симпозиума является необходимость определить значение деятельности Амира Темура для независимого Узбекистана, предложил обратиться к анализу социальной политики Амира Темура.

Узбекистан строит социально ориентированную рыночную экономику. В этой ситуации особое значение приобретает опыт Амира Темура в социальной политике. Следует точно ответить на вопрос, используется ли этот опыт, если да, то как, а если нет, то почему?

Д-р Ф.Набиев предложил рекомендовать правительству Узбекистана использовать практику Амира Темура, когда часть доходов богатых граждан выделяется на проведение социальной политики государства.

Д-р Ф.Набиев отметил также, что Узбекистан нуждается в кадрах профессиональных переводчиков-историков. Плохое знание источников, которые анализировались во времена СССР односторонне, может повредить развитию исторической науки. **Д-р Ф.Набиев** предложил на базе Международного института

центральноазиатских исследований и Самаркандского университета создать платные курсы по подготовке историков-источниковедов со знанием арабского и персидского языков.

Д-р проф. Юрген Пауль заметил, что социальная политика при Амуре Темуре не имела четкой системы и скорее относилась к общим целям государства. Существовали фонды (вакф), мусульманская благотворительность, предписания Амира Темура, но сферы деятельности социальной политики были ограничены. Перераспределение богатств и благотворительность правителей являлись единичными случаями и носили частный характер. Основу социальной политики составляло мусульманское право.

Уточняя высказанную точку зрения, д-р проф. Э.Аликулов заметил, что работа данного симпозиума, поставившего перед собой цель сказать правду о нашей истории, стала возможной только благодаря обретению независимости и политике, проводимой лично Президентом Узбекистана И.Каримовым. Учитывая сложность и важность задач, поставленных перед учеными, необходимо, прежде всего, разработать методологию изучения наследия Амира Темура. Нельзя ограничиваться изучением отдельных этапов, ситуаций, событий, например, сосредоточив все внимание на юности или военных походах Амира Темура. Войны были во все времена, а во время войны неизбежно нарушаются все законы человеческого общества. Все великие империи были созданы с помощью военной силы. Германские племена разрушили Рим, Наполеон пытался подчинить себе весь мир, в США практически уничтожены коренные жители этой страны - индейцы, Французская революция захлебнулась в крови. Если мы хотим иметь объективную оценку, нам следует системно изучать документы эпохи самого Амира Темура. Но следует помнить, что социальная, правовая и культурная политика реализовались одновременно, они не существовали отдельно от общих целей страны. Возвращаясь к социальной политике, следует напомнить о домах для бездомных, стипендиях для неимущих студентов. Число примеров можно увеличить, но главное - это всесторонность в оценке великой исторической личности.

Г-жа Авнетте Кремер, заметив, что в Узбекистане устанавливается новая взаимосвязь политики и религии, обратилась к д-ру проф. Х.Бабаеву с просьбой оценить роль религии в современном Узбекистане.

Д-р проф. Х.Бабаев отметил, что в Центральной Азии главной религией с давних времен является ислам, но и остальные конфессии имеют право на существование. По Конституции Узбе-

кистана религия отделена от государства, но она играет большую роль в общественной жизни страны. Независимый Узбекистан уважает религиозные традиции, чего не скажешь о коммунистическом режиме, когда религия или просто запрещалась или всячески вытеснялась из жизни народа. Независимость принесла свободу совести, которая закреплена в Конституции. В Узбекистане предоставлены равные права всем религиозным конфессиям. Государство, уважая религию, рассчитывает, что она станет серьезной позитивной силой при формировании мировоззрения народа. Узбекский народ религиозен, но мы живем в светской, свободной, демократической республике, и наши законы соответствуют мировым нормам и стандартам.

Д-р проф. Ф. Сулейманова попросила д-р проф. Пьера Шувена уточнить, что из наследия Древней Греции могло быть использовано Амиром Темуrom? Между Центральной Азией и Грецией существовали давние связи. Личность Александра Македонского всегда была популярна в этом регионе. Было бы интересно уделить больше внимания взаимосвязи этих двух древних цивилизаций.

Обращаясь к д-ру проф. Алену Пелуксу, д-р проф. Ф. Сулейманова заметила, что разговор о правовом государстве в Западной Европе был бы более интересным, если бы удалось провести параллели с Востоком и государством Амира Темура. Восток всегда оказывал влияние на Европу, в частности, через Испанию. Было бы интересно узнать, что в правовую культуру Европы перешло с Востока.

Д-р проф. Пьер Шувен отметил, что через греческие поселения на Амударье шло определенное влияние на мораль и философию Центральной Азии. Греческая культура оказала воздействие на буддизм и искусство Востока. Греки были организованы в государства, которыми управляли, как правило, цари. В Греции существовала традиция родственного наследования престола и имущества. Все эти нормы оказали сильное влияние на Рим, который, с одной стороны, боролся с персами и Сасанидами, а с другой стороны, взял у Сасанидов систему управления.

Амир Темуr относился с доверием к греческой культуре, поэзии.

Прозвучавший ответ уточнил д-р проф. Ален Пелукс. Нельзя говорить о прямом воздействии идей, пришедших с Востока, на правовую систему Европы. Вспоминая об отношениях феодала - вассала, можно найти аналогии в Японии, но и в этой ситуации нельзя говорить о взаимовлиянии. Подобного типа отношений в

исламе не было. В XII веке в Европе стало популярным римское право. "Открытие" этого явления произошло без посредничества Востока. У правоведов мусульманского и христианского мира всегда были разные цели. Правоведы-мусульмане должны были найти в Коране объяснение и мотивацию любого нововведения. В Европе юристы стремились разрабатывать правила, соответствующие эпохе и конкретному моменту. Для них главным было право защитить гражданина перед судом. Если говорить о прямом влиянии Востока, то следует обратиться не к правовой системе, а к медицине, где подобных примеров можно привести множество.

Д-р проф. А.Ахмедов в дополнение к словам д-р проф. Пьера Шувена заметил, что труды Аристотеля переводились на арабский язык и могли быть известны Амиру Темуру. Курултай и собрания в Греции, советы военачальников, социальная направленность политики - в этом много общего.

Д-р проф. Б.Уршибоев заметил, что прозвучавшие в выступлении слова "завоеватель", "захватчик" вряд ли могут быть отнесены к имени Амира Темура. Все явления надо оценивать реально и с учетом исторической обстановки. Следует тщательно взвешивать все плюсы и минусы. Например, общеизвестным фактом является то, что Амир Темур уважал честных людей во всех странах и стремился не лить лишней крови.

Кандидат исторических наук А.Анарбаев обратил внимание на то, что от европейских ученых, которые познакомили нас с представлениями об Амуре Темуре в средневековой Европе, подчас требовали высказать собственную оценку этой исторической личности. Следует помнить, что сделать это не легко. Любая оценка - это большая ответственность.

Возвращаясь к разговору об источниках, следует заметить, что легенды могут дать много полезного. Возможно легенды помогут нам уточнить место рождения Амира Темура. Одна из таких версий сейчас проверяется. Для создания объективной картины следует использовать все имеющиеся источники.

Кандидат исторических наук Р.Сулейманов заметил, что доклады немецких ученых (д-р проф. Тильман Натель, д-р Андреа Шмитц) расширили наши представления о личности Амира Темура, так как в них была проанализирована литература, оппозиционная официальным источникам.

Своя философия была у всех империй. Амир Темур сформировал свои взгляды, опираясь на наследие Чингиз-хана и мусульманского Мавераннахра. Прогрессивность Амира Темура оп-

ределяется демократичностью его политической позиции. Во времена монгольского господства правящая кочевая верхушка утратила оседлое (мусульманское) население. В её среде господствовали две идеи: одни предлагали использовать города в своих интересах, другие же выступали за их полное уничтожение. Прогрессивные, демократические взгляды, оппозиционные монголам, были у суфиев, сарбадаров, а затем и у Амира Темура

САМАРКАНД В ЭПОХУ ТЕМУРА И ТЕМУРИДОВ

*Лауреат Премии Мира Федеральной книготорговли
Германии д-р проф. Аннемари Шиммель*

Когда Бабур, не прямой, а связанный сложными родственными узами наследник Темура, осаждал в 1499 г. город Самарканд, произошло нечто примечательное. Из произведений “Бабур-наме” или “Тузук-и Бабури”, изданных на чигатай-тюркском языке, известен рассказ юного Темурида Бабура о том, что ему приснился умерший девять лет назад Ходжа Ахрар, и он предсказал Бабуру, что святой шейх Баракат будет ему покровительствовать. Бабур принял это как доброе предзнаменование и продолжил осаду Самарканда. Еще два года назад, в 1497 году, он захватил город после семилетней осады, которую он подробно описал, сообщив о разрушениях в этом прекрасном городе и о голодающих жителях. Несмотря на это юный, в ту пору пятнадцатилетний Бабур, нашел время описать и красоты Самарканда. То, что он говорит в “Бабур-наме” о постройках Темуридов и устройстве города, и сегодня представляет большой интерес, т.к. он упоминает о зданиях, описание которых не встречается в ранних или поздних источниках.

Город Самарканд с тех пор, как он в 712 году был завоеван арабами, стал центром исламской культуры. Самым первым мусульманином, погребенным там, является Хатам (Катам) Аббас, который в определенной мере считался святым покровителем города и которому Темура выразил свое почтение, соорудив великолепный мавзолей, восхищающий нас и сегодня. Самарканд - это город, который многократно описывался средневековыми арабскими историками и географами. Он известен своей трехчастностью, которая типична для устройства городов этой страны. Речь идёт о крепости, самом городе и предместьях. Постоянно упоминается о том, какие прекрасные сады были в Самарканде. Об этом речь идёт в воспоминаниях Бабура, во всех средневековых исторических описаниях, да и более поздние

европейские путешественники находили город "райским уголком". Во время господства всех династий, которые одна за другой следовали после арабского завоевания - Саманиды, Караханиды и Хорезмшах - город сохранял свою впечатляющую красоту до той поры, пока в 1221 г. сюда не пришли свирепствующие орды Чингиз-хана.

Во времена Темура, который благодаря своей женитьбе на принцессе - дочери Чингиз-хана, стал называться "зятем", гурганом, великого завоевателя, произошло возвращение Самарканда в центр внимания истории. Это был город, в котором Темур поселил ремесленников, художников, ученых, захваченных в его различных военных походах.

В своем родном городе Кеш, сегодня Шахр-и сьбз (Шахрисабз), Темур развернул строительство. Это был большой дворец, входной зал которого особенно поражал посетителей. Так Бабур, например, писал: "Никогда не видывали такого или подобного архитектурного сооружения". Оно было еще больше и более впечатляющим, чем Так-и Кисра Мадина (Ктесифон) в Ираке, строение, которое стало для исламских писателей олицетворением доисламского господства. Кто однажды увидел этот Пиштак, этот входной зал в Шахрисабзе, конечно, не может не согласиться с Бабуrom.

Затем следует время, когда в Самарканд доставляли ремесленников из Герата или Багдада, из Кербела, а после 1398 г. также из Дели, чтобы они украшали Самарканд все новыми зданиями, остатками которых мы восхищаемся и поныне. Именно смешение различных стилей, которые были известны в XV веке в исламском мире, придает постройкам особую привлекательность.

В Самарканд приезжали не только архитекторы и строители, но и каллиграфы. Известно, что Темур был поклонником каллиграфии. Как Хафиз-и Аbru, так и Бабур сообщают о великолепных надписях на больших мечетях и их михрабах. Есть даже анекдот, в котором говорится о том, что известный каллиграф Акта пришел к Темуру и принес ему копию Корана, которая была так мала, что ее можно было спрятать под перстнем с печаткой. Хотя Амир Темур был восхищен искусством Акта, он рассердился, ибо слово Аллаха не должно быть написано маленькими буквами, буквы должны быть красивыми и большими. И каллиграф взялся вновь за работу, через месяцы кропотливого труда он закончил переписывание святой книги, которая была так велика, что ее можно было доставить только на тачке. Пользоваться этим Кораном стало возможно только тогда, когда во

дворе мечети Биби Ханум для него или подобного ему была сооружена огромная каменная подставка.

Любовь к каллиграфии, как мы знаем, стала наследственной в семье Темура: его внуки и правнуки как в Ширасе, так и в Герате чтит искусство писцов.

Темур собирал в Самарканде также и художников. Бабур сообщает об одном павильоне, который был расписан сценами, заимствованными из военных походов Темура в 1398 г. в Индию. Это значит, что существовала монументальная живопись, от которой, насколько мне известно, не осталось и следа. Однако и темуридское книжное искусство, которое особенно развилось при наследниках Темура, несомненно, свидетельствует о большом (тонком) понимании искусства этим человеком.

Разумеется, ученые и теологи также не были обойдены вниманием Темура. Мы уже слышали о дискуссиях Темура с учеными. Спустя столетие Бабур указал на то, что суннитское направление ислама зародилось и веками защищалось на этой земле. И если мы вспомним о том, что Темур был знаком с мастером Амир Кулалом, то не удивимся, что он, как гласит легенда, также знал суфи Шах Ниматуллы Кирмани. Последний напрасно хотел поселиться в Самарканде, ибо, как гласит пословица, - "Двум королям нет места в одном городе". Насколько эта легенда достоверна определить сегодня трудно, во всяком случае, она указывает на влияние Ниматуллы на Темура. Темур же, который не мог потерпеть рядом с собой "второго короля (в духовной области)" все-таки гордился им. Однако, возможно, Темуру не нравилось шиитское влияние в его империи.

Известны многие детали культурной жизни времен Темура, но о женах Темура мы знаем не слишком много. Конечно, его внуки и сыновья хорошо известны в истории, однако образ Биби Ханум, личности очень активной при дворе, мало исследован. Хотелось бы отметить роль женщин в доме Темуридов. Мы не обладаем серьезной информацией о роли женщин во времена основателей династии, но в роду Темуридов Индии, создателем которого был Бабур (он называл себя не "Великим Моголом" а "Домом Темура"), женщины играли совершенно особую роль. Дочь Бабура, принцесса Гульбадан, известна нам как писательница, которая детально описала историю своей семьи и прежде всего своего брата Гумаюна. Мы можем узнать из этого произведения, как свободно и самостоятельно действовали в Индии темуридские женщины. Известно, что по меньшей мере полтора столетия после создания династии Великого Могола в Индии,

т.е. до второй половины XVII века, они играли значительную роль как меценатки, писательницы и художницы. Это несомненно наследие тюркских корней Темура и его жены. Мы чтим Биби Ханум в определенной мере и как пример для темуридских принцесс.

Описание Самарканда, которое я привела в начале, т.е. восприятие города пятнадцатилетним Бабуром, очень совпадает с известным описанием Клавихо, с которым знакомы все, кто занимался Темуром и его двором. Клавихо, принявший участие в сентябре 1403 г. в свадьбе пяти внуков Темура, описал роскошь таких празднеств: блюда, изысканные вина, ярмарка, фокусники и все, что только можно пожелать на подобном празднике. И когда два столетия спустя читаешь описание подобного праздника при дворе Могола в Индии, сразу же распознаешь сходство. Было бы также интересно сравнить правление Темура, о котором мы слушали сегодня, с администрацией великого правителя Моголов Акбера, который ввел в Фатпур Сикри и Агре высокоорганизованную систему управления. Подобное сравнение было бы несомненно полезно.

Клавихо описал не только угощения и развлечения, танцоров и музыкантов, виночерпиев и другие приносящие радость венцы, но также упомянул то, что мне кажется, очень характерным, а именно он с удивлением увидел, что на краю места празднования стоит целый ряд виселиц. Для чего они? Позже ему стало ясно или, быть может, ему объяснили, что в связи с большим праздником при всем его великолепии одновременно существовало напоминание о смерти. Эти символы указывают на два дополняющих друг друга аспекта властелина, который, по словам мусульманских благочестивых людей, должен объединять в себе оба аспекта жизни (как это установлено создателем) благодаря взаимодействию джалала власти и силы и джалала красоты, доброты и милосердия. Господин Нагель уже указал на эту связь и взаимовлияние. Эту двойственность можно видеть повсюду в исламской истории и прежде всего в мистике. В прозе Мауланан Руми "Фихи ма фихи" (где Руми дал описание осады Самарканда в 1212 г.) мы читаем, что султан Галген и придворные лица в его владениях должны "осознавать его власть также, как и его милосердие по отношению к народу". А за несколько десятилетий до того, как Клавихо описал большой праздник в Самарканде, североафриканский путешественник Ибн Баттута пишет, что он уже видел в Дели при дворе короля тюркского происхождения - Мухаммада ибн Туглука нечто подобное: с одной сторо-

ны его трона стоял палач, а с другой стороны — казначей. Так что зло могло сразу наказываться, а добро сразу вознаграждаться. Итак, это двойной аспект мощи властелина, который собственно и создает короля: только милосердие или только сила не помогут, необходимо проявлять здоровую уравновешенность темпераментов. Эта мысль чрезвычайно характерна для Темура и его последователей.

В связи с этим, мне кажется, важно указать на малоизвестное заочное, которое было сделано в нашем веке. Индийцы были по понятным причинам не самыми горячими почитателями Темура, который в 1398 году разрушил много городов и убил много людей. С началом династии Моголов, которая являлась продолжением его рода, это отношение определенным образом изменилось, однако за именем "Темур" скрывалось нечто угрожающее. "Духовный отец Пакистана" Мухаммад Икбал, умерший в 1938 году, иногда намекал в своих персидских стихах на мощь Темура и приводил его в качестве примера для мусульман. Почему же? Одного из его читателей это сильно удивило, и он прямо спросил об этом. В интересном письме, написанном примерно в 1930 году, Икбал сообщил, что под "Темуриадой" он подразумевает не разрушающую силу, а позицию той личности, которая действовала только с помощью своей власти, спланировав вокруг себя все положительные силы. Темур представляется здесь как личность совершенная сама по себе, сконцентрированная сила, так как он был для Икбала идеальным человеком. И эта точка зрения, о которой уже упоминалось на симпозиуме, кажется мне, очень упрощенной.

В этой связи я позволю себе пойти еще дальше, а именно еще раз возвращусь к восприятию образа Темура в Европе, а точнее в Германии. Как Вы вероятно знаете, Икбал был большим почитателем Гете и издал персидский отзыв на "Западно-восточный диван". Но "Западно-восточный диван" для большинства немцев, во всяком случае для образованных граждан моего поколения, является книгой, из которой мы впервые могли почерпнуть некоторые сведения о Темуре. "Западно-восточный диван" был написан в качестве ответа на немецкий перевод Хаммером-Пургшталем "дивана" Хафиз-и Ширази (издан 1812-13 г.). Было бы удивительно, если бы Гете не прочитал и не вкусил прелести той знаменитой газели Хафиза, которая начинается словами:

Коль пожелал тюрок из Шираса
покорность сердца вызвать моего,
отдал бы Бухару и Самарканд я
за символ красоты, что на челе его.

Это стихотворение уже неоднократно цитировалось. Гете позаимствовал мысль Хафиза и написал:

Мечтал ли я, любовь моя,
Метнуть к стопам твоим, родная,
Благоуханный аромат
Балха, Бухары и Самарканда?!

Гете варьирует мысли Хафиза, и в последующих стихах Темур становится символом власти. Так он желает своей возлюбленной:

Тебе должно служить богатство Темура,
Повиноваться управляемое им войско.

Это значит, что Гете желает, чтобы вся власть, которой обладал Темур, могла служить его возлюбленной. Разумеется, это прелестная поэтическая шутка, и Гете понимал Темура значительно глубже. В его "Диване", состоящем из отдельных книг, есть и "Темур-наме", "Книга Темура", содержащая всего два стихотворения. Одно - вариант, точнее почти дословный перевод с латинского хроники Ибн Арабшаха, в которой арабский историк описывает военный поход Темура, во время которого он 15 января 1405 года и скончался. Этот зимний поход побудил Гете к его большому и трогательному стихотворению, т.к. для него судьба Темура в зимнем походе является параллелью события, которое он пережил за несколько лет до этого: речь идет о неудачном зимнем походе Наполеона в Россию, во время которого французское войско потерпело решающее поражение. И если легенда гласит, что Хафиз встретил Темура, то Гете действительно встретил Наполеона. Он наблюдал за наступательными военными походами корсиканца, которые должны были решить судьбу Европы. Таким образом, сообщение Ибн Арабшаха о Темуре было для Гете параллелью к тому, что произошло незадолго до этого, а именно трагический конец прежде победоносного героя в холодную зиму.

Особенно интересно короткое четверостишие, которое Гете включил в "Книгу негодования" в "Диване" и в котором Темур, защищаясь от обвинений в чрезмерной жестокости, говорит:

Если бы Аллах хотел меня видеть червем,
То он и создал бы меня червем.

Но так как Аллах этого не хотел, судьба Темура подчинялась его закону.

Во втором стихотворении "Темур-наме" Гете говорит о том, что розовое масло, дистиллированное из многочисленных мертвых роз, украшает возлюбленную, несмотря на то, что оно получено из страданий и уничтожения, и -

Не погубило ли владычество Темура
мириады душ?

Для того, чтобы создать что-либо совершенное, необходимо погубить многочисленные существа - эту мысль часто высказывали ранние персидские мистики. Мне кажется, трактовка Гете образа Темура достаточно поучительна. Ибо очень часто невозможно интерпретировать великую историческую личность только под одним углом зрения, как говорит Шиллер в своем "Валленштейне":

Запутанный в ненависти и милосердии,
Бродит его образ по истории.

Никогда нельзя быть совершенно справедливым по отношению к гению, рассматривая его как исключительно светлый образ или как исключительно демонически черный. Должно быть осторожное освещение различных граней великого человека (и для этого, безусловно, в качестве примера можно взять Темура), которое делает изучение его личности таким интересным для историка. Одновременно задачей исследователя-историка является, будь он здесь в Узбекистане или у нас в Европе, попытка солидно и трезво, с любовью и почтением, однако также честно постараться нарисовать образ великого, так чтобы равняясь на него, можно было бы кое-что почерпнуть для собственного будущего. И это то, чего мы ожидаем от этого симпозиума, и я желаю всем больших успехов в их стремлениях.

*Директор Института археологии АН Республики
Узбекистан (город Самарканд) д-р проф. Темир Широков*

В своем докладе я попытаюсь восстановить образ Самарканда эпохи Амира Темура. Самарканд не является городом только

эпохи Амира Темура, он был основан задолго до его правления. Но божий дар великого Амира Темура сделал этот город царственным, эдемом Востока.

Самарканд во все времена играл исключительную роль в истории народов не только Мавераннахра, но и всего Среднего Востока.

В связи с этим образы старого Самарканда всегда интересовали не только ученых-историков, но и простых людей. Однако в народной памяти с одинаковой четкостью сохранились далеко не все архитектурные памятники старого Самарканда. Воссоздать образы древнего города - одна из сложнейших задач исторической науки. Тем не менее это вполне осуществимая задача. В распоряжении ученых имеется ряд достоверных источников - архитектурных, археологических, литературных и исторических.

Самарканд - один из интереснейших и древнейших городов Востока, выросший на оживленных торговых путях Великого Шелкового пути. Самарканд благодаря прекрасной природе и удачному местоположению у подножия холмов Чупан-ота, на берегу речки Сиеб, довольно рано приобрел эпитет цветущего и богатого города.

О древней истории Самарканда свидетельствует огромное безжизненное городище Афрасиаб, занимающее более, чем 219 гектаров. Это городище расположено к северо-востоку от современного города.

Многие легенды о прошлом Самарканда, о его возникновении дошли до нас в пересказе средневековых авторов. Эти авторы, сообщая разноречивые сведения о времени возникновения Самарканда, сходятся в том, что город имел исключительно длительный период существования, начавшийся задолго до арабского нашествия. По словам Несефи (XII в.), ко времени появления в Мавераннахре Кутайбы Самарканд уже насчитывал 2500 лет своего существования, и, следовательно, момент его возникновения нужно отдалить к середине второго тысячелетия до нашей эры. Самаркандец Абу Тахир Ходжа, говоря о времени возникновения Самарканда, называет двух эпических государей, якобы царствовавших еще до Ахеменидов, - Кейкауса, сына Кейкубада, и Куршаспа. Упоминается также пришедший из Йемена Тоббы, и наконец, Искандер (Александр Македонский).

Наиболее популярна среди самаркандцев легенда, связывающая древний Самарканд с городищем Афрасиаб, носившим имя царя Турана, который воевал с царями Ирана.

Однако новейшие археологические факты, полученные в городе Афрасиаб, свидетельствуют о том, что Самарканд как город начал формироваться в VIII веке до нашей эры, и не подкупаясь на легенды и мифы, мы сегодня с уверенностью можем заявить, что Самарканд - ровесник Рима, и его возраст насчитывает 2750 лет.

Несомненно, Самарканд является наиболее древним городом во всей Центральной Азии. Самарканд - свидетель эпохи Мидии и Ахеменидов. Во времена Александра Македонского, по свидетельству Курция Руфа, Самарканд был сильно укрепленным городом. Александр в 329 году завоевал Самарканд и сделал его своим главным оплотом в этом регионе. После завоевания арабами Самарканд прославился на весь мир. Последующие поколения окутали образ этого города удивительными легендами.

“За рекой Джейхун находится город с большим количеством земли и проточной воды, который называется городом хранимым. Он имеет врата, и у каждых по пять тысяч ангелов с распростертыми крыльями, оберегающих жителей этого города... В городе имеется вода белая, сладкая, чистая, вкусная. Каждый, кто напьется этой воды, чувствует себя как бы напившимся, кто совершит полное омовение в этой воде, освободится от всех грехов и становится чистым, как только что рожденный матерью”, - так описывает Самарканд автор “Кандии” Абдул Хаким Самаркандий.

Нити торговых путей Великого Шелкового пути, протянувшиеся от Японии до Рима, объединялись в один узел в Самарканде и расходились от него как солнечные лучи.

Названия ворот в стене, окружавшей Самарканд в IX-XII веках, указывают на направление дорог. В южной стороне шахристана находились ворота Кешские, через которые проходила дорога на Кеш и дальше на Термез, а оттуда на Балх. В северной части были ворота Бухарские, отсюда дорога шла на Бухару, от которой другая ветвь вводила на Амударью, Мерв и дальше в Хорасан. В восточной стене располагались ворота Китайские, указывающие на караванную торговлю с Китаем. И, наконец, на западе - ворота Наубехарские.

В средние века Самарканд славился своими шелковыми и хлопчатными тканями, своей знаменитой бумагой, различными фруктами, из которых “Золотые персики” вошли в историю как олицетворение одного из чудес света. Но, к великому сожалению, в 1220 году благополучное развитие Самарканда было безжалостно приостановлено ордами Чингиз-хана. Город был разру-

шен, сожжен, его жизненная артерия - водопровод "Жуи арзи-ис" был уничтожен, три четверти населения перебито. Некогда цветущий город превратился в руины. Самарканд никогда больше не возродился на этом месте, о чем свидетельствует сохранившийся до сегодняшнего дня мертвый город под названием Афрасиаб, оставшийся под землей. Судьбу Самарканда разделили сотни других городов и кишлаков Мавераннахра.

Возрождение Самарканда, так же как и многих других городов Мавераннахра, было связано с именем Амира Темура. Характеру Амира Темура была присуща неугасаемая страсть создающего творчества. В центре его внимания всегда находилось градостроительство. Амир Темура возродил, заново построил, благоустроил многие города Среднего Востока: Самарканд, Шахрисабз, Карши, Термез, Бухара, Балх, Отрар, Шахрухия, Ташкент, Туркестан, Ахсикет, Ургенч, Байлакан и др.

В 1370 году Амир Темура на курултае в Балхе был провозглашен верховным правителем Мавераннахра. Историки сообщают о том, что Амир Темура колебался при выборе столицы своей быстро растущей державы. Какому из городов отдать предпочтение - Шахрисабзу ли, где протекало его детство и покоем прах предков, или Самарканду - городу легендарного Афрасиаба, царя овечьих мифами Турана? Амир Темура любил Самарканд и сделал его столицей своего обширного государства. Почему был избран именно Самарканд? Причин этому несколько: Самарканд располагался в центре Мавераннахра; через него проходил Великий Шелковый путь и главные пути передвижения народов; он являлся центром дипломатических связей, был доступен и для степного Севера, и для цивилизованных оазисов Юга; он был столицей Согдианы, овечьих легендами; являлся крупным ремесленно-промышленным центром; обладал выгодным военно-стратегическим положением, и наконец, прекрасными природно-климатическими условиями. Все это позволило сделать столицу государства Амира Темура одним из красивейших городов Востока, "центром всего мира".

Что касается Шахрисабза, то он никогда не был столицей какого-либо государства и не обладал особой традицией, которая присуща столичным городам, он всегда был периферийным, второстепенным городом Согдианы.

Многие образы Самарканда были сотворены гением Амира Темура. При строительстве и благоустройстве столицы строго соблюдались три генеральных направления, призванных создать единый облик города. Первое, наиболее важное направление,

обеспечивающее обороноспособность города и укрепляющее мощь государственного аппарата, - строительство цитадели, так называемой хисар, окруженной мощными фортификационными сооружениями.

Цитадель-хисар являлась главным элементом городской планировки Самарканда, она располагалась в западной, наиболее возвышенной, части города и занимала 34 гектара территории. Наш симпозиум проходит на том самом историческом месте, где находилась цитадель Амира Темура, относящаяся к одним из самых ранних построек в Самарканде (1370-1372 гг.).

“В конце города стоит замок, с внешней стороны как будто на плоском пространстве, но окруженный очень глубоким рвом, который образуется ручьем, и от этого рва замок делается неприступным”, - писал Клавихо. Захриддин Мухаммад Бабур сообщает о том, что длина крепостной стены составляла более 10600 тыс. шагов. То были высокие, выстроенные из кирпича и пахсы стены, усиленные периодически повторяющимися полукруглыми башнями, бойницами и ломаной линией зубцов.

Внутри цитадели находились органы государственного управления Кок-Сарай, Бустан-Сарай, казна, библиотека, три усыпальницы, оружейные мастерские, мечети, зинданы и т.д.

Хотя сам Темура не жил в цитадели, однако жизнь в ней кипела. Здесь находились правительственные здания. Здесь стояли красивые дворцы и дома крупных сановников. Здесь, наконец, по словам Бабура, “Темурбек построил громадный в четыре этажа дворец, известный под названием “Кок-Сарай”. Здание это чрезвычайной высоты”.

В цитадели находились ворота, соединявшие ее кварталы с остальным городом. Выстроенные почти в одну линию величественные здания с синими куполами - Ак-Сарай, Гур-и Амир, Рухабат, Кутби Чохар-духум, Кок-Сарай и Бустан-Сарай придавали городу облик торжественности.

Вторая генеральная линия в строительстве столицы - это планировка и благоустройство самого шахристана: строятся улицы, майданы, хаузы, фонтаны, торговые ряды, мечети, медресе, мавзолеи, хонаки и усыпальницы.

Город, так же как и цитадель, был окружен стеной и в эпоху Амира Темура имел шесть ворот. В северной стене находились ворота Шейх-заде и Аханин, на востоке - ворота Фирюза, на западе - Чорсу, на юге - Сузангарон и Кариз-гох.

В центре города находился Чорсу, от которого на северо-восток, в сторону соборной мечети и дальше до ворот Аханин,

располагался главный базар, который одновременно являлся большой улицей-дорогой.

По городу проходили улицы, ведущие с разных сторон к его центральной части, где и располагался крытый куполом рынок Чорсу.

Планировка города имела линейную композицию: улицы в сочетании с площадями тянулись от центра к махаллям, гузарам и городским воротам. Вдоль улиц располагались торговые ряды, караван-сарай, на площадях - базары. Клавихо сообщает, что "в городе есть много площадей, где продают мясо, кур и птиц... , также хлеб и плоды, все большой чистоты ..., эти площади и днем, и ночью полны, и на них идет постоянно большая торговля".

Амир Темур, заботясь о торговле, приказал провести улицу с одного конца города в другой. "Улицу провели широкую и по обеим сторонам поставили палатки. Как только оканчивались работы в палатках, тотчас же помещали в них торговцев, которые торговали в них разные вещи. На некотором расстоянии на улице устроены были водоемы", - записал у себя в дневнике посол из Кастильи Клавихо.

"Самарканд удивительно красивый город, - восхищался автор "Бабур-наме", - он имеет одну особенность, которую можно встретить в немногих городах: каждый род торговли и промышленности производится в особых рядах, а не смешанно. Прекрасный обычай".

Амиром Темуром в Самарканде построено более двадцати великолепных архитектурных комплексов: Ак-Сарай, Кок-Сарай, Бустан-Сарай, Гур-и Амир, Рухабал, Кутби Чохар-духум, Биби Ханум, ряд мавзолеев - Шах-и Зинда, Ишратхона, 12 садов и многие общественные здания, которые до нас не дошли.

Сахибкиран часто лично руководил строительством. По свидетельству Шарафиддина Али Язди, Амир Темур сам руководил строительством соборной мечети, так называемой мечети Биби Ханум. Мечеть поражала сознание современников своим величием и грандиозностью. Али Язди пишет: "Было воздвигнуто 480 колонн, обтесанных из камня, каждая из которых имела в длину семь гязов. Высокий потолок и прекрасный пол ее (мечети) весь сложен из каменных обтесанных плит, так что высота (от пола) до потолка равна девяти гязам.

Если ты ищешь сравнения для арки и купола ее макуры, ничего нельзя сказать, кроме как, млечный путь и небесный свод.

Купол был бы единственным, если бы небо не было его повторением, и единственной была бы арка, если бы млечный путь не оказался ей парой”.

Таким образом, восточная часть города полностью была оформлена непосредственно под руководством Амира Темура. Великолепные порталы, башни, купола, минареты соборной мечети Темура, медресе Сарай-Мулик-Ханум, городские ворота Аханин, многокупольный торговый пассаж - все это сформировало парадный архитектурный облик мировой столицы, поражающий каждого прибывающего в Самарканд.

И, наконец, третья генеральная линия, формирующая образ Самарканда, - это строительство как внутри, так и за городом садово-парковых комплексов, которые являлись неотъемлемой частью столицы. Амиром Темуром было построено двенадцать садов-парков. В центре их располагались великолепные дворцовые комплексы. Сады-парки окружали Самарканд зеленым кольцом: Боги Баланд, Боги Зогон, Боги Жахоннамо, Боги Чинор, Боги Нав, Боги Майдон, Боги Бихишт, Амирзода Шахрух боги, Боги Булду, Давлатабод Боги и Боги Накши Жахон. Строительство садово-парковых комплексов возродило древневосточные традиции градостроительства, которые были восприняты и Европой.

Благодаря описаниям Шарафиддина Али Язди и Клавихо мы имеем возможность восстановить облик садов и дворцов хотя бы в общих чертах. Садово-парковые комплексы создавались по заранее продуманному плану. Обычно они имели строго прямоугольный план с центральной аллеей, нередко с членением на четыре части, т.е. так называемый “Чарбог”, с упорядоченной системой посадок декоративных и плодовых деревьев, кустарников и цветов, с арочной сетью орошения, хаузами-водоемами, иногда фонтанами и каскадами. Внутренняя планировка садов и дворцов нередко имела крестообразную форму, которая берет начало от древней архитектурной традиции так называемой “Чахартак”, позднее - “Чорсу”.

Кастильский посол Клавихо так описывает Боги Дилькушо: “Входная дверь в этот сад была очень широкая и высокая, прервосходно отделанная золотом, глазурью и изумрудами”.

Сады разбивались на аллеи, по краям которых поднимались белые тополя. Треугольные и шестиугольные участки засаживались плодоносными деревьями и другой цветущей растительностью. В середине сада строился дворец - куполообразное здание, по трем сторонам которого поднимались высокие арки.

Бабур указывает, что “стены дворца Боги Дилькушо были украшены картиной, изображающей одно из индийских сражений Темура”.

Таким образом, сады были неотъемлемой частью столицы, посещать их могли не только правители и высокопоставленные сановники, но и все жители Самарканда.

Образ Самарканда невозможно представить без упоминания о станах, расположенных в окрестностях города на берегу Оби-Рахмат, в местности Канигил, где во время праздников, тоев и народных гуляний ставились тысячи разноцветных шелковых шатров и палаток.

Великий Темура мечтал создать мировое государство, основанное на справедливости, а Самарканд представлял себе городом мирового значения, царственной столицей. Среди всех остальных городов он первый и нет ему равного. Чтобы придать этой идее конкретное воплощение, Темура фактически заново построил Самарканд, а также окружающие его селения, дав им названия известных городов Востока - Миср, Димиш, Багдад, Султания и Шираз. Эти селения существуют и поныне. Для осуществления грандиозного плана строительства “центра всего мира” Сахибкираном привлекались мастера разных профессий, начиная от камнетесов и кончая ювелирами, со всего Востока - Дамаска, Табриза, Багдада, Хорасана, Азербайджана, Ургенча и Хиндистана. Вследствие чего образовался некий синтез культуры градостроительства, архитектуры, монументального декоративного оформления зданий, который получил название “Темурийдлар услуги” - “Темурийдский стиль”, распространившийся по всему Востоку.

В планировке города учитывался рельеф местности. Все архитектурные комплексы возведены на наиболее возвышенных участках города - цитадель, мавзолей Гур-и Амир, Шах-и Зинда, Чупан-Ата, Ак-Сарай, соборная мечеть, дворцы Кок-Сарай и Бустан-Сарай и др. Было проведено несколько прямолинейных улиц с торговыми рядами - Шахрух, Оханин-Чорсу, цитадель-Чорсу, великолепно сочетавшихся с площадями и хаузами, которые резко изменили образ города и сделали его царственным городом с мировой славой.

Заканчивая свой доклад, мне хотелось бы сказать о том, что Самарканд во времена Сахибкирана Амира Темура стал одним из красивейших, грандиозных культурных центров Востока. Темура любил свой город особой любовью, уделял ему много внимания и не жалел для него средств. Здесь жили и творили вели-

кие ученые, художники, музыканты, архитекторы. Они создавали шедевры. Можно сказать, что в это время самые уникальные научные, инженерные, философские мысли рождались именно в Самарканде, и здесь же они обогащались, расцветали и потом распространялись на Восток и Запад. Самарканд во времена Темура и Темуридов являлся источником света, и его лучи освещали весь мир. Эта эпоха являлась эпохой подлинного ренессанса, который можно назвать Темуридским ренессансом.

ИСКУССТВО ОБРАБОТКИ КАМНЯ И ДЕРЕВА В ЭПОХУ АМИРА ТЕМУРА

*Музей исламского искусства (город Берлин)
д-р Йоахим Гиранкс*

Амир Темур (1336-1405), известный на Западе под именем Тамерлан (Темур Хромой), основал великую империю, которая в различных границах просуществовала более столетия (1370-1506). Она определяла не только политические судьбы региона, но и в области искусства играла ведущую роль. Возникшие в империи при Темуре и его наследниках произведения искусства и архитектурные памятники издавна бесспорно относились к шедеврам исламского художественного творчества.

Когда мы употребляем понятия “темуридский” или “темуридское искусство”, то имеем в виду всю эпоху с 1370 по примерно 1500 гг., а не только период правления Темура (1370-1405).

Темуридские работы по камню и дереву несмотря на их высокое качество относятся к малоизвестным художественным объектам той эпохи. Хотя в последние годы исследование темуридского искусства и архитектуры достигло большого прогресса, который реализовался в научных статьях и монографиях¹⁰, а также в проведении большой “Темуридской выставке” в США в 1989 г.¹¹, всё же по сей день ещё не существует исследований, которые сопоставили бы и проанализировали работы по камню и дереву.

¹⁰ *Ne premenjaju na polnyi oхват* : L. Golombek - M. Subtelny (ed.): *Timurid Art and Culture. Iran and the Central Asia in the Fifteenth Century. Studies in Islamic Art and Architecture, Suppl. to Muqarnas, vol. VI. Leiden - New York - Kujin 1992*; L. Golombek - D. Wilber, *Timurid Architecture in Iran and Turan. 2 vols. Princeton 1988* (= Golombek / Wilber 1988); - E. Grube, *Notes on the decorative arts of the Timurid Period, II. in: Islamic Art III, 1989, 175-208*; B. O'Kane, *Timurid Architecture in Khurasan. Costa Mesa, Calif. 1987*; - G.A. Pugachenkova, *Chef-d'oeuvre d'architecture de l'Asie Central XIVe - XVe siecle. Paris 1981*; - W.M. Thackston, *A Century of Princes. Sources on Timurid History and Art. Cambridge, Mass. 1989. Zu Timur und seiner Zeit siehe T. Nagel, Timur der Eroberer und die Islamische Welt des späten Mittelalters. Munchen 1993.*

¹¹ Th.W. Lentz - G.D. Lowry, *Timur and the Princely Vision. Persian Art and Culture in the Fifteenth Century. Los Angeles 1989* (= Lentz/Lowry 1989).

Темуридские работы по камню сделаны из мрамора, камня или нефрита, причём следует разделять камнерезные работы, относящиеся к области строительного декора, и группу необычайно ценных, не очень многочисленных работ по нефриту, которые следует причислить к искусству и которые связаны с именем Улутбека (1394-1449)¹². Как один из примеров я хочу напомнить о знаменитой рукоятке меча, которая ныне находится в Художественном Метрополитен-Музее в Нью-Йорке и датируется первой половиной XV века¹³. Для Улутбека был сделан кубок из белого нефрита, находящийся в фонде Калуста Гульбекяна в Лиссабоне, который носит его имя и датируется промежутком времени около 1420-49 гг.¹⁴ Оба объекта демонстрируют столь типичные для темуридских произведений искусства из различных материалов головы драконов, которые украшают в особенности ручки, и, без сомнения, восходят к китайским образцам.

Если в обычном случае нефрит используется для объектов малой формы, то кенотаф Темура из нефрита, к которому мы ещё вернёмся позже, является исключением.

В отношении далее рассматриваемых работ по камню темуридской эпохи речь идёт лишь о небольшом выборе. Насколько мне известно, не существует также никакого анализа, который мог бы претендовать хотя бы на относительную полноту.

Мы начнём с двух возведённых при Темуридах в Самарканде построек, которые могли бы продемонстрировать богато орнаментированные работы по камню и мрамору.

После возвращения из своего победоносного похода в Индию (1398-99) Темур повелел построить для своей столицы пятничную мечеть, так называемую мечеть Биби Ханум. В то время как основная надпись на айване молельного зала, упоминающая 801 год хиджры/1398-99 как год начала строительства, состоит из неглазурованной терракоты, строительная надпись на входном портале, сообщающая об окончании работ в 806 г. Х./1403-04 и ныне существующая уже лишь фрагментарно, высечена из мрамора. Каменный портал стоял до большого землетрясения 1897 г., как свидетельствуют исторические фотографии¹⁵. Весьма вероятно, что этот портал был сработан каменотёсами из Азербайд-

¹² Некоторые работы из нефрита см. Lentz/Lowry (1989) 142 ff., cat.no. 50-52 (m. pur.) и рис. 46.

¹³ Gift of Heber, R. Bishop, 1902, 02.18.765; см. Lentz/Lowry (1989), cat.no. 51, fig. p. 143.

¹⁴ Lentz/Lowry (1989), 144, fig. 46.

¹⁵ Golombek/Wilber (1988) fig 70.

¹⁶ См. Golombek/Wilber (1988) 255ff., cat. no. 28. fig. 73.

жана, в пользу чего говорят многие сохранившиеся каменные постройки эпохи Ширван-Шаха, декор которых можно легко сравнить стилистически. Мне хотелось бы здесь лишь упомянуть комплекс Ширван-Шаха в Баку, не вдаваясь в дальнейшие подробности¹⁷.

Из мрамора были 400 или 480 названных в исторических источниках¹⁸ колонн, ривака (rivaqs), которые были доставлены из каменоломен 95-ю пригнанными из Индии слонами. В 20-е годы нашего столетия разрозненные колонны ещё стояли на месте, как свидетельствует неопубликованная фотография Эрнста Кон-Винера от 1924 или 1925 г. Другие колонны и базы были обнаружены при археологических исследованиях, проведённых С.Е.Ратия¹⁹.

Абсолютно уникальна большая подставка (пульт) для чтения Корана размером 2,30 x 2,00 м, которая сработана из камня и ныне стоит во дворе мечети Биби Ханум (снимок 1). Рахле (rahle) состоит из монолитной каменной плиты, которую несут 8 массивных опор, на плиту положены два огромных треугольных блока, скошенных внутрь. Внешняя сторона этих блоков покрыта флоральной "паутиной" тонкой работы, которая лишь слегка выделяется над фоном, в то время как каменная плита декорирована трёхпоясным, только немного выступающим, мукарнасовым карнизом.

Также и более позднее захоронение Темура, мавзолей Гур-и Амир, который он приказал построить в 807 г. Х./1404 для своего умершего внука Султана Мухаммада, обнаруживает различные работы по камню. При этом отчасти речь идёт о надписях подобных пятничной мечети, которые высечены на камне или мраморе. Облицовка стен внутри места захоронения состоит в своей нижней части из высокой цокольной зоны, сделанной из шестиугольных ониксовых плиток, которые замыкаются лишь немного выдающимся мукарнасовым карнизом из мраморных пластин (всё вместе свыше 2 м высоты). Непосредственно над этим проходит вокруг всего помещения фриз надписи из зелёной яшмы (разновидность халцедона), буквы которой были вызолочены. Далее следуют другие пояса из цветной штукатурки и других материалов, затем мукарнасовая конструкция из пресованной и расписанной бумаги (папье-маше) переводит заполненную поверхность от квадрата к кругу купола. Следующая

¹⁷ См. Golombek/Wilber (1988) chap. 9.

¹⁸ У современных авторов существуют различные точки зрения.

¹⁹ См. С.Е. Ратия. Мечеть Биби Ханум (Москва 1950).

надпись из камня находится по обе стороны подхода, который ведет в мавзолей через построенную при Улутбеке в 1424 г. галерею.

Особого внимания заслуживает кенотаф Темура из зеленоватого нефрита, который сильно отличается от других ложных саркофагов, сработанных из камня, и от сложенного из кирпича надгробия Саида Барака. В крипте, в которую первоначально можно было попасть по лестнице в юго-восточном углу мавзолея, находятся аналогично расположению кенотафов вверху в мавзолее могилы Султана Мухаммада, Темура, Мироншаха, Шахруха и Улутбека. Кенотаф Темура, происхождение которого кажется не совсем ясным, обнаруживает большую трещину, которая весьма вероятно появилась при перевозке в Мешхед при Надир-Шахе. По мнению В.В.Бартольда, Улутбек приказал доставить кенотаф обратно в 828 г. Х./1425 в качестве трофея после своего победоносного похода в Монголию²⁰, в то время как по другим источникам, кенотаф должен был быть сделан из одного из двух нефритовых блоков, которые Улутбек приказал доставить из Карши в Самарканд²¹. Надписи на надгробии²² и кенотафе Темура приводят его генеалогию, которая представляет его потомком как Чингиз-хана, так и Али²³.

Во дворе мавзолея Гур-и Амир уже несколько лет находится большой прямоугольный монолитный камень, который первоначально должен был находиться в Кок-Сарае (снимок 2). Об этом свидетельствует неопубликованная фотография Эрнста Кон-Винера, который посетил Самарканд в 1924-25 гг. Поскольку речь идёт действительно о Кок-Сарае, фотография предоставляет нам одновременно *terminus ad quem* (срок), к которому дворец ещё должен был стоять. Этот интересный образец темуридского каменотёсного искусства, насколько мне известно, до сих пор не был исследован с точки зрения истории искусства. Обычно его называют "тронным камнем", за что говорит и его происхождение из Кок-Сарая. Камень размерами 3,30 X 1,50 не содержит никаких надписей, которые могли бы дать справку о его датировке и функции. Его основные и боковые стороны покрыты занимающим всю поверхность мелко проработанным раститель-

²⁰ См. Colombek/Wilber (1988) 262.

²¹ Lentz/Lowry (1989) zitieren V.V. Barthold, *Ulugh-Beg. Four Studies on the History of Central Asia*. Trans. V. and T. Minorsky. Leiden 1958. Vol. II. 100f. См. также В.В.Бартольд, О погребении Тимура (Перевод и комментарий J.M. Rogers), in: *Iran* 12, 1974, 87.

²² В альбоме "Зодчество Узбекистана" имеется изображение (Текст Г.А. Путаченковой) (о.р.).

²³ Важнейшие работы см. Lentz/Lowry (1989) 27 l., 17, 20.

ным орнаментом, который своей плоскостностью ясно напоминает подставку для Корана пятничной мечети Темура.

Одна миниатюра XV века, сохранившаяся в музее Топкапи-Сарай в Стамбуле (TSM, Hazine 2153, лист 150 v), показывает близкий для сравнения “трон”, который был покрыт кассетообразным орнаментом и сделан из дерева²⁴. На нём расположились две девочки-китаянки.

Далее я хотел бы рассмотреть две работы по камню, находящиеся в музее исламского искусства в Берлине (I.4534; i.27/76)²⁵. В одном случае речь идёт о пятиугольной звездчатой плитке из мрамора, происходящей из сооружённого Улутбеком в 1417-20 гг. медресе в Самарканде. Там на входном портале в боковых нишах пятиугольные звездчатые плитки и двойные пятиугольники из мрамора вместе с фаянсовой мозаикой образуют цокольный орнамент. Декор плитки, которая в настоящий момент демонстрируется на узбекистанской выставке в Берлине, состоит из двух многократно пересекающихся систем усиков, основной мотив которых образуют сильно стилизованные цветы.

Происхождение двух мраморных плиток, напротив, неизвестно. Десятизубцовые звездчатые плитки покрыты растительным орнаментом, центр которого образует розетку, которая охвачена двумя круговыми, попеременно пересекающимися растительными системами. Особенностью, присущей плитке, является выпуклая сводчатость, которая вновь появляется в Самарканде на полуколоннах, построенных из отдельных частей. Для стиля цветов и разновидностей переплетения растительных мотивов прослеживаются параллели с камнерезными работами в Самарканде позднего XIV и XV вв. Кроме подставки для Корана во дворе пятничной мечети и так называемого тронного камня во дворе мавзолея Гур-и Амир в Самарканде, которые уже были упомянуты, удобен для сравнения растительный орнамент надгробия в так называемом мавзолее Джахангира (Хазрат-и-имам) в Шахрисябзе²⁶. Из центрального просматриваемого цветка вырастают многочисленные побеги с мелкими листочками и другими цветами, оставляющими свободным много фона в технике обратной резьбы.

В полной противоположности этим очень плоско обработанным орнаментам стоит декор надгробия Гиятаддина Мансура (ум.1445) в медресе его сына Султана Хусаина Мирзы в Герате,

²⁴ E. J. Grube, *Studien zur Malerei der Timuriden*, in: *Kunst des Orients* 5/1, 1968, Abb. 6-9 (Hinweis von Zick-Nissen).

²⁵ *Islamische Kunst. Verborgene Schätze. Ausstellung des Museums für Islamische Kunst, Berlin (Berlin 1986)* 131, Kat. Nr. 229, 230.

²⁶ *Фрагменты* (Lentz/Lowry (1989) 211, fig. 74.

которое датируется примерно 1485 г.²⁷. Если не считать значительно более богатую деталями проработку отдельных цветов, то прежде всего стилистические отличия ярко противопоставляют эту камнерезную работу названным прежде. Система растительного орнамента, выполненная весьма высококачественной глубокой резьбой, расположена двумя различными слоями, лежащими один поверх другого. Это ведёт к сильному затенению фона или к полному перекрытию орнамента нижней плоскости.

Такой же вид орнамента демонстрирует, находящийся ныне в бостонском музее Изабеллы Стюарт Гарднер, камень надгробия²⁸. Главное поле здесь опять же покрыто растительным орнаментом, который состоит из двух обработанных на различную глубину зон, причём общая глубина рельефа кажется значительно меньшей. Это ведёт к меньшему затенению фона, который благодаря этому еще различим.

Кроме того, имеется явная параллель с дверью дома, которая в конце прошлого столетия была приобретена в Коканде и представлена публике шведским дипломатом и исследователем Ф.Р.Мартином²⁹. Ф.Р.Мартин относится к тем первым исследователям, которые занимались темуридскими работами по дереву. Укороченная снизу створка двери, сейчас находящаяся в Художественном Метрополитен-Музее в Нью-Йорке³⁰, хотя и была приобретена в Ферганской долине, должна, однако, изначально происходить не оттуда. Вероятно, она была туда доставлена позже из Бухары или Самарканда.

Мы переходим к темуридским работам по дереву, систематичная опись и исследование которых являются целью начатого мной в 1994 г. исследовательского проекта "Темуридская деревянная отделка в Иране и Средней Азии", который поддерживается с 1995 г. фондом Герды Хенкель в Дюссельдорфе. До нынешнего дня двумя обзорами по Средней Азии и Ирану были охвачены сохранившиеся на местах и доступные в музеях различных стран работы по дереву. Запланированы дальнейшие путешествия, которые послужат ознакомлению с русскими, европейскими и американскими собраниями. Полное собрание данных было заложено в самостоятельно составленный к началу проекта банк данных, который составит основу для разрабатываемого каталога.

²⁷ См. Lentz/Lowry (1989) 210, fig. 71 (фрагмент).

²⁸ Lentz/Lowry (1989) 209, fig. 70.

²⁹ F.R. Martin, *Sammlung F.R. Martin. Turen aus Turkestan (Stockholm 1897)*.

³⁰ Rogers Fund, 1923, 23.67.7; см. Lentz/Lowry (1989) fig. 69.

Для того, чтобы дать представление о полноте материала, я хотел бы сперва назвать некоторые цифры. В целом я охватил до сих пор свыше 170 темуридских деревянных отделок, из которых 70,3% ещё сохранились на месте. 13,4% работ по дереву происходят из Средней Азии, в то время как 86,6% находятся в Иране или могут быть там локализованы. Конечно, здесь приходится сталкиваться с доступностью древесины в качестве материала, как это поясняет более частое, нежели обычно, появление работ по дереву в двух богатых лесом провинциях Мазандане и Гиlane к югу от Каспийского моря. Одновременно в этих расположенных несколько периферийно областях было сооружено множество имамзадеган (множ.ч. от имамзаде) и снабжено деревянными дверьми и кенотафами.

Свыше 60%(106) всех работ датируются надписями, а около 45%(76) обнаруживают сигнатуры художников. К тому же в более чем 35 случаях (ок. 21,5%) известен заказчик.

Декор работ по дереву состоит из геометрических и растительных орнаментов с большой шириотой варьирования деталей. Надписи, если они обнаруживают каллиграфическое качество, использовались как дополнительный декор³¹. Изображение фигур полностью отсутствует, за исключением изображений дракона на изготовленной для Улутбека шкатулке, хранящейся в музее Топкапи-Сарай. Особенно высококачественные образцы демонстрируют инкрустационные работы из древесины различной окраски, слоновой кости или серебра, а сохранившиеся остатки краски говорят о том, что работы по дереву могли быть и расписаны.

Если сравнить среднеазиатские работы по дереву с иранскими, то бросается в глаза, что большинство среднеазиатских работ происходят из раннего темуридского периода, т.е. они были созданы в период правления Темура. Кроме того, почти во всех случаях идёт речь о работах качеством выше среднего уровня, таких как двери погребальной мечети Ахмада Яссави (797/1394-95 или 799/1396-97) или дверь для комплекса Шах-и Зинда (807/1404-05). Следует помнить, что не один кенотаф эпохи Темуридов из Средней Азии не дошёл до нас. Сохранившиеся ложные саркофаги либо сложены из камня и облицованы цветным фаянсом, как кенотаф Хусамы ибн Аббаса, к разговору о котором я ещё приду, или сделаны из камня, как в случае кенотафа Темура (драгоценный нефрит). Схожие соотношения и у молебных кафедр темуридской эпохи, которые полностью происходят из Ирана. Но и здесь следует принимать во внимание, что в

³¹ C. Arseven. *L'art Turc* (1939) pl. 3; см. (Lentz/Lowry (1989) 207 f. (fig.), 339 (cat.no.49).

большинстве случаев деревянная отделка среднеазиатских мечетей не сохранилась, следовательно, мы не знаем, из какого материала строились минбары.

Принимая во внимание тему конференции и имеющееся в распоряжении время, я откажусь здесь от того, чтобы дать анализ орнаментальной системы, для чего мне пришлось бы привлечь многочисленные иранские работы по дереву темуридской эпохи. Вместо этого я хотел бы ограничиться важными среднеазиатскими работами по дереву.

Во-первых, следует кратко напомнить, что Средняя Азия обладает древней и до сего времени слишком мало известной на Западе традицией резьбы по дереву, которая восходит к доисламскому периоду (здесь я упомяну только резьбу по дереву из Пенджикента). К самым ранним исламским работам по дереву относятся необычный деревянный мираб X века из Искодара³² в верхнем течении Зеравшана (Таджикистан) и деревянная конструкция из Оббурдана, которые сейчас находятся в музеях Душанбе и Ташкента. В раннетемуридской Чашма Айюб (около 1380) в Бухаре находится деревянная панель, которая с большой вероятностью использовалась там в качестве шполии, и насколько мне известно, её функции и датировка до сих пор не выяснены.

Важную роль для развития темуридских работ по дереву играет чрезвычайно тонко сделанный кенотаф Саифаддина Бахарзи, мавзолей которого расположен на окраине Бухары (ныне в черте современной застройки). Ограниченное время не позволяет подробно рассмотреть эту работу, может быть, соответствующая возможность представится следующей осенью во время празднования 2500-летия г. Бухары.

Вернёмся ещё раз к мавзолею Гур-и Амир в Самарканде. Весь комплекс, к которому также относятся медресе и ханака, обладает рядом подходов, которые прежде все закрывались деревянными дверьми. Ныне ещё существует на месте одна темуридская деревянная дверь, а другая - в наличии. Она заменена современной копией с идентичной орнаментикой. Другие двери или же створки дверей находятся, со времени первых больших реставрационных работ в начале нашего века, в Эрмитаже в Петербурге³³. Если говорить о двери размером 2,6 м, которая ныне закрывает первоначальный, при Темуре изменённый подход с севера, по моему мнению, то она не является оригиналом. Покрытая

³² Изображение еще одного деревянного мираба XI-XII вв., хранящегося в Исламском музее в Кауре, опубликовано у: H. Gluck E. Diez, *Die Kunst des Islam* (Berlin 1925) Abb. 470 f., 590 (Текст).

богатой резьбой дверь, датировка которой не ясна, должна происходить из более позднего времени. За это говорит относительно хорошо сохранившееся красочное оформление, в том числе зелёное, голубое и красное. Возможно, что речь здесь идёт даже о более новой копии в духе “сохранения памятников старины”. Растительный орнамент в комбинации с большим медальоном, хотя и похож, но отнюдь не идентичен декору большой двухстворчатой двери в Эрмитаже, которая должна происходить из мавзолея Гур-и Амир²⁴.

Иначе обстоит дело с дверью, которая ведёт в мавзолей из пристроенной в 1424 г. при Улутбеке (прав.1409-1449) галереи. Оригинальная дверь сегодня снята с петель и стояла весной 1995 г. у противоположной стены, в то время как на её месте находится современная точная в деталях копия, которая впрочем доказывает, что в Узбекистане и сегодня искусство резьбы по дереву находится на высоком уровне.

Без детального анализа орнаментики, бросается в глаза значительное отличие строгого геометрического узора с доминирующими маленькими ромбами от узора, выполненного на упомянутой выше двери. Некоторые детальные снимки могут прояснить качество двери, в орнаменте которой использована инкрустация из различной древесины и слоновой кости.

Идентична этой двери по наброску орнамента дверь вестибюля Улутбека (1424), единственная из темуридских дверей памятника Гур-и Амир, которая сегодня ещё находится на своём месте. Время её изготовления предположительно датируется 1424 г. Как и у двери в мавзолей, в противоположность многим другим темуридским дверям, у этой обе створки вырезаны из единых, массивных деревянных досок, а не составлены из многочисленных отдельных мелких панелей. Если мы не предполагаем повторного применения, на которое не существует указаний, то тем самым дверь в мавзолей тоже датируется 1424 г.

Заключительная оценка и классификация деревянной отделки, прежде всего дверей Гур-и Амир, может быть предпринята лишь после основательного исследования различных работ по дереву, перенесённых в петербургский Эрмитаж. Вероятно, используя музейные документы, можно было бы выяснить, когда и

²⁴ См. *Les Mosques de Samarcande, Fascicule I: Gour-Emir. Publie par la Commission Imperiale Archeologique. St. Petersburg 1905*; несколько изображенных дверей снабжены неправильными погрешными надписями у L. Bronstein in: Pope, A.U. - Ph. Ackermann: *A Survey of Persian Art from Prehistoric Times to the Present. London-New York 1936 Vol. III, 2622 ff., pl. 1468 ff (= SPA III).*

²⁵ Изображены в: SPA III, pl. 1468.

какие оригиналы работ по дереву были перевезены из мавзолея в Петербург и когда были изготовлены современные копии в том случае, если их вообще создавали.

Представим ещё и второй, не менее известный памятник, который имеет большое значение для темуридской деревянной отделки. Мавзолей Кусам ибн Аббаса принадлежит к комплексу гробниц Шах-и Зинда. Названный комплекс находится на севере Самарканда. Его возникновение относится к началу XIV в., а наибольшее развитие падает на XIV и XV вв. Уже в домонгольское время могила Кусам ибн Аббаса, который приходился племянником пророку Мухаммеду, была святым местом. Согласно преданию, Кусам ибн Аббас явился с войском правоверных мусульман в Согд, чтобы обратить неверных огнепоклонников в истинную веру, в ислам. После сокрушительного поражения Кусаму ибн Аббасу оставалось только бегство. Он укрылся в пещере на холме Афрасиаба. Аллах указал пещеру Кусаму ибн Аббасу, в которой он должен был жить молясь и постясь. Это предание и желание быть погребённым вблизи могилы святого послужило поводом для женщин династии Темуридов устроить здесь для себя место погребения, так как могила святого считалась своего рода “воротами в рай”.

Опуская всестороннюю, отчасти прояснённую путём раскопок историю строительства комплекса, которая простирается от XI до XIX вв., обратимся к конкретной теме доклада³⁵. Охарактеризуем дверь, ведущую от улицы погребений в комплекс Кусам ибн Аббаса (снимок 3), вторую дверь, через которую попадали в зияратхану, а также деревянную решетку перед кенотафом святого.

К сожалению, сегодня створки двери входа размаляваны пронзительными красками, скрывающими высококачественную резьбу и инкрустации из слоновой кости, которые видны только на немногочисленных маленьких участках (снимок 4). Дверь датируется 807 г. X/1404-05 и, таким образом, относится к тому периоду, когда комплекс обновлялся, изменялся и реставрировался. “Капитель” средней балки кроме даты (807 г. X) имеет ещё и имя художника - Саид Юсуф Ширази³⁶.

³⁵ См. монографию Н.В. Немцевой - Ю.С. Шваб: *Ансамбль Шахи-Зинда. Историко-архитектурный очерк. (The Shah Zinda complex). Tashkent 1979 (Nemtseva /Shvab 1979)* 128, fig. 166 sowie *Golombek/ Wilber (1988)* 235, cat.no. 11A.

³⁶ В.М. Филлионов. *Древнее резное дерево из комплекса Кусам ибн Аббаса (Old carved wood from the complex of Qusam b. Abbas, SZ), в: Искусство зодчих Узбекистана. Академия наук Узбекской ССР (Academy of Sciences) Uzbek SSR. Институт искусствоведения Ташкент, 1, 1962, 167-78; В.А. Шишкин. *Написи в ансамбле Шахи-Зинда (Inscriptions in the Ensemble Shah-i Zindeh), в: Зодчество Узбекистана 2, 1970, 67.**

Чтобы попасть в зияратхану, ныне существуют две возможности. Во-первых, можно попасть через мечеть из открывающегося прохода, или же можно достигнуть помещения непосредственно через второй проход на востоке, который обычно заперт³⁷. Этот проход я использовал весной этого года, т.к. в мечети велась раскопки, поэтому она была закрыта.

Относительно маленькая одностворчатая дверь, которая на северо-востоке ведет в зияратхану, обнаруживает интересный декор, который отличается от известных орнаментальных систем³⁸. Дверь сильно повреждена, в особенности в своей нижней части, так что орнаментика распознаётся лишь с трудом. Поперечная прямоугольная панель в верхней части показывает на растительном фоне геометрический орнамент из шестиугольников, которые к низу переходят в кувический шрифт, содержащий следующее изречение: "Молитва, но не власть и богатство"³⁹.

Собственно погребальная комната (гурхана) с кенотафом святого отделяется от комнаты для собрания паломников (зияратхана) деревянной решеткой размером примерно 2,50 x 1,35м (1334-35 гг.), которая представляет условную возможность зрительного контакта с кенотафом. Барабанообразное верхнее поле, как и размещенная в центре решетчатой конструкции шестиугольная панель, имеют надписи, которые в наши дни частично сильно разрушены (как и в случае с шестиугольной панелью). Прочтение надписей, которые не содержат исторических данных, было опубликовано Шишкиным⁴⁰. В погребальное помещение можно зайти через маленькие двери, которые в наше время обычно заперты. Перегородка, которой, по моему мнению, нет примеров для сравнения ни в Средней Азии, ни в Иране, датируется 80-ми годами XIV в⁴¹.

В заключение я бы хотел ещё раз процитировать некоторые места из отчёта о путешествии Ибн Баттута (1304-78), который в 1333 г. посетил и Самарканд. В своём описании города он упоминает могилу Кусамы ибн Аббаса и её отделку, это факт, который для нас имеет особое значение. Он пишет: "Каждые

³⁷ См. план у: Nemtzeva / Shvab (1979) 30, fig. 28.

³⁸ Насколько мне известно, фотография двери до сих пор опубликована только в мелком разрезе у В.Н. Цазипкина. Архитектура Средней Азии. Москва 1948, 81, рис. 55.

³⁹ В. А. Шишкин. Надписи в ансамбле Шахи-Зинга (Inscriptions in the Ensemble Shah-i Zindeh). Зодчество Узбекистана 2, 1970, 49.

⁴⁰ В.А.Шишкин. Надписи в ансамбле Шахи-Зинга (Inscriptions in the Ensemble Shah-i Zindeh). Зодчество Узбекистана 2, 1970, 49.

⁴¹ См. Nemtzeva / Shvab (1979) 105, fig. 136 (погрисуючное).

понедельник и пятницу по ночам приходят сюда жители Самарканда, чтобы посетить могилу Кусамы ибн Аббаса". После некоторых заметок об обрядах и описания здания он продолжает: "Кенотаф из эбенового дерева и украшен драгоценными камнями, его углы окованы серебром. Над могилой висят три серебряных светильника"⁴². Это описание могилы, слишком детальное для средневекового путешественника, отражает, с одной стороны, значение святого места, а, с другой стороны, порождает множество вопросов. Прежде всего бросается в глаза, что он говорит о деревянном кенотафе, который ныне больше не существует. Момент посещения Ибн Баттуты Самарканда в 1333 году даёт нам возможность установить т.р.к.(граничный срок) , когда существовал деревянный кенотаф. Идёт ли речь в данном описании о первом, изначальном кенотафе для святого, мы не знаем. Однако мы можем заключить, что было возможным, даже обычным, заменять кенотаф столь значительного святого, если кенотаф был в плохом состоянии, о чём однако доклад Ибн Баттуты судить не позволяет, или не соответствовал моде. Возможно, кенотаф, украшенный современным фаянсовым декором, предпочли старомодному из дерева.

БАЙСУНГУР-МИРЗА - МЕЦЕНАТ, ПОЛИТИК И ВОИН

*Академик АН России, зав.персидским кабинетом
ЛОУВАН РАН (город Санкт-Петербург) Олег Акимушкин*

Личность внука Темура и третьего сына Шахруха (ум. 13 марта 1447 г.) и Гаухаршад-Ага (уб. 31 июля 1457 г.) Гийас ад-Дина Байсунгур-мирзы (15 июля 1397 г. – 19 декабря 1433 г.) не вызвала сколько-нибудь значительного интереса у отечественных востоковедов-мидиевистов, и они обделили Байсунгура вниманием в своих исторических розысканиях. Однако роль, которую сыграл в истории культуры Ирана первой трети XV в. этот энергичный и талантливый представитель второго поколения Темуридов, оказалась столь существенной и яркой, что уже историки классической персидской литературы, а также средневековой культуры и искусства не могли не отметить ее и

⁴² См. *Voyage de Ibn Batoutah. Texte arabe accompagné d'une traduction par C. Defremery et Le Dr B.R. Saubiquetti, Tome III. Paris 1949, 53. Негатив вышегущие тома 3 и 4 (H. Gibb, Ed.), The Travels of Ibn Batutta, The Hakluyt Society, Sec. Series: No CXVII. Glasgow 1958 мне пока не доступны; немецкий перевод К. Pander, Sowjetischer Orient (Köln 1982) 266 по И.И.Умяков. Самарканд. Ташкент, 1958.*

обращались только лишь к этой стороне его многогранной деятельности. Известно, что практически во всех серьезных трудах, посвященных Фирдоуси (940-20-е гг. XI в.) и его «Шахнаме», Низами Ганджави (ум. 1209 г.) и его «Хамсе», литературному наследию и творчеству Хусрава Дихлави (1253-1324), а также поэтам «гератского круга» — его современникам, обязательно упоминается Байсунгур-мирза (не говоря уже о том, что он создал при своем дворце знаменитое книгохранилище, собрав в нем подлинное созвездие из выдающихся мастеров книжного ремесла).

Известно, что Темур (ум. 18 февраля 1405 г.) рассматривал созданную им империю как лично-семейную (отчасти клановую) собственность. Поэтому будущее созданного государства и, соответственно, судьбу основанной династии он связывал не столько со своими сыновьями, сколько с внуками. Отсюда и его пристальное внимание к вопросам их воспитания и образования. Темур отчетливо представлял себе, что внукам предстоит управлять государственными образованиями, основанными на двух социальных структурах: а) тюркской военно-феодальной кочевой системе, с присущей ей тенденцией к анархической вольности, которую держал в узде дисциплины только авторитет победоносного и удачливого предводителя, б) оседлом городском и сельском населении (главным образом персоязычным), тесно увязанном и сцементированным административно-государственной бюрократической мусульманской традицией. В этой связи дело воспитания и образования внуков рассматривалось Темуром как мероприятие весьма серьезного государственного значения, и их сызмальства готовили к амплу самостоятельных и единоличных правителей. Все внуки проходили воспитание в рамках единой традиции, и исключений никому не делалось. Во-первых, потому что не существовало еще определенной и четко отлаженной системы легитимированного объявления наследника, а во-вторых, каждому внуку уже был уготован личный удел, в границах которого они обладали всеми властными полномочиями.

Сразу же после рождения Байсунгур-мирза получил благодаря правителю, введенному его дедом Темуром, отменное образование, в котором сочетались тюркские военно-кочевые навыки и племенные традиции с обычаями и этикетом, принятыми при дворах правителей средневекового Ирана: он владел

пером и разнообразным оружием, разбирался в тонкостях поэзии и в достоинствах скакуна, участвовал в литературных диспутах и руководил облавной охотой, писал стихи по-персидски и по-тюркски и водил войска в походы, профессионально ценил музыку и управлял "высшим диваном", был отменным каллиграфом в почерковых стилях мухаккак и сулс и считался тонким ценителем миниатюрной живописи. Приходится только сожалеть, что мы так еще и не получили возможность заглянуть в ту интенсивную переписку, которую, согласно источникам, вели между собой по всем этим вопросам Улутбек, Ибрахим-султан и Байсунгур-мирза. Байсунгур-мирза был наиболее ярким представителем складывавшегося нового пласта мусульманской культуры, в синтезе которой приняли участие как персидские, так и тюркские этнические структуры. Результатом такого синтеза явился, в известной степени, феномен Герата конца XV-начала XVI вв.

Не подлежит сомнению тот факт, что Шахрух связывал с личностью Байсунгура немалые надежды в качестве своего преемника на троне Хорасанского султаната и тот, следует признать, эти надежды оправдывал. С юношеского возраста (в 13 лет он был назначен отцом своим заместителем в Герате — ка'им-и макам-и ан хазрат) Байсунгур-мирза постоянно находился в центре событий: либо состоя при отце в Герате, либо замещая его в качестве правителя, либо сопровождая его во время военных кампаний, либо выполняя различные миссии, ему порученные. Источники, сообщающие в этой связи о принятых им решениях и действиях, позволяют нам сделать вывод, что он был человеком политически решительным, смелым и целеустремленным, обладавшим несомненными качествами лидера и руководителя, умевшим разбираться в мотивах человеческих поступков и подбирать себе дееспособных помощников. Именно Байсунгур-мирза заложил организационные начала той структуры управления государством, которая окончательно сложилась при Хусайне Байкаре (1469-1506), т.е. административной системы двух уровней: "высший диван" (диван-и а ла), который возглавлял амир, или бек, занимавшийся делами (включая налогообложение) тюркских племен, а следовательно, и воинскими формированиями, и финансовое ведомство (диван), во главе которого стоял вазир (либо два вазира), в функции которого

входили контроль за поступлением налогов с податного оседлого населения и отслеживание фискальной деятельности региональных диванов. Диван административно подчинялся диван-и а ла. Поэтому Байсунгур-мирза, будучи амир-и диван-и а ла, никогда не был вазиром. Точно так же как он не был и гражданским правителем Герата. Проявил себя Байсунгур-мирза и как военачальник. Возглавляемые им войска дважды в 823/1420 и 832/1429 гг. брали Табриз во время кампаний Шахруха против Кара-Йусуфа и Искандара Каракойунлу.

Около 823/1420 г. Байсунгур-мирза создал при своем дворе библиотеку-мастерскую, значительно расширенную им впоследствии. По меркам того времени эта китабхана была грандиозным заведением, она была создана с размахом, присущим самому Темуру — деду ее организатора, а в ее стенах работали лучшие мастера, создававшие для своего патрона высокохудожественные рукописные книги. 17 списков из их числа дошли до наших дней и находятся ныне в различных древлехранилищах мира. Известно, что в конце 20-х гг. XV в. в ней работало 5 каллиграфов, 2 художника-миниатюриста, 13 оформителей рукописей (декораторы и орнаментисты), 3 переплетчика и 2 мастера, специально разрабатывавшие дизайн узоров (таррах). Общее число — 25 мастеров. Помимо мастеров книжного рукоделия в состав китабханы входили также архитекторы, строители и ткачи. Поэтому китабхана по широте своих функций более походила на объединение придворных ремесленно-художественных и строительных мастерских (кархане).

Источники, уделив фигуре Байсунгур-мирзы значительно больше внимания, чем другим сыновьям Шахруха, ни разу не назвали его официально провозглашенным, де-юре признанным наследником Хорасанского султаната. Он был таковым де-факто, занимая после отца высшие посты в государстве, администрации и войске и являясь его "вторым эго". Несомненно, как политический деятель, администратор, военачальник и меценат Байсунгур-мирза заслуживал не меньшего внимания историков (если не большего), чем Улутбек, который получил широкую известность исключительно за свое увлечение астрономией и математикой. Приходится только сожалеть, что В.В. Бартольд, посвятивший два блистательных исследования Улутбеку и Алишеру Навои, не удостоил внимания Байсунгур-мирзу.

ТРАКТОВКА ОБРАЗА АМИРА ТЕМУРА - ТАМЕРЛАНА: ПРАВДА И ХУДОЖЕСТВЕННОСТЬ

*Директор Института искусствознания
(город Ташкент) д-р проф. Тохтасин Гафурбеков*

Музыка эпохи

Эпоха Амира Темура и Темуридов - наиболее значительный период в истории развития музыкального искусства узбекского и других народов Ближнего и Среднего Востока.

В тот период последовательно развивались народная и военно-церемониальная музыка, классическое макомное искусство, музыкальный фольклор. Музыкальная атрибутика стала символом доблести и мужества. "Я повелел, - пишет Амир Темур в своих "Уложениях", - если один из моих амиров покорит какую-либо страну или победит войско противника, его следует наградить тремя вещами: почетной грамотой, знаменем и ногора (двойные разнозвучащие литавры) и объявить богатырем"⁴³.

Далее Амир Темур отмечал: "Я повелел выдать каждому из двенадцати амиров по одному знамени и ногора, командующему - знамя и ногора, малый туг и чортуг (специальные воинские пики, указывающие на положение в табели о рангах), тысячнику - один туг и ногора (нафир), согнику и десятнику по одному большому (табал) ногора, амирам аймаков - по одному бургу (сурнай), каждому из четырех белгарбеги - по одному знамени, ногора, чортуг и бургу"⁴⁴.

Таким образом, любимые в народе музыкальные инструменты законодательно закреплялись в качестве символов общественного положения правителей и военачальников.

Богатая духовная атмосфера эпохи Амира Темура способствовала интенсивному развитию основных сфер музыкального искусства: инструментального и певческого исполнительства, творчества бастакоров (авторов монодийных произведений), а также науки о музыке. Была укреплена веками сложившаяся и апробированная система профессионального обучения музыкантов, именуемая, как и в других областях искусства, "устоз-шогирд" ("мастер-ученик"). Подобная ситуация была характерна не только для столичного Самарканда при самом Амуре Темуре, но и для Бухары, Хивы, Герата, Балха, Кабула при его преемниках Шахрухе, Улутбеке, Хусейне Байкаре и Бабуре.

⁴³ Темур тузулари. Тошкент, 1991. 80 б.

⁴⁴ Там же, с. 82-83.

По традициям средневековых городов все жители расселялись по кварталам, соответствующим их профессии. Это относилось и к деятелям музыкального искусства, они проживали на “улице певцов”, в “квартале музыкантов”, на “улице бастакоров” и т.п. Вокруг наиболее крупных мастеров своего дела формировались их творческие школы.

Алишер Навои, получивший прекрасное музыкальное образование и сам создававший музыкальные сочинения, в своей поэме “Саб’а-йи сайер” возвел наставника в области музыкального искусства (устоза) в ранг учителя всех учителей:

Дорога музыки - русло мое,
Игра на сазе - ремесло мое,
Постиг я, музыку держа в руках,
Науку о ритмических кругах.
Я обучаю музыке людей,
Верней учитель я учителей⁴⁵.

Большим знатоком музыки, жившим в эпоху Темуридов, был Абдурахман Джами - автор трактата “Рисала-йи мусики”⁴⁶ (“Трактат о музыке”) и других известных сочинений.

Трактат Джами имеет фундаментальное теоретическое значение. Он состоит из двух частей: “Илм-и та’лиф” (“Учение о композиции”) и “Илм-и иқа” (“Учение о ритме”). Джами также посвятил много внимания разбору традиционных вопросов о происхождении музыки, об этимологии термина “музыка”, о предназначении этого вида искусства.

В ряде случаев Джами ссылается на музыкальный опыт прошлого, упоминая имя Абу Насра Фараби. Джами дает описание более 20 усулей (ритмов), подчеркивая, что при их создании “нет предела и запрета” и что “всякий желающий может произвольно образовывать” собственные усули. “Трактат о музыке” принципиально отличается от других работ тем, что в нем высоко оценивается индивидуальность исполнителей и бастакоров.

Динамичная музыкальная практика, интенсивный творческий процесс способствовали появлению выдающихся музыкальных деятелей.

Наиболее авторитетным среди них был Ходжа Абдалкадир Мараги (1340-1435). Прослышав о незаурядных способностях

⁴⁵ Алишер Навои. *Семь планет*. М., 1954. С.325.

⁴⁶ Абдурахман Джами. *Трактат о музыке* / Пер. с перс. Болдырева А.Н., коммент. Беллева В.М. Ташкент, 1960.

этого музыканта, Амир Темур в 1393 г. переселил его из Багдада в Самарканд, где Мараги активно занимался исполнительским и бастакоровским творчеством.

Мараги-бастакор создал более 200 произведений, в том числе многочастные циклические сочинения и собственные версии ритмических формул - усулей: "Зарб ал-фатх", "Чаҳор зарб" и "Майатайн", а также написал разделы к макомам "Тасниф-и Хожда Абдалкадир", "Амал-и Тарана", "Амал-и Бустан", "Амал-и Гулистан", "Амал-и Харистан". К сожалению, до наших дней дошли лишь их названия.

Широко известны такие музыкально-теоретические труды Абдалкадира Мараги, как "Гина ва алҳан" ("Пение и мелодия"), "Мақасид ал-алҳан" ("Цели, происхождение мелодии"), "Жавоме' ал-алҳан" ("Свод мелодий"), "Канз ал-алҳан" ("Сокровищница мелодий") и "Шарҳ ал-адвар", представляющие огромный интерес для исследования монодийного творчества XIII - начала XV вв., а также установления музыкальной терминологии народов Центральной Азии. В отличие от своих предшественников (Сафиаддина Урмави, аш-Ширази), Мараги более фундаментально - как в качественном, так и в количественном отношении - рассматривал проблемы ритма, мелодики и инструментоведения.

Музыка занимала особое место в жизни, деятельности и творчестве Алишера Навои, псевдоним которого близок музыкальному термину "наво" ("напев", "мелодия"). Навои в "Мажолис ун-нафоис" ("Собрания изящных") с благодарностью вспоминал своего учителя музыки - известного бастакора Ходжу Юсуфа Бурхана: " Был предводителем всех суфиев. Он хорошо знал музыкальное искусство, и я являюсь его учеником в этом деле. Большой частью он сочинял музыку на свои стихи"⁴⁷. Навои сообщает также о непосредственной причастности Ходжи Юсуфа Бурхана к искусству макомов.

Навои всю свою жизнь был окружен представителями музыкального искусства. Среди них был его дядя Мухаммад Али Гарибий⁴⁸, бастакоры Абдулла Марварид, Хафиз Шарбати, Пахлавон Мухаммад, певцы Мавлана Айний, Хофиз Козок, инструменталисты Ходжа Камолитдин Уди, Али Кармал, Ходжа Абдулла Садр, авторы трактатов о музыке или ритмике Джами, Бинаи, Мавлана Салими и Мавлана Риязи. В "Мажолис ун-нафоис" Алишер Навои дает исчерпывающую характеристику каждому из

⁴⁷ Алишер Навои. Соч. в 10 т. Т. IX. Ташкент, 1970. С. 47.

⁴⁸ Там же, С. 59.

них, а также многим другим деятелям музыкального искусства эпохи Амира Темура и Темуридов, приводит авторитетное описание отдельных музыкальных произведений. Создавая образ самого Амира Темура, Шахруха и последующих 20 Темуридов, Навои обязательно отмечает приверженность того или иного из них к искусству и науке. Например, характеризуя Байсунгура Мирзу (третьего сына Шахруха), он говорит: "Дарование у него проникновенное, а способности блестящие, в управлении он снисходителен к бедным и щедр. Он любит науки и искусство и покровительствует успехам людей искусства. Имея склонность к поэзии, он иногда ею занимается"⁴⁹.

В "Бабур-наме" дается авторитетное свидетельство непосредственного отношения самого Навои к музыкальному творчеству. Ему принадлежали как "нақши" (вокально-инструментальные сочинения), так и "пешравы" (инструментальные композиции). Подобный творческий диапазон - большая редкость при обращении к сложным музыкальным произведениям.

Дарвиш Али Чанги сообщал, что из 24-х распространенных в его время ритмов (усулей) некоторые принадлежали Улутбеку, 12 - Хусейну Байкаре, 7 - Алишеру Навои. Неудивительно поэтому, что в произведениях книжной миниатюры конца XV и начала XVI вв., иллюстрирующих эпизоды из "Хамсы", где содержатся и стихи "Сборного дивана" Навои, отражено подавляющее большинство музыкальных инструментов: № 8 - сато, гиджак, чанг; № 11 - уд, най, дойра; № 13 - танбур, най, дойра⁵⁰.

Стихи Навои насыщены музыкальными терминами ("туз", "кўргуз", "тут", "эт", "қил"), названиями музыкальных жанров эпохи Амира Темура и Темуридов ("пешрав", "савт", "нағма", "нақш", "қўшиқ", "суруд", "чангу") и музыкальными словообразованиями ("наво", "навосоз", "навобахш", "навогар", "достонавоз").

Эпоха Амира Темура и Темуридов характеризуется необычайным разнообразием и многофункциональностью музыкальных инструментов. Так, струнно-щипковый плектронный инструмент уд - от названия дерева, из которого он изготавливался (его родственники в Европе - лютя, лютия и др.) - успешно использовался как в теории музыки (трактатах о музыке) для определения интервалов, тетра-пентахордов и звукорядов, так и в сольной и ансамблевой исполнительской практике.

⁴⁹ Алишер Навои. Соч. в 10 т. Т. IX. Ташкент, 1970. С. 150.

⁵⁰ Миниатюры к произведениям Алишера Навои. Авт.-сост. Хамид Сулаймон. Ташкент, 1981.

За танбуром в этот период закрепляется вся система макомата и макомного исполнительства - сольная интерпретация инструментальных частей макамов и сопровождение их вокальных частей вместе с дойрой.

Формируются инструментальные и вокально-инструментальные ансамбли прикладного назначения: военно-и придворно-церемониальные, массово-бытовые и т.п.

Амир Темур умело и с большой фантазией использовал особый эмоциональный заряд, заложенный в музыке. Его современники отмечали, что на многочисленных торжествах Амир Темур сосредоточенно слушал певцов и музыкантов, достойно умел оценить вновь созданное произведение. Его примеру следовали не только прямые преемники, но и приближенные.

В историю военной практики вошли случаи "взятия" Амиром Темуром небольших населенных пунктов с помощью внезапной и оглушительной игры среди ночи карнаев и ногора, рассредоточенных внутри кварталов со спящими жителями. Отношение Амира Темура к музыке иллюстрируют и миниатюры, изображающие его военные походы, на которых обязательно присутствуют различные музыкальные инструменты.

Над главными воротами дворцов Амира Темура и Темуридов сооружались специальные ногорахана, где играли придворные ансамбли. Руководителей (мехтар) этих вокально-инструментальных ансамблей назначали сами правители и, как правило, это были исполнители на ногора или сурнае. Эти ансамбли принимали участие в различных народных торжествах и празднествах.

На миниатюрах к рукописям "Зафар-наме" Али Язди, к произведениям Джами, Навои, Бабура часто изображались большие и малые инструментальные ансамбли.

Различные источники, которые донесли до нас достоверные сведения о музыкальной культуре XIV-XV вв., показывают, что отличительной ее особенностью было доминирование живого динамичного начала. Это подготовило главное достижение эпохи - окончательное формирование монолитного макомного цикла "Шашмақом" ("Шесть макамов").

Безусловно, трансформация одного, веками бытовавшего, творческого цикла в другой - процесс сложный. "Дувоздахмақом", сформировавшийся в XII- начале XIII в., наиболее стабильно функционировал именно в эпоху Амира Темура и Темуридов. О чем, в частности, свидетельствуют трактаты Абдалкадира Мараги, Абдурахмана Джами и Зайналабидина Хусайни. Начиная с XIV века, происходит интенсивный процесс формирова-

ния цикла “Шашмақом”, который не только не отвергал цикл “Дувоздаҳмақом”, но и использовал его, активно включая в себя отдельные макамы.

На первых этапах своего существования “Дувоздаҳмақом” был характерен для подавляющего большинства культур Ближнего и Среднего Востока. В эпоху Амира Темура и Темуридов от него отпочковались локальные жанровые циклические произведения, которые отличались специфическими национальными чертами. В отличие от первоначального цикла они были более свободны в конструктивно-композиционном и количественном отношении: это 12 арабских макамов, 12 уйгурских мукамов, 7 иранских дасттахов, 7 азербайджанских мугамов, 6 узбекских и таджикских макамов.

В свою очередь каждый из этих циклов порождает внутри себя национальные версии исходных моделей, как это, в частности, произошло на узбекской почве с формированием хорезмских макамов, фергано-ташкентских макомных циклов и многочисленных многочастных инструментальных произведений.

Эпоха Амира Темура и Темуридов, характеризовавшаяся динамичным развитием музыкального творчества и исполнительства, оставила потомкам целый ряд уникальных трактатов по музыке. Это, например, труд Зайналабидина Хусайни “Конун-и илми ва амали мусиқи” (“Научные и практические законы музыки”), написанный на фарси и посвященный Навои. Он примечателен тем, что автор впервые приводит научное описание народного музыкального инструмента дутар, пользовавшегося особой популярностью у узбекских женщин.

Крупнейший ученый и музыкант той эпохи Наджмаддин Кавкаби (1480-1535) оставил после себя два значительных сочинения - “Рисала-йи мусиқи” (“Трактат о музыке”) и “Рисала-йи дар байани Дувоздаҳмақом” (“Трактат, повествующий о двенадцати макомах”). Кавкаби был первооткрывателем в области классификации видов мелодий, а также в изложении сложных вопросов науки о музыке в стихотворной форме.

К числу авторитетных источников темуридского периода относится труд известного автора конца XVI- начала XVII в. Дарвиша Али Чанги “Тухфат ус-сурур” (“Дары радости”), называемый обычно “Рисала-йи мусиқи” (“Трактат о музыке”)¹. Хронологически этот трактат охватывает период более чем двенадцати веков и содержит ценнейшие сведения о жизни и деятельности

¹ Дарвишдади Чанги. Трактат о музыке / Пер. с перс. Рашидовой Д. Рукоп., 290 С. Ташкент, 1969. Биб-ка НИИ искусствознания им. Хамзы, инв. № 879.

многих бастакоров, певцов, музыкантов-инструменталистов, а также их покровителей, в том числе Амира Темура и Темуридов. Любопытен, к примеру, рассказ о взаимоотношениях Амира Темура и Абдалкадира Мараги, казнь которого была отменена государем благодаря его "напевному чтению Корана", или подробности "раздора" между двумя внуками Амира Темура - Байсунгуром Мирзой и Ибрахимом Мирзой из-за известного музыканта и бастакора того времени Ходжи Юсуфа Андиджани.

Таким образом, расцвет духовности во всех слоях общества в эпоху Амира Темура и Темуридов стал той питательной средой, которая способствовала интенсивному развитию макомного искусства и творчества бастакоров, укреплению системы по подготовке исполнителей, созданию крупных трактатов в области музыкальной науки.

Европейские трактовки образа Амира Темура: правда и художественность

В глубокой древности, за много веков до эпохи Темурбека, в самом центре европейской цивилизации — в античном Риме, впервые прозвучали слова: "Lux viene dell'oriente" ("Свет—с Востока!").

Сейчас трудно точно установить, кому именно принадлежали эти слова, но их мудрый смысл и правдивость оказались пророческими, ибо едва ли не все последующее развитие культуры и искусства Европы так или иначе было связано с Востоком.

В наши дни, на рубеже не только сменяющихся веков, но и двух тысячелетий, историческая справедливость древнеримского изречения подтверждается во всей своей полноте на конкретных примерах художественных явлений. Еще в самом начале завершающегося XX столетия один из основоположников современной музыки Игорь Стравинский, рассуждая о путях выхода из кризиса европейского композиторского творчества, во всеулышание произнес ту же римскую истину "Свет — с Востока!" Вслед за этим во Франции изысканный Клод Дебюсси открыл озонирующий феномен импрессионизма в индонезийском гамелане, Оливье Мессиаан использовал индийские ритмы как постоянный компонент своего творчества, Пьер Булез, первооткрыватель алеаторики, увидел в музыке Востока неограниченные возможности стилистического обновления. Обращение к традиционной восточной музыке, поэзии и религии позволило совершить кардинальный поворот в творчестве Отторино Респиги и

Луиджи Ноно (Италия), Густаву Малеру (Австрия), Каролю Шимановскому (Польша), Бенджамину Бриттону и Грэнвилу Бантоку (Англия).

Первые попытки европейских композиторов воплотить в музыке образ Великого Темура (Тамерлана для европейцев), владыки далекой империи и предводителя могучего войска, освободившего не только Центральную Азию, но и Европу от турецкой угрозы, связаны именно с периодом зарождения того процесса, о котором говорилось выше. Попутно заметим, что на сегодняшний день это интереснейшее явление европейской культуры практически не изучено.

Первыми образ нашего далекого предка наиболее последовательно разрабатывали итальянские и немецкие композиторы. Первооткрывателем этой темы можно считать представителя Неаполитанской оперной школы, выдающегося мастера опер-серия (и опер-буффа) Алессандро Скарлатти /1660-1725/. В ряду его более чем 125 опер мы обнаружили произведение в жанре опера-серия, впервые поставленное в Риме еще в 1706 году и названное автором "Ilgramm Tamerlano" – "Великий Тамерлано". Важно подчеркнуть, что Скарлатти обратился к образу Амира Темура в зените своего творчества, когда им уже были созданы десятки оперных партитур. Сам факт, что премьера оперы "Великий Тамерлано" состоялась в столичном Риме, говорит о многом, ибо Неаполитанская оперная школа, главой которой являлся А.Скарлатти, была в известной мере альтернативна Римской школе.

Следующая опера, теперь уже в жанре опера-буффа, в которой присутствует образ Темура, принадлежала другому представителю Неаполитанской оперной школы Леонардо Лео /1694-1744/. Он назвал свою оперу "Байазед, император Турции". Премьера состоялась в Неаполе, в 1722 году. Леонардо Лео трактует образы всех героев (Байазед, Темура) в типично буффонадной форме. Доступная нам справочная литература свидетельствует о том, что эта опера явилась едва ли не самым значительным достижением Леонардо Лео.

К числу самых известных итальянских композиторов, которые избрали Амира Темура главным героем своих произведений, относится и Никколо Порпора /1686-1768/, чья опера "Тамерлано" была впервые поставлена в Турине в 1730 году. Это произведение логически вписывается в ряд экзотических опер-серия Николло Порпора - "Василий-правитель Востока" /1713, Неаполь/, "Триумф Камиллы" /1740, Неаполь/ и др.

Не обошел вниманием образ Темура и великий А. Вивальди, опера которого "Тамерлан" /1735, Верона/ является одним из этапных произведений его творчества.

На рубеже XVIII—XIX веков еще два итальянца Антонио Саккини /1730-1786/ и Антонио Сапиенца-младший /1794-1855/ создают оперы под одним и тем же названием — "Тамерлан". Характерно, что оба произведения впервые были поставлены не в Италии, а далеко за ее пределами. Саккини осуществляет постановку своей оперы в Лондоне в 1773 году, а Сапиенца-младший в Петербурге в 1828 году.

Таким образом, интерес к фигуре Амира Темура носит в Италии последовательный характер, что позволяет говорить о преемственности в трактовке этого образа.

В немецкой музыкальной культуре единственным известным нам примером воплощения в оперном жанре образа великого Амира Темура была и остается партитура оперы Георга Фридриха Генделя /1685-1759/ "Тамерлано". Опера была написана на либретто итальянского антрепренера немецкого происхождения Николло Франческо Хайма /1679 — 1729/. Она умело сочетает в себе типичные элементы опер-серия и так называемых "больших музыкальных драм".

Опера Георга Генделя "Тамерлано" близка по времени создания его известнейшему творению - опере "Юлий Цезарь", премьера которой прошла 20 февраля 1724 года в Лондоне. По нашим сведениям, опера "Тамерлано" была завершена Генделем 31 октября того же года, однако ее реальное сценическое решение затянулось.

Слушая музыку Георга Генделя, даже самые убедительные арии Темура, Байазета и других героев, как правило, задаешься вопросом: в какой мере великий немецкий композитор сумел проникнуть в дух восточной, а еще точнее, тюркской музыки? И вообще, ставил ли он перед собой именно такую цель? Сказать, что не ставил, было бы неверно и неуважительно по отношению к композитору, ибо, как отмечают исследователи, до оперы о Темуре, в своей опере "Радамисто" /1720/ он пытался подражать колориту музыки фракийцев и армян, а в опере "Юлий Цезарь" /1724/ — египетскому фольклору.

Предварительный анализ оперы по ее партитуре (изданной в 1876 году) и клавиру (подготовленному Херманом Роттом и изданному издательством Брайткопф и Хартель) выявил, к примеру, наличие в целом ряде сцен, а их в опере — 29 (9 — в первом акте, 10 — во втором и 10 — в третьем актах), типич-

ных для Венской классической школы "янычарских" музыкальных элементов, ассоциирующихся у европейского слушателя не только с собственно турецкой военной музыкой, но и всей музыкальной стихией Востока.

Именно такой предстает перед нами вторая ария Тамерлана в тональности соль-минор (с чембало), которая приходится на 11-ю сцену первого акта. Переклички в партиях главного героя и оркестра, увеличенные секунды "на расстоянии", нисходящий повторяющийся ход от III-й ступени к повышенной VI-й — все это становится в последствие характерными признаками "турецких" и "персидских" опусов (особенно маршей) многих композиторов Европы, вплоть до Иоганна Штрауса-сына. Однако в целом в трактовке Тамерлана Генделем преобладают лирико-героические черты, создающие образ типичного в операх-серия и операх-буффа помпезного героя.

Разумеется, трудно требовать правдоподобия и полного соблюдения исторической истины от оперы немецкого композитора, созданной им о некоем "татарском хане" (как указано в либретто) через 324 года после реальных событий (1400 г.). В связи с этим становится понятным и тот факт, что в оригинале Амиру Темуру был отведен голос (альт), далеко не соответствующий 64-летнему владыке. Этим объясняется и романтизация, даже гиперболизация любовных устремлений главного героя оперы.

Все это, видимо, прекрасно понимал Херман Ротт, когда в 1925 г. подготовил издание клавирауслуга оперы. Он уточнил название оперы (не "Тамерлано", а "Тамерлан"), изменил голосовое "амплуа" центрального персонажа от неестественного высокого альты — к благородному бас-баритону, сделал купюры в либретто.

Сегодня, когда мы являемся свидетелями торжества исторической справедливости в отношении личности Амира Темура не только в Узбекистане, но и во всем мире, когда переживает свое второе рождение опера великого Генделя, видимо, стоит не только более внимательно вслушаться в эту музыку, но и в целом более профессионально подойти к произведениям композиторов разных стран, посвященных нашему бессмертному предку.

КРУГЛЫЙ СТОЛ ПО ТЕМЕ: "ПРАВИТЕЛЬ АМИР ТЕМУР - УРОКИ И ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ"

Региональный уполномоченный представитель Фонда им. Конрада Аденауэра Вольфганг Шрайбер заметил, что симпозиум выявил два главных объекта рассмотрения: личность Амира Темура и его значение для современного независимого Узбекистана. Амир Темура во многом остается для Европы "незнакомцем". Необходимо системное и глубокое изучение источников.

Амир Темура был властелином, который умело управлял огромным государством, заботился о благе подданных, строго соблюдал законы. Прошли века, но геополитические цели Востока и Запада остались неизменными. Опыт Амира Темура в решении политических, экономических и социальных проблем должен активно использоваться современными государствами Центральной Азии.

Взаимодействие этики, морали и религии после краха атеистического режима нуждается в осмыслении. Западная демократия не может быть образцом для Узбекистана, необходим поиск собственных идеалов, к которым следует стремиться. В этом смысле обращение к историческим образцам может быть весьма полезным.

Д-р проф. Юрген Пауль обратил внимание на то, что понятие справедливости имело большое значение для Амира Темура. В его понимании, эта моральная категория должна быть присуща правителю. Если правитель не следует законам справедливости, он не может управлять страной. В Европе же со средневековья между господином и вассалом, королем и городами складывались договорные отношения. Король или господин подчинялись законам, которые созданы не ими. При таком подходе справедливость становилась не качеством правителя, а институтом государства. Современным государствам Центральной Азии надо различать понятие справедливости как качество руководителя и как политическую программу правового государства. Во втором значении понятия справедливости личность отходит на второй план.

Д-р проф. А.Ахмедов, вернувшись к оценке личности Амира Темура, предложил не доверять одному источнику, а сопоставлять их. Например, де Клавихо описывал Амира Темура перед походом в Китай как пожилого, дряхлого человека, а Ибн Арабшах физическое состояние Амира Темура в это же время оце-

нивает как бодрое. Видимо, Амиру Темуру выгодно было перед большим походом казаться больным. Еще пример, в 1941 году вскрыли могилу Амира Темура, и по материалам исследования дали заключение, что его правая нога и рука высохли. Но по другим источникам известно, что Амир Темур до 60 лет сам лазал по горам, и только в конце жизни его поднимали на специальных носилках. Имевшее место ранение в правую руку и ногу не мешали ему спустя десять лет прекрасно стрелять из лука. Утверждают, что у Амира Темура не было фаланги на двух пальцах правой руки, но до конца своей жизни он держал в руках саблю.

Есть объяснения и жестокости Амира Темура. Наиболее яркий случай - уничтожение жителей Исфохана. При описании этого случая часто забывают, что город сдался без боя, его жители обещали дать армии Амира Темура хлеб и пшеницу. Три с половиной тысячи невооруженных солдат вошли в город, где были убиты. Жители, подстрекаемые провокаторами, принимали в этом злодеянии активное участие. Амир Темур жестоко отомстил за смерть своих солдат. Во многих случаях жестокость была вызвана желанием военачальников отомстить побежденным врагам. Казнь нескольких тысяч пленных в Дели была осуществлена по настоянию эмиров. Жестокость была типична для того времени. Вспомним, что арабы, осадившие Самарканд, платили по 10 динаров за каждую голову горожанина. Было убито около 100 тысяч тюрок и сагдианцев.

Д-р проф. Тильман Нагель уточнил, как Амир Темур понимал жестокость. Для него весь мир делился на общество мира (подчинившиеся страны) и общество врагов, с последними можно было поступать жестоко, так как у них нет никаких прав. Амир Темур мечтал весь мир сделать покорным ему обществом мира.

Д-р А. Бердимуратов посчитал, что, говоря о многочисленных военных походах Амира Темура, нельзя забывать о их причинах. Например, походы против Тохтамыша или Байазеда были вызваны их агрессивностью и враждебными замыслами. Походы в Иран осуществлялись в соответствии с желанием народа этой страны.

Д-р проф. К. Саидов заметил, что выступления западных ученых дали хороший материал для размышлений. Ученые Узбекистана стремятся создать объективный образ Амира Темура. Главный интерес вызывают его прогрессивные свершения. Плохого об Амуре Темуре в прошлые годы было сказано слишком много.

Но мы не склонны никого идеализировать. Посол Великобритании знаком только с негативной информацией о личности Амира Темура, можно привести множество хвалебных оценок. Ошибочным будут оба подхода. Оценивать великую историческую личность надо с точки зрения исторической правды, с учетом реалий того времени.

Кандидат исторических наук А.Зияев обратился к этническому вопросу. Тюрки жили в Мавераннахре с древних времен. Их племена занимали огромные пространства, кочевали и переселялись, однако среди них всегда была оседлая часть. В Институте востоковедения АН РУз идет работа над этнической историей региона.

Возвращаясь к вопросу об объективности оценки личности Амира Темура, следует ещё и ещё раз призвать ученых использовать разные источники. Заострять внимание на жестокости Амира Темура нет смысла - так поступали все. Вспомним осаду Самарканда Черняевым. Мы не знаем, что стало бы с древними памятниками города, если бы в то время существовали самолеты.

Народ Узбекистана гордится своим великим предком, он дает нам силы строить новое справедливое общество. Опираясь на свою историю, традиции и учитывая мировой опыт, можно добиться заветной цели.

Д-р проф. Г.Ахмеджанов не согласился с мнением тех людей на Западе, кто считает Амира Темура только завоевателем. Без завоеваний нет истории ни одного государства. В США были завоеваны земли индейцев, а сами коренные жители были постепенно переселены в резервации. Бисмарк объединил Германию с помощью военных действий. Наполеон вошел в историю как завоеватель стран и народов. Главное при оценке исторической личности - ее менталитет, цели, позитивные свершения. Главная заслуга Амира Темура - создание великого централизованного государства.

Иногда возникает вопрос, почему Амир Темур не завоевал страны Европы или Россию. Видимо, в этих странах он столкнулся с другим менталитетом, затрудняющим контакты. Амир Темур не пользовался только грубой силой, он всегда устанавливал контакты со странами, которые входили в круг его интересов.

Необоснованными представляются утверждения о том, что Амир Темур был безграмотным. Неграмотность на Востоке расценивалась как безнравственность.

Д-р проф. Т.Ширшинов высказал опасения, что среди ученых Центральной Азии появилась опасная тенденция восхваления

Амира Темура. Трудно согласиться с тем, что Амир Темур был прав во всех ситуациях и все его походы были продиктованы только желанием защититься. Следует избегать крайностей в оценках.

Главное в образе Амира Темура - это его созидательная деятельность. Расцвет культуры и науки, градостроительство, мудрая социальная политика - этим, а не войнами, гордятся потомки Амира Темура.

Д-р проф. Ф. Сулейманова, соглашаясь с прозвучавшим мнением, заметила, что эпоха Амира Темура характеризовалась расцветом искусства, науки, архитектуры. Создавались высокохудожественные, прекрасно оформленные книги. В Самарканд отовсюду привозили мастеров и художников. До Амира Темура литература в основном была арабо-персидской. Развитие поэзии во времена Амира Темура породило гений Алишера Навои.

Д-р Андреа Шмитц предложила перейти от оценки конкретной личности к анализу общественной ситуации, породившей феномен Амира Темура.

Региональный уполномоченный представитель Фонда им. Конрада Аденауэра Вольфганг Шрайбер поддержал эту мысль. Интересен не психоанализ, а общие выводы. Следует попытаться ответить на вопрос, что из опыта великой империи можно использовать сегодня, какие, например, идеи по проведению социальной политики или формы работы государства с махаллей актуальны для сегодняшнего дня.

В эпоху Амира Темура трудно было точно определить национальность его подданных. Наследие Амира Темура принадлежит всем народам региона. Историческая личность такого ранга не может быть отнесена к культуре только одного народа. Например, Карл Великий был немцем по национальности, но королем Франции. Для исторических деятелей, вошедших в мировую историю, вопрос национальности не является принципиальным.

Амир Темур не был демократом в нашем понимании этого слова. В современном Узбекистане существует многопартийная система, можно переизбирать Президента и правительство. Амир Темур не переизбирался, получив однажды власть, он не выпускал ее из рук до конца своих дней. Все это надо учитывать. Увлечение только личностью великого человека может привести к субъективизму. Главная наша задача - извлечь уроки из того, что было сделано и достигнуто.

Д-р проф. К.Самдов обратил внимание на то, что мало было сказано об экономической системе империи Амира Темура, а ведь клановая собственность во многом послужила причиной гибели государства после смерти Амира Темура. Реально основой экономики в то время служил малый бизнес (кустари, ремесленники). В Узбекистане идет экономическая реформа, ответы на многие вопросы надо искать в прошлом, в отношении к махалле, в социальной политике и системе управления Амира Темура. Правительству Узбекистана следует в своей практике активнее использовать опыт, наработанный предками.

Д-р проф. Тильман Нагель предостерег от упрощенного подхода к этому вопросу. История не дает ответов на сегодняшние проблемы. Понимание логики мышления, способов решения экономических проблем Амиром Темуром может быть полезно любому политическому деятелю. Но эту информацию нельзя использовать как руководство к действию.

Академик Ю.Буряков заметил, что объективность в оценке личности Амира Темура может быть достигнута при системном анализе не только устных и письменных источников, но и эпохи в целом, а также при изучении результатов археологических экспедиций, которые было бы очень хорошо проводить совместно с западными учеными.

Амир Темур был мудрым политиком, умел сочетать интересы кочевого и оседлого населения, мусульман и язычников. Он спасал от разграбления города, восстанавливал торговые пути.

Д-р А.Абдуразаков предложил западным ученым, опираясь на помощь мировой общественности, принять участие в реставрации древних памятников Самарканда и других городов, связанных с именем Амира Темура.

Д-р проф. К.Самдов обратился к академику О.Акимушкину с просьбой рассказать, над чем работают востоковеды России.

Академик О.Акимушкин сообщил, что в Институте востоковедения Петербурга работает сектор по изучению истории Центральной Азии, соответствующая кафедра создана в университете, ежегодно издаются рукописи и научные труды. Академик О.Акимушкин официально пригласил узбекских коллег принять участие в подготовке книг и сборников научных трудов.

Региональный уполномоченный представитель Фонда им. Конрада Аденауэра Вольфганг Шрайбер отметил, что симпозиум помогает восстанавливать старые и создавать новые связи. Он выразил удовлетворение по этому поводу.

Проф. М.Халбеков, вернувшись к образу Амира Темура в западной литературе, перечислил великих писателей, создавших произведения о нем (Расин, Вольтер, Гете, Эдгар По). Он рассказал о серьезном изучении переписки Амира Темура с королями Западной Европы. Для продолжения работы было предложено создать сектор источниковедения для анализа материалов на английском, немецком и французском языках.

Д-р проф. М.Абрамов обратил внимание собравшихся на необходимость финансирования издания первоисточников. Было предложено регулярно проводить конференции, посвященные эпохе Амира Темура и Темуридов.

Д-р Ульрих Фогт отметил значительное расхождение между позициями узбекских и европейских исследователей в оценке личности Амира Темура и его эпохи, а также стремление участников симпозиума уважительно относиться к чужому мнению. Он задал вопрос о наличии в Узбекистане прав человека, о возможности гражданина быть уверенным в защите своих свобод и жизненных интересов.

Д-р проф. А.Ахмедов, отвечая на заданный вопрос, напомнил, что Узбекистан строит правовое государство и стремится к тому, чтобы права человека, которые провозглашены в Узбекистане в объеме, соответствующем мировым стандартам, соблюдались в полной мере.

Д-р Колин Дюркоп заметил, что личность Амира Темура имеет большое значение для самосознания узбекского народа. Следует подумать, как пойдет изучение его наследия после симпозиума. Было предложено совместно с немецкими фирмами, работающими в Узбекистане, учредить стипендии для исследователей, занимающихся изучением эпохи, жизни и деятельности Амира Темура.

Очень важно тщательно проанализировать экономические идеи Амира Темура. Это может помочь современному Узбекистану избежать ненужных ошибок.

Зам.председателя Правления Международного фонда Амира Темура кандидат исторических наук К.Шадиев сообщил, что подобная стипендия будет учреждена правительством Узбекистана. Будут присуждаться премии за лучшие книги об Амуре Темуре.

Открытие музея Темуридов, юбилейные торжества в октябре этого года, создание отделений Фонда Амира Темура во всех областях республики, а также в Пакистане, проведение конференций и симпозиумов помогут создать правдивый образ нашего великого предка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Региональный уполномоченный представитель Фонда им. Конрада Аденауэра Вольфганг Шрайбер заметил, что узбекские ученые оценивают личность Амира Темура не только как исследователи, но и как граждане.

Известный военный историк Карл Клаузевиц (Clausewitz), совершенно справедливо отмечал, что в жизни нет ничего более важного, чем твердая позиция, с точки зрения которой должны оцениваться вещи и события. Человеку следует придерживаться этой позиции во всех жизненных ситуациях. Только имея точную позицию, можно понять суть явлений в их единстве. И только единство этой позиции может уберечь от противоречий.

Война - это всегда насилие, и только закон должен регулировать отношения между людьми. Любое явление истории надо уметь правильно оценивать и извлекать из него уроки.

Наша дискуссия дала возможность из сопоставления разных точек зрения выбрать все разумное и продуктивное. Участниками симпозиума была проявлена добрая воля для будущих контактов.

Хоким г. Самарканда Азиз Насыров выразил удовлетворение результатами работы симпозиума. Все желающие получили возможность высказать свою точку зрения. Не было давления и установок. Серьезное изучение эпохи Амира Темура начато всего 5 лет назад. Мы многого не знаем, многое скрывалось или искажалось. Идею проведения симпозиума активно поддерживало руководство Узбекистана. Цель достигнута - мы обогатили друг друга знаниями, смогли сравнить разные точки зрения, лучше поняли личность и свершения великого создателя Амира Темура.

РЕЗОЛЮЦИЯ

1. 27-29 сентября 1996 года в городе Самарканде был проведен международный симпозиум "Амир Темура: оценка его личности современниками, значение его деятельности для независимого Узбекистана", организованный хокимиятом г. Самарканда, Фондом им. Конрада Аденауэра и Международным фондом Амира Темура.

2. В работе симпозиума принимали участие ученые из Узбекистана, Германии, Англии, Франции и др. стран. Была проведена большая работа по уточнению научной оценки личности Амира Темура и его роли в истории.

3. Участники симпозиума отметили роль Амира Темура в объединении региона, в налаживании торгово-экономических отношений как в Центральной Азии, так и за ее пределами, а также в развитии самосознания узбекского народа, формировании его государственности.

4. Особо было отмечено, что благодаря государственной деятельности Амира Темура на земле древнего Туркестана вновь наступил расцвет культуры и науки. Его эпоха явилась возрождением - ренессансом, который можно назвать Темуридским.

5. Участники симпозиума были едины в том, что необходимо развивать всестороннее и углубленное изучение эпохи Амира Темура и Темуридов на основе первоисточников и другой литературы. При этом необходимо более системно учитывать общую социально-экономическую ситуацию эпохи Амира Темура.

Для исследователей, работающих в этой области, рекомендовано учредить специальные стипендии.

6. Выступавшие отметили, что исследование, защита и реставрация историко-культурных памятников эпохи Амира Темура и Темуридов - это проблемы, которые требуют постоянного внимания не только ученых, но и международной общественности.

**KHOKIMIATE OF THE CITY
OF SAMARKAND**

**KONRAD ADENAUER
FOUNDATION**

**AMIR TEMUR: AN ASSESSMENT OF HIS ROLE
IN CONTEMPORARY HISTORY AND HIS
SIGNIFICANCE FOR UZBEKISTAN IN THE SEARCH
FOR ITS NATIONAL IDENTITY**

**The materials
of the International Symposium dedicated to the 660-th
Anniversary of the Birth of Amir Temur
(Samarkand, 27-29 September, 1996)**

**Tashkent
1997**

In 1996 the 660th anniversary of birth of Amir Temur was celebrated in Central Asia. This distinguished political figure who was born in 1336 and died in 1405 on the way to China during his last venture conquered vast territory and established a great empire during his rule.

The objective of the international symposium which was held in the former capital of Timirids' empire - the city of Samarkand - was held to scientifically evaluate his impact on the epoch.

There are still different opinions about Amir Temur who was named Tamerlaine in Europe during the Renaissance and Sakhbikiran in the Orient. As historical experience shows the attitude to such great a personality as Amir Temur varies from epoch to epoch. On one side, the Europeans worshipped him as a liberator of the Europe from the yoke of the Osman Sultan Bayazed and a founder of a huge state on the territory of ruined Mowarounahr. On the other side, in the epochal drama by Christopher Marlowe he was characterized as a brutal ruler. No need to even mention the characteristics of Amir Temur during the years of soviet domination.

Together with Shakespear we can ask a question: «How many sides are there to a man?».

Grandiose monuments of culture, arts and architecture were left in a number of cities which were prosperous at the epoch of Amir Temur and Temurids: Samarkand, Shahrizyabz, Herat and others.

The merit of the Uzbek scientists and their colleagues in Central Asia is found in the fact that they jointly have addressed themselves to this task. For the Turkestan of ancient times nowadays divided into five states, should "sine ira et studio" endeavour to rediscover who Amir Temur, Sahibkiran, - as a person and a ruler - was.

The organizers of the symposium extend their gratitude to the researchers of Germany, France, Russia and Uzbekistan for their contribution to the symposium, their presentations which are a component part of this publication.

Special regards we extend to the Government of the Republic of Uzbekistan as well as our personal gratitude to the ambassadors of the United Kingdom, the French Republic and the Federal Republic of Germany who supported the undertaking by word and by deed.

Aziz Nasyrovich Nasyrov
Khokim of the city
of Samarkand

Wolfgang Schreiber
Regional Representative of the
Konrad-Adenauer-Foundation

THE PARTICIPANTS AND GUESTS OF THE SYMPOSIUM

The Symposium was attended by the representatives of the Government of Uzbekistan and deputies of the Oliy Majlis of the Republic of Uzbekistan, ambassadors of the Federal republic of Germany, the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, the French Republic; the provincial, urban and district administrations (Khokim of Samarkand Province, Khokim of the city of Samarkand, khokims of the districts, deputy khokims and chiefs of departments); directors of the research, cultural and educational organizations, higher educational establishments (Chairman of the Board of the Academy of Science of the Republic of Uzbekistan, rectors of universities /the Samarkand State University/ and institutes /the Institute of Foreign Languages, the Samarkand Agricultural Institute, the Cooperative Institute, the Samarkand State Architecture and Construction Institute, the Tashkent Institute of Law/, directors of the research institutes /the International Institute of Central Asian Study, the Institute of Archeology/, libraries /the Provincial Scientific Library/ and the museums /the Samarkand State Sanctuary Museum, the Registan Museum, the Afrosiab Museum/ researchers of Uzbekistan, Azerbaijan, Kazakhstan, Kirgizstan, Russia and Tajilistan, German and French researchers; representatives of business (firms, joint stock companies, joint ventures, enterprises and amalgamations); activists of public organizations and trade unions (Entrepreneur Association, Business Women Association, the Red Cross and Crescent, Information and Management Center and other); the writers, experts in arts, workers of theaters and museums (Chairman of the Provincial Union of Writers, Director of the Institute of Arts Study, Director of the State Bolshoi Academic Theater of Opera and Ballet named after A. Navoi); school teachers; employees of Uzbekturizm Company.

The Symposium was actively covered in mass media: the television (First Deputy Chairman of the Uzteleradio, reporters of the Akhborot Information & News Program, TV Channel 4, Samarkand TV, ORT - Russian TV); the radio (The Uzbek Radio, the Tashkent Radio, the International Moscow Radio); informational agencies (the Informational Agency of Uzbekistan, Interfaks of Russia); the national and provincial newspapers (The Pravda Vostoka daily, Marifat, Ovozi Samarkand, Samar-kandskiy Vestnik, Zarafshan, e.t.c.).

C O N T E N T

THE PARTICIPANTS AND GUESTS OF THE SYMPOSIUM..... 3

OPENING CEREMONY

*Deputy Prime Minister of the Republic of Uzbekistan,
Prof. Dr. Alisher Azizkhodjayev*..... 9

*Wolfgang Schreiber, Regional Representative of the
Konrad-Adenauer-Foundation*..... 11

*Welcome Speeches by:
Ambassador of the Federal Republic of Germany to Uzbekistan,
Dr. Reinhart Bindseil*..... 12

*Ambassador of the United Kingdom of Great Britain and
Northern Ireland to the Republic of Uzbekistan,
Barbara Hay*..... 12

*Ambassador of the French Republic to the Republic of Uzbekistan,
Jean-Claude Richard*..... 14

THE POLITICAL SITUATION IN CENTRAL ASIA IN THE XIV CENTURY

*Academician of the Academy of Science of the Republic
of Uzbekistan, Chairman of the International Amir Temur
Foundation, Councilor of the President of the Academy
of Science of the Republic of Uzbekistan, Tashkent,
Prof. Dr. Buriboy Akhmedov*..... 15

*Director of the International Institute of Central Asian Studies,
Prof. Dr. Ashraf Akhmedov, Tashkent*..... 18

THE PERCEPTION OF AMIR TEMUR AND CENTRAL ASIA AT THE BEGINNING OF RENAISSANCE

*Prof. Dr. Tilman Nagel, Dean of the Department
of the University of Arab Arts and Literature named
after Georg-August, Goettingen*..... 31

THE TRANSFORMATION OF THE IMAGE OF AMIR TEMUR IN OTTOMAN HISTORIOGRAPHY	
<i>Prof. Dr. Jean-Luis Baque'-Grammont, French National Center of Research, Paris.....</i>	<i>41</i>
THE TRADITION AS AN EVENT OF POLITICAL IMPORTANCE:AMIR TEMUR IN ORAL LEGENDS	
<i>Dr. Andrea Schmitz, Institute of Ethnography and African Studies, University of Munich.....</i>	<i>43</i>
DISCUSSION.....	50
AMIR TEMUR AS THE FOUNDER OF A CENTRALIZED STATE	
<i>Dr. Azamat Ziyayev, Candidate of Science, Institute of Oriental Studies, Tashkent.....</i>	<i>55</i>
"MAGNANIMITY AND AUSTERITY" - LAW AND ORDER MENTALITY IN THE EPOCH OF AMIR TEMUR: CAN IT BE A PERSPECTIVE FOUNDATION OF MODERN STATE	
<i>Alisher Mardiyev, Khakim of Samarkand Province.....</i>	<i>67</i>
LAW AND LEGAL TRADITIONS IN ANCIENT GREECE	
<i>Prof. Dr. Pierre Chuvin, Director, French Institute of Central Asian Studies, Tashkent.....</i>	<i>75</i>
DEVELOPMENT OF A LAW AND ORDER STATE IN WESTERN EUROPE	
<i>Prof. Dr. Allain Peloux, Acting Charge d' Affaires of the Embassy of France to the Republic of Uzbekistan, Tashkent.....</i>	<i>79</i>
THE FOUNDATION OF THE STATE LEGITIMACY IN THE PAST AND TODAY:ON THE ISSUE OF RELATIONSHIP BETWEEN RELIGION AND POLITICS	
The Uzbekistani Point of View:	
<i>Prof. Dr. Khalim Boboyev, Rector, Tashkent Institute of Law, Deputy of the Oliy Majlis of the Republic of Uzbekistan.....</i>	<i>88</i>

The European Point of View: <i>Prof. Dr. Herman Luebbe, Department of Philosophy, University of Zurich.....</i>	95
ON THE ISSUE OF RELATIONSHIP BETWEEN RELIGION AND POLITICS:ETHICAL INTERCONNECTION <i>Prof. Dr. Jurgen Paul, Institute of Oriental Studies, University named after Martin Luther, Wittenberg-Halle.....</i>	102
DISCUSSION.....	106
SAMARKAND IN THE EPOCH OF TEMUR AND TEMURIDS <i>Prof. Dr. Annemarie Schimmel, Peace Prize Winner of the Federal Book Trading of Germany, Bonn</i>	111
<i>Prof. Dr. Temir Shirinov, Director of the Institute of Archeology of the Academy of Science of the Republic of Uzbekistan, Samarkand.....</i>	117
STONE AND WOOD CARVING CRAFTSMANSHIP IN THE EPOCH OF AMIR TEMUR <i>Dr. Joachim Gierlichs, Museum of Islamic Arts, Berlin.....</i>	123
BAISUNGUR-MIRZA: THE PATRON OF ARTS AND LITERATURE, POLITICIAN AND WARRIOR <i>Prof. Dr. Oleg Akimushkin, Academician, Academy of Science of Russia, Head of Department of Persia, Sankt-Peterburg.....</i>	135
INTERPRETATION OF THE CHARACTER OF AMIR TEMUR - TAMERLAINE: TRUTH AND ARTISTS IMPRESSIONS <i>Prof. Dr. Tokhtasin Gafurbekov, Director, Institute of Arts Studies, Tashkent.....</i>	137
ROUND TABLE:"THE RULER AMIR TEMUR - THE LESSONS AND SIGNIFICANCE FOR MODERN CENTRAL ASIA".....	141
CONCLUSION.....	147
RESOLUTION.....	148

Note: The geographical and personal names found in the presentation are spelled as the authors put them.

OPENING CEREMONY

*Prof. Dr. Alisher Azizkhodjayev, Deputy Prime Minister
of the Republic of Uzbekistan*

Today we have gathered in Samarkand which was the capital of an ancient state and a witness to outstanding historical events in this city, reconstructed and brought to glory by Amir Temur. In this citadel, with its unique architectural ensembles, every stone reminds one of the great ruler, the genius of his time. It is this city that Sahib-ul-kiran put his soul and wisdom in. Marokand (Samarkand), one of the centers of the first Central Asian states, witnessed a lot of historical events which influenced the development of civilization at large. It was the scene of downfall of famous dynasties and rise of new states. The caravans that crossed it brought along not only goods but also precious knowledge of life in other countries. But the true grandeur of ancient Samarkand and his worldwide importance are connected with Amir Timir whose name we pronounce with pride and awe. It was during his rule known as the time of Temur and the Temurids that Samarkand became the capital of a vast empire.

It was Sahib-ul-Kiran's cherished dream to revive the glory of ancient Turan - the Silk Road - and make the people of Mowarounnahr the most rich and prosperous in the world, and Samarkand famous. Amir Temur was right when he pronounced his famous phrase, 'We are the Emir of Turkestan, the wealth of Turan, the most ancient and great nation - the ancestors of Turks.'

It was not coincidental that the close-lying towns and settlements were named after the capitals of the great states of the world. It is common knowledge that Sahib-ul-kiran went down in history as an outstanding figure who combined successfully his struggle for the country's independence with creative activity, a prominent politician and diplomat respected in both Eastern and Western countries. In his empire Amir Temur uprooted crime and vagrancy. During his rule people were involved in creative activity. Sahib-ul-kiran always displayed fatherly concern about his nation and was respected by his warriors which was repeatedly mentioned by his compatriots. He was the patron of trade and enterprise, education, arts and literature, and attached great importance to the development of spiritual culture of the nation. These traditions are maintained in state, political and scientific activities of our President Islam Karimov.

It is gratifying to note that European scholars always wrote the historical truth about Amir Temur's life and activity. Thanks to them the truth about Amir Temur reached us from America, Great Britain, France, Germany and other countries across barriers of Soviet dictatorship. Today, in conditions of independent Uzbekistan when it is possible to state the historical truth we would like to lay emphasis on the following fact. Back in the 15th-18th cc. the truth about Sahib-ul-kiran was written by Rui Gonzales de Claviho in Spain, Archbishop Joan in France, Christopher Marlowe and Edward Gibbon in England, and Johannes Schiltberger in Germany. In their books those scholars wrote that the great rulers and military leaders such as Peter the Great, Friedrich the Great and Napoleon Bonaparte, drew on the experience of Amir Temur in ruling the state.

We are very grateful to Hilda Hukkem who undertook serious research of Amir Temur's the life and activity. She visited Central Asian countries many times to study Sahib-ul-kiran's legacy. Her book 'The Sovereign of Seven Constellations' is permeated with a feeling of respect for the history of the Central Asian nations and Temur's personality. Now our people have an opportunity to read it too. We pay tribute to France where a gold bust of Amir Temur, the liberator of Europe, was cast. We are grateful to those scholars abroad who are studying Temur's time. We are glad to welcome you in the home country of our great predecessor.

The fact that prominent scholars from many countries of the world have gathered in Samarkand today testifies to worldwide recognition of the services of Sahib-ul-kiran. To this day Amir Temur serves the cause of independent Uzbekistan and its prosperity, and is the symbol of pride and greatness of our state. As President Islam Karimov pointed out, Amir Temur's personality inspires our people for major achievement, unites the nation and gives us confidence in tomorrow. Our leader also said that Amir Temur's historical merit lies in the fact that thanks to his activity both Asian and European states for the first time ever saw the advantages of a single geopolitical space.

It was only after Uzbekistan, Amir Temur's native country, became independent that the truth about this person who lived for the sake of its freedom and happiness, triumphed. Sahib-ul-kiran's merits were duly recognized not only in this country but also abroad, and this is confirmed by this international conference dedicated to the 660 anniversary of his birth. There is no doubt that this conference will serve the cause of further

rapprochement between the people of independent Uzbekistan who has chosen its own way of development as well as the other Central Asian countries, with the international community.

*Wolfgang Schreiber, Regional Representative,
the Konrad-Adenauer-Foundation*

When Aziz Nasyrovich Nasyrov, Khokim of the city of Samarkand, expressed the idea of holding this symposium at a small reception two years ago, it seemed that this was a matter in the distant future. Neither the Amir Temur Museum, nor the Amir Temur Foundation existed in Tashkent then.

The scores of the opera 'Tamerlaine' were still lying unfinished in the Handel Archives in Halle, Germany. But time flies, as is common knowledge, and we, the team of the Samarkand City Khokimiyat, the Amir Temur Foundation and the Konrad Adenauer Foundation, are welcoming you today in his wonderful hotel situated where Amir Temur's residence used to be.

I would like to thank the Government of Uzbekistan and President Karimov for his personal support. I also thank Prof. Tilman Nagel for his preliminary consultations and Prof. Pierre Chuvin, Director of the French Institute of Central Asian Studies for fruitful cooperation thanks to which we could attract, along with German lecturers, prominent scholars from France and Italy.

My thanks also go to Professor Shirinov, Director of the Institute of Archeology of Samarkand, for his preliminary consultations and recruiting of lecturers from Russia and Uzbekistan.

Who was Amir Temur, how does he fit into his time, and what is his importance for the present-day Uzbekistan and Central Asia? We would like to answer these and other questions in the next two days.

Of course, there were Amir Temur's contemporaries - witnesses of terrible times - as Tilman Nagel writes in his book 'Temur the Conqueror and the Islamic World of the Late Middle Ages'. However, that book also contains a lot of ideas, deeds and acts that have lived to this day and hold us spellbound, especially in Samarkand, especially now when tourists from all over the world can visit it, and there is no need to overcome the iron curtain.

I wish us all to become closer to the time, the person and the idea of statehood of Amir Temur sine ira et studio, without prejudice and anger, and I hope that our symposium will help us do it.

Dr. Reinhart Bindseil, Ambassador of the Federal Republic of Germany

I am very glad that the Konrad Adenauer Foundation which has been functioning in Uzbekistan as a German political foundation has raised a historical issue very vital for this day, - the issue of Amir Temur and his time in order to identify his historical importance in the context of evolution, and there isn't a better place for it than Samarkand.

Amir Temur was born on the territory of present-day Uzbekistan and is buried here. The territory of the Uzbek state was under his rule. Therefore, his ethnic origin should be considered with due regard to those circumstances. I think Amir Temur is a figure associated with present-day Uzbekistan. Undoubtedly, he is one of the brightest rulers who decided world history. Outstanding persons always have strong characters with both dark and light features. Amir Temur presents a rich palette in this respect. I do not wish to anticipate the outcome of the symposium. But I would like to mention that in contrast to the few lines in the 1970 Big Soviet Encyclopedia, the 1908 Meyers Grosses Konversationslexikon devoted one third of a page to Amir Temur and says that his goals were to establish peace inside the state, his political rule and military organization, and expand the boundaries of his state. While cruel in his military campaigns, in times of peace he was pious, wise and just, and protected science and art.

What an interesting personality is coming to light! What a lucky possibility we have to elucidate all its aspects at this conference and in this place.

Let me wish the symposium every success with all my heart!

Barbara Hay, Ambassador of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland to the Republic of Uzbekistan

I am delighted to be in Samarkand to join you for the opening ceremony of this symposium - if a little overawed to find myself in such a learned

company. My consolation is that travelers in Central Asia, and visitors to Samarkand in particular, must have been finding themselves overawed for centuries given that this has been a great center of learning and scholarship for hundreds of years.

When I looked at the program for the weekend and the list of speakers who will grace this platform after me, I decided that the first thing I needed to do was to brush up my rather limited knowledge of Emir Temur whom we refer to as Tamerlaine. Almost nothing that was known about him, in Britain at least, was particularly positive. And almost all of that derived from Christopher Marlowe's play, Tamburlaine the Great, first published in 1590.

Described as a Mogul chief who, in a series of bloody conquests in the late 14th century, laid waste much of what is now Russia, India, the Middle East and Turkey, Tamerlaine died undefeated whilst planning an invasion of China. His vast empire subsequently crumbled. He had drive, ambition and creativity all of which led him to conquest and cruelty. In Marlowe's text, 'I will with engines never exercised conquer, sack and utterly consumer your cities and golden palaces; and with the flames that beat against the clouds incense the heavens and make the stars to melt.'

I regret that despite my best intentions and the acquisition from the Foreign Office Library in London of several expressly heavy volumes, there has been no time to read these and judge whether popular history - and playwright Marlowe - have painted a fair picture of Temur or not.

A key question which the symposium will address, is to judge what is the impact of historical myth, in this case the myths surrounding Temur, on a contemporary political program and whether manipulation of the past, where it exists, will or will not triumph over the truth.

Linked to this seems to be the question of national identity, symbolism, the way people see themselves and their relationship with the state to which they belong. It is natural that people want to take pride in themselves and their country and to project their and its best qualities. One answer to this is simply to hammer home a triumphalist reading of the past (and even the present). But such a vision is hardly appropriate in a diverse yet interrelated world. The alternative (or perhaps one of the choices) is to re-vision or re-imagine one's country in a way that everyone has recognized as being real, modern, open and relevant while providing a focus for loyalty and trust. To state the obvious, this is no easy task. It can only be done with boldness and achieved alongside profound econom-

ic, political and social changes which will themselves provide a sense of cohesion and purpose in people's lives. It is a holy grail for which many countries are searching, my own included. Perhaps the first recipe was the easier one!

In considering problems of national identity, it is fruitful to look at others' experiences. I do not tell this kind of audience how much this can teach you about one's own country, and vice versa, provided one is open-minded and generous of spirit. There is no substitute for traveling, meeting people, listening to them, respecting them, and paying attention to them as a way of learning about them. You all have two full days ahead of you to get to know each other, to debate these issues and to draw some conclusions. I am sorry that I cannot stay to join in what I hope will be vigorous and honest discussion. But I do look forward to hearing about the outcome and how you will assess or re-assess Emir Temur and his significance for today's Uzbekistan.

*Jean Claude Richard, Ambassador of France
to the Republic of Uzbekistan*

Tashkent - Samarkand - Amir Temur. The people of France dream of visiting these cities and knowing more about that great historical figure. The name of Amir Temur was well known in France at his life time. The spiritual ties of that personality with the culture of France are obvious, because Amir Temur presided over culture and arts as the French kings did, too.

Amir Temur conquered many countries. He was a great soldier but he is kept in the minds of people due to what he built, what he created. They know about Registan and other monuments in France, many French would like to see those benign places.

Between Amir Temur and France there were political relations. There is a letter of Amir Temur to Charles VI in France. A copy of that letter was presented to President of the Republic of Uzbekistan Mr. Karimov by President of France Jacques Chirac during his stay in Paris. Today the copy of this letter will be passed over to the citizens of Samarkand.

The many century links between our countries should be considered as a sign of cooperation between Uzbekistan and France, Central Asia and Europe

THE POLITICAL SITUATION IN CENTRAL ASIA IN XIV CENTURY

Prof. Dr. Buriboy Akhmedov, President, The International Amir Temur Foundation, Member of the Academy of Science of Uzbekistan

It is common knowledge that in the 1340s the Chagatai ulus which included Transoxania, the Iliy Valley, Kashgar (Eastern Turkestan), Mowarounnahr, the south-western part of Khorezm with the cities of Kyat and Khivak, and also some territories on the left bank of the Amu Darya River, split into two independent parts. The north-eastern part of the ulus which included Transoxania, the Iliy Valley, the Tien-Shan foothills and Kashgar, received the name of Jete (Mongolian for 'robber, plunderer') known as Mogulistan in history books. Its people led a predominantly nomadic way of life. As for the western part of the ulus (Mowarounnahr, the south-eastern part of Khorezm and the territories on the left bank of the Amu Darya), its population led a settled way of life. The Turkic-Mongol tribes who moved there back in the time of Genghiz-khan had long since settled and mixed with the local population.

Apart from affecting negatively the economy of both countries, the split of the Chagatai ulus gave rise to sociopolitical discord and internal feuding. The western part of the ulus was hit the hardest. The struggle which continued from 1336 between a group of nomadic feudals headed by Emir Kazaghan and Kazan-khan (1336-1348) ended in the victory of Kazaghan and his followers. The battle of Karshi fought in the winter of 1348 ended in Amir Kazaghan's complete victory. From that time on power was in the hands of Kazaghan and the emirs of the ulus. Although formally the reign was in the hands of a representative of Genghis-Khan's clan, he became a puppet ruler.

Nevertheless, Emir Kazaghan failed to bend the emirs to his will. Moreover, the country split into more than ten warring uluses. In Kesh and the region independence was proclaimed by Hadji barlas, in Khojend and Ura-Tube - Bayazid jalair, while in Tatkent and Saripul (Samarkand region) Hizr Yasauri declared himself "Allah's shadow" on the earth. Emir Kaihusrau (Huttalan) and Elchai Buka suldus did the same in their uluses.

The khan of Mogulistan Tughlug-Temur (1348-1363) decided to use the situation in his interests and managed to somehow stabilize the socio-

political situation in the country with the help of feudal leaders of the tribes of Bulgachi, Duglat and others. Taking the advantage of the situation, in 1360 he attacked Mowarounnahr with his numerous army. The emirs of the uluses did not unite to ward off the Mongolian invasion, on the contrary, they fled in various directions. Moreover, some of them joined the khan of Mogulistan.

Amir Temur had to acknowledge dominance of the Khan of Mogulistan but this action allowed him to, on one side, to secure some privileges (Tughlug-Temurkhan gave him the post of the ruler of Kesh and the region and promised not to send Mongolian horsemen across Karshi). Taking this advantage Temur managed to rally his followers and strengthen his troops. All these allowed Amir Timur to start struggle against the Mongols and their new khan Ilyas Khodja who succeeded Tughlug Temur khan after his death. After hard struggle in spring 1370 Amir Temur expelled the Mongols from Mowarounnahr and established his own superiority. In order to preserve his supreme power it was necessary to do away with separatism of beks, to liberate the south-eastern part of Khorezm which had been a component of Chagatai ulus from the wardship of the Golden Horde, and to secure the northern and north-eastern boundaries of the state.

The new state of Amir Temur faced two main foreign threats: Ak-orda (White Horde) and Urus-khan (1361-1375) from the north, and Kamar-ad-Din, Anka-tura, Mir Khakberdi, Mir Kariberdi and others from Mogulistan. The point is that Urus-khan, after a long and stubborn struggle with his contestants, seized the throne of Ak-orda and, with his huge horde, came to the middle reaches of the Syr Darya River in 1376. It was then that Urus-khan seized some major cities such as Sauran, Signak and others thus creating a seat of tension.

In Mogulistan Kamar ad-Din, Anka-Tura and others became very active. The former killed Ilyas-khodja in 1369, massacred all his male descendants and seized political power. Starting with the 1370s he moved his troops to the boundaries of Ferghana, Sairamo and Tashkent and at times (especially in winter months) intruded deep into these regions and practiced wholesale pillage and plunder there. Anka-tura did not sit quietly in his Katartal near Kokcha-Tenghiz (Lake Balkhash) either. He made an attempt to form an alliance with Temur-Kutlug and other contenders for the throne of the Golden Horde.

Amir Temur could not but take all this into account. That was why he launched his seven major campaigns against Mogulistan in the 1370s.

He dealt a preventive blow on Kamar ad-Din and other Mogulistan emirs and routed their main forces.

The situation on the southern and south-western boundaries of Mowarounnahr was not quiet either. As you know, the state of the Ilkhanids (Hulaguids), which was very powerful in its time and controlled Iran, Azerbaijan and Iraq, fell in 1336 as a result of popular uprisings and the Sarbardar movement (1336-1381). The country fell into small apaanage principalities headed by representatives of local dynasties. For instance, Khorasan was divided between three feudal groups: the Sarbadars, the Karts (Turts) and tribal leaders Jani Kurbani. Southern Iran found itself in the hands of a local dynasty of Muzafarrids. The province of Jurdan was ruled by the Sayids, Iraq and Kurdistan were governed by Jalairids, Luristan was subjugated by Khazaraspids and the Inju dynasty, and Azerbaijan was conquered by Kara-koyunlu Turkmens. Such fragmentation resulted in feuds which undermined peace and stability in those countries as well as trade, economic and cultural relations between the Far Eastern countries and the Mediterranean and European states. In other words, caravans ceased to travel along the Silk Road.

The ruler of the Golden Horde Tokhtamysh-khan, whom Temur had helped to take the throne of Ak-Orda (1376-1395), decided to make use of the feud in Iran and Azerbaijan, and after he seized the power in the Golden Horde, he started to pursue an openly hostile policy against the latter. First, in Temur's absence, his troops often invaded Mowarounnahr from the north and subjected the inner areas of Transoxania to pillage. And second, Tokhtamysh drew the rulers of Khorezm, Emirs Husain-sufi and Yusuf-sufi, into this adventure. Khorezm horsemen reached only the outskirts of Bukhara and Karakul and took away a rich loot and prisoners-of-war. And third, he gathered a large army and brought it to the boundaries of southern Azerbaijan. According to historical sources, Tokhtamysh then turned the Gorge of Derbend into his permanent military camp.

And here is another important fact. In the early 1380s Tokhtamysh-khan began to take active steps towards restoring a military and political alliance with mameluke's Egypt. As you know, such an appliance between the Golden Horde and Egypt was concluded in the middle of the 13th century. The agreement was signed by a Mameluke Sultan Beibara and Berke-khan of the Golden Horde. According to the agreement, troops of both states were to come out mostly against the Ilkhanids of Iran and, given a successful outcome of the campaign the mamelukes were to have

Syria, and the Golden Horde - Iran. So, in the 1380s Tokhtamysh-khan revived that military and political alliance on the same terms, but it was aimed against Temur.

Soon the alliance was joined by Iraq and its ruler Sultan Akhmad Jalarid, and the Ottoman Turkey.

Such were conditions in which Amir Temur had to pursue its policies in respect to those regions.

THE POLITICAL SITUATION IN CENTRAL ASIA IN THE XIV CENTURY

*Ashraf A. Akhmedov, Doctor of History,
Professor, Director of the International Institute
of Central Asian Studies*

By the beginning of the 14th century the empire formed by Genghiz-Khan and his descendants in the first half of the previous century was undermined in all respects - military, political and socioeconomic. The situation was the same in all the four Mongolian uluses including the Chigatai Ulus where Temur's homeland - Transoxania - was situated. By the middle of the 14th century the Mongols who lived in the western uluses adopted Islam but in the Chigatai ulus the process was going slower. Another characteristic feature in the three western uluses was existence of small feudal estates. However, the sociopolitical processes that were taking place in the uluses had their own peculiarities. Besides that, there was rivalry and territorial claims between them.

The Genghizids of the Hulagu Ulus, the elkans, who ruled Iran, Eastern Anatolia and Iraq adopted Islam as far back as under Gazankhan (1295-1304). However, throughout their rule the elkans were at odds with both their Muslim neighbors and their relatives in the remaining two uluses. For instance, they had constant clashes with Jochi's descendants over borderline lands in the Caucasus, and with Chigatai's descendants over lands in Khorasan. The last strong khan from the Hulaguld dynasty Sultan Anu Sayidhan (1317-1335) concluded a peace treaty with the Egyptian Mamelukes in 1323 thus putting an end to the long wars for domination over Syria.

After Abu Sayid's death in 1335 he succeeded by Arpa (1335-1336), and the following year he was replaced by Musa. However, that same

year he was deposed. Thus, between 1336 and 1353 the throne of the Iranian elhans went from one puppet khan to another, all of them being protégés of Amir Khasan Buzurga Jelanri and Amir Khasan Kichik Chopani. After the aforesaid year the Hulagu Ulus was completely split up. In the south and in the west, that is in Fars and Iraq ruled Muzaffarids and Jelanrids, Khorasan with the center in Sabzavar was ruled by the Sarbadars until 1381, while in Herat and its environs the dynasty of Kandaghar, Bust and Zerenje ruled until 1389, while rulers originating from the mountain province of Gor and Turkic-Mongolian emirs frequently replaced each other.

The emir of Turkmens of the Kara Koyunlu family Kara Yuzuf Turkmen ravaged in Western Iran, Azerbaijan, Eastern Anatolia and on territories between the oases of Syria and Iraq. By pillage and plunder he inspired terror in surrounding regions. Trade and caravan routes constantly attacked by robbers ceased functioning, and the situation became very tense. Sultan Akhmad Jagair, the ruler of Iraq and Azerbaijan, often assisted Kara Yusuf in his pillage.

The break of Iran into small territories continued until the time of Temur who succeeded in uniting them into a single state.

The ulus of Genghiz-khan's elder son Jochi included Western Siberia, Deshti Kipchak, north-western Khorezm and the lower reaches of the Syr Darya. Jochi's descendants were constantly at odds with the Hulaguids and the Chigatanids over lands in the Caucasus and the north-western of Central Asia.

The Jochi Ulus, called the Golden Horde in Russian chronicles, had a mixed population from the ethnic point of view and was an artificial unification of various states and people held together by force of arms. As A. Yu. Yakubovsky writes, 'The Golden Horde was an artificially formed state. It held in power the Crimea, the Volga region and Khorezm by violence. All power was in the hands of the Turkic-Mongolian gentry or, to be more exact, the Mongolian dynasty from the Jochi family which, leaning on military force, exploited the rich agricultural regions and developed cities in the Volga region, Bulgar, the Crimea and Northern Caucasus. Population in those regions dreamt of the downfall of the Mongols and liberty. (A. Yu. Yakubovsky. Tamerlaine. Epoch. Personality, Deeds. Moscow, 1992, p. 32; B.D. Grekov, A. Yu. Yakubovsky. The Golden Horde and Its Fall. Moscow, Leningrad, 1950, p. 31).

Russia which was part of that ulus, was not a single state in the 14th century, it consisted of about a dozen large principalities and about twenty small principalities and domains. According to a treaty with the Golden Horde all principalities and domains paid annual tribute to the khan. Since the beginning of the 14th century Russian principalities strove for unity. In an attempt to get rid of the Mongolian yoke the principalities tried to fortify their lands and form a strong army. At that time the movement was headed by the princes of Moscow, Vladimir and Tver. However, the khans of the Golden Horde frustrated their efforts by preventing the strengthening of small principalities, setting them against one another, laying a heavy tribute on them, carrying out forays into the country and thus weakening principalities, cities and domains.

In 1327 Uzbek, one of the khans of the Golden Horde (1312-1341) sent punitive forces to Tver principalities and destroyed them raising the importance of the Moscow principality. The rise of the Moscow principality coincided with the weakening of the Jochi ulus which began during the last years of Uzbekkhan's rule. Uzbekkhan was the first khan in the Golden Horde to adopt Islam, and that religion quickly spread among the nomadic Turkic population of the Horde. Since the middle of the 14th century the Horde grew increasingly weak. This is proved by the fact that 25 khans replaced one another on the throne in the course of 30 years from 1349 to 1379.

Despite its considerable weakness, the Horde was much stronger than Russian principalities. Pseudo-patriotic Russian literature of the 20th century describes the defeat of Mamai, who claimed the lands on the left bank of the Volga River, inflicted by the united Russian and Lithuanian forces, as the 'victory of Russian and Russian arms over the Horde, and grants the title of the 'victor of the Horde' to Dmitri Donskoy. However, when two years after that 'victory', in 1382 Tokhtamysh, the new khan of the Golden Horde, came to Moscow to punish Dmitri Donskoy, that 'victor', together with his wife, fled to a women's monastery in Kostroma dressed in women's clothes. (A.N. Kirpichnikov. *The Battle of Kulikovo*, Leningrad, 1980, p. 113). That shows that in the battle of Kulikovo Russia won a Pyrrhic victory because for many years after it had to pay tribute to the Horde.

The ulus of Chigatai, Genghiz-Khan's second son, included the lands between the Amu Darya and the Syr Darya rivers as far as the north-western Khorezm and the town of Sygnak in the lower reaches of the Amu

Darya which were part of the Jochi ulus, Transoxania, the north of Eastern Turkestan and the northern half of Afghanistan including Kabul where a Chigatai representative stayed permanently. Chigatai's descendants also had frequent borderline clashes with the Jochids and the Hulaguids. They tried to expand their domain at the expense of south-eastern lands. During one of such attempts the khan of Chigatai Alauddin Tarmashrinkkhan (1326-1334) who adopted Islam shortly before that, invaded India in 1327 and occupied a vast territory in its north-west. Since that time Chigatai rulers laid claims to those Indian lands.

The ulus of Genghiz-Khan's third son Okdaikhan (Ugedei) which included China, Tibet and land to its west was to border on the Chigatai Ulus in its south-east. According to the kurultai the Mongols held Okdai was to become the great khan. However, that ulus did not exist long. After the death of Okdai's grandson Kaidu in 1301 the title of the great khan went to Tolui's descendants. A huge part of the land of that ulus was also included in Tolui's ulus, and only a small part went to the Chigataids.

The ulus of Genghiz-Khan's youngest son Tolui consisted mostly of Mongolia proper with the capital in Karakorum. After the death of Okdai's son Guyuk in 1249 both China and the title of the great khan went to Tolui's descendants, and Khanbalyk (Peking) became the capital. In 1256 Tolui's younger son Hulagu conquered Iran, Iraq and Syria and founded the dynasty of elhans. That ulus was given the name of Hulagu. Hulagu took with him part of the jelair family who settled down in Iraq while the other part remained near Hojend.

By the middle of the 14th century the position of the great khans in China became weaker, and by 1368 they were expelled from China and the Chinese dynasty of Ming was established in Khanbalyk that same year. However, in Chinese sources the dynasty of the Mongolian ulus which ruled in Khanbalyk is called Yuan and is considered Chinese. Soon all of Mongolia became dependent on Chinese emperors of the Ming dynasty. From that time on Chinese emperors claimed Genghiz-Khan's entire empire, primarily the Chigatai ulus. In their diplomatic messages Chinese emperors called rulers of the Chigatai ulus 'my son' thus claiming the power of suzerain over them.

With the beginning of the 14th century the power of khans became weaker in the Chigatai ulus like in all other uluses. They could not hold the throne for a long time and frequently replace one another. Neverthe-

less, Kopekhan and Tarmashirinkhan were the first Mongolian khans who, since Mongols came to that land, introduced the administrative division of the country into circuits and provinces, and the latter - into tumens and orchins. The rulers of those smaller subdivisions - beks - were appointed from among heads of clans who had arrived together with Genghiz-Khan. (V.V. Bartold. *Ulugh Beg and His Time*; V.V. Bartold. *Works*, Volume II, Part 2. Moscow, 'Science', 1964, pp. 26-30) The biggest clans of all them the Hollowing: the Arlats, the Djelairs, the Kavchins and the Barlas. The, Kavchins served the Khan, of other clans the Arlats lived on the left bank of the Amudarya river on the north of modern Afganistan, the Djelairs lived in the environs of Hojend, while the Barlas were in Kashkadarya. The head of each clan was the bek of his circuit. All those clans of the 14th century were Turkic.

The headquarters of the Chigatai khans was in the valley of the Ili River. However, in the 14th c. some khans, for instance, Kopek and his younger brother Tarmashirin, chose Karshi for their capital. However, after the murder of Tarmashirin in 1334 the headquarters were moved back to the valley of the Ili River for several years. The next khan, Kazan (1343-1346) moved the headquarters to the Kashkadarya valley again and built Zanjir Saray palace west off Karshi. Kazankhan tried to establish a strong power in Mowarounnahr. However, that desire met with a strong resistance on the part of the clans. Kazagan, the emir of one such clan, rebels against Kazankhan and proclaims the Mongolian prince Danishmandcha the khan. Soon Kazankhan was defeated and executed in 1346, and power went into the hands of Emir Kazagan. However, the power of that emir was limited to Mowarounnahr and the left bank in the north of Afghanistan. The land of the former Chigatai ulus east of Mowarounnahr went into the hands of a Duglat bek. That signified the division of the Chigatai ulus into the eastern and the western parts. In order to legitimize their power, both the Mowarounnahr and the Duglat emirs made a Chigatai descendant from their quarters the khan. Actually, the khans of Mowarounnahr were puppets and had no political power. However, the khans of the Duglat emirs had real power, and some of them became really mighty, formed strong governments and could pass down their power to their heirs.

In both states the military and political systems were the same, tribes that lived there were almost the same, and language and culture differed little. Despite the great similarity of their culture and languages, the

Barlases, the Armats, the Jalairs and the Kavchins in the west and Duglats in the east, and their identity as Turkic ethnic groups, both of them considered themselves different: those living in Mowarounnahr considered themselves the Chigatais, while the eastern ones regarded themselves as the Moguls, and called their country Mogulistan. In their turn, the Moguls called the Chigatais the Karanaus.

By the middle of the 14th century the fight for power intensified in all Mongolian uluses against the background of increasing inner contradictions and separatist movements. In the fight among the local beks the strongest emerged victorious and entered the historical arena. In the Joichi ulus such a personality was Tokhatamysh, in the Hulagu ulus - Akhmad Jelair and Kara Yusuf, and in the Chigatai ulus - Amir Temur. The historical past left to them a host of unsolved sociopolitical and economic problems. Solution of these problems lay within the range of their political interests which soon brought them to collision.

Amir Temur first emerged on the historical and political arena in 1360 in connection with the arrival in Mowarounnahr that January of the last strong Chigatai khan of Mogulistan Tugluk Temur.

Shortly before that the following historical events took place in Mowarounnahr which brought Temurbek into the historical arena.

Temur's father Taragaibek was one of the emirs of Mowarounnahr. Together with his relative Khadji Barlas he owned the valley of the Kashkadarya River. However, due to his special devotion to religion he did not participate in secular affairs, and the domain was mostly governed by Khodji Barlas. Nevertheless, he was respected in the ulus, even some emirs of Mogulistan heeded him, and the khan himself invited him to annual kurultais held in the valley of the Ili River in Transoxania. (V.V. Bartold. *Op.cit.*, p. 40).

Evidently, that fact played a significant role in Temur's future career. It was probably Temur's origin that promoted his marriage to a granddaughter of emir Kazagan Oldjai Turkan aga, the ruler of Mowarounnahr in 1355. That marriage contributed much to Temur's authority among his contemporaries.

Emir Kazagan ruled the country for ten years. During that time the situation in the country somewhat stabilized. However, in 1356 he was killed by his son-in-law Kutlug Temur. The throne of Mowarounnahr went to his younger son Abdullah Mirza who could not cope with state affairs and was also killed two years after. At that point two emirs came

to power simultaneously, Bayan Sulduzbek and Khodji Barlasbek. The rule of those emirs was marked by complete anarchy. At that time separatist movements intensified throughout Mowarounnahr, over half a dozen beks claiming the country's throne. Under those circumstances a young bek Amir Temur supported his relative Khodja Barlasbek in the beginning.

In 1359 a new khan, Tugluk Temur, came to power in Mogulistan, that is in the eastern part of the Chigatai ulus. (Mirza Muhammad Haidai. *Tarih-i-Rashidi*. Introduction. Translation from the Persian by A. Urinbaev, R. Jalilova, L. Epifanova. Tashkent. Fan, 1996, pp.29-32).

Taking advantage of the anarchy that reigned in Mowarounnahr, Tugluk Temurkhan decided to reunite the Chigatai ulus and already in January 1360 invaded the country and stopped near Hojend. Frightened by the khan's severity, emirs of Mowarounnahr fled to other countries. Emir Khadji Barlas and his relatives went to Khorasan, on the other bank of the Amu Darya. It was then that twenty-three-year-old Temur first demonstrated his political wisdom. He decided to protect the people and the ulus, and to enter into peaceful negotiations with the khan. Tugluk Temur appreciated that. He appointed Amir Temur the daruga of the Kashkadarya Valley, and soon left Mowarounnahr.

However, further developments in the Chigatai ulus were not in Temur's favor, and he decided to struggle against foreign invaders. In that struggle he was supported by his wife's brother, Amir Husain, and his childhood friends. By the beginning of 1366 Amir Temur succeeded in driving the Moguls out of Mowarounnahr. However, at that time rivalry for power in the country started between Temur and Husein which soon developed into irreconcilable hostility. The fight between Temur and Husein continued for four years and ended at the beginning of April 1370 in Amir Temur's victory. On April 9 Husein was executed in Balh. The kurultai convened there elected Temur the only ruler of Mowarounnahr.

In the summer of that same year Temur chose Samarkand as his capital and started to improve it. By that time the situation in Mowarounnahr and to the south of Amu Darya had stabilized on the whole, and Moguls had been driven out of that land. However, the Mongolian issue was not settled finally because Mogulistan or, as it was then called, Jete, was situated only 100-150 km to the east of Tashkent, and its population regarded themselves as Moguls, i.e. Mongols, and lived in accordance with Genghiz-khan's laws. The economic and military potentialities of that

state were still vast. There was still the danger of the khan of Jete invading Mowarounnahr. That was why Temur did not stint his effort to remove that danger.

Apparently, it is worthwhile mentioning another aspect of Temur's Central Asian policies. Although Temur drove the Mongols out of Mowarounnahr, and the kurultai in Balh elected him the padishah of Mowarounnahr, he formally recognized the puppet Mongol khan as his suzerain, and considered himself an emir, that is his war Minister. It was rather convenient for Temur as a politician, because being the emir of a formal khan, actually deprived of political power, he could rule the entire ulus on behalf of the khan. However, Amir Temur went even further. In the summer of 1370 he elevated to the throne of the khan Okdaihan's descendant, the khan of the Great Ulus Suyugartmish¹. Evidently, Temur did it on purpose because in Mowarounnahr there were a lot of Chigataids, and he could elevate any of them to the throne if he wanted to. But he chose a descendant of the khan of the Great Ulus to have a possibility to claim the emirship in all the four uluses. After electing the khan Temur immediately started to solve military and political issues.

Throughout the entire rule of the Moguls one of the sore spots that aggravated the military and political situation in Central Asia was the artificial division of Khorezm. Back in Genghiz-khan's lifetime in 1227 the north-western Khorezm was referred to the Jochi ulus, while south-eastern Khorezm to the Chigatai ulus. Later on the khans of the Horde tried to lay their hands on the entire Khorezm. In the middle of 1360s the Kongrat ruler of northern Khorezm Jochid Husain Sufi took advantage of the times of trouble in Mowarounnahr, annexed the south-eastern Khorezm and attacked Bukhara, threatening the inner regions of the Chigatai ulus. Therefore Amir Temur, after gaining independence, immediately started to solve the problem of Khorezm along with the Jete problem.

In 1371 Temur sent two punitive expeditions to Jete and a message to Husein Sufi in Khorezm demanding that the latter pay him tribute for the past five years for the Chigatai's part of Khorezm including Kata and Khiva, and that he leave south-eastern Khorezm, and only on these terms peace was possible. However, Husein Sufi replied rudely, moreover, he threw Temur's messenger into prison. That impelled Temur to undertake his first campaign into Khorezm in the spring of 1372. Later on, until

¹ Kamal ad-Din 'Abd ar-Razzak as-Samarkandi. *Mulla'i s'dain vas majma'i bahra'in*, V. 1, Tehran 1372/1994. P. 434 (In Persian).

1388 inclusive, Temur undertook a number of campaigns into Khorezm. All those campaigns were provoked by the Sufids. Even despite kinship created by the marriage of Temur's oldest son Jehanghir Mirza to a daughter of one of the Sufids, Hanzade, the Sufids frequently invaded Bukhara and other parts of Mowarounnahr subjecting them to pillage and plunder. One of such provocation took place at the turn of 1388. The Sufids, joining khan Tokhtamysh of the Golden Horde who was Temur's sworn enemy at that time, and taking advantage of the fact that Temur was in Fars in the south of Iran, they made a deep foray into Mowarounnahr and even reached the environs of Termez. On their way they destroyed Bukhara and its suburbs and reduced to ashes Zanjir Saray, the palace on the Kashkadarya River, Temur's stop-over in winter times.

Amir Temur had to return promptly from Fars, and in the spring of 1388 undertook his last, fifth campaign into Khorezm. In retaliation for destroying and burning down Zanjir Saray Temur razed to the ground the city of Urgench and ordered that it be sown with barley, and its population be moved to Samarkand. However, three years later, when returning from a victorious campaign against Tokhtamyshkhan in the autumn of 1391 he ordered that Urgench be built anew and people returned to the city². That campaign completed the conquest of Khorezm.

Simultaneously with solving the Khorezm problem Temur settled the problem of Mogulistan - Jete. The Duglat emirs Kamariddin and Anka Tura constantly kept Temur tense by the incursions into Mowarounnahr now from Sairam, then from Uzgend. Between 1371 and 1390 Temur carried out seven campaigns into Mogulistan. As a result, he went as far as the Altai mountains in the north and the near reaches of the Chinese wall in the east, and completely subjugated Mogulistan. However, by that time he faced the problem of Dashti Kipchak (or the Golden Horde) and Tokhtamysh.

Back at the beginning of 1376, when Temur started on his fifth campaign into Mogulistan, near Lake Otrar he was approached by Tokhtamysh, son of Toi Hoja Oglan, the Uzbek ruler of Mongyshlak, who pleaded protection and patronage from him. Shortly before that, when the Uzbek ruler of the Ak Orda Uruskhon convened his beks to discuss the issue of the throne of the Golden Horde, Toi Hoja came out against it, and Uruskhon executed him. In retaliation, Tokhtamysh killed one of Uruskhon's sons and fled to Temur. The latter treated him as if he were

¹ *Sharaf ad-Din 'Ali Yazdi. Zafarnama. A. Urunbaev's edition. Tashkent. Fan. 1972. p. 408 (in Persian).*

his own son because his eldest son Jahanghir Mirza who was Tokhtamysh's relative, had died shortly before that.

In the beginning Temur gave refuge to Tokhtamysh, gave him an army and appointed him the governor of Sobrana and Sygnak. However, Uruskhon's son Kutlug Buga drove Tokhtamysh from there, and the latter returned to his protector. That same year of 1376 Temur once again gave Tokhtamysh an army and sent him to Sobran. However, Tokhtamysh suffered a defeat again and got almost killed on the Syr Darya River, but was saved by Temur's people. That same year Amir Temur had to fight with Uruskhan, defending Tokhtamysh. Uruskhan and his son Tohtakil died of wounds in that battle. After defeating his enemies, Temur made Tokhtamysh the khan of the Ok Orda and in the early spring of 1377 returned to his native land.

Prior to Temur's campaign to Samarkand, another of Uruskhan's sons, Temur Malik, attacked Tokhtamysh, defeated him and put him to flight. It was the third time that the defeated Tokhtamysh came to beg Temur's protection. At the beginning of 1378 Temur equipped a large army, and sent Tokhtamysh with that army and a military leader he had appointed against Temur Malik. That time Tokhtamysh attacked Temur Malik unexpectedly, defeated him and, spending the winter in Sygnak, occupied the throne of the Golden Horde that spring. From that time Temur becomes the suzerain of the Golden Horde and the Russian principalities subordinated to it.

Later on Amir Temur turned his military and political interests towards Iran and Asia Minor. Back in the time of the Emir of Kazagan rulers of Herat, requiring military assistance, became dependent on the Chigatai emir as his vassals. This dependence was manifested in that the fact that Herat rulers had to attend the annual kurultais of the Chigatai emirs in Mowarounnahr, had to give troops to the Mowarounnahr ruler in case of necessity, and pay tribute to him. At the end of 1380 Temur sent an envoy to the Herat ruler headed by a high-ranking emir Hoji Saifuddinbek with the invitation to attend a kurultai which was to be convened the following spring. On arriving in Herat Hoji Saifuddinbek saw that ruler Malik Ghiyasaddin was fortifying the city walls and the citadel, and building another wall around the gardens outside the city. It was clear Malik was preparing for war. Moreover, he was in no hurry to let Hoji Saiddin go. The latter had to leave the city secretly and, on returning to Temur, reported to him on what he had seen. At the beginning of 1381 Temur sent his

fourteen-year-old son Miranshah with fifty koshuns in the direction of Herat, and some time later gathered an army and followed him into Khorasan. That was Temur's first campaign towards Iran.

As it has already been mentioned, in the second half of the 14th century Iran consisted of several small states warring between themselves. By that time the notion of Iran was rather geographic than political. Frequent clashes between the small states on Iranian territory weakened them. If anyone else, and not Temur, had formed a powerful state near the geographic boundaries of Iran, he would have undoubtedly annexed those small states sooner or later. This is testified by the fact that in 1385, 1387 and 1394 Tokhtamysh undertook devastating campaigns into north-western Iran. Only Temur's close presence restrained Tokhtamysh. So, if it had not been for Temur, Tokhtamysh would have conquered Iran. Before the mid-80s Temur had no firm intention of conquering Iran. However, Tokhtamysh's first two campaigns into Iran strengthened that intention.

By that time Temur's policy had acquired a clearly international nature because the alliance between the Golden Horde and the Egyptian Mamelukes became evident. It should be pointed out that the two states had relations of long standing, and they were mostly of economic nature. However, against the background of events in the last quarter of the 14th century they acquired a military-political nature. At the beginning of the 90s Turkey also joined that alliance.

Amir Temur was fully aware of the political nature of that tripartite alliance, his reconnaissance supplied him with accurate information. The parties to that alliance opposed Temur's drawing nearer to Asia Minor and the Caucasus. In his turn, Temur wished to unite Iran, Iraq and Eastern Anatolia into a single state to secure the safety of the caravan routes of the Silk Road. That also meant safety and prosperity of the entire Central Asian region.

Having sufficiently accurate information about his opponents, Temur decided to make short work of them separately, and started with the most dangerous of them, Tokhtamysh. His 1391 and 1395 campaigns against Tokhtamysh, provoked by the latter, ended in Temur's full victory. As a result of Temur's victories the Golden Horde was completely routed.

Temur's victory over Tokhtamysh was of great importance for mankind. By defeating Tokhtamysh Temur saved Islamic culture from decline and downfall, and Central Asia and the neighboring regions from another Mongolian-Tatar invasion. Secondly, he paved to Eastern Europe the

road to freedom and independence. That victory strengthened the Polish-Lithuanian union and paved the ground for its victory in the battle of Grunwald.

Besides that, as a result of his three-year and five-year campaigns Temur united Iran into a single state and laid the foundation for a future powerful state of Sefevids.

After defeating Tokhtamysh Temur secured his rear and could concentrate on the other two members of the alliance. He took a number of diplomatic steps to establish peaceful contacts and good-neighborly relations with the Mamelukes of Egypt and the Ottoman Empire. However, all his attempts were futile and found no due response from the other side. On the contrary, the sultans of both states gave rude replies to all Temur's peaceful propositions. That made the war with Egypt and Turkey inevitable. When Temur first came to Eastern Anatolia at the beginning of the last decade of the 14th century that land was not under the Ottoman rule yet. There were several independent beiliks there. Some lands in the south and south-west of Asia Minor had been annexed by the Ottoman Empire shortly before. The Ottomans and the Mamelukes contested the possession of lands in the north of Syria and south-east of Asia Minor. On annexing Western Iran, Azerbaijan and Iran, Temur emerged as a third force there. When Temur came there, his foreign policy acquired a new shade: since he had already annexed the greater part of the Hulagu ulus he proclaimed himself the heir of the entire ulus. It is appropriate to recall the fact that back in 1370 he elevated a descendant of the clan of the Great Ulus to the position of a khan. Of course, Temur had neither moral nor political rights to claim any lands in Asia Minor. But on behalf of Ok-dai's descendant who was with him he could claim land in the four uluses which was apparently the case in Asia Minor. One way or another, the process had started, and Temur launched a fight for possessing Syria and Eastern Anatolia. The 'Syrian issue' was settled in 1401 when all lands in the Western Mediterranean region were joined to Temur's domain. His warriors spent a part of that winter on the coast of contemporary Syria, Lebanon and Israel.

The battle with Sultan Bayazed I the Yildimir took place on July 20, 1402 near Ankara. It lasted a little longer than half a day and ended in the Sultan's capture. However, for more than a year after that victory Temur had to stay in Asia Minor suppressing seats of resistance. By the autumn of 1403 the Byzantine emperor in Constantinople, the rulers of the

north of the Balcans as far as the Danube River, and the knights' orders in Morse and on the islands in the Aegean Sea had recognized themselves as Temur's vassals and agreed to pay tribute to him. It has been reliably established by now that Temur's policy in Asia Minor found support and complete understanding on the part of the kings of England, France and Spain. It is easy to understand the reason because shortly before Temur's arrival in Asia Minor, a crusade of European states against the Ottoman Turkey ended in their utter rout near the Bulgarian city of Nikopol in 1396. Sultan Bayazed took many prominent military leaders of the crusaders prisoner. The battle of Nikopol showed that no alliance was capable of defeating the Ottoman, let alone separate European states. Therefore Temur's actions against Bayazed were duly appreciated by the royal houses of Europe.

Temur's victory near Ankara prevented a Turkish invasion of Europe and made possible the Renaissance of the 15th-16th cc. and the entire modern civilization, and his rout of the Golden Horde saved the Islamic world from the chaos of steppization and created prerequisites for the emergence of an independent and strong Russian state.

Temur spent the winter of 1403-1404 in Karabag, and in spring ambassadors came to him from Deshti Kipchak (the Golden Horde) with the expression of complete submission thus preventing another campaign against the Horde which he, according to Sharaf-ad-Din Ali Yazdi, had intended to undertake.

At the beginning of July 1404 Temur returned to Samarkand, his homeland. But already in November, that is less than five months after the end of his seven-year campaign, he started on his last military campaign against China ruled by the Ming dynasty. Long before that the Chinese emperor had started calling Temur a 'son' which meant a 'vassal', in his messages thus insulting his self-esteem. Temur intended to put an end to the claims of the Chinese emperor back at the end of the previous century. But the unexpected developments in the west of his own empire forced him to undertake his seven-year Western campaign.

Temur's Chinese campaign was delayed by severe frosts in the winter of 1404-1405, and he had to stop in Otrar. After two months of forced idleness he caught a severe cold on February 11, 1405, and died a week later.

Thus, the outstanding military leader, statesman and reformer Amir Temur died on February 18, 1405.

THE PERCEPTION OF AMIR TEMUR AND CENTRAL ASIA AT THE BEGINNING OF RENAISSANCE*

*Prof. Tilman Nagel, Ph.D., Dean of the Department of
Arab Arts and Literature, Georg-August-University,
Goettingen*

I

The Synod in Constance, which remained in the memory of Central European residents primarily because it broke its promises to Jan Hus, reformer of Bohemia, discussed not only issues related to the localization of thoughts considered heretical and dangerous to the existence of the Roman Empire but also the latest political developments in the world.

After the failure of the 1396 crusade led by Ziegmund, King of Hungary, who was to protect the Holy Byzantine Empire or what remained of it from the deathly grip of the Ottomans, no one doubted any longer that Sultan Bayazed would soon capture the Empire's capital by force.

Unexpectedly, the mysterious Tamurlaine emerged in the East, believed to be a Tatar, who in July 1402 routed the hated Bayazed and took him prisoner not far from Ankara.

Thus hopes were again revived in Europe that together with the Mongols it would be possible to stave off the Islamic threat.

By a lucky coincidence, a person happened to be in Constance who could tell the Synod something about Tamurlaine although he had never met him.

However, he could share his own impressions about the devastation caused by Tamurlaine's troops in Syria, primarily in Damascus, in the winter of 1400-1401, and also relate some rumors that accompanied to conqueror.

That witness was Betrando de Mignanelli, an Italian born in Siena in 1370 who found himself in Damascus at the end of the 14th century where he was, as he writes, working hard and overcoming numerous difficulties, to earn a small fortune and become a respected person.

In his aide-memoire on Tamurlaine written in Constance at the end of 1416 he testifies how hard his life was there. He had to endure the viciousness of the Muslim population but since Latinians were highly valued

* Published in: *Oriente Moderno, nuova serie XV (LXXV), 2 (1 volume), 1996*

by sultans he was protected against all attacks. De Mignanelli spent the winter of 1401 when the city was burnt to ashes by Tamurlaine, in Jerusalem with the aim, as he puts it, of soothing his and his father's spirit.

When the Mameluke army, after the lost battle, was retreating from Syria to Cairo in panic because of spreading rumors of a coming change of power there, Mignanelli first also fled to Egypt, but some time later returned to Damascus via Cyprus.

The report he wrote in Constance begins with October 1400.

Tamurlaine came from the north-east, from the area where 'Tatars' lived, moving in the southern direction against the Mameluke empire, and won Aleppo. Tamurlaine's actions were far-sighted and perfidious. He was kind to the Mameluke governors he had taken prisoner because he knew that in this way he made the Sultan feel suspicious of Aleppo residents whom he believed to have betrayed him.

Tamurlaine sent ambassadors to Cairo under the guise of peaceful negotiations. But actually they were to find out the political situation there and sow discord among the mamelukes.

He craftily seized the treasures of the Aleppo Jews. He told them that their treasures would be safe in the synagogue while his warriors in the guise of Jews came to there for the Hanuka festival and attacked unsuspecting praying Jews. Mignanelli relates this episode with genuine malice. After his ambassadors returned from Cairo, Tamurlaine decided to attack Damascus. At the beginning of January 1401 he first tried his army against the troops of 14-year-old Sultan Farag not far from the city.

As he had done before, Tamurlaine employed the following tactics. He pretended his army was retreating until the enemy, anticipating victory, found itself surrounded by the opposite party ready for battle, and staged a blood bath for the attackers taken unawares.

Without any initiative on the part of Tamurlaine the Mamelukes decided to retreat from Cairo. Thus Damascus was unexpectedly left at the mercy of Tamurlaine for pillage and plunder. The gentry came to plead mercy from him, and he assured them that he had come to liberate them from the oppression of Christians and the Sultan of Cairo. The silly city-dwellers took Tamurlaine's assurances that he was full of respect for the Prophet Mukhammad seriously.

'But actually Tamurlaine believes in him less than I do,' Mignanelli writes in his report. Thus the city-dwellers obeyed Tamurlaine's force and order. He demanded that all treasures and property left behind by the

Mamelukes be given to him, but that was not considered by city-dwellers a great sacrifice. They permitted him to persuade them to give away that ownerless property. But gradually the invaders began to claim the property of other groups of the population, and the city-dwellers had to meet their demands which became more ruinous with every passing day.

Tamurlaine was not satiable. He set high contribution payments, and eventually the city was given to pillage and plunder, and its population suffered greatly. Although Damascus residents belonged to a disgusting kind of people, the devastation of the city was regretful.

'Look, Damascus ceases to be a city and becomes a pile of debris,' this free quotation from the Prophet Jeremiah predictions (Ch. 49, 23-27) came to his head as a suitable description of Damascus the way he saw it after Tamurlaine had left the city.

Between lines Mignanelli asks himself how could he believe in and understand that incredible event to which Damascus, a city with which he was linked by bonds of both love and hatred, fell victim.

Mignanelli's report contains a number of remarks which had their effect on the way Tamurlaine was portrayed in Marlowe's drama.

Of course, residents of Damascus had to suffer because they were sinful - this is the way Mignanelli thinks. Their city was reduced to ashes, and nine months after Tamurlaine's army which set the city on fire had left it, those ashes were still smoldering in some places.

In the summer of 1401 the city was attacked by locusts which intensified the scale of the calamity and punishment; now the city's appearance was determined by hungry people roaming in the ruins and the ever-present smell of decay.

Muslims had to reconcile themselves to the fact that Tamurlaine had come to punish them for their numerous crimes.

According to Mignanelli, and this fact is confirmed by Islamic historiography, to intimidate his enemies, Tamurlaine had a habit of presenting himself as the God's scourge.

'Who am I who does such great deeds?' Tamurlaine asked a resident of Damascus taken prisoner, and the latter replied with flattery, 'An incomparable Prince, strong, kind and merciful to whom belongs all glory!'

'You are lying because I am the God's scourge, I punish you, and it is only I who knows the means to cure your misdeeds. I am more malicious than you are. So you'd better keep your mouth shut.' Mignanelli thinks that this explains much but not all.

‘Tamurlaine was a stately man with very agreeable manners, and he knew how to make himself look soft and amiable. This contradicts Plato’s opinion that everything that is beautiful is at the same time kind, because Tamurlaine was handsome but he was malicious.’

Thus, there is some mystery about this personality if even Mignanelli, a Christian who, as he admits, suffered a lot among Muslims, thinks that Tamurlaine was an instrument of God’s justice: only a few houses in Damascus in which Christians lived were spared by fire.

Nonetheless, Mignanelli wanted to see Tamurlaine as God’s finger, «Therefore all people should fear the judgment of the Almighty, and no one should boast of his evil deeds no matter how big they are».

II

Mignanelli makes no mention of Tamurlaine’s war against the Ottoman Emperor Bayazed. Possibly, this event which did not involve the author, was so close and transparent to the people interested in world history that it was not worthwhile to mention it again in that report.

Mignanelli only writes that Tamurlaine gave up his initial plan of attacking Cairo when he learnt that Bayazed could use that opportunity to attack his army in Syria and thus cut off the avenues of retreat.

To avoid this danger Tamurlaine led his troops from Damascus to the north. From the viewpoint of Tamurlaine’s later clashes with Europeans, that war against Bayazed almost naturally fell into the scope of their attention.

For Christian Europe the Battle of Ankara assumes still greater importance because Europe was drawn into elucidating the correlation between ‘destiny’ and ‘possibility’, very important for spiritual life during the Renaissance.

It can be observed that Tamurlaine’s life and deeds depended to an extent of his meeting with Bayazed.

The prehistory of these dramatic events the way it is related has little in common with what actually happened and what is primarily described in Persian chronicles, and rather correctly and reliably related in the chronicles of some Arab historiographers. They lack the knowledge of geographic space and closest political and public accompanying developments, although there were some reports on this subject in Europe, especially records of the members of the Castile embassy to Samarkand in 1403.

As for the main European source of information on Tamurlaine's life of the Renaissance time such a source is the collection of data written by a baptist monk from Genoa by the name of Fulgozus (1479-1488). According to him, the great conqueror was born in the domain of a Persian king.

The youth earned his daily bread as a shepherd. However, even at that time he was different from his fellow shepherds, and during a game his companions crowned him the king as a joke. The rise of a man who will later crush the established order in the surrounding world began from the role of a caricature ruler.

However, Tamurlaine is someone greater than a mere carnival king, and at the end of the game, when order is restored, he is overthrown and even meets his death.

The game becomes a very serious affair, it is transformed into a compulsory action and gives unexpected possibilities to the one who acts cleverly and courageously.

He demands that his comrades swear an oath that they will obey him as a real king, and they must sell their livestock and give up their life of poor shepherds in favor of a life of warriors. Very soon he has already 600 followers who attack a caravan and thus lay a foundation of their wealth which Tamurlaine divides among them with exceptional justice.

The fact that Tamurlaine began his active life as a robber is also reflected in Arab sources, primarily in Ibn Arabshah's writings (died in 1450) who relates only unfavorable information about Tamurlaine as well as stories that were already related to the Castile ambassador in Transoxania in 1403. Anyway, Ibn Arabshah also knows that Tamurlaine came from a noble family, which fact is usually absent from European descriptions of his life because in them his low origin was a prerequisite to the idea that Tamurlaine rose to most outstanding conquests in the history of mankind only thanks to his own talents.

European sources, in contrast to Oriental ones, focus on his personal abilities.

These abilities are manifested not only in his struggle but also in his ability to settle delicate situations. The King of Persia learns of Tamurlaine's illegal deeds and sends a unit of soldiers against him.

But Tamurlaine turns them into his allies. Now he is strong enough to interfere in the dispute for the throne between the king and his brother on the side of the latter whom he assists in seizing power.

As a reward he is granted the right of command of the greater part of the soldiers of the empire for which he conquers a lot of new lands. The time has come to seize all power; he turns the country against its formal ruler and makes people proclaim himself King of Persia, and it would have been impossible without his bold deeds, say his European biographies. This is the way everything that happened is described, and it is usually commented upon by the following quotation from the Koran, 'You (God) give the power to the one You wish' (Sura 3.26).

However, it will turn out later that Oriental descriptions do not simply attribute Tamurlaine's rise to an unexplainable decision of the Creator but strive to give a rational explanation within the framework understandable to the historiographer.

Tamurlaine liberated his homeland which had for a long time been suppressed by the Saracens and the Persian King, so say European stories of the ascent of a poor shepherd to the summits of power.

This idea was widespread not only in Transoxania at the close of the 14th century. Baptist Fulgozus and his contemporaries who could observe an Italian city-state fighting for independence, write much about it.

It is said further that more exact information about Tamurlaine's subsequent large-scale campaigns is available, but it can be assumed that he performed surprising exploits and found new ways of waging war.

His rule was marked by justice and generosity, and no one had any grounds to rebel against him. Strict discipline and order in his military units were surprising. Everyone had his place and knew what to do and when.

Tamurlaine was primarily concerned with the upkeep of his troops, he resorted to the services of artisans of all professions, and allowances were paid to his soldiers regularly.

It follows from what was described above that the way things went in the army they should go in the state.

It was with that army which exceeded the armies of Darius and Xerxes in the number of warriors that Tamurlaine once entered Asia Minor.

Bayazed who was going to attack Constantinople at that time had to give up the seize of the empire's capital and fight back the invasion. He led all his troops there which were the same in number and as well armed as Tamurlaine's troops.

The battle went on for a long time without the prevalence of either party. Finally the balance tipped against Bayazed. Too many of his

warriors died and everything was futile despite the fact that the Sultan himself, setting example to his soldiers, rushed against the enemy in the hope of turning the battle in his favor.

Surrounded by enemies, he was thrown off the horse and taken prisoner. Tamurlaine locked him in an iron box and only permitted him to feed on the crumbs from the winner's table

It is there that European stories about Tamurlaine achieve culmination, this is the example set by his biography that can be found mostly in collections of exemplary biographies which reveal his striking inner content:

'We should not boast with the brilliant wealth of this world, because someone who one day was the ruler of the world is reduced by the one who used to be a poor shepherd to such utter poverty that he has to eat under the table with the dogs. And although he was of high origin and may have been great he was laid low by another man one day.'

III

To the Battle of Ankara are referred two interpretations of Tamurlaine's life story that seem to be mutually exclusive. One of them, to use a well-known saying, is that a talented military leader carries the warder of a marshal in his pack as a private, while the other say that there is no eternal luck in this world, to say nothing of the noble origin.

"De la vicissitude ou variete des choses en l'Univers" is the significant title of a study by Louis Leroy published in Paris in 1577 which was based on the ideas of this universal world outlook.

Among other things, the author compares contemporary and ancient military science which to him primarily means a comparison between the Greek and the Roman military doctrines.

In the course of this comparison he also writes about Tamurlaine, to him he opposes the legendary ruler by the name of Ninus, a Zoroastrian who defeated the King of Bactria and conquered almost the entire Asia.

While Ninus was of a royal origin, Tamurlaine, although he came from the lower classes, subjugated almost the entire Asian continent and routed the Ottoman Sultan Bayazed.

Leroy traces a number of coincidences in the life of Tamurlaine and other outstanding military leaders and conquerors.

For instance, Sesostris made four defeated kings pull his chariot, and Tamurlaine rode on horseback across Bayazed who was thrown onto the ground.

Like Cyrus, he grew up among shepherds and was elected the leader by his companions in games. Like Alexander, he won every battle, he even tamed the wild Scythians whom Cyrus, Darius, Alexander and the Romans had failed to defeat. It should be mentioned in passing that ancient names had a great effect on Asian geography in those historical and philosophical descriptions.

According to Leroy, great conquerors beginning with Sesostris wished to create empires whose territories should be limited only by oceans.

But they failed to achieve their aims because destiny was favorably disposed to them only briefly. Some of them were poisoned, others were viciously murdered or had to turn their troops back because of epidemics.

Atila, Tamurlaine, Sesostris, Karl the Great and Constantine - these victorious military leaders had one more thing in common, and that was that they had great respect for religion.

But, as it has already been said, their cause remained uncompleted, their followers proved incapable of carrying it on, and so their defeated enemies gathered strength and won even more power than before, Leroy writes having in mind the Ottomans who were at the peak of their glory in his lifetime.

Within the framework of this report it is impossible to indicate all sources in which Tamurlaine's image occupied the thoughts of Europeans in the 15th and 16th centuries. Their historically justified manifestation was reflected in a play written by Marlowe in 1590 which had a broad response and made the author popular. Marlowe used materials he found in European sources but added another act to his play which pictured the events he invented himself to make the characteristic features of this interpretation even sharper and show an obvious failure of all attempts based on violence but not pointing to Tamurlaine directly due to scarce information about him. His sons, like himself, were to become the God's scourges, but one of them, to Tamurlaine's horror, rejected it. Tamurlaine loses his wife as well as control of himself.

One conquest follows another, and he becomes more cruel and blood-thirsty. The resulting madness is inevitable, in this way God gets rid of his scourge.

In the face of death it is pointless to refer to numerous victories. In his self-glorification Tamurlaine goes as far as to burn the Koran and mock the Prophet Mukhammad which reflects de Magnanelli's supposition about Tamurlaine's pretended religiousness.

Marlowe's play was criticized severely because the main character showed no internal changes. He never regretted his doings. It is clear from the beginning when he becomes the ruler of his companions and proves the greatness of his destiny in fight and negotiations what he will be doing further and what he will achieve. What happened then is happening over and over again in Marlowe's play but on a wider scale, and in the second part - in a more terrible way.

This was explained by the fact that Marlowe excited by the study of ancient historiographers such as Pulibius fell into the so-called 'substantialism': an acting personality which is essentially an unchanging entity reveals its essence in each of its deeds that are only examples of this essence.

Undoubtedly, the revelation and inner transformation of the main character as the Christian tradition required from a sinful but repenting person, is absent from Marlowe's play "Tamburlaine". But if we take into account the famous 'Oratio de Hominis Dignitate' by Picco della Mirandola (1463-1494) which can be interpreted as a concentrated expression of a new human self-consciousness, then we will not have to turn to antique examples but explain that circumstance by the views of that time.

'I placed you in the center of the world,' Mirandola puts these words into the mouth of the God when he addresses Man, 'I did this so that you looked around yourself easier and saw everything that is hidden inside. I created you as a being that is neither celestial nor earthly, neither mortal nor immortal so that you were your own creator and conqueror, and were able to take any shape you choose for yourself. You can turn into an animal and be revived in the guise of God.'

Man decides quite differently from animals and plants whether he will rise, following his reason, to the life of angels, or a fall into sensuality and insanity.

Human nature harbors all these potentialities. Therefore it is dual since it includes opposites. Mirandola quotes Nicholas von Cowes (1401-1464) who in his "Coincidentia Oppositorum" discovered an important element of the act of creation.

He wrote, 'Man can be a humanlike God and the God in human right, a human angel or a human animal, a lion or a bear, or anyone else in the guise of a human being because all these beings exist in the human being.'

However, Marlowe's Tamurlaine is a genuine human being in the true essence of this word who takes his destiny into his own hands, as Pico

della Mirandola required. It is not the divine will that paves his way but he himself chooses it in accordance with those justifications he forms inside him and bring to fruition.

'I hold my destiny in iron chains, and turn the wheel of fate with my own hand,' says Marlowe's Tamurlaine. (I, II, 369-370).

"Mars and all earthly rulers will not prevent him from his undertakings,' boasts Tamurlaine in the second part of the drama when his power of cognition becomes obscured.

The Renaissance man represented by Tamurlaine feels extraordinarily strong. Both reason and violence are at his disposal, and it is only for a moment that he is pervaded by Christian doubts - the Tamurlaine of Part I sets an example of the heights to which man can rise regardless of his origin and position. He is really an example to the author because he had subjugated the Ottomans, enemies of European Christianity.

However, reason can turn into its opposite, and violence no longer serves the purpose of pacifying land stretching from one ocean to another but is transformed into a devilish cruelty.

The reverse side of human potentialities is exposed, and this explains the finality of human existence, this is what makes man different from God. If we accept as a premise that Tamurlaine with all his aspirations is nothing else but an instrument in the hands of the Creator and the Judge, then all talk of the God in human guise will be muffled and no inner devilmment of the main character towards self-analysis and penitence will any longer be required.

So, Marlowe's presentation of Tamurlaine's image at the end of the play is not unequivocal, his assessment varies, although he is guided, as is clear from the very beginning, by the ideas of that time.

This is reminiscent of Tamurlaine's similar assessment in Islamic historiography. As the master of an alliance with happiness he combines elements of fire and earth and possesses a huge creative energy.

He has a lot of earthly features including such opposites as wrath and kindness characteristic of God too, and these qualities are remarkably blended in Tamurlaine's image.

At the same time, Tamurlaine's Muslim contemporary remarks that this individual character of a conqueror is nothing else but a manifestation of a unique individual.

Assumptions on the basis of which both Islamic historiographers and Marlowe come to the same interpretation are initially quite different, and their deep study could become a subject of comparative research.

THE TRANSFORMATION OF THE IMAGE OF AMIR TEMUR IN OTTOMAN HISTORIOGRAPHY

*Prof. Jean-Luis Baqué Grammont, Research Director of
the National Research Centre*

Considering that Temur's campaign into Asia Minor in 1402 and the defeat of Sultan Bayazed I near Ankara resulted in annexation of the Ottoman lands in Anatolia and the civil war threatened the very existence of that powerful state created in the course of centuries, it will be easy to understand that the Ottoman analysts (and each generation of analysts tried to outdo its predecessors) had no grounds for being sympathetic towards the conqueror from Samarkand. Therefore it is not surprising that when studying most sources of the Ottoman origin one finds such unflattering epithets regarding Temur. Even less flattering assessments belonged to the great Saduddin (died in 1599), and Evly Celebi (died in 1684) resorted to a much sharper manner in his descriptions. As compared to their assessments ours have their own nuances arising from a thorough study of the texts with the aim of tracing impartially the evolution of Temur's image.

Initially, when familiarizing oneself with Temur's image as portrayed by an erudite scholar Katib Chelebi (died in 1657) in his big geographical treatise "Jihan-Name" one gathers an impression of his attempt to change the traditional hostile attitude towards Temur. The tale found in the paragraph "Position of Kings" at the end of Chapter 36 - "On the Climate in Transoxania" - strikes one by a scrupulous enumeration of facts and details making the description of the career of the historical personality in question almost documentary, even though we find there no attempts to pay tribute to his greatness. Some devices can be detected there characteristic of the manner of West European encyclopaedists who, though weakly, show a tendency towards attracting readers with different points of view by their objectivity.

It would be interesting to compare Temur's assessment made by Katib Chelebi which represents an isolated case in the Ottoman historiography, with the equally well-known and widespread manuscript of his contemporary Husein Hezar-fenn (died in 1691). The latter, using a far more traditional form, shows no intention of reviling either Bayazed's conqueror or his descendants. However, some studies permit us to state that in that

sufficiently compiled chapter Hezar-fenn acts almost as a plagiarist of an earlier chronicle by a certain Mustafa Jenabi who died in 1590 and, consequently, was a contemporary of Saduddin, Tamerlane's irreconcilable abuser.

One can make an attempt at tracing the history of this issue from a superficial point of view. However, we will confine ourselves to expressing several considerations arising in connection with the trends of research.

Undoubtedly, the three aforesaid authors - Jenabi, Katib Chelebi and Hezar-fenn - represent a trend in the Ottoman historiography which became a dominating one in the long run. They had a possibility of viewing the events that happened only two centuries before, Temur and the Battle of Ankara, from a safe distance, and in addition to that - from Istanbul, the capital of the central empire in the Moslem world and one of its main strongholds, from the point of view of whose prestige there was no reason to envy the ruler of Samarkand. Except that Saduddin, in accordance with the 'hereditary' tradition excessively sensitive to the danger from the East, represents an archaic trend as well as the other Ottoman analysts developing, more or less, an 'inferiority complex' in the face of Tamerlane's wrathful power. Since then the Istanbul sultans have covered themselves with exceptional glory, even in their difficult campaigns against Egypt where, as well as the Genghiz-khanids, they eventually suffered a defeat. Monarchs with views very far from Islam considered it an honor to win the support of the 'servant of two Holy Cities'. Anyway, the conquest of Ankara halted the irrevocable development of the Ottoman Empire for no more than half a century, and therefore analysts permitted themselves to make severe assessments of Bayazed's failures and to pay tribute, although grudgingly, to the knightly greatness of their conqueror.

From our present-day point of view those Ottoman chronicles lacked a single assessment of the importance of the policy of Tamerlane and his heirs. Yes, facts of the numerous events in Transoxania of which the science of the Temurids makes use, are well-known from the Ottoman chronicles. However, no attempts have ever been made in them at an artistic or literary interpretation. Yet, verses were willingly composed in Chagatai about the visit to Bursa or the dream of Bayazed II (1481-1512). True merits of Temur and the Temurids are rather carefully concealed in Ottoman sources, for even in the neighboring countries they are shown more vividly including his patronage of arts and his excruciating search of truth even at the time of unequalled greatness.

**ABSTRACT ON THE SUBJECT:
THE HISTORICAL AND POLITICAL
DEVELOPMENT OF AMIR TIMUR'S RULE
TRADITION AS AN EVENT OF HISTORIC IMPORTANCE
TIMUR IN LEGENDS**

*Dr. Andrea Schmitz, Institute of Ethnography and
African Studies, Ludwig-Maximilians-University, Munich*

This report dwells in detail on the following aspect of the historical and political development of Timur's rule, namely, subliterary traditions that prevailed in the beginning of his career.

It is common knowledge that neither historical written in Tamerlaine's lifetime at his instruction, nor books written by his successors predominantly in the Persian language contain much information on his activity prior to 1361, when he first emerged on the political arena.

However, much evidence is contained in a number of courses outside of his immediate retinue which are mostly probably based on oral traditions. How should the importance of these sources be assessed? What social milieu do they point to and what is their political function?

These issues are dealt with below.

Legends

One of the stories put down in 1867 by Wilhelm Radloff, the farmer of Turkic philology, in a Tatar settlement between Tobolsk and Tyumen which was the center of Muslim spirituality at that time (Radloff, 1872 b, XIV (Foreword)), says this about Timur.

Tsudei, Khan of China, once dreamt that a ram overturned his throne by its horns. A fortuneteller told him that a boy would be born who will kill the Khan and take his place. After that the Khan placed a guard near every pregnant woman in order to kill the baby if it is a boy. The guard assigned to Timur's mother was her relative, so he pressed the stomach of the pregnant woman and left without waiting for confinement. She gave birth to Timur, but the guard had broken his leg when he pressed the stomach, and so the boy was nicknamed 'aksak' which means 'lame'.

At the age of ten when Timur once played with his companions - 50 or 60 boys who were sons of viziers and officials he said to them, 'Khan Tsudei rules the city... let us appoint a Prince from among ourselves.'

They decided to have a race, and the winner was to become the Prince. The race was won by Timur, sad not thanks to his physical supremacy but because he threw his hat behind the finish line. The dispute that arose was settled by an old man passing by in favour of Timur whose thought raced ahead of his companions' legs.

With time the number of Timur's followers grew, he killed the Khan and took his throne (Rydloff, 1872 b, 370f, s.a. 1872 a, 247f).

A similar interpretation of the same story is given in one of the Ghagatai manuscripts of the 17th century translated into Russian many times. From it we learn that Timur, a descendant of one of the khans along his mother's line, became a shepherd after the death of his parents. He gathered six or seven orphans around him and they grazed cattle together.

He surpassed his companions in his mental abilities which is confirmed by his victory in the race after which he killed a steer, one of those entrusted to them to shepherd, and treated his friends who unanimously elected him a 'khan'.

Afterwards they armed themselves and became 'well-known robbers' who 'gave shelter to all fugitives' (Panov, 1934, 219-224).

Various versions of stories about Timur's young years could be found in the reports of his contemporaries.

A Syrian lawyer Akhmad ibn Arabshah who visited Transoxania between 1408/09 in Timur's biography gave different versions of his youth which, most probably, were related to him by people close to Timur (Manz, 1988, 108).

According to one of the legends, Timur's father was Taragai, a common shepherd or, according to another version, a smith. Timur whose birth was accompanied by various remarkable omens and whose hands were full of blood when he was born, displayed a keen mind and strength when he was a child.

Because of his poverty he stole cattle. And although the forty people whom he gathered around himself laughed at his ambitions he managed, with the support of pious old men and by ruse, to get rid of the fetters of his origin (Ibn Arabshah, 1-3).

According to another version, Timur's father was a distinguished courtier, and his mother was a descendant of Genghis-Khan.

Timur who was 'a courageous, kind, active and well-educated youth' gathered around himself a certain number of followers from other clans

but of the same age and status who swore allegiance to him. That was they started their excesses (Ibn Arabshakh, 4-7).

A Spanish ambassador Gonzales de Claviho was told in 1404 in the town of Kesh not far from the place where Timur was born that his father descended from a noble dan but has a very small fortune and very few servants.

His son Timur made his way in the world by stealing cattle and sharing it with four or five people that made up his retinue. With time he gathered a lot of followers because he was, according to Claviho, 'kind and courageous' (Glahivo, 125f). With a team of about 300 horsemen he traveled throughout the country robbing merchants.

A similar description of Timur's young years is given in the report of Johannes, Bishop of Sultania, who in 1403 traveled to Europe as an ambassador of Timur and his son Miranshah (Moranvil, 1894, 441f, 447).

The same information is reflected in historical books by European scholars of the 15th and 16th centuries (see Nagel, 1993, 9f).

The authors differ greatly in their assessment of what they have learned about Timur. Timur's biography written by Ibn Arabshah is full of jibe and jeer, ever hatred, while Europeans write about the rise of the great Amir with surprise. At the same time, European scholars are wonder fully unanimous in their attitude towards independent reports of the Timurid historiography on his young years.

We can assume that unofficial historiography contradicted the impression Timur wanted to leave to the educated world, and so he wanted such reports to be excluded from the court chronicles (Woods, 1987, 82; Bartold, 1935, 20).

However, this information was widespread among his retinue and among nomadic cattle-breeders in general.

Timur and the narrow circle of his followers who possessed all the characteristic features of that social group (Manz, 1993, 148f; Ando, 1992, 51ff) had also contributed their share into it.

Social Milieu and Political Functions of Legends

If we assume that heroic stories about Timur's youth were meant for certain people (Manz, 988, 109), then the question arises what importance these stories could hold for these people and how their viability could be explained.

Quite different from the urban milieu where several generations had a known written language, the situation was in the steppe, where historical legends could only be passed on by word of mouth.

An important characteristic of historical legends is the fact that in the course of their existence they absorbed various interpretations, often many more than written sources.

Here eye deal with the products of permanent historical reflections whose aim was not to relate what actually happened but, with the help of historical material, to formulate what was important for the current reality (Vanzina, 1985, 195f).

So, we can proceed from the fact that oral tradition plays a certain role in a community in which it is passed down and reproduced, even though within a changed historical context.

Let us tom once again to the legends about Timur's young years.

All these legends describe a young man destined for power who grows up in ordinary conditions, mostly among shepherds. He surpasses his contemporaries by energy, activity and mental ability, and in the course of their games they elect him their 'khan'.

With time his team which was initially small (Clahivo writes there were 4-5 of them, while Johannes of Sultania writes 7, and Arabshah gives a symbolic number of 40) grows into a large group consisting of two hundred horsemen. As the leader of an outlawed gang earning its livelihood by robbery and consisting of people of different origin ('fugitives' and 'comrades-in-arms from various tribes') Timur finally comes to power thanks to his friends whose loyalty and approval makes the rise of the young hero possible.

It actually seems that in the case of the retinue which assisted Timur in his rise to power the question concerns warriors whose loyalty to Timur was based not on law or agreement but primarily on emotional ties. In sources they are also called 'jighits' which means 'courageous young agents of a leader' (Ando, 1992, 274).

They were recruited from various tribes and mostly came from their upper sections, like Timur himself.

Many of them had the position of the 'ichki' who did not depend on their service in administration and identified themselves exclusively through their personal relationship with the ruler.

The 'ichki' formed a narrow circle of his subjects and most probably consisted mostly of pages.

Depending on their services, they could be granted the title of 'air' or 'bek' which automatically promoted them to influential posts in the Timurid administrative system or the army (Ando, 1992, 250ff, 262ff, 269ff).

Oral traditions related to Timur also mention the principle of political organization which was of great importance in Central Asia subject to strong centrifugal trends threatening their stability, namely, close cooperation and cohesion between the leader and his followers within the ruling clique providing the basis for the central political government.

Oral stories about the beginning of Timur's activity formed an environment which proclaimed this principle as a political imperative and at the same time could serve as a basis for Timur's claims to dominance.

Let us once again have a look at the quoted reports about his youth.

A similar combination of motives (it was first presented by Herodotus (I, 107ff) in connection with the youth of the Persian King Cyrus) can also be found in epic biographies of other Iranian, Turkic and Mongolian rulers which went down in history as the founders of new dynasties.

'The Mysterious History of Mongols' (Henish, 1941) recounts the beginning of Genghiz-Khan's activity as shepherd, and the raids and revenge campaigns that accompanied his rise to the title of khan of the 'Mongols' - such was the name of a federation of tribes, as well as his followers who joined him at that time and remained loyal to him.

Similar things were related in epic stories about Edigue, Amir of the Golden Horde, put down in the 19th and 20th centuries by various Turkic peoples (Schlitz, 1996).

He initially belonged to a Mongolian tribe of manghits and was a counteragent of Tokhtamysh, the khan of the Golden Horde, and Timur's ally of long standing.

Simultaneously Edigue (Edigey) formed a confederation of nogai tribes which was the most significant regional power on the former territory of the Golden Horde in the 15th-16th cc ruled by representatives of the manghits. Legends portray Edigue (Edigey) as a descendant of Mongolian rulers and god-fearing people: and as a descendant of Baba-Tukles, a dervish who turned Uzbek-khan (1313-1341) to Islam (de Veez, 1993). Edigue grew up, unaware of his origin, among common shepherds, and was elected 'khan' by his playmates.

Later on, with a few loyal friends he fled the court of Tokhtamysh-khan who dismissed him because of bad predictions, and roamed the country until he finally managed to seize power.

In these epic biographies we can see a future ruler who attained this post thanks to his personal qualities such as courage, military abilities, justice and generosity.

Since he possessed these qualities even in ordinary conditions regardless of his hereditary status, his rise stands out even brighter.

Simultaneously, it is the divine predestination that is translated into life in the successfully applied- hero's personal qualities This- predestination is manifested in a dream which scares the khan (story put down by Radloff about Timur, and also Panov, 1934,219)and in the bad prediction of the fortune-teller to Tokhtamysh-khan in the story about Edigey.

Divine predestination is manifested in Timur's support by holy fathers related by Ibn Arabshah and in Edigey's attitude to Baba-Tikles.

Genghiz-khan who like Timur at his birth was holding a clot of blood the size of an anklebone (Henish, 1941, 6-10) refers in 'Mysterious History' to divine blessing (Benish,1941,37). As for Timur he also points out time and again that he owes his success only to the Almighty (Moranville, 1894, 447, Ibn Arabshah, 5).

The notion of divine predestination in steppeland traditions is reminiscent of the ancient iranian and Islamic idea about the sending of a charismatic leader by divine forces.

Like his outstanding predecessor Genghiz-khan and his contemporary Edigey, Timur makes a purposeful use of this tradition with the aim of acquiring a prestige which would permit him to come out as a founder of a new dynasty (Manz, 1988, 116f).

This effective in the steppe ideal image of a heroic leader noted for his outstanding personal abilities and having the heavens' blessing was not the only source of Timur's legitimacy. To substantiate his claims to the Chagatai Ulus, Timur turned to the tradition of the Genghizid dynasty which gave him a possibility to pose as a legitimate heir to the Chagatai family.

Simultaneously, to substantiate his political and military ambitions, he turned to the imperial ideology of the universal dominion of order and guardian of faith (Manz, 1988, 110ff, Nagel, 1993).

It is this purpose that is served by reports of court historiographers who relate this image of Timur's traditional and legitimate rule.

In the spirit of Max Weber, this implies a form of rule whose legitimacy leans on the 'sanctity of order stemming from ancient times'- (Weber, 1980, 130ff). So, Timur's success is primarily based on his ability to

integrate various kinds of social and cultural environments of his time and traditional trends in society's life.

In a similar way the Uzbek state is also facing the task of defining its attitude to tradition represented by a different Timur.

As I have tried to point out, there exists not a singular tradition with the help of which it is possible to substantiate a national identity, there exist a great many traditions, and this diversity determines cultural legacy.

This is true both for the time of Timur and the present time.

Political practices face a multilevel integration problem. This refers not only to the integration of various ethnoses and social sections in a society, but also to the organization of a more or less voluntary obedience within a state.

This permits a more pluralistic attitude to tradition, more rich in options.

What attitude will be taken to the 'tradition of the absence of traditions' very popular now in the West, against which Uzbek society has clashed since gaining independence, is a subject of another discussion.

Sources:

- Ando, Shiro, 1992: Timurid Emirs after Muiz-al-Ansab. Study of ancestral aristocracy of Central Asia in the 14th-15th cc. Berlin (Islamic Studies, vol. 153).
- Bartold, Wilhelm, 1935: Ulugh Beg and His Time. Oriental Studies. Vol. XXI, N 1, Leipzig.
- Claviho: Tale of the Embassy of Rui Gonzales de Claviho to the Court of Amir Timur in Samarkand in 1403-1406. Translated by Clements P. Maarkham. London, 1959.
- De Viz, Devin, 1994: Islamization and Local Religion in the Golden Horde. Baba-Tuleks and Transition to Islam in Historical and Epic Traditions. Park University (Pennsylvania).
- Haenish, Eric, 1941: Mysterious History of Mongols. Leipzig.
- Herodotus. History. Translated by I. Fikes, Wiesbaden, 1963.
- Ibn Arabshah, Akhmed: Tamerlaine or Timur, an Outstanding Amir. Translated by I.H.Sanders. London, 1936.
- Manz, Beatrice, 1988: Tamerlaine and Symbolism of Supreme Power. Iranian Studies

-
- Manz, 1993 : Origin and Laws of Tamerlaine. Cambridge.
- Moranville, X, 1894: Reminiscences about Tamerlaine as related by Dominicans (1403).
- Nagel, Tilman, 1993: Timur the Conqueror and the Islamic World of the Late Middle Ages, Munich.
- Panov, V.A., 1993: Timur's Biography. Tales of Genghiz-Khan and Aksak Temir.
- Radloff, Wilhelm, 1872: Examples of Folk Literature of Turkic Tribes Living in Southern Siberia and The Jungar Steppe. Part IV. Dialects of the Barabin, Tar, Tobolsk and Tyumen Tatars. St.Petersburg.
- Schmitz, Adrea, 1996: Tale of Edigey. Contents, genesis and Impact of Heroic Tradition, Wiesbaden. (Turkology, vol. 27).
- Vanzina, Jan, 1985: Oral Tradition in History. Madison, Wisconsin. Weber. Max, 1980 (1921-22): Economics and Society. Sketch of 'Understanding Sociology'. Tubingen.
- Woods, John E., 1987: Origin of Historiography of the Timirids. Journal of Oriental Studies.

DISCUSSION

A. Ziyayev, Candidate of Science (History) asked the following questions:

◆ to Prof. Tilman Nagel: How it is necessary to understand his expression about a "mysterious Tamerlaine"? Does he mean shortage of information or impossibility to understand the personality of Amir Temur?

◆ to all present: many legends have been related here about Temur's youth period. Is it better to actively use the oral legends or to make the main emphasis upon written sources? What is the about this period of life of Temur in the chronicles?

◆ to Ambassador of the F.R.G. Dr. Reinhard Bindseil: Why is it from his point of view that the ethnic affiliation of Amir Temur was not so much important?

◆ to Ambassador of Great Britain Barbara Hay: You told us that it is little known in Great Britain about Amir Temur though there are some

serious materials in the museums and libraries there. How can we change the situation?

These were the answers:

Prof. Dr. Tilman Nagel said that the mysterious character of Amir Temur for Europe of XV-XVI centuries should be explained primarily due to shortage of exact geographical data. De Mignanelli understood the mystery of Amir Timur because the latter combined both beauty and cruelty.

The written sources provide with more reliable information but studying of oral sources can show the emotional perception of a historical personality or an event by his/its contemporaries and people of the following generations. It is obvious that such two sources should supplement each other.

Prof. Dr. A. Akhmedov offered his opinion about reliability of the facts in the legends.

The legends relate only one of the possible viewpoints about an event or a personality. The Europeans learnt for the first time about Amir Temur from the translations of the works by Ibn Arabshah who was greatly under negative influence of many enemies of Amir Temur and, consequently, described the personality of Amir Temur negatively. The facts he cited from some three legends about Amir Temur's childhood and youth were not confirmed in other sources and in general seem to be dubious.

For example, it looked doubtful that Amir Temur had a real need in raids because his father was a major emir and Temur was married to a daughter of an emir at that time. Amir Temur was fighting against highway robbers on his territory. He protected his people from brigands of the Mongols. Thus, the negative attitude of Ibn Arabshah towards Amir Temur resulted from influence of the Persians. It is interesting to mention that when Ibn Arabshah did not repeat what he had heard but tried to assess Amir Temur all by himself those assessments were always unbiased and goodwill.

When assessing some events, it is preferable to proceed from the Turkic sources, for example, the "Zafar Name" because at the time of the compilation of those sources, the Turkic and Persian manuscripts were compares with evidences of the witnesses. However, the fact that there is no real description of the 12 to 22-year period of the life of Amir Temur is obviously a historical mystery.

K. Kattayev gave an opinion that they insufficiently study the official written sources of the time of Amir Temur and exceedingly go mad about the oral stories.

A. Ziyayev, Candidate of Science (History) supported Prof. Dr. A. Akhmedov in the fact that Ibn Arabshah who lived in the Arab world and in the Arab shah courts had extremely adversary attitude towards Amir Temur and got used to give a most negative assessment of the latter. It is dubious for a young robber to grow into a ruler in whose state robbery was considered to be one of the most terrible crimes. We should not trust the stories of Ibn Arabshah about highway adventures of Amir Temur in his young age or illiteracy of Amir Temur who wrote his "The regulations" all by himself.

History of Amir Temur is the one of our nation and we should not start learning the history using just legends. No need to make Amir Temur ideal but we should not make him look black at the same time. They are only the written sources which can ensure an unbiased picture.

Dr. **Andrea Schmitz** was dubious about assertion that the attitude if Ibn Arabshah towards Amir Temur was a proof of false character of the information they find in the legends. There is nothing negative about Amir Temur in the legends. The epic image of a robber in the European tradition should be considered to be romantic and bright. The main thing is not found in assertion of stealing or not stealing but in the image of an ideal ruler selected by the people. This was the way Amir Temur was taken for by his comrades-in-arms. This interpretation was not found in the official sources. Fact section could be found both in the oral sources and the written ones - it is the historical assessment of a leader which was important.

The regional Authorized Representative of the Konrad Adenauer foundation **Wolfgang Schreiber** agreed with the ideas of Dr. Andrea Schmitz. The characters of Ivanhoe, Robin Hood and other so called romantic robbers were very popular with the people in Europe. Not those historical figures who succeeded a throne but those who gained it due to their qualities and merits were of particular respect for the people. A person from the people who achieved the political tops was always idealized in the consciousness of the public.

Prof. Dr. **B. Urinboyev** asked the western researchers to provide a list of the European contemporaries of Amir Temur whose works were used in studying the life of Amir Temur. One should not proceed only from some literary works. Unbiased approach could be accomplished only when

view points of different researchers, witnesses and contemporaries were compared.

How do they identify the language of the empire of Amir Temur?

Dr. Reinhard Bindseil: Amir Temur was born and buried in this land, it is he who made this country great. His ethnic origin was a secondary factor and did not serve the main reason of his raising.

Academician Yu. Buryakov asked the following questions:

◆ to Prof. Dr. A. Akhmedov - Were there equal economic conditions in the four uluses?

◆ to Prof. Dr. Tilman Nagel - What is your personal assessment of the personality of Amir Temur?

◆ to Dr. Andrea Schmitz - there are some traditional myths when assessing historical figures in some oral sources; in some other sources we can find individual interpretation of an event. Which of them can be of a particular interest?

These were the answers:

Prof. Dr. A. Akhmedov gave a detailed description of the economic situation in every four uluses. From economic point of view the Great Ulus and the Khulagu Ulus were the most developed. The Chagatai Ulus followed after and Djochi Ulus was the poorest.

Prof. Dr. Tilman Nagel said that he considered his main task at the symposium to be to get the participants familiar with the assessment of the personality of Amir Temur found in the European sources of the Renaissance epoch. Indeed, Amir Temur was quite known in Europe after translation of the works by Ibn Arabshah from Arabic into Latin.

“My vision of the character of Amir Temur I presented in a 400-page work. It is dubious that there is anybody who is able of giving a synonymous assessment of such a historical figure as Amir Temur was in short lecture”.

Dr. Andrea Schmitz: A tradition is always found in legends because the legends do not have an author. The sources of different types make up the value. The main task of a researcher is to be able to correctly select a tradition and track its life cycle.

Dr. Dagmar Schatz asked several questions:

◆ What did Amir Timur think Europe to be like and what were his thoughts about it? Did he have only pragmatic and political objectives and aims? Was it possible for Amir Temur to conclude alliances with the European kings?

◆ What was the religion Amir Temur confessed? Did he have a meeting with B. Nakshband? In Germany there is a legend about their meeting.

◆ How one can assess the role played by Bibi-Khanum the wife of Amir Temur?

Prof. Dr. A. Akhmedov gave an answer to the first question. Amir Temur had not a simple attitude to wushds Europe. He was loyal to Christianity if the Muslims were not oppressed. Crude actions against Georgia were provoked by violence against the Muslims. Amir Temur had a good-will attitude to the Catholic kings of Europe. He invited merchants from England and France to visit his domain, he liberated the European prisoners-of-war captured by Bayazed.

The answer was supplemented by Prof. Dr.T. Nagel. The European policy of Amir Temur included even Lithuania. The position of Samarkand was very important for Europe. England and France did not attract special attention of Amir Temur, and the ambassador of Spain accepted by Amir Temur in Samarkand. Amir Temur let two Spanish girls free from Turkish imprisonment.

Amir Temur had very close contacts with sufiys; he preferred to have them in his court.

Prof. Dr. A. Akhmedov answered to the second question. Amir Temur was a Muslim. He was not a shiite, and never had a meeting with B. Nakshband, though he always sympathized with sufism and knew very well some people who were close to B. Nakshband.

Prof. Dr. Annemarie Schimmel noted that women played a significant role in the life of official Samarkand. The example of Bibi-Khanum was rather an illustrative one from this point of view.

Prof. Dr. G. Akhmedjanov marked in his brief presentation that Amir Temur was a great ancestor of the Uzbeks. The most significant moments in their history are connected with involvement of Amir Temur. His legacy helps the Uzbeks to revive their statehood. In the 150-year domination of Russia, they purposefully underrated the role played by Amir Temur and the significance of this great historical figure. He was named a destroyer and conqueror but, for example, modern historians of Iran are thankful to him for protection of some nomad tribes and preservation of integrity of their state. We should see in the character of Amir Temur the general humanist values, and use the great beginnings in order to solve some modern problem.

AMIR TEMUR AS THE FOUNDER OF A CENTRALIZED STATE

*Dr. Azamat Ziyayev, Institute of Oriental Studies of
the Academy of Science of the Republic
of Uzbekistan*

The one-hundred-and-fifty-year domination of the Genghizids did much harm to centuries-old historical and cultural traditions of the peoples of ancient Turkestan. This especially affected such an important aspect of public and political relations as the development of statehood. It is common knowledge that the independent Khorezmshakh dynasty, the last one before Genghiz Khan's invasion, had succeeded in building a powerful empire with the center in Urganch on the territory of Turkestan, Khorasan, Sistan, Zabulistan, Mekran, Iran and Azerbaijan. The empire was a centralized one and was ruled in a classical Oriental way which had formed in the course of several centuries starting with the Samanids. After the establishment of the Genghizids that system was destroyed. Since they were backward both historically and culturally, the Genghizids were not interested in the experience of statehood of the countries they conquered. Moreover, they initially tried to ignore and openly belittle it. They were mostly interested in collecting taxes and duties. To organize it, they usually appointed someone from the local elite who served them truthfully without forgetting their own interests. For instance, in Turkestan called the Chagatai ulus after one of the new 'masters' of the region, the notorious Makhmud Yalavach, and later on - his son Mas'ud-bek were appointed governors. In other words, the country was governed politically from the outside, and economically from the inside, to meet the economic interests of both the Chagataids who usually stayed either in the Ili River Basin, on the bank of the Amu River, and all representatives of the 'Great Yurt'. As a result of this the country assumed only a secondary position, or to be more exact, it became a part of a vast empire with the center in Mongolia.

Later on another sociopolitical phenomenon was observed which would become a destabilizing factor of the region's political and territorial integrity, even given preservation of the aforementioned regime. It was migration of Turkic tribes which played a major role in the country's political

life. This factor assumed primary importance when the Chagatai ulus split into two parts in the middle of the 14th century: the western part with the center in Sal-i-Saray and the eastern part with the center in Almalyk, that is the newly-formed Mogulistan.

In 759/1357-58 died Emir Kazagan whose name was associated with the transfer of powers from the khans to the emirs. We would like to remind you that Kazagan took power into his hands by defeating a Genghizid Kazan-khan (747/1346-47) in open battle. However, taking into consideration the existing situation, one of the Genghizids - Danishmandcha from the clan of Ughedei - was proclaimed the official ruler. Thus, the practice of substitute khans was introduced in the ulus by Emir Kazagan. The very fact of the transfer of real power into the hands of the emirs in the presence of an official ruler betrayed a weakening of political supremacy of the Genghizids. That was the reason of emergence of the eastern part of the Chagatai Ulus - historical Mogulistan.

The death of Emir Kazagan showed that the power of the emirs grew stronger as well as that of the governors of separate regions who were strong primarily thanks to the military and economic power of their clans and tribes. Therefore it is not surprising that they vied for supremacy between themselves, and not with the official ruling house, that is the Genghizids. However, none of them succeeded in subjugating another. Hence the result: each region was an independent political force. In this context very significant is the testimony of Nizamad Dina Shami, the author of 'Zafar-Name', the first official historical manuscript about Amir Temur. According to him, Khodjent was ruled by Bayazid jalair, Balh by Emir Husein, Shibirgan by Mukhammad-khodja apardi, Hatlan and Arkhan-Saray by Keihostrou and Ulgaitu apardi, the environs of Samarkand by Hizr Yasavuri, Kesh by Khadji barlas, and Badakhshan by local shakhs. In such a state the country could fall easy prey to any aggressor. That was the premise from which proceeded Tughlug-Temur, ruler of Mogulistan, who was enthroned by the Mogul emirs namely with the aim of retaining, at least theoretically, the power of the Genghizids in the entire Chagatai ulus. In 1360-1361 both he and his son Ilyas-khodja made a number of attempts to restore the power of the Genghizids both at home and in the west, in Mowarounnahr. However, neither they nor Emir Kazagan's descendant Emir Husein succeeded in uniting the country under his power. In the first case the reason is clear. The Genghizids represented by Tughlug Temur and his son were opposed by local emirs who joined

forces, primarily Emir Husein and Amir Temur. When Jete's forces were expelled power was practically concentrated in the hands of Emir Husein, his inability to get on with the other emirs, the desire of some regions to become independent and, what is most important, due to the presence of Amir Temur on the political arena, Emir Husein's political career was ended. It was the third reason that became the main factor in the final termination of the one-hundred-and-fifty-year domination of Mongols in Mowarounnahr, achievement of political independence by the state, its centralization, revival of the classical form of state government, flourishing of economy, science and culture, formation of a vast empire with the center in Samarkand and rapid development of international political, economic and cultural relations.

Amir Temur's outstanding personality became the center of attraction of all sections of the society. People sensed in him a leader capable of putting an end to many years of discord and chaos in the country's political life, unite it and organize major military and political undertakings outside the boundaries of the region. So, immediately after the overthrow of Emir Husein, the military-political aristocracy and higher clergy unanimously recognized his supremacy. In the course of thirty five years right up to the moment of his death Amir Temur exerted much effort to retain the country unity and strengthen its international position.

There is no doubt that as a politician he could not but consider the interests of those with whose support he came to power and with whose help he attained his paramount goal - creation of a strong centralized state. So, he began his activity by appointing loyal people to high state and military posts. He also attached special importance to strengthening local administration. Amir Temur issued a number of decrees obliging these executives to secure the safety of roads, improve cities and villages, and build rabats, khana-gahs, madrasahs and clinics. He gave seyids and sheikhs with special attention. According Hafiz-i-Abr, Amir Temur, through a system of wakf and madrasah, appointed scholarships to students and allowances (pensions) to the poor (fukaro) in accordance with everyone's position and merits. By these measures Amir Temur demonstrated to society the guidelines of his policy. His domestic policies took into account the interests of all social groups and strata. This is an important factor because prior to Amir Temur the question of society's welfare was viewed through the prism of upper classes: executives, military leaders, the head of state and his close milieu. For instance, in the

well-known manuscript by Nizam al-Mulk "Siyasat-Name" (12th century) in which he described 'good qualities without which it is impossible to be a sovereign' he practically pays no attention separately to scholars, land-owners, traders, artisans, etc. Having in mind Amir Temur's 'Law Code', prior to him there was the opinion that society's welfare depended on the activity of the ruler and officials of all ranks while people, according to Nizami al-Mulk, were to obey and engage in their routine affairs.

We are far from attributing populist qualities to Amir Temur. But remembering his 'Law Code' and historical facts collected from manuscripts we can state that the greatness of Amir Temur's political thought lies in the fact that he was one of the first to understand a natural relationship between the development of the state and progress of society, and the interests of each of its groups. He divided society into twelve categories, the principal ones being the higher Muslim clergy, military leaders, functionaries, representatives of local authorities, employees, scholars, artisans, traders and land-owners. You can see that the list includes all social groups. He strove to use the potential of each of them. In his 'Law Code' which had the force of a law he listed the rights and duties of each social group. Here we would like to draw your attention to the main point. One of the fundamental factors that strengthened the state and enhanced the role of the center was observance of the interests of all social groups. It is this policy that attracted them to the center. They saw in it a protector and guarantor of their interests. In other words, Amir Temur strengthened the center primarily by the socioeconomic factor as well as the spiritual one (as a defender of Islam and Shariat).

However, there were cases when local military and political quarters, in their own interests, sometimes manifested separatism in respect to the central government. But even in these cases Amir Temur tried to settle the issue peacefully. He acted in this way in respect to Emir Zinda Chashma, who refused to attend the first major kurultai (1370) convened by Amir Temur right after he came to power. Although he had superior military and political force, Amir Temur made several attempts to subordinate him to the center by persuasion. And only after all possibilities of a political settlement had been exhausted did he resort to military methods. Having subjugated the disobedient emir without much difficulty and having every ground to punish him strictly, Amir Temur gave him a chance. Or take another example. Khorezm had always been part of a single country. But under the Genghizids the northern part of the province was in the Juchi

ulus, while the southern one was in the Chagatai ulus. In a word, Samarkand had an indisputable right to it. Amir Temur started solving this problem by peaceful steps such as sending ambassadors and trying to persuade its ruler. He even made an attempt at strengthening relations between Khorezm and Samarkand by arranging a match between his son Jahanghir and a niece of the Khorezm ruler. But this did not work. In a nutshell, after attempting five military campaigns (1371, 1373, 1375, 1379 and 1388) he eventually succeeded in subjugating that province.

Amir Temur also did a lot to join the eastern part of Turkestan, i.e. Mogulistan. His policy towards it was determined by two factors. First, the territory lying between the Syr Darya, Sarysu and Irtysh rivers, Lake Balkhash and the southern slopes of the Central Tangrittag had historically, including the Chagataid period, been part of Turkestan. Second, starting with the middle of the 14th century, Mogulistan had posed a constant and considerable threat to Mowarounnahr, being the last political seat of the Moguls. We have already mentioned the military campaigns of Tughlug-Temur and his son Ilyas-khodja against Mowarounnahr. Since 1370 Mogulistan's military forces moved in that direction three times (1370, 1371 and 1376), and the last time Mogulistan's ruler, Emir Kama-riddin, conquered the greater part of Ferghana. Amir Temur conducted seven military campaigns against Mogulistan (1371, 1375, 1376, 1377, 1383, 1389 and 1390) before he had succeeded in Staving off the threat to Mowarounnahr from the East and bringing Mogulistan under his control. Thus, the final unification of the region became possible only twenty years after Amir Temur had come to power. Subsequently he mostly dealt with foreign political issues.

In the remaining fifteen years of his life Amir Temur transformed his state into a world empire whose territory stretched from the Mediterranean to China. Western Europe was indebted to Samarkand too. Amir Temur's victory over Bayazid (1402) did not change the essence of the relationship between the East and the West. Bayazid strove to establish his supremacy over Europe by military force while Amir Temur established diplomatic relations with European countries and, what is most important, liquidated the threat posed by the Ottoman Empire, thus winning the glory of a liberator and attracting them into the sphere of his influence and interests. In this context it is interesting to quote what Amir Temur said when receiving ambassadors of Henry III, King of Castile and Lion (1390-1407). According to a member of the delegation, Rui Gonzales de Clavi-

ho, Amir Temur said, 'Look at these ambassadors sent to me by my son, King of Spain, the first one among kings of the Franks living at the world's end. They are an outstanding nation, and I bless my son, King of Spain.' In the diplomatic language the expression 'my son' means 'subject to me'. However, in his correspondence with Sultan Bayazid (1389-1402) Amir Temur strongly objected to the use of such an address by the other party. But his own words reflected the historical reality of that time. In short, the territory from the Atlantic Ocean to the Wall of China depended on Samarkand in one way or another. If Amir Temur had successfully completed his Chinese campaign, practically the entire world or, according to Medieval authors, the civilized world would have been within Samarkand's sphere of interests and control.

How the state was governed by Amir Temur? The empire was divided into several parts. Such countries as Khorasan, Zabulsiton, Kandagar, Seistan, Iran and Azerbaijan were governed directly by representatives of Amir Temur's family - his sons and grandsons. These countries formed four uluses headed by Amir Temur's four sons and their descendants. The remaining regions (the Golden Horde, Mogulistan, North India, Asia Minor, Egypt, Syria and some others), while recognizing Samarkand's supremacy, were governed by local political forces, with Amir Temur's consent. True, in 1404 Amir Temur, when granting the right to govern the Hulagu ulus to Prince Omar, son of Miranshah (1383-1407), defined its boundaries in this way, 'All possessions of Azerbaijan with territories subordinate to it, as well as Rum as long as Istanbul, and Shan as long as Egypt.' As you see, by the end of his rule Amir Temur included Syria and Turkey in the sphere of territories governed by representatives of the ruling dynasty while Mowarounnahr, the heart of the empire, remained under the governance of the head of state himself.

Special emphasis should be laid on the activity of Central authorities. One of Amir Temur's historical merits was organization of the work of central authorities in its classical, pre-Genghizid form. It is common knowledge that starting with the period of the Samanids (892-1005) state government consisted of the legislative branch represented by the dargah and the executive branch represented by the divans (ministries). The system survived under the subsequent dynasties. The Genghizids destroyed it and restored archaic methods of government over the one and a half centuries of their rule in a country of high culture. Regardless of our assessment it cannot be denied that over one and a half centuries the

system of government based on the uluses had taken deep root in socio-political consciousness. It was under the influence of this factor that, according to historical sources of that time, Amir Temur too had claimed the throne of the Chagatai ulus. Similar statements can be found in his correspondence. In short, it was very difficult to get rid of survivals of the past. However, eventually he managed to re-create the system of the dargah and divans.

The fundamental principle of that system was the rule of law. In his 'Law Code' Amir Temur wrote that, 'I was strengthening the edifice of my power with the help of religion and codes. Every step in the government of the empire was made on the basis of the codes.' Thus, being the actual head of the dargah and the source of decrees and orders on all major issues of both internal and external policy, Amir Temur strove to strengthen the state by the rule of law. The supreme body of state power was the kurultai - a congress of noyons, emirs, princes, viziers, governors of subordinate countries and provinces. From historical sources we know about more than twenty kurultais. Both Yezdi and Shani, authors of Amir Temur's official history ('Zafar-Name') wrote about the big kurultai (kurulta-yi buzurg) and simply kurultai. An analysis of facts has shown that the big kurultai decided issues of supreme authority such as announcements of the official head of state, ways of strengthening the army, and organization of major military campaigns while the kurultai appointed the heads of the uluses, countries, provinces as well as organization of minor military campaigns, etc. The dargah convened special councils called majlis-i-hos attended by a narrow circle of officials and dignitaries. It discussed all principal matters of state importance such as management of the empire, appointments to important state posts, response to major events in the country and abroad. A secretary wrote it into a special notebook, that was kept a kind of minutes.

It is common knowledge that Amir Temur strictly followed the principle 'Rosti rusti' which means 'Strength in justice.' Therefore the dargah attached special importance to the arzbeghi service which dealt with petitions, complaints and applications of subjects. Parallel to it there was the post of the emir of justice (amir-i-adl). While the former received people in the center, the latter, through its functionaries, worked in locales exposing disputes and conflicts among the common people and soldiers. By way of this double control the dargah strove to have the most objective

information about people's lives. Upon receiving information special functionaries called amins (agents) went to the scene and investigated the crime thoroughly. If there was abuse of power on the part of local administration, compensation was paid from the local treasury. The amins reported to the dragah on their work.

Another important post in the dargah was the tavochi engaged in recruiting and stationing troops. The importance of this service is proved by the fact that, according to Sharafiddin Ali Yezdi, the tavochi was regarded as the next step in the state hierarchy after the supreme ruler himself. There is a good deal of truth in this statement since the tavochi was responsible for recruiting the required number of warriors, training them for long marches and military campaigns, securing their timely arrival at a given destination, stationing troops on the march, executing military orders, and in peace time - assigning work on major construction sites. 'Zafar-Name' contains facts revealing the mechanism for the functioning of this service. For instance, Yezdi mentions 'chief tavachiys' (tavachiyon-i buzurg). This rank was conferred on such major emirs of Amir Temur as khaji Saif ad-Din, Jahan-shah Jaku and Shams ad-Din Abbas. They had the right to collect receipts from the leaders of the tumanat (ten thousand), hazarajat (one thousand) and sadajat (one hundred) and governors of provinces about the timely provision of warriors the number and quality of whom were agreed upon between Amir Temur and the aforesaid military leaders at kurultais.

The dargah also employed the chief hajib and hajib, hazinadar, hansalar, jibachi, kushchi, ksubeghis, bakaulbashi, katib, bitkchiy, tabib musicians, reciters, farrashi and others.

Now a few words about the activities of the executive authorities, the divans.

1. The Divan (Ministry) for the Affairs of the Country and the Population. The ministry dealt with the country's everyday problems, monitored the distribution of the raised harvest in provinces, collection of taxes, accounting of incomes and expenditures, improvement of towns, the state of the treasury, etc. The head of the ministry systematically reported on the work done to the head of state himself. Comparing its activity with the relevant ministries of the pre-Genghiz time, it was similar to the functions of the chief minister and his department.

2. Ministry of Military Affairs. It was responsible for paying remuneration to the military, registering their property received as a gift for

special services, supplying of arms, preparation of military campaigns, appointment of pensions and allowances to those who became disabled in military service, and care of retired warriors.

3. Ministry of Taxation and Property. Among its functions was accounting and supervising property whose owners were unknown, collecting duties for the goods brought in and taken out, managing pastures and livestock, supervising proceeds from them and exercising inheritance rights.

4. Ministry of Finance.

5. Ministry of Justice (Devon-i-Masolim) was engaged in civil affairs in full compliance with the law. A Muslim judge (kazi) functioned independently from it while legal problems concerning the military were a responsibility of the military tribunal (kaz-yi askar). In other words, there was a division of judicial power into civilian, religious and military branches.

6.7.8. Three ministries dealt with the affairs of subjugated countries and provinces, mostly their finance, incomes and property.

In the 10th-12th cc. executive authorities also included a department for the affairs of the wakf. During Amir Temur's rule he entrusted this function to the chief sadr (sadr as-sudur). It is known that on Amir Temur's instruction a lot of institutions and buildings serving secular, religious and practical purposes were turned over to the wakf. For instance, in the steppe between populated areas langars were built on his order in which anyone could find shelter and food any time of the year, day or night. These institutions were 'on the balance' of the nearest villages. And that was the case throughout the empire. In our opinion, there was a special service for managing and supervising this system, similar to the ministry for the affairs of wakf that had previously existed. Unfortunately, we have so far failed to find the name of the department in history books. Quite possibly, it was turned over to local administrations. As for traditional wakf affairs connected with turning over all kinds of property to religious and charity institutions, it was the responsibility of sadr as-sudur. According to contemporaries, Amur Temur instructed his ministers (wuzara) not to take even the smallest amount of money from the incomes of the wakf into the treasury.

At that time the central authorities built a diversified network of trade and postal roads throughout the empire. According to Hafiz-i-Abr, no one moving from Samarkand in any direction for as long as two months was

left without shelter, because rabats were built every where on Temur's instructions capable of receiving and providing meals to one thousand people simultaneously. Rui Gonzales de Claviho wrote about it in his reminiscences. There must have been some kind of a ministry to manage this system as well. In its essence and purpose it must be similar to the Ministry of Information and Postal Service that existed in the 9th-12th cc.

In the 10th-13th cc. the executive authorities included a department of correspondence and external affairs. According to Rui Gonzales de Claviho, delegations which came to the country were accompanied by 'knights and the main royal door-keeper' called the chief hajib. Both Hafiz-i Abr and Yezdi mention the dargah's hajibs. Evidently, in Temur's time foreign affairs were in the domain of the dargah.

So, we have discussed in general the structure of the central state bodies. It is absolutely clear that it was a well-organized system regulating political, economic, public and legal relations in the empire. They discharged their functions on the basis of laws called 'codes', rules of the shariat and Islamic laws. A special place among them belonged to Temur's 'Law Code' containing laws for managing the state and the people. It contains valuable information on the quality of work of that system, for instance, about the requirements to viziers - heads of ministries, taxation policies, responsibilities of central and local government agencies in matters of improvement of populated areas, property rights, military construction, the work of supervising agencies, the rights and duties of the members of the ruling dynasty, the position of the clergy, scholars, artisans and land-owners, the responsibilities of management bodies before their subjects, etc. Having all these legal norms at their disposal, the authorities tried to observe them strictly. If Amir Temur learned any facts of abuse of power, punishment - often very strict - followed immediately. In this context very interesting is the testimony of Rui Gonzales de Claviho who wrote that on returning from another military campaign (the seven-year campaign of 1399-1404, according to Sharafiddin Ali Yezdi) Amir Temur learned about abuse of power by the chief minister of the 'entire Samarkand empire'. He immediately ordered that the minister be hanged and made short work of those who intervened for him. He also punished a number of artisans and merchants who sold their goods at too high prices all those year. Since time immemorial there has existed regulation of prices for essentials such as bread, meat, clothes, etc. It was forbidden to sell these goods above the set prices. In a word, according to Rui

Gonzales de Claviho, 'Laws were observed in Samarkand, and no one dared offend another person or commit an act of violence without the order of the señor (i.e. Amir Temur - A.Z.)' Laws were observed not only in Mowarounnahr but also, as far as possible, throughout the empire. To this effect Amir Temur had a special provision which said, 'Protect people of /subjugated/ countries against dangerous events, murder, violence and seizure. Protect their property against plunder.'

However, the system worked smoothly only under Amir Temur's personal guidance. In other words, he was a guarantor of law and order, and stability of centripetal forces. While he was alive, the system was functioning smoothly. When he died, discord developed among his descendants. While the main issue of socioeconomic and legal stability - the issue of power - remained undecided, the system as well as the empire created by Amir Temur began to collapse. However, the activity of the Temurids continued for another hundred years, although on a smaller scale. They mostly used the foundation built by their outstanding predecessor. But as soon as two new, young dynasties full of energy - those of Mukhammad Sahbaht (Sheibani-khan) in the north and Ismail sefevi in the west - emerged on the political arena, it signaled the end of the dynasty of the Temurids both in Turan and Iran. Characteristically, a representative of the dynasty Zahir ad-Din Mukhammad Babur (1483-1530) who moved to North India and his descendants, especially Akbar (1556-1605), acted as unifiers of other states in that area.

In the context of what has been said before, I would like to make the following conclusions:

1. By securing his country's independence in 1370, Amir Temur laid the first major stone in the foundation of the future centralized state.

2. Unification of principal political forces around Amir Temur and an adequate attitude towards him on their part made it possible to raise the authority of the center in the localities.

3. By displaying concern, from the very first days of his rule, for the vital problems of public life that had accumulated in the course of centuries such as personal and public security, country's improvement, support of science and culture, economy and trade, free development of local centuries-old historical and cultural traditions, Amir Temur attracted practically all social groups to him and the state administration he headed.

4. Amir Temur had consistently, and when the situation required, cruelly dealt with any centrifugal forces.

5. In establishing his worldwide empire he primarily resorted to political and diplomatic measures, and made clever use of kindred ties in strengthening inter-dynasty and inter-state relations. He left in peace those who did not oppose his supremacy turning them into his supporters. And he subjugated those who acted contrary to his plans by military force.

6. He strove to establish the rule of law throughout his state relying on his Law Code, provisions of the shariat and canons of Islamic legality as well as potential on his personal authority.

7. It was with great respect that he treated scholars, cultural and religious figures understanding very well their role and place in strengthening the state and developing society. Numerous cultural and religious facilities (madrasahs, mosques, khana-gahs and tombs) were built in the empire, especially in Turan and Iran, thanks to the efforts of Amir Temur himself and his relatives and officials. The libraries of the Temurids were widely known. Thanks to the patronage of Amir Temur and his descendants and milieu many sciences and arts such as astronomy, mathematics, geometry, medicine, architecture, chemistry, historiography, literature, calligraphy, painting, etc. were revived. In short, it was a 'golden age' in the cultural development of the region.

8. Amir Temur encouraged trade and economic relations providing them with a political and legal base. He made trade routes secure, built on them rabats and langars, and provided new possibilities for trade both in the East and the West. He also secured an intensive and fruitful functioning of the trading route known as the Silk Road.

9. He was a protector of Islam professed by practically the entire population of the countries which joined the empire in different periods of time. He also displayed concern for the safety of pilgrims.

10. He always maintained the military strength of the state at a high level. Being one of the strongest in the world, his army was a guarantee of the domestic and foreign policies pursued by Amir Temur.

11. He was well versed in international affairs, history and culture as well as the current situation in those countries for which he had plans.

12. To implement everything he planned in the political, social, economic and cultural spheres as well as foreign policies he built an effective and for his time progressive system of state administration, the system of the dargah (legislative power) and the divans (executive power). The system, being a classical form of state administration which did a lot to promote political, economic and cultural relations in the 10th-12th cc., was revived in Amir Temur's time. Acting on the basis of laws and attaining the

objectives set before it, the system became one of the most effective factors in centralizing and strengthening the state.

13. Being an outstanding personality, Amir Temur possessed the qualities of a politician, diplomat, military leader, psychologist and patron of the arts. There is no doubt that he was one of the most outstanding people in the history of world civilization.

In our opinion, these are factors which made possible the creation of a centralized, powerful and highly developed state on the territory of ancient Turkestan.

**“MAGNANIMITY AND AUSTERITY” - LAW AND ORDER
MENTALITY IN THE EPOCH OF AMIR TEMUR:
CAN IT BE A PERSPECTIVE FOUNDATION
OF MODERN STATE**

Alisher Mardiev, Khokim of Samarkand Province

First of all, allow me, on behalf of the Khokimiat of the Samarkand Region, to greet the participants in this International Symposium and wish fruitful work to all our guests.

Today when the people of Uzbekistan are preparing to celebrate the 660th anniversary of the birth of Amir Temur, an outstanding military leader and prominent politician, the public all over the world is displaying a growing interest in his personality and merits in developing statehood.

As you probably know, the President of Uzbekistan has by decree declared the year of 1996 the year of Amir Temur. The Government of Uzbekistan approved a comprehensive program providing for anniversary festivities throughout the country. This International symposium is one of the undertakings dedicated to the jubilee.

Just a short while ago we celebrated a remarkable date in the life of our Republic, the fifth anniversary of its state sovereignty.

It is common knowledge that the people of Uzbekistan have strove to be free and independent since ancient times. Continuing the centuries-old traditions of our predecessors, we are building our national statehood under new conditions on the basis of peace, unity and accord among nations.

It is independence, along with other achievements in sociopolitical and economic areas, that has paved the way for reviving national spirituality. Independence has allowed the revival of wonderful national traditions and enabled us to refer to the rich cultural and historical legacy of our great predecessors who have contributed greatly to world civilization. The nation is reviving the memory of its outstanding sons, one of whom is Sohibkiran Amir Temur.

Six centuries divide us from the time of Amir Temur. But it is very close to us because culture, philosophy and legal thinking of that historical period were a major phase in our spiritual history that determined the mentality of our nation.

On the eve of the great anniversary we time and again resort to Amir Temur's rich legacy studying his experience of state construction and the moral and legal norms of governing a great power. By studying historical experience one can find an answer to the question: can the formula of Amir Temur's legal thinking - 'Magnanimity and Austerity' - provide a foundation for the future development of a modern state?

The very fact of raising and discussing this question testifies to changes in the country's political life - the way of thinking and world outlook of our citizens as well as development of their political and public consciousness. Today we are not what we used to be five years ago. Looking from the present day into depth of the past centuries we can see epoch-making relations and the development of legal thinking as a result of a natural historical process. Nothing is born out of nothing. Consequently, Amir Temur's outstanding contribution to the development of statehood and its legal foundations can and must be an important part of the development of a modern state in future.

By reviving the wealth of national culture we combine it with the achievements of the world civilization as well as human democratic thought. There is only one clear-cut criterion to it - we are selecting everything most valuable accumulated in the course of centuries and conforming to the universally recognized legal standards - the general Declaration of Human Rights, the Final Act of the Helsinki Conference on Security and Cooperation and other important acts Uzbekistan have joined since independence. This has permitted us to join the international community and build our relationship with all states on an equitable basis which has been reiterated by our respected President Islom Karimov.

Our young and independent country has strong historical roots. This has made it possible for us to give up ready-made schemes and standards in

forming our national statehood and choosing our own way relying on the experience of other nations and deep-rooted traditions of our predecessors.

'The state we are building,' said our President Islom Karimov at the 1st session of the Oliy Majlis, 'must be founded on the mentality of our nation characterized by high spirituality, striving for enlightenment and justice. These features have largely been formed under the influence of Oriental philosophy, the philosophy of enlightened Islam, in the development of which Uzbek people have contributed a share recognized by all.' Suffice it to say such names as Imam al-Bukhari, Imam at-Termezi, Akhmad Yassavi, Bahouddin Nakshband, Ulugh Beg, Alisher Navoi and Bobur.

Among the historical values we should rely on in establishing our national statehood special place belongs to the experience of Amir Temur in building and governing the state. The rules of governing a state he developed have in many respects retained their importance to this day.

Here arises a natural question: how could Amir Temur so deftly govern a vast empire which included 27 countries and stretched from the Volga to the Ganges River? What principles and rules did he follow?

Undoubtedly, Amir Temur was the son of his time characterized by the struggle for power, wars, social differences, etc. In reply to the challenge of the time, Amir Temur followed the following twelve principles:

1. Supporting Islam at all times and in all places.
2. Using the advice and exploits of people dedicated to him.
3. Seeking the counsel of wise people and being far-sighted and watchful.
4. Maintaining order and observing law.
5. Inspiring his subjects.
6. Observing justice in everything.
7. Respecting descendants of the Prophet, scholars, theologians, philosophers and historians.
8. Being persistent in everything.
9. Knowing how people live.
10. Doing good to kind people while leaving the evil ones alone.
11. Being charitable and merciful.
12. Respecting warriors.

It was strict observance of these principles that made Amir Temur an outstanding military leader and a powerful Sohibkiran.

Most of these rules were included in Temur's 'Law Code'. It is not only an important historical document but also a valuable legal source. Here is how a prominent scholar Langlais described the importance of that historical document, "Along with the empire, Temur handed over to his descendant a gift even more precious - the art of preserving it."

Amir Temur's 'Law Code' is permeated with the ideas of legality and justice, generosity, strictness and discipline that constituted principal components of legal thinking of that time and the ideological foundation of his empire.'

Legality was the cornerstone of Amir Temur's power. Observance and respect of law was the main motto, the basis of practical activity of the great ruler. Amir Temur said, 'Experience prompts that a power not leaning on religion and laws will not retain its position and strength for a long time. It is like a naked person who forces all those who encounter him to lower their eyes in disgust.

'It can also be compared to a house which has no roof, no doors or fence and can be entered by most despicable persons.

'This is why I founded the building of my greatness on Islam adding to it the rules and laws I strictly observe to continue my rule.'

Amir Temur placed legality and justice on equal terms. According to scholars who studied the Temurid time, for instance, a Hungarian scholar G. Vamberi, he demanded that his functionaries be just in all affairs and merciful to people. Historian Ibn Arabshah writes that Amir Temur could not tolerate falsehood and always wanted to know the truth no matter how bitter it was. Sohikbiran demanded that the governors of the territories he conquered be just as good. His 'Law Code' reads, 'In the state subordinate to my power I respected those who deserved it. I treated with respect the Prophet's descendants, teachers of the law, scholars and old people, I gave them allowances and pensions, the dignitaries of those countries were like brothers to me, and orphans and poor people were like my children... Kind people, no matter of what nationality, I treated with kindness, but evil people and traitors were expelled from my state. The gates of justice were open in all the countries subordinate to me while I took care that all roads to pillage and plunder be closed.'

We can see an inseparable connection and continuity of historical principles of state government between Amir Temur's words and Article 15 of the Law on the Foundations of State Independence of the Republic of Uzbekistan reading, 'All citizens of the Republic of Uzbekistan regardless

of their nationality, ethnic group, social status, religion and convictions enjoy equal civil rights and are protected by the Constitution of the Republic and its laws.'

In his practice as a ruler Amir Temur was guided by generosity and mercy, but at the same time strictly punished robbers and expelled from his domain rebels and traitors while ordering that everyone else be provided with jobs.

The Criminal Code of the Republic of Uzbekistan defines the same deeds as crimes dangerous to society and state and provides serious punishment for them because in a society where crime is not cut short it is impossible to build a just and democratic rule of law.

According to the rules established during Amir Temur's rule, judges were strictly forbidden to award punishment to people proceeding from alleged accusations and slander told by suspicious and unreliable people. The same requirements exist today. The Law of the Republic of Uzbekistan on Courts prescribes that judges administer justice on the basis of strict observance of the law.

It is worth mentioning that Amir Temur, on receiving a letter from his spiritual adviser (pir), issued laws and decrees for the civilian rule of his state promoting its power. One of the decrees says, 'It is an open face, mercy and kindness that brought me people's love... As soon as I learned of any case of oppression or cruelty on the part of a ruler towards a soldier or a civilian he made the culprit experience the strictness of justice.'

Sohibkiran Amir Temur ordered that the following wise words be inscribed in letters of gold, 'Where reigns the law there is liberty.' The ideas of legality and justice, generosity and humanness permeate the entire legislative system in our state. The Republic's Constitution, from its first to its last article, is based on the ideas of justice and strictness.

Today it can be said without any doubts that our Constitution which has absorbed Amir Temur's principles of governing the state secures the priority of universal human ideals and values such as peace, liberty, fraternity and friendship among nations.

We remember the words of Amir Temur's will to his children, «... may justice and good deeds be the guiding stars in your life». It is these behest of Sohobkiran that are reflected in the Fundamental Law of our Republic. The Constitution of Uzbekistan is a manifestation of justice, truthfulness, faith, nobleness, kindness, generosity and courage characteristic of our nation going back to the time of Amir Temur.

In this context it would be appropriate to quote President I. Karimov, 'We are building not simply a democratic society but a just democratic society. Striving towards justice is another characteristic feature of the mentality of our nation. The idea of justice runs through the norms of the shariat and provisions that determined the state structure and requirements of officials in the past. We cannot build a democratic and strong state today without taking into account these peculiarities.'

In governing the state, Amir Temur attached great importance to strict discipline and strove to achieve unconditional execution of all his instructions and prescriptions. He defined the area of state government and the rights and duties of all his viziers and other officials, and demanded strict observance of these norms. The ruler demanded from a vizier, first, to have a noble thought and sublime of soul, second, a keen and penetrating mind, and third, experience and the ability to get along with soldiers and citizens, and finally, tolerance and reconciliation. It is only to such people that Amir Temur thought is possible to entrust the reigns of government of the army and the people.

This delimitation of power is reflected in the Constitution of Uzbekistan. Its Article 11 reads, 'The system of state authority in the Republic of Uzbekistan is based on the principle of delimitation of powers into legislative, executive and judicial ones.'

The legislative powers are executed by the Oliy Majlis, the Parliament, while executive powers belong to the President and the Cabinet of Ministers of the Republic of Uzbekistan.

Judicial powers are exercised solely through the Constitutional Court, the Supreme Court and the Higher Economic Court forming a single judicial system of the Republic of Uzbekistan.

In Amir Temur's time there were governors of provinces vested with certain powers. The Constitution of Uzbekistan pays special attention to local authorities headed by the khokims - heads of territorial administrations having relevant rights and powers.

In 23 administrative units (towns and districts) of Samarkand Region there are 23 khokims. Their powers are defined by the Constitution and the Law of the Republic of Uzbekistan on Local Authorities.

Villages, settlements and kishlaks also have local self-government bodies - people's assemblies and their chairmen. There are 137 of them in the province, and their functioning is regulated by the Law on Local Self Governing Bodies.

Local authorities do a lot to improve the socioeconomic development of their respective territories and secure protection of people's constitutional rights and liberties.

Both at present and in future it is highly important to strictly define the scope of powers of each state body or official. In this context of special importance are the President's instructions on the development of a system of laws providing a legislative framework for the functioning of state agencies at all levels. The system is to secure a transparent regulation of the functions and powers of both central and local authorities and their coordinated work.

One of the fundamental principles of Amir Temur's government was consideration for public opinion. Before deciding serious political issues he convened councils and kurultais to which he invited authoritative people and listened to their advice. He wrote in his 'Law Code', 'A monarch must ignore no one's advice, those of them he accepts shall remain in his heart forever in order to use them in the event of a necessity.' Advice was important for Amir Temur for making decisions in the implementation of which he was unswerving in the belief that execution of instructions and bans required firmness.

At present these ideas are reflected in laws, for instance, the Law on the Referendums which gives people broad possibilities for expressing their opinion of governing the state and society. A few days ago was published a draft law of the Republic of Uzbekistan on political parties, and a nationwide discussion of the draft begins.

It is noteworthy that, in accordance with historical traditions and national mentality, importance of the mahallia (residential neighborhoods) as a body of local self-government and an instrument for fostering good-neighborliness, respect and humanism in relations among people has lately been restored. Mahalya committees assumed a major role in protecting social interests and assisting the poorer groups of the population.

We should realize that a state cannot automatically borrow democracy from another state the way it exists there. Each person and each society live their own lives. Of course, democracy has general principles and values but at the same time each nation should proceed from its national character and traditions. In European and American countries such a unique collective mechanism for securing civil rights as the Uzbek mahallia, is either absent or weakened. Apart from rendering the necessary assistance to its members, the mahallia maintains national traditions and

sees to it that the rights and dignity of a human being and a family are not infringed upon. This is why our state helps the mahallya in every possible way.

Speaking of sources of our national statehood dating back to Amir Temur's time one cannot but mention religion. The first out of the twelve rules Amir Temur was guided by was concern for the dissemination of the laws of the Prophet Mukhammad. 'If we want to build a just state and a free society we should remember that the ways of attaining this noble goal coincide with millennium-old convictions that a just state and religion have common roots', these words pronounced by President Islam Karimov are consonant with the ideas of Amir Temur.

With the aim of establishing lofty spiritual values in society and bringing up the younger generation in the spirit of respect for the rich cultural legacy left to us by our predecessors and love for our Motherland, on September 9 the President issued a Decree on improving and intensifying the activity of the public center 'Ma'naviyat va ma'firat' ('Spirituality and Enlightenment'). The first article of the document says, 'Spiritual and educational forms shall be considered priority areas in state policies.'

I would like to conclude my speech by quoting Amir Temur's 'Law Code', 'If you strive for the truth you will achieve it. Strength is in justice. My generosity has secured me a place in people's hearts, and justice governed my decisions.'

In his 'Will to Descendants' the outstanding ruler said, 'Remember everything I told you about the peace of nations, always inquire about the position of your subjects, be firm and courageous. I have cleared my land of enemies and violators of public order, I made them flourishing with justice and good deeds. If you follow my will and make justice and mercy your rule, the kingdom and the crown will remain in your hands for years to come.'

Thus, indissoluble are the bonds of time, and Amir Temur's golden legacy, his behest and admonitions about generosity and strictness provide an important long-term foundation for the development of statehood and politics. We want this legacy to take a worthy place in the treasure house of human wisdom.

LAW AND LEGAL TRADITIONS IN ANCIENT GREECE

Prof. Dr. Pierre Chuvin, Ph.D., Director of the French Institute of Central Asian Studies

Mr. Wolfgang Shreiber undoubtedly ran a risk when he turned to a Hellenist with a proposal to contribute his share to a symposium dedicated to such an outstanding historical personality as Amir Temur. I warned him about it. There seems to be no connection between the self-governed cities of Greece who proved incapable even of joining their efforts in either creating a unified strong state on their territory or at least forming an alliance, and the powerful unifier of Mowarounnahr.

Yet, there is one, and may be even two connections. On the one hand, an analogy is drawn between undoubtedly settled communities, although surrounded by nomadic groups, be it in the Balkan mountains or in the Central Asian deserts, and between communities dominated by three occupations: agriculture, the military and trade. And on the other hand, Greece influenced political reforms in the Arab and Persian world through translations of the philosophical works by Aristotle which served as a model for the constitutions of Greece city-states.

I will not touch today upon the second subject which is rather complicated and requires much effort to prove it. I would only like to show the problems of political life in ancient Greece which, I think, have analogies in Mowarounnahr of the 15th and subsequent centuries. So, it is on this issue that I will dwell. Greek state structures as well as instruments of their functioning, were emerging empirically. They were the result of a wise adaptability to the changing situation, not envisaged by theory, of a nation that gave birth to Plato, one of the most outstanding political theoreticians.

Here is another remark. In our opinion, the opposite worlds of Amir Temur and ancient Greece have the following common point. Both had rather slow means of communication. So, information arrived somewhat late in the day. This restricted absolutism, strengthened micro-autonomy, and often curbed arbitrariness (as was the case with Mitilen at the beginning of the Peloponnesian War). A primary concern of such a strong ruler as Amir Temur was the establishment of as perfect a communication system as possible. Today the speed of transmission and implementation

of laws deprives us of the right to make a mistake. However, people still continue to abuse them and act on impulse as they used to in the past. Delays in receiving information and limited potentials of communication made people capable of foreseeing future changes. And at this time of instant communication opposition to power is more real than in those backward times.

Now let us dwell on some characteristic features of Greek democracy.

1. Citizenship and religious division. In Greece, like in most ancient systems, an individual occupied a place in society in accordance with his participation in religious rites at different levels. Initially everything was based on clan cults. In ancient times a family was something stronger than a state. For instance, in Athens there was no justice as such. It was initially administered as a form of punishment inside a family. If there was a murder, the murderer could prove his right to it on the grounds that he was the victim's relative. Of course, the notion of a family included a wide range of relatives. When a baby was born, it was brought to the hearth of the house thus symbolizing continuation and renewal of life-giving energy. As it grew it became part of a wider community or its neighborhood or settlement and, finally, of the clan community.

The process became more complicated with time. In confirmation of legality of the birth of a child, and then of a teenager, he was presented by the elders and permitted to participate in religious rites. What did they consist of? The main act was the sacrifice, the ritual killing of an animal, and its subsequent consumption. Members of a community participated in its religious rites. Naturally, they all had to follow a certain code of behavior and have good manners. The youngest members served at the table, and there were musicians, singers and dancers entertaining the gathering. Finally, the art of conversation was practiced.

Within that circle everything was decided through consensus in accordance with general opinion expressed in the course of a conversation in which supremacy belonged to the elders.

2. Citizenship and land law. The Earth was the main deity to pagan Greeks. It was the greatest honor to an individual to be the son of the Earth. Land was a means of survival to a human being, hence the importance attached to land ownership as the basis of civil law. In Greece, like everywhere else, its value was incomparable to anything else. It was not a human being that owned land, it was land that owned a human being through its divine essence. However, in Greek settlements land was pri-

vate property which was entirely different from the three types of land ownership known in Central Asia: at first, Islamic law, then a system of mirs - rural communities) during Russian colonization, and finally, Soviet collectivization. The Greek system was an antipode of collectivization. In a society protecting small owners, everyone was responsible for its activity. The reforms of Solon in Athens in the 6th century made this provision final and indisputable. Exemption of small holders from taxation which gradually made them dependent on big land owners permitted, in the course of about two centuries, the emerging of a class of medium-sized land owners possessing sufficient means for farming independently.

3. Consultative bodies and democracy. What we call Greek democracy was unknown in most Greek settlements. It was a privilege of Athens and major cities. Besides that, the aristocracy retained its power despite the growing influence of the military and traders only thanks to the fact that it owned large estates. And where democracy existed it was simultaneously selective and direct, embracing only an insignificant part of the population, and was exercised without the transfer of powers. Settlers from other lands (meteks) were not let in, as well as slaves whose toil permitted other citizens to dedicate themselves to the noble cause of serving society. Labor activity in ancient Greece was divided into noble, intellectual and physical occupations as well as those in which people engaged in hours of leisure at schools (hence the modern notion of a school) and which included military service and music. An intermediate level included occupations requiring high moral qualities, agriculture and those that required staunchness, patience, observation and military training. These were followed by honorable professions such as some crafts and fishery. Greek democracy signified a vast choice of idle occupations plus the rule of the aristocracy.

If democracy is not a result of people's choice it is usually substituted with consultative bodies of which two alternatives are the most widespread ones. A broader one is a People's Assembly, and a narrow one is a Council with a number of functions. They can either have unlimited powers or discharge the functions of registration chambers, and the harmful nature of both extremities is obvious. In any case they presupposed a dialogue with either elected or co-opted magistrates. The magistrates often played the role we now give to functionaries or technical specialists (financial control and army supervision).

The third type of rule - the monarchy - was undoubtedly most widespread in Greek history thanks to the Hellenic Kingdom whose example later inspired Roman imperial authority. Theoretically the king had absolute powers. He surrounded himself with a group of, say, friends on whom he conferred political titles and who were supposed to inform him and give advice to him. That was the only counterpoise that restricted his power.

4. Public nature of the law, equality before law (isonomy) and hegemony of the aristocracy. Beginning with the 6th century the law in Athens becomes state law. It was exercised by elders not in the form of unwritten laws or divine inspiration but was systematized and publicized throughout the ancient world. The public spread of legal norms was indisputable. This conclusion stems from the splendid stone-hewn legends which give us valuable material for studying the inner life of ancient cities. The public nature of the law was determined by the main principle - isonomy: all are equal before the law. It is not democracy yet: not everyone has an equal opportunity of participating in state government and decision-making. Yet it was there, in the Athens of the 5th century that the first notion of it was developed although orators and magistrates all came from the aristocracy. Those aristocrats lacked the courage to accept democracy, it contradicted the customary way of life of that numerous class.

5. Family unions and community of territorial interests. To aristocrats was natural what is called the 'clientele'. People who depended on them in order to survive had to conform to certain requirements. Pursuing political purposes, they widely practiced matrimonial unions often marrying their children off to those living in different cities rejecting representatives of other clans. The aristocracy of Athens tried to make such means of strengthening their clan power detrimental to state power look noble. On the one hand, obstacles to marrying out sharply restricted civil rights, and on the other hand, an administrative and selective split up was taking place which damaged territorial interests considerably. That was why family communities (which played the role of limiting factors of electivity) again began to be formed by the end of the 6th century B.C. They consisted of three trities geographically independent of each other. At that time there existed three types of the population on the territory of Athens: residents of the littoral area, urban residents and those who lived in inland areas. Each family community included representatives of the three groups which prevented, or at least considerably impeded regional unifi-

cation. And this meant an increasing influence of the capital - those who made decisions detrimental to the rural population.

6. The inadequacy of the notions of 'slavery' and the 'feudal system'. Although slavery facilitated the life of Athenian citizens of the 5th and 6th centuries it does not mean that it played a considerable role in the development of ancient societies. There were also other forms of servitude which did not exclude free labor at all. On the other hand it was significant that slavery was far from disappearing after the decline of the ancient world. It was not abolished either by the arrival of the new era, or Christianity, or a change of economic systems. It is customary to describe ancient societies actually based on slavery as 'feudal'. Maybe we should give these notions their initial meaning. Neither Islamic nor ancient societies could be feudal, this notion can only be applied to Christian Europe, predominantly rural, simultaneously hierarchic and decentralized. One should remember this when revealing ties between clan structures and the formation of a state which simultaneously developed and controlled it. It is in this context that we can possibly compare ancient Greece and Mowarounnahr of the 6th century.

DEVELOPMENT OF A LAW AND ORDER STATE IN WESTERN EUROPE

*Prof. Dr. Alain Peloux, Acting Charge d' Affaires of the French
Embassy to Uzbekistan*

The title of this report 'The Emergence of the Rule of Law in Medieval Western Christian Civilization' may seem paradoxical when it is well known that the notion of such a state emerged after the American and French Declarations of Human Rights, that is at the end of the 18th century.

But this notion is not true to life, firstly, because back in the 17th century the 1689 English Declaration of Human Rights ascertained the principle of division of powers into the legislative and executive branches, even if its content did not have the universal meaning of the French Declaration of the Rights of Man and Citizen, and secondly, because in Western Europe powerful counterbalances were created back in the Middle Ages restricting the power of the government and establishing a system of personal and property rights of subjects the royal power had to reckon with.

It is this point that I will try to prove how the church, civilian society and respect for legal norms limited royal power in Middle Ages.

1. Limitation of royal powers by the Church.

Christianity played a decisive role in this by developing the notions of natural, inalienable human rights and the division of celestial and earthly powers.

A. Christian humanism

1) The Christian tradition is characterized by attaching primary importance to human dignity. A human being possesses this quality per force of his birth into this world, and per force of his limited earthly existence because he was created by God in his own image, and his spirit will live forever exceeding his early boundaries.

Since all people are born and end their earthly existence in a similar way, they all equally possess dignity.

In his Epistle to the Galatians Saint Paul says, 'There is neither a Greek nor a Jew, nor a slave, nor a free man.'

Of course, this great universal principle of equality of all people was often disproved by real life, nevertheless, it permeated the minds of people who professed Christian religion which produced this principle, and took deep root in it.

2) Human dignity presupposes the availability of both moral principles and a feeling of responsibility, and inalienable rights.

The notion of inalienable human rights emerged earlier than Christianity. The idea of an unwritten but undeniable law which Heraclitus and Sophocles with his undying Antigone placed above civil law, was brilliantly developed by the Fathers of the Church, for instance, St. Augustin, and then by St. Thomas Aquinas in the 13th century.

Formulating his theory of inherent human rights, St. Thomas Aquinas synthesized elements he had taken from both Roman lawyers and the Christian doctrine. St. Thomas Aquinas maintained that there is a right which existed back before the establishment of the civil society and the state: it is a code of eternal, unchangeable and universal rules which reason can understand when studying the nature of the human being the way it was created by God.

Inherent rights acknowledge the personal freedom of a human being enjoying inalienable and sovereign rights not subordinated to political authority.

The rules prescribed by state authority and forming applicable legislation are binding if they conform to inherent rights, and they lose their binding force if they contradict the latter.

That theory developed later by Spanish lawyers Suarez and Vitoria, and in the next century in a form free from the influence of the Church by Grotius in his books 'De Jure Belli ac Pacis' and Pufendorf in his 'Droit de la Nature et des gens' (The Rights of Nature and People) paved the ground for American and French declarations of human rights written in the second half of the 18th century and reflecting the system of values advocated by the Christian doctrine.

B) The difference between secular and religious authorities

The difference between these two authorities stems from the well-known Evangelic phrase, 'Divine to God and royal to lord.'

Thus, there are two powers that have the right to govern a human being - the celestial (religious) power and the earthly (secular) power.

1) At the time of the late Roman empire the emperor's power as compared to the power of the Pope was so strong that the Church could not control him, and it was even impossible to draw a boundary between the religious and the secular powers. The Church was one of state institutions of the Roman Empire and was under its protection.

The emperor had the right to convene church councils and intervene in religious affairs.

The tradition of subordination of the Church to the State survived in the East Roman Empire later called the Byzantine Empire, and then spread across the empire that formed around Moscow, the Third Rome.

2) In Western Europe the situation developed in such a way that the Church managed to impose duality of power stemming from the Holy Scripture.

With the collapse of the Roman empire in the West and the formation of German states the Church becomes relatively stronger.

Apart from religious authority the Church enjoys great influence due to possession of large landed estates as well as its intellectual prestige thanks to the fact that the greatest number of educated people was among the clergy.

In the year 800 when the Pope Leo 3rd declared Karl the Great emperor, the Western Christian world became re-united, which again resulted in the duality of power: religious powerheaded by the Pope and secular headed by the emperor at the top level, and by bishops on the one hand and counts on the other hand at regional level, or by missi dominici which

usually included one representative of the Church and one representative of the secular authorities.

The fact that power belongs to two parties does not signify its steady balance. At the time of Karl the Great the balance was tipped towards the emperor because it was he who issued church edicts, participated in reforming the clergy, convened church synods, intervened in theological disputes, approved the election of bishops and sometimes appointed them.

3) On the contrary, beginning with the middle of the 11th century with the introduction of the Gregorian calendar prepared by the Cluny Abbey established in 910 and later on, in the 12th century, after the 1122 Worms Concordat which put an end to the struggle for the investiture that ended in the Pope's victory over the emperor, the balance tipped in favor of the Church which succeeded in getting rid of its subordination to secular authority.

But already in the 11th century the Pope strove to rule the entire Christian world.

The seizure of Baghdad by the Seljuk Turks in 1055 threatened pilgrimages to the Holy Land, and their victory over the Byzantines at Manzikert in 1071 caused serious anxiety in the Christian world. In 1095 Pope Urban II undertook the first crusade which he led despite the fact that in accordance with the tradition established by the Carolingians it was the emperor who was to defend the Church against the enemies of faith.

At different times the balance between religious and secular authorities tipped now in favor of the Church, then in favor of the king, but the striving of any power to autocracy clashed against the fact of existence of a rival power.

Thus, the Church limited the power of the state in two ways, by acting as a counterpoise restricting the scope of powers of the state, and by ascertaining inalienable human rights inherent in people since the establishment of civil society.

It follows from this principle that as soon as the secular authority tries to interfere in the scope of powers of the Church or infringes on the rights of its subjects they are relieved of obedience to this authority.

2. The limitation of royal powers by civil society

A) Relations between feudals and their subjects in the context of mutual obligations

1) The disintegration of the empire of Karl the Great into numerous kingdoms and primarily the Verdin division into three kingdoms that took place in 843 and became final after a brief reunification under Karl the Fat between 884 and 888, the subsequent disintegration of these kingdoms into small principalities and, finally, the division of the latter into estates resulted in the dispersion of royal powers.

Those who already had landed rights did not fail to use them and also appropriated the right of command called the ban.

Royal rights were often granted by sovereigns to individuals in the form of certificates of immunity, but due to the omission of the authorities these certificates were often stolen or appropriated by someone else.

The ban gave the right of military command securing protection against outside enemies, judicial power called upon to maintain peace inside the estate, and the collection of taxes necessary for meeting the requirements of the seignior.

2) The dangerous collapse of the state did not lead to opposition between the seigniors thanks to the established hierarchy of vassals and suzerains because the latter, in their turn, were the vassals of even more influential seigniors, and so this pyramid went on right up to the king.

However, the seignior had no direct authority over the subjects of his vassals. As Guiyom Duran, Bishop of Menda, said, 'Homo vassalis mei, non est homo meus.'

The vassal relationship was based on trust and backed by the oath of allegiance sworn by a vassal on his Bible.

With the revival of Roman law mutual trust and obligations receded into the background and were substituted by agreement between the parties and the obligations stemming from it.

Henceforth relations between the feudals and their vassals were based on mutually binding obligations providing for exchange of services and mutual obligations between the parties which, despite their unequal social status, acted like partners.

3) A seignior must do no harm to his vassal, nor use force against him, nor insult him in any way. He must protect his vassal, provide him with an estate and pay due tribute to him.

In his turn, a vassal must not do any harm to his seignior, and in all events recognize the bonds between them. A vassal was a member of his suzerain's retinue not only for giving splendor to his court but also for participating in councils including lawsuits. A vassal also had to assist his suzerain financially in four special cases: for paying a ransom required

for setting the seignior taken prisoner free, for buying armor for his eldest son, for the wedding of his eldest daughter, and for preparing the suzerain for a crusade.

However, the main duty of a vassal to his suzerain was to assist in military affairs which in the 12th-century France included the duty of a vassal to buy military ammunition with his own money, provide for his everyday needs and fight for his suzerain, but for not more than 40 days a year.

Thus, since the Middle Ages West Europeans were taught to perceive relations with authority as relations between partners, each having certain rights.

B) Charters of free and self-governing cities

1) By the end of the 11th century the greater security created by the feudal system promoted economic development. Trade was no longer a sporadic phenomenon, it was practiced not only during fairs but became regular and stable in cities with developing industry.

The number of rural residents is growing, and new quarters forming the suburbs of old cities are rising behind their walls. Seigniors and the clergy as well as the king within the boundaries of his estate are building new cities whose residents enjoy various privileges.

Prospering cities require a different method of administrative and political government than the surrounding villages.

2) The emancipation of cities is executed in various ways: sometimes it is a result of a voluntary consent of the seignior, sometimes a result of a deal, and at other times a consequence of forced measures as it happened in the north of France.

Emancipation results in the establishment of two categories of cities:

- free cities remaining subordinate to the seignior but enjoying privileges granted by the private law as well as military, judicial and taxation privileges;

- self-governing cities set free from the power of the seignior and governing themselves which sometimes became the vassals of their former seignior, and sometimes, as was the case in Southern France and Italy, set themselves free of feudal dependence and formed something like a small city-republic.

3. Respect for legal norms in medieval Western Europe

The abundance of legal norms and general legal principles developed by western society in the Middle Ages would have been of little use if they

had been constantly abused. However, once granted, the rights retained their force, and the law was greatly respected in general.

I will not speak of the organization of legal proceedings which would take up much time but will confine myself to three examples illustrating its strength in the kingdoms of the medieval western Christian civilization.

A) Succession to the French crown

I will tell you how this was done in France because its example is the most exemplary one.

Hugh Capet elected and crowned in 987, by the end of 987 did everything that his only son Robert be elected king and crowned in 988. At first he was called 'appointed King' but later on, in 996, he became the real King bearing the title of Robert II the Pious. In his turn, Robert passed on the throne to his eldest son Hugh, and after the premature death of the latter he made his second son, Henry, King of France who became Henry I.

All kings including Philippe-August did the same.

2) By the beginning of the 13th century the right of succession to the royal crown seemed indisputable enough, and therefore Philippe-August who was declared the king in the lifetime of his father Louis VII the Young considered it unnecessary for his son Luis.

3) The fact that took place at the beginning of the 14th century proved the legal force of the right of primogeniture: King Louis X died in 1316 leaving a daughter, Queen Clementine Hungarian who was expecting a child. It was decided to wait until the queen gave birth to the baby so as to retain its right to the throne if it was a son. And indeed, at his birth the boy was recognized as Jean the First, King of France, under the regency of his uncle and future King Philippe V the Long.

B) The annexation of the greater part of the estate of John the Landless

In 1203 Philippe-August made an attempt at conquering Normandy owned by his vassal John the Landless who was simultaneously King of England. However, Philippe-August did not begin the war until he had made sure he had the right to it.

John the Landless who abducted the bride of Hugh Lousignian, one of his vassals, refused to face the court of his seignior, King of France, and was convicted in 1202 by the royal court for the crime of being unloyal to his seignior.

The annexation of the estate of John the Landless he had received from the King of France was an example of application of a sanction stipulated by feudal law.

C) Restricting reservations of the Roman law

1) In the 13th century Roman law was taught at some universities and was applied in the south of France although it was not the official legislation of the Holy Roman Empire.

Here a question arises whether the fact of the application of Roman law in France was recognition of the supremacy of that empire.

2) The issue proved so serious that three kings, one after another, issued laws related to this problem.

Decrees of Saint Louis of 1250 and 1254, the 1278 Decree of his son Philippe II the Courageous, and the 1312 Decree of his grandson Philippe the Handsome confirm the fact that Roman law did not have the force of a law in France. The King tolerated it merely because he did not want to infringe on centuries-old customs of people of Southern France but the Roman law was applied there not as the law but as a legal custom.

However, outside Southern France lawyers were forbidden to refer to the Roman law if it contradicted the common law.

* * *

In conclusion I would like to make two remarks:

I was speaking about the emergence of the rule of law in medieval western Europe treating it as a single whole because its countries were united by the same Christian Catholic civilization although there were natural distinctions between various regions.

For instance, in 12th-century England influential forces of society, the Church, barons and cities strove for unification in order to limit the power of the king obtained by him as a result of the conquest of Normandy in 1066 and therefore less restricted that on the continent, because the Great Charter written by the Cistercian Abbey in Pontini, France, which was made compulsory for execution by King John the Landless in Runnymede in 1215, guaranteed the rights of seigniors, the Church and cities, among other things, in the area of legal proceedings, and established the need to obtain consent of the Great Council which later became Parliament for introducing new taxes.

In France where the king's powers were rather limited, the Church and the cities, on the contrary, promoted the expansion of the king's powers and restriction of barons' rights.

Later financial difficulties made the English kings convene a Parliament which gradually became an effective legislative body and passed in 1679 the Habeas Corpus Act (Act of Personal Immunity) guaranteeing

personal liberties. That happened much earlier than 1841 when the United Kingdom actually established a parliamentary regime in the strictly legal meaning of this word.

However, in France in order to solve similar financial problems, the kings preferred to sell the posts of judges to convening the General States thus securing their independence and establishment of a strong judicial authority which had repeatedly proved capable of opposing royal policies.

2) It can be said that medieval European law was neither a law given in God's revelations as is the case in the Islamic world where it is outlined in the Shariat based on the Koran, or in the khadyth, like in the Shafite law or, even to a greater extent, in the Khanbalite law; nor a law proclaimed by some outstanding lawmaker such as the mythical Lycurgus or a historical person such as Solon; nor a legislation consisting of laws passed by a parliament or regulatory acts passed by a government which is usually the case today.

Medieval European law was a common law created predominantly by the western Christian world to serve its purposes, reflecting a system of its values and unconsciously developing along with the evolution of society's requirements and needs until law codes were written which facilitated application of that law to judges but simultaneously destroyed its ability to adapt itself to changing reality.

Thus, that law was different from the one that prevailed in Amir Temur's empire. However, there are two analogies in both of them: importance of legal customs both in the medieval legal system and the genesis of Genghiz-Khan's Yassa, and their dual meaning stemming from local customs and the Roman law in the first case, and Yassa and the Shariat in the second.

However, this comparison is only relative because west European medieval customs were influenced by Roman law while Yassa developed prior to the introduction of Islam among the Mongols and the Shariat developed on the basis of the Prophet's sayings, are dramatically different.

THE FOUNDATION OF THE STATE LEGITIMACY IN THE PAST AND TODAY: ON THE ISSUE OF RELATIONSHIP BETWEEN RELIGION AND POLITICS

The Uzbekistani Point of View:

*Prof. Dr. Khalim Boboyev, Deputy of the Oliy Majlis Rector,
Tashkent Institute of Law*

Over the past seventy years we have mistreated history, especially the history of politics. We looked with doubt upon culture, politics, state and law as well as on the doctrines created by our predecessors, and we did our best to disprove them. We destroyed by old system in a revolution, and found themselves isolated from the past. Moreover, we stood in opposition to our own history.

Today such historical books as 'Nizomut-Tavorih' (The Code of History called by Alisher Navoi the most perfect of sources of this kind), 'Avesto', 'Tuzi', "Devonanun-Nasab", 'Tarihi Tabariy' as well as 'Nasihatul-Mulk' (Advice Regarding Property) by Muhammed Gazoli, works by Jaloli, Banokoti, 'Shahname' (Genealogy of Shakhs" by Firdousi, 'Tatihi Mulki Ajam' (History of Ajam's Domain), 'Zafarname' (Description of Victories) and 'Shahname' by Navoi have not been studied to this day. Since such rich sources are overlooked when textbooks are compiled and articles written, the problems of emergence of political and legal doctrines as well as the state and law in Central Asia are dealt with from a very narrow point of view. The following fact also deserves attention. The aforesaid sources say that the state, law and political doctrines first emerged in Central Asia as far back as 4000 B.C., that is simultaneously with the formation of the state of Ajam. However, it is written in contemporary textbooks that the slave-holding state emerged in the 6th c. B.C.

The history of legislation of Turan is also rich, and a lot of ancient laws, religious and legal doctrines, schools and trends were formed on this soil. For instance, 'Avesto', the principal source of information on the Zoroastrian religion, contained along with religious and moral rules related to family, crime, punishment, etc. With the spread of Islam in Central Asia a system of Muslim law was developed there. For instance, in Samarkand, Bukhara, Tashkent and Marghilan there emerged the science of 'fikh' (Muslim law). On the basis of the Koran and khadyth, the fakihs (scholars studying the Muslim law) of Mowarounnahr formulated a sys-

tem of rules called the Shariat. It was there that the school of fikh (founded by Imam Abu Habif and his disciples Imam Abu Yusuf, Imam Muhammad Zufar and others) within the framework of the trend of hanafid, one of the four know trends of Islam. It was in Mowarounnahr that the khadyth (religious stories based on sayings of the Prophet Muhammad) were composed by philosophers Al-Bukhori and At-Termezi, while fakihs Ubaidullo ibn Umar Ad-Dabusi (12th c.), Amu Hafs An-Nasafi (12th c.), Abdulaziz Marghinoni and his son Abdulhasan Zahiriddin 911th c.), Abu Amr Al-Baikandi (12th c.) and Al-Kaffal Ush-Shoshi (9th c.) contributed an outstanding share into the development of the Muslim law. Scientific works of these scholars have not been translated into modern Uzbek yet, although they have been translated into other languages of the world.

Since ancient times the Central Asian people paid special attention to the law, the state and politics. A lot of books were written on these subjects. While 'Zafamame' described states and kings, works by Farabi, Yusuf Hos Hojib and Navoi, and Amir Temur's 'Code' bring into the fore political and legal doctrines. This rich legal and moral legacy has not been studied to this day, and our Uzbek lawyers do not know the history of national statehood and law.

In this report I would like to dwell on the science of fikh in Mowarounnahr and on conclusions that can be drawn from it today.

The legislative system of independent Uzbekistan is developing on the basis of the history of national legislation and on the latest democratic ideas and experience of other peoples of the world. When we speak of the history of national legislation we mean the Shariat - a legal system that existed prior to colonization of Turkestan by Russia. The Shariat is a legal system that has had a strong impact on the life and conscience of the Central Asian nations. Many people think that the Shariat and its trends are mostly based on theology, that is Islamic religion, its rules and codes. However, the laws of the Shariat have absorbed not only theologian laws but also concerning people's behavior and such vital problems as environmental protection, for instance. Contemporary lawyers stick to the opinion that in writing laws we should be guided by the Shariat, but the question remains what should be taken from the Shariat and what should be omitted. This controversy has resulted from the fact that for a long time the Shariat has not been studied, and a struggle was waged against it. The study of the Shariat is one of the most vital issues today. Uzbekistan is a state that has joined the world community. We cannot accept the Shariat

fully. But it is worthwhile to use its vital rules and ideas. The book 'Hidoya' by Burhoniddin Marghinoni is a scientific work summarizing the system of the Shariat. There are a lot of other books that describe the rules and regulations of the Shariat. For instance, 'Akoid' was written in Bukhara, and 'Hikmatul-Oyin' in Samarkand. Fahriddin Hasan ibn Mahmud from Ferghana and Ubaidullo ibn Ma'sud from Bukhara also wrote about fikh. Those were the books used by the kazi and taught at madrasahs. In general, those people who knew the Shariat well have been considered most honorable and influential ones in Muslim states.

The name of Imam Burhoniddin Abdulhasan Ali ibn Abu Bakr ibn Abduljalil Al-Fergoni Al-Marghinoni was widely known among scholars of law thanks to the manuscript 'Hidoya' consisting of 53 books. Burhoniddin Marghinoni (?-1197) studied at schools and madrasahs in Rishtan, Marghilan, Bukhara and Samarkand and was a learned scholar in his time. He knew perfectly the Koran and the khadyth as well as the art of the tafsir (interpretation of the Koran) and the science of fikh. He learned fikh from his tutors Najmiddin Abu Hafs ibn Mukhammed An-Nasafi, Husomiddin Umar ibn Abdulloh ibn Umar ibn Ma'oz As-Serahsi, Anu Umar Usna ibn Ali Baikandi, and Akhmed ibn Abdurakhid Al-Bukhari. Burhoniddin was the author of dozens of books including 'Kitob Al-Hidoya', the most perfect of all works. Unfortunately, this book, translated into many languages of the world, has not been translated into Uzbek.

'Hidoya' shows how strong the school of fikh was in the Muslim world. Scholars of law state that the book is written in a simple language is a perfect work of science both in essence and in content. 'Hidoya' was translated from English into Russian by N. Grodekov and in 1893 was published in Tashkent in an abridged form - in four volumes - and in a small edition of 400 copies, specially for colonizers that ruled Turkestan at that time. "Hidoya" has also been translated into Persian and English. In this country Professor Akmal Saidov started publishing N. Grodekov's translation in 1994.

'Hidoya' describes in detail such issues as, for instance, zakot (annual donation of 1/40 of property), tahorat (ablution), use of wells, tayammum (ablution without water), purification of one's belongings, sadaka (gratuitous good deed) ruza (fasting), crime and punishment, marriage, idda (abstinence of a woman after her husband's death or divorce), trade, use of virgin land and water, testimony, theft, will, etc. In its composition and content 'Hidoya' differs considerably from other legal systems, for in-

stance, the Roman law taught at our universities. The Roman law emerged before our era on the basis of political and legal doctrines of Roman lawyers and antique Greek philosophers, and perfected in West European states. The Muslim law is a legal system formed in the 7th c. B.C. which is more perfect. The most useful and convenient for us aspect of the Shariat is that, firstly, it is based on customs and traditions of Oriental countries. For instance, the Shariat settles with great accuracy such problems as the use of land and water, and protection of the environment which are of key importance for Oriental peoples. Another thing that deserves attention is the fact that dealing with trade the book, along with legal provisions, mentions moral requirements such as honesty, conscience, humanity and cleanliness. And secondly, each case and each phenomenon are presented in the Shariat with specific examples and comments.

Amir Temur was a statesman who raised the culture of statehood and lawmaking in medieval Uzbekistan to a higher level. In the 14th century the country found itself politically separated while the systems of statehood and law were derailed. The country was left practically without the ruler and laws. It was under those complicated circumstances that Amir Temur entered the political arena. He was fully aware of the fact that the country had to be cleared of the Mongols and a strong and centralized state was to be created. 'A country without a ruler is like a body without soul. A body without a soul is a failure,' he said. Amir Temur liberated not only his, but also the neighboring countries, from the tyranny of shakhs, khokims and beks. He established clear-cut rules and laws in the country. In the north Temur's state reached the sixth continent, in the south it bordered on India, in the east on China, and in the west it was washed by the Mediterranean. Amir Temur established law and order in 27 countries.

A lot of books were written in both East and West describing Temur's state, Sohibkiron's policy and specifically his personality. The most significant work about Amir Temur's activity is 'Zafaname' (Description of Victories) by Sharofiddin Ali Yazdi. This book has not been fully translated into Uzbek either. An Uzbek scholar Ibrohim Muminov who wrote in his books that 'Amir Temur created a centralized state in Central Asia', 'established law and order in the country' and 'dealt with the problems of city improvement and education' was strongly criticized in both Uzbekistan and Moscow. We also know that Ibrohim Muminov was

accused of deifying Amir Temur's personality. While Temur remained unrecognized in his own land, European scholars and historians as well as French, English and Italian writers wrote books glorifying Amir Temur.

Historical truth about Amir Temur and his state as well as his 'Code' are valuable sources for us, scholars of law. From his 'Code' we can learn the art of governing the state. For instance, it is said in the 'Code' that in governing his state Amir Temur was guided by 12 principles, the first one being the application of the laws of religion and the Shariat. Drawing conclusions for the present day, we can say that a state should have an ideology and law. The second principle was that society was divided into 12 levels and categories, and in governing his state Temur drew on the advice of each of them. It is common knowledge that under totalitarian rule (especially prior to the 40s) our society was divided into two classes, the exploiters and the exploited, opposing each other. The state was an instrument of the proletariat. The advantage of the second principle is that society was divided into 12 and not 2 categories, each of them serving its own function, and the state was a force that secured their peaceful co-existence.

The third principle was unity, enterprise, activity, sobriety and caution. The importance of this principle lies in the fact that all problems of national importance were decided in accordance with the established order together with specialists, scholars and lawyers. Policies were pursued cleverly and soberly. The fourth principle that that all state affairs were subordinated to laws, rules and regulations. Amir Temur attached great importance to the observance and supremacy of the law. His laws were based on the system of the Shariat, and the rights and duties of everyone, beginning with the rank-and-file warrior and ending with the emir, were clearly defined.

The fifth principle required a good attitude to emirs and warriors, and respect for their merits. Amir Temur was well-versed in the lives of all of them and did not stint means to improve their welfare. That was why they were ready to sacrifice their lives for him. The sixth principle was justice and honesty. He could spare even a sinner.

Legal literature says that supremacy of the law and the rule of law was mostly mentioned in works by western philosophers such as Montesquieu, Kant, etc. If one reads Amir Temur's 'Code' attentively he will notice that law occupies the dominant place in the life of a state. Temur protected the enslaved ones against the enslavers. He had the kazi, separately for

warriors and for common people. All cases were examined in accordance with the law. If law was abused, Amir Temur did not even spare his own children. However, he could be generous. As Sohibkiron writes, 'Those who wished me ill and those who did harm to me, I forgave when they pleaded mercy on their knees, and consigned their intrigues to oblivion.'

The seventh principle consisted in recognition of sayiids (honorable people), scholars, philosophers, mukhaddyths (scholars engaged in collecting the khadyth) and historians as people worthy of attention. Amir Temur always sought their counsel and advice. The eighth principle is resoluteness. If he started something he brought it to completion, and he always kept his word. He writes, 'I have studied the history of all, from Adam to the prophets, of all kings, states and laws.' The ninth principle is that he always knew the truth about people's life and respected rules of a state, a city or a village as well as people's customs and traditions. If a khokim abused his power and caused suffering to people he was held responsible before the law.

The tenth principle is a respectful attitude to people of various nationalities and ethnic groups. The eleventh principle said, remember your children, relatives, friends and neighbors even when you have found yourself on the throne, and treat them with equal respect. The twelfth principle was that he always treated warriors, including those of the enemy, with respect.

Undoubtedly, the twelve principles defined in Temur's 'Code' could be applied today. If each khokim, Minister and other state servants adopted these principles it would do only good to the state and society.

We dwelt briefly only on the twelve principles outlined in the 'Code'. As for other issues related to statehood and legislation, it is impossible to embrace the entire range of Temur's ideas in one article. The better we use this rich legacy, the more it will promote the glory of our state.

As Amir Temur writes, 'I heeded both those who spoke quietly and reasonably and those who expressed their thoughts sharply, in a manly way.' Sohibkiron's words are vital today too. The point is that among the leadership there are people who serve the nation selflessly, but there are also persons who only give false promises and pursue their own interests.

The ideas of state discipline, categorical observance of law, centralization of state agencies and their strengthening reigned supreme in Amir Temur's state. Actions aimed at economic, political, financial and military unification of Central Asia, for instance, the agreements reached

between Uzbekistan, Kazakhstan and Kyrgyzstan; promote the unification of Turkestan which was once one state. People living in these states have a common destiny. In this connection I would like to make special mention of the initiative of the President of Uzbekistan Islam Karimov. The time of Amir Temur resembles our time when we are trying to strengthen independence and build a state with a great future.

‘Experience has taught me to give preference to one enterprising, bold, resolute and sober-minded person to one thousand indifferent and unskillful people,’ Amir Temur writes. In Soviet time there were a lot of such indifferent people, traitors and bribe-takers, and it is hard to get rid of them to this day. Amir Temur gathered around himself learned, clever and honest people whom he could trust. Before taking a decision Amir Temur always consulted with his courtiers. ‘Although the end of any affair is shrouded with mystery, it is necessary to know the opinion of expert and sober-minded people.’

‘State and power repose on three things: property, treasury and army,’ wrote Amir Temur. As a result socialist collectivization of property remained ownerless and became an object of plunder. There appeared a lot of greedy people, bribe-takers and various groupings in the country who enriched themselves at other people’s expense.

‘Experience has also taught me,’ Sohibkiron writes, ‘that if a state is not based on religion and laws, and regulations are not observed in it, it loses its strength and glory, and there will be no order in it. It will be like a naked person before whom all people lower their eyes. Or it will be like a house without doors nor fence accessible to riffraff.’ Really, in a state where there are no ideas, ideology and laws, order is abused. This is why a fight is being waged in Uzbekistan against organized crime, much is being done in towns and villages to establish order, and special attention is paid to legal education of young people. These measures are necessary and timely.

There was a legal school in medieval Mowarounnahr known throughout the Islamic world. It was founded by such outstanding scholars as Imam Bukhari, Imam Anu Iso At-Termezi, Farabi, Burhoniddin Marghioni. By creating a centralized state and enforcing law Amir Temur raised that school to a higher level. Such books as ‘Hidoya’, ‘Muhtasar’, Temur’s ‘Code’, ‘Zafarname’ and ‘Hamsa’ contain information on the legal system, the state, legislation and politics. We are lawful heirs to this moral and legal wealth, and we must use it in law-making. These sources

should be studied in detail at schools and should become reference books of khokims, procurators and other executives.

The people of Turkestan should always fight for freedom, independence and unity. They contributed a tremendous share in world culture by their achievements in science, religion, politics, statehood and law-making. Today the states of Turkestan have gained independence, and the new Renaissance will produce new prominent statesmen, scholars and writers. There is no doubt that Uzbekistan is a state with a great future because it has all the moral, material, political and ideological prerequisites for it.

We are direct heirs to the great state founded by Amir Temur. The present-day Uzbekistan will undoubtedly become a developed, modern and great state.

*Prof. Dr. Hermann Luebbe, Department of Philosophy,
University of Zurich*

FREEDOM OF RELIGION

On the Issue of European-American Statehood Since the Enlightenment

Relations between religion and politics in West European and American states are so diverse that they can hardly be fully covered. Therefore it is necessary to single out common features in contemporary state communities with their mostly Christian origin from the religious point of view. In all western states without exception in relations between religion and politics preference is given to legal guarantees of the freedom of religion. Most often the right to freedom of religion is included in the State Constitution or, as is the case in Great Britain, where there is no Constitution as a single legal document, it has the significance of a fundamental law.

The constitutional and political justification of the civil and human right to freedom of religion at the time of Enlightenment was considerably accelerated by two events of world importance, namely, the American Revolution on the one hand and the French Revolution on the other hand.

Within the framework of the present report we cannot dwell at length on the very complicated history of the introduction of freedom of religion. A retrospective glance at history in general leaves an impression of an irrevocable force with which freedom of religion was introduced. I will prove it with the help of a few facts. Firstly, today not a single European

state which does not recognize freedom of religion could be a member of the European Council. Secondly, freedom of religion is one of the conditions without meeting which it is impossible to join the European Union although the European Union, in contrast to the European Council, is not a subject of the Declaration of Human Rights yet. Thirdly, far beyond the boundaries of the European Union, namely, in the USA and in the former USSR, freedom of religion has been officially recognized as one of the articles in the Final Act of the Conference on Security and Cooperation in Europe signed in Helsinki on August 1, 1975. Article VII of the so-called 'Basket # 1' unequivocally lists among the other liberties freedom of religion which the member-countries of the Conference on Security and Cooperation undertook to observe unswervingly. And fourthly, freedom of religion applies to all UN member-states who signed the General Declaration of Human Rights approved by the UN General Assembly on December 10, 1948 as its Resolution 217 (III). Article 18 of the Declaration proclaims freedom of religion along with other liberties.

Hence, freedom of religion is a legal institution that exists throughout the world. However, this does not mean that we cannot complain that this right is abused. This makes it especially important that there exist statements and declarations connected with human rights and giving the possibility to classify abuse of human rights as such. Hence potentially significant political effects. An example of it in Europe was provided by actions prompted by the Final Act of the Conference on Security and Cooperation. The possibility of political appeal provided by the Final Act of the Conference was an important factor in renouncing former socialism that really existed, especially in the former socialist countries of Central and Eastern Europe.

Another question is how the purely political importance of the freedom of religion should be assessed. At first, however, it seems in respect to the history of the legal institution of the freedom of religion that in explaining freedom of religion the influence of religion is confined to political interrelation with life. Freedom of religion also implies a ban on imposing, under the political coercion of the state, religious norms - norms of faith and religious morality as well as rites and other accepted religious norms of behavior. Where freedom of religion is proclaimed for individuals, the state is forbidden to introduce into effect existing religious rights politically. Freedom of religion is simultaneously a part of what in European and American science on culture and historiography is called 'secularization'.

a commitment opposite to our religious obligations - independence of civil rights and duties of any religion including the right of an individual to abandon any religion both in cultural and legal respects.

So, that is what is included into the right of freedom of religion and what simultaneously explains why representatives of religion, especially in Europe before this century, have not secured freedom of religion as a legal institution not requiring recognition.

For instance, back in 1953 the then head of Roman Catholics Pius XII in his address to Roman lawyers laid special stress on the fact that the right to religious error included into freedom of religion guaranteed by the law was inadmissible. Freedom of religion is impossible, what is possible is tolerance, that is patience in respect to heresy and other religious deviations in the pragmatic context. I would like to add that less than 10 years later, in the early 60s, at the Second Vatican Council freedom of religion was officially recognized even by Catholics. I will have a possibility of pointing to one of the reasons that led to it.

So, once again: freedom of religion impeded by the state, political coercion to religious commitments have never been in the interests of the Christian religion. To make the long story short, it can be said that freedom of religion was introduced, according to competent sources, despite the contradictions and resistance of representatives of religion.

This promotes questions about the reasons that permitted freedom of religion to become the decisive legal regulator in respect to religion and politics. It is an extreme but inevitable abridgment of a long story about how freedom of religion was achieved through bitter experience of religious civil wars which devastated many European countries in the 16th-17th cc. Experience shows that heretics insisting on their point of view on the absolutely and only true religion preferred excommunication, banishment and even execution to renunciation of their religious delusion, while the truth lays in something entirely different

At first it seemed a convincing argument: unity of religion strengthens also society's political unity, and so concern for an inviolable unity of religious interrelation served not only the interests of religion but also the interests of the political community. But when this unity, primarily at the time of the Reformation in Europe, was finally destroyed, it turned out that the attempt to restore civic unity through a single and only true religion by means of political coercion was even worse than loss of the unity of

religion. The consequences of religious-political coercion which disrupted society led to freedom of religion.

It could be said in conclusion that the legal institute of the freedom of religion heeds the world reason. Civil peace is no longer based on the truthfulness of this or that religion; moreover, the will for peace prevails over the will for triumph over this or that religious truthfulness.

So, in the 16th-17th century Europe at first there was tolerance which means tolerance of other religious convictions from which a universal pacifying effect was expected. Prior to the beginning of the revolutionary epoch outstanding European philosophers - Spinoza in Holland, John Lock in England, Voltaire in France - in issues of interrelation of religion and politics were not advocates of the freedom of religion, let alone advocates of tolerance. Only with the emergence of new revolutionary human rights first in the USA, later on in France, and finally, in many European countries, the policy of tolerance was fully replaced by the policy of freedom of religion which meant that other religions as well as non-conformism acquired the status of something subjective that can be legally appealed against, and the state guaranteed that right.

That it was difficult to find a convincing correlation of state policies and religion characterized by freedom of religion, is proved by the afore-said Appeal of the Pope who back in 1963 rejected the possibility of recognizing freedom of religion. Let us recall Europe where the granting of unrestricted human rights to the Jews along with unrestricted freedom of religion to that ancient religious minority was mostly completed by the end of the 19th century, and in Britain, for instance, Catholics acquired unrestricted civil rights only at the turn of the 1840s.

Hence the conclusion: the history of introduction of the freedom of religion in Europe is a history of introduction of civil legal peace contrary to the initial interests of religion thanks to progressive renunciation by the state of its commitments to recognize and introduce religious obligations as political commitments.

Meanwhile the example of the USA shows that freedom of religion, instead of contradicting religious interests can be of interest to religion. The separation of religion and state which became a fundamental principle of the American constitutional system owes nothing to the impulse of ousting religion, from the legal point of view, as a vital force potentially threatening civil peace. American freedom of religion lives an entirely different life in the interests of religious deviations and dissidents who,

historically being emigrants from Europe and having fled from the oppression of European state religions no longer wanted in the New World to have any kind of supremacy over themselves which could interfere in their religious affairs or prayer book. Separation of religion from the state characteristic of legal and cultural traditions of the USA was a friendly separation, contrary to anticlerical traditions of separation of religion from the state characteristic of cultural and legal traditions of France.

One of the results of a friendly separation of religion from politics characteristic of the USA was that there religion has obtained more power in free public life than in most European countries. It can even be said that regardless of separation of politics and religion the USA is not a country with a clear-cut secularization. This is manifested in numerous forms of civil religion called so with affection by American sociologists of religion. Civil religion is part of religious life within the context of political life which is manifested in the USA in such examples as the swearing in ceremony of the American President when the President places his hand on the Bible, or public prayer pronounced by the President when he addresses the nation in memory of the victims of terror. Both are events that are hardly possible in France.

In a nutshell, the system of separation of religion and politics in the USA is a factor promoting religion. Its usefulness is manifested, among other things, in the fact that it is within the framework of this system that the Catholic community has undoubtedly grown into the largest religious community among more than 130 religious communities in the USA. It became evident during the participation of the American Episcopate in the Second Vatican Council which, less than 10 years after rejection of the freedom of religion by the Pope Pius XII whom I had already quoted recognized unrestricted freedom of religion even for Catholics.

To understand relations between religion and the state as free relations the way they exist in the USA, on the one hand, and on the other hand, the way it exists in France, one should remember the prerequisite stemming deep from the history of the Christian religion, namely, how closely political and religious communities were interwoven throughout the history of Christianity because they were never identical. In the new history of Europe, just like in the history of the USA, it means that the state community and the religious community form different institutions, namely a civil community and a Christian community, or the State and the Church.

In contemporary Europe these are two different institutions, the institution of the state on the one hand and the institution of the church on the other hand. However, they are not always and not completely separated. Contrary to the USA, on the one hand, and France, on the other hand, there is always the State Church, like in Great Britain or Norway. This means that in the aforesaid countries the head of the state, the monarch, is simultaneously the head of the relevant State Church. However, regardless of this connection between the state and the church in the person of the monarch, organizationally they are separated, and religion is free.

This is not a proper place for representing the clearly differentiated relationship between the state, the church and the law in European countries. However, I would like to mention the fact that in Germany the church has unrestricted freedom, yet is not quite separated from the state. For instance, it means that the state finances theological departments at state universities as state institutions training preachers; the state prescribes tuition of religion at schools as part of state secondary education which is carried out in accordance with the plans of religious communities; and the state levies taxes on the church as well.

This can hardly be understood outside of the European framework, it can only be explained historically. It would be still harder to understand the reality of relationship between the state, the church and the law in some countries if we quote the example of Switzerland where in some cantons there is the State Church while in others, like in Geneva or Neurenberg, the church is legally separated from the state.

In one way or another, freedom of religion, and I proceed namely from this premise, is guaranteed and unswervingly observed in the entire Europe and in the USA regardless of the differentiated legal regulation of relations between religious communities, on the one hand, and the state political community, on the other.

Can religion, free as it has been pointed out in European and American traditions since the Enlightenment, play legitimate functions in a state? In other words, does freedom of religion secure a situation, namely, the situation with religion, which at the same time was of importance for the situation with political order, that is the order of a liberal constitutional state?

I am inclined to reply 'yes' to this question, and would like, concluding this small report, make a few small remarks to substantiate this affirmative answer.

What religion means to the political community in conditions of freedom of religion and at the same time guarantee of independence of reli-

gious and political communities is vividly shown by the results of experience of a complete withdrawal of religion as a vital force from both public and personal life. Such experiments with withdrawing religion are characteristic of European history. The memory of violations of civil peace by religious conflicts is still alive. This permitted criticism of religion to become an influential part of cultural and political literal legacy in Europe. We mean of criticism of religion in its radical form, with the intention of completely withdrawing religion as an obstacle to preservation of peace and a free and humane progress.

For instance, we read in the works by Karl Marx that the proletarian revolution, the civil revolution, the revolutions in the USA and in France have surpassed themselves because instead of bringing freedom of religion they have brought freedom from religion. Marx adds that after the civil revolution liberated Jews, the proletarian revolution will free humanity from Judaism. From the point of view of this outstanding criticism of religion, religion is an obstacle on the way of humanity towards realization of its unlimited potentialities both at present and in future. As soon as Marxism, first in the guise of Leninism, came to power, in practice it turned into persecution of religion. Similarly, totalitarian national socialism treated Christianity as an obstacle to a legitimate monopoly of the national socialist world outlook and tried to out it.

Summing up it all, it can be said that under a totalitarian regime a ruling ideology is established which serves as an equivalent of a religious system. And this means that religion, that is free religion, is an instrument of restricting the scope of political powers. The history of human rights can be interpreted as a history of progressive dissemination of this vital interests that we would not like to place at the disposal of either the state, or the majority, not event of a democratic state. Religion is invariably one of the strongest and vitally important interests. In religions manifestations of their life people become existentially viable and realistic and, as becomes evident from the history of political resistance, also capable of resistance. Religion is eventually one of the vital forces to which applied the principle that namely in the context of free political life the state community singles it out, however, being unable and having no right to guarantee and introduce the obligations of this religious conception into life by force. Freedom of religion protects it against the invasion of politics, but simultaneously it guarantees the freedom of a vital force which promotes the existence of the political state community.

The relationship between politics and religion that took shape in European and American history since the Enlightenment in the form of freedom

of religion, was developed further after World War II in the form of a broad recognition in various declarations of human rights up to the UN level. However, there are some Europeans and Americans who consider human rights including freedom of religion as a purely European and American tradition but not a universal one, and present the experience of its introduction into life as a manifestation of great-power mentality.

This far-fetched thesis is of worldwide political significance, I do not intend to contest it within the framework of this report. I confine myself to reminding you of the origin of freedom of religion. It emerged, as it has already been pointed out, from the destructive inability of peaceful coexistence of people of different religions if they were not ready to accept these differences. Meanwhile, we are involved in a quickly spreading civilized process of a large-scale inter-dependence, and this means that we, with our different languages, culture, color of skin and finally, religious convictions and commitments, are moving closer towards one another. It is remarkable how people's ability for cooperation, in any case, their ability for cooperation despite all differences became possible when they, in the context of the contemporary world, come closer together without any legal guarantees of mutual recognition of these differences.

RELATIONSHIP BETWEEN RELIGION AND POLITICS: ETHICAL INTERCONNECTION

*Prof. Dr. Jurgen Paul, Institute of Oriental Studies,
Martin-Luther-University, Wittenberg-Halle*

When entering the State Museum of History of Uzbekistan you ascend a staircase leading towards a mural portraying people and objects that are considered outstanding personalities and achievements in the region. In the middle of the upper third there is Amir Temur, enthroned, and above him is shown the observatory of his grandson Ulugh Beg in Samarkand as a transition to the starry sky. Along the same axis beneath him, that is almost exactly in the geometric center of the mural, one can see a representation of the well-known manuscript of the Koran believed to have been made on the order of Khalif Usman which was taken to St.Petersburg in colonial times and then returned to Uzbekistan. Farther below are shown scholars engaged in a conversation, and along the edges of the mural are portrayed more and less known works of literature of Islamic and pre-Islamic times.

In the course of today's conference much has been said about Amir Temur's attitude to Islam and other religions. Along with others, Temur used the religious, legitimate potentialities of Islam. When he was to be elected the Great Emir and actual ruler (it was justly pointed out that he had never had the title of a khan) he exerted every effort to secure the presence of the Saids of Termez who were at that time regarded as representatives of the Prophet's followers of regional significance. The mysterious Said Baraka was to play a part in that act as well. It is often related that Temur often quoted religious figures, especially Sufi teachers, in confirmation of the fact that his planned conquests would have been approved by supernatural forces. Temur could resort to that interpretation when the deeds and pronouncements of the holy men would seem aggressive and hostile.

Yet, Temur's kingdom fully belonged to this world: the titles of Sahib-qiran (the master of a happy alliance - an astrological term) and Kuragan (the Mongolian for the 'son-in-law' - the title he obtained after his marriage to a Genghiz princess) were both dear to him. The titles point to the secular, at least not Islamic, legitimization of his rule. We have also heard that he owed his success to his ability to gather around himself men who did not belong to his clan as his personal followers. Personal endurance and military victory also contributed to legitimizing his rule.

We should bear in Mind that a special attitude to religion and politics that made Temur's kingdom different from other states in the Islamic Middle Ages. Temur could not be perceived by his contemporaries, and even later, as padishah-i-Islam (ruler of Islam). Even in the time of his son Shahrukh there were strong doubts as to this fact, although he observed Islamic traditions much stricter and almost completely departed from Mongolian traditions. Even the mural in the Tashkent museum does not speak of a connection between Temur and Islam, it simply brings together a great number of people and objects.

In Islam, as is believed in Europe, the notions of religion and politics (or statehood) often, possibly too often, are indivisible. The stubborn formula that Islam is simultaneously a religious and a political system (al Islam din va Davlat) seems to be a modern invention. In any case, it had nothing in common with Islamic states of Temur's time.

In contrast to Temur's kingdom and the Islamic states that existed in the Middle Ages, the German Reich was based on religious legitimization. As official sources point out it was called 'the Holy Roman Empire of the

German nation'. In numerous medieval visions of the end of the world and the early new times the Holy Roman Empire acts as a force opposing the anti-Christ; as long as the Empire existed the world will exist; the Empire was the guarantee of the remnants of order in the world whose imminent eclipse was believed to be coming. The Empire was closely involved in the interpretation of the end of the world, it had an eschatological significance. I would like to clarify this attitude to the empire taking another work of art sufficiently known to be quoted here, I mean the Bamberg Horseman. According to contemporary researchers, the monument does not symbolize any specific king or emperor, it is not a portrait but an ideal representation of an emperor of the time of the end of the world entering Jerusalem on horseback. Even if it was made before the time of Temur it can serve as a symbol of a close interrelation between the idea of the empire and expectation of the end of the world, a secular and eternal empire which left a deep imprint on the Middle Ages in Europe, especially in Germany.

In the course of the Reformation these views were repeatedly attacked. Characteristic of the Reformation was Martin Luther's doctrine of two empires, one of them, figuratively speaking, was earthly and temporal, while the other one belonged to the other world and the eternity. Even though Martin Luther resorted to the ideas of the New Testament and theologians, his formulation was something new. From the religious point of view Luther focused attention on personal faith and the Lord's grace to each individual. The emerging Protestant religion set forth the aim of cultivating the Lord's vineyard (singular), and not the lords' vineyards (plural). These ideas are reflected in the murals and icons made in the workshop of Lucas Cranach that can be seen in the functioning Lutheran church in Wittenberg. Religious wars that followed the Reformation undermines the idea of the Reich still further. The 1555 Augsburg dictum, 'He who reigns sets his religion' (*Cuius regio, eius religio*) signified an important step, and the empire was soon to give its way to rulers. Peace should reign too, but that was not duly recognized in concluding peace, the warring religious parties failed to reach understanding. There was no longer religious unity of the empire, nor any principle. After the thirty-year war during the conclusion of peace between Munster and Osnabruk (1648) it became absolutely clear that it was rulers and states who were to take care of peace which no longer was expected to result from the Lord's acts or from the religiously and eschatologically legitimized em-

pire. From the very beginning the ensuing peace (partially in connection with the thirty-year war) was placed on secular soil. In point of fact, the secularization of West European politics in that new interpretation had made great progress. Even if the Lord's grace became the dominating legitimizing factor, that was understood only by political actors who decided the destiny of states. The empire lost its historical holy destination, and therefore its purpose. The end of the world is postponed, and history becomes, as Jean Baudin found, a domain of possibilities, probabilities and the human Mind. It becomes manageable, and doubly manageable - both for those who create it and those who write about it. Along with democratization in Europe, with the help of sovereign nations, the Lord's grace was replaced by legitimization of politics. Simultaneously a number of self-evident principles were formulated, the American Declaration of Independence speaks of fundamental civil and human rights, equality, life, justice and happiness which would probably be called manifestation of a personality today. In the course of the 19th and 20th cc. the catalogue was broadened to include freedom of the speech (press, meetings, associations, etc.). In Germany the experience of national socialism has shown that no matter how large the Parliamentary majority was it had no right to change the catalogue of fundamental human rights. I shall leave answered the question of whether this is equally clearly set in the constitutions of other West European countries but there is no doubt that even outside Germany there is a universal consent that fundamental human rights are inviolable.

Politics need commitment to ethic values. In some cases values were formulated in a religious way but in such countries as France where the process of secularization - separation of the church from the state - was more pronounced than in Germany, it required consent to orientate politics towards ethic values. Thus, consent is needed for the inviolability of fundamental civil rights, at least consent for the catalogue of fundamental civil rights.

And in conclusion I would like to draw your attention to the mural in the Tashkent museum once again. There we can find Islamic and non-Islamic traditions: a scientist (he is assumed to be Ibn Sino (Avicenna) is arguing with theologians. It reflects freedom of scientific discussion. The Koran in the center of the mural is an outstanding element but it is the only one and, probably, not even dominant.

DISCUSSION

Prof. Dr. R. Mukminova marked that development of a society and a state did not take place separately in neither point of the Earth. The social life of the countries of the Orient always made an impetus on the western culture. Such terms as a check, bill of exchange, treasury without which it is difficult to imagine the modern life came to the countries of the West from the countries of the orient. When we spoke about interconnection between the cultures of Greece, Mongols, Europe, we should remember that Amir Temur tried to take everything the best what had been in different countries, he had used achievements of the previous generations as expertise to adopt correct decisions.

Trying to expand trade with Europe, Amir Temur promised the European kings to treat Christian traders as any other merchant. The trade relations also contributed into establishment of cultural interconnections.

We spoke about judicial practice of the Ancient Greece and France. The materials available in the Institute of Oriental studies of the Academy of Science of Uzbekistan evidence the high level of civil court proceedings at the time of Amir Temur. The women enjoyed all the necessary rights, too. Woman could, for example, appeal to court on a conflict with her brother.

Amir Temur, trying to reduce tension in the countries he conquered, left the former rulers at power if they accepted his superiority. This had positive results while Amir Temur was alive. But after his death those rulers declared their sovereignty.

Head of a department of the Samarkand State University O. Bozorov proposed to discuss the causes of quick break-up of the empire of Amir Temur after his death.

Attention of the participants in the symposium was drawn to the fact that popular with the West idea of freedom of consciousness could be also found in the Orient. The legacy of Amir Temur, Babur, all the philosophy of the Orient give all the reasons to such kind of statement.

Prof. Dr. Kh. Boboyev agreed with the previous statement and reminded the different religions got used to respected in the Orient. This is one of the requirements of the Koran. In Mowaronahr existed not only Islam, but zoroastrism, other religions.

Reasoning about break-up of the empire of Amir Temur, A. Ziyayev, Candidate of Science (History), enumerated several causes. Firstly, Amir

Temur was the main uniting force of the empire, there were no successor equal to him. Shahrukh was an orthodox believer and shariat was the main interest of his. He denied the principles of Amir Temur which demanded taking into account the interests of all social layers as well combination of nomadic and settled cultures. Secondly, the process of disintegration of the empire was accelerated by intestine wars of the Temurids. Thirdly, degeneration of the dynasty was gradually taking place. It happened in all times. Strong people founded dynasties and they were succeeded by weak successors. Any new dynasty was born in a free environment, but ruling dynasty lives in an isolated world of their family.

Academician O. Akimushkin asked A. Ziyayev, Candidate of Science (History), to specify how many divans were there at the time of Amir Temur and what are the sources of that time Mr. Ziyayev used in his research.

A. Ziyayev, Candidate of Science (History), noted that the exact number of divans in the available sources could not be identified easily. "The Regulations" by Temur and "The Zafar-Name" by Ali Yazdi could be used as the main sources when characterizing the epoch of Amir Temur. There was no reason to assert that "The Regulations" were not written by Amir Temur. Contrary, there were some evidences that he was the author of that work. It was a pity but the historical works of the time of Amir Temur were not yet studied on the systematic basis. Even "The Regulations" by Amir Temur were not considered to be a historical document.

Dr. F. Nabiyev reminded that the objective of the symposium was to identify significance of the activity of Amir Temur for independent Uzbekistan and proposed that the participants should analyze the social policy of Amir Temur.

Uzbekistan was building the socially orientated market economy. In this situation experience of Amir Temur in social policy became of particular significance. It was necessary to give an exact answer to the question whether that experience was being used, if yes then how, if not then why.

Dr. F. Nabiyev proposed to recommend that the Government of Uzbekistan should use the experience of Amir Temur whose idea had been to invest a portion of incomes of the rich citizens for pursuing social policy of the state.

Dr. F. Nabiyev marked that Uzbekistan was in need of professional translators specializing in history. Poor knowledge of the sources which

had been analyzed during the soviet time unilaterally, could detriment development of the historical science. Dr. F. Nabiyeu proposed to set up paid courses in training historians with knowledge of the Arabic and Persian languages on the basis of the International Institute of Central Asian Studies and the Samarkand State University.

Prof. Dr. Jurgen Paul noted that the social policy of Amir Temur did not have a adjusted system and, primarily, was referred to the main objectives of the state. There were some funds (vakfs), Islamic charity, directives of Amir Temur, but the spheres of the social policy of Amir Temur were limited. Redistribution of wealth and charity of the rulers were of individual selective and private character. The Islamic Law was the foundation of the social policy.

Making clearer that viewpoint, Prof. Dr. E. Alikulov noticed that the work of the symposium, which had the aim of stating truth about history of Uzbekistan, became possible only because of independence and policy pursued personally by the President I. Karimov. Taking into account complex and important character of the tasks the scientists faced, it was necessary first of all to develop methodology of studying the legacy of Amir Temur. One could not be limited by studying some individual periods, situations, events, for example, concentrating all efforts on the youth or military campaigns of Amir Temur. War were always. And during a war all laws of a human society were broken. All great empires were set up by means of military force. The Germanic tribes destroyed Rome, Napoleon tried to submit the whole world, practically all aboriginal Indian tribes were eradicated in the USA, the French revolution sank in blood. If we wanted to have an objective assessment we had to systematically study the documents of the time of Amir Temur. But it was necessary to remember that social, legal and cultural policies were implemented simultaneously, they did not exist separately from the general objectives of the country. Coming back to the social policy, the speaker reminded about the refuges for the homeless, stipends for poor students. The number of examples could be more. But the most important it was the comprehensive character of assessment of the great historical personality.

Annette Kremer noted that a new interrelation between the politics and religion was being established in Uzbekistan. She asked Prof. Kh. Boboyev to assess the role of religion in modern Uzbekistan.

Prof. Dr. Kh. Boboyev told that Islam was the main religion in Central Asia from the ancient time. But other confessions had a right to exist. The

Constitution read that religion was separated from the state, but it should play a significant role in the social life of the country. Independent Uzbekistan respected the religious traditions what could not be said about the communist regime when religion was either banned or repulsed from the life of the people. Independence brought freedom of consciousness what was fixed in the Constitution. Equal rights are granted to all religious confessions in Uzbekistan. The state, respecting religion, expected that it should be a serious positive force when developing the national outlook of the people. The Uzbek nation was religious but we lived in a lay, free, democratic republic and the laws of it corresponded to the international standards and norms.

Prof. Dr. F. Suleimanova asked Prof. Dr. Pierre Chuvin to specify what of the legacy of the ancient Greece could be used by Amir Temur. There had been long connections between Greece and Central Asia. The personality of Alexander the Great had been always popular in this region. It would be interesting to pay more time to consideration of the interconnection between these two civilizations.

Talking to Prof. Dr. Allain Peloux, Prof. Dr. F. Suleimanova marked that the presentation on the law and order state in the western Europe could be more interesting in parallels with the Orient and the state of Amir Temur could be drawn. The Orient always influenced Europe, in particular through Spain. It would be interesting to know what was brought in the legal tradition of Europe from the Orient.

Prof. Dr. Pierre Chuvin marked that certain influence upon morality and philosophy of Central Asia was through the Greek settlements on the Amudarya river. The Greek culture influenced on Buddhism and arts of the Orient. The Greeks were organized into states which were governed as a rule by kings. There was a tradition of kindred succession of the throne and property. All those norms greatly influenced upon the Rome which, on one side, was fighting the Persians and Sasanids, on the other side, borrowed the Sasanid system of government.

Amir Temur greatly trusted Greek culture and poetry.

The answer was amplified by Prof. Dr. Allain Peloux. One could not speak about a direct impact of the ideas upon the legal and regulatory framework of Europe which came from the East. Reminding the relationship between the a landlord and his vassal one could find certain analogues in Japan but it was impossible to speak about certain mutual influence under the circumstances. Similar relations could not be found in Islam. In

XII century Roman law became popular in Europe. "Discovery" of that phenomenon happened without intermediary involvement of the Orient. The Islamic and Christian jurists always had different objectives. The Islamic jurists had to find in Koran clarification and justification of any new initiative. In Europe the jurists tried to develop rules adequate to the epoch and particular time. For them to protect the rights of a citizen in the court was the main task. If to speak about a direct influence of the Orient we should speak not of the law but about medical science in which one could find numerous examples.

Prof. Dr. A. Akhmedov added to the presentation of Prof. Dr. Pierre Chuvin that the works by Aristotle were translated into Arabic and could be known by Amir Temur. There were very much similar in Kurultais and public meetings in Greece, advice of military leaders, social orientation of the politics.

Prof. Dr. B. Urinboyev marked that the words "conqueror", "invader" which were used on the first day of the symposium could not be attributed to Amir Temur. All phenomena should be treated with due regard to the reality and the historical circumstances. It was necessary to ponder thoroughly all the pluses and minuses. For example, the fact that Amir Temur respected all honest people in any country and tried not to shed excessive blood were widely known.

A. Anarbayerev, Candidate of Science (History), draw the attention to the fact that the European scientists participating in the symposium with the purpose of getting us familiar with the understanding of Amir Temur in the medieval Europe were often asked to express their point of view about this historical personality. One should remember that it was not easy to do. Any assessment means serious responsibility.

Speaking about the sources, it was necessary to note that the legends could give sometimes very much useful. It was possible that the legend would help in identifying the place of birth of Amir Temur. One of such versions was being examined. In order to recreate an objective picture it was necessary to utilize all sources available.

Candidate of Science (History) R. Suleimanov noted that the presentations made by the German scientists (Prof. Dr. Tilman Nagel, Dr. Andrea Schmitz) enhanced our perception of Amir Temur because they analyzed the literature which was in opposition to the official sources.

Every empire had its own philosophy. Amir Temur formed up his outlook proceeding from the legacy of Genghiz-khan and the Islamic

Mowaronahr. Progressive character of Amir Temur was determined by the democratic character of his political position. At the time of Mongolian domination the ruling nomadic clique oppressed the settled (Islamic) population. There were two dominant ideas there: one group proposed to use cities in the benefit of the clique another group stood for complete and full destroying of them. The sufis, sarbadars and then Amir Temur had progressive, democratic viewpoints in opposite to the Mongolians.

SAMARKAND IN THE EPOCH OF TEMUR AND THE TEMURIDS

*Prof. Dr. Annemarie Schimmel, Peace Prize Winner
German Federal Book Trade Association*

When Babur who was not Temur's direct descendant but was bound to him by rather complicated ties of kinship besieged Samarkand in 1499 a remarkable thing happened. In his reminiscences Baburnama or Tuzuk-i-Baburi published in the Chigatai Turkic language Babur relates that he dreamt of Khoja Ahrar who had died nine years before and the latter prophesied that the Holy Sheikh Barakat would protect him. Babur took it for a good omen and continued the siege of Samarkand. Two years before that, in 1497, he had seized the city after a seven-year siege which he described in detail including its devastation and famished residents. Despite that young Babur who was fifteen at that time took the trouble of depicting Samarkand's sights. What he writes in his Baburnama about the buildings of the Temurid time and the city planning deserves attention and interest even today since he describes many buildings not mentioned in either earlier or later sources.

Since Samarkand was captured by Arabs in 712 it had become a center of Islamic culture. The first Muslim buried there was Hatam (Katam) Abbas who was regarded as a kind of city protector and patron saint, and whom Temur paid tribute to by erecting a splendid mausoleum which we can admire to this day. Samarkand was a city repeatedly described by medieval Arab historians and geographers. It is known to have consisted of three parts typical of that country, that is the citadel, the city itself and the suburbs. Another remarkable feature mentioned in all medieval historical sources and in The Baburnama too were Samarkand's beautiful

gardens. Later European travelers described the city as a 'garden of Eoen'. During the rule of all the dynasties that followed the Arab invasion - the Samanids, the Karahanids and Khorezmshakh - the city retained its impressive beauty until it was overrun by the savage hordes of Genghiz-Khan in 1221.

When at the time of Temur who, thanks to his marriage to a princess, Genghiz-Khan's daughter, became the son-in-law - the gurgan - of the great conqueror, Samarkand returned into the focus of attention. It was a city which Temur populated with craftsmen, artists and scholars taken prisoner in his numerous military campaigns.

He launched construction in his native town of Kesh, called Shakhriyabz today. He built a large palace visitors to which were awed by its entrance hall. As Babur wrote, 'No one has ever seen such or similar architectural construction'. It was even more impressive than Tak-i-Kisra Madaina (Ktesiphon) in Iraq which became an embodiment of pre-Islamic dominance to Islamic writers. Who once saw that pishtak, that entrance hall in Shakhriyabz, could not but agree with Babur.

Then there followed the time when craftsmen were brought from Herat, Baghdad and Kerbel, and after 1398 also from Delhi to beautify Samarkand with new buildings whose remnants we admire today. It is this blending of various styles known in the Islamic world in the 15th century that makes those structures look especially attractive.

Not only architects and builders but also calligraphers came to Samarkand. It is common knowledge that Temur admired calligraphy. Both Hafiz-i-Abru and Babur write about resplendent legends on large mosques and their mihrabs. There is even a legend saying that a well-known calligrapher Akta once came to Temur and brought him a copy of the Koran which was so small it could be hidden beneath a signet ring. However, as much as Temur admired Akta's skills he -sahibkiran- grew angry because the word of the Allah must not be written in small letters, they should be large and beautiful. And calligrapher sat down to work again, and it took him many months of painstaking work to re-write the Holy Book which was so large it could only be carried on a cart. It became possible to use that Koran only after a huge stone support was built for it in the yard of the Bibi-Hanym Mosque.

You all know that the love of calligraphy was hereditary in Temur's family; all his grandsons and great-grandsons, both in Shiraz and Herat, revered the art of calligraphy.

Temur also brought a lot of painters to Samarkand. Babur tells of a pavilion painted with the scenes of Temur's 1398 Indian campaign. This means that there existed murals of which no traces have survived to this day. However, the art of Miniature of the time of the Temurids which continued to develop successfully during the lifetime of his descendants also testifies to the fact that he was a great connoisseur of that art. It goes without saying that scholars and theologians were not deprived of Temur's attention either. We have already heard about his discussions with scholars. A century later Babur also pointed out the fact that it was there that the Sunnite branch of Islam was initiated and maintained for centuries. If we recall that Temur knew Master Amir Kulal we would not be surprised that he, as a legend goes, also knew Sufi Shah Nimatulla Kirmani. The latter wanted to settle in Samarkand but in vain. He was sent away to the accompaniment of the proverb, 'There is no room for two kings in one city.' It is hard to say today whether it is a historical truth or not. Anyway, it testifies to the influence of Nimatulla who later settled down in the south of the Indian subcontinent, and Temur, despite his intolerance to having another (spiritual) king near him (possibly because he did not want a Shiite influence in his empire), was proud of him.

We know a lot of details about the cultural life at the time of Temur, but we know little about his wives. Of course, his grandsons and sons are well known in history but the character of Bibi-Hanum, very active in his court, is studied insufficiently. I would like to emphasize the role of women in the Temurid dynasty. May be, little is known about those who lived at the time of the founders of the dynasty but in the Indian branch of the Temurid family started by Babur (who referred to himself not as a 'Great Mogul' but the 'house of the Temurids') women played a special role. Take Babur's daughter, Princess Gulbadan whom we know as a writer who described in detail the history of her family, primarily her brother Humayun. From her manuscript we can learn how free and independent the Temurid women were in India. And we also know that for at least one and a half centuries after the start of the Great Mogul dynasty in India, that is until the middle of the 17th century, they played a significant role as patronesses of arts, writers and artists. Undoubtedly, that was a legacy of the Turkic roots of Temur and his wife, and we revere Bibi-Hanym also as an example she set to other Temurid princesses.

Samarkand's description I mentioned at the beginning the way it was perceived by fifteen-year-old Babur coincides with the one given by Clavi-

ho which is known to all who studied Temur and his court. Clahivo who attended the wedding of Temur's five grandsons in September 1403 described the splendor and luxury of such feasts, the delicious dishes and exquisite wines, the fair, the magicians and everything that ought to be at a feast of that kind. When reading a description of a feast at the court of the Moguls in India one can easily discern their similarity. It would also be interesting to compare the rule of Temur about which we heard today with the administration of an outstanding Mogul ruler Akber who introduced a highly organized system of government in Fatpur Sikri and Agra. Such a comparison would be undoubtedly useful.

Apart from describing the viands and entertainment, dancers and musicians, cup-bearers and other joyful things he also mentioned a thing which seems characteristic to me, namely, that he saw with surprise a row of gallows standing near the site of the feast. What are they for? Later he understood, or probably somebody explained to him, that despite the splendor of the feast death was ever-present, the two being mutually supplementary characteristics of a ruler who, according to Muslim believers, should be an embodiment of both aspects of life, the way the Allah is, combining the *jalah* of power and strength, and the *jalah* of beauty, kindness and mercy. Yesterday Mr. Nagel already pointed to this interdependence. This duality can be traced throughout Islamic history and mysticism. In *Fihi ma Fihi* by Maulanan Rumi (where Rumi described the 1212 siege of Samarkand) we read that Sultan Galgen and his courtiers should be 'equally aware of his power as of his mercy towards the people.' Decades before Claviho had described the great feast in Samarkand, a North African traveler ibn Battuta wrote that he had seen something of the kind in Delhi, at the court of Muhammad ibn Tugluk, a king of the Turkic origin: on one side of his throne there stood the executioner, and on the other - the treasurer so as the good could be awarded, and the evil punished immediately. Thus, it was this dual aspect of the power of a ruler that made him the king: mercy or power alone would not do, there should be a sound balance of the temperaments. That idea was very characteristic of Temur and his successors.

In this connection I think it important to mention a little known remark made already in this century. For understandable reasons Indians were not ardent worshippers of Temur who killed a lot of people and destroyed many cities in 1398. Since the beginning of the dynasty of the Moguls which originated from the Temurids family this attitude has somewhat changed.

However, the name of Temur harbored something sinister to them. 'The spiritual father of Pakistan' Muhammad Iqbal who died in 1938 sometimes hinted in his Persian poems to Temur's power and cited him as an example to Muslims. Why him? In his letter written approximately in 1930 Iqbal relates that under the 'Temuriade' he meant not the destructive power but the position of a personality which used his power to rally positive forces. Temur is therefore portrayed by Iqbal as a perfect personality, a concentrated power because Iqbal thought him to be an ideal personality. This point of view which we heard yesterday seems too simplified to me.

In this context I will permit myself to go still farther. Namely, I would like to return to the interpretation of Temur's image in Europe, or to be more exact, in Germany. You probably know that Iqbal was a great admirer of Goethe, and published a Persian review of his 'West-Eastern Divan'. To most Germans, at least to educated citizens of my generation, the 'West-Eastern Divan' is a book from which we first learnt some information about Temur. The Divan was written as a reply to the German translation of the 'Divan' by Hafiz-i-Shirazi made by Hammer-Purgstahl (published in 1812-1813). It would be surprising if Goethe had not read that famous ghazal by Hafiz which begins with the words,

Had that world-famous Turk of the city of Shiraz
Willed to have proof of my submissiveness,
I'd have sacrificed Bukhara 'nd Samarkand
For the sign of beauty that on her brow rests.

This verse, these lines have been repeatedly quoted here. Goethe borrowed that thought and wrote:

T'was a cherished dream, my darling love,
To throw beneath your feet, my sweetheart,
The sweet-smelling fragrance that spreads above
Balh, Bukhara and Samarkand.

Goethe interprets Hafiz' thought in his own way, and in his subsequent poems Temur becomes a symbol of power. For instance, he says to his beloved,

It's you that Temur's wealth should serve,
His army should obey and follow.

It means that all power Temur enjoyed should serve his sweetheart. Naturally, it is a charming poetic joke, and Goethe understood Temur much deeper. In his 'Divan' which consists of several books there is the 'Temurnama' - 'The Book of Temur' containing just two poems. One is a version, or to be more exact, an almost word for word translation from the Latin of the Arabshah's chronicles in which that Arab historian described Temur's military campaign during which the latter died on January 15, 1405. That winter campaign impelled Goethe to write a long and moving poem because to him Temur's fate in that campaign was reminiscent of the event he had lived through several years before. That was Napoleon's winter campaign during which the French army suffered utter defeat. While it is only a legend that Hafiz met Temur, it is an established fact that Goethe met Napoleon. He observed the military offensive of the Corsican which was meant to be decisive for Europe's future. Thus, Arabshah's report about Temur evoked in him the memories of what he had experienced shortly before, namely, the tragic end of a formerly invincible hero during a cold winter.

Of special interest is a short verse which Goethe included in the 'Book of Indignation' in the 'Divan' in which Temur, defending himself against accusations in excessive cruelty, says,

Had Allah meant me to be a worm,
He would have made me one.

Since the Allah did not want it, Temur's destiny was just the one he had, 'the law he obeyed.'

However, in the second poem of 'Temurnama' Goethe writes that rose oil made of a great number of dead roses, perfumes his sweetheart despite the fact it was obtained by way of suffering and destruction, and so,

Isn't it true that Temur's rule
Destroyed a multitude of souls?

because to create something perfect it is necessary to destroy numerous beings - this thought was repeatedly expressed by early Persian mystics. I think that Goethe's interpretation of Temur's character is rather instructive because it is often impossible to interpret a historical personality from merely one point of view. As Schiller writes in his 'Wallenstein',

Shrouded in hatred and mercy,
his image is roaming history.

It is impossible to pay tribute to a genius by painting him exclusively white or demonically black. It is a cautious interpretation of the various

aspects of an outstanding person (and there is no doubt, that Temur can serve as an example) that makes the study of his personally interesting for a historian. Simultaneously, the objective of a researcher, no matter whether he lives in Uzbekistan or in Europe, should try and portray an outstanding personality soberly and substantially, with love and respect, yet honestly, so as when emulating him one could derive something for his one future. This is what we expect from this conference, and I wish you all success in your endeavors.

*Prof. Dr. Temir Shirinov, Director Institute of Archeology,
Samarkand Academy of Science of the Republic
of Uzbekistan*

In my report I will try to re-create the image of Samarkand of the time of Amir Temur. Samarkand is not a city solely of Amir Temur's time, it was founded long before his rule. But Amir Temur's greatness which was a gift of God, made this city the Eden of the East.

At all times Samarkand has played an exclusive role not only in the history of the people of Mowarounnahr but also of the entire Middle East.

Therefore the old Samarkand has always interested not only historians but everyone else as well. However, because of the ancient age of the city the image of Samarkand has somewhat faded in people's memory.

To re-create the images of ancient Samarkand is one of the complicated tasks of historical science. Nevertheless, it is not a hopeless task. We have a number of various sources - architectural, archeological, literary and historical - at our disposal.

Samarkand is one of the most interesting and ancient cities of the East to have grown on the lively routes of the Silk Road. Thanks to its wonderful geographical surroundings and a favorable location at the foot of Chupan-ata hills on the bank of the Siyeb River it became known as a prosperous and rich city from very early on.

A testimony to Samarkand's ancient history is the lifeless settlement site of Afrasiab occupying more than 219 hectares to the north-east of the present-day city.

Many legends about its past and its origin, as told by medieval authors, have survived to this day.

While giving contradictory information about Samarkand's origin all authors are unanimous in stating that the city had existed long before the

Arab invasion. According to Nasefi (12th century) by the time Kutaiba appeared in Mowarounnahr, Samarkand was already 2,500 years old, and this means that it dates back to the middle of the second millennium B.C. Speaking of the time of Samarkand's foundation, Abu Tahir Khodja writes about two kings who had allegedly ruled prior to the Ahemenids - Keikaus, son of Keikubad, and Kurshasp, as well as Tobba who came from Yemen and, finally, Iskander (Alexander the Great).

Very popular among Samarkand residents is the legend connecting ancient Samarkand with the settlement site of Afrasiab named after the king of Turan who fought with Iranian kings.

However, the latest archeological facts obtained from the Afrasiab settlement site testify to the fact that Samarkand as a city began to take shape in the 8th c. B.C., and regardless of any legends and myths we can say with confidence today that Samarkand is a contemporary of Rome and is 2750 years old.

Undoubtedly, it is the most ancient city in all of Central Asia. It is a witness to the time of Midia and the Ahemenids. According to Kurtius Ruth, back in the time of Alexander the Great Samarkand was a strongly fortified city. Alexander who conquered Samarkand in 329, made it his principal citadel. After the Arab conquest Samarkand became world-famous. Subsequent generations shrouded the city with beautiful legends.

'Across the Jeihun River there is a city which abounds in land and running water and is called a God-protected city. It has the gates, and at each gate there are five thousand angels with spread wings protecting residents of the city... Water in that city is white, sweet, clear and delicious. Everyone who drinks that water feels full, and everyone who performs ablutions in that water shall be relieved of all sins and become as clean as a babe newly-born,' writes Abdul Khakim Samarkandiy, author of the 'Kandia', about Samarkand.

Trade routes of the Silk Road extending from Japan to Rome joined in Samarkand and spread from it like the rays of the sun.

The names of the gates in the walls that surrounded Samarkand in the 9th-12th cc. speak of the direction of the roads. In the southern wall of Shahristan there was the Kesh gate from which started the road to Kesh and Termez, and on to Balh. In the northern wall there was the Bukhara gate whence began the road to Bukhara with side roads to Amul, Merv and on to Khorasan. In the eastern wall there was the Chinese gate testifying to the existence of caravan trade with China. And finally, in the west there was the Naubehar gate.

In the middle ages Samarkand was famous for its silk and cotton fabrics, paper and various fruits of which the 'golden peaches' came down in history as one of the wonders of the world. Unfortunately, in 1220 the prosperous life of Samarkand was interrupted by Genghiz-khan's hordes. The city was mercilessly destroyed and burnt, its life-giving artery -- water pipeline 'Jui arziis' -- was liquidated, and three quarters of the population massacred. The flourishing city was razed to the ground and was never restored on that place which fact is proved by the dead city that remained under the earth called Afrasiab. Hundreds of other cities and villages of Mowarounnahr shared the destiny of Samarkand.

Its revival, like that of many other cities, is associated with Amir Temur's name. Amir Temur had an undying passion for creative activity. His attention had always been focused on city construction. Amir Temur revived, re-built and improved many cities of the medieval East such as Samarkand, Shakhriyabz, Karshi, Termez, Bukhara, Balh, Otrar, Shahr-uhia, Tashkent, Turkistan, Ahsiket, Urgench, Bailakan and others.

In 1370 Amir Temur was proclaimed the supreme ruler of Mowarounnahr at the kurultai in Balh. According to historians, Amir Temur hesitated when choosing a capital for his growing state. Which city should he give preference - Shakhriyabz where he spent his childhood and his ancestors were buried, or Samarkand, the city of ancient Afrasiab, king of the mythical Turan? Amir Temur loved Samarkand and made it the capital of his vast empire: Why was it Samarkand that he chose for his capital? There are several reasons to it. Samarkand was situated in the center of Mowarounnahr and stood on the lively Silk Road and routes of migration of nations. It was a center of diplomatic contacts accessible to both the steppe land North and the civilized oases of the South. It was the capital of legendary Soghdiana and a major center of crafts and industry whose favorable strategic position and climatic factor made the capital one of the most beautiful cities of the East, the 'center of the world'.

As for Shakhriyabz, it had never been the capital of any state and had no lasting metropolitan traditions, it had always been a city of secondary importance in Soghdiana.

The images of Samarkand were created by Amir Temur's genius. During the construction and improvement of the city three main principles were observed. The first and most important one, securing the city's defense capability and the power of state administration, was the construction of the citadel - hisar - surrounded with powerful fortifications.

The citadel - hisar - was the principal element in the city layout, it was situated in the western part of the city, the highest one, and occupied an area of 34 hectares. Our symposium is taking place in this historical place, Amir Temur's citadel which was one of the earliest (1370-1372) constructions in Samarkand.

'On the edge of the city there stands a fortress which seems to stand on a plain surface, but is surrounded with a very deep moat formed by a rivulet, and this moat makes the fortress inaccessible,' writes Claviho. Mukhammad Bobur relates that the length of the fortress wall was more than 10,600 thousand steps. Those were high walls made of brick and palsa and reinforced by towers, placed at equal intervals, arrow slits and an irregular line of merlons.

Inside there were the bodies of state authority, Kuk-Saroy, Bustow-Saroy, the treasury, the armory, mosques, zindans, etc.

Although Temur himself did not live in the citadel, life was thrilling there. All governmental buildings were situated in it as well as beautiful palaces and houses of major dignitaries. According to Babur, 'it was there that Temurbek built a huge four-storied palace known as Kuk-Saroy. The building is extraordinarily high.'

There were gates in the citadel linking it with the rest of the city. Built almost in one line, majestic buildings with dark-blue domes - the Ak Saray, the Gur-i-Amir, Kutbi Choha-duhum, Kuk-saroy and Buston-saroy made the city look solemn.

The second major element in the construction of the city that determined Samarkand's appearance was the layout of the shahristan itself including its streets, squares, pools, fountains, trade stalls, mosques, madrasahs, mausoleums, khana-gahs and burial vaults.

The city as well as the citadel was surrounded by a wall and had six gates in Temur's time. In the northern wall there was the Sheih-zade and Ahanin gates, in the eastern - the Firuza gate, in the western - the Chor-su gate, and in the southern - the Suzangaron and the Kariz-goh gates.

In the center of the city there was the Chor-su to the north-east of which, towards the grand mosque and farther on to the Ahanin gate there stretched the main bazaar which was simultaneously a major street and road.

Various streets ran from all parts of the city towards its center where the indoor Chor-su bazaar was situated.

The city layout had a linear composition, streets interspersed with squares stretched from the center towards the mahallya, guzar and city

gates. Along the streets there were trade stalls, and on the squares there was market-places. Claviho writes that 'There are a lot of squares in the city where they sell meat, chickens and other poultry as well as bread and fruits, everything extremely clean... these squares and streets are full of people day and night, and trade is in full swing there.'

Displaying concern for trade, Amir Temur ordered that a street be built from one end of the city to the other. 'A very wide street was built bordered on both sides with tents. As soon as work was finished, traders were placed there who sold various thing. Ponds were built at certain interval intervals along the street,' wrote Claviho, an ambassador from Castile, wrote in his diary.

'Samarkand is an exceptionally beautiful city,' wrote the author of the 'Bobur-Name'. 'It has one peculiarity characteristic of few cities: each trade and industry has its own quarters, they are not mixed up. It is a wonderful custom.'

Amir Temur built over twenty major splendid architectural ensembles such as Aksaray, Kuksaray, Bustansaray, Gur-i-Amir, Ruhabad, Kutbi Chahor-duhum, Bibikhonum, a number of the Shah-i-Zinda mausoleums, Ishrahona, twelve gardens and many public buildings which have not survived to this day.

Often Sohibkiran headed construction projects personally. According to Sharafiddin Ali Yazdi, Amir Temur himself supervised the construction of the grand mosque, the so-called Bibikhanym. The mosque awed contemporaries by its grandeur. Ali Yazdi writes, '480 stone-carved columns were built, each of them seven gyaz high. The high ceiling and the beautiful floor (of the mosque) were made of hewn stone slabs so that the height (from the floor) to the ceiling was nine gaz.

If you look for a comparison for its arc and its dome, nothing better comes to your mind than the Milky Way and the firmament.

There would have been no other such dome except the sky, and there would have been no other such arc except for the Milky Way.'

Thus, the eastern part of the city was fully built under Amir Temur's guidance. Majestic portals, towers and minarets of the grand mosque of Temur, the Saray-Mulk-Khanym madrasah, the Ahanin city gate, the domed trade stalls - they all formed the splendid architectural appearance of the capital of the world striking everyone who came to Samarkand.

And finally, the third main element that created Samarkand's characteristic appearance was the construction of garden and palace ensembles both inside and outside the city which were its part and parcel. Amir

Temur built twelve gardens with splendid palaces situated in their center: Boghi baland, Boghi Zogon, Boghi Jahonnamo, Boghi Chinor, Boghi Nav, Boghi Maidon, Boghi Buhisht, Amirzoda Shohruh Boghi, Boghi Buldu, Davlatvoghi and Boghi Nakshi Jahon. Construction of the garden and palace ensembles revived ancient oriental traditions of city construction emulated by Europe.

Thanks to Sharafiddin Ali Yazdi's and Claviho's descriptions we can re-create, at least in general, the appearance of the gardens and palaces. These ensembles were built according to layouts made in advance. They were usually rectangular with a central lane, and were often divided into four parts - the so-called 'Charbog' layout, with systematically planted decorative and fruit trees, shrubs and flowers, a network of irrigation ditches and hauz - pools, sometimes with fountains and cascades. Internal layout of the gardens and palaces was often cross-like taking source in the ancient architectural tradition called 'Chartak', and later on - 'Chorsu'.

Ambassador Claviho of Castile thus describes Boghi Dilkusho, 'The entrance to the garden was very wide and high, and richly decorated in gold, glaze and emeralds.'

Gardens consisted of lanes along which rose white poplars. Triangular and hexagonal plots of land were planted with fruit trees and flowers. In the middle of the garden a palace was built - a domed edifice on the three sides of which there rose high arches.

Babur writes, 'The walls of Boghi Dilkusho were decorated with a painting representing one of Temur's Indian campaigns.'

Thus, the gardens were part and parcel of the capital, they were open not only to rulers and high gentry but also to everyone.

Samarkand cannot be imagined without stans in the city environs on the bank of the Obi-Rakhmat River, in Kanighil locale where thousands of varicolored silk tents were put up during festivals, tois and public festivities.

The great Temur dreamt of creating a Worldwide State based on justice, and pictured Samarkand as a city of international importance, the royal capital, the first among cities, unparalleled by others. To translate this idea into life, Temur had actually built Samarkand anew as well as the surrounding settlements naming them after the well-known cities of the East - Misr, Dinish, Baghdad, Sultania and Shiraz. These settlements exist to this day. To implement his grandiose plan of building 'the center of the world' Sohimbkiran attracted craftsmen of all trades starting with

stone-hewers and ending with jewelers from the entire East - Damascus, Tabriz, Baghdad, Khorasan, Azerbaijan, Urgench and Hindustan. This resulted in a synthesis of various styles of city construction, architecture, and monumental decoration of buildings called 'Teimuriylar uslubi' - the Temurid style which spread across the entire East.

The city layout took advantage of the terrain. All architectural ensembles - the Citadel, the Gur-i-Amir Mausoleum, the Shah-i-Zinda, Chuponota, Akrasay, the Grand Mosque, the Kuksaray and Bustansaray palaces - were built on elevated ground. Several straight streets with trade stalls were built - Shah Roh, Ohanin-Chorsu, Citadel-Chorsu - which splendidly matched squares and hauzes and changed the city appearance dramatically making it look truly royal.

Winding up my report I would like to point out that at the time of Sobihkiran Amir Temur Samarkand became one of the most beautiful and majestic cultural center of the East. Temur loved his city dearly, paid much attention to it, and did not stint money on it. Outstanding scholars, painters, musicians and architects lived and created their masterpieces there. It can be said that at that time the most unique engineering, scientific and philosophic ideas were born in Samarkand, they were developed there and then spread across the East and the West. At the time of Temur and the Temurids Samarkand was a source of light, and its rays brightened the world. This was a period of true Renaissance which can be described as the Temurid Renaissance.

STONE AND WOOD CARVING CRAFTSMANSHIP IN THE EPOCH OF AMIR TEMUR

Dr. Joachim Gierlichs, Museum of Islamic Arts, Berlin

Amir Temur (1336-1405) known in the West as Tamerlaine (Temur-the-Lame) founded a great empire in Central Asia and Near East which existed for more than a century (1370-1506) within varying boundaries. Apart from deciding the political destiny of the region it also played a major role in the area of the arts. There is no doubt that the works of art and architectural monuments created during the rule of Temur and his descendants have long since belonged to masterpieces of Islamic art. The expression 'the art of the Temurids' used below refers to the period from 1370 to 1500 and not only to the time of Temur's rule (1370-1405).

Despite their high quality, stone- and wood-carved articles of the time of the Temurids are not well-known. While research work related to the art and architecture of the Temurids has lately made great progress manifested in numerous articles and monographs¹ as well as in a major Temurid exhibition² in the USA in 1989 no systematic studies of stone- and wood-carved articles have ever been undertaken.

Wood-carved items of the time of the Temurids were made of marble, stone or nephrite. Most of them were used as architectural decoration while a few very precious articles made of nephrite can be regarded as works of art closely related to Ulugh Beg (1394-1449)³. As an example I would like to show the handle of a sword now displayed at the Metropolitan Arts Museum in New York, it dates back to the first half of the 15th century⁴. A goblet of white nephrite made for Ulugh Beg between 1420 and 1449⁵ is kept at the Kalun Gulbekyan Foundation in Lisbon. Both of them bear representations of a dragon's head characteristic of the works of art of that time made of different materials which mostly decorate handles and undoubtedly bear traces of Chinese influence.

While normally nephrite was used for smaller works of art, Temur's cenotaph made of nephrite of which I will speak later is an exception.

As for stone-carved items of the Temurid time discussed below their choice is limited. As far as I know there is no description that could claim being at least relatively complete.

We will begin by speaking of two buildings erected at the time of the Temurids in Samarkand which could initially display items richly decorated with stone- and marble-carving.

On returning from his victorious campaign in India (1398-99) Temur ordered that a Friday Mosque which is usually named Bibi-Khonim Mosque should be built in his capital. While the main legends on the colonnade of the prayer room stating the year of 801 of hejira/1398-99 as the year of the beginning of its construction is made in unglazed terra cotta⁶, the legend above the entrance portal stating the date of the end of construction as the year 806 of hejira/1403-04 of which only fragments have survived is made of marble. According to historical photographs⁷ the stone portal stood until the 1887 earthquake. It is highly probable that it was made by stone-carvers from Azerbaijan which is proved by numerous surviving stone structures of the Shirvan-Shah time whose decoration may be compared in styles. I would like merely to mention the Shirvan-Shah ensemble in Baku without going into any further details⁸.

The 400 or 480 columns, which were named in historical sources *riwaqs*, brought from the quarry by 95 Indian elephants were made of marble. As is shown in the unpublished photograph made by Ernst Kon-Wiener in 1924 or 1925 some of those columns are still in their places while other columns of their bases were unearthed during archeological excavations by S.E. Ratia¹⁰.

The most unique item is probably a pulpit for the Koran 2.3 by 2.0 m made of stone and now standing in the yard of the Temur Mosque (see pic.1). The *rahle* consists of a single marble slab on eight massive supports stopped with two huge triangular blocs slanting inside. The outer side of the blocs is covered with an intricate web of patterns standing out only slightly against the background while the stone slab is decorated with a three-layer *mukarnas* cornice made in low relief.

Temur's burial place, the Gur-i-Amir Mausoleum he had ordered to be built for his dead grandson Sultan Mukhammad in the year 807 of hejira/1404 displays various examples of stone carving. Some of them are legends, like in the Friday Mosque, carved in stone or marble. Inside the mausoleum the wall facing consists of a high socle made from hexagonal onyx slabs and a *mukarnas* cornice of marble plates in low relief (all together 2 m high). Right above it a frieze of green jasper (a kind of chalcedony) is running along the entire perimeter of the interior. It contains a legend of gilt letters. This is followed by other belts of different colored plaster and other materials reaching a *mukarnas* construction of pressed and painted paper (*papier-mâché*) which transforms the square surface of the walls into the circular surface of the dome. Another stone legend is on both sides of the entranceway to a gallery leading to the Mausoleum which was built at the time of Ulugh Beg in 1424.

Special emphasis should be laid on Temur's cenotaph of green nephrite which is entirely different from other false tombstones made of stone and from the tombstone of Said Baraka made of brick. In the crypt which one could initially reach through a staircase in the south-eastern corner of the Mausoleum there are tombs of Sultan Mukhammad, Temur, Miran-shah, Shahruh and Ulugh Beg situated right below their respective cenotaphs. In Temur's cenotaph whose origin is not quite clear there is a large crack most probably made during its transportation from Meshed at the time of Nadir-Shah. According to F.F. Barthold, Ulugh Beg ordered that it be brought back in the year 828 of hejira/1425 as a trophy of its victorious Mongolian campaign while other sources state that it must have

been made of one of the two nephrite blocs Ulugh Beg had ordered to be brought from Karshi to Samarkand¹². Legends on the tombstone¹³ and the cenotaph contain Temur's genealogy which presents him as a descendant of both Genghiz Khan and Ali¹⁴.

In the yard of the Gur-i-Amir Mausoleum a large rectangular monolith has been lying for several years which should have initially been in Koksaray (see pic. 2). It looks like the one shown in a photograph made by Ernst Kon-Wiener who visited Samarkand in 1942-25. Since the question really concerns Koksaray the photograph simultaneously provides us with the terminus as quem (date until which) the palace must have definitely survived. As far as I know, that interesting specimen of the art of stone-carving of the Temurid time has not yet been studied from the viewpoint of the history of art. It is usually called the 'throne stone' which name is backed by its Koksaray origin. The stone slab of the size of 3.30m. x 1.50 m. has no legends which could permit to establish the date of its origin or function. Its main and side surfaces are covered with a fine vegetable ornament resembling the pulpit for the Quoran in the Friday Mosque built by Temur.

A 15th-century miniature which has survived in the Tokapi-Saray Museum in Istanbul shows a 'throne' suitable for comparison which is covered with a cassette-like pattern but is made of wood¹⁵. Two Chinese girls are sitting on it.

Now I would like to speak about two stone-carved articles kept at the Museum of Islamic Art in Berlin (I.4534; i.27/76) ¹⁶. One of them is a five-pointed marble star from a madrasah in Samarkand built by Ulugh Beg in 1417-20. In the side niches near the entrance portal five-pointed marble tiles and double marble pentagons form the socle ornament together with glazed inlay. Decoration of the tile displayed at an Uzbek exhibition in Berlin-Dalem at the moment which made it impossible to make slides consists of a repeated motive of intersecting tendrils forming stylized flowers.

The origin of two marble tiles is unknown. Ten-pointed stellar tiles are covered with a vegetable ornament the center of which forms a rosette surrounded by two circular intersecting vegetable patterns. A distinguishing feature of the tiles is their dome-shaped form present in semi-columns in Samarkand built from separate parts. As for the style of lowers and type of intersection of vegetable motives they are also similar to stone-

carved specimens in Samarkand dating back to the 14th and 15th centuries. Besides the pulpit for the Koran in the yard of the Friday Mosque and the so-called 'throne' stone in the yard of the Gur-i-Amir Mausoleum in Samarkand that have already been mentioned the vegetable ornament on the tombstone in the Jahonguir Mausoleum (Hazrat-i-imam) in Shakhriyabz¹⁷ is also convenient for comparison. From the central flow there stem numerous sprouts with small leaves and flowers executed in the inverse-carving technique which leave much of the background free.

In sharp contrast to those very flat ornaments stands decoration of the tombstone of Ghiyataddin Mansur (died in 1445) in the madrasah named after his son Sultan Husain Mirza in Herat dating back approximately to 1485¹⁸. Apart from some much more richly decorated flowers the contrast is primarily confined to stylistic peculiarities making this specimen of stone-carving entirely different from those mentioned earlier. A vegetable ornament executed in high-quality high relief consists of two superimposed layers. Because of that the ornament of the lower layer is completely overshadowed by the upper layer.

The same ornament is present on a tombstone¹⁹ displayed at the Isabella Stewart Gardner Museum in Boston. Its main field is also covered with an ornament consisting of two relieves of different depth, and the total depth of the relief seems much less. This results in a smaller overshadowing of the background which is therefore more distinguishable.

Besides that, a close parallel may be drawn with the door of a house purchased in Kokand at the end of the 19th century by a Swedish diplomat and scholar F.R. Martin²⁰. So, he is one of the very first researchers who studied wood-carved items of the Temurid time. The fold of the door which is now at the Metropolitan Arts Museum in New York²¹, although purchased in the Fergana Valley, must have been brought there from Bukhara or Samarkand.

And with this I am passing over to wood-carved articles of the Temurid time systematic study and description of which is the subject of the research project 'Central Asian and Iranian Wood-Carved Decoration of the Temurid Time' launched by me in 1994 and supported by Gerda Henkel Foundation in Dusseldorf since 1995. Up to now two surveys have been made of wood-carved articles displayed in museums of various countries dealing with Central Asia and Iran. Other trips are planned which will take care of Russian, European and American collections. All information has been fed into a data base which provided a foundation for a would-be catalogue.

To give you an idea of completeness of this information I would first like to quote some figures. I have so far described over 170 wood-carved decorations of the Timurid time of which 70.3 per cent have survived to this day. About 13.4 per cent of all items come from Central Asia while 86.6 per cent come from Iran or can be traced there. Of course, this is connected with availability of timber, and this explains more frequent occurrence of wood-carved articles in the provinces of Mazandaran and Ghilan to the south of the Caspian Sea rich in forests. At the same time, in those distant provinces a great number of imamzadegan (plural of imamzade) were built and decorated with wood-carved doors and cenotaphs.

Over 60 per cent of them (106) have legends stating construction date, and about 45 per cent (76) bear the signature of the artist. Moreover, the customer is known in more than 35 cases (about 21.5 per cent).

Wood-carved decorations consist of geometric and vegetable patterns with greatly varying details. Legends, especially if they are calligraphic, are also used as additional decoration²². No human or animal images are present with the exception of the representation of a dragon on a box made for Ulugh Beg and now exhibited in the Topkapi Saray Museum. Inlay from different colored wood varieties or ivory displays an especially high quality, and remnants of paint testify to the fact that wood-carved articles could also be painted.

If we compare Central Asian and Iranian wood-carved items we will see that most of the Central Asian ones date back to the early Timurid period which means that they were created during Timur's rule. Almost all of them are of a quality higher than the average one which is characteristic of the doors of the funeral mosque of Akhmad Yassawi (797/1394-95 or 799/1396-97) and the doors in the Shah-i-Zindah ensemble (807/1404-05). Not a single wooden cenotaph or pulpit (minbar) from Central Asia of the time of the Timurids has survived to this day. The surviving false tombstones are either made of stone or faced with different colored glazed tiles like the cenotaphs of Husan ibn Abbas whom I will speak later of, or made of stone as Timur's cenotaph of nephrite. The same is true of prayer pulpits of the Timurid time all of which come from Iran. However, it should be taken into account that in most cases wood-carved decoration of Central Asian mosques has not survived, so we don't know what material minbars were made of.

Considering the subject of the conference and the time I have I will refrain from making an analysis of the ornamental system for which pur-

pose I would have to resort to numerous Iranian wood-carved articles of the Temurid time. Instead I will confine myself to important Central Asian wood-carved items.

But first I would like to remind you that Central Asia has wood-carving traditions of long standing little known in the West which dates back to pre-Islamic times (I will only mention wood-carved items from Penjikent). The earliest Islamic wood-carved items are an unusual wooden mihrab of the 10th century from Iskodar²³, a town in the upper reaches of the Zerafshan River (Tajikistan) and a wooden structure from Obburdan now displayed in museums in Dushanbe and Tashkent, to quote only two examples. There is a wooden panel in the Chashma Ayub Mosque in Bukhara dating back to the early Temurid time (around 1380) which was most probably used as a shpolia. As far as I know its functions and date are unknown to this day.

An important role in the development of wood-carving in the Temurid time was played by a refined cenotaph of Saifaddin Bukharzi whose mausoleum was situated on the outskirts of Bukhara (now its site is completely covered by modern buildings). The time limit does not allow me to speak about this in details. Maybe in the next autumn there will be a chance to describe this important wooden work when they celebrate 2500th anniversary of Bukhara.

Let us return once again to the Gur-i-Amir Mausoleum in Samarkand. The entire ensemble, which also includes a madrasah and a khana-gah, has a number of approaches which used to be closed with wooden doors. At present there is still one wooden door of the Temurid time in place while another one is substituted with a modern copy with identical patterns. Another door or door fold has been kept at the Hermitage in St. Petersburg²⁴ since the time of the first major restoration. As for the door 2.6 m high which now closes the initial approach from the north which was changed in Temur's time, in my opinion, it is not the original door. That richly carved door dating back to an unknown time must date back to a later period. The well-preserved decoration displaying green, light-blue and red colors testifies to this fact. It is possibly a later copy executed in the spirit of 'preserving ancient monuments'. The vegetable pattern with a large medallion is not identical to the large two-piece door displayed at the Hermitage, which must come from the Gur-i-Amir Mausoleum²⁵, although it looks like it.

The case of the door leading into the Mausoleum from a gallery built by Ulugh Beg in 1424 (ruled in 1409-1449) is entirely different. The

original door has been lifted from its hinges and in the spring of 1995 stood near the opposite wall while its place was occupied by a modern copy of it which, among other things, proves that the art of wood-carving remains at a high level today.

Without analyzing ornamentation in detail, I have to point out that the difference between the strictly geometrical pattern dominated by small rhombi and the original door is striking. Some more detailed photographs can clarify the quality of the door in which inlay of various varieties of wood and ivory was used.

Judging by a sketch of the pattern this door is identical to the door of Ulugh Beg's hall (1424), which is the only of the Gur-i-Amir's doors of the Temurid time which has remained in place and can therefore be dated back to 1424. Like the door to the mausoleum, in contrast to many other doors of the Temurid time, both its folds are made of massive uniform wooden plans and not from numerous smaller panels. If we do not want to assume its second application, no indications of which exist, the door to the Mausoleum can also be dated back to 1424.

A final assessment and classification of the wooden decoration, primarily that of the Gur-i-Amir's door can be attempted only after a thorough examination of wood-carved articles transferred to the Hermitage in St.Petersburg. Given this possibility, it could be possibly found out with the help of museum documents at what time which object was removed from the Mausoleum and brought to St.Petersburg, and whether any modern copies were made and when.

I would also like to introduce another equally renowned monument which is of great importance for the assessment of wood-carved decorations of the Temurid time. The Kusam ibn Abbas Mausoleum constitutes part of the Shah-i-Zinda ensemble of mausoleums situated in the north of Samarkand. They began to be built starting with the 11th century, and the peak of their construction fell on the 14th and the 15th centuries. Back in the pre-Mogul times the tomb of Kusam ibn Abbas, Prophet Mukhammad's nephew, was a holy place. The legend says that Kusam ibn Abbas came with Muslim troops to Soghdiana in order to convert fire worshippers to the true faith - Islam. After the utter defeat of his troops there was nothing Kusam ibn Abbas could do but flee to the Afrosiab Hill. There Allah indicated a cave in which he was supposed to live ever after fasting and praying. The legend or a wish to be buried near the tomb of the saint was a pretext mainly for women of the Temurids dynasty to build a tomb

place for themselves because the tomb of the saint was considered to be an entrance to the Paradise.

An extremely complicated history of its construction which lasted from the 11th to the 19th century clarified to an extent by excavations must be omitted and return to the theme of the presentation²⁶. Important to us is the door that led from the funeral street to the Kusam ibn Abbas ensemble (see pic. 3), another door which gave access to ziyarathana and the wooden latticework in the saint's cenotaph.

Unfortunately, at present the folds of the entrance door are painted in loud colors covering both the high-quality carving of floral motives and ivory inlay visible only in a few small sections (see pic.4). The door dates back to the 807 year of hejira/1404-05 and therefore refers to that phase when the ensemble was being renovated, altered and restored. Apart from the date (807 year of hejira) the 'capital' of the middle beam bears the name of the artists - Said Yusuf Shirazi²⁷.

At present there are two possibilities for entering the ziyarathana. First, from the mosque through the opening entranceway, and second, directly through another entranceway, which is usually locked, in the east²⁸. I used this entranceway this past spring because excavations were underway in the mosque and it was closed. A relatively small one-fold door, which in the north-east leads to zirayathona, displays interesting decor different from all other known patterns²⁹. The door is strongly damaged, especially its lower part, so it is hard to discern the patterns on the slide. A transverse rectangular panel in the upper reveals a geometric pattern of hexagons against a vegetable background passing into a kufi legend reading, "Prayer, and not power and wealth" ³⁰.

The burial room proper (guruhana) with a cenotaph of the saint richly decorated with faience is separated from the room for pilgrims (ziyarathana) by a wooden latticework of about 2.5 m by 1.35 m made in 1334-35 which conditionally allows an eye-contact with the cenotaph. Its drum-shaped upper panel as well as the hexagonal panel located in the center of the latticework bear partially destroyed legends (as well as the hexagonal panel itself). An interpretation of legends which do not contain any historical data was published by Shishkin³¹. Access to the burial room is also through a small door which is usually closed. The latticework which, in my opinion, has no analogues either in Central Asia or in Iran dates back to the 1380s³².

In conclusion I would like to quote once again a few passages from the report of the trip of Ibn Battut (1304-78) who visited Samarkand in 1333. In his manuscript he mentions both Kusam ibn Abbas's tomb and its decoration which fact holds special significance for us. He writes, "Samarkand residents come here every Monday and Friday night to visit the tomb of Kusam ibn Abbas." After some remarks about the rites and description of the building he continues, "The cenotaph is made of ebony and decorated with gems, and its corners are covered with silver. Three silver lamps³³ hang over the tomb." The description of the tomb too detailed for a medieval traveler reflects, on the one hand, the importance of the holy place, but also raises a number of questions which I can only touch here in passing. First of all, it is striking that he writes about a wooden cenotaph which no longer exists. Therefore the time of Ibn Battut's visit (1333) provides us with the terminus ad quem (time limit) about existence a wooden cenotaph. We don't know whether Ibn Battut means the original cenotaph. However, we can conclude that it was quite possible and even customary to replace the cenotaph even of such a significant saint, be it for the reason that it was no longer in good shape which, however, is not clear from Ibn Battut's report, or that they simply wanted, to use modern language, to keep pace with time and so preferred a cenotaph decorated with faience to the old-fashioned wooden one.

References

1. Without a claim to mention all sources: L. Golombek - M. Subtelny (ed.): *Temurid Art and Culture. Iran and the Central Asia in the Fifteenth Century. Studies in Islamic Art and Architecture, Suppl. to Muqarnas, vol. VI.* Leiden - New York - Köln 1992; L. Golombek - D. Wilber, *Temurid Architecture in Iran and Turan.* 2 vols. Princeton 1988 (= Golombek / Wilber 1988); - E. Grube, *Notes on the decorative arts of the Temurid Period, II.* in: *Islamic Art III*, 1989, 175 -208; B. O'Kane. *Temurid Architecture in Khurasan.* Costa Mesa, Calif. 1987; - G.A. Pugachenkova, *Chef-d'oeuvre d'architecture de l'Asie Central XIVe - XVe siècle.* Paris 1981; - W.M. Thackston, *A Century of Princes. Sources on Temurid History and Art.* Cambridge, Mass. 1989. Zu Timur und seiner Zeit siehe T. Nagel, *Timur der Eroberer und die islamische Welt des späten Mittelalters.* München 1993.

2. Th.W. Lentz -G.D. Lowry, *Temur and the Princely Vision. Persian Art und Culture in the Fifteenth Century*. Los Angeles 1989 (= Lentz/Lowry 1989).

3. Some works made of nephrite see Lentz/Lowry (1989) 142 ff., cat. no. 50-52 (m. pic.) u. pic. 46.

4. Gift of Heber, R. Bishop, 1902, 02.18.765; nī.Lentz/Lowry (1989), cat. no. 51, fig. p. 143.

5. Lentz/Lowry (1989), 144, fig. 46.

6. Golombek/Wilber (1988) fig 70.

7. See Golombek/Wilber (1988) 255ff., cat. no. 28.fig. 73.

8. See Golombek/Wilber (1988) chap. 9.

9. Modern authors' opinions differ.

10. See S.I. Ratia. *The Bibi-Khanim Mosque* (Moscow 1950).

11. See Golombek/Wilber (1988) 262.

12. Lentz/Lowry (1989) zitieren V.V. Barthold, *Ulugh-Beg. Four Studies on the History of Central Asia*. Trans. V. and T. Minorsky. Leiden 1958. Vol. II. 100f. See also V.V. Barthold, «About Burial Places of Temur» (Translation and comments by J.M. Rogers), in: *Iran* 12, 1974, 87.

13. In the album «The Architecture of Uzbekistan» has a figure (Text G.A.Pugachenkova) (o.p.).

14. The most significant works see Lentz/Lowry (1989) 27 f., 17, 20.

15. E.J. Grube, *Studien zur Malerei der Temuriden*, in: *Kunst des Orients* 5/1, 1968, Abb. 6-9 (Hinweis von Zick-Nissen).

16. *Islamische Kunst. Verborgene Schätze. Ausstellung des Museums für Islamische Kunst, Berlin* (Berlin 1986) 131, Kat. Nr. 229, 230.

17. The fragment see in Lentz/Lowry (1989) 211, fig. 74.

18. See Lentz/Lowry (1989) 210, fig. 71 (fragment).

19. Lentz/Lowry (1989) 209, fig. 70.

20. F.R. Martin, *Sammlung F.R. Martin. Tueren aus Turkestan* (Stockholm 1897).

21. Rogers Fund, 1923, 23.67.7; see in Lentz/Lowry (1989) fig. 69.

22. C. Arseven. *L'art Turc* (1939) pl. 3; see Lentz/Lowry (1989) 207 f. (fig.), 339 (cat.no.49).

23. Picture of one more wooden mirab of XI-XII centuries in the Islamic Museum in Cairo was published in: H. Glueck - E. Diez, *Die Kunst des Islam* (Berlin 1925) Abb. 470 f., 590 (Text).

24. See *Les Mosques de Samarcande, Fascicule I: Gour-Emir*. Publie par la Commission Imperiale Archeologique. St. Petersburg 1905; some

pictures of the doors are provided with wrong subscriptions in L. Bronstein in: Pope, A.U. - Ph. Ackermann: A Survey of Persian Art from Prehistoric Times to the Present. London-New York 1938. Vol. III, 2622 ff., pl. 1468 ff (= SPA III).

25. Pictured in: SPA III, pl. 1468.

26. See the monograph by N.V. Nemtsova - Yu.S. Shvab: «The Shahizinda Ensemble». Historical and Architectural Survey (The Shah Zinda complex). Tashkent 1979 (Nemtseva /Shvab 1979) 128, fig. 166 sowie Golombek/ Wilber (1988) 235, cat. no. 11A.

27. V.M. Filimonov «The Ancient Carved Wood from the Qusam ibn Abbas Complex» (The Old carved wood from the complex of Qusam b. 'Abbas, SZ), in «The Arts of the Architects of Uzbekistan», the Academy of Science of the Uzbek SSR (Academy of Sciences) UzbekSSR, Institute of Arts Science, Tashkent, 1, 1962, 167-78; V.A. Shishkin, Inscriptions in Shahizinda Ensemble (Inscriptions in the Ensemble Shah-i Zindeh), in «The Architecture of Uzbekistan» 2, 1970, 67.

28. See the outlay in Nemtseva /Shvab (1979) 30, fig. 28.

29. As far as I know it was published only in a small cross-section in V.N. Tsazipkin «The Architecture of Central Asia», Moscow 1948, 81, pic. 55.

30. V.A. Shishkin «Inscriptions in the Ensemble Shah-i Zindeh» in «The Architecture of Uzbekistan» 2, 1970, 49.

31. V.A. Shishkin «The Inscriptions in the Ensemble Shah-i Zindeh» in «The Architecture of Uzbekistan» 2, 1970, 49.

32. See Nemtseva/Shvab (1979) 105, fig. 130 (under-picture).

33. See Voyages d'Ibn Batoutah. Taxte arabem accompane d'une traduction par C. defremery et Le Dr B.R. Sabguinetti, Tome III. Paris 1949, 53. Recently published volumes 3 and 4 (H. Gibb, Ed.), The Travels of Ibn Battuta, The Hakluyt Society, Sec. Series: No CXVII. Glasgow 1958 ff. are not accessible for me at present; translation into German by K. Pander, Sowjetischer Orient (Köln 1982) 266 in reference to I.I. Umyakov, Samarkand (Tashkent 1958).

BASUNGUR-MIRZA: PATRON OF ARTS, POLITICIAN AND WARRIOR

*Prof. Dr. O. Akimushkin, Academician, Academy of Science
of Russia, Head of Department of Persia University
of Sankt-Peterburg*

1. The personality of Temur's grandson and Shahruh's (died on March 13, 1447) and Gauharshad-Aga's (killed on July 31, 1457) third son Ghiyas ad-Din Baisungur-mirza (July 15, 1397 - December 19, 1433) has not aroused any particular interest among domestic scholars studying the Oriental Middle Ages, and they have paid little attention to him in their historical studies. However, the role this energetic and talented representative of the second generation of the Temurids played in the history of Iranian culture in the first three decades of the 15th century, proved so essential that historians of classical Persian literature and Medieval culture and arts could not but notice it and turned only to this aspect of his versatile activities. Practically in all major books about Firdousi (940-920s) and his 'Shah-Name', Nizami Ganjavi (died in 1209) and his 'Hamsa', the literary legacy of Husraw Dihlavi (1253-1324) and the poets of the 'Herat Circle', his contemporaries, mention is made of Baisungur-mirza (to say nothing of the fact that in his palace he created a famous kitabhana and gathered in it a veritable constellation of outstanding artists illustrating books).

It is common knowledge that Temur (died on February 18, 1405) considered his empire as his personal or family (and partially clan) property. Therefore he linked the future of his state and the destiny of the dynasty he founded not as much with his sons as with his grandsons. Hence his close attention to questions of education and upbringing. Temur was well aware of the fact that his grandsons would have to govern state institutions based on two component structures: a) the Turkic military and feudal nomadic system with its inherent tendency toward anarchic liberty which could be held in check only by the authority of a victorious and successful ruler, and b) the settled urban and rural population (mostly Persian-speaking) bound by administrative bureaucratic Muslim traditions. Therefore Temur regarded the upbringing and education of his grandsons as a matter of state importance, and trained them from their early childhood for the role of independent and autocratic rulers. All his

grandsons were educated according to a single tradition without any exceptions, firstly, because there existed no well-adjusted system of legitimately naming in heir, and secondly, because a personal estate was ready for each grandson within the boundaries of which they had all powers.

Thanks to the rule introduced by his grandfather Temur, right after his birth Baisungur-mirza received an excellent education which combined Turkic nomadic skills and tribal traditions with the etiquette accepted at the courts of Medieval Iranian rulers. He was deft with both his pen and various arms, well-versed in poetry and horses, participated in disputes on literature and led battue hunting, wrote poetry in Persian and Turkic, led troops into battle, was a connoisseur of music and headed the 'supreme divan', was an excellent calligrapher using both the muhaqqak and suls styles, and knew miniature painting well. Regretfully, we did not have an opportunity to read correspondence which, according to some sources, conducted on these issues Ulugh Beg, Ibrahim-sultan and Baisungur-mirza. Baisungur-mirza was the most brilliant representative of the emerging new strata in Islamic culture synthesized by both Persian and Turkic ethnic structures. As you know, a result of this synthesis was the phenomenon of Herat of the late 15th-early 16th cc.

2. There is no doubting the fact that Shahrh pinned his hopes on Baisungur as his successor to the throne of the Khorasan sultanate, and the latter justified his hopes. Since early age (when he was thirteen his father appointed him his representative in Herat - ha'im-i makam-i an hazrat) Baisungur-mirza was always in the thick of life. He either accompanied his father to Herat, or was his substitute there as a ruler, or accompanied him in military campaigns, or performed various missions entrusted to him. Sources reporting his decisions and actions undertaken in this connection allows us to draw the conclusion that he was a person politically determined, courageous and purposeful, and obviously possessed the qualities of a leader and a ruler capable of understanding the motives behind people's actions and selecting able assistants. It was Baisungur-mirza who laid the organizational framework of that structure of state government which took final shape under Husain Baikara (1469-1506), that is an administrative system consisting of two levels: the 'higher divan' (divan-i a'la) headed by an amir or a bek, who dealt with the affairs (including taxation) of Turkic tribes and, consequently, the military formations, and a financial department (divan) head by a vizier (or two viziers) whose functions included supervision of the receipt of taxes from the settled population and the monitoring of fiscal activity of regional divans.

The latter was administratively subordinated to the divan-i a'la, therefore Baisungur-mirza, being the amir-i divan-i a'la, had never been a vizier. He had never been the civilian ruler of Herat either. Baisungur-mirza showed himself well as a military leader. Troops headed by him twice (in 823/1420 and 832/1429) conquered Tabriz during Shahruh's campaigns against Kara-Yusuf and Iskandar Karakojuinlu.

3. Around 823/1420 Baisungur-mirza established at his court a library-workshop which he was to considerably expand in the future. According to the standards of that time, it was established on a scale comparable with that characteristic of the deeds of Temur himself. The best artists worked in it, creating highly artistic manuscripts for their patron. Seventeen of them have survived to this day and are kept at various depositories through out the world. It is known that at the end of the 1420s five calligraphers, two miniature painters, thirteen decorators, three binders and two artists designing the patterns (tarrah), twenty five craftsmen all in all, worked there. Besides craftsmen, the kitabhana also included architects, builders and wavers. This is why in the scope of its functions the library was moor like an association of folk crafts and construction workshops (karhane).

However, sources, having paid more attention to Baisungur-mirza than to Shahruh's other son, never referred to him as the officially declared and legally recognized heir of the Khorasan sultanate. He was actually the one, since he occupied the highest posts in the state administration and the army after his father and was his second 'ego'. Undoubtedly, as a political figure, administrator, military leader and patron of arts Baisungur-mirza deserved as much (if not more) attention as Ulugh Beg who was widely known for his achievements in astronomy and mathematics. It is to be regretted that V.V. Bartold who devoted two brilliant books to Ulugh Beg and Alisher Navoi, paid no attention to Baisungur-mirza.

INTERPRETATION OF THE CHARACTER OF AMIR TEMUR-TAMERLAINE: TRUTH AND ARTISTRY

*Prof. Dr. Tokhtasin Gafurbekov, Director, Institute
of Arts Studies, Tashkent*

It was in antiquity, many centuries before Temurbek's time, that the phrase "Lux viene dell' Oriente" was first pronounced in the very heart of the European civilization - ancient Rome.

It is hard to say to whom it belonged but its wisdom and truthfulness proved prophetic because almost all the subsequent development of European culture, arts and poetry was connected with the East in one way or another.

The historical justice of the ancient Roman formula is rather substantially, by specific, artistically convincing phenomena confirmed today, at the turn of the century, by the preceding two millennia. At the beginning of the 20th century composer Igor Stravinsky, one of the pillars of contemporary music, pronounced the same phrase, "Light comes from the East", as a way out of the crisis of European music. Following him, in France the exquisite Claude Debussy found in the Indonesian gamelan a refreshing spirit of impressionism, Olivier Messiaen found in Indian rhythms one of the three main components of his music, and Pierre Boulez, the founder of aleatorics, saw in Oriental music a chance for stylistic renewal. It was only after turning to traditional Oriental music, poetry and religion that Ottorino Respighi and Luigi Nono in Italy, Gustav Mahler in Austria, Karol Szymanowski in Poland, and Benjamin Britten and Greenfield Sadoski in Great Britain were able to make a dramatic turn in their creative search.

Let us go back to the source of this process (there is no doubt that it was a process) because it was at its beginning that European composers made their first attempts to create the image of the outstanding Temur, or rather Tamerlane to Europeans - the ruler of a remote country and the leader of a powerful army which liberated not only Central Asia but also European states.

It should be mentioned in passing that to-date the study of this very interesting process is at the zero level both in Europe and Uzbekistan.

Initially, the image of our outstanding predecessor was addressed by Italian and German composers. Let us take representatives of the well-known opera school of the Naples. The trailblazer, and a most worthy one, was an outstanding opera-serial (and opera-buff) composer Alessandro Scarlatti (1660-1725). Among his 125 operas we find an opera-seria first staged in Rome in 1706 which was named 'Il Grande Tamerlano' ('The Great Tamerlane') by its author. It should be emphasized that Scarlatti turned to Amir Temur's image when he was at the peak of his creative work and had already created dozens of opera scores. True, while living in Rome in 1702-1708 and working as an assistant conductor (!) in the Santa Maria Maggiore church the famous composer had to write cantata-

tas, oratorios and such other pieces of music instead of operas. The very fact that the premier of the opera 'The Great Tamerlaine' was held in Rome means a lot because the opera school of the Naples headed by A. Scarlatti was a rival of the Roman school.

Another opera, this time an opera-buff, portraying Temur belongs to another representative of the opera school of Naples Leonardo Leo (1694-1744). The composer who named his opera 'Bayazet, Emperor of Turkey' (it was first staged in Naples in 1722) portrays in a typically buffoonish form both the main character - the Turkish sultan Bayazet, but also other characters including Temur. We know from available sources that this opera was one of L. Leo's most significant achievements.

Of other well-known Italian composers after Alessandro Scarlatti Amir Temur was made the main character by Niccolo Porpora (1686-1768) whose opera 'Tamerlano' was first staged in Turin in 1730. It is one of Porpora's Oriental or, to put it more exactly, exotic operas, which also include 'Vassily-Ruler of the East' (Naples, 1713), 'Camilla's Triumph' (Naples, 1740) and others.

The great A. Vivaldi whose opera 'Tamerlaine' (Verona, 1735) is one of his major works contributed to the series of Italian operas about Temur.

At the turn of the 19th century two more Italians - Antonio Sacchini (1730-1786) and Antonio Sapienza Junior (1794-1855) wrote two operas under the same name - 'Tamerlaine'. Characteristically, both of them were staged not in Italy but far outside its boundaries. Sacchini staged his opera in London, Great Britain, in 1773, while Sapienza the Junior staged his while working for Prince D.N. Sheremetiev in St. Petersburg, Russia, in 1828.

Summarizing preliminary survey of the available information we can conclude the following. In contrast to other countries where composers turned to Tamerlaine's image (France, Germany), in Italy this process was systematic which gives us grounds to speak of its continuity in the course of one and a half centuries.

In the German music the only known to us example of portraying the great Amir Temur in the genre of opera was and remains the scores of the opera 'Tamerlano' by George Friedrich Handel (1685-1759). Written to a libretto by an Italian impresario of German origin Niccolo Francesco Heim (1679-1729), this opera, a fragment of which is now performed by soloists of the Alisher Navoi Opera and Ballet Theater in Tashkent, deftly combines typical elements of an opera-seria and the so-called musical

drama masterfully written later by another German composer Christoph Willibald Glueck (1714-1787).

As for Handel's 'Tamerlano' it was written at the same time with his opera 'Julius Caesar' (1724) first shown in London on February 20. According to available information, 'Tamerlano' was completed by Handel on October 31 of that same year, but it was not staged.

When listening to Georg Handel's music, including even the most artistically convincing areas of Tamerlaine, Bayazid and other characters the following question arises: to what extent did the outstanding German composers manage to penetrate into the spirit of Oriental or, to be more exact, Turkic music? Did he aspire towards this goal?

It will be incorrect and disrespectful towards the great composer to say that he did not because, according to researchers, in his opera 'Radamisto' (1720) written prior to his opera about Temur he tried to imitate Frakian and Armenian music, and in 'Julius Caesar' - Egyptian folk music.

A preliminary analysis of the scores (published in 1876) and the clavier (prepared by Herman Rotth and published by Breikopf and Hartel) has exposed a number of episodes (29 all in all: 9 in Act 1, 10 in Act 2 and 10 in Act 3) typical of the Viennese classical school of 'janissary' musical elements European listeners used to associate not only with Turkish military music but also with the entire Oriental music, which was rather exotic for them.

It is in this spirit that Tamerlaine's second aria in G-minor (c cembalo) in the 4th episode of Act 1 is done. A quick interchange in the parts of the main character and the orchestra, extended seconds, and repeated descending passages from Step 3 to Step 7 - all of this later became characteristic of 'Turkish' and 'Persian' opuses, especially marches, of many European composers including Johann Strauss, Junior.

However, in general Handel portrays Tamerlaine as a kind of a pompous hero, this image being very widely represented in both opera-seria and opera-buff.

Naturally, one cannot demand much from an opera written 324 years after the events it portrays had taken place (that is the year 1400 according to the authors of the libretto and the music), especially an opera by a German composer about some 'Tatar khan' as he is called in the list of characters. Therefore we should understand why Amir Temur sings in a voice - alto- which cannot belong to a 64-year ruler and forgive other

deviations from historical truth. Hence the romanticism and hyperbolization of the love affairs of the main character.

Evidently, Herman Rotth realized it very well when in 1925 he was preparing for publication the opera's clavier, so he gave its name not as 'Tamerlano' but 'Tamerlaine', transposed the voice of the main character from the high alto to the noble bass-baritone, and cut out some episodes from the general texture of the original.

If in Germany, the native land of the great Handel, they made dramatic changes in an almost unknown opera half a century ago when the name of Amir Temur was almost unknown too, then now, at the time of revival of this music as well as the name and historical truth about Temur and the Temurids not only in Uzbekistan but also the world over, we should listen more attentively to that music and, what is most important, to take a professional approach to the music by Italian, French and other composers written both before and after the aforementioned opera about our immortal ancestor.

ROUND-TABLE: RULER AMIR TEMUR - THE LESSONS AND IMPORTANCE FOR MODERN CENTRAL ASIA

Mr. Wolfgang Schreiber, regional representative for the Konrad Adenauer Foundation, said that the symposium identified two principal objects of examination, namely, Amir Temur's personality and its importance for the present-day independent Uzbekistan. In many respects Amir Temur remains a 'stranger' to Europeans and needs a thorough and systematic study of historical sources.

Amir Temur was a ruler who deftly governed a vast state, was concerned with the welfare of his citizens and strictly observed laws. Centuries have passed but the geopolitical goals of the East and the West have remained the same. Amir Temur's experience in solving political, economic and social problems should be used actively by present-day Central Asian states.

After the collapse of an atheist regime inter-relation between ethics, morality and religion requires comprehension. Western democracy cannot serve as an example to Uzbekistan, this country should look for its own ideals and strive to attain them. From this viewpoint it may prove very useful to turn to historical examples.

Prof. Dr. Jurgen Paul drew attention to the fact that the notion of justice was of great importance to Amir Temur. According to him, a ruler should possess this moral category. If a ruler does not follow the laws of justice he cannot govern a country. In Europe contractual relations between landlord and vassal, king and cities have been developing since the Middle Ages. Both the king and the landlord obeyed laws that were not created by them. With such an approach justice becomes not a quality of the ruler but a state institute. The present-day Central Asian states should distinguish between the notion of justice as the quality of a leader and as a political program of a law-governed state. In the second notion of justice personality recedes into the background.

Prof. Dr. A. Akhmedov, returning to the assessment of Amir Temur's personality, suggested that we should compare sources rather than trust one of them. For instance, de Claviho described Amir Temur before his Chinese campaign as an old and senile man, while Ibn Arabshah assessed his condition at the same time as cheerful. Evidently, it was in Amir Temur's interests to appear ill before a major campaign. Here is another example. After Amir Temur's grave was uncovered in 1941 researchers came to the conclusion that his right arm and leg had withered. But it is known from other sources that Amir Temur went to the mountains until he was 60 years old, and it was only at the end of his life that he was carried on a sedan chair. His wounded right arm and leg did not prevent him from shooting from a bow with perfect accuracy ten years later. It was said that two fingers on Amir Temur's right hand lacked their last phalanxes but he was able to hold a saber until his last days.

There are also explanations of Amir Temur's cruelty. The most vivid example is extermination of residents of Isfahan. When describing that event, authors often forget that the city surrendered without battle, and its residents promised to give Amir Temur's army bread and wheat. Three and a half thousand unarmed soldiers entered the city where they were killed. Its residents, instigated by agents provocateur participated in the massacre actively. Amir Temur retaliated against the death of his warriors mercilessly. In many cases cruelty was caused by the desire of military leaders to revenge on the defeated enemy. The execution of several thousand prisoners-of-war in Delhi was carried out on at the insistence of the emirs. Cruelty was typical of that time. Arabs who besieged Samarkand paid 10 dinars for each head of a city resident. About ten thousand Turks and Sogdians were massacred.

Prof. Dr. Nagel spoke of how Amir Temur understood cruelty. To him the entire world was divided into a community of peace (countries that submitted to him) and a community of enemies, and he thought he had the right to be cruel to the latter since they had no rights. Amir Temur dreamt of making the entire world a community subordinate to him.

Dr. A. Berdimuradov said that when speaking about Amir Temur's numerous military campaigns their reasons should not be forgotten. For instance, the campaigns against Tokhtamysh and Bayazed were caused by their aggressiveness and hostile plans, and his campaigns into Iran were carried out according to the desire of the people of that country.

Prof. Dr. K. Saidov noted that reports by western scholars gave good food for thought. Scholars in Uzbekistan are striving to create an objective image of Amir Temur. His progressive achievements evoke a great interest. Too much was said about him in the past. However, we are not inclined to idealize anyone. While the British Ambassador is familiar only with negative information about Amir Temur, a lot of complimentary assessments can be quoted here. However, both approaches are erroneous. An outstanding historical personality should be assessed from the viewpoint of historical truth, with due regard for the realities of that time.

Dr. A. Ziyayev, Candidate of History, spoke of the ethnic aspect. At the time of Amir Temur an active process of Turkization of the region was taking place. Turks had lived in Mowarounnahr since ancient times. Their tribes occupied vast spaces and roamed from one place to another, but there was also a settled part among them. The Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences of Uzbekistan is working on the ethnic history of the region.

Returning to the necessity of objective assessment of Amir Temur's personality, I would like to call scholars once again to use different sources. There is no sense in riveting attention to Amir Temur's cruelty because this was done by all. Let us recall the siege of Samarkand by Chernyayev. No one knows what would have become of the city's ancient monuments if aircraft had existed at that time.

The people of Uzbekistan are proud of their great predecessor, it gives us the strength to build a new and just society. Leaning on history, tradition and international experience one can attain a cherished goal.

Prof. Dr. G. Akhmedjanov disagreed with the opinion of those westerners who regard Amir Temur merely as a conqueror. Not a single state

has a history without conquests. In the United States the lands of Red Indians were seized while indigenous population was gradually moved to reservations. Bismarck united Germany with the help of military action. Napoleon went down in history as a conqueror of countries and nations. The main thing in the assessment of a historical personality is its mentality, goals and positive achievements. Amir Temur's principal merit is the formation of a vast centralized state.

Sometimes there arises the question of why Amir Temur did not conquer Russia or European countries. Evidently, in those countries he encountered a different mentality that impeded the establishment of contacts. Amir Temur resorted not solely to crude force, he always established contacts with the countries that fell within the sphere of his interests.

Statements to the effect that Amir Temur was illiterate are groundless. In the East illiteracy was regarded as immorality.

Prof. Dr. T. Shirinov expressed apprehension that Central Asian scholars may develop a tendency towards extolling Amir Temur. It is hard to agree that Amir Temur was always right and all his campaigns were prompted only by the desire to protect the country. Liberation wars and conquest of other countries' territories are different things. Extremes in assessments should be avoided.

The main thing in Amir Temur is his creative activity. The flourishing of culture and science, city construction and a wise social policy - it is these things and not wars that Amir Temur's descendants are proud of.

Prof. Dr. F. Suleimanova expressing her agreement with the aforesaid opinion noted that Amir Temur's time was characterized by a flourishing of arts, science and architecture. Highly artistic and wonderfully decorated books were created at that time. Craftsmen and artists were brought to Samarkand from everywhere. Prior to Amir Temur literature was predominantly Arabic or Persian. The development of poetry at the time of Amir Temur produced the genius of Alisher Navoi.

Dr. Andrea Schmitz suggested that the gathering move from the assessment of a specific personality to the analysis of the social situation that produced the phenomenon of Amir Temur.

Wolfgang Schreiber, regional representative of the Konrad Adenauer Foundation, supported this idea. It is not psychoanalysis but general conclusions that are interesting. An attempt should be made to answer the question what elements from the experience of the great empire could be

used today, what ideas regarding social policy or forms of relationship between the state and neighborhoods can be used today.

At the time of Amir Temur it was hard to define the nationality of his subjects exactly. So his legacy belongs to all nations living in the region. A historical personality of this magnitude cannot be confined within the boundaries of the culture of only one nation. For instance, Karl the Great was German by nationality but he was the King of France. As far as historical figures who went down in world history are concerned, the question of their nationality is not a matter of principle.

Amir Temur was not a democrat in the contemporary meaning of this word. In the present-day Uzbekistan there exists a multiparty system, and both the President and the Government can be changed. Amir Temur was never elected to his throne. Once gaining power, he never let it out of his hands. All this should be taken into consideration. The passion for the personality of only one historical figure can result in subjectivism.

Prof. Dr. K. Saidov drew attention to the fact that little was said about the economic system in Amir Temur's empire while property of clans was the main reason for the collapse of the state after Amir Temur's death. Actually, the economy of that time was based on small businesses of handicraftsmen and artisans. While economic reforms are underway in Uzbekistan, the answers to many questions should be sought in the past, in the attitude to residential neighborhoods, social policy and Amir Temur's system of government. In its practices the Government of Uzbekistan should make better use of the experience accumulated by our predecessors.

Prof. Dr. Tilman Nagel warned against a simplified approach to this issue. History does not give answers to present-day questions. An understanding of the logic of Amir Temur's thinking and his methods of solving economic problems can be useful for any politician but this information should not be used as a guide to action.

Academician Yu. Buryakov pointed out that objectivity in assessing Amir Temur's personality can only be achieved through a systematic analysis of both written and oral sources and that the epoch in general as well as through the study of the results of archaeological excavations which would be good to conduct jointly with western scholars.

Amir Temur was a wise politician, he deftly combined the interests of the nomadic and settled population, of Moslems and pagans. He saved cities from pillage and plunder and restored trade roads.

Dr. A. Abdurazakov proposed that western scholars, with the assistance of the international community, take part in restoring ancient architectural monuments in Samarkand and other cities associated with Amir Temur's name.

Prof. Dr. K. Saidov asked Academician O. Akimushkin to tell the gathering what Russian specialists on Oriental studies were working on.

Academician O. Akimushkin said that a Department of Central Asian History was functioning at the St. Petersburg Institute of Oriental Studies, a relevant chair had been established at the University, and manuscripts and scientific works are published annually. Academician O. Akimushkin officially invited his Uzbek colleagues to take part in the preparation of books and collections of scientific works for publication.

Wolfgang Schreiber, regional representative of the Konrad Adenauer Foundation, pointed out that the symposium was helping restore old and establish new contacts, and expressed satisfaction with it.

Prof. Dr. M. Khalbekov turning to Amir Temur's image in western literature, enumerated outstanding writers who wrote books about him (Racine, Voltaire, Goete, Edgar Poe). He also spoke about a serious study of Amir Temur's correspondence with West European kings. To continue this work, it was proposed to set up sector for studying sources to analyze works in English, German and French.

| Prof. Dr. M. Abramov drew attention of the gathering to the need for financing for the publication of original sources. It was suggested that conferences on the time of Amir Temur and the Temurids be held regularly.

Dr. Ulrich Vogt noted the great difference between the assessment of Amir Temur's personality and his time by Uzbek and European researchers as well as the desire of the participants in the symposium to respect the opinion of others. He asked a question about the existence of human rights in Uzbekistan and the possibility for an individual to be confident in the fact that his liberties and vital interests will be protected.

Answering the question, Prof. Dr. A. Akhmedov reminded those gathered of the fact that Uzbekistan is building a law-governed state and is working towards observing human rights in compliance with world standards.

Dr. Colin Duerkop noted that Amir Temur's personality is of great importance for the national consciousness of the Uzbek people. It is important to think how his legacy would be studied after the symposium. It was proposed, jointly with German companies working in Uzbekistan, to

institute scholarships for researchers studying Amir Temur's epoch, life and activity.

K. Shadiev, Candidate of History representing the Amir Temur Foundation, said that such a scholarship would be instituted by the Government of Uzbekistan, and prizes for the best books about Amir Temur will be awarded.

The opening of the museum of the Temurids, anniversary festivities to be held in October, the establishment of branches of the Amir Temur Foundation in all provinces of the Republic and in Pakistan as well as symposiums and conferences will help create a truthful image of our outstanding predecessor.

CONCLUSION

Wolfgang Schreiber, regional representative of the Konrad Adenauer Foundation, pointed out that Uzbek scholars assess Amir Temur's personality not only as researchers but also as citizens. A prominent military historian Karl Clausewitz quite justly noted that there is nothing more important in life than a firm stand from the point of view of which things and events should be assessed. A person should stick to this stand in all vitally important situations. One can understand the essence of phenomena in their unity and avoid contradictions only if he has a firm stand.

A war is always violence, and only the law can regulate relations between people. Any historical phenomenon should be correctly assessed and lessons from it learnt.

Our discussion permitted to compare different points of view and select everything reasonable and productive. The participants in the symposium displayed goodwill permitting further contacts.

The Mayor of Samarkand Aziz Nasyrov expressed satisfaction over the results of the symposium. All those wishing had a possibility to express their opinion. There was no pressure nor attempts to set the boundaries. A serious study of Amir Temur's epoch started only 5 years ago. Much is still unknown, and much has been either concealed or distorted. The leaders of Uzbekistan supported the idea of holding this symposium. Its purpose has been attained - we have enriched ourselves with knowledge and had a possibility of comparing different viewpoints and understand the personality and achievements of the great creator Amir Temur better.

RESOLUTION

1. From September 27 to 29, 1996, the city of Samarkand hosted an international symposium on "Amir Temur: An Assessment of His Role in Contemporary History and His Significance for Uzbekistan in Search of Its National Identity" arranged by the Samarkand Khokimiat, the Konrad Adenauer Foundation and the International Amir Temur Foundation.

2. The symposium was attended by scholars from Uzbekistan, Germany, Great Britain, France and other countries who contributed greatly to an objective scientific assessment of Amir Temur's personality and his role in History.

3. The participants in the symposium pointed out at Amir Temur's merits in securing the independent development of the Uzbek nation, the formation of their statehood, unification of the region and establishment of trade and economic ties both in Central Asia and outside its boundaries.

4. Special emphasis was laid on the fact that Amir Temur's activity had brought about a revival of culture and science in the land of ancient Turkestan. His rule was an epoch of Renaissance which can be called the 'Temurid Renaissance'.

5. The participants in the symposium were unanimous in the opinion that despite certain differences natural for scientific research it was necessary to continue a thorough and comprehensive study of the epoch of Amir Temur and the Temurids on the basis of manuscripts and other literature. In doing so one should take into consideration the socio-economic issues of that time. Special scholarships will be arranged.

6. The speakers noted that the study, protection and restoration of historical and cultural monuments of the time of Amir Temur and the Temurids was a continuous process and would require the efforts and potential of the international community.

Редактор: к.п.н. доц. Решетаров А.А.
Перевод: к.ф.н. доц. Баклишкая Д.В.
Осипов С.
Кадырова Л.

Компьютерная
верстка: Кадыров Х.

Оригинал-макет подготовлен Издательским домом
“Мир экономики и права”
пл. Мустакиллик, 2.

Подписано в печать 9.12.97 г.
Формат 60x90 1/16. Объем 41.5 п.л.
Заказ № 644

Отпечатано на фабрике цветной печати Государственного
комитета Республики Узбекистан по печати, 700128, Ташкент,
ул. У. Юсупова, 86.